

РАНОТЕКА

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ТУЛХУ

«АНТОЛОГИЯ»

Елена ХАЕЦКАЯ, Павел МОЛИТВИН,
Мария ГАЛИНА, Ярослав ВЕРОВ,
Владимир АРЕНЕВ и другие

FANOTEKA

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ТУЛХУ

•Антология•

Елена Хаецкая, Павел Молитвин, Мария Галина,
Ярослав Веров, Владимир Аренев и другие

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Азбука-классика»
2008

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
В 64

Оформление Антонина Калласа
Иллюстрация на обложке Боба Этглтона

**В 64 Возвращение Ктулху: Антология. — СПб.: Изда-
тельский Дом «Азбука-классика», 2008. — 576 с.
ISBN 978-5-395-00091-0**

В сборник вошли лучшие рассказы и повести отечественных авторов, использовавших в своих произведениях мифологию Говарда Филиппа Лавкрафта, одного из создателей жанров «черной фантастики» и «хоррора».

Лавкрафт не получил признания при жизни, но с годами его произведения приобретали все более широкую известность и породили новое направление в литературе, которое условно можно назвать «Ктулхианой». В разных концах света есть общества почитателей его творчества, а созданная им мифология нашла отражение во всех слоях современной культуры: литературе, музыке, кино, компьютерных, настольных и ролевых играх.

Имена Ктулху, Азатота, Шуб-Ниггурата, Ньярлатотепа и других мифологических персонажей давно стали нарицательными. Эти монстры не перестают ужасать, а порой и смешить читателей, неизменно заставляя вспомнить, что сказка — ложь, да в ней намек...

- © В. Арневе, Я. Веров, В. Владимирский, Шимун Врочек, Ю. Гаврюченков, М. Галина, С. Доброхлеб, Н. Калиниченко, В. Калашов, А. Лебедев, Б. Лисицын, П. Молитвин, В. Слюсарь, Л. Смирнов, Е. Хаецкая, Ф. Чешко, К. Шаинян, 2008
© В. Владимирский, П. Молитвин, состав, 2008
© Н. Батхен, статья, 2008
© Издательский Дом «Азбука-классика», 2008

ISBN 978-5-395-00091-0

ГОСПОДА СНОВИДЕНИЙ

Образ жуткого чудища с тысячей щупалец, дремлющего в глубинах необъятного океана, с тем чтобы в один ужасный день проснуться и поглотить все живое, давно превратился в повод для шуточек развеселых российских блоггеров. Так кровавый атаман Чапай и сухорукий параноик Сталин стали персонажами из анекдотов... хотелось бы посмотреть, кто рискнул бы расхохотаться в лицо Отцу Народов, столкнувшись с ним этак в 37-м году. Так и Ктулху — если он однажды все же проснется и явит свой темный лик из воды, нам с вами, уважаемые читатели, будет уже не до смеху. Откуда же взялось это чудовище?

Из небытия монстра вызвал Говард Филлипс Лавкрафт. Первопроходец литературы ужасов, один из великих сновидцев, тех, кто заглядывал за стену, что отделяет мир мертвых от мира живых... и не надо надеяться, будто *там* только пыль и тени. Он родился в городке Провиденс, штат Род-Айленд, в семье Уилла Скотта и Сары Филлипс Лавкрафт, в 9 часов утра 20 августа 1890 года. Когда мальчику было три года, сошел с ума его отец, когда исполнилось 29 — та же судьба постигла и мать. Говард рос вундеркиндом, в два года декламировал наизусть стихи, в три — начал читать, в пять — любимой книгой стала «1001 ночь». Мальчик грезил приключениями Синдбада и даже взял себе псевдоним Абдул Альхазред. В шесть лет Говард пишет свой первый рассказ. В восемь — начинает выпускать на домашнем гектографе «Научную газету», в одиннадцать — «Род-Айлендский журнал астрономии». Номера он распространяет между родственниками и друзьями. Начинания мальчика поддерживает дед, Уилл Ван Буррен Филлипс, богатый промышленник, масон и чудака, владелец самой обширной библиотеки в Провиденсе. Он заменил Говарду отца, он рассказывал ему на ночь страшные байки и выслушивал первые фантастические истории впечатлительного ребенка.

Слабое здоровье, нелюдимость и богатейший внутренний мир мальчика воздвигли стену между Говардом и его сверстниками. Долгие лихорадки, недели болезни наедине с собой приучили погружаться в грезы и возводить на обломках лите-

ратурных сюжетов мириады иных миров, ледяных измерений, откуда веяло холодком неизбежной кончины. Единственную надежду давали знания — точку зрения одаренного мальчика принимали во внимание взрослые люди, в пятнадцать он пишет первый «публикабельный» рассказ «Зверь в подземелье», в шестнадцать Говард уже ведет колонку по астрономии в местной газете «Воскресный Провиденс». Казалось бы, с такими способностями прямая дорога в университет штата, но череда несчастий обрушивается на юношу. Уилл Ван Буррен неожиданно умирает в 1904 году, состояние тает из-за плохого руководства делами, из роскошного особняка семья переезжает в каморку и оказывается в униженной бедности. Мать Говарда, Сара Филлипс, все глубже погружается в депрессию, она клянет сына, называет уродливым выродком и в то же время удерживает рядом с собой цепями материнской ненависти-любви. Наконец, за год до окончания средней школы юношу настигает нервный срыв. *«Постоянные головные боли, бессонница, а также общее нервное расстройство подорвали мою возможность концентрировать внимание на каком-либо предмете, что, в свою очередь, закрыло мне дорогу в колледж»,* — писал Лавкрафт спустя много лет. Еще в детстве он был склонен к приступам меланхолии, тяжелая жизнь оказалась непосильной для его тонкой натуры. Экзамены в университет Браун не удалось сдать по той же причине, и писатель всегда стыдился, что не получил высшего образования.

Тем временем начинает прорисовываться карьера — Лавкрафт до конца дней зарабатывал только литературой, хотя богатства и не нажил. С 1908 по 1913 год Говард практически не выходит из дома. Он пишет научно-популярные и полемические статьи, стихи (их охотно публикует местная пресса), составляет «Краткий курс неорганической химии», но рукопись оказывается безвозвратно утрачена при пересылке. Он продолжает занятия астрономией и от нечего делать перечитывает всю городскую прессу. Бездарные любовные истории некоего Фреда Джексона, опубликованные в журнале «Корабль», почему-то возмутили и даже разъярили Говарда. Он написал ироническое и ядовитое письмо в журнал, что характерно — написано оно было в стихах. Редактор, почуяв выгодное дельце, напечатал памфлет, поклонники Джексона тут же вступились за любимого автора. Завязалась жаркая баталия, тиражи журнала немедленно возросли. На молодого автора

обратил внимание Эдвард Ф. Даас, президент Объединенной ассоциации писателей-любителей (Ю-эй-пи-эй). Он предложил Лавкрафту вступить в нестройные ряды самостоятельных литераторов, и это оказалось спасением, разрушило скорлупу мучительного одиночества.

«В 1914-м, когда добрая рука любительства была протянута мне, я был так близок к состоянию растительной жизни, как только может быть близко к этому состоянию любое животное... С приходом в мою жизнь „Юнайтед“ я возродился к жизни; получил обновленное чувство существования вместо ощущения себя излишним бременем и нашел сферу, в которой я мог чувствовать, что мои усилия не абсолютно бессмысленны. В первый раз я осознал, что мои неуклюжие шаги на ощупь в искусстве были чем-то немного большим, чем слабыми криками, потерянными в мире, который меня не слушает» — так сказал об этом сам Лавкрафт. В самом деле, роль Ассоциации в жизни писателя оказалась весьма значительна. Он отыскал круг единомышленников, которым было интересно и важно творчество. Его хвалили, обсуждали и активно публиковали. Памятуя о детских опытах, Лавкрафт с 1915 года сам выпускает фэнзип «The Conservative». И спустя два года пишет первые два «рассказа ужасов» в том стиле, который впоследствии станет визитной карточкой писателя. «Склеп» и «Дагон» — оба текста уводят читателей в мрачные, сумрачные миры, населенные жуткими тварями. Ощущением иррационального страха они переключаются с произведениями Эдгара По — основателя жанра «хоррор» и одного из любимых писателей Лавкрафта.

В 1917 году Америка вступает в Первую мировую войну. Лавкрафт пробует записаться на фронт добровольцем, но его останавливает медкомиссия — врачи почему-то решают, что такие солдаты родине не нужны. В 1919 году у матери Лавкрафта случается первый приступ душевной болезни, Сару Филлипс помещают в ту же клинику, где двадцать лет назад скончался ее муж. До последних дней она пишет сыну, то заверяя его в любви, то проклиная. И в 1921 году умирает от неудачной операции на желчном пузыре. Говард тяжело переживает потерю матери — много лет она была единственным близким человеком. Но теперь он ощущает себя свободным от противоестественных, чуть ли не кровосмесительных уз, связывавших его с матерью.

В начале июля 1921 года Лавкрафт едет на конференцию журналистов-любителей в Бостон, где встречает Соню Грин, еврейку из России, писательницу и владелицу шляпного магазинчика в Бруклине. Она была старше Говарда на семь лет, но взаимной страсти это не помешало. Лавкрафт навещал Соню, они писали друг другу в журналы, обменивались мнениями и сюжетами будущих произведений и в итоге в 1924 году поженились. Своих тетушек, сестер матери, Говард на свадьбу не пригласил, полагая, что брак родовитого и когда-то хорошо обеспеченного WASP и еврейской торговки придется им не по душе. Молодые переезжают в Бруклин, их будущее кажется безоблачным — статьи Лавкрафта охотно публикуют, рассказы берут в журнал «Странные сказки» (*Weird Tales*), магазинчик Сони тоже приносит ощутимый доход. Но не иначе какой-то демон из тех, что витали в воображении писателя, решил, что белая полоса длится слишком долго. Шляпная лавочка Сони разорилась, Лавкрафта уволили из журнала. Он тщетно пытался найти работу — в приличные издания Нью-Йорка журналиста с небольшим опытом публикаций в провинциальной прессе не брали, а ничего другого Говард не умел. От череды несчастий душевное здоровье Сони пошатнулось, она попала в психиатрическую клинику, но, по счастью, пробыла там недолго.

В январе 1925 года Соня уехала в Кливленд искать работу, Лавкрафт же поселился в однокомнатной квартирке в нищем районе Нью-Йорка, Ред-Хук. У него много приятелей и читателей среди литературной богемы, но ощущение одиночества становится все сильнее — шумный Нью-Йорк будит в Говарде ностальгию по милому Провиденсу, где он был уважаемым гражданином. Рассказы Лавкрафта становятся все более мрачными и мизантропическими. Единственным значимым событием этого периода стала встреча с отцом жанра «фэнтези» лордом Дансеи. Его «Боги Пеганы» задали «поле игры» для целого поколения авторов. Тем паче что богатый красавец аристократ был тем человеком, на которого Лавкрафту хотелось бы походить. Наконец, устав толкаться среди «иностранцев» (Говарду были свойственны не только агорафобия, но и ксенофобия), писатель возвращается в Провиденс и селится в доме у своих тетей, миссис Кларк и миссис Гэмбелл. Выбор квартиры стоил ему жены — когда Соня захотела приехать в Провиденс к мужу, тетушки категорически воспротивились, а

Лавкрафт не стал вмешиваться. В итоге брак дал трещину и в 1929 году супруги подали на развод.

1926—1936 годы стали самыми плодотворными в жизни писателя. По возвращении в Провиденс Лавкрафт начинает активную переписку с коллегами-литераторами. Он сотрудничает с Говардом, автором «Конана-Варвара» и первым создателем достоверных фэнтезийных миров. Он наставляет Фрица Лейбера и Роберта Блоха, будущих корифеев фэнтези. Он много путешествует — Квебек, Новая Англия, Филадельфия, старый добрый Чарльстон. Он востребован и окружен друзьями, его уважают, активно печатают... Правда, рассказы берут в основном фэнзины и местные журналы — до конца дней Лавкрафту не удалось выпустить ни одной книги. Успех не замедлил отразиться на литературной работе — на свет появляются «Зов Ктулху», «В горах безумия», «Тень времен» — эти вещи считаются вершиной творчества писателя.

Настало время задаться вопросом — в чем же состоит изюминка творчества «Императора Иллюзий», чем его рассказы притягивают читателей? Лавкрафт с детства танцевал на грани безумия, словно фокусник на канате, он делил мир на две половины — реальность Правой руки, наш мир, и реальностьлевой руки — ту Бездну, где прячется смерть, царят демоны и странные боги давно ушедших народов подносят к губам золотые чаши с человеческой кровью. Писатель не дает объяснений, не требует логики, он, словно Ктулху, спит, грезит и выплескивает на бумагу свои видения. Он раскрывает словарь «хоррора» и достает клише: «ужасный», «древний», «безумный» «боль», «страдание», «смерть», «Старые Боги». Сила этих слов известна даже нынешним экстрасенсам — публикуя объявление об оккультных услугах, они непременно воспользуются джентльменским набором фантаста. Но для Лавкрафта это лишь камешки мостовой, основа, которую он раскрашивает всеми цветами мрачной фантазии. Говард писал, отталкиваясь от воспоминаний о кошмарах, посещавших его во время одиноких скитаний по пустынным дорогам вокруг Провиденса. Он любил заносить на бумагу и перерабатывать в тексты свои сновидения: *«Мой собственный опыт не позволяет мне усомниться в том, что человек, во время сна утратив свои земные ощущения, на самом деле переносится в иную бестелесную жизнь, природа которой существенно отличается от той жизни, которая нам известна, и только смутные и весьма не-*

ясные воспоминания остаются в памяти после пробуждения». И ужас Лавкрафта притягателен именно потому, что знаком каждому, он родом из страны детских кошмаров, мы помним, каково это — лететь, сорвавшись, в бесконечный темный колодец, и тщетно пытаться вырваться из сновидения.

Знаменитый «Некрономикон» Лавкрафта — тоже дань детству. Безумный поэт Альхарезд, как вы помните, — мальчишеский псевдоним Говарда. Грозные божества — наследие арабской культуры, 1001 ночи, горячечных грез восточной поэзии и жутковатого пантеона древних египтян. Автор пользуется именами, освященными пылью древности, чтобы придать своим фантазиям плоть, сделать их весомыми. «Как вы Ктулху назовете, так оно и поплывет...» Кстати, этот вопрос поднимался в исследованиях творчества Александра Грина. Если бы Гарвеев, Ассолей и Дэзи заменить на Григориев, Настенек и Васяток, текст бы выпвел, потерял свою «невзаправдашность» — а поверить в чудо на соседней улице куда труднее, чем в целый мир чудес. А еще Лавкрафт и Грин были похожи — оба высокие, сухопарые и некрасивые, с лицами, скомканными жизнью. И только глаза выдавали их. *«Его взгляд был на редкость теплым и дружелюбным и никогда не терял заинтересованности ко всему происходящему вокруг»,* — писали о Лавкрафте. *«То был горестно-проницательный взгляд художника, наделенного гениальной интуицией, и человека, уже много повидавшего»,* — вспоминали о Грине.

В последние годы жизни удача снова отвернулась от писателя. Его зрелые рассказы оказались слишком сложны для публики, пришлось вернуться к черновой журналистской работе. В 1932 году умирает любимая тетя Лавкрафта, миссис Кларк, вместе со второй тетей он переезжает в убогое, бедное жилище, и это угнетает писателя. В 1936 году кончает с собой Роберт Говард, один из самых близких друзей. Его смерть ввергла Лавкрафта в депрессию, к тому же выяснилось, что он неизлечимо болен. Рак кишечника — неприятная штука. И в наши дни вопрос о прогнозе оказался бы сложен, а в то время шансов не оставалось. Зимой 1936/37 года Лавкрафт мучается от болей и нарастающего истощения, у него не хватает денег ни на лекарства, ни на диетическое питание. 10 марта 1937 года он попадает в больницу имени Джейн Браун, где и умирает спустя пять дней. Хотелось было написать «отдает Богу душу», но это сомнительная истина — скорее всего беспокойный

дух Лавкрафта дремлет где-нибудь в Марракотовой бездне, рядом с безымянным и нелюдимым морским чудовищем...

Ученики писателя Август Дерлет и Дональд Уондрей решили почтить память наставника и выпустили первую книгу его рассказов в твердой обложке. Сборник назывался «Аутсайдер и другие рассказы» и неожиданно встретил теплый прием у читающей публики. Прошло каких-нибудь двадцать лет, и фантастика вошла в моду, ее стали почитать и ценить наравне с «серьезной» классической литературой. Произведения автора находили все больше поклонников и последователей. Основатели жанра «романа галлюцинации» и «готического романа», адепты «потока сознания» и рядовые любители ужасиков смаковали и до сих пор смакуют чистилище и преисподнюю миров Лавкрафта.

Сборник «Возвращение Ктулху» состоит из произведений писателей, в чьих работах заунывный голос чудовища встретил отклик. Для одних древний монстр стал поводом для насмешки, другие всколыхнули трясину первобытного страха и создали ремейки, по качеству не уступающие оригиналу, третьим удалось адаптировать чудище среди петербургских реалий, а для кого-то имя Ктулху оказалось лишь точкой опоры в океане безудержной фантазии. Часть вещей написана в стиле ретро, воссоздавая тени былого. Серый туман и кладбищенский холод — вот та атмосфера, в которую вам предстоит погрузиться, уважаемые читатели. Редкие искры черного юмора только подчеркнут мрак истинного хоррора.

Герой рассказа Карины Шайнян — латиноамериканский учитель, невольный убийца своей ученицы. Спасаясь от мук совести, он едет учить индейских детишек в глухую деревню посреди джунглей. Находит там нищету, опухшего от пьянства священника и странных монахинь, верящих одновременно в коммунизм и древних индейских богов. И вскоре понимает, что стал игрушкой судьбы, маленькой щепкой в бурных водах королевы рек Амазонки. Чем дальше, тем больше повествование теряет логику, превращается в закрученный по спирали лихорадочный сон, учитель пробует проснуться... и финал рассказа с точностью до запятой ложится в законы жанра.

«Дагор» Марии Галиной, пожалуй, самое «каноническое» произведение в сборнике. Великоленная стилизация под «ужастики» прошлого и даже позапрошлого веков, переключка

не только с Лавкрафтом, но и с Эдгаром По, и с Хаттардом, и даже с Агатой Кристи. Черная Африка, маленькая больничка белого миссионера, таинственный пациент, к которому отказываются подходить санитары-негры, сладковатый, липкий вкус смерти... Демон, перед которым бессильны и распятие, и молитва, и святая вода. Искушение отыскать, встретить — затерянный город, несметные сокровища, истинную любовь, блаженство настоящего брака, в котором нет одиночества. Хитрый дьявол подбирает для каждого отравленную пилюлю, а затем «один из них утоп, ему купили гроб». Сюжет идет по накатанной траектории, но небанальный финал отличает повесть от классических европейских страшилок, до последней страницы читатель даже не представляет, чем закончится дело.

«На Васильевский остров я приду умирать». Ужас струится по жилам стылой неводской водой, когда понимаешь, что в Петербург явилась «Царица вод и осьминогов». Елена Хаецкая сумела адаптировать Ктулху к российской реальности так адекватно, что волей-неволей верится — не Лавкрафт создал чудище, а оно само вылупилось из бездонных петербургских болот. Жутковатая реальность слишком похожа на правду — мало кто из петербуржцев никогда не встречался с теньями на улицах города, мало кто не верит — на самом деле есть и второй, невидимый обычному взору город. И что бы ни говорил главный герой, никакие инопланетяне тут не при чем — это всего лишь серый туман порождает безудержные галлюцинации — кому страсти, кому спасение, кому и конец мира — бысть Петербургу пусту. Тени города видели Достоевский и Грин, Шефнер и Логинов. И Елене Хаецкой удалось «талантливо грезить» — если повесть Галиной ближе всего к Лавкрафту «по букве», то «Царица вод и осьминогов» написана полностью в духе Императора Иллюзий.

Вместе с героями Шимуна Врочека мы садимся в подводную лодку и опускаемся на дно моря. Траурная тень «Курска» словно бы закрывает за нами люк. Из ниоткуда, как заезженная пластинка, повторяется и повторяется песня:

*Весенние ветры умчались куда-то,
Но ты не спеши, подожди-и,
Ты только одна-а, одна виновата,
Что так беспокойно в груди-и.*

Советским морякам не положено верить во всякое мракобесие, никаких суеверий, особенно на атомной подводной лодке. Им хватает естественных причин для беспокойства: текут котлы, погнули перископ, у найденных в затонувшем батискафе мертвых коллег — совершенно живые лица, даром что трупы пролежали семь лет под водой. И какой бы страшный приказ ни стоял перед ними — «на то мы и советские моряки».

«Больничный аист» Николая Калиниченко — одна из самых неоднозначных вещей в сборнике. Для прямолинейного «хоррора» она слишком фантастична, философична и поэтична. И читается словно сказка — в духе Андерсена, Гофмана или Петрушевской. Автор раскрывает подоплеку присловья «детишек приносят аисты» — вот вы когда-нибудь задумывались, почему именно аисты? А Николаю удалось найти настолько правдоподобную разгадку этой тайны, что мороз пробирает — а вдруг меня тоже слепили из глины синие обезьяны и однажды большая птица постучится клювом в стекло, дабы забрать меня в родное болото...

Необычное блюдо приготовил для читателей Владимир Аренев. Рассказ «Вкус знаний» придется особенно по вкусу, простите за каламбур, студентам и их наставникам. Вещь саркастическая, сатирическая и ядовитая, написанная слишком издевательски, чтобы читаться серьезно, и слишком хорошо, чтобы быть анекдотом. ...Всем правителям, даже Темным Властелинам, время от времени нужны образованные люди, хоть с какими-то знаниями в голове... как вы думаете, ЗАЧЕМ?

И наконец, миниатюра Василия Владимирского «Второй шанс» с вероятностью содержит в себе изящную разгадку, ради чего был затеян этот сборник. Мало приносить жертвы, произносить Слова на Древнем языке и до дыр зачитывать «Некрономикон». Нужно, чтобы имя Господина звучало из миллионов уст, звучало искренне, страстно и горячо... И тогда Ктулху наконец заворочается в своей бездне, под толщей вод, зашевелит щупальцами и всплывет на поверхность, чтобы сказать Земле: «Доброе утро!» Хотите увидеть древнее чудовище воочию — читайте сборник, читайте внимательно... Ктулху и Лавкрафт слушают вас!

...Раз за разом литературные критики и деятели культуры задаются вопросом: «а зачем вообще нужна литература ужа-

сов?» Неужели в нашем мире недостаточно крови,* страха и слез? Террористы, цунами, эпидемии, новый дефолт — и никакого Ктулху не трэба, люди сами завернутся в саваны и расползутся по кладбищам... Исследователи детских сказок, страшилок и историй «про черную руку» говорят однозначно — «черные» байки с пугалками — замечательный способ адаптировать подрастающего человека к реальной жизни. Прохождение сквозь придуманный страх освобождает от настоящего страха, погружение в чужие кошмарные сны позволяет спокойней относиться к собственным «скелетам в шкафу». Больше всего людей пугает неизвестность, та бездна, что открывается после смерти. Гениальные сновидцы и творцы ужасов прокладывают по неизвестности тропы, провешивают мосты, строят целые острова. И для страха остается все меньше места.

Хоррор — чудесный способ отключиться от частных проблем, погружаясь в чужое страдание. Бедолаге герою, у которого на груди вырос демон, в любовницах ходит суккуб, а в перспективе светит путешествие в преисподнюю, очевидно, приходится хуже, чем читателю в его уютной квартире, чистеньком офисе и даже в вагоне метро в «час пик». Козлообразная Повелительница, высасывающий душу туман, чудище с тысячей щупалец — это всего лишь хорошие сказки для плохих деток. А если история покажется слишком мрачной, буквы сами собой начнут складываться в «эш назг...», а в потолке начнет открываться портал — всегда можно успеть вовремя закрыть книжку.

СОХРАНЯЯ БУКВУ

Елена Хавцкая
ЦАРИЦА ВОД И ОСЬМИНОВ
(ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕМПЕЛЯ)

...Город принимал странный вид: дома, улицы, вывески, трубы — все было как бы сделано из кисеи, в прозрачности которой лежали странные пейзажи, мешаясь своими очертаниями с угловатостью городских линий; совершенно новая, невиданная мною местность лежала на том же месте, где город...

Широкая, туманная от голубой пыли дорога вилась поперек степи, уходя к горам, теряясь в их величавой громаде, полной лиловых теней. Неизвестные полуголые люди двигались непрерывной толпой по этой дороге; это был настоящий живой поток; скрипели обозы, караваны верблюдов, нагруженных неизвестной кладью, двигались, мотая головами, к таинственному амфитеатру гор; смуглые дети, женщины нездешней красоты, воины в странном вооружении, с золотыми украшениями в ушах и на груди, стремились, перегоняя друг друга... Толпы эти проходили сквозь город, дома, и странно было видеть, как чистенько одетые горожане, трамваи, экипажи скрещиваются с этим потоком, сливаются и расходятся, не оставляя друг на друге следов малейшего прикосновения...

А. С. Грин. Путь

С тех пор как мой приятель Андрей Иванович Гемпель бесследно пропал, прошло немало времени, но обстоятельства его исчезновения никогда не переставали меня тревожить. Гемпель, в общем-то, был человеком со странностями. Не смею утверждать, что я, будучи давним знакомцем, хорошо его знал. Полагаю, подобным не вправе похвастаться никто.

Мы вместе учились в школе, но это вовсе не значит, что я изучил его характер вдоль и поперек. Скорее, напротив. В детские годы весь мир представлялся мне совершенно ясным и не требующим никаких дальнейших исследований.

Я, например, не давал себе труда задумываться о личной жизни учительниц. С моей точки зрения, они так и появлялись на свет — в заношенных деловых костюмах и

с растрескавшимися от постоянного соприкосновения с мелом пальцами. Всё их предназначение было обучать меня химии, геометрии и другим наукам. С наступлением вечера они растворялись в небытии, чтобы утром опять возникнуть из пустоты с учебником наготове.

То же самое относилось и к одноклассникам. Эти создания, во многом похожие на меня, совершенно не требовали особого внимания с моей стороны. Ничего в них не было такого, к чему следовало бы приглядеться пристальнее. Такие же интересы, как и у меня, с незначительными вариациями, такие же проблемы, те же непонятливые родители, двойки и прочие оценки, портящие жизнь, причудливые взаимоотношения друг с другом. Их способ существования был лишь немногим сложнее, чем у учительниц; они возникали из пустоты не только на время школьных занятий, но и в любое другое, например когда мне хотелось выйти погулять, в кино или на вечеринку. Тогда я брался за телефон, нажимал на кнопки — и дело сделано, очередной одноклассник изъявлял свою готовность к скорой материализации.

Живя с подобным представлением о мире, трудно составить настоящее впечатление о каком-либо конкретном человеке.

В первые годы студенчества меня ожидало немало открытий, но по-настоящему я изменил свое отношение к жизни после неожиданного звонка Андрея Гемпеля.

Гемпель выдернул меня из МОЕГО бытия и перетащил в СВОЕ, причем сделал это так непринужденно и с такой бесцеремонностью, что я поневоле вынужден был усомниться в своем положении во вселенной в качестве пупа. Ужаснее всего оказалось, что и Гемпель таковым пупом не являлся. Центр мироздания находился где-то в совершенно ином месте, и место это было удалено от нас обоих на тысячи световых лет.

Мы встретились в кафе. Гемпель, по первому впечатлению, переменился мало. Он был высок, худ, с кудрявыми светлыми волосами, которые в детстве делали его похожим на киношного мальчика, обаятельного хулигана-шестиклассника. В его лице было очень много хрящей. Теперь, когда он

вырос и превратился во взрослого мужчину двадцати одного года, это особенно бросалось в глаза.

Нет, кое-какие перемены в его облике все же имелись. Я еще подумал: «Как много, оказывается, значат для нашей внешности волосы, прическа!» В самом деле, милые кудряшки, обрамлявшие костлявую физиономию Андрея, составляли большую часть его обаяния. Сейчас он спрятал их под шапку.

Не успел я открыть рот, чтобы поздороваться, как Гемпель меня опередил.

— А ты все такой же, — сказал он вместо приветствия. — Рад тебя видеть.

Мы поговорили о вузах, о женщинах, о перспективах заработать в самое ближайшее время, о съеме квартир, о невыгодах иметь соседа, о забавных случаях с мобильниками. Все эти темы, как я видел, не слишком-то занимают Гемпеля. Его что-то глодало. Несколько раз он как будто решался заговорить об этом, даже набирал воздуху в грудь, но останавливался в нерешительности.

Ну и что мне оставалось делать в такой ситуации? Сам пригласил, а теперь молчит. Вот я и болтал, по большей части о всякой ерунде. В частности, о своей поездке в Чехию с двумя однокурсницами. Об этой поездке я рассказывал уже в сотый раз, поэтому история, поначалу довольно забавная, сделалась скучной даже мне самому. Я пытался оживить ее, вываливая горы пикантных подробностей на свежего человека, однако чувствовал: попытка безнадежно провалилась. Гемпель почти не слушал. Он был поглощен собственной проблемой. Трогал чашку пальцами и пытался что-то высмотреть в глубинах остывающего кофе. Не передать, как такое поведение меня раздражает.

Наконец я зевнул, увял и спросил:

— Что с тобой творится? Давай выкладывай.

Он помолчал еще немного (оказалось, Гемпель умеет на удивление тягостно молчать!) и наконец высказался:

— Ну, понимаешь, я этим ни с кем не могу поделиться, кроме тебя.

— Почему? — Я почувствовал себя польщенным. Впрочем, ненадолго.

— Потому что у нас с тобой нет ничего общего, — ответил Гемпель. — Нет общих девчонок, нет общих знакомых, нет общих дел. Мы в разных вузах, наши родители не знакомы друг с другом. Вероятность того, что информация через тебя доползет до кого-нибудь, кому об этом знать не стоит, крайне мала. Разве что ты выложишь эту историю «В контакте», но надеюсь, у тебя хватит ума не делать этого.

— Да? — переспросил я, уязвленный. — Почему ты так решил?

— В противном случае я тебя убью, — просто сказал Гемпель. — С другой стороны, — продолжал он прежним, рассудительным тоном, — мы с тобой знакомы с третьего класса, так что ты можешь считаться практически родственником. Во всяком случае, тебе не будет все равно, когда я тебе кое-что о себе открою. По этим двум причинам ты был идеальным выбором.

Заметьте: именно он меня выбрал, а не я его, как происходило обычно. Вы будете считать меня законченным эгоцентриком, но такое со мной действительно произошло впервые. Если бы я знал, что меня ожидает! Та встреча действительно полностью сотрясла основы моего, прежде такого стабильного и уютного, мироздания. И началось с малости, а дальше события накручивались в геометрической прогрессии.

— Слушай, может, просто пойти выпить пива? — начал было я, но Гемпель меня даже не слышал.

Стоило ему открыть рот, как остановиться он уже не мог. Он говорил, говорил и говорил... Поначалу, слушая его излияния, я даже испугался: не слишком ли далеко он зашел в поисках смысла жизни. Выражаясь грубо, уж не перешел ли мой Гемпель с пива на наркотики.

Один наш одноклассник уже имел подобный опыт. Он живет неподалеку от меня, и мы часто встречаемся просто на улице. Как-то раз мы остановились поболтать на полчаса, и его прорвало: он был переполнен впечатлениями и жаждал с кем-нибудь поделиться. Рассказывал, что недавно с невероятной отчетливостью увидел и понял бессмысленность всего, — его это очень поразило, вот эта бесконечность пустоты, — поэтому он вскрыл себе вены и поглядел, что выйдет. Ничего путного, разумеется, не вышло, отсидел

два месяца в дурке и был теперь под сильным впечатлением от палаты для буйных, которые завывали у него над головой, поскольку размещались этажом выше. «Их легко завести — завоешь сам, они услышат и тоже начинают», — делился он откровениями.

На меня это не произвело тогда впечатления. Я подумал, что он полный псих, вот и все. Какой дурак начнет добровольно принимать наркотики! Это же зависимость, да и деньги постоянно нужны. Но выслушал с интересом и сочувствием.

Однако Гемпель был совершенно другой, и скоро уже у меня в этом не оставалось ни малейших сомнений. В том, что он видел и пережил, не наблюдалось ни малейшего признака всеохватной пустоты. Напротив. То, что он говорил, устрашало скорее своей перенасыщенностью. Вселенная, по Гемпелю, оказалась настолько избыточна, что дышать в ней было трудно, а уж передвигаться — тем более.

— Помнишь, был такой Лазарев? — начал Гемпель.

Ну, помнил я какого-то Лазарева, только смутно. Он учился с нами с пятого по восьмой класс, потом куда-то подевался. Уехал с родителями на другой конец города и там перешел в другую школу.

Оказывается, Гемпель не терял с ним связи. Они вместе ходили на авиамоделирование, ездили за город. Еще одно доказательство автономности мира: люди запросто общаются между собой, не ставя меня в известность. Нет, даже так: не ставя в известность Величайшего Меня.

Никакой я не пуп. Обидно.

— Года на полтора Лазарев куда-то подевался, — продолжал Гемпель. — А тут мы опять встретились. С этого все и началось...

РАССКАЗ АНДРЕЯ ГЕМПЕЛЯ (В КАФЕ)

Столкнулись мы с Лазарем неожиданно, в кинотеатре. После фильма он пригласил меня к себе. У него была огромная комната в коммуналке. Утверждает, что четверть бального зала, но наверняка врет. Дом собирались рассе-

лять. Впрочем, сколько я помню, этот домечно собирались расселять. Там половина квартир стояла необитаемая, и в них заползали бомжи, а потом они устраивали пожар, и их выгоняли, или они сами сгорали. Раза четыре на моей памяти было.

Чем еще характерна та квартира, так это тараканами. Но к ним уже все привыкли, даже безразличности никакой не было. Когда мы еще учились в школе, то частенько заходили к Лазарю поиграть в «Дум» или поводить на всю ночь. У него родители часто уезжали и оставляли его «на хозяйстве», как он выражался, ну и Лазарь этим пользовался. А теперь он вообще живет один. Ждет, когда ему дадут отдельную квартиру. Родители его отбыли жить в деревню, в Псковскую область. У них там родовое гнездо. Вроде как они решили возрождать вековые традиции, для чего отец занялся росписью наличников в фольклорном стиле, с птицами и солнышками, но потянул спину и угодил в областную больницу.

Лазарь сказал, что у него по пятницам собирается компания. Половина ребят знакомых, из кружка авиамоделирования, ну и еще двое или трое, кого я не знаю. Нормальные ребята. Мне понравятся.

У меня, как ты знаешь, слабость к традициям. В отличие от тебя, я хожу на встречи выпускников, например... В общем, я принял приглашение и твердо собрался прийти.

Намечалась трэш-пати, как раз в связи с фильмом, на котором мы с Лазаревым и встретились. Про вампиров-коммунистов, которые замышляют захватить мировое господство. В фильме их побеждают храбрый американский летчик и дочь советских диссидентов, которую играет какая-то американская актриска с фигурой модели и глупым личиком. Она все время пытается сделать все по-своему, а когда ее хватают вампиры, громко визжит. Этих двоих, как сказал Лазарь, мы отыгрывать не будем. Вампиры only.

Я пришел в дедушкином пиджаке с засаленными плечами. Ребята тоже вырядились в костюмы советской эпохи, кроме одного извращенца, который щеголял в белой шелковой рубашке. Словом, это были типичные советские вампиры эпохи семидесятых, когда русские воспринимались могущественной империей зла.

Компания действительно оказалась приятная. Восемь человек, включая Лазаря, и я девятый. Мы заседали за длинным столом, который собрали из табуреток и досок, у нас был графин с водой, нарзан в стеклянных бутылках, а один принес папиросы «Казбек», чудом сохранившиеся у него на антресолях.

Начали мы с хорового пения «Интернационала». Все встали и старательно вопили, кое-кто даже мелодию не врал. Лазарь загодя скачал слова из Интернета и роздал всем распечатки. Не знаю, что подумали соседи и бомжи, клубившиеся в доме. Наверное, испугались. А может, уже привыкли. Лазарь всегда чудил и частенько собирал у себя большие компании.

Упырь с внешностью секретаря парткома называл всех «товарищи» и периодически призывал к спокойствию, хотя никто особенно не буйнил. Лазарев время от времени принимался деловито строчить в блокнотике. Он был журналистом из «Правды» (о существовании в Советском Союзе других газет авторы фильма не догадывались).

На заседании рассматривали поданное мною заявление в партию (которое одновременно с тем было и прошением о принятии в клан вампиров). Это был основной сюжет предложенной Лазарем игры. Я стоял во главе стола, напротив председательствующего. Его звали Филипп Милованов. Лазарев всегда немного краснел, когда встречался с ним глазами. Это можно было отнести на счет свойственной Лазарю впечатлительности, однако другие участники тоже немного нервничали, если Филипп на них смотрел. Я познакомился с Миловановым только что и мог сказать лишь то, что он был немного старше остальных и действительно обладал тяжелым взглядом.

— Товарищ Гемпель зарекомендовал себя как активный борец, — говорил Костя Рудаков. Этого парня я знал давно, еще по кружку. Он напялил синопю тужурку невероятной зановшенности — надо думать, его дед служил где-то сторожем. — Я рекомендую обратить внимание на послужной список товарища Гемпеля. Взрыв «боинга»! — Он явно намекал на одну мою неудачную модель, которая бесславно плюхнулась на брюхо прямо в разгар соревнований. — Системати-

ческие подрывы основ порядка! Раскуривание папирос в мужском туалете! И наконец, волосы. Прошу обратить внимание на его волосы.

Именно на этой фразе лицо Милованова вдруг приобрело заинтересованное выражение, а все остальные странно оживились и задвигались. Они разглядывали меня так, словно Рудаков предложил им остричь овцу и теперь следовало прикинуть, много ли шерсти даст означенное животное и хороша ли окажется прибыль.

В первую секунду меня это возмутило, потом позабавило, я начал горячо поддерживать докладчика, приводить все новые и новые факты, доказывающие, что если не телом, то душой я совершеннейший упырь...

Но затем случилось нечто, чему ты, возможно, не поверишь, тем более что никаких внешних событий не происходило. Все вокруг меня вдруг начало изменяться. Происходило это постепенно, но довольно скоро у меня сложилось ощущение, что здесь происходит нечто неестественное. В общем-то, конечно, ничего естественного и не происходило. Чего уж там! Начало двадцать первого века, собрались на дружескую пирушку студенты оделись в потасканные дедовские пиджаки и разыгрывают на полном серьезе партийное заседание упырей.

С другой стороны посмотреть — обычная тематическая вечеринка. Сейчас таких много устраивают. Играют в гангстеров, в американских безработных (подчеркиваю: американских! в наших играть неинтересно, потому что у многих это игра пожизненная), да в кого угодно; хоть в гавайских куроводов... У меня приятель один есть, у него начальница устроила на Восьмое марта офисную «пати» в форме полета на «боинге». Эх, меня, то есть «товарища Гемпеля», рядом не оказалось, чтобы все это взорвать!

В общем, я к тому, что, с одной стороны, «советские упыри» была вечеринка как вечеринка, в порядке вещей, а с другой — очень уж все выглядело серьезно.

А главное — у меня вдруг возникла отчетливая мысль: «Живым ты отсюда не выйдешь».

Но вот Милованов смерил меня последним взглядом, выпил из стакана нарзан и молвил:

— Полагаю, товарищи, характеристика, данная товарищу Гемпелю товарищем Рудаковым, а также рекомендация такого испытанного товарища, как товарищ Лазарев, могут считаться достаточным основанием для принятия товарища Гемпеля в наши ряды с установлением обычного испытательного срока.

Все зааплодировали, а я криво улыбнулся, чувствуя себя на удивление счастливым: ну еще бы, мне оказали такое доверие! И одновременно с тем я сам себе казался полным дураком. Как-то это происходило все сразу.

Лазарев вскочил и завопил:

— Ура товарищу Милованову!

А другой, я его не знал, встал и очень серьезно предложил:

— Товарищи, я предлагаю отметить это важное событие пением «Интернационала».

Все опять стоя исполнили «Интернационал», после чего я сел вместе с остальными за стол, а Лазарев притащил водку и закуски. Все делалось в строгом соответствии с «первоисточником»: селедку подавали на газете (к сожалению, не «Правда», а «Метро» и «Мой район»), водку — в граненых стаканчиках, купленных в «Икса».

После второго тоста — «Ленин и теперь живет всех живых!» — все окончательно расслабилось. Только Милованов сидел выпрямившись во главе стола, молчаливый и, по всей видимости, трезвый и наблюдал за происходящим холодными глазами.

Лазарев совсем раскис. Он и раньше-то пить не умел, а теперь на него сильно влияли большое сборище, общее возбуждение, болтовня. Говоря коротко, Лазаря развезло. Он улегся грудью на стол и объявил:

— Непременно надо Гемпеля с Алией познакомить. Тем более что и волосы...

Он с сокрушенным видом провел рукой по собственным коротко стриженным волосам и икнул.

Кругом зашумели как-то особенно громко, и в гуле голосов слышались возгласы:

— О, Алия!

— Ну да, Алия!

— Хо-хо, Алия!

Разговор перешел на эту самую Алию, и вскорости выяснилось, что решительно все, не исключая и Милованова, были, так или иначе, в нее влюблены. Как она выглядит и где живет, я не выяснял, но спустя какое-то время пассивного плаванья по волнам бессвязного разговора мне все это и так сделалось известно.

Называли адрес на Васильевском острове и с каким-то непонятным упоением описывали грязно-розовый дом, стоящий особняком на углу. Разумеется, рядом с домом Алии, вплотную к нему, был в свое время выстроен другой, но вот уже лет восемь как этот соседний дом снесли, так что теперь с одного боку жилище Алии овеивает ветер пустыря, а с другого — ветер перекрестка. Поэтому у нее в квартире всегда сквозняки.

— По этой примете легко вычислить, кто у нее в фаворитах, — сказал Милованов (все сразу замолчали и повернулись к нему, как бы из опасения пропустить хотя бы слово, изшедшее из уст вождя). — Простуда, — пояснил Милованов. — Если часто ходить к Алии, непременно начнешь чихать и кашлять. Просквозит, непременно просквозит, как ни оберегайся. Там отовсюду дует.

— Ну вот еще! — возмутился один из собравшихся. — Вампиры ведь не простужаются. Они не подвержены болезням.

— Вот ты себя и выдал! — вскричал Лазарев с глупым смехом. — Что значит «они»? «Мы»! Это ведь мы — вампиры, забыл?

Говоривший ему не ответил, только пожал плечами и отвернулся. Лазарев, впрочем, этого не заметил.

— Что же Алию сюда не пригласили, если она такая знаменитая? — спросил я.

На меня воззрились с таким удивлением, словно я брякнул несусветную глупость. Но я решил настаивать:

— Заодно и меня бы с пей познакомили... А может, и я бы ей понравился, кто знает? Никогда нельзя предвидеть, где встретишь судьбу.

Конечно, я был пьян, ничем иным нельзя оправдать подобную патетичность. Но здесь следует заметить, что для русского человека «судьба» по преимуществу означает по-

иск брачного партнера, в то время как для персонажа американского комикса это же самое слово имеет смысл более зловещий: «встретить судьбу» — это попросту умереть.

Именно это и имел в виду Милованов, когда ответил:

— Встретиться с судьбой никогда не поздно. И лучше позднее, чем раньше. А еще лучше — никогда. Поэтому мы и избрали путь Детей Мрака.

Мы поболтали еще немного, стараясь поостороже придерживаться вампирской тематики. Лазарь периодически ходил в подвал блевать и возвращался оттуда бледный, несчастный, но с осмысленным взглядом. Прочие истребляли рыбные закуски, щедро заливали их водкой и громко, перебывая друг друга, говорили... Рыбный запах стоял нестерпимый, внутренности потрошенной селедки валялись повсюду, разбросанные по столу и растоптанные на полу. Я сам, отправляясь в туалет, наступил на рыбий пузырь, и он хлопнул под ногой.

Когда я вернулся, меня поразила одна вещь. Я как будто заново увидел всех своих сотоварищей по пирушке и в первое мгновение не узнал их. В них всех проступило нечто общее, и в то же время они сильно отличались от обычных людей. Я не мог сформулировать этого для себя — ни тогда, когда был сильно пьян, ни теперь, когда я абсолютно трезв. Это было именно «нечто», что-то не поддающееся четкому определению.

Но хуже всего было другое. Хоть они по-прежнему шумно и весело болтали, я теперь не понимал ни слова. Какие-то тягучие звуки изливались из их уст, не похожие ни на один человеческий язык. Не были они и подражанием животным. Никаких там «му-му» или «кукареку». Нет, это была именно речь, и притом осмысленная, но... нечеловеческая. Может быть, одушевленные рыбы переговариваются на подобном наречии, подумал я тогда в смятении, но эта мысль была такой же абсурдной, как и все остальное, что происходило в тот вечер.

Я не помню, как уходил, не знаю, закрывали ли за мной дверь и прощался ли я с Лазарем или же смылся по-английски, никому ничего не сказав. Проснулся я дома с сильной головной болью, и тотчас картины того, что происхо-

дило накануне у Лазаря, отчетливо нарисовались в моем воспаленном мозгу.

Когда я говорю о «воспаленном мозге», я имею в виду именно это. Когда-то, лет десять назад, в макулатуре, которую я тащил выбросить на помойку, я увидел книжку «Господство и Подчинение» и, повинаясь обычному любопытству, полистал ее в поисках картинок. В подобных книжках иногда помещают изображения голых женщин в собачьих ошейниках. Будучи подростком, я испытывал к ним сильный интерес.

(В жизни бы не подумал! Сколько всего важного, оказывается, я упустил. — *Примеч. мое.*)

Однако книжица меня разочаровала. Там имелись в основном довольно скучные схемы, вроде «субъект»—стрелочка—«воля»—стрелочка—«объект». Но одна картинка оказалась забавная. Там был весьма условно нарисован некий «субъект» с выгаращенными глазами. Над его головой волнистые линии изображали высокую температуру. Волосы «субъекта» стояли дыбом. Подпись гласила: «Воспаленное состояние мозга».

Вот у меня было в то утро после пробуждения именно такое состояние мозга. Полагаю, волнистые линии над моей головой оказались бы весьма кстати. Я выпил очень много холодной воды из-под крана, оделся и, сообщив домашним, что иду в вуз, вышел на улицу.

День был тихий и пасмурный. Гудение в моей голове, по крайней мере, прекратилось, но чувствовал я себя очень странно. Если говорить коротко, то я как будто не узнавал самого себя. Что-то во мне переменялось, и произошло это после вчерашней вечеринки.

Дело было не в похмелье, как мог бы предположить какой-нибудь местечковый циник вроде тебя. (Странный выпад в мой адрес! Кажется, я вообще ничего не предполагал и уж точно никаких тупых острот не высказывал. Не говоря о полной сомнительности предположения касательно того, что я могу иметь отношение к «местечковому цинизму»! — *Примеч. мое.*)

Всем моим естеством я ощущал, что и сам я, и весь мир, в котором я отныне обречен существовать, не имеют ничего

общего с прежним. Я как будто видел все вокруг совершенно другими глазами. Когда я дотрагивался до какой-либо вещи, на ощупь она оказывалась совершенно незнакомой. Словно все поверхности разом кто-то смазал слегка жирной влагой, от которой чуть склеиваются потом пальцы. Иными сделались и запахи. Я не мог избавиться от назойливой селедочной вони, которая как будто нарочно застряла у меня в ноздрях и пропитывала собой решительно все. Скажу сразу, что все эти искажения восприятия сохранились. Разве что теперь я не воспринимаю их так остро, как в те первые дни.

Туман полз по улицам, и украшения на фасадах домов — все это барокко и рококо, которым так гордится центр Санкт-Петербурга, — сцеплялись с завитушками тумана, сливались с ними в единое целое. Серая, взвешенная в воздухе влага была истинной кровью насильственно выпрямленных, растянутых жил приморского города. Она изливалась из неведомого источника и, пройдя по всем улицам, площадям, переулкам, исчезала в незримом устье.

Я шел, не выбирая направления, однако ноги сами принесли меня к реке, и я увидел, что Нева набухла и поднялась. Она залила ступени и медленно подбиралась к парапету. От зеленоватой воды тянуло подгнившими огурцами.

Впервые в жизни я начал понимать назначение всех этих каменных и металлических львов, установленных возле спусков к Неве. Я понимал, почему они скалятся и кто тот незримый враг, которого они тщетно пытаются запугать своими ощеренными мордами.

Ни тогда, ни теперь у меня нет слова, для того чтобы дать этому врагу четкое определение, однако уже тогда я с обостренной ясностью осознавал, что и сам сделался частью этого враждебного львам окружения. Я был из «тех», а львы — из «этих», я был, условно говоря, из числа ночных и влажных, а они — из воинства солнечных и земных. И смысл их откровенного уродства стал мне теперь очевиден.

Я ступил на мост. Вдали виднелись вырастающие из облачной гущи сломанные шеи порталных кранов. Круглый купол церкви с ангелом был наполовину съеден беле-

сой дымкой. Васильевский остров медленно плыл, оставаясь притом на месте.

Я миновал готическую церковь, краем глаза заметив в ее высокой башне странные огни. Когда-то в этой церкви устроили заводской склад, а после она долго стояла заключенная.

По мере того как я уходил все дальше вглубь острова, туман сгущался. Неожиданно я перестал узнавать пейзаж. На привычные петербургские «доходные» дома начали накладываться совершенно иные картины. Я видел серый камень, покрытый фантастической резьбой: изображения глубоководных гадов с переплетающимися щупальцами, морских дев со свисающими до пояса грудями и жабрами за ушами, витых рогов, раковин, медуз и тритонов. Все это двигалось и видоизменялось, перетекало из одного в другое, растворяясь в тумане и снова материализуясь перед моим изумленным взором. Но — и это показалось мне самым странным — прежние фасады зданий тоже оставались на месте. Они то проступали сквозь, призрачные, незнакомые, то исчезали, но никогда не пропадали насовсем. Их присутствие постоянно угадывалось, а иногда — особенно после очередного порыва ветра — делалось единственным.

Приблизительно то же самое произошло и с людьми. На улицах было довольно мало прохожих: в основном это были бабки с авоськами или офис-женщины, спешащие куда-то с папочкой в руке. Но среди них ленивой, расхлябанной походкой бродили совершенно другие личности: в грязных шароварах, босые, в балахонах или вовсе полунагие, с острым горбиком между лопаток, согнутые, кривобокие, чрезмерно тучные или, наоборот, ужасно тощие. Одни были черны как сажа, другие обладали болезненно-белой кожей и одутловатыми щеками. Они текли по мостовым, то и дело натываясь на жителей Васильевского острова, но никогда не вступая с ними в контакт.

Казалось, я неведомым образом обрел способность видеть два непересекающихся мира одновременно и находиться сразу в обоих. Я до сих пор не вполне избавился от этого, и, признаюсь честно, иногда подобное существование становится мучительным.

Когда я увидел тот самый дом, то мгновенно узнал его. Розовый фасад, пустырь с одной стороны и перекресток — с другой. У меня не возникло ни малейших сомнений, что я у цели. Возможно, с самого начала я направлялся именно сюда, к таинственной Алии, о которой велись разговоры вчера за столом у Лазарева, и только сейчас осознал это.

Розовый дом выступал из тумана, как плечи Элен Безуховой из кружев бального платья; он одновременно был и очень красив, и производил отталкивающее впечатление. Казалось, в нем есть нечто сальное, нечистое, такое, что заставляет, прикоснувшись, тотчас отдернуть руку. И чем дольше я рассматривал его, тем меньше понимал, в каком из двух открывшихся мне миров он находится. Он был достаточно материален, чтобы считаться принадлежностью мира здешнего, и вместе с тем абсолютно призрачен, как всякий выходец из мира потустороннего (или, если угодно, параллельного).

Некоторое время я разглядывал его и пытался понять, чего я хочу: уйти и никогда больше не думать ни о доме, ни об Алии, ни даже о бедном Лазаре или же, напротив, войти и стать частью этой истории.

Мысли в голове не то чтобы путались — их было слишком мало, чтобы они могли не только перепутаться, но и даже просто встретиться в моих пустынных мозгах. Мое умственное состояние в тот миг можно было выразить одним-единственным словом: недоумение. Я вообще не понимал ни своих желаний, ни своих ощущений, ни того, что происходило у меня перед носом, ни того, что случилось со мной вчера. Словом, сплошной туман. Обыкновенная питерская погода, но разве не она свела с ума целую кучу народу?

В конце концов одно чувство выделилось из бесформенного клубка слабо выраженных эмоций и открыто заявило о себе. Это чувство было любопытством.

Повинуясь его импульсу — не потому, что он был сильным, а потому, что он был единственным, — я вошел в подъезд и сразу же остановился.

Это был самый обыкновенный подъезд. Здесь пахло кошками. В стене, разрисованной таинственными иероглифами местных хулиганов, красовались остатки камина, и даже многократные покраски казенной, синей краской не смогли

вполне уничтожить лепнину, его украшающую. Широкие ступени были выщерблены, перила кое-где обвалились.

Сквозь немывтые стекла медленно сочился серый свет. Как и на всякой лестнице в старом петербургском доме, здесь начинало чудиться, будто ты погружен глубоко под воду.

Я сделал несколько шагов и начал подниматься по ступенькам.

* * *

Здесь мой собеседник вдруг зевнул и спросил, не выпью ли я с ним коньяку. Мы отправились в другое место, потому что в том кафе, где мы встречались, коньяку не подавали.

Я заметил при этом, что Гемпель сильно изменился. Если в начале встречи он радовал меня как раз тем, что остался похожим на прежнего Андриюшу Гемпеля, необходимую принадлежность моего безмятежного детства, то теперь, по мере того как развивался рассказ, я все больше замечал тревожащие перемены в его облике.

При ходьбе он стал сутулиться и все время оглядывался через плечо, как будто боялся, что за нами следует некто, кого надлежит опасаться. Я, конечно, ему ничего не сказал. Приступы паранойи могут случиться со всяким. В некоторых журнальных статьях даже пишут, что в этом состоянии нет ничего особенного. Вариант нормы психического развития. Нужно только отдавать себе в этом отчет и не заострять лишнего внимания.

По правде говоря, больше всего меня напрягала голова Гемпеля. Что-то в ее форме было неестественным. Она выглядела распухшей и шишковатой. А то обстоятельство, что он ни разу не снял свою вязаную шапочку, только усиливало впечатление ненормальности. Впрочем, я надеялся на коньяк. Русский человек (я имею в виду — русский мужчина) всегда обнажает голову при употреблении крепких спиртных напитков. Связано ли это с инстинктом, с традицией, с какими-то реликтовыми воспоминаниями, которые передаются нам вместе с генами, или же причина тому еще более таинственная, я сказать не могу.

Несколько раз Гемпель останавливался и тихо спрашивал меня, вижу ли я «это».

— Что именно? — недоумевал я.

Все, что я видел, была улица и совершенно обычные прохожие. Возможно, одна или две бабули могли бы потянуть на Бабу-ягу, но это оставалось под вопросом и уж тем более вряд ли смущало Гемпеля.

Мой собеседник вдруг страдальчески сморщил лицо и зажмурился. Кажется, даже и с опущенными веками он продолжал видеть то, что мучило его все последнее время, потому что вскорости он опять открыл глаза.

— С каждым днем оно становится все ярче, — проговорил он, — все живее, в то время как настоящий город уже почти совсем выпвел. Может быть, я вообще опоздал.

— С чем опоздал? — спросил я.

С психами надо разговаривать ласково. И не перечить.

Он задергал ртом так быстро и странно, что я замолчал и больше не произнес ни слова. Ну его совсем. Еще набросится. Я уж стал прикидывать, как бы мне ловчее от него удрать, но Гемпель, кажется, угадал мое намерение и схватил меня за локоть. Я поразился крепости его пальцев.

— Вон хороший бар, — сказал он, указывая кивком на заведение, оформленное в темно-зеленых и золотых тонах — тонах дорогого бильярда.

Мы забрели туда, взяли по коньяку. В зале никого не было, только в очень темном углу кто-то курил.

Гемпель нагнулся ко мне через стол и приглушенно заговорил:

— Все двери в том доме были заперты.

Я сразу понял, что он вернулся к своему воспоминанию о посещении жилища Алии на Васильевском острове, и, как ни странно, почувствовал облегчение. Все лучше слушать связный рассказ, пусть даже полубезумный, чем гадать, что творится в мыслях собеседника, и быть вынужденным отвечать на его отрывочные и по большей части непонятные замечания.

— Знаешь, Гемпель, — сказал я, — вообще-то людям свойственно держать двери своих квартир запертыми. Так, на всякий случай. Это старая традиция.

Он грустно улыбнулся:

— По-твоему, я — сумасшедший?

— С чего ты решил?

— Ты со мной так разговариваешь, как будто я псих.

— У меня был опыт общения с психом, — сказал я. — С настоящим, из психушки. Он мне про буйных интересно рассказывал.

— Я не буйный, — медленно проговорил Гемпель, — и, боюсь, не псих... Те двери были закрыты по-другому. Не так, как обычно.

— Как дверь может быть закрыта «необычно»? — возмущился наконец я. — Ты хоть себя со стороны слышишь? Что ты несишь?

— Я полностью отдаю себе отчет в том, что говорю, — ответил Гемпель. Я видел, что он совершенно серьезен. — Дверь, за которой есть жизнь, закрыта бережно. Тщательно. И в любое мгновение может распахнуться. Она... — тут он криво усмехнулся, — она дышит. Понимаешь?

Я сказал «да», хотя ровным счетом ничего не понял.

Гемпель не придавал моему лицемерию ни малейшего значения. Он продолжал:

— А те двери просто прикрывали мертвые помещения. Они были обшарпанные, с многократно смененными замками, с содранной обивкой, с какими-то выпцвстшими и покрытыми пылью квитанциями, засунутыми в щель... К ним никто не прикасался очень много лет. И все же за ними я угадывал нечто...

— «Всюду жизнь», — глупо процитировал я и тотчас пожалел об этом.

Лицо Гемпеля передернулось, как от физической боли.

— Вовсе нет! — горячо возразил он и только тут обнаружил, что еще не допил свой коньяк.

Он посмотрел на стаканчик с таким удивлением, словно только что впервые в жизни по-настоящему поверил в Санта-Клауса.

— Я закажу тебе еще, — предложил я и подошел к стойке.

Гемпель замер и сидел в той же самой позе все то время, пока я ходил. Стоило мне вернуться и сесть на место, как он ожил, словно в замочке, приводившем его в движение, опять повернули ключик.

— За этими дверями находилось нечто, — повторил Гемпель, — но назвать это «жизнью» нельзя ни в коем случае. Это не имело к жизни — как мы ее понимаем — ни малейшего отношения. Нечто, чему не место в нашем мире, в нашем городе, возможно, на нашей Земле, копошилось и ползало в тех закрытых квартирах. Если приложить ухо к двери, то можно было расслышать их шепот. Они как будто переговаривались друг с другом, несмотря на разделяющие их стены. И несколько раз мне слышалось, что они называли мое имя.

— Какое? — спросил я.

Гемпель вздрогнул, как будто его пробудили от глубокого забытья со сложным сюжетным сновидением:

— В каком смысле?

— У русского человека, как известно, три имени: собственное имя, отчество и фамилия. Вот я и спрашиваю, по какому имени они тебя окликали?

Гемпель вдруг погрузился в задумчивость. Он молчал довольно долго. Допил коньяк. Вздыхнул несколько раз. А потом улыбнулся обезоруживающей улыбкой обаятельного киношного хулигана-шестиклассника:

— Понятия не имею... Оно не было звуком. Оно не имело звукового оформления, если угодно. Некое понятие, обозначающее меня и только меня. Оно существовало только в их разуме, который узнавал меня и тянулся ко мне, как бы пытаясь заманить к себе.

— Странно... но в целом понятно, — вынужден был признать я.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА АНДРЕЯ ГЕМПЕЛЯ (В БАРЕ)

Я поднялся на шестой этаж и увидел наконец «живую» дверь. Она стояла полуоткрытой, и из нее выползала полоска желтого света. Как только я остановился перед ней, она мгновенно распахнулась и на пороге появилась девушка.

Представь себе бледное лицо с большими темными глазами. Глаза эти сияли так, словно были ограненными полудрагоценными камнями. Знаешь, если сравнивать глаза с

самцветами, то встречаются отполированные, вечно смазанные слезками, бывают озаренные внутренним светом, эдакие глаза-абажуры... У Алии это была тончайшая огранка. Иначе не выразишь.

Носик у нее хорошенький, с горбинкой, губы почти черные, причудливые. Целовать такие губы не хочется, это уж точно, но прикоснуться к ним — ладошью, щекой — так и тянет. У нее были длинные гладкие черные волосы, прямые плечи, маленькая грудь. Она носила длинное платье, темно-красное, очень простое, даже без талии.

Я влюбился сразу... И дело не в ее красоте и не в тех загадках, которыми она была окружена... Не существовало ни малейшего сомнения в том, что мне суждено влюбиться в нее без памяти. Это нельзя даже назвать предопределением. Это было так же естественно, как естественен ход солнца по небу днем и луны — ночью. И так же обыденно. И так же неотменимо. В том мире, где мы оказались, Алиа была единственной женщиной, а я — единственным мужчиной. Адам не сказал Еве, когда увидел ее, мол, я люблю тебя, и все такое. Он сказал — это плоть от плоти моей. Вот приблизительно это я и чувствовал к Алии. Кошунственный Адам в кошунственном Эдеме.

(Прежде я не замечал за Гемпелем обыкновения ссылаться на Адама и Еву и вообще на такие вещи и немного испугался: нет ничего более нудного, чем проповедник из числа новообращенных. Но к счастью, Гемпель ограничился этим сравнением, и впоследствии его мысль ушла далеко от всех этих божественных штучек. — *Примеч. мое.*)

Алиа взяла меня за руку и затащила в квартиру. Она сделала это так просто и дружески, что я сразу почувствовал к ней полное доверие. Да, она была другом, верным, добрым другом — не менее, но и не более!

— Хорошо ли вы добрались? — спросила она, когда мы оказались в гостиной. — Без происшествий?

Я не вполне понимал, что она имеет в виду под «происшествиями», и поэтому только покачал головой. Этот жест можно было истолковать как утодно: и как «да», и как «нет», и как «были неприятности, но я, как видите, недурно справился».

К счастью, она не стала уточнять.

— Мне звонил Милованов, — пояснила Алия. — Он предупреждал о вашем скором визите. А вы давно с ним знакомы?

Я сказал, что Милованова видел впервые на вечеринке у Лазарева, а вот с Лазарем действительно знаком уже много лет. Кажется, это ей было на самом деле совершенно неинтересно. Она сказала, что приготовит чай, а я остался в комнате ждать и заодно осматриваться.

Это была просторная комната с высоким потолком. Лепнина была довольно примитивной — выпуклые ракушки, окруженные «хороводом» из десятка маленьких «камешков». Обоев практически не было видно: все стены гостиной были заставлены стеллажами, на которых громоздились огромные аквариумы. За стеклом медленно шевелились водоросли самых разных оттенков, от нежно-зеленого до густо-красного, плавали рыбы, в том числе и очень крупные, мерцали пластмассовые украшения для аквариумов, купленные в каком-нибудь недорогом магазине. Здесь были античные храмы, амфоры, затонувшие корабли и даже русалка. Последняя настолько заросла тиной, что казалась бородатой.

Все это булькало и источало острый запах, какой обычно бывает на побережье ранней весной, когда на берег выбрасывает сгнившие водоросли и дохлых моллюсков.

Алия возвратилась с чайником и двумя чашками на подносе. Она поставила все это на стол, уселась напротив меня и повернула ко мне свое восхитительное лицо.

— Будете пить чай? — спросила она, как будто все еще сомневалась в моих желаниях.

Я молча кивнул. Она не двинулась с места и не сделала ни малейшего поползновения налить мне в чашку. Продолжала сидеть и рассматривать меня. Наконец она сказала:

— У Милованова случается иногда весьма забавно. Не находите?

— Вы ходите на эти сборища? — спросил я.

Она пожала плечами:

— Была пару раз. Милованов бывает иногда довольно забавен.

— Я был вовсе не у Милованова, а у Лазарева, — поправил я.

— Лазарев? — Она опять пожала плечами. — Возможно. Трудно вспомнить.

— Они все были в вас влюблены, — неожиданно для самого себя брякнул я.

Она засмеялась:

— Кто?

— Все.

— «Все» — это пустое место, — сказала Алия. — Кто, например?

— Например, Лазарев.

— Я такого не помню. Наверное, да. Влюблен. Это всегда очень странно.

— А меня вы тоже забудете? — спросил я.

— Вас? — Она удивленно уставилась на меня. — Вас?

— Гемпель, — сказал я. — Андрей Гемпель.

— О! — воскликнула Алия. — Гемпель! Нет, вас я не забуду. Я не могу забыть всех.

— «Все» — это пустое место, — попытался я поддеть ее.

Она неожиданно испугалась. Потянулась ко мне через стол, накрыла мою руку своей.

— Никогда так не говорите! — воскликнула Алия. — Никогда не смейте с этим шутить! — Она слегка сжала мои пальцы, а потом откинулась назад и произнесла совершенно другим тоном: — Вам никто не говорил, что к вашим волосам отлично пошли бы дреды?

Я абсолютно не ожидал подобного поворота. При чем тут дреды? Мы, кажется, только что обсуждали проблему общей влюбленности в Алию. Если только это может считаться проблемой. В общем, передо мной сидела экзотическая красавица, я, как и положено всякому уважающему себя мужчине, в подобной ситуации нес разную чушь — и вдруг она заговаривает о дредах!

Я замолчал, сбитый с толку, и тупо уставился на нее. А она смотрела на меня и улыбалась все лучезарнее. И тоже ничего не говорила.

— Пожалуй, я налью себе чаю, — брякнул наконец я. — А вам налить?

Она пожала плечами. Я расценил это как отказ и старательно взялся за чайник. Он оказался пустым.

-- Здорово! — вырвалось у меня. Я поставил чайник.

Алия, уличенная в таком серьезном хозяйственном промахе, вовсе не выглядела обескураженной. (Обычно женщины ужасно расстраиваются, и нет большей трагедии, нежели неудавшийся пирог или не вовремя закончившийся кипяток в чайнике!) Она же склонила голову набок и весело рассматривала меня. Кажется, она не вполне понимала происходящее. Точнее, внешний пласт того, что разворачивалось сейчас в гостиной, оставался для нее непроявленным. Очевидно, это не имело значения. Чай, стол и стулья, лепнина на потолке, сквозняк, плохо закрытая входная дверь. Всего этого она попросту не замечала. Важным было нечто иное.

— Я умею заплетать дреды, — сказала она наконец. — Сейчас это модно. И многим идет. Такие, как ваш Лазарев, говорят, что это только для негров или там для ямайских вудуистов, но он крепко и однозначно ошибается. Белым людям дреды идут точно так же, как и черным. Это очень здорово, как вы выражаетесь. Красиво, понимаете?

Ее губы шевелились, слова слетали с них одно за другим, но я почему-то отчетливо видел: для Алии и это все просто бессмысленный ритуал. Говорение. Объяснения. Фразы. Звуки. Люди придают значение тому, что делают. Люди разговаривают, сидя за столом и непременно что-нибудь жуя или выпивая. (Вот как мы сейчас.) Без еды и питья невозможны разговоры, а без разговоров не делается дело. Одно связано с другим, так принято, и не надо спрашивать, почему так заведено.

Я вдруг осознал, что Алия чрезвычайно вежлива. Все ее поступки продиктованы исключительно одним — стремлением соблюдать человеческие традиции. И даже внешний облик Алии полностью соответствует нашим ожиданиям. Она все продумала. И очень старается.

Это растрогало меня, и я посмотрел на нее совершенно другими глазами.

— Расскажите мне о ваших рыбах, — попросил я.

Она повернулась к своим аквариумам и взглянула на них так, словно видела впервые.

— Я люблю рыб, — сказала она спокойно.

— Почему? — настаивал я, хоть и прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько глупо это звучит.

Почему человек любит то или иное? Просто любит. Любовь иррациональна. Даже дружба, по большому счету, лишена рациональности.

— Почему? — переспросила Алия. — Рыбы красивы. Рыбы естественны. Я испытываю потребность в том, чтобы видеть их. Обычно это состояние называется любовью. Притяжение. Постоянное, необходимое для жизни притяжение.

— В таком случае и я люблю вас! — вырвалось у меня.

Ее лицо даже не дрогнуло. Ни улыбки, ни румянца, ни смущения.

— Притяжение, — повторила она.

— Я чувствую, что захочу увидеть вас снова, — продолжал я. — Что, уйдя отсюда, буду непрестанно думать о вас. Представлять вас в разных видах.

— Например? — спросила она.

— Например... — я глянул на аквариумы, — например, обнаженную и зрелую тигрицу. С зелеными прядями, свисающими с сосков. Например, в платье из чешуи. Например, голую и мокрую. Например, мертвую в гробу. Только не в убогом шелковом гробике вроде тех, что приняты у нас, а в настоящем саркофаге, в каменном или металлическом. Чтобы все кругом сверкало и было очень холодным.

Моя фантазия разрасталась, а она слушала с интересом и наконец сказала:

— Но нет ничего проще!

Я сбился и замолчал.

— Это все очень легко устроить, — прибавила Алия. — Почему же вы этого не видите?

— Чего я не вижу? — переспросил я.

— Все это возможно без труда, — пояснила она. — Вы должны заплести дреды. Я сделаю.

— Какая связь между моей прической и моими желаниями? — не выдержал я. — Объясните же!

— Мое желание, — ответила она.

— Вы хотите заплести мне дреды?

— Это необходимо.

— Я хочу вас, а вы хотите сделать мне другую прическу?

— Да.

— Абсурд!

Она явно не поняла этого слова.

Я совсем уж было собрался растолковать ей кое-что, как вдруг все изменилось. В коридоре зашлепали чьи-то шаги. Алия медленно повернулась в ту сторону. Я встал и вышел из комнаты. Мне хотелось посмотреть квартиру, а заодно и разобраться, кто еще, кроме Алии, в ней обитает.

Она даже не пошевелилась, чтобы мне помешать. Я прошел по коридору мимо четырех закрытых дверей. В ванной кто-то плескался, поэтому я не стал туда ломиться. Вместо этого я подошел к одной из дверей и распахнул ее. Это оказалась кладовка. На полках стояли банки с заспиртованными морскими гадами. Обычные экспонаты, какие можно видеть в любом зоологическом музее. Среди них стояли, и с точно таким же будничным видом, банки с закатанными грибами, огурцами и домашним лечо.

Я поскорее закрыл кладовку. Щупальца дохлых кальмаров никогда не вызывали у меня приступов некрофильского любопытства, как у многих моих одноклассников. (Помните наши походы во всякие музеи? Биологичка почему-то считала, что вид насаженных на булавку бабочек возбуждает в детях стремление изучать живую природу!)

Я почувствовал на себе взгляд и обернулся. Алия стояла в дверях гостиной и пристально наблюдала за мной. Однако она ничего не говорила и не делала ни одного движения, чтобы остановить меня или как-то направить. Почему-то именно полное ее равнодушие меня страшно разозлило, и я начал распахивать двери одну за другой. За всеми оказывались комнаты, очень сырые и грязные, с отслоившимися обоями, с прогнившими диванами, разрушенными стульями и горами мокрого тряпья по углам. И везде навстречу мне медленно поворачивались бледно-зеленые одутловатые лица, имевшие очень мало общего с человеческими и все же сохранявшие в себе явственно человеческие черты.

Некоторые вставали и делали пару шагов мне навстречу, но затем останавливались и, шатаясь, возвращались обратно в комнату.

Наконец мне надоело их рассматривать, я захлопнул все двери и вернулся в гостиную. Алия как ни в чем не бывало усадила меня опять на стул.

— Еще чаю? — спросила она.

Я похвалил ее за стремление соблюсти формальности, отказался от чаю и спросил:

— Кто они все?

— О ком вы говорите?

— О тех существах, которые прячутся в вашей квартире.

— В моей квартире никто не прячется.

— Но они... здесь обитают, — уточнил я.

— Это не называется обитанием, — возразила Алия. — Они заключены. Они — заключенные.

Меня вдруг осенило:

— А те, что разгуливают по улицам, они, выходит, на свободе?

— Вы их видели? — Она явно обрадовалась.

— Разумеется, видел... Трудно не заметить то, что у тебя перед носом, — сказал я и тотчас оценил всю степень собственной глупости.

Тысячи людей ходят по улицам Петербурга и не замечают не то что призрачных жителей параллельного мира, но и самых обыденных вещей из своего собственного мира, из своего персонального кусочка вселенной.

— И как они выглядели? — жадно спросила Алия. — Они счастливы?

— Я их не спрашивал.

— Я и не предполагаю, что вы о чем-то их спрашивали... Я хочу знать, что вы видели.

— Я видел уродцев в диких нарядах! — огрызнулся я. — Это основное, что открылось моему потрясенному взору. Не смею утверждать, будто вполне понял, насколько они довольны своей внешностью, своим образом жизни и своей участью вообще.

— Человек вполне в состоянии оценить, счастлив ли тот, кого он наблюдает, — отозвалась, ничуть не обидевшись на мой резкий тон, Алия. — Вот об этом я вас и спрашиваю. Я не прошу о том, чего вы не можете дать. Я знаю границы ваших возможностей.

Проклятие, я даже не знал, стоит ли мне по-настоящему обидеться на нее за подобное заявление! Границы моих возможностей она знает, ну надо же! Да родная мать этих границ не измеряла, не говоря уж обо мне самом, а какая-то девица, которая видит меня впервые... М-да. Я прикусил язык и промолчал.

А потом сказал то, что она хотела услышать:

— Они были свободны, все эти странные существа. Абсолютно свободны и ничем не обременены. Приблизительно как медуза в теплом водоеме. Лениво шлялись взад-вперед, и им явно нечем было заняться. Ничем полезным, я хочу сказать. Ни один из них не выглядел озабоченным или встревоженным. Многие широко зевали. Вас устраивает такое описание?

— О да! — обрадовалась Алия. — Теперь я точно знаю, что мой народ вполне счастлив... — Она благодарно сжала мне руку. — Вы даже представить себе не можете, как косноязычны и несвистны другие! Многие даже не видели их. А Милованов — тот вообще мне часто врет.

Что-то подтолкнуло меня спросить:

— Вы ненавидите Милованова?

Она задумалась.

— Любовь, ненависть. Эмоции действия. Практически нехарактерны, если вы понимаете. Эмоции состояния — счастье, несчастье. Вот это было бы правильно, — сказала наконец Алия.

В этот самый миг я ей и сдался. Я сказал:

— Пожалуй, в дредах нет ничего ужасного. Они даже могут быть прекрасны.

Она устремила на меня недоверчивый взгляд, — очевидно, общение с моими предшественниками научило ее тому, что люди в состоянии иронизировать. То есть подразумевать прямо противоположное тому, что произносят.

Но я поспешил успокоить ее:

— Я имею в виду ровно то, что сказал. Вы выставили неумолимым условием нашего следующего свидания дреды — так я согласен. Я не хочу потерять вас.

К моему удивлению, теперь она повела себя неуступчиво:

— Я в вас не уверена.

— Это всего лишь прическа. От нее всегда можно избавиться. Если мы оба увидим, что дреды мне все-таки не идут, их всегда можно обстричь. Или расплести.

— Я не уверена не в дредах, а в вас, в вас лично, — уточнила она. — В «нас», как это называется. В том, что вы мне подходите.

Вдруг я понял, что комнату заполнили сумерки. Вроде бы у Алии горел свет, но это не мешало приближающейся ночи заполнять помещение. Мне стало неуютно, даже жутко, хотя буквально пять минут назад я чувствовал себя совершенно свободно и уходить вовсе не собирался.

Она сидела по-прежнему напротив меня за столом, ее лицо погружалось в тень, а голос звучал все более неприятно.

— Одновременное пребывание здесь и там воздействует разрушительно, однако наиболее благоприятная среда вследствие влажности и общей погруженности вниз... Это было сделано не без определенного плана. Впрочем, многие искали не в том направлении. Мальтийские тайны лишены смысла, потому что они явлены. Пустоты нет даже в пустоте. То, что есть глубина, выходит на поверхность и растворяется в воздухе, и тогда приходит Истинный Туман. Об этом не следует забывать ни в единую минуту своего сна.

Я встал и вышел. Спустя минуту я уже стоял на трамвайной остановке.

* * *

Гемпель наконец снял свою шапочку. И коньяк здесь был ни при чем. Он сделал это не ради коньяка, а лишь потому, что его рассказ подошел к тому естественному рубежу, когда следовало избавиться от головного убора и явить то, что он доселе скрывал.

Как я и ожидал, это были дреды. Он все-таки вернулся к Алие и согласился на то, чего она добивалась.

— Хочешь потрогать? — спросил он, грустно усмехаясь.

Я протянул руку и коснулся мягких валиков, в которые были скатаны его волосы. Светлые кудряшки из времен нашего общего детства выглядели поруганными, уничтоженными. Алия, очевидно, подплела в них чужеродные ни-

ти и, возможно, часть своих собственных волос. Выяснить это простым разглядыванием было невозможно.

— Тебе идет, — вынужден был признаться я. — А как ты их моешь?

— Это все спрашивают, — он болезненно усмехнулся, — а я отвечаю: никак. Дреды не моют.

— Так и живешь с грязной головой? — поразился я. — Она же пахнет!

— Я привык.

— Но это негигиенично, — настаивал я.

Сам я никогда бы на такое не решился.

— Не настолько, как это принято считать, — возразил Гемпель. — Впрочем, я же говорю, их всегда можно срезать или расплести... Во всяком случае я так считал.

— А на самом деле? — насторожился я.

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Правда не знаю. — Гемпель хмыкнул. — Забавная история, да?

— Пока что я вижу очень простую историю, в которой нет ничего забавного. Ты побывал на вечеринке, узнал адрес интересной девицы со странностями, наутро навестил эту девицу, и она уговорила тебя сделать дреды. Очевидно, мы переходим к следующей стадии: она стала морочить тебе голову.

— Ты прав, — сказал Гемпель. — И я был прав.

— В чем? — спросил я.

— В том, что обратился именно к тебе, — пояснил Гемпель. — В дополнение к уже перечисленным достоинствам (наше давнее знакомство и отсутствие общих знакомых теперь) я смело добавляю еще одно: ты обладаешь поразительной способностью любую, самую невероятную вещь сводить к набору пошлостей. Это чрезвычайно поможет при разборе ситуации.

— Лично я называю это «раскладывать по полочкам» или «разбирать на кирпичики», — отвечал я, несколько уязвленный.

Гемпель дернул головой:

— От названия ничего не изменится. Суть останется прежней... Несколько дней я честно пытался забыть Алию. Разумеется, мне это не удалось. Да я и с самого начала знал,

что обречен на поражение. Каждую ночь она мне снилась, да так отчетливо, что я просыпался весь мокрый от пота и слез. И притом виделась она мне именно в тех положениях, как я ей описывал: то в сверкающем полупрозрачном гробу, заброшенная посреди бескрайней вселенной, то на глубине морских вод, с водорослями на коже... Ладно, назовем все это любовным бредом похотливого козла.

— Заметь, я молчу, — вставил я.

Гемпель ухмыльнулся:

— Уже заметил... Итак, на пятый день непрерывного бреда я сдался. Отправился бродить по улицам. Несколько раз мне чудилось, будто я вижу ее, и я бежал, чтобы догнать ее, но она исчезала. Пару раз совершенно явственно я видел существ из параллельного мира. Не могу сейчас быть уверенным в том, что это был тот же самый параллельный мир, что и в прошлый раз. Тогда я наблюдал существ человекообразных, хоть и невероятно уродливых. Теперь же мне то и дело являлись создания, большие похожие на ящериц или насекомых. И вместе с тем у меня не было ни малейшего сомнения в том, что они обладают разумом.

Если те видения были постоянными и грозили превратиться в непрерывный кошмар, то эти мелькали лишь на миг и тотчас исчезали.

Тем не менее я воспринял их как хороший знак, потому что это свидетельствовало о близости Алии. Я потратил часов пять на блуждание по Васильевскому острову. Я был убежден, что нахожусь именно там, где видел в прошлый раз пустырь и розовый дом на перекрестке. Однако ни пустыря, ни дома Алии не было здесь и в помине. Два серых семиэтажных строения торчали на улице, в подвале одного помещался продуктовый магазин, в подвале другого — скучный лабаз с вывеской «Стройхозтовары».

Я приходил на это место в последующие недели как на работу и выстаивал там по несколько часов. Не сомневался, что обо мне складывались разные легенды, по большей части неприятные. Если раньше меня могли бы принять за безнадежно влюбленного, то теперь, скорее всего, меня в том районе считали за маньяка, который только и ждет

удобного случая, чтобы похитить ребенка и сделать с ним что-нибудь ужасное.

И вот однажды я проснулся с твердым убеждением, что сегодня произойдет нечто знаменательное. С моей стороны не было предпринято для этого никаких шагов. Я просто знал. Знал с первого мгновения, как открыл глаза.

За окном хлестал дождь, небо было тяжлым и серым, и Нева — я чувствовал это, даже не видя ее, — разбухла и подползла к краю набережной. Она уже лижет парапеты, бьется в стены своей тюрьмы, ей охота на волю, и она только ждет своего часа, который настанет в две тысячи двадцать четвертом году, когда она разнесет проклятую дамбу и проглотит Петербург.

— Это предсказание? — спросил я.

Гемпель поднял брови:

— По двадцать четвертым годам каждый век в Питере бывает большое наводнение. Не требуется быть пророком, чтобы предсказывать очевидное.

Я не стал ничего возражать. Утверждение Гемпеля было сомнительным, но опровергнуть его можно будет только через двадцать лет. (Нам обоим исполнится к тому времени больше сорока! Столько не живут!)

— Наводнение подействовало на меня опьяняюще, — продолжал Гемпель. — Я не помню, как оделся. Похватал первые попавшиеся вещи, какие подвернулись под руку, влез в ботинки и выскочил на улицу. Я не взял с собой зонта, поскольку испытывал неодолимую потребность в том, чтобы промокнуть до нитки, раствориться в непогоде, стать частью стихии.

— Дождя? — уточнил я.

— Дождя? — Гемпель немного растерялся, а потом, поняв мой вопрос, хмыкнул. — Нет, конечно. Дождь не стихия. Стихия — этот город и... нечто большее, что заключено в нем. Дождь в том числе. Но дождь — он из числа малых слуг. Как и туман. Нева — великий слуга. Слабые противники, вроде каменных львов, нам не помеха... — Он увлекся и сам не заметил, как употребил это «нам» вместо «им» и тем самым выдал свою причастность к миру мокрых нечеловеческих существ. — Я не шел, а почти бежал на Василь-

евский, к тому самому месту. Сегодня — никаких колебаний!

И точно. Едва я приблизился к перекрестку, как два серых дома заколебались и растворились в дождливом воздухе, а вместо них явился тот самый розовый дом. Совершенно одинокий, он омывался струями дождя, он напитывался влагой и разбухал от нее.

Я подошел ближе и тут заметил возле подъезда с десятков странных существ. Одни были чрезвычайно малы ростом, другие — с непомерно длинными руками и крохотными головками, третьи — покрытые отслаивающейся зеленоватой чешуей... А над ними высился крепконогий горбун с плетью в руке.

Пригнал заключенных, понял я. В чем-то провинившиеся, эти создания сейчас войдут в дом и будут заключены там в квартирах-тюрьмах. До самой их смерти или же только до предполагаемого исправления? Об этом мне ничего не было известно, как и об их вине. Я только содрогнулся при мысли, что и меня, возможно, могла бы ожидать подобная участь.

Пока я раздумывал об этом, горбун повернулся в мою сторону и закричал до крайности невнятно, но чрезвычайно зычно и громко, а затем склонился в низком поклоне. Что до прочих, то они попросту попадали ниц, так что мгновением спустя я уже высился над целым морем горбов, плавников, рудиментарных крыльев, торчащих позвонков, странных пластин, вроде тех, что можно видеть на изображениях динозавров в познавательных книжках, и дергающихся лопаток. Грубая серая кожа существ покрылась крупными мурашками, у некоторых выступили крупные маслянистые капли пота.

Я понял, что они меня боятся. И, вероятно, ожидают от меня каких-то действий. Может быть, я должен принять решение касательно их судьбы. Или просто поприветствовать их. Или же встреча со мной для них — хорошая примета, чему они так недвусмысленно радуются. Однако не исключено, что встреча со мной для них, напротив, примета на редкость дурная и они подобным образом выражают не радость, а крайний испуг.

Все это мелькнуло у меня в голове, а затем я принял величественный вид и, больше не сомневаясь и не колеблясь, произнес:

— Все вы прощены. Ступайте с миром и не повторяйте больше прежних ошибок.

Поверишь ли, это вышло великолепно! Я чувствовал себя могущественным и добрым. Я раздавал милость с такой высочайшей вершины, какая не снилась ни одному императору... Помнишь гардеробщицу в школе? Она могла открыть гардероб и позволить нам погулять на большой перемене, а могла заупрямиться и сделать вид, будто ее сильно заботят наши возможные прогулы. И тогда пальто оставались закрытыми, а мы сидели в школе и ждали звонка... Вот приблизительно такой степенью могущества я обладал в тот миг.

Эти создания, как ни странно, поняли, что их прощают и отпускают. Они подползли к моим ногам, закопошились, явно воздавая мне почести. Некоторые покусывали меня за лодыжки, не больно, но чувствительно, другие мелко обгрызали край куртки, третьи быстро клевали носом асфальт возле моих ботинок. Выразив таким образом свое полное почтение, они поднялись на ноги и разбежались, не выпрямляя спины, в согбенной позе. Последним удалился горбун.

Я вошел в дом и очутился на уже знакомой лестнице. Здесь стоял густой запах протухших водорослей. Лужи поблескивали на каждой ступеньке. Я медленно поднялся наверх, к квартире Алии.

Если она и знала о том, как я поступил с арестованными, то никак не показала этого. Честно говоря, я ожидал недовольства и даже побаивался его, но она просто поцеловала меня в щеку и, как и в первый раз, дружески затащила к себе.

— Хочешь ты чаю? — спросила она.

— Охотно, — ответил я.

Это был правильный ответ. Она просияла и ушла на кухню, а я занял прежнее место в ее гостиной, среди булькающих аквариумов.

Как и тогда, она принесла чайник и чашки и не сделала ни малейшей попытки меня угостить. Формальность была соблюдена. Я поблагодарил Алию. Мне доставляло огром-

ное удовольствие любоваться ее лицом. Казалось, до сих пор я был болен, я провел в бреду и лихорадке несколько дней, и только встреча с Алией послужила моему исцелению. Видеть ее, находиться рядом — вот мое лекарство. Невнятная тревога последней недели отступила. Я погрузился в состояние абсолютного покоя.

— Я согласен, — сказал я Алие. — Если дреды — необходимое условие для наших встреч, то я согласен. Делай с моими волосами что хочешь, Алия.

Она обрадовалась, хлопнула в ладоши и тотчас принесла свои инструменты — маленькие расчесочки и крючочки, похожие на визальные. На сей раз, пока она отсутствовала, мне почудились какие-то приглушенные голоса в коридоре, и я почти был уверен в том, что Алия переговаривается со своими слугами или же с другими жильцами квартиры. Впрочем, я никого так и не увидел, да и слов не разобрал, — похоже, разговор велся на незнакомом языке.

Она вернулась, усадила меня удобнее и взялась за дело. Пока она работала — а процесс занял несколько часов, — я беседовал с ней в попытках разузнать побольше о ней самой и о том мире, в котором она существует и в который я получил столь неожиданный доступ.

— Мне нелегко было найти твой дом, — сказал я.

— Почему? — удивилась она.

— Потому что его здесь не было.

— Он всегда был здесь, — заявила она. — И я всегда была в нем, внутри. Я никогда не уйду со своего места.

— Разве ты не выходишь на улицу? — спросил я. — Как такое возможно?

— Я живу здесь, — отозвалась она. — Я живу здесь ввысь и вглубь.

Я задумался над подобным объяснением. Что значит «живу здесь ввысь и вглубь»? Не то ли, что дом Алие имеет невидимые моему взору продолжения — как в виде бесконечно глубокого подвала, так и в виде просторного чердака? А может быть, Алия владеет также воздушным пространством над крышей? Но в таком случае это заставляет предполагать у нее способность к полету. Для чего же ей, в противном случае, воздушное пространство?

В общем, вопросов стало еще больше, чем ответов, но я твердо решил не сдаваться. Времени у нас, повторюсь, было навалом: заплетание дредов — занятие очень трудоемкое и, главное, долгое.

И, прибавлю, довольно болезненное для клиента. Вся кожа на голове натянута, за волосы дергают... В общем, те еще впечатления. Впрочем, я держался и не выдал, надеюсь, своих неприятных ощущений ни единой гримасой.

Вместо этого я продолжал расспрашивать мою прекрасную учительницу:

— Судя по всему, ты занимаешь высокое положение в иерархии твоего народа.

— Разумеется, — тотчас кивнула она. — Я храню этот дом. Он стоит здесь, а я живу в нем.

— В тех квартирах, мимо которых я сюда шел... Те, запертые... — начал было я.

Она досадливо сморщилась:

— Ах, там неудачи! Не нужно об этом говорить!

— Неудачи? — удивился я. — Что ты имеешь в виду?

— А что имеют в виду твои люди, когда говорят о неудачах? — парировала Алия. — Между прочим, я много разговаривала с такими, как Милованов, со здешними, они меня научили. Я многое могу выразить правильными словами. Неудача. Разные причины для этого. Всегда хочешь сделать как можно лучше, но иногда реально получается плохо. — Она растопырила пальцы и стала показывать то на один, то на другой, перечисляя причины: — Мало качества в материале, мало умения у мастера... Неудача, понимаешь ты? Это бывает даже стыдно.

Страшноватое подозрение закралось в мою голову, так что я даже вздрогнул. Не берусь судить, как она расценила это мое произвольное движение. Возможно, в лестном для себя смысле. Или по какой-то причине нашла его забавным. Во всяком случае, Алия шутливо потянула меня за пряжку и засмеялась:

— Сиди спокойно.

— А я могу посмотреть на эти неудачи? — спросил я, помолчав, чтобы прийти в себя.

— Нет, — ответила она.

— Почему?

— Никто не любит показывать то, что у него не получилось. Кроме того, в этом нет смысла.

Я попробовал зайти с другой стороны:

— Каким был исходный материал твоих неудач?

— Исходный материал был весьма плох, — сказала она. — О нем не следует жалеть. Иначе придется признать, что нет мастерства. А это не так.

У меня кровь застыла в жилах, когда мне представилось, что в заброшенных квартирах заперты представители вида гомо сапиенс с неудачно заплетенными дредами. Возможно, Алиа тренировалась на них, а когда увидела, что из ее попыток мало что получилось, попросту спрятала от человечества «неудачные экземпляры». На какую жизнь они там обречены, навеки запертые в несуществующем доме?

Я не стану изображать перед тобой такого уж великого борца с несправедливостью, за права человека и все такое, потому что это было бы неправдой. На самом деле я с самого начала боялся лишь одного: оказаться в числе этих несчастных. Ведь от меня ничего больше не зависело. Я полностью находился во власти Алии. А вдруг она не останется довольна собственной работой? Кто знает, что еще может прийти в ее голову!

И все же я не сбежал оттуда и не отказался от изначальной затеи. Я даже не могу утверждать, что влюблен в нее. Я был ею болен — вот самое точное определение. И лечение мне предстояло рискованное... Впрочем, я так и не исцелился.

Наш разговор нельзя было назвать допросом, как тебе могло бы показаться. Разумеется, я задавал вопросы, желая выведать у Алии кое-какие интересующие меня подробности. Но и она не оставалась в долгу. Если она сказала правду — а у меня нет оснований не верить ей, — то Алиа действительно никогда не покидает пределов своего дома, и ей было любопытно узнать, какая жизнь идет за стенами ее жилища.

Я пытался было поразить ее воображение повествованиями о нашей школе, о Дне города, о некоторых концертах в СКК или на худой конец о матчах «Зенита», но все

это оставляло Алию совершенно равнодушной. Она расспрашивала меня о тех существах, которых я время от времени начинал видеть на улицах. В первый раз я рассказал ей о них, и довольно много. Точнее, я сообщил все, что знаю. Но ей хотелось большего, и она вытягивала из меня разные детали — про их одежду, выражение морд (называть это «лицами» язык не поворачивался), повадки, походку. Я даже пытался сутулиться, сидя на стуле, как они, но Алия сказала, что это лишнее, — своей пантомимой я мешал ей работать.

В конце концов она призналась, что ее весьма беспокоит одна партия заключенных, которая должна была быть доставлена в дом еще несколько часов назад.

— Так это все-таки тюрьма? — воскликнул я. — И ты — главная тюремщица?

Она резко дернула меня за волосы:

— Никогда так не говори! Чушь! Живая пустота связывает миры, но невозможно перейти от изначального бытия ко вторичному без определенных утрат во время перехода. Странствия разума, скажешь ты? — (Хотя я молчал, подавленный певчатностью ее речей.) — Но странствия разума весьма несовершенны, и чем слабее вмещающее тело, тем менее совершенно странствие. Исследовано и доказано, что тело принимает некое участие в существовании разума. Двуногие мыслят иначе, нежели моллюсковидные. Вмещающая среда во многом определяет движение мысли. Поэтому движение разума из плоти в плоть всегда сопровождается потерями. И случается, что эти потери невосполнимы, особенно если странствующий неопытен и разум его слаб и не закален.

* * *

Официантка явилась вместо официанта и принесла на наш столик маленькую зажженную лампочку под пестрым стеклянным абажуром.

Мы с Гемпелем приканчивали уже третью порцию коньяку, и я прикидывал, не взять ли нам какой-нибудь деликатный закусон. Гемпель становился все бледнее, он уже начал задыхаться — соседник мой явно нервничал. Я боялся, что он утратит контроль над собой. Было совершенно оче-

видно, что ему не следует пить без всякой закуски. Лучше всего было бы, конечно, жирное пирожное.

Я подозвал девушку и попросил ее принести два «заварных», если есть, а если нет, то что-нибудь другое с кремом. Она презрительно покосилась на Гемпелья с его дредами и бледной физиономией и ушла, не сказав ни «да», ни «нет». Я так и не понял, приняла она заказ или же просто послушала мой сбивчивый лепет просто так, чтобы не говорить клиенту «заткнись».

Затем я повернулся к Гемпелью:

— Из твоего рассказа я понял, что тебя, как и многих других, содержащихся в том доме на Васильевском, похитили инопланетяне?

Он криво усмехнулся:

— Приблизительно так.

— Алия — инопланетянка?

— Да, — сказал он, сдаваясь.

Очевидно, мое упорное трезвомыслие производило на него угнетающее воздействие.

— Отлично! — воскликнул я. — Вот мы и подобрались к сути проблемы. Ты — похищенец. И какие бесчеловечные эксперименты, если не считать дредов, над тобой проводили?

— Тебе интересно? — спросил он удивленно.

Я кивнул с жаром:

— Моя мама обожает эти передачи. Знаешь, которые показывают ближе к полуночи. Про домохозяек из Аризоны, которых забирают на космические корабли и там вставляют им зонды в разные места...

— О! — сказал Гемпель с непередаваемой интонацией. — Ну насчет этого было слабовато. Никто никому ничего не вставлял.

— А Алия?

— Мне хотелось, — признался Гемпель, — но я не рискнул. Возможно, она только выглядела человекообразно... Не знаю. Внешность весьма обманчива.

Официантка вернулась и принесла нам два песочных колечка, обсыпанных чахлыми орешками. Очевидно, ничего более кремового в ресторанчике не нашлось. Ладно.

— Ты остановился на том, что Алия говорила о странствиях разума, — напомнил я, обкусывая орешки с колечка.

— Да, — задумчиво молвил Гемпель. Он обвел пальцем узор на абажуре и продолжил (его рука светилась разноцветными огнями, словно сама по себе): — Другой мир. Там, за Плутоном, за гипотетической планетой под названием Прозерпина, если такая действительно существует...

ОКОНЧАНИЕ РАССКАЗА АНДРЕЯ ГЕМПЕЛЯ (В БАРЕ)

Помнишь в десятом классе астрономию?..

(Когда географичку заставили взять этот курс — специального преподавателя так и не нашли, — она не скрывала своего недовольства и в конце концов пошла на прямой саботаж. Каждый ученик получил тему для доклада. Я, например, должен был рассказывать про планету Меркурий. На уроках выступали исключительно ученики: один говорил, остальные слушали. Всем до единого она поставила «отлично». Вышел скандал, но географичка справилась. Она у нас как мыс Доброй Надежды — об нее разбивались любые бури.

Гемпель был специалистом по Плутону. Прозерпина считалась планетой гипотетической и притом трансплутоновой, то есть спрятанной от наших глаз за Плутоном. По-настоящему ее признавали только астрологи, которых никто по-настоящему не признавал. — *Примеч. мое.*)

В космическом пространстве, которое Алия называла «живой пустотой», странствовали некие существа, слутки разумной материи, и в своей неусмной жажде бытия они прибывали в иные миры и там оседали в качестве своего рода эмигрантов.

Достижения их культуры для нас практически бесполезны, поскольку ни эстетически, ни технически они совершенно неприменимы в условиях традиционной земной цивилизации. Прозерпиниане научились расщеплять пространство и обитать в своего рода параллельной вселенной...

Согласно объяснению Алии, на их планете стало слишком тесно. Перенаселение, истощение ресурсов. Поэтому они

прибегли к совершенно невозможной для нас технологии и расщепили свой мир на два, а потом и на три... Сейчас там, на Прозерпине, существует не менее восьми параллельных миров, и все они функционируют одновременно. Инопланетяне получили возможность выбора — каждый решает сам для себя, в каком из миров обитать. Иногда, поссорившись, супруги разводятся — такое случается в любой цивилизации, не только у нас (какое утешение!), — и тогда суд выносит постановление: для жены — один мир, для мужа — другой, и никаких переходов туда-обратно. Это считается довольно суровым наказанием, потому что прозерпиниане плохо переносят какие-либо ограничения свободы.

Итак, сперва удвоение, потом утроение... и так далее, до уосьмирения мира. Поначалу это было воспринято прозерпинианами как решение всех проблем. Но, как это всегда случается с применением слишком сложных и радикальных технологических решений, последствия оказались весьма неожиданными и катастрофическими. Прозерпина утратила стабильность. Каждый новый пласт бытия забирал некую часть «любви» (термин Алии) — объединяющей силы, связывающей их пространственно-временной континуум в единое целое. Прибавление девятого пласта бытия едва не закончилось разрушением всей планеты — всех ее восьми уровней существования.

— И что же, — сказал я недоверчиво, — когда они поняли, что практически уничтожили собственную планету, они взялись за колонизацию нашей?

— Коротко говоря, да, — кивнул Гемпель.

— Боже, боже, мы все умрем! — воскликнул я. — Не пора ли собирать вещички и сматываться куда-нибудь на Марс?

— Напрасно иронизируешь, — отозвался Гемпель. — Они уже приступили к созданию на Земле второго слоя и поселились в нем. Этот слой пока несовершенен — в том смысле, что остались возможности неконтролируемого перехода из Земли-один на Землю-два и обратно, а этого, в идеале, быть не должно. Подобные переходы дозволяются только с разрешения властей и только определенным образом, а не спонтанно.

— Если все будут шляться туда-сюда, — сказал я, — то это...

— Это ускорит разрушение Земли-один и всего земного континуума в целом, — подтвердил Гемпель. — Они решили учесть ошибки, допущенные на Прозерпине. Работа в этом направлении ведется, и притом весьма активно. На завершение ее потребуется несколько столетий. Затем настанет черед третьего слоя, четвертого... Спустя тысячу с небольшим лет они исчерпают возможности Земли. Алия утверждает, что сейчас ученые Прозерпины ведут серьезные исследования нашей планеты. По их данным выходит, что Земля выдержит не менее девяти слоев, полностью изолированных друг от друга.

— Следовательно, у нас осталось еще лет тысяча с небольшим? — сказал я. — Какое облегчение!

Гемпель не обратил внимания на иронию, прозвучавшую в моих словах. Он весь был захвачен собственным рассказом:

— Алия утверждает, что они прибыли на Землю приблизительно триста лет назад и поселились в этих краях потому, что здесь было пустынно. Весьма малой оставалась вероятность, что именно в устье сильно заболоченной протоки поселятся люди. Ничто не мешало исследованиям природы; что до человеческой цивилизации, то она находилась на крайне низком уровне, по отзыву Алии, и поначалу не вызывала никакого любопытства у прозерпиниан.

— Ничего себе! — возмутился я. — Ведь у нас уже были Леонардо да Винчи и другие титаны эпохи Возрождения.

— Искусство оставляет прозерпиниан полностью равнодушными, — объяснил Гемпель. — Кстати, это одна из причин, по которым им трудно находиться в человеческом теле. Человек так устроен, что не в состоянии оставаться безразличным при виде чего-нибудь красивого. Это совершенно сбивает с толку прозерпиниан. Они считают нас неполноценными.

— Сами они... недоделанные, — вырвалось у меня.

Гемпель пожал плечами:

— Алия была одной из немногих, кому удалось сжиться с человеческим обликом. Она даже вынуждена была при-

знать, что исключительно хороша собой и что физическая красота обладает определенной ценностью.

— Ну ничего себе! — сказал я, поедая второе колечко с орешками.

— Представь себе, для нее это оказалось проблемой... Милованов пытался открыть ей глаза, но, как она выразилась, его физическая оболочка была слишком отвратительна. Она не смогла перейти некоторые эстетические барьеры, которые усвоила вместе с человеческим обликом. Кроме того, ей помешали также этические барьеры, чрезвычайно сильные у ее народа.

— А ты?

— В каком смысле? — уточнил Гемпель.

— В том самом, — усмехнулся я.

Если я предполагал его смутить, то мне это абсолютно не удалось. Гемпель оставался серьезным и спокойным.

— Моя физическая оболочка в общем и целом вполне устраивала Алию, — сообщил он, — но мы с ней решили, что называется, не торопить события. Для начала она заплела мне дреды, которым придавала такое большое значение.

— И попутно загрузила тебя историей о параллельных мирах, — добавил я. — Умно. Теперь ты окончательно свихнулся.

Гемпель покачал головой. Его причудливая тень зашевелилась на стене.

— То, что она говорила, соответствует действительности, — заявил он. — Прозерпиниане на самом деле прибыли на Землю и осели в устье Невы более трехсот лет назад. Здесь они начали свои исследования земной природы, не опасаясь помех со стороны людей. Однако затем произошло нечто непредвиденное.

— Погоди, попробую угадать, — перебил я. — Некий русский царь, которого мама в детстве называла «Петенькой», неожиданно-пегаданно явился сюда вместе со своими сподвижниками и воскликнул: «Отсель грозить мы будем шведу!»

— Да, — сказал Гемпель. — Точно.

— И что, твоя Алия — она видела Петра?

— Они все его видели.

— А он их?

— Да.

— О! — молвил я. — И что он сказал?

— Как утверждает Алиа, он счел их появление собственным пьяным бредом. Им это оказалось на руку, потому что они очень быстро выяснили касательно Петра две вещи. Во-первых, он был страшным технократом и повсюду внедрял новшества, а это означало, что непосредственно доступная им человеческая цивилизация в самом скором времени должна была обзавестись интересными технологиями. Во-вторых, хоть Петр Первый и считал инопланетян нечистой силой или похмельными галлюцинациями (для русского человека это зачастую одно и то же), он не испытывал перед ними совершенно никакого страха. Соответственно, и приближенные Петра пытались подражать ему в этом. И худобно у них это получалось. Так что прозерпиниане могли расхаживать среди строителей и первых обитателей Санкт-Петербурга практически свободно. От них никто особо не шарахался, разве что крестами обмахивали, но они поначалу считали это особенной формой приветствия и в ответ только раскланивались.

Таким образом, Петербург стал первым городом на Земле, где успешно был произведен эксперимент по раздвоению пространства. Территориально вторая, параллельная вселенная простирается сейчас от Сиверской на юге до Каннельярви на севере. Центр ее находится на Васильевском... Ну вот, собственно, и все. В самых общих чертах. Мы с Алией часов шесть об этом беседовали...

— И ты всерьез поверил, что Алиа вот так взяла и запросто выложила тебе все факты? — спросил я.

— А что? — пасторожился Гемпель.

— Да так, — сказал я, — что-то не верится...

— Ты прав, — вздохнул Гемпель. — Я тоже не считаю, что она была со мной полностью откровенна. Осталось нечто еще.

— Например? — спросил я жадно.

— Не знаю.

— Ну, например? — настаивал я, видя, что Гемпель колеблется и не хватает лишь небольшого толчка, чтобы он сдался и заговорил.

И он сдался:

— Например, то, что она называла «неудачами». Я ведь так и не разобрался, что это такое на самом деле. По большому счету я их толком не видел. А хотелось бы. Пойдешь со мной?

* * *

Мы сговорились встретиться при первой же удобной возможности. Уже наутро наш разговор не то чтобы выветрился из моей головы, напротив, я хорошенько его проанализировал, разложил все факты по полочкам, сделал соответствующие выводы. При этом первоначальная эмоциональная острота восприятия всей гемпелевской истории изрядно притухла, так что я смог мыслить вполне рационально.

И выходило у меня одно из двух: либо Гемпель помешался, что делало его неудобным и обременительным компаньоном, либо же Алия удачно морочит голову влюбленному в нее парню, что опять же превращает наши с ним совместные приключения в бессмысленные розыгрыши, удовольствие от которых получим не мы.

Тем более что Гемпель (к моему облегчению) не позволил ни назавтра, ни через три дня. Я уж решил было совсем избавиться от всяких воспоминаний о нашей встрече (кстати, за коньяк платить пришлось мне, у Гемпеля не оказалось денег), как вдруг...

Я хорошо помню, как проснулся с тягостным ощущением, что попал в ловушку, из которой мне уже не суждено будет освободиться. Было пасмурно, и дул особенно злокозненный ветер, проникавший в малейшую щель, какую он только находил между стеной и оконной рамой. Казалось, промозглые струи воздуха просачиваются в квартиру даже в незримые микрозазоры между кирпичами, из которых состоит наш дом, и в поры бетона, из которых он тоже состоит.

Притом это вовсе не был какой-нибудь уважающий себя ураган «Катрина». Деревья отвечали на грубоватые ласки ветра ленивым шевелением ветвей, лужи морщились, у вороны пара перьев встала дыбом — вот и все. Но зябкость в воздухе стояла ужасная.

Серые тучи летели под серыми облаками, — казалось, они соревновались, кто из них ухитрится опуститься ниже и при этом не упасть. Труба на котельной исчезала в белой дымке.

Я смотрел на все и отчетливо понимал, что сейчас мне позвонит Гемпель и скажет: день подходящий, нужно вставать и идти. Нужно разыскивать дом Алии на Васильевском острове, а туда долго ехать. Долго и мучительно. И идти по Васильевскому, где ветра летают по линиям и проспектам, вежливо раскланиваясь на перекрестках и сводя с ума прохожих.

Можно было бы отключить телефон. Или не снимать трубку. И зарыться в постели с головой. Или просто уйти из дому. Вообще смыться из города. Но ничего этого я делать не стал, потому что с самого начала знал: Гемпель меня отыщет и заставит идти к Алии. Вариантов нет. Бегство невозможно.

Я заметался по квартире, оделся, схватил сумку... И тут позвонил телефон.

Разумеется, сбежать я не успел. Да я не очень-то и надеялся. Так, последние взбрыки агонии.

— Встречаемся у метро через десять минут, — сказал Гемпель. Как будто знал, что я уже одетый стою.

А может, и знал. Может быть, инопланетяшки после похищения превратили его в телепата. Мы ведь так до сих пор и не изучили всех возможностей похищенцев. Кто знает, вдруг они не во всем врал.

Я сказал «угу» и потащился на улицу. В общем-то, я и разочарован не был. Как вышло, так и вышло. При виде Гемпеля я даже развеселился немного, больно уж недепо он выглядел. Его дреды торчали во все стороны из-под резиновой повязки.

Он глянул на меня и просто сказал: «Пора». Как будто мы действительно сейчас выступали в военный поход или в разведку. Словом, на опасное дело.

Отчего-то мы не поехали на метро, а пошли пешком. Я посматривал на своего спутника сбоку, однако предпочитал помалкивать. Я не сомневался в том, что у Гемпеля имелись основания поступать именно так. В конце концов, почему бы и не пройтись.

Чем ближе мы подходили к Васильевскому, тем тревожнее озирался по сторонам Гемпель. Я не замечал поблизости ровным счетом ничего такого, на что стоило бы обратить внимание, поэтому поведение моего друга меня несколько напрягало. С моей точки зрения, Гемпель вел себя нарочито, как если бы играл в любительском спектакле сыщика и постоянно краем глаза следил бы за эффектом, который производит на зрителей.

Вдруг — мы уже стояли посреди Среднего проспекта, как раз напротив таинственной готической церкви (где действительно горел желтоватый свет), — Гемпель схватил меня за руку и сильно стиснул пальцы:

— Видишь?

Я ровным счетом ничего не видел и так ему и сказал. Он молча покачал головой, не вдаваясь в объяснения. Мы прошли еще несколько шагов, и вдруг я обомлел.

Прямо передо мной торчал высоченный субъект с мордой ящерицы вместо лица. Зеленоватая кожа его бугрилась многочисленными бородавками. Он походил на рекламного человека в маске, раздающего листовки «Посетите наш супермаркет ДИНОЗАВРИКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ» или что-нибудь в этом роде. Но вместе с тем он был живой, не искусственный. Его морда обладала мимикой. Безобразный шрам, еще кровоточащий, рассекал плечо и левую руку, и одежда в этом месте была порвана.

Казалось, никто, кроме нас с Гемпелем, его не замечал. Прохожие текли мимо, даже не поворачиваясь в его сторону. Мокрый ветер лупил их по лицам, и они досадливо морщились, опускали головы. Воздух был полон той мелкой влаги, которая мешает дышать и вместе с городским смогом намертво оседает в легких. Я моргнул несколько раз и тут наконец понял, на что с такой тревогой смотрит Гемпель. Я все больше различал совершенно невероятных типов. Они шли, смешиваясь с василеостровской толпой, и здесь на них то ли не обращали внимания, то ли попросту не видели их. Понять это было невозможно, как невозможно, впрочем, было и разобраться в том, кто принадлежит нашему миру, а кто — параллельному. Случаются на Васильевском и такие пограничные субъекты, которые могли бы

с одинаковым успехом обитать как на Земле-один, так и на Земле-два (при условии, что таковая не является плодом гемпелевских измышлений).

Я как раз прикидывал, не следует ли мне окончательно изменить мнение касательно моего друга (то есть не счесть ли его полным психом), когда ящеровидный заговорил с нами.

Он преградил нам путь и раскинул руки. По сравнению с его массивным телом руки, точнее, верхние конечности были тонкими и жалкими, с бессильно болтающимися длинными пальцами.

Гемпель остановился.

Ящеровидный раскрыл пасть и испустил несколько громких, тревожных криков. Интересно, что никто из прохожих не обернулся; неужели они и в самом деле ничего не замечают? Я был близок к тому, чтобы по-настоящему поверить в существование одновременно двух миров. До сих пор, кажется, я все это воспринимал скорее как гемпелевские бредни или некую увлекательную фантастику. Теперь все это превратилось в чистую, беспримесную реальность и устрало.

К моему ужасу, Гемпель приблизился к ящеровидному и с состраданием коснулся его рассеченной руки. Ящеровидный прорычал нечто, затем испустил звук, похожий на мычание. Гемпель тихо произнес несколько слов на языке, мне абсолютно непонятном. Ящеровидный обнюхал его, покусал рукав его куртки, а затем, сильно ссутулившись, побрел прочь.

— Бедняга, — сказал Гемпель, глядя ему вслед.

Я вздрогнул, таким неожиданным был переход от инопланетянского языка к нормальному русскому.

— Это ты мне говоришь?

— Кому же еще? — удивился Гемпель. — Тебе.

— Слушай, Андрей, — не выдержал я, — этот тип... это существо... оно...

— Оно настоящее, — закончил за меня Гемпель. — Один из тех заключенных, которых я освободил. Он узнал меня и полон благодарности.

— Он для этого тебя остановил?

— В общем и целом — да.

— Стало быть, ты популярная у них личность? — Вероятно, я пытался иронизировать. Сейчас я в этом уже не уверен.

— Они знают, что я — новый фаворит Алии, — отозвался Гемпель совершенно спокойно. — Я имел право освобождать их и воспользовался этим. Я имел право не освобождать их, но не воспользовался этим. Они все меня благодарят.

— А ты что? — заинтересовался я.

Честно говоря, я предполагал, что Гемпель сейчас начнет разглагольствовать на темы достаточно отвлеченные (про благородство, про межрасовую дружбу и прочее) — словом, скажет что-нибудь такое, что заставит его чувствовать себя очень-очень хорошим. Иногда человеку необходимо насладиться мыслью о том, что он поступает правильно, делает добро и так далее. Какая-то загадочная потребность души, заложенная в нас свыше.

Гемпель меня удивил своим утилитарным подходом к делу.

— Я сказал ему, что ты со мной, — сообщил он. — Чтобы он хорошенько запомнил, как ты выглядишь, и, если что, помог бы тебе.

— Если что? — насторожился я. Мне вдруг перестал нравиться оборот, который принимало дело. — В каком смысле «если что»?

— Если с тобой что-нибудь случится, — объяснил Гемпель. — Если со мной что-нибудь случится и ты останешься один, беспомощный.

— Стоп, — сказал я. — Почему это я останусь один, да еще и беспомощный? Человек всегда в какой-то мере один, но до сих пор, кажется, мне удавалось справляться...

— Ты знаешь, что я имею в виду. — Гемпелю не хотелось развивать эту тему.

— Нет, не знаю, — заупрямился я.

Мимо нас шли люди и жуткие существа, бабки с тележками на колесиках, расхлябанные пьянчужки с ближайшей паперти, зеленоглазые плоскорожие создания с остренькими горбиками и мягкими опметками недоразвитых крыльев, женщины неопределенных лет и определенной наружности, согбенные карлики, цепляющиеся пальцами за мостовую,

похожие на ящеров существа без штанов, верткие юноши в пиджаках на костлявых плечах. Потом проскакала всадница на гладкой лошади. Все происходило одновременно и в одном и том же месте.

— Я не знаю, что может случиться, — еще раз сказал я. Но я знал.

Гемпель тоже это знал и потому не ответил. Мы двинулись дальше на поиски розового дома.

Спустя минут десять Гемпель нарушил молчание:

— Она что-то делает с ними...

— Алия?

— Да.

— С кем?

— С заключенными.

— Если она тюремщица, то оно и понятно, — сказал я.

— Она не тюремщица, — возразил он. — Она запретила так себя называть, а Алия ничего не запрещает без смысла. В этом отношении она мало похожа на обыкновенную женщину.

— Судя по твоим рассказам, она вообще не похожа на обыкновенную женщину.

— Она красавица, — сказал Гемпель угрюмо. — Но и на обыкновенную красавицу она не похожа... Вообще ни на что.

— А на что, в таком случае, она все-таки похожа? — не отставал я.

— На тюремщицу, — ответил Гемпель. — Эти заключенные... Я думаю, они просто взяли название. Заключенные. Те, кто куда-то заключен. Под ключ.

Некоторые филологические изыскания, даже те, которые обнажают самое заурядное явление, давно лежащее на поверхности, вроде высказанного Гемпелем, производят на меня сильнейшее впечатление. Тысячу раз я употреблял эти слова — «ключ», «заключенный», — и никогда мне в голову не приходило, что они однокоренные и вообще как-то связаны.

Странно все это.

Должно быть, западный ветер так действует. Западный ветер на Васильевском.

— Они заключены внутри чуждых им телесных оболочек, — продолжал Гемпель. — В этом смысл термина. Помнишь, я говорил тебе, что тело и душа всегда взаимосвязаны?

— А как же Квазимодо? — блеснул я познаниями. — Он был безобразен, но с прекрасной душой.

— Его душа была искалеченной и немой, — ответил Гемпель и усмехнулся. — Я об этом тоже думал. Особенно после встречи с прозерпинианами. Душа и тело взаимовлияют, в этом лично у меня нет ни малейших сомнений. А ты просто поверь на слово.

— Угу, — сказал я.

— В тех случаях, когда душа прозерпинианина оказывается в чересчур уж чуждой для него материальной оболочке, — задумчиво изрек Гемпель, — что-то происходит и с душой, и с телом. Ты заметил, конечно, что одни прозерпиниане — обитатели второго слоя, или, если угодно, Земли-два, — выглядят более-менее привычно для человеческого глаза...

— Ты имеешь в виду горбатых карликов, обезьяно- и лемуноподобных уродцев и колченогих, кривобоких калек? — вставил я.

Гемпель кивнул:

— Именно их. Они ведь все-таки похожи на людей. Пусть изуродованных генетическими мутациями, пусть очень некрасивых и отталкивающих, но все же людей.

Мы миновали Андреевскую церковь, возле которой тусовались два человекообразных субъекта с дергающимися плечами и мокрыми бородами. Я вдруг поймал себя на том, что не могу сейчас определить, к какому разряду отнести их. Земляне они или прозерпиниане? И если прозерпиниане, то должен ли я презирать их за столь низкое падение? А если они земляне — дает ли это право мне относиться к ним с пренебрежением? Может быть, нахождение на границе вообще открывает для развития человеческой личности такие возможности, каких она прежде за собой не подзревала?

А вдруг они вообще телепаты?

Я поскорее стал думать о чем-нибудь другом.

Гемпель между тем развивал свою мысль, не слишком заботясь, чтобы я, по крайней мере, слушал внимательно, не говоря уж о том, чтобы что-то понимал и усваивал.

— В тех случаях, когда заключенная душа испытывает трудности из-за полной своей несовместимости с новым вмещающим телом, происходят разные неприятные трансформации. Как, например, вот с тем ящером. Ну и с другими. Алия разбирается с этими случаями. Ты знаешь, — продолжал Гемпель, захваченный новой идеей, — мне только сейчас в голову пришло... Полагаю, Алия — что-то вроде ученого. То, что у нас подразумевается под этим словом.

Он просто расцвел, когда наконец получил повод заговорить об Алии! Точно, Гемпель болен. При первом нашем разговоре я не вполне ему поверил, но теперь имел случай убедиться, что, описывая симптомы, Гемпель был абсолютно прав и безжалостно точен. Алия стала его болезнью. Что-то вроде холеры. Она занимала все его мысли, и полагаю, что если изучить какую-нибудь клетку гемпелевского тела под электронным микроскопом, то там, внутри мембраны, обнаружится плавающая в цитоплазме крохотная Алия. Причем это касается не только клеток мозга, но и всех остальных, за исключением, быть может, жировых, которых в организме Гемпеля совсем немного.

— Очевидно, наиболее трудные экземпляры после переселения попадают к Алии, чтобы она... Не знаю, что она с ними делает, — признался Гемпель после паузы. — Может быть, изучает.

— Что страшного в изучении? — спросил я.

— Любое изучение предполагает анализ.

Слово «анализ» ассоциируется у всякого недавнего школьника... правильно, с тем, о чем вы сами только что подумали.

— Анализ означает расчленение, — сказал Гемпель, криво усмехаясь (готов поспорить, у него возник тот же самый образ, что и у меня: белый столик с дурнопахнущими баночками). — Разъятие на части с целью исследования. Понимаешь теперь?

— По-твоему, к Алии пригоняют всех этих уродцев, а она разрезает их на кусочки и потом рассматривает в луну?

— Приблизительно так.

— И ты еще влюблен в эту женщину? — воскликнул я.

— А что?

— Разве можно любить медичку? Она копается в чужих внутренностях, а потом теми же самыми руками — ты только вдумайся в это, Андрей! — гладит твое лицо и более того...

Он пожал плечами:

— Честно говоря, мне все равно. Она — Алия. Для меня этим все сказано. Коротенькое слово, в котором заключена вся моя жизнь. — (Опять «заключенный», заметь!) — Я умру без нее. Я уже сейчас умираю, потому что слишком долго ее не видел.

За волнующим разговором мы незаметно добрались до места, и Гемпель замер, впившись жадным взором в розовый дом, одиноко торчащий посреди пустыря. На мой взгляд, ничего особенного в этом доме не было. Море грязи вокруг, несколько захламленных луж, опрокинутая скамейка, полу-сгнивший пенёк на том месте, где когда-то был роскошный тополь... И нечистый бесстыдно-розовый фасад с чумазыми белыми завитушками вокруг окон второго этажа.

Я честно сказал Гемпелю:

— Отвратительный дом.

Он меня не слышал. Как замороженный, он шагнул к подъезду и открыл дверь. Я вошел следом.

Мы поднялись на два пролета и остановились перед обшарпанной дверью. Гемпель глянул на меня дико и озорно. Я его таким уж и не помнил. Дреды стояли дыбом, глаза свстились лукавством, они казались невероятно добрыми. Таким добрым бывает только очень юное существо, которому просто никто еще не объяснил, что в мире встречаются плохие дяди и нечуткие тети. Шенки такими бывают. Котята — нет, котята знают о плохих дядях и тетях с рождения. Поэтому, кстати, кошки считаются умнее собак. Что до людей, то «собаководных» приблизительно одна десятая от общего числа всего человечества, причем к десятилетнему возрасту эта особенность напрочь изживается.

В общем, Гемпель выглядел по-детски чистым, наивным и нежным, когда вынес дверь ударом ноги. Петли вылетели напрочь, дверь опасно накренилась, повисла, поду-

мала и рухнула. Гемпель ворвался в квартиру, где одурмивающе пахло аптской (на самом деле это был запах йода, источаемого морепродуктами). Я осторожно забрался туда вслед за ним. Хотя квартира и выглядела необитаемой, мне все же было боязно. И страшился я именно представителей закона, а вовсе не тех существ, которые, возможно, прятались в глубине темного коридора.

Гемпель пощелкал невидимым выключателем — безрезультатно. Он вынул из кармана фонарик и осветил коридор. Как и ожидалось, мелькнули очень старые, повсеместно засаленные обои — темно-красные, с ужасными золотыми узорами; торчащий из стены черный счетчик электроэнергии, еле-еле шевелящийся; радиоточка, из которой, если прислушаться, сочлились какие-то неусловимые звуки, и огромное пугающее зеркало с черными старушечьими пятнами. Ни одежды, ни разного хлама, обычно выставленного в таких коридорах, не наблюдалось. Посреди тянулся по грязному паркету длинный мокрый след, как будто волокли сырое белье.

Я сразу догадался, кто оставил след.

Некто хвостатый.

Некто динозаврообразный.

Нетрудно понять, что меня теперь было не смутить подобными субъектами. Я не страшился их хотя бы потому, что они сами до ужаса боялись Гемпеля. Мой друг тоже подумал об этом. Он поводил фонариком, освещая то одну дверь, то другую, и наконец выбрал ту, которая, как он потом пояснил, «трещетала».

Мы вошли в комнату, и Гемпель погасил ненужный здесь фонарь. Свет, рассеянный, серый, приглушенный взвешенной в воздухе влагой, проникал сюда через окно, совершенно голое, без занавесок. Три существа сбились в кучу и тряслись, как желе. Они даже отдаленно не напоминали людей — бесформенная биомасса с десятками щупальцев, расползающихся как попало, в совершенно произвольном порядке.

Я вдруг подумал, что эти щупальца похожи на дреды.

Гемпель сунул руки в карманы и заговорил с ними. Я не знал, что и думать о моем однокласснике: похоже, он без всякого труда пользовался наречием прозерпиниан и даже

не всегда замечал, когда оставлял родной язык и прибегал к инопланетному!

Они зашевелились, потянули к нему щупальца, как бы норовя прикоснуться. Гемпель отстранился и строго что-то сказал — запретил, должно быть. Они покорились без единого слова возражения. Он снова задал им несколько вопросов.

Наконец один из них тихим голосом начал шептать и шепелявить. Гемпель слушал внимательно. По его лицу я не мог понять, как он относится к говорящему. Ни сочувствия, ни безразличия в моем приятеле я не замечал. Он просто принимал некую информацию.

Затем существа сбились в кучу и заговорили между собой очень быстро и тихо. Гемпель наблюдал за ними отстраненно. Затем, не дождавшись, пока они закончат совещание, обернулся ко мне:

— Идем отсюда.

Я был рад поскорее смыться из жуткого места.

Мне доводилось слышать «случай из жизни», когда соседи, привлеченные жуткой вонью из квартиры, решались наконец взломать дверь и обнаруживали там полуразложившийся труп одинокой старушки, которой никто не хватился, пока она не завоняла как следует. Вот приблизительно такой «случай из жизни» сейчас с нами и приключился.

Мы остановились возле следующей двери. Гемпель оглядел ее критически (от доброй улыбки не осталось и следа, губы его были сжаты, глаза сощурены). Очевидно, он прикидывал, как ему взломать ее, но те, кто жил взаперти, уже все слышали: и грохот с нижнего этажа, и шаги в квартире, где никаких шагов быть не должно, только шлепки и чмокание, как от ползания очень крупных моллюсков... И шепот, наверное, тоже до них доносился.

Они открыли сами.

Их было пятеро, иссушенных, тощих, с непомерно костлявыми конечностями и торчащими мослами. Круглые сухие глаза быстро моргали, безгубые рты шевелились, но не выпускали ни звука.

— Неудача? — спросил Гемпель.

Они попадали перед ним. Не упали на колени, не простерлись ниц, а просто рухнули как попало. Один даже закрыл голову ладонями.

— Ладно, — сказал Гемпель, оглядев их критическим оком, — вы никуда не годитесь. Ваши души глупы и пусты, они изуродовали хорошие тела. Алия пыталась помочь вам. Так?

Они молча копошились на полу.

Гемпель повторил свой вопрос на их языке. Они застыли на миг, а потом один поднял голову и что-то тихо ответил.

Гемпель усмехнулся, повернулся к ним спиной и вышел из квартиры. Когда мы закрыли дверь, то услышали длинный тонкий пронзительный вопль, исторгнутый сразу пятью глотками. Никогда не предполагал, что реальное существо может так орать.

— Я думаю, это заключенные, которым не удалось адаптироваться, — сказал мне Гемпель.

— Да понял уж, — буркнул я. — Мы что, так и будем совершать турне по уродам? Предупредил бы.

— Да я сам толком не знал, — ответил Гемпель преспокойно. — Ты в Кунсткамере был?

— Там в самые интересные отделы не пускают, — ответил я.

— Это раньше не пускали, а теперь можно любых уродов в банкс смотреть, — возразил Гемпель.

— Так ты ходил?

— Нет.

— Зачем спрашиваешь?

— Говорят, похож... — Он вздохнул. — Алия попытается их изучить.

— Пытается? Да она, я думаю, просто их изучает! Анализирует, как ты это называешь. Производит вивисекцию.

— Она с научными целями! — сказал Гемпель.

— Наука знаешь куда человечество завела? — заметил я, как мне казалось, остроумно. — Она довела человечество до атомной бомбы. И до биологического оружия. Ничего хорошего.

— Ей важно понять, как переносить прозерпинианский разум в телесные оболочки, приспособленные к существо-

ванию на Земле-Два — при условии нестабильности границ между Землей-Два и Землей-Один. Она утверждает, что подобный переход от изначального бытия ко вторичному всегда чрезвычайно рискован. Она исследует способы такого перехода, при которых прозерпинианский разум подвергается минимальному риску.

— И ради этого она практикует вивисекцию. Очень гуманно.

— Возможно, на Прозерпине другие представления о гуманности... Если ты изуродован при переносе разума, это является неоспоримым свидетельством твоей изначальной неполноценности. И, будучи существом неполноценным, ты обязан служить другим. В качестве материала для анализа и изучения. Да, в качестве материала для вивисекции, если угодно! — Гемпель разгорячился, лицо его покраснело. — В этом твое общественное предназначение, твоя гордость. И прозерпиниане понимают и принимают это.

— Ты рассуждаешь как фашист, — сказал я.

— Еще скажи, что жалеешь моллюсков.

— Это же разумные моллюски, у них, может быть, даже душа есть... Да разве ты сам их не жалеешь? — спохватился я. — Ты же сам отпустил на волю целую партию заключенных, которых гнали сюда для проведения над ними бесчеловечных экспериментов. А? Сознавайся, Гемпель.

— Может, и жалею, но это неправильно, — не сдавался Гемпель.

Я схватил его за рукав, заставил посмотреть мне в глаза (мы стояли на лестнице перед очередной дверью) и зашептал:

— Скажи честно, ты ведь просто ищешь способ выгородить Алию! Ты подбираешь оправдание ее чудовищным поступкам! «Другие обычаи», «мы не вправе вмешиваться», «у них благие цели»... Ага, давайте теперь из политкорректности оправдывать каннибализм, мол, это очень древняя традиция...

— Не городи чушь! — прошипел Гемпель.

Я видел, что сильно задел его. Потому что я был прав.

Однако Гемпель упрямо не хотел сдаваться.

— Алия не такая, — твердил он. — Не бесчеловечная, не жестокая. Она хорошая.

В третью квартиру мы попросту постучали. Вот так: тук-тук-тук. Как все люди делают, если звонок не работает.

И нам попросту открыли. Как все люди делают, если к ним стучат, а они дома и ничем срочным не заняты.

* * *

Самое время сделать вдох и немного помолчать. Это придаст моему рассказу некоторую напряженность, а мне позволит сходить на кухню и, выслушав привычную нотацию от моей старенькой мамы, все-таки взять сигареты и пойти перекурить. Мама уже почти сорок лет пытается заставить меня бросить курение. Безуспешно, как вы понимаете.

Вот у нас заодно появилась минутка обсудить еще одну вещь. Дело в том, что я записываю мою историю спустя сорок лет после того, как она произошла. Я много раз пытался это сделать, но меня вечно что-нибудь да останавливало.

В молодости я не умел излагать мысли внятно. Переискивал с одного на другое и был чрезвычайно эмоционален в духе Интернет-общения. Не стеснялся в выражениях и прибегал к разного рода лексике, которая по прошествии десятка лет стала просто непонятной, ибо отошла в прошлое вместе с эпохой, ее породившей.

Я и сам порой не всегда понимал, что имел в виду, заглядывая в старые записи.

Потом я женился. Это заняло все мои мысли и надолго отвлекло от Гемисля и всего, что было с ним связано.

Потом я развелся. Это обстоятельство также забило мою оперативную память, и некоторое время я был некоммуникабелен.

Потом я опять женился.

Наконец у меня родились дети...

И во все эти многообразные эпохи мама непрерывно меня пилила по разным поводам. Впрочем, курение оставалось неизменным и первым, с него она начинала, а потом переходила к теме «Ты хочешь оставить меня без внуков» (новая версия: «Твои дети сведут меня в могилу»).

Я и мои жены. Я и мои дети. Я и мое здоровье. Я и мамино здоровье.

Вот и сейчас она уже в десятый раз меня спрашивает, чем это я занимаюсь в выходной день. Почему сижу взаперти, такой бледный, ничего не кушаю и что-то строчу в блокноте. Кажется, она подозревает, что я составляю завещание, а это автоматически означает, что я болен и чувствую скорое приближение смерти...

— Мама, я просто решил написать рассказ, — объявил я, закрывая дверь у нее перед носом.

Пусть что хочет, то и думает, а я сказал правду!

За эти годы я совершенно забыл, какими мы с Андрюхой были, как разговаривали, как общались. Поэтому в передаче прямой речи, боюсь, у меня слишком много научности, слишком много правильности. Но лучше уж так, чем дешевая имитация подлинной разговорности.

Давно уже минуло наводнение 2024 года, когда дамба была наполовину разрушена и по улицам носило на волнах дохлых крыс, дохлых кошек и какие-то доисторические доски.

Но о наводнении я расскажу чуть позже... А пока пора вернуться в третью квартиру дома с розовым фасадом. Дома, который можно найти только в тот день, когда дует сильный западный ветер, когда воздух перенасыщен влагой и в вечных густо-серых сумерках видны странные лица землистого цвета... В день, когда явь неотличима от сна, реальность — от кошмара, а веселый дружеский прикол — от жуткого, убийственного бреда.

Итак, дверь отворилась. На пороге стоял Филипп Милованов.

* * *

Я понял это, потому что Гемпель отшатнулся, позеленел и воскликнул:

— Милованов!

Тот криво улыбнулся:

— Входите, раз уж пришли. А кто это с вами, товарищ Гемпель?

Я представился. Милованов смерил меня насмешливым взглядом и кивнул:

— Подойдешь.

Я вспыхнул от возмущения. Я что, скот на бойне или там кандидат в рабство, чтобы меня так пренебрежительно осматривать на предмет «подойдет не подойдет»? Впрочем, Милованову до моих переживаний явно не было никакого дела. Он зашагал по коридору. Его белая рубашка светилась даже в темноте.

Мы пошли следом. Я заметил, что Гемпель не закрыл дверь, и мысленно похвалил его за это: если нам придется спешно уносить ноги, не надо будет тратить время на отпирание сложного замка.

Милованов привел нас на кухню, а это означало, что разговор предстоял совершенно откровенный.

Что, в свою очередь, означало, что он считает нас либо союзниками, либо покойниками.

— Ты, я слышал, сделал большие успехи у Алии, — обратился Милованов к Гемпелю.

Тот молча кивнул.

— Что ж, тебе повезло... Она набила руку, да и материал вполне пригодный. Я сй так и сказал, когда рекомендовал тебя для обработки.

Гемпель уставился в лицо Милованову. Я пристально наблюдал за моим другом и впервые заметил, что лицо Гемпеля изменилось. Чуть выдвинулась вперед нижняя челюсть, ниже стал лоб, глубже утонули глаза. Дреды шевелились вокруг его головы, точно живые щупальца.

— Она раньше совсем безбашенная была, — продолжал Милованов. — А ты не знал, Гемпель, да? Признайся, не знал? Она наверняка не стала ничего тебе рассказывать... Умная девочка. Побоялась спугнуть. Правильно, в общем-то, поступила, только не совсем честно. Понимаешь, о чем я?

Андрей не двинулся с места. Ни один мускул, как говорится, не дрогнул на его лице. Он даже не моргал. Я старался во всем подражать ему. Впрочем, на меня Милованов даже и не смотрел.

— Я рекомендовал Алии подходящих кандидатов, — говорил Милованов. Саморазоблачение доставляло ему, как всякому истинному злодею, глубочайшее наслаждение. — Я отбирал их среди знакомых, которых у меня было множество. Я устраивал тематические «пати», на это многие

клевали, так что в дураках никогда не возникало дефицита. И все они потом приходили сюда... Не могли не прийти.

— У них не было шанса, — хрипло вымолвил Гемпель.

Милованов хлопнул в ладоши так, словно пришел в неопишуемый восторг.

— Точно! Ни малейшего шанса! — подхватил он. — С тех пор как человеческое существо узнавало об Алии, оно ни к чему так не стремилось, как к знакомству с ней. Я мог вообще ничего не делать. Жертву не требовалось пасти, подталкивать к принятию правильного решения, следить, чтобы она не сбилась с пути. О нет, мне оставалось просто сидеть на месте и терпеливо ждать. Потому что рано или поздно хрупкие покровы видимости падали и розовый дом на перекрестке возникал перед глазами избранного.

— Жертвы, — поправил Андрей.

— Избранной жертвы. — Милованов, кажется, попытался пошутить. — Все мои протеже приходили к Алии, и она исследовала их. Одного за другим. Ей важно понять степень совместимости. Возможности перехода туда и обратно. Возможности безболезненного существования здесь и там. *Da und hier*, выражаясь по-научному.

— То есть ты хочешь сказать, — заговорил я, — что она практиковала вивисекцию не только над своими собственными согражданами — что допустимо в рамках традиции и политкорректности, — но и над нашими? Над гражданами Российской Федерации?

— И гостями нашего города. Включая американских туристов и молдавских гастарбайтеров, — подтвердил Милованов и повернулся к Гемпелю. — Где ты нашел этого парнишку? Он довольно сообразительный.

Я прикусил губу, потому что естественной реакцией с моей стороны на подобное заявление было бы дать нахалу в глаз. А мне хотелось еще послушать. Может быть, Милованов выдаст какие-нибудь новые душераздирающие подробности.

И точно. Милованов, как будто оценив мою сдержанность, продолжил рассказ об Алии:

— Позднее она стала осмотнительнее. Не всех, кого я к ней направлял, она принимала в работу. Многих отбрако-

вывала. Она научилась с первого взгляда определять, годится ли экземпляр для ее целей. Например, Лазарев не годился.

— Очевидно, это и спасло ему жизнь, — сказал Гемпель задумчиво. — А со мной что будет?

— С тобой? — Милованов оглядел его с головы до ног и улыбнулся. — Ты — ее удача. Возможно, первая настоящая удача. Ты вполне готов к перемещению. Это не искалечит тебя. Она очень гордится тобой.

— Ясно, — молвил Гемпель.

— А мне не ясно, — вмешался я опять и зло надвинулся на Милованова. — Кто ты такой?

— Я? — удивился тот. — А ты как думаешь?

— Я думаю, что ты — человек-ренегат, — выпалил я.

— В каком смысле? — Милованов откровенно забавлялся.

— В том смысле, что ты — человек.

— Да, — согласился Милованов. — Я человек.

— Как же вышло, что ты работаешь на них?

— На них? — Милованов удивлялся все больше и больше. — О ком ты говоришь?

— Я говорю об инопланетянах. Как ты, землянин, можешь на них работать?

— Да запросто, — отмахнулся Милованов. — Когда Алия сказала мне, что ей нужен агент по вербовке, я сразу же согласился.

— Почему?

— Любопытство. Деньги. Мало ли причин.

— Ясно.

Я направился к двери, даже не притронувшись к кофе, которым Милованов пытался нас потчевать. Еще не хватало! Не стану я распивать кофе с предателем рода людского.

Я ожидал, что Гемпель последует моему примеру и немедленно покинет это проклятое место, однако тот не тронулся с места.

— Ты идешь, Андрей? — спросил я, поворачиваясь к нему уже на пороге.

Он медленно покачал головой:

— Я остаюсь.

— Почему?

Я просто задыхался от всех этих «почему», на которые мне давались такие лаконичные, такие уклончивые и зачастую такие непонятные ответы.

— Почему, Андрей?

— Потому что мое место теперь здесь.

— Намсрен помогать ему вербовать для Алии пушечное мясо? — закричал я. — Из любопытства или ради денег? Я был о тебе лучшего мнения!

— Нет, — ответил он устало. — Я — удача Алии. Первая ее абсолютная удача. Если я сейчас уйду, если не позволю ей воспользоваться мною, она искалечит еще немало жизней, прежде чем создаст второй прототип... Нет. Я остаюсь. Пусть завершит эксперимент. Я готов служить ей. Это мой добровольный выбор.

— Ты болен, — сказал я, как плюнул.

— Я совершенно здоров, — возразил Гемпель.

На мгновение я представил, как веселится Милованов, слушая наш диалог, но сейчас мне было все равно.

— Ты сам признавался в том, что болен Алией, — настаивал я.

— В моей болезни нет ровным счетом ничего страшного, — отозвался Гемпель. — Обыкновенная любовь. Притяжение к объекту, необходимому для дальнейшего функционирования. У меня совершенно ясный рассудок. Я вполне отдаю себе отчет в происходящем. Чем дольше я нахожусь в ЭТОМ, чем дольше размышляю над фактами, тем более простым и отчетливым мне все это представляется.

— Кажется, это была моя роль — все упрощать и представлять в пошлом, примитивном виде, — съязвил я.

— Ты хорошо меня научил, — ответил Гемпель без всякой обиды. — И ты был прав. Я должен остаться, а ты ступай.

— И никто из вас, предателей, не боится, что я наступю? — осведомился я напоследок.

Они засмеялись так дружно, что меня едва не стошнило. Гемпель и Милованов — оба.

Конечно, они этого не боялись. Ведь розовый дом на перекрестке не найдет никто, если Алиа этого не захочет. И если не постанет особенно мерзкая непогода.

После этого много лет я ничего не слышал о Гемпеле. Пару раз натыкался на Лазарева, он старел, мельчал и при разговоре всегда мелко, глупо хихикал. Полагаю, встреча с Алией оставила неизгладимый отпечаток на его психике. Странно, но при всех этих отклонениях он был счастливо женат. Ни он, ни я никогда не упоминали о Милованове, хотя — я видел это по глазам Лазарева — ни он, ни я ничего не забыли.

Как я уже говорил, семейные неурядицы сделали мою эмоциональную жизнь достаточно насыщенной, так что в основном я довольствовался романами, женитьбами и разводами, пока наконец не упокоился в лоне второго, благополучного брака.

В дурную погоду я неизменно сидел дома и отключал телефон, едва лишь небо заволакивало тучами. Домашние посмеивались над моей неприязнью к сырости и тягой к уединению, но, в общем, не препятствовали. Любопытно также, что я следовал своему обыкновению машинально и по целым годам не вспоминал о причинах такого поведения.

Весной 2024 года меня настигла меланхолия такая сильная, что ее можно было бы считать сродни душевной болезни. Меня раздирала жалость к себе, к людям, даже к городским камням: зачем они так недолговечны и так быстро разрушаются под действием климата и хулиганов! Я мог заплакать над котенком, который ел посреди улицы с клочка газеты, на котором сердобольная бабулька положила немного рыбного фарша. А это уж совершенно дурной признак, и жена настоятельно советовала мне прибегнуть к успокоительной настойке.

Настойка эта была на спирту, так что я не стал возражать и завел привычку употреблять по две-три успокоительные бутылочки в день.

И вот однажды я вышел из дому во время дождя. Не иначе это успокоительное подействовало на меня одурманивающим образом, и я впервые за много лет изменил давней привычке. Я вдыхал холодный сырой воздух и с удивлением понимал, что стосковался по ощущению влаги в

горле и легких. Я как будто вернулся домой из долгого странствия.

Хмель, если таковой и имел место, сразу выветрился из моей головы. Мне стало легко и радостно. Меланхолии не осталось и следа. Я шел по улицам, наслаждаясь узнаванием. Вот дом, над которым распростерла груди и плавники русалка с квадратной ощеренной пастью, полной острых зубов. Вот и старый знакомый, горбатый карлик с руками, свисающими до мостовой. Как нахально и радостно оклабился он при виде меня!

А там машет мне рукой похожий на медузу полуголый сторож возле богатого подъезда. Я приостановился возле него и по-детски радостно вытаращился на золотые инкрустации и тускло поблескивающие ограненные самоцветы, которые были искусно вделаны на место бородавок гигантского морского чудовища, расплзшегося по всему фасаду здания.

Может быть, я никогда и не ходил по этим улицам в реальной жизни, но — и теперь я был убежден в этом, как никогда твердо, — все они часто виделись мне во сне, особенно в дождливую погоду. Наконец-то я решился сбросить с себя тягостные оковы реальности и свободно шагнуть в мир собственных сновидений.

Я бывал здесь тысячи раз, и существа на улицах узнавали меня. Это ли не веское доказательство тому, что я прихожу сюда отнюдь не впервые!

Иногда на улицах сгущался туман, и тогда между колеблющимися серыми сгустками я вдруг начинал различать строения прежнего Петербурга. Но затем ветер разгонял ключья, и снова передо мной предстал фантастический город, населенный самыми разными созданиями.

Я не мог не отметить одного обстоятельства. По сравнению с теми, которых я видел в молодые годы во время прогулки с незабвенным Андреем Ивановичем Гемпелем, нынешние прозерпиниане сильно изменились к лучшему. Они по-прежнему могли бы показаться среднему землянину уродливыми, но теперь в их необычности не было ничего болезненного. Они не производили впечатления нежизнеспособности. Напротив. Причудливые, даже гротескные

формы страстным образом делали прозерпиниан более приспособленными к здешним условиям, к постоянной сырости, ветрам и туманам. Петербург-два был как бы вечно погружен на дно морское. Кто знает, возможно, так оно и было на самом деле, а город, вознесшийся над зримыми и незримыми потоками вод вопреки природе, лишь иллюзия, помещенная в мозг безумного Петра и явленная во плоти лишь в силу непререкаемости божественной царской власти.

Постепенно тучи ступались, и на улицах делалось все темнее. Ветер дул с особенно громким, пронзительным завыванием. В своих городах прозерпиниане устанавливали особые трубы на всех утлах и по тембру их звука определяли силу ветра, его направление, а также делали предсказания дальнейшей погоды, что для них всегда являлось чрезвычайно важным.

Даже я сразу понял, что надвигается буря. Я стал оглядываться в поисках подходящего укрытия, поскольку отдавал себе отчет в том, сколь опасно оставаться на улицах при подобном положении дел.

Но нигде не находилось подходящего места. Все двери стояли запертыми, и по одному только их виду я понимал: открываться они не намерены.

Я растерянно озирался, стоя на перекрестке, как вдруг ко мне приблизился рослый субъект с мордой ящерицы. Я не сразу вспомнил его и некоторое время неприязненно рассматривал отталкивающую образину, готовый в любой момент убежать.

Он заговорил со мной на своем наречии, которого я, естественно, разобрать не мог, кроме одного-единственного слова: «Гемпель». Он твердил это слово как заклинание, вставляя его, кажется, после каждой более-менее законченной фразы.

Наконец догадка словно молнией блеснула в моем мозгу. Ну конечно! Это был тот самый «человек-динозавр», который некогда изъяснялся Гемпелю благодарность за спасение от вивисекции и которого Гемпель в свою очередь просил позаботиться обо мне, если возникнет такая необходимость. Вон и шрам на руке у него сохранился, тот самый.

На Санкт-Петербург неотвратимо надвигалось нечто страшное. Нечто такое, от чего меня намеревался спасти гемпелевский динозавр. Вот что он пытался втолковать мне, шевеля слабыми длинными пальцами прижатых к груди маленьких ручек. Я больше не колебался и позволил усадить себя на жесткую, поросшую колючими пластинами голову. Голова у динозавра была широкая, плоская, так что я устроился там, скрестив ноги по-турецки и ухватившись за одну из пластин.

Он пророкотал что-то и двинулся по улице, преодолевая силу ветра. Мы брели так довольно долго. Ветер и дождь залепили мне глаза, дышать стало почти невозможно. Не знаю, как ухитрился передвигаться мой могучий спутник. Наконец мы очутились на самой дальней оконечности Васильевского острова, там, где терпение земли заканчивалось и она сдавалась на милость залива.

Вода била о берег с такой яростью, словно не могла простить ни пяди, у нее отвоєванной, и каждая волна посылала отчетливые проклятия царю Петру и его упрямству.

Я сидел на голове у человека-динозавра и не отрываясь смотрел на залив. Я уже знал, что именно происходит сейчас в Петербурге-один: наводнение. Двадцать четвертый год явился в историю и заявил о своих правах.

Рска встретила на своем течении мощное движение ветра, вспучилась, вздулась и стала расти, постепенно накапливаясь в русле. Все выше поднимались воды. Мертвые косы водорослей выбрасывало на парапеты и набережные, рыбешки ошеломленно бились в лужах, и горы тухлятины вымывало из всех подвалов, из укромных уголков, куда боятся заглядывать даже самые жуткие из городских обитателей.

Уже позднее станет известно, что разбился вертолет метеорологов и что он, по счастью, упал на пустыре, так что пострадало только несколько домов, где от взрыва вылетели стекла. Ну и погибли две журналистки и один пилот.

Я же не отрываясь смотрел в воду залива.

Там медленно копошилось огромное существо. Гигантская голова то приподнималась над поверхностью черной воды и взидала на нас большими глазами, полными разумной тоски и сдержанной ярости, то вдруг проваливалась в

бездну. Обыкновенно залив здесь очень мелкий, но это имеет отношение лишь к Петербургу-один; в Петербурге-два сразу за «Прибалтийской» разверзается бездна, полная соленой воды.

Чудовище пропадало и выныривало, повторяя это снова и снова, и с каждым разом амплитуда его колебаний становилась все больше, так что волны вздымались все выше и выше и ярость погребенного в океанской пучине монстра передавалась водам. Затем оно начало выбрасывать вперед свои щупальца. Неимоверной длины и чудовищно мощные, они хлестали улицы и заливали их потоками воды. Десятки живых плетей, снабженных присосками, били по мостовым, а горы влаги обрушивались на дома и деревья. Рушились столбы с электрическими проводами, везде пробегали синеватые змеи выпущенного на волю тока. Птицы погибали, и крысы, и кошки, и бродячие собаки, но следующий поток воды смывал их в океан, где они исчезали бесследно.

Ярость монстра была ужасна. Он избивал ненавистный ему город снова и снова, тщетно пытаясь сбросить его с лица земли. Пронзительный свист на грани слышимости — во всяком случае для человеческого уха — оглушал, заставляя все тело вибрировать и содрогаться.

Так продолжалось до бесконечности... И вдруг все стихло.

Тишина охватила нас мягким одеялом. Я не сразу смог осознать ее и принять и понял, что все кончено лишь потому, что мой спутник весь обмяк и опустился на колени. Я сполз с его головы и устроился рядом. Мы просидели в неподвижности еще очень долго, просто радуясь тому, что опасность миновала, монстр затих и рядом, поблизости, находится по крайней мере одно живое и разумное существо.

Кажется, я задремал. Когда я открыл глаза, то обнаружил себя в одиночестве. Я сидел на ступенях какого-то магазина, среди осколков витрины. Вода заливала асфальт, несколько деревьев в сквере были повалены. Девушка-продавщица со злым личиком перевязывала пораненную ладонь платком.

Я вошел в магазин, оставляя за собой мокрые следы.

— Мне нужно позвонить домой, — сказал я, обращаясь в пустоту. — Пожалуйста, позвольте мне воспользоваться телефоном.

Алексей Лебедев
Из цикла «ЛЕГЕНДЫ АРКХЭМА»

СВЕТ НА ЧЕРДАКЕ

Я встретил его в Хеллоуин на развилке дорог у пика Эйлсбери.

Собственно, сначала я просто увидел одинокую машину на обочине и остановился спросить, не нужна ли помощь.

В этом немолодом и грузном человеке мне сразу почудилось что-то необъяснимо знакомое. Но согласитесь, странно было видеть товарища студенческих лет постаревшим.

— Рэй, это действительно ты? — меланхолично спросил он.

— Элайя? — в свою очередь удивился я. — Элайя Новак? Сколько лет, сколько зим... Что случилось?

— Ничего, — ответил он, вновь уставившись куда-то вдаль. — Просто задумался.

— Ага, — сказал я.

Новак всегда был нобычным человеком, и с этим нужно было смириться.

— Ты никуда не торопишься? — вдруг спросил он.

— Да нет!

Я решил, что он хочет предложить пойти куда-нибудь опрокинуть стаканчик за встречу и вспомнить старые времена, но у Элайи оказалось на уме нечто другое:

— Я был бы очень признателен, Рэй, если бы ты согласился поехать со мной в одно место... Это старый дом, miles в пяти отсюда. С этим местом связаны детские воспоминания... и ночные кошмары, которые мучают меня теперь. Порой я уже не знаю, Рэй, где сон, а где реальность. Я хочу, чтобы ты пошел туда со мной и сказал, видишь ли ты то же, что вижу я? Для меня это очень важно.

Всю эту странную тираду он произнес в своей обычной манере — тихим монотонным голосом и как по писаному. В пору учебы в университете Элайе сулили блестящее бу-

дущее, но эксцентричность характера и трудность в общении с людьми помешали ему сделать карьеру. Друзей у него всегда было немного, и я когда-то входил в их число, но с тех пор минуло четверть века — чем и как он жил эти годы, мне было неведомо.

Наверное, следовало бы отказаться и не лезть в это темное дело. Но я не мог оставить старого друга в таком состоянии — если бы с ним что-нибудь случилось, я не простил бы себе этого.

— Хорошо, — согласился я. — Поехали.

Мы проехали несколько миль в сторону Данвича, этой самой гиблой дыры в Массачусетсе, и притормозили около большого замшелого камня, бог весть с каких пор стоящего у дороги. Должно быть, когда-то он скатился с горы, чью вершину от нас скрывал дремучий лес.

— Здесь, — сказал Элайя дрогнувшим голосом. И замолчал надолго.

— А где же дом? — попытался я вывести его из оцепенения.

— Дом... — повторил он. — Дом там, выше... Ладно, пошли.

Мы стали подниматься вверх по склону, причем Элайя не проявлял особой прыти, поминутно оглядываясь по сторонам, а тащился следом. Лесная тропа, по которой мы шли, совсем заросла, — должно быть, сю не пользовались много лет. Ветки деревьев задевали лицо и одежду. И, честно говоря, чем дальше, тем больше я злился на старого друга за это непредвиденное путешествие. Когда я уже хотел открыто заявить об этом, мы наконец пришли.

Дом на поляне действительно выглядел довольно старым и зловещим, впрочем, в округе много таких домов, и некоторые даже с обитателями...

Увидев этот мрачный призрак прошлого, Элайя охнул и остановился.

— Что, сердце? — испугался я.

— Ничего, ничего... — прошептал мой друг. — Просто он совсем такой же, как в моих снах. Ты тоже видишь его, Рэй? Тут нет ничего необычного?

-- Дом как дом, — пожал плечами я. — Здесь что, когда-то жил твой дедушка?

— Дедушка? — Нервная гримаса перекосила лицо Элайи. — Н-нет... Слушай, прежде чем мы войдем внутрь, я должен рассказать тебе одну историю. Это история моего детства. Она, наверное, покажется тебе безумной, но ты можешь потом проверить ее в полиции штата. Впрочем, всех подробностей я не рассказал даже им...

Ты знаешь меня как Элайю Новака, но моя настоящая фамилия — Лэмб. Мои родители, Питер и Джессика Лэмб, были родом из Бостона. Они погибли в автокатастрофе на горной дороге близ Данвича. Мне было тогда шесть лет, и я выжил. Меня нашел и забрал к себе человек в черном балахоне. Я никогда не видел его лица. Впрочем, может, и видел, но теперь не могу вспомнить... Он учил меня какому-то колдовству, Рэй, и часто запирал на чердаке — видишь, под двускатной крышей, где забито досками окно? Человек в черном сажал меня на маленький коврик с узорами — вроде тех, которыми пользуются арабы, — и зажигал старинную масляную лампу с багровым пламенем, источавшую терпкий аромат. Свст озарял бревенчатые стены, кругом шевелились тени... А потом эти стены исчезали, открывая безграничную тьму. Там гулял ветер и слышалась музыка, Рэй. И оттуда приходили чудовища.

Я не могу вспомнить, как они выглядят. Каждый раз, когда я вижу это во сне, просыпаюсь с криком ужаса, в холодном поту. И в памяти остается только ощущение чего-то изменчивого, извивающегося, бесконечно чуждого разуму человека. Иногда мне кажется, если я приму то, что вижу, Рэй, то уже не буду таким, как прежде... Как ты думаешь, можно сойти с ума во сне?

Но что интересно, Рэй, в детстве я совсем их не боялся! Мне кажется, мы проводили вместе немало времени и даже играли, хотя теперь и представить страшно во что. Потом я сбежал оттуда и, добравшись до человеческого жилья, рассказал обо всем. Только о чудовищах умолчал. Должно быть, я был умен не по годам. Иначе как пить дать загремел бы в психушку и никогда не завел бы таких приятных знакомств, как с тобой, Рэй!

Я видел, что Элайя пытается шутить — как всегда, неудачно. Но мне было совсем не смешно слушать эту безумную, по почему-то убедительную в устах моего друга историю посреди дремучего леса, тревожно шумящего на ветру, в двух шагах от зловещего старого дома, под хмурым осенним небом.

— Потом я попал в приют, — продолжил свое повествование Элайя. — Не очень-то веселое было время... Но скоро меня усыновили Новаки, и с тех пор я живу под этой фамилией. Я никому не рассказывал свою историю, даже самым близким друзьям. Ты — первый!

Наверное, я должен был гордиться такой честью, но мне было как-то не до того. Однако теперь я начинал понимать многие странности в поведении Элайи, — очевидно, они были вызваны душевной травмой, полученной в детстве. Если бы тогда с ним поработал психолог, все могло сложиться иначе... Хотя нет, какие в те годы были психологи!

— Теперь ты понимаешь меня, Рэй? — обратился ко мне друг. — Я хочу пройти этот путь до конца, вернуться к истоку моих страданий. Ты видишь: я старею и меня начали мучить кошмары из детства. Сорок лет прошло, а этот проклятый дом стоит и ничуть не изменился!

— Чего же ты хочешь? — нетерпеливо спросил я. — Спать его?

— Может, и спать... — задумчиво протянул Элайя. — Но прежде я поднимусь на чердак и посмотрю, что там. Пошли!

Я видел, как ему страшно, это чувство передавалось и мне, но вместе с тем я ощущал его решимость покончить с томящей неопределенностью, которая иногда бывает хуже любых чудовищ.

— У тебя есть какое-нибудь оружие? — на всякий случай спросил я.

— Да, револьвер, — деловито кивнул Элайя. — И электрический фонарь. И непромокаемые спички. Я во всеоружии, Рэй, бояться нечего!

Собравшись с духом, мы отворили незапертую дверь, поддавшись с леденящим сердце скрипом, и вошли в старый дом.

Дом оказался пуст. В нем не было даже мебели. Только пыль да паутина, а еще застарелая вонь от плесени и гниения. Удивительно, как он еще стоял.

— Забыл сказать, — проговорил Элайя, водя лучом фонарика вокруг. — После моего заявления полиция побывала здесь, но никого не нашла. Человек в черном балахоне исчез... Да, собственно, его никто и не видел, кроме меня. Зато там, во дворе, они раскопали кости — большие, маленькие... Их нельзя было опознать, но сразу вспомнили тех, кто пропал без вести в этих краях. Я читал об этом в старых подшивках газет много лет спустя... Писали, что здесь орудовал сумасшедший убийца, и меня, возможно, ждала участь его жертв, если бы не чудесное спасение. Кстати, я так и не помню, как это произошло...

Нельзя сказать, чтобы это дополнение к рассказу сильно обрадовало меня. Впрочем, скорее всего тот маньяк, хоть его и не поймали, давно мертв, а не шляется до сих пор по лесам — в конце концов прошло сорок лет!

Обойдя дом и убедившись в его полной заброшенности, мы поднялись на чердак. Ступени тоскливо скрипели под ногами, но выдержали. Дверь во тьму отворилась почти бесшумно...

Я видел, в каком состоянии находится Элайя, по тому, как плясало по пыльному дощатому полу пятно света от его фонарика, сжатого в дрожащей руке. Честно говоря, я страшился и вместе с тем в глубине души жаждал, чтобы этот свет озарил бы вдруг что-то ужасное — чей-то скелет или застарелые пятна крови. Но ничего такого на чердаке не было. Вместо этого мы нашли предметы, которые недаром упомянул в своем рассказе Элайя, — старый молитвенный коврик и покрытую пылью лампу. Не считая их, чердак был абсолютно пуст.

Мой друг попытался разжечь древний светильник, но для этого у него слишком дрожали руки. Я сделал это за него. Хотя, казалось бы, маслу давно следовало прийти в негодность, из чего бы оно ни было сделано. Зловещий багровый свет залил помещение, словно мы вдруг очутились в преисподней. Элайя неловко опустился на коврик и замер.

Я стоял рядом в некоторой растерянности. Рассказ моего друга по большей части подтверждался. Я видел то же, что и он... кроме разве что чудовищ! Но они могли быть не более чем порождением детских страхов и фантазий...

— Не понимаю, — сказал вдруг Элайя. — Почему они не идут?

— Может, потому что их нет? Неужели ты и вправду веришь в колдовство, старина? — насмешливо спросил я.

— Да, — прошептал Элайя, и глаза его блеснули. — Именно колдовство! Как же я забыл? Надо произнести заклинание. Он научил меня...

И в багровых отсветах пламени на чердаке старого дома прозвучали дикие, странные слова и звуки, непонятные разуму, но заставившие сжаться сердце. Казалось невозможным, чтобы такое произнес мой старый друг Элайя Новак, иначе как в горячечном бреду или страшном сне.

И в ответ на призыв раздалось гудение, едва слышное ухом, но сотрясающее невидимой вибрацией залитое багровым светом пространство. Бревенчатые стены заколыхались, словно отражение в воде, и растаяли, открывая путь холодному ветру из мрака нездешней ночи.

Элайя поднялся с коленей. Не знаю, что больше тогда испугало меня — творящиеся вокруг чуда или выраженные лица моего друга.

— Я все понял, Рэй, — сказал он. — Видишь ли, Питер и Джессика Лэмб никогда не были моими родителями. И маленький Элайя не пережил того дня. Он должен был умереть, чтобы другой обрел плоть. Знаешь, как выглядят чудовища? Они похожи на меня! Беги же, Рэй, ради всего святого!

В голосе его уже не было почти ничего человеческого. В ужасе отступая к дверям, я видел, как меняется мой друг, и эта картина до сих пор преследует меня в ночных кошмарах. А тогда я опрометью бросился прочь из проклятого дома, который под крики и вой неведомых существ растаял в багровом сиянии, словно и не было его никогда...

Декабрь 2001

ТАЙНА РЭНДОЛЬФА КАРТЕРА¹

Тихим осенним вечером 7 октября 1928 года Рэндольф Картер открыл старинную шкатулку с резными фигурками и вскоре после этого исчез.

По свидетельству старого слуги Паркса, умершего два года спустя, в шкатулке находились также свиток с непонятными письменами и серебряный ключ причудливой формы, с арабесками по металлу.

Шкатулку и свиток нашли в пустом автомобиле, брошенном недалеко от развалин родовой усадьбы Картеров, только ключ бесследно исчез вместе со своим хозяином. Полицейское расследование ничего не дало, однако многие в Аркхэме и окрестностях полагали, что Рэндольф сгинул в жуткой пещере, прозванной Змеиным Логовом, на горе Вязов.

Великий сповидец Уорд Филлипс из Провиденса утверждал, что, отомкнув серебряным ключом мистические Врата, Картер отправился в свое счастливое детство, а затем, неистовым образом разорвав петлю времени, в волшебный Мир Грез, где стал королем в сказочном городе Илек-Ваде.

Таинственный индус Свами Чандранутра заявлял, что, пройдя Последние Врата, Картер преодолел оковы не только пространства-времени, но и собственного «я», тем самым уподобившись многоглавому божеству древних мифов. Одна из ипостасей Рэндольфа, утверждал Свами, отправилась на далекую планету Йаддит, где обитала тысячи лет в облике клешнерукого существа.

Впрочем, никто тогда не принимал этот бред всерьез...

Своим душеприказчиком Картер оставил Этьен-Лорана де Мариньи, старого друга и боевого товарища еще по Первой мировой и одного из столь же увлеченных исследователей запретного и несведомого. Вскоре после исчезновения Рэндольфа тот испытал на себе немалое давление со стороны дальних родственников, претендующих на наследст-

¹ По мотивам рассказов «Серебряный ключ», «Врата Серебряного ключа», «Нсимепуемое» и др.

во, ибо Картеров больше не осталось. Особенно горячо боролся за свои права кузен пропавшего по материнской линии, адвокат Эрнст К. Эспинуолл, в результате чего заработал сердечный приступ и скончался в 1932 году.

Однако, согласно закону, в установленный срок Рэндольф Картер все же был признан мертвым. В преддверии этого события де Мариньи успел предпринять необходимые шаги, чтобы уберечь бесценное наследие Картера — библиотеку и коллекцию всевозможных диковин — от разграбления невеждами и торгашами. Что до денег, ценных бумаг и недвижимости, то с ними он расстался без сожаления.

По договоренности с наследниками покойного и муниципалитетом Аркхэма Этьен-Лоран организовал музей Рэндольфа Картера в одном из старых домов за чертой города — неподалеку от развалин поместья — и на протяжении пяти лет сам был его официальным хранителем, после чего передал этот пост мне, Кристоферу Мэнтону.

Мой отец, Джоэл Мэнтон, был директором Восточной средней школы, а родился и воспитывался в Бостоне, где, по меткому выражению Картера, «приобрел то характерное для жителя Новой Англии самодовольство, которое отличается глухотой ко всем изысканным обертонам жизни». Впрочем, идейные разногласия ничуть не мешали их с Рэндольфом дружбе, лишь укрепившейся после встречи с Неименуемым. И справедливости ради должен отметить, что, как член городского совета и филантроп, отец внес немалый вклад в создание и развитие нашего музея.

Насчет себя хвалиться не буду: при жизни Рэндольф вряд ли принимал меня всерьез. Для него я был всего лишь сыном старого друга либо одним из толпы юных поклонников известного писателя. Пожалуй, я и впрямь был таким — почти полвека назад!

После исчезновения Картера я ни больше ни меньше как предпринял свое собственное расследование — лазил в Змеиное Логово, не обнаружив там, впрочем, ни змей, ни загадки тайн, а также бродил по окрестным болотам и спускал-

ся под землю, в глубокие норы, что прорыты в наших холмах неведомо кем и неведомо когда, но почему-то никого не интересуют. Последствия этих исканий весьма печально сказались на моем здоровье: повредив ногу, я охромел, а вдобавок заработал воспаление легких и кашель, который мучил меня потом многие годы. Близорукость я успел получить еще раньше, допоздна просиживая в библиотеке Мискатоникского университета.

Понятно, что отец был очень рад, когда я согласился занять мирную и спокойную должность хранителя музея. К счастью, он был далек от понимания тайного смысла артефактов, манускриптов и книг, переданных в мое ведение, в то время как у меня в процессе изучения их порой кровь стыла в жилах...

Замечу также, что инвалидность сохранила мне жизнь во время Второй мировой в отличие от многих аркхэмских мужчин моего возраста, хотя я ничуть не меньше тогда желал отправиться на фронт и сражаться с врагами. В те времена мне едва перевалило за тридцать, но выглядел я и чувствовал себя гораздо старше.

Как хранитель музея, я жил прямо при нем, в одной из свободных от экспозиции комнат. Если учесть, что я был единственным обитателем старого дома на отшибе, а также принять во внимание мои физические недостатки, то с годами я сам стал чем-то вроде одной из достопримечательностей Аркхэма, причем зловещего толка. Не исключено, что мною пугали детей.

Что же до посетителей музея, то я довольно скоро разочаровался в этой публике. На мой взгляд, они были далеки от понимания личности Картера и его таинственного Пути. Для одних он был модным писателем прошлого, для других — героем Первой мировой, для третьих — чудаковатым коллекционером и краеведом. Увы, истинных знатоков попадалось мало, и со временем — все меньше и меньше.

Итак, или годы, а тайна Рэндольфа Картера оставалась неразгаданной.

Свами Чандропутра исчез в тот же злосчастный день 1932 года, когда встречался с де Мариньи и Эспинуоллом.

Впрочем, у полиции были все основания считать этого типа шарлатаном и даже вовсе не индусом.

В 1937-м умер от рака старый мистик Уорд Филлипс. На своем надгробии он завещал вырезать странное двустипное, якобы принадлежавшее арабскому поэту VIII века Абдулле Альхазреду:

Не мертво то, что в вечности живет,
Со смертью времени и смерть умрет.

Не знаю, может ли подобная поэзия служить утешением?

Когда в 1940-м немцы вторглись во Францию, Этьен-Лоран де Мариньи отправился сражаться за свою историческую родину и сгинул в пучине войны.

Мой отец скончался в 1945-м, так и не дождавшись победы. Матери я лишился еще раньше... И в то время как вся Америка ликовала и чествовала героев, я остался совсем один, со своим музеем никому не нужных вещей.

До тех пор, пока в Аркхэме не объявился приятный молодой человек с европейским акцентом, простодушно разыскивающий Рэндольфа Картера.

Это случилось в один из теплых дней августа 1948 года.

Должен признаться, что, к стыду своему, едва увидев его на пороге, я банально свалился в обморок. Однако, очнувшись, увидев над собой все то же растерянное лицо и ощутив заботливые руки, поднявшие меня с пола, я наконец осознал, что передо мной не выходец с того света, а вполне реальный человек из плоти и крови.

Уже впоследствии, несмотря на пугающее сходство, я стал замечать в нем все больше отличий. Пожалуй, черты лица были более правильными, мягкими и приятными, сложен он был куда гармоничнее, да и вообще... Короче говоря, он представлял собой как бы облагороженный вариант Картера, который и в свои лучшие годы внешне был исполнен разве что мрачного очарования. Очевидно, сказалась кровь матери. Впрочем, я забегаю вперед...

Молодого человека звали Артур, и он утверждал, что является законным сыном Рэндольфа Картера, рожденным

26 декабря 1916 года его супругой Иоландой Сен-Жермен, уроженкой города Блуа-ан-Сантер.

Заявление Артура наделало в городе шуму. Собственно, всем было известно о службе старого Картера в Иностранном легионе в бытность его во Франции, однако о жене и сыне от него никто никогда не слышал. Даже де Мариньи, по-видимому, не был в курсе, иначе не состоялась бы эпопея с наследством. По здравом рассуждении городские мужи пришли к выводу, что Рэндольф полагал свою беременную жену погибшей тогда же, в 1916-м. По свидетельству самого Артура, мать никогда не рассказывала об отце, видимо также считая его погибшим, и только после ее смерти он нашел на чердаке бумаги — письма Рэндольфа к Иоланде, свидетельства об их браке и рождении сына. Документы эти были немедленно представлены городским властям, однако изучение их и удостоверение подлинности заняло некоторое время, ибо все они, естественно, оказались на французском языке.

Честно говоря, поначалу я отнесся к Артуру с подозрением и страхом. Во-первых, мне трудно было поверить, что какая-то женщина, пусть даже красавица и француженка, сумела растопить сердце Рэндольфа Картера, где всегда царил космический холод. С другой стороны, возможно, именно эта трагедия, оставшаяся неизвестной для окружающих, и ожесточила его против материального мира, заставив углубиться в тайны незримого. Во-вторых, я всерьез опасался, что он выгонит меня с поста хранителя, а то и пустит мой сокровища с молотка. Как бы отвратительно подобное ни выглядело со стороны, это было вполне возможно по законам все того же материального мира. К счастью, мой пессимизм себя не оправдал.

Скорее всего, Артура привела в Аркхэм та же сила, что позвала однажды и его отца, — стремление вернуться к истокам и разгадать тайны своего рода. Молодой человек, как и все Картеры, был немного не от мира сего и вращался в странных кругах. В наших беседах выяснилось, например, его знакомство не только с модной французской философией экзистенциализма, но и лично с ее представителями. Что касается вопросов о тяготах войны и жизни в Европе,

на них он отвечал неохотно. После небольших официальных мероприятий торжественного характера, организованных муниципалитетом по случаю возрождения семьи Картеров, Артур мало бывал в городе, предпочитая долгие пешие прогулки по окрестным лугам и холмам. Он утверждал, что в детстве видел их во сне и с тех пор не знает ничего прекраснее.

Молодой Картер временно поселился вместе со мной, при музее, в мансарде старого дома. Я с удовольствием показал ему экспозицию, а также таинственные предметы, хранившиеся в запасниках.

В процессе осмотра произошло одно странное событие. Среди вещей, оставшихся от Рэндольфа Картера, были огромные часы в форме гроба, пустые внутри, — так что весь механизм, по-видимому, располагался в самом корпусе. Впрочем, часами это сооружение можно было назвать лишь условно. И вправду, оно имело несколько циферблатов со странными числами делений, с какими-то мистическими знаками и иероглифами. Этьен-Лоран де Мариньи рассказывал мне, что иногда подолгу наблюдал за ходом загадочных часов, но так и не заметил в нем разумной системы, ведь скорость движения стрелок то и дело менялась, а порой они начинали крутиться в обратную сторону. По легенде, этот гроб с музыкой был вывезен из развалин древнего города Йан-Хо с холодного и пустынного плато Ленг, однако я в этом сильно сомневался. По моему мнению, это чудо было изготовлено каким-то безумным изобретателем конца XIX века. Так или иначе, вот уже лет десять, как часы остановились, а о том, как их завести, ни у меня, ни у де Мариньи не было ни малейшего представления. В свое время Рэндольф не разрешил Этьен-Лорану исследовать механизм, опасаясь что-нибудь повредить, и я также следовал его указаниям.

Так вот, молодой Картер, заинтересовавшись странной игрушкой, коснулся рукой корпуса и циферблатов с давно остановившимися стрелками. Раздался легкий треск, затем жужжание — и часы поплыли снова! Молодой человек в испуге отпрянул и обернулся ко мне за поддержкой. Я тоже был озадачен, но не подал виду и в конце концов отделался

шуткой о том, что якобы часы признали своего хозяина. Впрочем, возможно, так оно и было...

Надо сказать, что Артур быстро привязался ко мне, буд-то к родному человеку. Возможно, на него произвели впечатление рассказы о дружбе наших отцов, а также моя искренняя преданность памяти Рэндольфа и его делу.

Когда молодой Картер приехал в Арххэм, в нем еще теплилась надежда найти отца живым, пусть тому и должно было исполниться уже семьдесят пять. Узнав в городе о смерти Рэндольфа, он, естественно, попросил указать его могилу и рассказать о причинах смерти. Увы, на эти закономерные вопросы он не получил достойных ответов, а лишь пустые официальные фразы и смущенно отведенные глаза. Стало ясно, что отец пропал около двадцати лет назад и никто не хочет ворошить былого. Собственно, в попытках докопаться до правды Артур и явился ко мне. Увы, я тоже не смог ему помочь, лишь разбередив душу молодого человека метафизическими версиями происшедшего, которые честно ему изложил. По крайней мере, оставалась надежда, что Рэндольф пребывает где-то в иных измерениях, общаясь с высшими существами, а не гниет в сырой земле.

Как-то раз Артур просил показать ему развалины старой усадьбы, неподалеку от которых нашли машину отца. Может, он думал, что, повторив последний путь Рэндольфа, сумеет приблизиться к разгадке? Когда-то я и сам так полагал...

Мы отправились туда на стареньком «форде», доставшемся мне от отца. Конечно, здоровому человеку тут можно было дойти и пешком, но с моей ногой не пройти больше мили без костыля, да и скорость передвижения оставляет желать лучшего. Впрочем, костыль мне все равно понадобился; добравшись до места, мы с Картером стали взбираться по склону холма, затем прошли вязовую рощу по старой заросшей дороге и наконец достигли своей цели.

Даже не сразу было понятно, что предстало нашим взорам. Большая груда полусгнивших бревен, поросших мхом, наводила на мысль о могильных курганах. Глядя на эту

картину, трудно было поверить, что когда-то здесь гордо возвышался белый особняк с двускатной крышей, чьи окна приветливо светились во мраке, когда маленький Рэндольф возвращался домой к дяде Крису и тете Марте осенним вечером 1883 года, унося с собой тайну.

От всех этих мыслей мне стало не по себе. Артур тоже притих.

Постояв немного у развалин, словно отдавая дань покойному, мы отправились дальше в гору — через выродившийся яблоневый сад и дикую пустошь, мимо давно высохшего водопада, к зловеще чернеющей пасти Змеиного Лога. Здесь я остановился и рассказал наследнику Картера о своем давнем расследовании и прочих перипетиях. Честно говоря, мне бы очень не хотелось, чтобы он сломал здесь себе шею, подвел я жестокий итог, даже ради памяти отца. Артур промолчал в ответ, но на лице его появилось то загадочно-упрямое выражение, которое мне доводилось видеть на лице старшего Картера во время его споров с моим отцом. Так или иначе, но в этот раз дальше мы не пошли, а тем же путем вернулись к машине.

По дороге я испытывал необъяснимое ощущение, будто кто-то смотрит нам вслед. Должно быть, прошлое не хотело нас отпускать.

Наступила осень. За Рубиконом равноденствия дни стали убывать, а ночи — расти. Осень в наших краях — это смутное и тревожное время, когда порой случаются странные вещи, — так повелось издавна...

Однажды Артур вернулся с прогулки не один, а с огромным черным котом. По его словам, зверь вылез при нем из-под развалин усадьбы — должно быть, откуда-то из подвала, который только один и сохранился.

Судя по поведению и облику кота, молодой Картер предположил в нем скорее домашнее, чем дикое животное и спросил меня, не знаю ли я, кому из наших соседей тот принадлежит. Я вынужден был его разочаровать: ни у кого в окрестностях таких любимцев не было, и тому имелись причины. Ведь среди не слишком просвещенной части населения в наших краях до сих пор живо суеверие, связы-

вающее черных котом и кошек с колдовством и нечистой силой. Всего пару лет назад произошел неприятный случай, когда подобное животное, принадлежавшее семье присзжих из Бостона, было просто застрелено одним из местных жителей по аналогичным мотивам. Так что я посоветовал Артуру не распространяться о коте, а сам обещал осторожно навести справки в городе. Позже я обратился к шерифу Аркхэма и выяснил, что черный кот ни у кого не пропадал.

К сожалению, это был не последний разговор с полицией.

В конце сентября стали сгущаться тучи, повеяло холодком.

Началось с того, что старый бродяга и пьяница Джосайя Берч заметил в старом доме Гуди Фаулер нездешний свет, а заглянув в окно, узрел там черта, тащущего какую-то адскую джигу. Конечно, над его рассказом только посмеялись.

Позже группа молодых людей и девушек, возвращаясь с позднего сеанса кино, якобы видела монстра в тисовой аллее. Однако их историю также не приняли всерьез, ибо или они с одного из тех новомодных фильмов ужасов, кои обеспокоенная общественность давно требовала запретить.

Шутки кончились, когда появились первые трупы. Несколько одиноких молодых людей в возрасте 30--35 лет были убиты, причем характер повреждений оказался столь странным, что эксперты не могли прийти даже к выводу, действовал тут человек или зверь.

Я читал сообщения «Аркхэм адвертайзер», слушал сплетни в городе и предчувствовал проблемы. Увы, в наш век электричества и атомной энергии в глубине души люди изменились мало, и нашлись те, кто связал злое дело с прибытием в наш город Артура Картера.

Дошло до того, что смущенный шериф пригласил меня подтвердить алиби моего соседа по дому на предположительные моменты убийств, что я не замедлил сделать. Судя по всему, убийца действовал после заката, но вечерами мы с Картером обычно пили чай и беседовали, а затем отходили ко сну. Ночью никто из нас не выходил.

Правда, я скрыл от шерифа один страшный случай.

Однажды я проснулся от какого-то шума и спустился вниз. Оказалось, что хлопает на холодном осеннем ветру входная дверь, хотя мне помнилось, что я закрывал ее вечером, как обычно, на засов. На всякий случай я обошел весь дом, но никого не нашел, и ничего не пропало. Сверху спустился сонный Артур в халате и спросил, что случилось. Я успокоил его, и мы разошлись по своим комнатам.

Казалось, инцидент был исчерпан. Но одна странная деталь запала мне в душу, сколько я ни ругал себя за игру воображения. Ведь, проходя мимо пресловутых часов, я заметил, что они тикают громче обычного, а крышка гроба приоткрыта. И почти неуловимый запах вдруг вызвал в памяти фразу из ужасного «Некрономикона»: «По зловонию узнаешь их...» Впрочем, для всего этого, конечно, имелось вполне рациональное объяснение, и я постыдился делиться своими ночными страхами с полицией.

В первых числах октября Артур стал особенно молчалив и задумчив. Его что-то угнетало, и я догадывался что — приближалась двадцатая годовщина исчезновения его отца. Меня тоже мучили смутные предчувствия. В глубине души я боялся, что злой рок Аркхэма отнимет у меня и этого Картера.

Тогда и произошел тот удивительный случай с котом. Я уже упоминал о том, как Артур однажды привел его с прогулки. Честно говоря, в моей семье никогда не держали в доме животных, разве что собак во дворе, да и музею такое соседство было, на мой взгляд, противопоказано. Я предвидел споры, но умное животное само решило не создавать нам проблем. В общем, кот обычно поджидал молодого Картера на улице — с большим чувством собственного достоинства на морде. Обитал он по-прежнему в развалинах усадьбы. Честно говоря, мне казалось странным, как при своей дикой жизни он умудряется так хорошо выглядеть. Или все же у него был какой-то неведомый хозяин?

Вечером 6 октября кот преподнес нам сюрприз. Моросил дождь, со стороны моря дул холодный ветер, а мы с Картером сидели у него в мансарде и беседовали о старых временах. Неожиданно кто-то царапнул дверь и со скрипом открыл ее. Признаться, у меня мороз пробежал по коже...

Но это был всего лишь любимец Артура. В зубах он держал нечто длинное и серое, и мне сослесту сначала показалось, что мышь, но там оказался свиток! Бросив на меня косой взгляд, кот подошел к молодому Картеру и ткнулся мордой в ноги. Заинтригованный Артур взял свиток и развернул его. Какие-то мгновения он тупо смотрел в текст, очевидно непонятный, как вдруг лицо его исказилось в буре чувств. «Господи, Крис, что же это?! Как это возможно? Это что, какая-то шутка?» Заинтригованный не меньше, я взял свиток из его дрожащих рук, но не увидел там ничего, что бы заслуживало такой реакции. Это был текст из непонятных мне символов, напоминающих иероглифы, сродни тому, что был когда-то найден в пустой машине Картера-старшего. Насколько мне известно, его так и не удалось расшифровать. Обо всем этом я и поведал Артуру. «Да, сначала так, но потом...» — начал он фразу и замолчал. Я видел, как он читает текст с огромным вниманием, и тоже не понимал, как это возможно.

Тем временем кот скрылся куда-то. Я вдруг сообразил, что непонятно, как и когда он проник в дом, не говоря уже о том, где раздобыл загадочный манускрипт, ибо в коллекцию Рэндольфа Картера тот точно не входил. Чувствуя, что еще немного — и у нас обоих зайдет ум за разум, я посоветовал ложиться спать, как говорится, утро вечера мудренее!

На другой день Артур проявил необычную активность, очевидно что-то задумав. Он просил показать ему некоторые колдовские книги и заклинания в них, особенно интересуясь их предназначением и произношением. По мере своих скромных познаний я ответил на его вопросы, однако честно предостерег, что игры с древней магией могут быть крайне опасны, чему как раз служит пример Рэндольфа. Молодой Картер загадочно улыбнулся и возразил, что не собирается заходить так далеко, но должен исполнить долг перед отцом. Признаться, при этих словах на меня повеяло какой-то космической жутью, и я отступил. В конце концов, кто я такой, чтобы стоять на непостижимом Пути Картеров? Пусть даже Артур и стал мне дорог, как младший брат, которого у меня никогда не было...

Его заинтересовала также статуэтка восьми дюймов высотой из пористого черно-зеленого камня с радужными пятнами. Изображала она восседающее на прямоугольном пьедестале чудовище с головой спрута, четырьмя когтистыми лапами и перепончатыми крыльями. Мне пришлось поведать любопытному слушателю о культе Великого Ктулху, который и поныне существует в диких и отдаленных уголках земли, а также единственной ритуальной фразе этого культа, дошедшей до наших дней: «Пиглуи мглунафх Ктулху Р'лайх угахнагл фтагн», что означает «В своем доме в Р'лайхе мертвый Ктулху спит в ожидании своего часа».

Повертев изваяние в руках, Артур задумчиво спросил, а нет ли у того чего-нибудь внутри, чем поставил меня в тупик, ибо за все годы службы подобная мысль ни разу не приходила мне в голову. Подумав немного, я сказал, что это можно выяснить с помощью рентгеновских лучей, в чем могли бы помочь мои знакомые профессора из Мискатоникского университета. Но Артур в ответ снова улыбнулся, заявив, что вовсе не собирался затруднять меня проверкой своих бредовых идей и просит прощения.

День годовщины выдался хмурым с утра, а к вечеру началась гроза, продолжавшаяся до ночи. После утренней экскурсии Артур совсем не выходил из своей комнаты. Делать было нечего, и я рано лег спать, но раскаты грома несколько раз будили меня. Потом шум грозы утих, и я забылся сладким сном.

Сквозь сон я еще слышал какой-то грохот, но принял его за последние отзвуки бури, хотя где-то в глубинах сознания зародилось смутное подозрение. Окончательно меня разбудил и заставил вскочить с постели шум отъезжающей машины. К этому времени уже прояснилось и в окно светила луна, разбивая пространство комнаты полосами света и тьмы.

Комната Артура была пуста. Но куда ему понадобилось ехать среди ночи? Неужели невежественные сплетники в городе оказались правы?

Проходя мимо вскрытой стеклянной витрины, я машинально отметил, что пропала пятиконечная звезда из зелес-

ного нефрита, с немного загнутыми концами и причудливым символом в центре. Но в том было еще полбеды...

Увы, одно из моих бесценных сокровищ — изваяние Ктулху — оказалось разбито вдребезги! Но какая сила могла совершить такое? Какой демон вселился в молодого Картера? Машинально собирая осколки, я вдруг понял: он оказался прав, что-то хранилось внутри и оставило после себя пустоту. Но что бы там ни было, Артур унес это с собой!

Где было искать разгадку происшедшего?

В отчаянии я схватился за таинственный свиток, в недобрый час принесенный черным котом, и уставился в загадочные письма, столь же непостижимые, как и оставленные Рэндольфом в день своего исчезновения! В тот час я воззвал к неведомым силам, что покровительствуют Картерам, дабы они благословили меня помочь последнему отпрыску этого рода.

И чудо свершилось — иероглифы на пергаменте зашевелились, будто живые, и поползли, так что от их мельтешения у меня закружилась голова. А когда движение прекратилось, передо мной был текст на прекрасном, хоть и несколько архаичном, английском, и я узнал почерк Рэндольфа Картера!

«Дорогой сын!

Прости, что долго не давал о себе знать. Извиняет меня лишь то, что до недавних пор я и не ведал о твоём существовании. Случись иначе, я не покинул бы Землю и ни за что не оставил бы вас с матерью. Поверь, я любил ее как никого на свете. Но теперь уже поздно что-либо менять...

Тебе будут рассказывать обо мне странные вещи, которые ты, пожалуй, сочтешь за небылицы, но знай — я действительно занял опаловый троп в Илск-Ваде, близ Ултар, что за рекой Скай, в Мире Грез.

Первое десятилетие моего правления было весьма удачным, однако все это время я не видел снов и почти смирился с тем, что утратил эту способность. Но однажды она вернулась ко мне и вместо дара обернулась проклятием, ибо взамен сладких грез я узрел кошмар реального мира. Мне довелось ощутить страдания и смерть тысяч людей —

от голода и болезней, на полях сражений, в лагерях и газовых камерах...

Придворные знахари поили меня отварами и зельями. Верные коты павевали мне сладкую дрему своим мурлыканьем. И чары помогали мне... но не всегда и не полностью — Луна Грез разрушала их, совершая свой извечный путь над королевством, и я уже не был счастлив, как раньше.

Однажды в город явился ползучий хаос Ньярлатотеп, Вестник Древних, и поведал мне, что я сам повинен в своем недуге и многие бедствия, творящиеся на Земле, незримой нитью связаны со мной. Ибо своим безрассудством, собственным человеку, я нарушил космическое равновесие и возмутил эфирный поток меж мирами.

Вестник открыл мне тайну, которую ныне доверяю тебе. Знай: мы, Картеры, суть мистические короли, наместники космических сил на Земле и должны хранить ее до пришествия Изначальных. Древний род наш благословлен самим Йог-Сототом, Одним-во-Всем.

Не берусь объяснить, что произошло за Вратами Серебряного Ключа. Сначала я был один, потом стал многими... Так или иначе, на Земле не осталось ни одного Рэндольфа Картера — будь то среди живых или мертвых. Передача Силы не завершилась, и это необходимо исправить. В годовщину моего ухода тебе придется отправиться в Змсиное Логово и в полночь открыть Врата. Я подойду с другой стороны, и мы совершим ритуал.

Но прежде ты должен добыть серебряный ключ, убив клешнерукуую тварь, что алчет сожрать твое сердце. Тайного врага зовут Зкауба — некогда он был колдуном на планете Йаддит. Одно из моих „я“, подобно демону, вселилось в него и жило долгие тысячи лет, пока его личность не взяла верх. Ныне Зкауба безумен и зол, а серебряный ключ все еще у него. Если колдун убьет тебя на алтарном камне у Врат и съест твое сердце, то обретет Силу Картеров, последствия чего будут ужасны. Род человеческий сгинет во мраке, а Землей станут править йаддиты...

Поэтому ты должен исполнить все так, как я велю. Призови сиротоноголового Ктулху и разбей его изображение — так обрешь ты кинжал Лемурув. Он не совсем подходит

к человеческой руке, но это единственное оружие из доступных тебе, коим можно убить Экаубу. Когда совершишь это, возьми серебряный ключ и открой Врата. Не забудь нефритовую звезду Дрвних — она защитит тебя от гнева Умрат-Тавила, Стража и Проводника. Когда увидишь Спящих, произнеси формулу Завершения, которую найдешь на девятой странице Книги Эйбон.

Хоть я совсем не знаю тебя, мой мальчик, надеюсь, что ты не посрамишь род Картеров. Я послал моего любимого Бастера присмотреть за тобой и в нужный час передать записку. Да благословят тебя боги!»

Сколь ни фантастично выглядело прочитанное, главным чувством, охватившим меня, было не удивление, а облегчение — значит, мой Артур не чудовище, а, напротив, призван сразить того, кто тайно явился из космических бездн, неся нам погибель. Вместе с тем я был отнюдь не в восторге от Рэндольфа. Да, теперь его тайна раскрыта, но ведь он мог сообщить о себе и раньше — хотя бы тем, кому был небезразличен! И почему за ошибки отца должен расплачиваться сын, подвергая себя смертельной опасности?

Должно быть, со стороны мое поведение теперь выглядит чистым безумием, но в те минуты неведение и бездействие стали невыносимы для меня. И я отправился в ночь, захватив фонарик и револьвер и опираясь на проклятый костыль!

Это путешествие сейчас представляется мне как полузабытый сон, как долгий мучительный кошмар. Напрягаясь изо всех сил, чтобы успеть к развязке, я ковылял по мокрой пустынной дороге, и серп луны освещал мне путь своим призрачным сиянием. С неба холодно мерцали звезды, ветер гулял по просторам ночи, шелестя высокой травой и листьями деревьев. В этих звуках мне чудились нелюдские голоса и презрительный смех.

Мрачные вязы на холме смыкали свои ветви вокруг потревожившего их покой. Взоры сонмищ таинственных существ пронзали меня — за стволами и в кронах деревьев прятались дриады и сатиры, подземные жители вылезали

из своих нор... Были здесь и такие, кому не придумано названий и о ком упоминают лишь шепотом старые колдуньи с отрогов Пнота.

Почти теряя сознание от страха и боли в ноге, я все же добрался до Змеинового Логова и понял, что игра Сил началась, ибо из чрева пещеры струилось холодное фосфорическое сияние.

Кое-как перебравшись через камни, я оказался у дальнего свода, где в скользкой от плесени скале неожиданно открывался проход, словно волшебный Сезам. Преодолев его, я оказался в просторном гроте, никогда прежде не виданном мною и также залитом неземным светом. Он исходил от каменной руки с шестью пальцами, в проеме каменной арки, держащей в ладони звезду цвета морской волны. А прямо перед изваянием сошлись в смертельной схватке молодой Картер и чудовищный Зкауба.

Одежда Артура была в крови, которая в призрачном освещении казалась совсем черной. Но он не сдавался, делая все новые попытки вонзить сверкающее лезвие кинжала в зловонную плоть монстра. Тот напоминал гигантское членистоногое с двумя парами рук, увенчанных клешнями, и тонкими щупальцами вокруг рта и в основаниях конечностей, которые беспрестанно шевелились. Кажется, у него было шесть глаз, но в этом я не слишком уверен. Существо то замирало на месте, то делало резкие движения, уклоняясь от удара или пытаясь нанести свой.

Я наблюдал схватку, спрятавшись за камнем всего в паре метров от дерущихся и не зная, что предпринять. Тут у меня и начало першить в горле — то ли от сырости и холода, то ли от запахов ужасной пещеры. Не в силах сдержаться, я раскашлялся, и звуки эти отозвались эхом в низких сводах. Пришелец обернулся в мою сторону, и в этот момент Артур нанес решающий удар. Зкауба взвыл и рухнул на камни, а все конечности его конвульсивно задержались. От этой картины я потерял сознание...

Когда очертания мира вновь проступили перед моим взором, я понял, что валяюсь на полу пещеры и вдобавок куда-то потерял очки. Надо мной возвышалась фигура Картера — я видел его нечетко, в каком-то радужном

ореоле. «Он мертв?» — выдавил из себя я, едва ворочая языком. «Да, Крис, — ответил мне Картер неожиданно низким голосом и без всякого акцента. — Дело сделано. Спасибо тебе за все. И прошу, позаботься о моем мальчишке... Прощай!» Он коснулся меня холодной рукой, и мое измученное тело пробил озноб. Вслед за этим я вновь отключился.

Окончательно я пришел в себя уже дома. Вокруг хлопотал Артур. Оказалось, что он тащил меня вниз, к машине, на руках, а затем вызвал врача из Аркхэма. Тот, к счастью, не обнаружил ничего страшнее нервного и физического перенапряжения в сочетании с простудой и дал необходимые лекарства. Короче говоря, я слег на неделю, но это была небольшая цена.

Выяснилось, что молодой Картер тоже плохо помнит происходившее в Змеином Логове и, в частности, свои слова, однако почему-то уверен в том, что все сделал правильно. Он говорил, что видел за Вратами отца и тот совсем такой же, как на старых фотографиях 1920-х годов. Очевидно, в Мире Грез старость над ним была не властна.

Тело существа из грота потом доставили в Мискатопикский университет для изучения, однако, утратив жизненную силу, оно слишком быстро разлагалось, несмотря на все ухищрения. Исследования пришлось прескратить, и результаты их так и не были опубликованы.

После того как весть о героическом поступке Артура и сраженном чудовище облетела город, молодой Картер стал весьма популярной личностью. За ним бегала восторженная молодежь, а отцы семейств приглашали давать уроки французского и философии. Последствия сего были вполне закономерны — не прошло и года, как Артур женился на прелестной девушке Джоан Кори.

Произошло также еще одно знаменательное событие. Кажется, через неделю после эпопеи в Змеином Логове почная тьма под окнами огласилась требовательным «мяу». Мы с Картером сбежали вниз, узнав голос Бастера. Тот был не один, а в сопровождении весьма невзрачной бродячей кош-

ки из местных, которая, робко мяукнув, взошла на крыльцо и стала тереться о ноги Артура. Окинув нас своим не по-кошачьи умным взглядом, Бастер многозначительно мявкнул, как бы прощаясь и оставляя свою спутницу на наше попечение, с чем и скрылся в ночной тиши. Больше мы его не видели...

Сейчас, когда я пишу эти строки, у ног моих крутится маленький черный котенок славного рода Бастеров, а из коридора я слышу голосок юного Дэвида Картера, разыскивающего своего любимца. Да, у Артура уже пошли внуки! И почему-то становится так тепло на душе, что хочется плакать. Надеюсь, вы простите мне мои стариковские слезы?

Я знаю, где-то по ту сторону Вселенной, в Море Грез, в сказочном городе Илек-Ваде, царит на опаловом троне король Рэндольф...

Но счастлив ли он так, как счастлив я?

Ноябрь-декабрь 2001

ПРИЗРАКИ УЩЕЛЬЯ ОЛДУВАЙ

Это подлинная история Алана Джарвиса.

Моего старого друга, покончившего с собой прямо в собственном кабинете профессора Мискатоникского университета.

Его необъяснимый поступок уже породил пересуды и кривотолки — о нецелевом использовании средств, аморальных связях... Но всякому, кто знал Алана так, как знал его я, понятно, как далеки эти слухи от истины.

Я собираюсь открыть настоящую причину и уверяю вас, в ней нет ничего низменного... Но в то же время она глубоко трагична. Мой друг стал жертвой навязчивой идеи, а эта напасть не миновала и более великие умы.

Речь идет о вопросе происхождения человека.

Да, Алан был вовлечен в проклятый спор между эволюционистами и крсационистами. К нашему стыду и позору, он продолжается уже не первый век, и ныне разум проигрывает, а мифы — побеждают. Не логикой, конечно, а общественным мнением.

Ибо простому обывателю, сидящему перед телевизором с бутылкой пива в одной руке и гамбургером — в другой, приятнее сознавать, что он создан по образу и подобию Божию, а не произошел от обезьяны. Хотя всякий исследователь приматов скажет вам, что его подопечные порой ведут себя умнее некоторых людей.

В этом споре профессор Джарвис, увы, пытался, что называется, усидеть на двух стульях. С одной стороны, он не отрицал естественную эволюцию жизни на Земле. С другой стороны, он предполагал существование некой внешней Силы, ускорившей нашу эволюцию и направившей ее в нужное русло так, чтобы спустя миллион лет появился «человек разумный». По мнению Алана, естественный ход событий — набор случайных мутаций и адаптаций — не мог привести к такому итогу. Его не убеждали ни открытия генетиков о том, что мы лишь на пару процентов отличаемся от шимпанзе, ни заключения антропологов о жестокой борьбе за существование, которую вели наши далекие предки.

Не стану описывать многолетние (и на мой взгляд — бесплодные) поиски доказательств своей теории, которые вел профессор Джарвис, ибо на сей счет имеются соответствующие документы и официальные отчеты. Я должен рассказать о том, что неизвестно научной общественности.

В последние годы Алан, разочаровавшись в традиционных научных методах, решил прибегнуть к нетрадиционным. Он углубился в мистику и оккультизм, пытаясь найти в них средства к осуществлению своей цели... Но тот, кто захочет бросить в него камень, пусть вспомнит, что Галилей занимался астрологией, а сэр Исаак Ньютон — толкованием Апокалипсиса.

Конечно, я не пытался вникнуть в суть эксцентричных увлечений моего друга, они вызвали у меня лишь сожаление. Мне довелось слышать от него такие дикие звукосочетания, как «Йог-Сотот», «Уббо-Сатла» и «Шуб-Ниггурат». В последний раз, когда мы разговаривали с Аланом, он упомянул о некоем «кристалле Эйбопа»¹, который якобы позволит заглянуть в далекое прошлое.

¹ См. рассказ К. Э. Смита «Уббо-Сатла».

Вскоре после этого он отправился в экспедицию в Африку, где собирался достичь ущелья Олдувай в горах Северной Танзании. Должен признать, в этом имелась своя логика, ибо именно там еще в прошлом веке были найдены останки древнейших человекоподобных существ. Многие ученые полагают, что как раз где-то в тех местах эволюция совершила скачок. В этом, возможно, сыграл свою роль повышенный радиационный фон от природного «уранового котла» в недрах гор.

Через некоторое время Алан вернулся... Согласно официальным данным, он не нашел ничего стоящего, только зря потратил выделенные на экспедицию средства. По этому поводу он окончательно разругался с руководством университета. Мой друг совсем замкнулся в себе, стал угрюмым и нелюдимым, не отвечал на звонки и письма. Эти перемены пугали меня... Однако я не думал, что дело пойдет так далеко.

И вот я приступаю к самой тяжелой части повествования. Дело в том, что незадолго до смерти Алан Джарвис написал мне письмо — странное и сумбурное... В нем он поведал о пережитых ужасных видениях, в конце концов погубивших этот светлый ум, и невыносимой правде, точнее, о том, что он считал правдой и с чем ни в коей мере невозможно согласиться ни мне, ни любому другому здравомыслящему человеку. Ниже я привожу отрывок из этого злополучного письма.

«Итак, я наконец достиг проклятого ущелья, где все началось. Помню, в тот момент я был очень доволен собой и предвкушал триумф... Порой мне кажется, что я-тогдашний и я-нынешний — просто два разных человека!

Устроившись поудобнее, я активировал кристалл Эйбона. Знаю, ты не веришь во все эти магические штучки. Но что, если они лишь осколки иных цивилизаций, иной науки? Увы, я получил этому поистине чудовищное подтверждение...

Прежде всего, я оказался совершенно не готов к тому, что произошло. Древние рукописи нельзя понимать буквально. А я наивно полагал, что магический кристалл работает наподобие телевизора!

Нет, мое видение несколько не напоминало фильм ВВС. Скорее его можно сравнить с погружением в чужое сознание, чужую память... Возможно, это генетическая память нашего рода, пока не открытая наукой. А возможно, какой-то след в информационном поле Земли. Так или иначе, я вдруг окунулся в мир наших далеких предков. Иногда я был одним из них, иногда — сразу многими. Но в то же время я оставался собой — в достаточной степени, чтобы осмыслить происходящее. Чем дальше от меня тот миг прозрения, тем больше он похож на кошмарный сон, без начала и конца... Но то был не сон!

Я был маленьким, сторбленным, покрытым шерстью существом.

Я смотрел на мир сквозь металлические прутья клетки и видел других существ, подобных мне... И не совсем подобных. Здесь было собрано множество форм и вариаций. Некоторые из нас были слишком уродливы, чтобы жить в этом мире, и невыносимо страдали.

Я едва осознавал себя. Мною больше владели эмоции, главной из которых был страх... Страх перед нашими тюремщиками, в которых не было ничего человеческого... Более того, ничего земного!

Это были твари ростом раза в два выше меня, похожие на спрутов, выбравшихся на сушу. Они передвигались на четырех толстых ногах, имели еще четыре гибкие руки-щупальца и множество выпуклых глаз по периметру головы, похожей на яйцо. От этих ужасных, всевидящих глаз и рук-плетей не было спасения...

Хозяева подвергали нас бесконечным и мучительным пыткам. Для моего несчастного предка ужас усугублялся непониманием происходящего, однако я-нынешний понимал (от чего мне, увы, не становилось легче), что речь идет о научных экспериментах. Нас подвергали мутации и селекции. Нам кололи радиоактивные изотопы и болезнетворные вирусы. Наших детей резали на части, изучая изменения во внутренних органах.

Волны агонии катились сквозь время...

Нас заставляли решать головоломные задачи и манипулировать предметами. Когда это оказывалось не по силам

нашим слабым мозгам, нас наказывали — жестоко и безжалостно, либо попросту убивали как бесполезных для эксперимента.

А руководил всем этим Большой Хозяин. Это было существо еще более крупное и могущественное, чем остальные мучители. Я полагаю, он был среди них самым старым, ведь у многих видов рост происходит всю жизнь. Только кожа его была не серой и гладкой, как у других, а коричневой, пятнистой и бородавчатой. Глаза совсем вылезли из орбит, голос звучал повелительно и напоминал трубный рев слона.

Какая ирония! Ведь то был в каком-то смысле мой коллега — возможно, тоже профессор, заведующий лабораторией, гонявший ассистентов и лаборантов. А мы играли роль лабораторных мышей. Но, похоже, на других планетах никто и не слышал о биоэтике.

Не знаю, сколько прошло лет или десятилетий, сколько поколений смешилось в аду. Но мы, сидящие в клетках, изменились! Мы распрямились, стали выше ростом. Шерсть вылезла, открыв темную лоснящуюся кожу. В огромных глазах под выросшим лбом загорелся огонь разума — хитрого и злобного. Сознание больше не захлестывали примитивные эмоции — там вертелись планы побега и мести. Мы тайно учились общаться между собой, согласовывать свои действия и использовать все то, чем нас учили Хозяева, в собственных целях.

И однажды это свершилось! Мы вырвались! Для серых тварей наша атака стала полной неожиданностью. Растерянно махая щупальцами, они встретили конец, который заслужили. Мы набросились на Хозяев дикой стаей, в мгновение ока растерзав когтями и зубами их мягкие тела. Я до сих пор чувствую это мрачное и кровавое упоение, звериную радость и наслаждение меня-древнего, смешанное со стыдом и ужасом меня-нынешнего. Но этого не забыть!

Большой Хозяин не избежал общей участи. Он прятался в кабинете, пытался включить систему защиты... Но к тому времени мы уже достаточно разбирались в его технических штучках. К тому же нас было много, на нашей стороне была звериная сила и неистовый, без наслоений куль-

туры разум. Мы убили Большого Хозяина, разгромили лабораторию и устроили на развалинах дикую, первобытную оргию...

Что я еще могу сказать? Меня переполняет душевная боль.

Ты знаешь, я много лет искал Бога. Какую бы научную базу я ни подводил под свои теории, какие бы хитроумные формулировки ни использовал, суть была одна, и она безмерно проста. Я искал Того, Кто создал всех нас. Я хотел верить в мудрость и доброту Высшей Силы, даровавшей нам разум и чувства. Я надеялся — там, на Небесах, кому-то не все равно. Кто-то любит нас такими, какие мы есть...

И вот я открыл великую тайну, принес Последний Завет.

У нас нет Бога. Он был чудовищем, и мы убили Его!»

Июнь 2005

ЗАХАК

Не могу сказать, что хорошо знал Сета Кроу. Собственно, вряд ли это взялся бы утверждать вообще кто-либо из ныне живущих. Я, по крайней мере, был знаком с Сетом еще в дни нашей юности, в Нью-Йорке, более тридцати лет назад. Тем разительнее показалась мне перемена, которую я нашел в нем во время последней встречи незадолго до известных трагических событий. И дело отнюдь не только в его пресловутом уродстве, вызванном тяжелым недугом. Куда серьезнее было то, что творилось у него в душе.

Должен признаться, что много лет я ничего не слышал о Кроу, пока однажды не увидел его имя на мягкой обложке романа, где скалили зубы какие-то твари и кровь текла рекой. Так я узнал, что мой старый знакомый решил подвизаться на писательском поприще в жанре ужасов. Сам я никогда не был поклонником этого жанра, но за карьерой Сета следил с интересом. У него вышло несколько книг, попавших в список бестселлеров, затем последовали экранизации... Позднее Кроу, по-видимому, охладел к литературе и удалился на покой.

Мне стало известно, что он живет в пригороде Аркхэма, штат Массачусетс, что дом его — настоящая крепость с телекамерами и сигнализацией, что он никого не принимает и общается с окружающим миром в основном по Интернету.

Правда, для меня он все-таки сделал исключение, по старой дружбе. И признаться, эта встреча произвела на меня тяжелое впечатление.

Помню, Сет был одет в изношенные джипсы и черный драный свитер на пару размеров больше, чем нужно, с воротником. Так он скрывал безобразные наросты на теле, расположенные симметрично слева и справа между шеей и плечами. Сет изрядно осунулся, кожа стала желтой и морщиистой, нос походил на клюв грифа... Казалось невероятным, что этому человеку едва за пятьдесят.

И еще — от него пахло. Воню пропитался весь некогда комфортабельный дом, кругом царили грязь и беспорядок. Исключение составляла лишь новая модель компьютера, через который Кроу входил в Сеть, делая заказы и общаясь с посредниками.

Разговор не клеился. Сет все вспоминал старые времена, но какие-то вещи, по-моему, просто придумывал. Когда я завел разговор о его творчестве, он почему-то разозлился и стал выражаться совсем непечатно. Потом вдруг спросил, слышал ли я что-нибудь о мертвых обезьянах. Пришлось ответить отрицательно...

Еще в молодости Кроу как-то поделился со мной страхом сойти с ума из-за дурной наследственности. Дело в том, что отец его закончил свои дни в клинике для душевнобольных. И вот, много лет спустя, я понял, что давний кошмар осуществился, хотя сам Сет вряд ли осознавал это. И произведения его, если хорошо подумать, были плодами явно больного разума.

Тогда я еще не знал, что полиция Аркхэма обнаружила труп шимпанзе с выеденными глазами и мозгом. Позже было найдено целое захоронение в одной из карстовых пещер за городом. Тела несчастных животных сваливали в скальную расщелину, источавшую зловоние.

Как ни прискорбно, теперь уже считается доказанным, что Сет Кроу пользовался услугами нелегальной сети

контрабандистов, поставлявших богатым клиентам экзотических животных, в основном в кулинарных целях. Очевидно, Сет пристрастился к такому древнему блюду китайской кухни, как мозг обезьяны. Пристрастие это было тем более извращенным, что Кроу собственноручно убивал животное.

Впрочем, обвинение ему так и не было предъявлено. Как известно, накануне предполагаемого ареста Сет Кроу сгорел в собственном доме. Я лично уверен, что, дойдя дело до суда, он был бы освобожден ввиду полной невменяемости. Сет, без сомнения, был тяжело болен.

Об этом свидетельствует и текст, полученный мною по электронной почте в ночь его гибели, который я наконец решился предать гласности. Реальные события здесь перемешаны с вымышленными. Похоже, даже в смерти Кроу остался верен стезе фантаста. Вот этот странный документ.

«Когда вы читаете эти строки, я уже мертв, а душа моя, надеюсь, воссоединилась с тем, кого я люблю. Нет смысла более скрывать ужасную тайну, что мучила меня долгие годы. Теперь мне все равно.

История эта началась в благословенные шестидесятые. О, что это были за времена! Эпоха перманентного бунта, анархии и вседозволенности. А я был так молод и открыт всему новому, неизведанному... У меня появился друг, и скоро наша дружба переросла в нечто большее.

Звали его Дэриен Грин. Светловолосый и голубоглазый, он был похож на ангела, но душою пребывал за пределами добра и зла. О нем ходили ужасные слухи, но сила чувств моих была столь велика, что я находил красоту и в пороке.

Вместе мы принимали наркотики. В те времена многие баловались марихуаной и ЛСД, однако Дэриен приносил всегда что-то свое. Вдохнув разноцветные порошки, мы переносились в иные миры, удивительные и красочные, куда более реальные и совершенные, нежели наша убогая, серая действительность. И там мы были вместе!

Мы занимались любовью на ступенях древних храмов, окруженных непроходимыми джунглями, фосфоресцирующими под звездным небом; на солнечных полянах волшеб-

ного леса, украшая друг друга венками из диких цветов; на бескрайних пляжах фиолетового океана при свете трех лун...

Никогда больше я не был так счастлив.

Но однажды всему пришел конец. Дэриен сказал, что должен покинуть меня — возможно, навсегда. На память он оставил нефритовый амулет с таинственным знаком, взяв с меня слово не расставаться с ним никогда. Мы прощались в слезах...

Надо сказать, что Дэриен исчез вовремя: им всерьез заинтересовалась полиция. Некоторое время меня и других наших знакомых мучили допросами, но в конце концов отстали.

А я страдал от одиночества. И вот однажды у меня появился новый друг, симпатичный и любящий парень по имени Саймон Бирс. Но, увы, с ним никогда не было так, как с Дэриеном. Вольно или невольно, я сравнивал свой новый опыт с прошлым и этим возбудил ревность Саймона. Он потребовал, чтобы я выбросил злосчастный амулет. И в порыве малодушия я совершил это...

На следующую ночь мне приснился Дэриен. Помню, что я проснулся в истерике и слезах. Саймон успокоил меня... Утром я совсем забыл свой кошмар, в память врезались только слова Дэриена: «Наши дети». Должно быть, во сне они имели какой-то смысл, но при свете дня звучали полным абсурдом.

Мы с Саймоном вынуждены были покинуть город, скрываясь от властей. Многие тогда ехали в Канаду, мы же поселились в одном заброшенном доме среди лесной глуши Новой Англии.

Бытовые трудности нас не смущали. Мы были счастливы вдвоем, вдали от людей. Но однажды я заболел. Меня трясло, как в лихорадке. Саймон заботливо ухаживал за мной, и так продолжалось девять дней.

На исходе этого срока я убил Саймона и съел его мозг. Точнее, это сделали головы...

Да, здесь следует быть точнее! Ибо грубая реальность, с которой я свыкся за долгие годы, может показаться вам фантазией или свидетельством моего безумия. Я и сам сна-

чала думал, что сошел с ума. О, если бы это и впрямь было так! Но изменения, меня постигшие, были вполне материальны.

Мои головы — маленькие, вытянутые, похожие на змеиные, но в то же время с карикатурно-человеческими чертами. Тонкие бледные шеи длиною в локоть, дополняющие сходство со змеями. Большую часть времени эти твари проводят свернувшись в своих гнездах. Это мерзкие наросты вокруг мойшей, о которых вам должно быть известно. Когда приближается полнолуние, головы ощущают голод. Им нужна пища — человеческий мозг! Такова моя плата за измену, участь чудовищного Заххака.

Самое страшное, что они не какие-нибудь паразиты, а часть меня самого. Мы — единый организм, причем не только физически. Их желания становятся и моими; когда они слишком сильны, я теряю контроль над собственным телом; мои мысли становятся известны им. Я говорю о том, что не раз помышлял избавиться от голов хирургическим путем, но они всякий раз узнают об этом и причиняют мне боль. Они и сейчас это делают. О боги, дайте мне силы довести начатое до конца!

Итак, каждое полнолуние я становился подобен хищному оборотню. Я не знаю имен своих случайных жертв. Многие из них были просто бродягами или хиппи. Головы яростно вопзались прямо в глаза, всасывая на ходу теплую вязкую массу и через пару минут выжирая все досуха. И вместе с ними я ощущал этот вкус и благословенную сытость.

Прошло время, прежде чем меня осенила мысль об обезьянах. Первый опыт я произвел, похитив шимпанзе из зоопарка. Оказалось, что головы не возражают против такой замены. Я решил, что, хотя подобная пища и не одобряется нашим ханжеским обществом, она все же менее предосудительна, чем убийство. К тому же достать ее оказалось нетрудно — были бы деньги! К своему удивлению, я обнаружил, что в нашей стране немало богатых гурманов, тешащих себя плотью экзотических животных ради забавы, в то время как для меня это было жизненной необходимостью. И мои запросы оказались не столь уж велики на общем фоне.

Чтобы заработать денег, я стал писать. Надо сказать, что, с тех пор как появились головы, меня часто мучили ночные кошмары. В них я снова странствовал по иным мирам. Возможно, это были те же миры, что мы когда-то посещали с Дэриеном, однако без него там все было не так. В древних храмах совершались кровавые ритуалы, по лесам бродили чудовища, гигантские черви лезли из-под земли... Порой эти видения так пугали меня, что я жег свет ночью напролет, дабы не заснуть. Выплескивая свой ужас на бумагу, я пытался хоть как-то избавиться от него.

На мое счастье, эти труды были оценены. Книги начали приносить прибыль, а уж о фильмах и говорить нечего. Полученные деньги я вкладывал в акции, в конце концов мне удалось наладить для себя вполне сносное существование. Я жил затворником, и мне это нравилось. Люди, посвященные в тайну моих странных вкусов, держали язык за зубами, отработывая свой хлеб.

Но, как говорится, все тайное становится явным, рано или поздно. Только останься я жив, мне не перенести позора. Стоит ли цепляться за жизнь существу, которое столь отвратительно? Смерть даст мне избавление от страданий, огонь очистит меня и вознесет в запредельные сферы, где я встречу моего любимого Дэриена...

Прощайте!»

Должен отметить, что полицейское расследование пока не пришло к однозначному мнению о том, был ли пожар в доме Кроу результатом поджога или несчастного случая. Письмо Сета не оставляет на этот счет никаких сомнений, являясь фактически предсмертной запиской. Что касается других его признаний (в частности когда речь идет о массовых убийствах), то я лично отношусь к ним крайне скептически и склонен объяснить больной фантазией. Насколько мне известно, состояние останков Кроу не подтверждает (хотя и не опровергает) наличия описанных им аномалий организма.

В заключение предлагаю вашему вниманию краткую справку, подготовленную по моей просьбе сотрудником кафедры сравнительной мифологии Мискатоникского университета мистером Джулиусом Хейли:

«ЗАХХАК — персонаж древнеиранского эпоса, мифический царь. Сын арабского царя Мардаса, совращенный Иблисом, от поцелуев которого из плеч Заххака выросли две змеи, питающиеся человеческим мозгом. Заххак убил иранского царя Джамшида, занял его трон и установил тысячелетнее царство Зла. Ежедневно ему должны были приносить в жертву двух юношей... Кузнец Кава поднял народное восстание против Заххака и, призвав законного наследника Фаридуна, сверг тирана.

Какая бы то ни было историческая достоверность легенды фактами не подтверждается».

Август-сентябрь 2002

ДАНВИЧ НАВСЕГДА

Рабочий день близился к концу, а дел было невпроворот...

— Каэл, шеф требует отчет по Гонконгу.

— Скажи, я работаю над этим.

— Каэл, вот данные по продажам в Новой Англии.

— Хорошо, я посмотрю.

— Каэл, ты сдал деньги на вечсринку?

— Давно уже.

— Каэл, тут к тебе пришли!

— Ну, что там еще? — Я недовольно оторвался от экрана с бесконечными рядами цифр и диаграмм.

Право же, с цифрами у меня получается лучше, чем с людьми. Как подумаешь, сколько дураков и бездарей вокруг... Лучше бы их придушили в детстве!

Оказалось, пришел посыльный. Я расписался и получил пухлый конверт.

Странно, что могло понадобиться от меня солидной адвокатской фирме? Может, это ошибка и речь идет о другом Каэле Маккормике? А вдруг мне привалило наследство от неведомых родственников и я наконец смогу выбраться из этой офисной круговерти? Такие новости лучше не откладывать в долгий ящик.

Распечатав конверт, я обнаружил в нем другой, куда более древний с виду, но тоже с моим именем, написанным

какими-то каракулями. Внутри его оказалась рукопись с тем же почерком. Постепенно разбирая слова, я начал читать... и чем дальше, тем больше это чтение захватывало меня.

«Во имя Господа нашего Иисуса Христа! Я, Ирвинг Смит, находясь в здравом уме и твердой памяти, свидетельствую о событиях, что произошли в августе 1968 года вблизи города Данвич, штат Массачусетс.

В ту пору я был врачом клиники Мискатоникского университета, занимаясь в том числе и акушерством. 20 августа 1968 года поступил вызов в один из старых загородных домов, что были заброшены в прежние времена, а затем облюбованы хиппи для своих коммун. Так или иначе, мой долг звал меня.

Роды пришлось принимать у молодой незамужней студентки Розы Бишоп. Кругом царили хаос и антисанитария. Товарищи мисс Бишоп по коммуне — молодые юноши и девушки неопрятного вида — пытались помочь ей воскурением благовоний и ритуальными песнопениями. Мне удалось выгнать из комнаты всех, кроме одного.

На первый взгляд, это был один из тех, кого называли „туру“. Какой-то индус или араб, явившийся с Востока, дабы смущать умы лежковерных... Я решил, что, возможно, он и приходится отцом ребенку.

Роды шли тяжело. Судя по всем признакам, должны были родиться близнецы.

Так и случилось. О боже!

Первый ребенок, мальчик, был совершенно нормален, по крайней мере с виду, и явно принадлежал к белой расе. Второй же... не знаю, как и сказать. Конечно, я повидал немало уродцев — в банках с формалином и на страницах медицинских книг, но это... Это не было человеком! Его отвратительные щупальца до сих порой являются мне в кошмарах, и меня мутит от одного воспоминания, что я касался его. К счастью, создание родилось мертвым.

Еще будучи в шоке от пережитого, я начал понимать, что дело нечисто. В памяти всплыла история о братьях Уэггли. Меня прошиб холодный пот от мысли, что Данвичский ужас вернулся в наши края. Власть Тьмы велика! Нормаль-

ность первого из новорожденных — лишь видимость, ибо по сути своей он чудовище.

Я должен был повестать миру о новой угрозе... Но тот, кто присутствовал при родах, сковал меня гипнотическим взглядом черных глаз и взял с меня страшную клятву, что я не выдам тайны при жизни своей. Клятвы этой я не парюшу и открою ее людям лишь после смерти. Ибо если вы читаете эти строки, я уже мертв. И уповаю на Господа нашего Иисуса, что уготовил нам обитель в Царствии Своем, где не настигнет меня месть Врага в посмертии.

После того ужасного случая я обратился к старинным книгам и преданиям. Должно быть, именно тот, кого я сначала принял за гуру, именуется в них Черным человеком, Вестником Древних, Ползучим Хаосом, а также зловещими колдовскими именами, которые нельзя произносить вслух. Не первый век оскверняет он Землю своим присутствием.

Мне удалось проследить за судьбой ребенка Розы Бишоп, которая вскоре умерла от родовой горячки. Этот мальчик был усыновлен парой Маккормик из Аркхэма, переехавшей позднее в Бостон. Ныне живет он там под именем Каэл Маккормик, возможно не ведая о своем происхождении и природе, но будучи тем не менее порождением Космического Зла. Эту весть я несу из могилы и на сем заканчиваю свою исповедь. Да свершится воля Господня, аллилуйя!»

Я сидел, погрузившись в холодный ужас и оцепенение. Офис, коллеги, компьютеры — все это уплыло куда-то бесконечно далеко... Я вдруг оказался на краю Бездны. Может быть, все это лишь бред старого, выжившего из ума религиозного фанатика? Нет, инстинкт подсказывал мне обратное.

Ведь то, что Маккормики не мои настоящие родители, я знал давно. Впрочем, настоящих найти даже не пытался. Хватило мне и одних, за глаза...

Я попытался вспомнить все, что когда-либо слышал о Данвичском ужасе. Для меня это были не более чем байки, сродни рассказам о снежном человеке или джерсийском дьяволе. Кажется, какие-то твари бродили по округе, по-

жирая людей и скот и планируя Апокалипсис, но были вовремя уничтожены на Сторожевом холме.

Неужели это и моя судьба? Неужели и правда я — чудовище? Такого отвращения к себе, к своему телу я не испытывал, пожалуй, лет с тринадцати. Хотя пока я вроде бы не замечал за собой ничего такого уж чудовищного. Вот разве что.... Да нет, ерунда! Если и грешил, то по мелочи. Все так делают, иначе не выжить. Такой век на дворе. А что с людьми плохо схожусь, так они сами виноваты... Или все же есть во мне какая-то червоточина, семя неведомого зла?

Я сидел бы так долго, медленно сходя с ума, если бы в конверте не нашлось еще одного листа бумаги. Тем же корявым почерком Смита был нарисован план местности — как я понял, где-то между Данвичем и Аркхэмом. Эти места мне были знакомы с детства. На карте старый врач обозначил дом, где я появился на свет!

Сохранился ли он еще? Или давно снесен под новостройки, стандартные домики образцовых американских семей, верующих в Иисуса?

Меня вдруг охватило необъяснимо сильное желание отправиться туда. Должно быть, я был околдован. Или сработала подсознательная программа, зовущая к истокам бытия. Бросив какие-то невнятные фразы удивленным коллегам, я поднялся из-за стола и, как лунатик, вышел из здания. Шеф будет рвать и метать, но теперь все равно.

Я гнал машину до Аркхэма почти без мыслей в голове.

Потом начал сверяться с картой, чтобы не пропустить поворот. Как ни странно, здесь все еще стоял указательный знак, отмеченный на карте Смитом. Я выехал на старую грунтовую дорогу через лес, изрядно заросшую. Должно быть, много лет по ней никто не ездил.

Тем временем испортилась погода: по небу плыли, клубясь, серые тучи, а бурелом вокруг гудел и стонал в порывах холодного ветра. Я подумал тогда, что, если пойдет дождь, эту дорогу совсем развезет и обратно будет уже не проехать. Впрочем, эта мысль почему-то оставила меня равнодушным, как будто у меня был билет лишь в один конец.

Старый дом на поляне совсем не выглядел заброшенным. Более того, внутри горел свет. Словно во сне, я отворил незапертую дверь и вошел.

В гостиной был накрыт стол на две персоны. За столом сидел высокий смуглый человек, действительно похожий на индуса. Черным в прямом смысле слова он не был, скорее цветным. При виде меня он не выказал ни малейшего удивления, а приветливо улыбнулся, точно старому знакомому.

— Привет, Казл, — неожиданно мягким голосом вымолвил он. — Присаживайся, перекуси с дороги. Хочешь вина? Это гиадское.

Последнего слова я не понял, но решил, что выпить мне и впрямь не помешает. Все мои тревоги и сомнения вдруг схлынули куда-то... Я почувствовал себя дома, хотя никогда не бывал здесь прежде... или, точнее, не помнил об этом.

Немного придя в себя, я заметил, что на моей стороне стола кушанья стоят вполне обыкновенные, хотя и дорогие, а на стороне загадочного хозяина — довольно странные. Прямо перед ним на блюде копошились черви, жирные и блестящие. Черный человек легко цеплял их золотой вилочкой и отправлял в рот с явным удовольствием. Для него это выглядело совершенно естественным, и, как ни странно, я тоже не ощутил ни малейшего отвращения к этой сцене.

— Можешь задавать вопросы, — сказал он. — Время еще есть.

— Это вы — мой отец?

— Нет, что ты! Я только Вестник. Как архангел Гавриил — знаешь эту историю? В старину меня еще называли Ньярлатотетом, хотя это тоже не имя, а скорее должность... В общем, у тебя не было отца в человеческом понимании этого слова. Все гораздо сложнее...

— То, что написал Ирвинг Смит, правда?

— Это лишь его точка зрения.

— Но я — чудовище? Порождение Космического Зла?

— Оставь эти штампы Голливуду, — буркнул Вестник Древних, чуть не поперхнувшись. — Нет никакого Зла!

Я замолчал, пытаюсь постичь его слова.

— Есть только интерпретации, — продолжал Ползучий Хаос. — Отражения высшей реальности в зеркалах челове-

ческих страхов, тревог и сомнений. Все, что происходит, не имеет отношения к религии и морали. Это эксперимент Древних. Разумных существ, пришедших на Землю со звезд в незапамятные времена. Их разум непостижим для смертных. Древние были, есть и будут, Каэл. Они никуда не ушли, они только меняют тактику.

Ты — продукт их очередного эксперимента. Уникальное сочетание человеческого и космического. Гораздо более удачное, чем у нас получилось в двадцатые... Двуетидная квантовая сущность, как электрон — частица и волна. Твоя оборотная сторона пока не проявилась, но это вопрос желания и времени. Последнего, впрочем, у нас осталось немного.

Старик умер сегодня днем. Согласно его распоряжениям, было отправлено два срочных письма. У Смита были свои понятия о честной игре. Он полагал, ты имеешь право знать, в чем дело. Я сделал так, что второе из писем немного задержалось в пути... Я мог бы и вовсе его уничтожить, но это значило бы только отложить неизбежное. Теперь за тобой охотятся, Каэл.

— Кто? — выдохнул я.

— Агенты тайной организации, основанной Генри Эрмитейджем. Был такой профессор Мискатоникского университета, неутомимая душа... Восемьдесят лет назад он сорвал Данвичский эксперимент. С тех пор его последователи борются со всем, чего не понимают.

Ты должен пройти через это, Каэл. Знаешь, как говорят: то, что не убивает, делает нас сильнее. Это будет первый шаг на твоём великом пути во Вселенной. Ты обретишь власть над измерениями...

— Какой путь? Какая власть? Я что, должен устроить какой-то Апокалипсис на радость вашим хозяевам?

— Ты ничего не понял, — покачал головой Черный человек. — Ты хочешь знать, в чем твоя миссия? Да в том же, в чем у любого другого существа, — выжить и стать тем, кем ты можешь стать. А можешь ты больше других. Ты — создание Древних, а не раб. Сейчас ты более свободен, чем все шесть миллиардов земных обитателей. Ты можешь выбрать себе любое будущее... и любое прошлое...

Сумерки сгустились над дремучим лесом и старым домом на поляне. Ветер утих, настала напряженная тишина. Из темноты глядело множество глаз. В том числе через приборы почного видения.

— Казл Маккормик! — раздался голос, усиленный мегафоном. — Выходите с поднятыми руками. Вам не причинят вреда.

Прошла минута, и дверь дома со скрипом отворилась. В дверном просме показалась тень. Человек вышел на крыльцо и огляделся по сторонам.

То ли у кого-то сдали нервы, то ли так и было задумано — кто знает? Раздался выстрел, другой... волна серебряных пуль (с порошком Ибн Гази, для верности)... содрогающееся тело, рухнувшее на ступени.

И вновь тишина. Никто не осмеливался приблизиться.

Только вдруг темный силуэт озарился светом — странным, фиолетовым, неземным...

Йог-Сотот знает, где Дверь.

Пространство исказилось, закрутилось в мерцающую воронку.

Йог-Сотот и есть Дверь.

Воронка раскрылась, выпуская сонмище крылатых тварей, что пришли собрать нечестивую жатву в свои цепкие когти. Они отлично видели в темноте.

Лес огласился криками боли и ужаса, беспорядочной стрельбой...

Скоро все утихло, словно и не было ничего.

А потом пошел дождь.

Сентябрь 2004

ГАЛЕРЕЯ УЖАСА

— Прежде всего, никаких аркхэмских катакомб не существует! — сказал человек в очках, похожий на филина, и для убедительности стукнул об пол костылем.

Другой, помоложе, только улыбнулся слегка виновато.

Мы пили чай на веранде старинного дома, вместилища древних тайн, и собеседники мои были под стать

ему — Кристофер Мэнтон, хранитель музея, и Артур Картер, сын знаменитого Рэндольфа Картера, лишь несколько лет назад впервые ступивший на землю предков¹. Отправляясь из суетного Бостона в загадочный Аркхэм, я надеялся снискать расположение этих людей к своим исследованиям и менее всего ожидал встретить подобный скептицизм.

Мое имя — Даррен Смит, и эта история для меня началась много лет назад, еще в детстве. Именно тогда мой дядя по материнской линии Уэлдон, коего остальные благонамеренные родственники считали темного чокнутым, поразил незрелый детский ум «Таинственными историями» и прочими журналами такого рода в потрепанных мягких обложках.

В свое время я познакомился с творчеством Рэндольфа Картера, чьи произведения внушали ужас и восхищение одновременно. Казалось почти невероятным, что этот человек действительно существовал, а возможно, и продолжает существовать где-то в высших планах бытия.

Я мечтал, вслед за ним, достичь иной реальности...

Однако попытки мои были часто наивны и неуклюжи.

К примеру, я долго разыскивал «Некрономикон», но мне попадались только многочисленные фальшивки, и пришлось с горечью оставить это занятие.

Как-то я прочел о загадке аркхэмских катакомб и загорелся мыслью исследовать их. По крайней мере, речь шла о чем-то вполне материальном, что не ускользало из рук, подобно Синей птице.

С этой целью я прошел специальные курсы и купил снаряжение, выложив кругленькую сумму. Неужели все окажется напрасно?

— Что же тогда существует? — спросил я.

— Система пещер естественного происхождения, в которых нет решительно ничего интересного! — заявил Мэн-

¹ См. мой рассказ «Тайна Рэндольфа Картера».

тош. — Между тем они могут быть весьма опасны. Именно там я по молодости лет повредил ногу.

— Сожалею... но разве дело в этом? Вы серьезно полагаете, что тоннели возникли естественным путем и их никто не строил?

— А у вас есть доказательства обратного? — усмехнулся Мэнтон. — Вы говорите, что изучали древние манускрипты. Я тоже этим занимался по роду деятельности. За два с половиной века, что город стоит в долине Мискатоника, нет ни одного упоминания о каких-либо земляных и горных работах в данном направлении! Уверен, и вам их не удалось найти.

— Да, — согласился я. — Однако мне довелось раскопать одну забавную легенду столетней давности. Некий Джебедайя Берч заблудился в пещерах к северу от Аркхэма... и вышел в волшебный лес.

— Что же в нем было волшебного? — скептически спросил Мэнтон.

— Там обитали маленькие говорящие зверушки.

Вымолвив это, я был готов услышать в ответ смех. Но мои собеседники только многозначительно переглянулись.

— Вряд ли стоит доверять этому свидетельству, — сказал Мэнтон. — Джебедайя Берч был известным пьяницей. Этот род позорит наш город не одно поколение...

Мне захотелось выплеснуть чай ему в лицо.

— Послушайте, Артур, — в отчаянии обратился я к Картеру-младшему, — вы все отмаливаетесь, а я так рассчитывал на вашу поддержку! Разве история вашего отца ничего не значит?

— Вряд ли вы знаете его подлинную историю, — тихо, но твердо ответил Картер. — Так что не поминайте отца моего всуе и не сравнивайте меня с ним. Я всего лишь скромный учитель французского.

— А чудовище, которое вы сразили в Змеином Логове?

— Оно явилось из Космоса и лишь пряталось в пещере. Некоторые тогда считали меня героем, но я только исполнил свой долг. И если бы не помощь Кристофера, мы бы сейчас с вами не разговаривали.

— Поймите, молодой человек, мы желаем вам добра, — вновь заговорил Мэнтон.

— Простите, но я волен сам определять, что для меня добро, а что — нет!

— Эх, — устало вздохнул хранитель музея. — Да, вы один из тех, кто мечтает о несбыточном, жаждет иных миров, разочаровавшись в этом. Не рановато ли для ваших лет? Волшебный лес, говорящие зверушки... Вы ищете свою зеленую дверь, подобно герою рассказа мистера Уэллса. Но его-то эти поиски привели к гибели! Как знать, вы можете найти совсем не то, что искали...

— И все же я не отступлю.

Двое снова переглянулись.

— Тогда я дам вам одну ползснущую вещь, — загадочно улыбнулся Картер.

Он поднялся из-за стола и вскоре вернулся со странным предметом. Это был небольшой матовый диск, похоже выточенный из кости, с причудливыми иероглифами, напоминавшими рогатого жука и еловую ветвь. Диск крепился на цепочку, чтобы его можно было вешать на шею.

— Это весьма древний амулет, — пояснил Картер. — Будем надеяться, он защитит вас от всех неприятностей там, внизу...

— И ваши ноги останутся целы, — буркнул Мэнтон.

На следующий день, уже несколько часов путешествуя под землей, я готов был признать правоту мудрого хранителя. Да, тоннели порой казались делом чьих-то рук, но в их расположении не обнаруживалось никакого смысла. Часто они вели по кругу или сужались так, что человеку в них было никак не пролезть. Тогда приходилось отступать и искать другой путь. Казалось, я блуждаю в лабиринте какого-то большого разума.

Перед глазами поплыли разноцветные круги...

Короче говоря, когда впресиди вдруг забрезжил неяркий свет, я был только рад наконец выбраться из подземелья. Погасив фонарь, я направился (как мне казалось) в сторону выхода. До меня донеслись неслытные звуки, похожие

на отдаленный лай и мычание. Должно быть, подумал я, этот ход выводит на какую-то ферму.

Однако я жестоко ошибся!

Передо мной вдруг открылась огромная сумрачная пещера, освещенная гигантскими фосфоресцирующими грибами. В этом чуждом для человеческого глаза сиянии я сначала уловил какое-то движение и лишь потом разглядел ее обитателей. Из груди моей вырвался крик, ибо зрелище того стоило.

Там было множество мерзких тварей, имевших сходство с людьми и в то же время отличающихся от нас, словно какая-то неведомая сила ополчилась на человеческий образ, искажая его вдоль и поперек... Лица напоминали собачьи морды, серые бородавчатые тела лоснились от слизи. Некоторые из них были обнажены, другие кутались в какие-то лохмотья.

Увидев меня, они пришли в возбуждение и загомонили, как стая диких обезьян. От страха и зловония я потерял сознание.

Я пришел в себя на некоем подобии каменного ложа, устроенного в углу небольшой пещеры. Рядом со мной стояла фигура в темном плаще, скрывающем лицо и руки. Страшась встречи с исчадием подземного мира, я отпрянул. Но тут облаченный в плащ откинул капюшон и открыл свое, вполне человеческое, лицо — пусть бледное и не слишком приятное.

— Откуда у вас амулет? — спросил этот странный человек.

— Мне дал его Артур Картер, — выпалил я. — Сын Рэндольфа Картера.

— Картер, — задумчиво протянул он. — Да, это имя кое-что значит в здешних краях. У вас полезные знакомства, друг мой. Без амулета вас бы уже съели.

При воспоминании об ужасных тварях меня передернуло.

— Как вас зовут? — продолжал беседу хозяин подземелья.

Я поспешно представился.

— А я — Ричард Пикман. Вы не слышали обо мне? Я был довольно известным художником в Бостоне... лет двадцать пять назад. Боги, как же летит время!

Я покаялся в своем невежестве по части современного искусства.

— Ничего, — благодушно махнул рукавом Пикман. — Если подумать, кем я был тогда? Просто молодым декадентом, шокирующим публику своей мазней... Но случилось так, что я слишком увлекся своими моделями и покинул людскую суету. Мне суждено было стать королем гулей!¹ Это не только великая честь, но и ответственность — понятия, прежде мне неведомые...

Я согласился с Пикманом, хотя и не мог понять, какая честь в жизни среди пожирателей падали. Вероятно, он просто безумец, а с ними лучше не спорить.

Но поскольку непосредственной угрозы в собеседнике я не ощущал, во мне заговорил исследователь. Тем более что легенды о гулях, игравшие не последнюю роль в мифологии Ктулху, вдруг нашли свое материальное подтверждение! Хотелось собрать побольше информации, и я спросил Пикмана: как столь многочисленное племя находит себе пропитание в городе и его окрестностях, где умирает (или пропадает без вести) не так уж много народу?

— А вы полагаете, что мы еще в Аркхэме? — Пикман зашелся неприятным, лающим смехом. — Нет, мы совсем в другом месте. Наши ходы не просто ведут под землю, они пронизывают само Мироздание! Мы — падальщики Вселенной и недостатка в пище не испытываем. Это дар Древних богов, но вы можете разделить его с нами. Смертному, проникшему в тайны гулей, дается шанс стать одним из нас. Вы сможете посетить множество удивительных миров и вкушать плоть их обитателей!

Предложение Пикмана было поистине невероятно. Казалось, мои заветные мечты отразились в каком-то кривом зеркале. Парадокс судьбы из тех, над которыми ломают головы мудрецы и смеются боги!

¹ Упыри, в классическом переводе.

Я вынужден был отказаться в самых изысканных выражениях.

— Ну что ж, — вздохнул Пикман. — Как я уже говорил, людям дается шанс. Отвергнувших дар ждет смерть... Таков наш закон.

У меня все похолодело внутри.

— Но вы под защитой Сил Древних, — как ни в чем не бывало продолжил король гулей. — Поэтому вас я отпущу с миром, если вы поклянетесь молчать об увиденном.

— Хвала богам! — выдохнул я.

— Но прежде, — как-то нерешительно проговорил Пикман, — не хотите ли посмотреть мои новые картины? Хобби, знаете ли...

Зная, что в любом случае потом отправлюсь домой, я с готовностью согласился.

В призрачном свете грибов мы прошли по подземным тоннелям до картинной галереи его гульского величества.

Освещение здесь было гораздо лучше, почти как солнечное. Свет испускали матовые колбы причудливой формы, наводящие на мысль об алхимии. Впрочем, мое внимание сразу переключилось на картины.

Не знаю, какие запредельные ужасы я ожидал там увидеть, но только не это. Впадая во все большее недоумение, я переходил от одной работы к другой, а за мной, словно тень, скользил Пикман.

В его картинах были ярко-голубое небо и ласковое солнце... Цветущая зелень парков и уютные домики старых кварталов Бостона... Красивые женщины и мужчины в нарядах по моде двадцатых годов... Музыканты играют джаз... Танцы, безмятежное веселье молодости...

— Они прекрасны, — пробормотал я, оборачиваясь к Пикману, — но...

— Не гармонируют с обстановкой? — криво усмехнулся тот. — Знаю. А поверите ли, что мои подданные прозвали это место галереей ужаса и посещение его — одно из самых страшных наказаний в королевстве? Ибо мир, изображенный здесь, столь же непонятен, страшен и отвратителен моему племени, как и простым смертным — мир гулей.

Я потрясенно молчал.

— Ладно, — сказал наконец Ричард Пикман. — Теперь мы отправим вас домой... другим путем. Прежний путь будет замурован. Передавайте привет Артуру. Я хорошо знал его отца. Вместе мы сражались с лунными жабами... Славное было время!

Собственно, это последнее, что я помню из подземных приключений.

Я никому не рассказал о них, кроме Артура Картера, которого эта история почему-то не слишком удивила. В заключение я спросил его, должен ли вернуть амулет, раз беда миновала.

— Оставьте себе, — улыбнулся Артур. — На всякий случай. Я знаю, где взять еще.

Декабрь 2002 — январь 2003

ВРЕМЯ ЧЕРНОЙ КОЗЫ

Не знаю, что и сказать. Боюсь, вы меня неправильно поняли.

Нет, мне ничего не известно о тех шестерых студентах, что пропали на прошлой неделе. Просто этот случай напомнил мне другой, свершившийся в дни моей юности, в бытность мою таким же студентом Мискатоппикского университета... Да, в конце шестидесятых.

Славное было времечко! Вся страна содрогалась, будто в землетрясение. Ветер переменил несс людей словно листья. Кажется, еще немного — и родится что-то новое, небывалое... Но все ушло в пар! Система проглотила нас и выплюнула уже благонамеренными членами общества. Бывшие бунтари и нонконформисты превратились в старые развалины, посадившие пиво перед телевизором...

Извините, увлекся. Так о чем я?

Тогда тоже пропало шесть человек, и в это же время года. Можете уточнить по архивам. Да, их долго искали, но не нашли... Возможно, это просто совпадение. Ведь одно дело — предполагаемое преступление и его жертвы, и совсем другое — добровольный побег! Так, по крайней мере,

решила полиция. Нашли записку одного из студентов, Саймона Бишопа, в которой тот сообщал, что все они отправляются в лучшее место и просят их не искать.

Куда они могли податься? Кто знает! В Канаду, Мексику, а то и за океан. Не первые и не последние по тем временам. Я вам говорил про ветер перемен? Ну вот. Да только если бы детективы знали Саймона так, как знал его я, они бы ему не поверили... Ни единому слову!

Да, я не любил Саймона Бишопа, но не берусь дать этому разумное объяснение. Было в нем что-то отталкивающее на уровне подсознания... хотя многих других, напротив, тянуло к нему.

Этот парень никогда не рассказывал о своей семье. Говорили, будто он в родстве с данвичскими Бишопами, а известно, какой народ там живет. Вопреки этим слухам Саймон был красив и не по годам умен, вызывая порой тем или другим зависть у сверстников. Меня раздражала и его загадочная улыбка, словно знак причастности к каким-то тайнам.

Студенческая компания, к которой я принадлежал в то время, была довольно интеллектуальной. По разговорам казалось, нас больше волнует будущее всего человечества, чем свое собственное. Нередкой темой было обличение пороков современной западной цивилизации и научно-технического прогресса, с их разрушительным влиянием на природу Земли и душу человека. Мы обменивались апокалиптическими прогнозами на конец тысячелетия, один мрачнее другого, и упивались этим, словно дети — страшной сказкой.

Саймон Бишоп тоже посещал наши сборища.

— Предположим, — сказал он однажды, — что существуют иные миры, не затронутые прогрессом. И не где-то за звездами, а рядом, в соседних измерениях, пока не открытых земными учеными. Разве не здорово было бы переселиться туда и жить в гармонии с природой?

— Да, но люди способны разрушить новый мир так же легко, как и старый, — возразил один из собеседников. — Боюсь, мы погубим и те, другие измерения, сколько бы их ни было!

— Нет, если они находятся под покровительством существ более мудрых и могущественных, чем гомо саниенс, — покачал головой Саймон и, по обыкновению, загадочно улыбнулся.

— Каких-нибудь жукоглазых марсиан, что ли?

— Да нет, он проповедует новый Эдем!

Признаться, мы тогда не поняли Бишопа. И я лично благодарен судьбе за это.

Вскоре Саймон отдалился от нас. Прошел слух, что он основал свою секту или тайное общество, куда вербует сторонников. Согласен, по нынешним меркам это выглядит предосудительно, но в те времена объявить себя гуру считалось не последним способом завести друзей... Да, и подругек, естественно!

Однако лично мне все это не нравилось. Как-то я узнал, что Бишоп планирует большое радение с пятеркой избранных у древних камней на Грозовом холме, в заповедном лесу... Места эти были знакомы мне с детства, несмотря на запреты родителей. Я решил проследить за Саймоном и разоблачить его фокусы. Даже бинокль с собой захватил!

Что ж, по крайней мере первая часть плана мне удалась.

В назначенный срок я занял свой пост на прогалине у вершины соседнего холма, откуда открывался прекрасный вид на каменный круг...

Да, это не Стоунхендж, все гораздо скромнее. Просто несколько больших стоячих камней вокруг поляны футов тридцать диаметром. Такие сооружения встречаются в наших краях. До сих пор точно не известно, кто их построил, когда и зачем. Возможно, среди поселенцев-пуритан скрывались язычники, принесшие на новые земли веру своих кельтских предков. Впрочем, я опять отвлекся...

Итак, шесть фигурок вошли в круг. Вопреки моим ожиданиям, никакой оргии не последовало. Все происходило весьма пристойно.

В центре разожгли костер, и Саймон остался с ним рядом, колдуя над огнем. Остальные симметрично разошлись в стороны и встали у поросших седым мхом камней, в вершины незримого пятиугольника.

И вот шестеро жрецов псевдогого культа затянули песнопения. Слов я не мог разобрать, да и пели они какую-то тарабарщину. Лишь рефреном выделялась загадочная фраза: «Иа Шуб-Ниггурат!»

Саймон бросал в огонь какие-то порошки, отчего пламя меняло цвет по всему спектру. И тут, на беду, ветер подул в мою сторону... Сладковато-удушливый дым защипал глаза. По-моему, Бишоп использовал наркотики, и это повлияло на мое восприятие. Все пошло разноцветными волнами...

Когда немного позже я смог сконцентрироваться на каменном круге, то увидел, что мои однокурсники там не одни. Неизвестно откуда появилась высокая смуглая женщина, обнаженная до пояса, с длинными черными волосами, чуть прикрывавшими грудь. Издалека мне показалось, что она одета в черные джинсы, а пышная грива скелета двумя гребнями. Желая рассмотреть все получше, я глянул в бинокль.

Господи, лучше бы я тогда ослеп! Никогда не забуду картину, представшую моим глазам... Эта женщина... Нет, эта тварь... ниже пояса она была покрыта густым черным мехом, а голову венчали отнюдь не гребни, а маленькие изогнутые рога! О, я помню подрагивание остроконечных ушей, гипнотический взгляд больших зеленых глаз... И нечеловечески прекрасное лицо! Да, красавица и чудовище в едином целом. Вы правы, это настоящее безумие...

Нет, я не берусь отличить реальность от галлюцинаций. Все смешалось тогда, ведь я находился под действием Саймонова зелья. Иногда я сомневаюсь даже, что вообще был там, в проклятом лесу, и мне все это не приснилось. Я не знаю, что случилось позже, не помню, как добрался до дому. А на следующее утро стало известно об исчезновении...

По моему звонку (анонимному, конечно) полиция осмотрела место происшествия. Нашли кострище, следы обуви... Похоже, там действительно побывал недавно кто-то из студенческой братии... да что толку! Следствие зашло в тупик.

Правда, один детектив в отставке недавно признался мне по пьяному делу, что были там еще и отпечатки копыт... Но можно ли верить старому алкоголику?

Что еще сказать... Я осторожно навел справки насчет той фразы, которую запомнил из обряда, творимого в каменном кругу. Оказалось, что имя Шуб-Нигтурат относится к пантеону культа столь древнего и таинственного, что само его существование по сей день подвергается сомнению. Ее называют еще Черной Козой Лесов... А в источниках времен пилигримов упоминается Рогатая Госпожа, Владычица Чашоб и так далее...

Нет, я ни на чем не настаиваю. Скажу больше: я хотел бы все забыть, но не могу. И Саймона тоже помню прекрасно.

Мне кажется, я видел его в городе месяц назад...

И знаете что? Он совершенно не изменился!

Апрель 2003

Он вошел ровно со звонком. Закрыв за собой дверь в аудиторию и словно острым лезвием отсек медное требовательное дребезжание. Это был один из маленьких трюков, которые Шахх использовал во время занятий. Еще один штрих к его образу — образу *занятника*.

Внимание аудитории следует сосредоточить на себе сразу, с первой же секунды. Он знал занятников, которые, нарочно опоздав, распахивали дверь с оглушительным грохотом, знал тех, кто любил соленое словцо, частенько кривлялся или же каждый раз менял наряды, прическу, даже тембр голоса... «В этой битве все средства хороши», — говорил Шахху его наставник. Шахх так не считал: шутовство рано или поздно приводит к тому, что тебя начинают презирать. А это верный путь к гибели.

Он поднялся на кафедру и резким, властным движением смахнул с нее несуществующую пыль. Мрамор приятно холодила кожу; под пальцами, едва ощутимые, угадывались буквы. Он помнил каждую из них, в особенности тот характерный ржавый оттенок в стершихся за века бороздках. Иногда они снились Шахху, и это были не самые лучшие его сны.

Где-то на «верхотуре» заржали. Зашелестел пакет, наверняка промасленный, паверняка с куском мясной запеканки. Одна из девиц визгливо рассказывала другой, как вчера ходила со своим на пляски.

Пахло прелыми листьями, гнилыми грибами и стойлом. Хотя — Шахх точно знал — с утра здесь прибирались.

Он скользнул взглядом по полукружьям рядов. Иногда они напоминали ему соты, иногда скалу со множеством гнезд, древний птичий базар, где перья, осколки скорлупы и дерьмо давно перемешались, слиплись, срослись в нечто монолитное и вечное. Шары-светильники, покоящиеся на полых трубках, вписывались в общую картину как нельзя лучше. Некоторые еще жили, но многие были разбиты или

попросту выдохлись — разбитые яйца, давно покинутые птенцами.

С «верхотуры» кто-то уронил сандалию, на нижних рядах ее словили и зашвырнули обратно.

— Во имя Всемогущей, Чернозракой, Пронзающей и Очищающей, начнем, — тихо сказал Шахх, ни к кому конкретно не обращаясь.

Но его услышали.

И замолчали.

— Итак, на чем мы остановились в прошлый раз?

— На городе Тысячи Колонн! — выкрикнул с первого ряда вихрастый улыбчивый парень.

Этот всегда все помнил, рассказы Шахха слушал жадно, прищурив глаза и чуть приоткрыв рот. Ловил каждое слово. С азартом отмечал любую ошибку.

— Верно, — согласился Шахх. — Тош Ловкач с Красоткой, чудом избежав гибели, добрались наконец до затерянного города Тысячи Колонн. По лестнице, на которую сотни лет не ступала нога человека, они спустились глубоко под землю. И нашли там Оракула-Из-Глубин.

По аудитории пронесся едва слышный вздох. Оракул был одной из ключевых загадок всей истории. Многие приходили сюда для того, чтобы узнать, о чем сказал Оракул Тошу. Ну и конечно, услышать, чем все закончилось.

— Оракул ждал их в полутемном зале с низким потолком. С потолка свисали ключья то ли паутины, то ли ползучих растений; свет проникал туда через отверстия в стенах...

— Это как? Город же глубоко под землей! — встрял вихрастый.

Шахх пожал плечами:

— Древние владели знаниями, которые нынче утрачены. Их светильники жили сотни лет, питаясь мраком и влажными испарениями. А может, и подземными червями, кто знает... Так или иначе, но многие из светильников еще излучали свет, когда Тош Ловкач и Красотка вошли в Покон Оракула.

— И их вот так запросто взяли и впустили?! — хмыкнула девчонка с третьего ряда, луноглазая и с землистой кожей.

Шахху рассказывали о ней: дурная наследственность, вдобавок несчастье, случившееся с городом, в котором она жила прежде. Отсюда и скверный характер: желание доказать всем и вся собственную значимость.

Шахх не был против: пусть доказывает. Но не за его счет.

— Если бы вы чаще ходили на занятия, то знали бы, о чем я говорил в прошлый раз. Разумеется, «запросто» ничего в этой жизни не бывает. Тошу Ловкачу пришлось сразиться со стальными истуканами, а затем решить загадку Трех Одноглазых Близнецов. Итак, напоминаю, загадка звучала следующим образом...

Шахх повторил то, чем закончил прошлое занятие, — формулу загадки, — а затем спросил, кто из присутствующих нашел ответ. Вверх взметнулось несколько рук. С легкой улыбкой на устах он обвел взглядом аудиторию, словно раздумывал, кого же вызвать.

В этом и была суть занятий. Вынудить их хоть как-то работать мозгами. Хоть что-нибудь узнать о мире... о том мире, который существовал давным-давно и которого больше не будет никогда. Говорят, прежде на заплатах юнцы и девицы чему-то учились. Теперь они приходили развлекаться — и, только если рассказы Шахха были *занятыми*, можно было рассчитывать на интерес со стороны аудитории.

Поэтому бесконечная история о Тоше Ловкаче и его подружке. Поэтому схватки, погони, древние тайны — все то, что пока еще *этих* увлекало.

Как и многие до него, Шахх ухитрялся вплетать в ткань истории небольшие задания и давать хотя бы немного информации о мире. Если задания были простыми и рассказ не содержал сложных слов, *эти* иногда что-то запоминали и на что-то отвечали. Шахх был для них одним из немногих источников знаний; они не умели читать, как не умели читать их отцы и деды, но те по крайней мере имели доступ к хитроумным механизмам и владели мнемотехниками. Нынешнее поколение не желало разбираться ни в чем и ни к чему не стремилось. Редкие исключения лишь подтверждали правило. К тому же были чрезвычайно опасны.

Об одном таком Шахха сегодня предупредили. Он отыскал взглядом новичка, которого заприметил давно, едва лишь вошел в аудиторию, — отыскал и кивнул:

— Слушаю вас.

Тот встал, одергивая мешковатые штаны и часто моргая. Круглолицый, чуть полноватый, с неестественно длинными передними зубами. «Видимо, врожденный порок. Впрочем, для нынешних физические отклонения скорее норма».

Передернув плечами, новичок принялся отвечать. Загадка Трех Одноглазых Близнецов требовала умения считать и природной смекалки, но длиннозубый раскусил ее на удивление ловко. Для своего возраста — блестяще.

В планы Шахха это не входило. Быстрый и правильный ответ обесценивал вопрос. Более того, новичок объяснял все чересчур сложно, большинство из сидящих не понимали, о чем он говорит, следовательно, не могли усвоить материал.

Хуже того, некоторые, заскучав, снова принялись что-то жевать, почесываться или болтать. По аудитории разлился едва заметный приторный запах.

«В иные времена, — с горечью подумал Шахх, — я бы радовался этому новичку. Я сделал бы из него блестящего мыслителя, ученого, который дал бы человечеству много новых...»

Он оборвал себя и рассмеялся снисходительным, обидным смехом:

— Вы совершили ошибку. Но нестрашно: не всем же быть такими умными, как Тош.

Юнцы заржали, девицы захихикали. Длиннозубый дернул головой, словно отгоняя мух:

— Я прав. — И принялся повторять все то же, что уже один раз объяснял.

Не желая выслушивать его до конца, Шахх отмахнулся:

— Чепуха! Можно только порадоваться за Красотку, что с пей был Тош, а не... — многозначительная пауза, — кто-нибудь другой.

Свист, хлопки, улюлюканье. Сандалия совершила еще одно путешествие вниз-наверх.

— И вот Ловкач, справившись с загадкой Трех Одноглазых Близнецов, оказался наконец перед Завесой Незримого. За Завесой их с Красоткой ждал Оракул.

Абсолютная, космическая тишина. Даже пакетом с запеканкой не шелестят.

— Что представляла собой Завеса Незримого? Нетрудно ответить — это был огромный полог, отгораживавший дальнюю часть зала. За пологом и скрывался Оракул. Никто — ни человек, ни зверь, ни птица — не мог нарушить уединения, в котором пребывал за Завесой Оракул. Никому не дано было узреть его и остаться в живых. Оракул же, разумеется, знал все о просителях задолго до того, как они переступали порог зала...

Шахх рассказывал с легкостью человека, в сотый раз повторяющего одно и то же. Историю о Тоше и Красотке он придумал, когда был молодым и наивным... когда верил, что этот мир еще можно спасти. Но если из года в год наблюдаешь за тем, как деградируют поколения, и каждый раз думаешь: вот он, предел, ниже которого опуститься невозможно... а потом приходят следующие — и ты понимаешь, насколько заблуждался!..

Рано или поздно тебя начинают одолевать сомнения: а может, все зря?

Потом осознаешь: да, так и есть.

Нередко Шахх ловил себя на том, что перестает вплетать в историю о Тоше что-нибудь познавательное. Все чаще он забывал значение редких слов.

Этого не замечали — некому было замечать.

Сейчас он рассказывал — и впервые почувствовал, что в зале есть тот, кто не просто следит за приключениями Тоша и Красотки. Длиннозубый новичок не спускал с Шахха глаз. Это был взгляд... Шахх сперва даже не понял, какой именно. Не обиженный, нет. Не предвещающий (как у вихрастого) и не безразличный (как у большинства), даже не азартный, хотя сейчас занятник рассказывал об Оракуле.

Это был — понял вдруг Шахх — взгляд, полный презрения. Длиннозубый *знал*, что правильно решил загадку.

Стоя посреди загаженного, воняющего потом и прелыми листьями зала, Шахх вдруг осознал, каким же пикчем-

ным он стал. Он, Шахх, знает больше, чем все юнцы и девицы, сидящие сейчас перед ним, когда-либо узнают! Неужели до конца своих дней он так и будет развлекать это жующее и пердящее стадо?!

— «Но как, — спросил Тони, — нам победить захватчиков? Где найти легендарное Оружие Древних?»

«Оно ничем тебе не поможет, — ответил Оракул. — Ибо взгляни на себя. Ты силен и хитер, но разве мудр?»

«Если есть добрый клинок, зачем мне мудрость? Мои предки знали множество языков и умели читать. В их распоряжении было немало умных машин; они умели управлять погодой, создавали псевдоживых существ, путешествовали в глубины космоса. И что, помогло им это против захватчиков?»

«Захватчики ни при чем! — отрезал голос из-за Завесы Незримого. — Дело в них самих, в твоих предках. Многие пророки сулили человечеству гибель от катастроф и эпидемий. Никто и представить не мог, что людей погубит не беда, а благо. Не болезни и природные катаклизмы уничтожили вас, но пресыщенность! Когда все стало достижимо, вы растерялись. Вы перестали к чему-либо стремиться, забыли, для чего созданы. Человек — хозяин Земли, он должен управлять ею мудро и справедливо, а для этого необходимо *развиваться*. Твои предки достигли того состояния, когда любое знание становится доступным почти мгновенно. И что же? Они спутали возможность получить знание с самим знанием. Стоя у распахнутых дверей оружейной комнаты, ты *можешь* войти и взять любое оружие. Но ты *не обладаешь* им».

«А что, есть разница?»

«Когда рядом окажутся головорезы, ощутишь ее на собственной шкуре. Много ли толку в оружии, лежащем в пяти шагах от тебя, если к твоему горлу уже приставлен клинок?..»

Шахх понимал, чем и насколько рискует. Незримый клинок всегда находился у его горла, но сейчас Шахх сам сознательно давил на него изо всех сил. То, о чем он говорил, было слишком сложным для аудитории. Он использовал простые слова, но вот абстрактные понятия *этим* всегда давались с трудом. Приторный запах усилился.

И все-таки они слушали! Эти юнцы и девицы впервые за многие годы слушали его, затаив дыхание! Может, кое-кто из них наконец задумался о том, кем является и для чего существует на этой планете...

Может, все еще не безнадежно! Ведь, поняв, они могли бы...

— Чепуха! — сказал вдруг новичок. Сказал громко, так что голос его наверняка расслышали даже на самых задних рядах. — Чепуха и ложь!

Он поднялся, одернув свои мешковатые штаны, и продолжал говорить. Шахх не прерывал его, слишком ошеломленный таким неожиданным и дерзким вмешательством.

— «Человек — хозяин Земли»? Вы сами-то верите в это? Вы же наверняка слышали книги древних. Не могли не слышать! И все они сходились в одном: история человечества насчитывает не сотни и не тысячи — миллионы лет. И время, оно больше похоже на океан, а не на дорогу, по которой идешь из конца в конец; волны этого океана то размывают берег, то прибывают к нему камни и песок. За миллионы лет своего существования человечество не раз и не два возносилось к вершинам мысли и духа и не раз низвергалось в пучины беззакония и дикости. Вырождаясь, они становились зверьми, а после — миллионы лет спустя — вновь достигали всё тех же высот. Таков закон природы. Всякий раз, возвысившись, люди полагали себя высшими существами и всякий раз обманывались, ибо изначально их сотворили не для властвования, но для подчинения!

Теперь Шахх слушал длиннозубого, затаив дыхание. Это было немыслимо! Откуда бы юнец мог узнать о «Пнакотских манускриптах»?! Они были запрещены, тех, кто знал их на память, *изымали*. И все-таки длиннозубый сейчас цитировал их практически дословно!

— «В океане времени другие существа — истинные хозяева Земли — жили с самых первых мгновений его существования. Всегда. Для них сила волн и подводные течения — ничто, безделица! Каждый цикл в истории человечества для этих властелинов мира — всего лишь вспышка солнца на закате дня. А само человечество — в лучшем

случае племя рабов. Одни используют нас как грубоеместилище для своих разумов, когда решают покинуть пределы дальних миров и направиться в наш. Другие видят в людях поживу, или коридор между чудовищными многомерными пространствами и Землей, или дешевое оружие в борьбе с другими предвечными божествами.

Все они — межпланетные странники, обитатели тонких миров, порождения Хаоса Изначального — относятся с безразличием к тому, на каком витке развития в тот или иной момент находится человечество. Для большинства из них вообще не существует *моментов*, ибо они живут на всем протяжении времен *одновременно!* Но и для тех, чья природа хоть немного близка к нашей, не важно, превратились ли мы снова в полуобезьян или возвысились (настолько, насколько мы способны возвыситься). Потому что, если они пожелают, они придут и возьмут свое или то, что считают своим». — Новичок засмеялся хриплым, надорванным смехом. — Если задуматься...

Договорить он не успел: раскатисто чихнул, потом закашлялся. Приторный запах сгустился настолько, что, казалось, стал видимым, придавая воздуху тошнотворный бледно-зеленый оттенок.

Перед глазами все плыло, мысли путались. Слушатели давно уже не молчали — сперва то тут, то там раздавалось смущенное бормотание, затем — громкие выкрики. Громкие и предвкушающие.

В конце концов, самым привлекательным для них были даже не рассказы Шахха. Их манила сама вероятность того, что однажды он совершит ошибку — и тогда...

Точнее, уже сейчас.

Откуда-то с верхних рядов донесся протяжный полувоуполукрик, следом — хохот, в котором не было ничего человеческого. Этот хохот подхватили остальные. Они начали вскакивать с сидений, некоторые уже заспрыгнули на парты.

О да, их облик скорее всего напугал бы людей прежних времен! Врожденные пороки и сознательные модификации тел приводили к тому, что у многих лица были обезображены, на руках по шесть-семь пальцев, иногда с удлинёнными ногтями; кто-то отращивал себе жабры, у других ко-

жа на лбу шелушилась и меняла цвет в зависимости от настроения. Они были дети своего времени... детеныши.

Но, что много страшнее, их внутреннее строение тоже изменилось. Как следствие — изменилась психика. Иногда Шахх думал: может, все эти когти, жабры, гребни привели к тому, что пышешние дети попросту *не способны* усвоить знания предков? Ведь не могут же обезьяны научиться стихосложению, а рыбы — рисованию...

Взамен они получили другой дар: будучи напуганными или раздраженными, возбуждать друг в друге агрессию. Испуская особое пахучее вещество, они подхлестывали остальных своих ровесников и в какой-то момент превращались из людей в животных, из отдельных личностей — в стаю. С возрастом они теряли эту способность — те из них, кто доживал до преклонных лет.

Он видел такое сотню раз, и не только во сне, поэтому не испугался. Властно воздев к потолку руки, Шахх приказал:

— Стоять!

И на мгновение они подчинились. Всё в аудитории замерло, хотя густые удушливые волны стайного запаха по-прежнему колыхались в воздухе.

Шахх одобрительно кивнул и, намереваясь окончательно погасить агрессию, начал медленно, ритмично читать молитву:

— К тебе, Всемогущая и Черлозракая, Пронзающая и Очищающая, возносим свои...

Не успел.

С ленивым хлопком взорвался крайний слева светильник, затем еще один. Остальные погасли все разом, как будто чьи-то исполинские уста задули пучок свечей.

Последнее, что запомнил Шахх, было искаженное злобой лицо новичка: задранная вверх губа, раздутые ноздри, изготавившиеся к прыжку тело.

Потом пришла тьма.

* * *

— Как это случилось? — Священник был намного моложе Шахха, но держался самоуверенно, словно хозяин.

-- В своем ответе новичок использовал слишком много незнакомых слов. Их это всегда пугает. Я пытался остановить...

Священник положил руку Шахху на плечо:

-- Не волнуйтесь. Мы давно уже знали о нем. Со дня па день... Впрочем, не важно. Уясните главное: вы здесь ни при чем.

В аудитории было пусто и сумрачно, горели свечи. Уборщики проходились между рядами, выметая мусор. Еще двое драили пол, кафедру и первые ряды, хотя, конечно, все отмыть и не надеялись. Кто-то споткнулся и, вырвавшись, отбросил в сторону сандалию с разорванными ремешками.

Пахло прелыми листьями и бойней.

-- Святильники восстановят через два-три дня. До тех пор... ну, я бы посоветовал вам отдохнуть. Группу мы сформируем, до начала сезона осталось всего ничего. Те из них, кто придет в следующем году, -- («Кто уцелеет и придет в следующем году», -- мысленно поправил его Шахх), -- вряд ли вспомнят об этом. -- Священник неопределенно махнул рукой в сторону первых рядов.

-- Его родителям уже...

-- Он был сиротой, воспитывался в одной из книг'говорилен. И видимо, нам придется как следует заняться ею... впрочем, -- оборвал он себя, -- это уже не ваша забота. Вы свободны, занятник.

Шахх ушел.

Моросило, он плотнее надвинул на голову капюшон и зашагал по мостовой, стараясь не ступить по лужам. Прохожих почти не было, только один раз мимо него прошаркали, вяло покачивая головами, грибоносцы; на обоих были алые плащи с символом Югтота. Шахх слышал, как они вдруг остановились и обменялись парой фраз, произнесенных так, словно рты у грибоносцев были забиты талым льдом. Задерживаться и вслушиваться он не стал. Быстро миновал площадь Ноденса Поверженного, квартал Резников и вышел на Горбатый мост. Отсюда открывался вид на южную часть города, и Шахх какое-то время стоял, глядя, как серое марево постепенно окутывает крыши домов; он пытался представить, каким был город тысячи лет назад,

когда о Древних Хозяевах знали только из легенд и считали их не более чем выдумкой. «Когда...» Это подразумевало, что *когда-то* были времена другие и свободная Земля, свободное человечество. Но если автор «Пнакотских манускриптов» хотя бы на полшага приблизился к истине, значит, Хозяева всегда владели Землей и всегда властвовали над людьми. Для того они людей и вывели.

Резкий порыв ветра сорвал капюшон с Шахха, но тот не стал его снова надсвать, лишь провел ладонью по бритой голове. На лбу были вытатуированы иероглифы, которые означали то же, что и буквы с ржавым оттенком там, на кафедре, в Воспиталище младых. Тавро, отметка Госпожи. Никто из Хозяев не смеет прикоснуться к Ее собственности, если не желает иметь дело с Ее прислужниками или же с Нею Самой.

Воспиталище отсюда было не разглядеть, но Шахху отчетливо вспомнился причудливый росчерк над центральным входом; те же иероглифы, но много большего размера. Даже в самой темной ночи они были заметны, ибо были чернее любой природной черноты.

Когда приближался очередной сезон, они начинали пульсировать. И тогда молодые становились раздраженнее и злее: в глубине души они *догадывались*, что их ждет, хотя мало кто из них позволял себе *задумываться*. Именно это погубило новичка: не заумные слова, но то, что он сказал им правду.

Когда-нибудь, подумал Шахх, он сам тоже скажет им правду. Не этим, конечно, — другим, которые придут через год, два, десять. Когда-нибудь он наберется мужества и скажет... сломается, потеряв всякую надежду, и скажет.

А до тех пор будет послушно выполнять то, чего от него ждут: вкладывать в их головы хотя бы крохи от добытых человечеством знаний. Пытаться сделать из них людей.

Он и сам не знал — в безумной надежде или же во имя служения Черной Козлице, Матери Лесов.

— Йа! — прошептал он одними губами, падая на колени и касаясь лбом мокрых камней. — Йа!

Это было выше его — внезапно нахлынувшее истовое, рабское поклонение. Это было *в нем*.

— Йа, Шуб-Ниггурат!

В небе громыхнуло, молния, похожая на щель, рассекла мир напополам.

— Йа! К Тебе, Всемогущая и Чернозракая, Пронзающая и Очищающая, возношу свои молитвы!..

Капли барабанили по камням и спине, по крышам и руинам, по куполу Воспиталища и по алтарям. Шахх улыбался. Когда Матерь Лесов придет за очередным легионом молодых, она будет довольна, о да! Как и прочие Древние Хозяева, она любит повиновение и любит живую плоть. Она заботится о своих чадах. Она велика и всемогуща, награждает верных и карает помысливших дерзкое.

Кое-кто недалекий мог бы задаться вопросом: зачем же тогда Рогатая желает, чтобы молодые учились? А ведь ответ был очевиден: затем, что умные люди вкуснее!

Шахх, до сих пор не позабывший, какой сладкой была плоть его наставника, знал это наверняка.

3–22 марта 2008

Борис Лисицын

СВИТОК НААФРАНКА

Осенью 1908 года меня зачислили сотрудником на кафедру археологии университета Брауна в Провиденсе, который я с успехом закончил за полтора года до этого события. После получения диплома с отличием я некоторое время стажировался в одном из ведущих учебно-научных заведений Германии — Гейдельбергском университете. Там-то случайно свел меня с человеком, которому было суждено сыграть выдающуюся роль в моей жизни и истории нашей кафедры. Адам Мейнингер был на три года старше меня, к моменту нашей встречи являлся сотрудником университета Ганновера и пользовался большим и вполне заслуженным авторитетом в европейских научных кругах как прекрасный специалист по древним ритуалам.

Наше знакомство состоялось при обстоятельствах, достойных отдельного упоминания. В то время я целыми сутками штудировал историческую литературу, которой богата библиотека Гейдельберга. Должен признаться, что так называемая классическая история уже давно не вызывала у меня особого интереса и уважения. За период обучения в университете моя голова столь основательно перегружилась академическими знаниями, что теперь их новые влияния попросту раздражали и отвращали меня. А вот криптоистория, полная замечательных и пугающих загадок, произвела на меня огромное впечатление и обернулась настоящим фейерверком в моем сознании, захламленном информацией о фактах и людях.

Начав свой экскурс в эзотерику с достаточно безобидных, общеизвестных и тривиальных вещей, спустя небольшой срок я погрузился в нелегальные, но куда более волнующие пласты криптоисторических сведений. И, откровенно говоря, чем мрачнее становились попадающие мне в руки книги, тем сильнее они резонировали с какими-то доселе скрытыми струнами моей души, о наличии которых я

раньше лишь смутно подозревал. Мало-помалу я стал получать странное удовольствие (при этом смешанное с чувством брезгливого омерзения) от чтения оккультных манускриптов, посвященных самым чудовищным темам доисторической, античной и средневековой демонологии, а также от созерцания покрывающих их поблекшие страницы иллюстраций совершенно непотребного, уродливого характера. Вероятно, в это время моя и без того шаткая и неустойчивая психика подверглась непреодолимому будоражающему воздействию темных сил, имевшему необратимый эффект. Забавно, что тогда же у меня появилась не менее неожиданная, ранее мне несвойственная тяга к крепким напиткам, только посредством которых мне удавалось хотя бы немного приглушить нервное и умственное напряжение — результат каждодневных соприкосновений с вселенными зла и страха.

Первая встреча с Мейнингером, приехавшим в Гейдельберг в командировку, произошла в июле 1907 года в подвале университетской библиотеки, где располагался фонд нетрадиционной литературы. По совету знакомого, также не чуждого влечению к апокрифическим тайнам прошлого, я собирался изучить некое «грандиозное», по словам этого человека, произведение под загадочным названием «Летописи черных солнц». Оно вышло из-под пера немецкого тамплиера Беренгария фон Лутца, который помимо ратных дел заведовал полным подозрительных вещей архивом таинственного ордена Храма. В битве при Хаттине в 1187 году, когда войско крестоносцев было наголову разгромлено Саладином, сарацинская сабля отсекла фон Лутцу кисть правой руки. Тяжело раненный тамплиер попал в плен к мусульманам и впоследствии был продан богатому персидскому купцу, торговавшему в бескрайних степях и нагорьях Центральной Азии.

Скитания фон Лутца в качестве невольника по необъятным азиатским просторам изобиловали множеством невероятных мистерий. Согласно легенде, в почти недоступном тибетском монастыре Тласки-Лхумпо ему сделали искусственную кисть из необычного сплава, в котором якобы присутствовали металлы неземного происхождения. Причем

при изготовлении этой руки будто бы использовались столь зловещие приемы и заклинания, что люди, склонные к поспешным выводам, именно этим объясняли сумасшедший и кощунственный характер творчества фон Лутца. И именно там тамплиер якобы ознакомился с более или менее успешно переведенным «Р'Лайхским текстом» и многими другими апокрифическими книгами — наследием давно забытых человечеством эпох.

Спустя 17 лет персидский караван оказался в Константинополе, который через некоторое время был захвачен католическим воинством, и узник получил долгожданную свободу. Фон Лутц уехал в свое имение где-то посреди овсяного страшными мифами Тевтобургского леса и там написал многостраничный труд «Летописи черных солнц», произведший смятение во многих умах ученой Европы. Тем, кто читал «Летописи», казалось, что сам дьявол или кто-то из его инфракорпоральных прислужников вселился в протез рыцаря и двигал им. «Впрочем, — многозначительно усмехаясь, сказал мой посвященный знакомый, — это сущий вздор. Разумеется, фон Лутц написал свою книгу левой рукой, только и всего». Римский понтифик специальной буллой предал рукопись и ее мрачного автора анафеме, и лишь спустя два столетия запрет на упоминание богохульной книги и имени помешавшегося тамплиера нарушил в своем трактате «О порочных тайнах разума» пизанский монах-бenedиктинец Доминико Тренци.

Спустившись в расположенное в подвале хранилище, я долго искал глубоко заинтриговавший меня опус храмовника, однако добрых два часа усилий оказались бесплодными. Я уже намеревался уйти восвояси, проклиная неудачливость, как вдруг у выхода столкнулся с молодым человеком, в руке которого сразу заметил толстый фолиант весьма ветхого и угрожающего (не знаю, почему я так подумал) вида. Это и были они — «Летописи черных солнц».

Позже Адам признался, что с первых минут знакомства он интуитивно почувствовал во мне коллегу и близкого человека. Наши дружеские отношения завязались очень легко и естественно, поскольку у нас оказалось много общего в

плане не только научных, но и «околонаучных» исследований.

Адам Мейнингер, подобно мне, обладал интересом к разного рода энигматическим вещам, описаниями которых изобиловали всякие жуткие книги и прочие письмена. Правда, либо его рассудок был подтверже моего, либо, что более вероятно, эта склонность проявлялась не в такой болезненной степени, она, по-моему, не была для него осью жизни. Что же касается меня, то занятия миром теней стали в каком-то смысле экзистенциальными — они определяли самый стержень моего существования.

Общение с Адамом Мейнингером началось с изучения главы «Летописей черных солщ», посвященной развитию понятия Голема — одной из самых тревожных талмудических легенд, причем в своих рассуждениях, построенных как на каббале, так и на знании других эзотерических теорий, фон Лутц вышел далеко за рамки популярных преданий.

Любопытно, отмечал храмовник, что из корня «gal» («куча», «груда развалин») происходит ключевой для иудейской мистики термин «gilgul», то есть «круговращение, метаморфозы душ». Тогда получается, что концепция голема — это в первую очередь концепция «грубой формы», оживляемой чем-то. Естественно, в таком аспекте и Адам представляется как первый голем, только в роли Демииурга, одушевляющего материю, выступает сам Господь Бог. Но не может ли кто-то другой, кроме Бога, оживить массу мертвого вещества?

У фон Лутца мы обнаружили любопытный пассаж, касающийся смерти. Если излагать его в современной терминологии, то смысл этого высказывания заключается в том, что атомы, частицы живого организма, даже после смерти человека продолжают как бы «помнить» биологическую информацию. И если оживить хотя бы часть мертвой плоти (интересно, как? — задались мы вопросом), тело полностью восстановится и заново обретет способность мыслить. Но, уточнял тамплиер, это новоявленное существо будет лишено настоящей души. И ожившие псевдолюди уже никогда не испытают Божью благодать. Отвергнутые миром живых и насильно исторгнутые из мира мертвых, эти несчастные

окажутся во власти Безумного Хаоса и одного из его иерархов — демона Мененхеба.

Мененхеб — повелитель Вселенной возрожденных существ, олицетворение кошмарного безумия, в своем нечестивом торжестве поправшего естество природы и Божьи законы. И мне, и Мейнингеру ранее доводилось кое-что слышать об этой мифической твари, имя которой встречалось в самых ужасных и запретных легендах Древнего Египта. В этих же преданиях говорилось и о реанимации, хотя, будучи современными учеными, мы полагали данную тему глупой и абсурдной — нечто из области примитивной алхимии.

Фон Лутц, однако, прямо предупреждал, что оживлять людей дано не только Богу и ангелам, но и демонам. В пустое тело мертвеца исчадия ада способны вдохнуть что-то совершенно иное, чудовишное, враждебное нашему, сотворенному Господом Богом, миру. А Мененхеб — главный мастер подобных процедур...

Темная, ничтожащая реанимация мертвых проявится в гротескном образе големов — унылых тварей, вбирающих в себя безысходность бытия, бесконечно далекого от Бога. Тамплиер со сладостным страхом писал о триумфальном воцарении Мененхеба, которому удастся повернуть вспять реку жизни. Возрожденные мертвецы немедленно приобщаются к потокам крови живых людей. «Остерегайтесь питаться кровью, ибо кровь есть жизнь» — гласит Библия. Лишившись собственных жизненных соков, големы будут вынуждены отбирать их у полноценных существ, при этом вдобавок обращая тех в свой нечестивый стан.

Лукавый посланец слепого Хаоса подарит големам-упырям видимость счастливой жизни, научив их множеству отвратительных и ужасных удовольствий и развлечений. Порочная цепь смертей, оживлений и убийств протянется до тех пор, пока на Земле есть еще хоть кто-то, в чьей груди бьется живое сердце и в чьих сосудах течет теплая кровь. А потом холодный саван навсегда накроет эту планету, отдав ее иным сущностям, о которых лучше не говорить.

Тамплиер вскользь бросил также упоминание, что Мененхеб найдет неких избранных, которых каким-то особым

образом благодетельствует и потом заберет с собой во Вселенную черных солнц — искривленный космос, где вечно гремят барабаны и свистят флейты демонов Безумного Хаоса. Интересно, что обстоятельства смерти самого тамплиера, столь же мрачные, сколь и необыкновенные, породили большое количество толков и слухов, наиболее экстравагантные из которых гласили, что в действительности он вовсе не умер, а загадочным образом исчез. А незадолго до этого в его замке видели сонм невероятно уродливых чудовищ.

Чтение «Летописей черных солнц» непонятным образом очаровало меня и натолкнуло на странную идею собирать в разных уголках Земли какие-либо предметы, связанные с таинством смерти и погребения, благо мой новый друг Адам Мейнингер обладал богатыми знаниями о всевозможных захоронениях и их пикантном содержимом. Благоговейное почтение человечества к смерти, пафосный культ мертвых влекли нас как в естественно-научном аспекте, так и с точки зрения метафизической парапсихологии.

Мы решили собрать коллекцию останков: мумий естественного и искусственного происхождения, скелетов и их фрагментов, черепов, трофеев специфического характера и прочих явлений, напоминающих о былой жизни и смерти своих владельцев. Приступив к реализации дерзкого проекта, в скором времени мы почти перестали обращаться к «Летописям». Однако имя «Мененхес» накрепко отложилось в мозгах, и мы иногда пытались найти его в каких-то других книгах, чтобы подробнее узнать об этом демоне. До поры эти поиски были безрезультатны, так что со временем мы их прекратили.

Сначала при осуществлении этого замысла мы могли рассчитывать только на собственные силы и к тому же предполагали, что наше собрание едва ли выйдет за пределы родового поместья Мейнингеров. Тем не менее это нас ничуть не смущало, и, преисполненные решимости откопать как можно больше жутких диковинок, в сентябре 1907 года мы впервые разъехались в преследующие необычные цели экспедиции: Адам отправился в Тонкин, а я в Чили.

Мое пребывание в Атакаме, вопреки ожиданиям, порядком затянулось, что было связано с сенсационными находками в районе Арики. Наш отряд обнаружил в пустыне неподалеку от границы с Перу несколько мумий (одну из них незаконно присвоил), причем по ряду признаков мы вычислили их возраст — не меньше 10 тысяч лет! Абсолютно необъяснимым казался тот факт, что отсталое во всех отношениях индейское племя чинчорро — первобытная община охотников и собирателей — сумело освоить очень сложные методы бальзамирования. И еще очень странным было то, что между древними обитателями Атакамы и последующими высокоразвитыми индейскими цивилизациями в Андах не было никакой культурной или генетической связи. Значит ли это, что загадочный народ почти полностью исчез с лица Земли, оставив лишь небольшое количество выродившихся потомков с оригинальными навыками? И как это согласуется с теорией некоторых криптоисториков, утверждающих, что примерно за 11 500 лет до Р. Х. произошел катаклизм планетарных масштабов, уничтоживший много рас и цивилизаций, в том числе и пресловутую Атлантиду? Это представление могло бы очень раздвинуть границы наших знаний о прошлом.

Тонкинский вояж Адама оказался короче; он быстро отыскал и выкупил у французских легионеров высохшее тело буддистского монаха, которое мумифицировалось без всякого бальзамирования. Как оно сохранялось в жарком влажном климате Индокитая в течение нескольких веков — наука была не в состоянии дать ответ, и помощь могла оказать только мистика.

В декабре 1907 года я получил от Мейнингера письмо, в котором он сообщал о новых перипетиях в своей карьере: его пригласили на работу в Провиденс, в Университет Брауна. Условия, предложенные немцу, были столь заманчивы, что отказываться от этого шанса было бы непростительной ошибкой. Он также надеялся, что и я через какое-то время присоединюсь к нему на кафедре археологии, а я, со своей стороны, мог поздравить друга с удачным трудоустройством.

Сразу после чилийской экспедиции я переместился в перуанскую сельву, где с риском для жизни добыл экзем-

пляры отрубленных человеческих голов, которые лесные дикари, удалив мозг, засушивают с помощью горячего песка и выставляют на всеобщее обозрение как символы своей боевой доблести. Моя собственная голова имела много возможностей послужить в этом важном качестве, но на сей раз фортуна от меня не отвернулась, и я благополучно возвратился в Лиму с шестью трофеями.

Я прибыл в Провиденс без предупреждения в середине августа 1908 года и немедленно встретился с Адамом. Он рассказал мне две новости. Одна меня очень обрадовала — руководство кафедры в лице ее заведующего, мистера Алекса Вейсмана, приняло решение включить меня в свой коллектив. Другая весть произвела на меня неприятное впечатление. Мейнингер женился на дочери Вейсмана, что уже само по себе было плохо, так как могло воспрепятствовать нашим планам, а еще хуже было то, что их брак основывался на любви. Такое проявление Адамом нежных чувств обеспокоило меня, поскольку означало угрозу его занятиям вещами, которые наверняка не понравятся супруге.

Однако моим опасениям пока не было суждено сбыться — более того, ситуация развивалась весьма благоприятно. Мистер Вейсман так благоволил зятю, что дал согласие на создание под эгидой Университета Брауна археологического музея в Провиденсе. Свою поддержку выразили также Атеней, мэрия, Публичная библиотека, Историческое общество и ряд других уважаемых учреждений. Правда, мы с Адамом отказались от предложения возглавить музей — боялись, что это вызовет перекося в характере его экспонатов, а нам не хотелось привлекать к своей коллекции излишнее внимание, которое могло бы ей весьма повредить.

Зимой 1908/09 года состоялся наш въезд в роскошный особняк, находящийся в самой шикарной (южной) части города на Беневолент-стрит. К этому времени был отреставрирован прямоугольный фасад трехэтажного здания, увенчанного башенкой. На крыше можно было разглядеть позолоченную фигуру Афины Паллады с мечом и книгой, имевшую, по-моему, вульгарный вид. Стены музея, сложенные из кирпича, совсем недавно были покрыты новым слоем краски светлого оттенка. Два длинных марша ступеней из

красного песчаника, окаймленных чугунными перилами с затейливым узором, вели к широкому крыльцу, над которым нависал балкон с бронзовой балюстрадой. В него были вплетены цифры и буквы «16 К. М. 82» — должно быть, год постройки здания и инициалы того, кому оно обязано существованием.

Несколько ящиков и коробок внушительных размеров под нашим бдительным контролем проследовало в нижнюю, полуподвальную часть дома. Закипела работа по обустройству предметов коллекции, и в скором времени наш зал приобрел радующий глаз мрачный облик. Жена Адама Элен относилась к нашей деятельности очень скептически, а ее младшая сестра Мэгги, с которой я познакомился в гостях у Мейнингеров, и вовсе обливала меня волной холодного презрения при каждой встрече. Если она рассчитывала таким образом пробудить к себе интерес, то это был тонкий и грамотный ход, хотя у меня и в мыслях не было пытаться завести с ней отношения. Элен еще как-то мирилась с необходимостью делить своего мужа с кучей трупов, но от этой высокомерной особы такого ангельского терпения ожидать не приходилось.

Буквально каждый свободный от педагогических и научных занятий день мы использовали для пополнения набора музейных экспонатов, и нашими заботами коллекция стремительно росла, как количественно, так и качественно. Чего тут только не появилось! Специальные стеллажи покрывались еще не набившими к тому времени оскомину египетскими мумиями, трупами древних германцев из болот Ютландии, законсервированными торфяным дублением, а также прочими телами, подвергшимися мумификации в результате удачного сочетания различных условий. Отдельную нишу занимали останки первобытных людей и всевозможных палеоантропов в разной стадии разрушения. Достойное место было отдано своеобразным предметам воинской славы, жутким регалиям диких племен Азии, Африки, Америки и Океании. Наконец, мы бережно оборудовали различные культовые экспонаты — гробы и гробницы, урны для праха, памятные статуи, надгробные доски, жертвенные алтари и многое-многое другое.

С моей точки зрения, наш зал заметно выделялся на фоне прочих демонстрационных помещений музея, и, к удивлению, он пользовался большой популярностью. Постоянно находились спонсоры для новых экспедиций, и за полтора года мы собрали колоссальное количество великолепного материала.

Парадоксально, но со временем эти успехи стали вызывать у меня странное чувство досады и пресыщения. К лету 1910 года я осознал, что качественное развитие музея прекратилось. Конечно, непрестанно прибывали все новые образцы, расширялась география исследований, но это уже не вызывало энтузиазма. Исчезли острые ощущения, ранее возникавшие при работе. Мейнингер все реже приходил в музей и менее охотно отправлялся в командировки, — видимо, семейная жизнь превратилась для него в основную. И тогда у меня родилась новая идея.

Идея эта была весьма простой и одновременно совершенно гнусной и заключалась в том, чтобы раскопать одну старинную могилу в Свен-Пойнте, в которой в 1688 году было закопано тело некоего Роберта Дженкинса, считавшегося колдуном. Его труп, согласно слухам, был проткнут осиновым колом, а голова отделена от туловища. Я был уверен, что это именно то, в чем мы нуждаемся в данный момент, то, что придаст новое звучание нашей коллекции.

Глубокой ночью 13 июля, предварительно не совсем умеренно подбодрив себя изумительным шнапсом, мы прокрались на кладбище, нашли нужную могилу (что было непросто, учитывая ее возраст) и приступили к делу. Почва после недавнего дождя была очень тяжелой, наши физические силы оставляли желать лучшего, и работа продвигалась медленно. Не успели мы докопаться и до четырех футов, как вдали послышались голоса и лай собак.

В том, что эти собаки очень большие и злые, мы смогли убедиться уже через минуту. Та скорость, что мы развили, удирая, паверняка принесла бы на Олимпиаде золотые медали, хотя тогда мы боролись за более значимые призы. Я так и не понял, каким образом мы умудрились перемахнуть через двухметровый забор, но этот подвиг спас наши репутации и жизни.

Оставшуюся часть ночи мы провели в моем доме, а потом в течение недели содрогались от страха перед визитом полиции. Никакого визита так и не состоялось, однако подробное освещение прессой этого происшествия, кажется, натолкнуло Вейсмана на тревожные подозрения. Но преступное гробокопательство вроде бы не вязалось с нашим внешне благопристойным имиджем ученых, так что Вейсман не решился довериться своим догадкам и справедливое возмездие нас не постигло, хотя заведующий стал смотреть прохладнее.

Посягательство на могилу, пусть и неудачное, раззадорило меня, тем более что оно фактически сошло нам с рук. В конце августа мы вознамерились вновь испытать судьбу, на сей раз запланировав влезть в фамильный склеп Натингейлов — одного из самых респектабельных родов в Провиденсе. Мои злоеющие информаторы сообщили, что два века назад член этого семейства, доктор Элсазар Натингейл, за которым легенда закрепила клеймо чернокнижника и алхимика, проводил опыты с разными химическими веществами для мумификации. И будто бы тело племянницы, умершей в девичьем возрасте, он и подверг такой операции.

Теперь мы тщательнее подготовились к намеченному мероприятию, изучили схему местности, график работы сторожей и прочие существенные условия. 28 августа мы благополучно проникли в склеп, разыскали труп Софии Натингейл, который действительно представлял собой мумию великолепного качества, и похитили его, поменяв на один из наших банальных экспонатов. Благодаря безукоризненной точности (перед выходом мы решили не употреблять алкоголя) все прошло идеально. В мини-лаборатории, организованной у меня дома, мы проанализировали эту необычную мумию и пришли к выводу, что доктор каким-то образом предвосхитил открытие способа консервации трупов, совсем недавно предложенного талантливым русским профессором Минаковым. Мы были потрясены гением Натингейла и посочувствовали доктору, поскольку за это уникальное открытие он был обречен на всеобщий ostracism.

Подкорректировав внешность Софии Натингейл, чтобы выдать ее за паходку в древних мавзолеях Индии, мы выставили мумию в своем зале. Казалось невероятным, чтобы кто-то мог заподозрить неладное. Но иногда случаются поразительные неудачи. Один из представителей рода Натингейлов, девяностолетний сэр Годфри, которого все считали выжившим из ума, в середине сентября посетил музей и поднял скандал, узнав Софию. В качестве доказательства он даже предъявил ее портрет, пылившийся где-то на чердаке. К счастью, качество картины не позволяло рассмотреть особенности черт лица и родственники сэра Годфри не восприняли его болтовню всерьез, но проклятый старик продолжал бушевать и требовал провести ревизию в семейном склепе. Поскольку ни у кого из других Натингейлов такого желания не было, дело затянулось. Однако мистер Вейсман отнесся к словам сэра Годфри с излишним вниманием и стал настаивать, чтобы мы предоставили все отчеты и документы, из которых можно было бы понять, откуда взялась мумия.

В первый раз за время нашей дружбы и совместной, если можно так выразиться, работы Адам Мейнингер проявил достойную сожаления слабость. К моему ужасу, он все рассказал своей жене. Элен обещала помочь решить проблему с отцом, но потребовала незамедлительно избавиться от трупа Софии и прекратить нелегальную деятельность. Первоначально я предполагал, что с первым еще как-то смогу смириться, но со вторым... На это я никак не соглашался.

Впрочем, не было выполнено и первое условие. После разговора с Мейнингерами я уехал в музей и остался там допоздна. До полуночи я работал с новыми материалами, которые прибывали почти каждый день, а затем, перед уходом, решил напоследок посмотреть на тело Софии Натингейл.

Почему-то мне захотелось выключить электрическое освещение и полюбоваться на нее в лунном сиянии, делавшем обстановку в демонстрационном зале удивительно ирреальной и романтической. Я сказал «полюбоваться»? Да, сам не знаю, отчего мне пришло в голову это слово. Было ли что-то

эротичное в том, как я изучал взглядом ее тонкий, потрясающе выразительный, как это может быть лишь у мертвеца, лик, прекрасно сохранившуюся нежную кожу, преносходные линии грациозного тела, столь гармонично облаченного в наряд индусской принцессы? И только ли взглядом я изучал ее? Могу поклясться, что в се навсегда застывших глазах было какое-то притяжение. Я не мог и не хотел ему сопротивляться.

Короче говоря, я твердо решил оставить этот экспонат, чего бы мне это ни стоило. Спустя четыре дня, придя на кафедру, я услышал от Адама более или менее хорошую новость. Выяснилось, что вредный старик не уговорился и не внял просьбам родных, а решил лично обследовать труп Софии в склепе. По-видимому, слабое зрение подвело его, и, спускаясь по плохо освещенным выщербленным ступеням, он свалился. С некоторым усилием я изобразил на лице и в голосе удивление и печаль по поводу смерти сэра Годфри.

Итак, роковых последствий удалось избежать, однако результатами этой скверной истории стало то, что, во-первых, в глазах Вейсмана мое репоне опустилось очень низко — что меня не особо огорчило, — а во-вторых, мне было категорически запрещено приходить в гости к Мейнингедам и Вейсманам. Я лишился возможности видетсья с очаровательной юной Мэгги, что меня почему-то задело. А еще Вейсман обязал меня вести огромное число занятий со студентами, и поэтому мне не удалось поехать с Адамом в экспедицию в Саис, на которую я возлагал много надежд. Оставалось только благословить его и навалиться на педагогическую работу, которая не вызывала у меня особого рвения.

Во время экспедиции мой друг писал довольно редко, что, видимо, было связано с большой занятостью, а также с его намерением сделать сюрприз. Я знал, что несколько месяцев назад германские коллеги обнаружили в одной из древних гробниц Нубии любопытный раритет — свиток папируса очень необычного свойства (были даже предположения, что это вовсе не папирус, а другое, пока неизвестное вещество). Местные жители испытывали огромный страх

перед этим артефактом. Свиток был испещрен древнеегипетскими иероглифами, однако переведенный текст казался верхом нелепости и бессмысленности. Без толковника интерпретировать эти надписи не удавалось, такие же свитки попадались и раньше в разных районах Египта, Ливии и Палестины. И все усилия понять значение странного текста были тщетными. Но Мейнингеру, присоединившемуся к соотечественникам в конце сентября, несказанно повезло. Почти случайно он наконец нашел ключ к загадочному свитку.

Уникальность и ценность находки невозможно преувеличить. Персидский философ Ширхан Лоди, живший в XIV веке в Исфагане, каким-то образом догадался о зашифрованном значении текста свитка и составил комментарий, который Мейнингер обнаружил в катакомбах Саиса. В соответствии со сведениями, полученными из «Свитка Наафранха» — именно так назывался этот манускрипт, — Адам вел раскопки в ливийской пустыне около границы с Египтом. Он был очень скуп на сообщения, но из газет я узнал о странном инциденте, случившемся 28 ноября. По словам чиновника из Джогбуба, в этот день вся округа радиусом в десятки миль увидела лиловую молнию гигантской длины, бившую, как показалось очевидцам, *от земли*, и услышала сопровождавший ее ужасный грохот, донесшийся из лагеря археологов. Многие подумали, что началась война с Италией, и стали готовиться к эвакуации. Однако вскоре в Джогбубе появился Мейнингер, который был совершенно хладнокровен, хотя выглядел чересчур бледным и изможденным. Он не дал этому происшествию вразумительных объяснений, но предоставил турецким солдатам возможность убедиться, что в лагере научной экспедиции все живы и нет никаких разрушений.

Через неделю мне пришло письмо из Тобрука, в котором Адам уведомлял об окончании работ и скором возвращении. К Рождеству он приехал в Провиденс, и радость его жены была столь велика, что она даже сняла табу на мои визиты, поэтому праздник я отмечал вместе с Мейнингерами и Вейсманами и был почти реабилитирован шефом, да и его младшая дочь чуть-чуть оттаяла. Это согрело мне

душу, но еще больше я сгорал от нетерпения познакомиться с материалами Адама, пока хранившимися на складе Археологического музея.

Рождественская вечеринка уже подходила к концу, когда, не выдержав, я намекнул Адаму, что пора бы ему раскрыть карты. Но он, к моему недоумению, категорически отказался пойти в музей, сославшись на усталость. Меня это несколько обидело. Адам нарочито сменил тему разговора, и вскоре хозяйка и гости (кроме меня, конечно) позабыли про музей.

Веселье затянулось глубоко за полночь, потом я провожал мистера и миссис Вейсман и мисс Мэгги до их дома на Джордж-стрит, что на юге Провиденса, а к себе на Рошамбо-авеню вернулся уже часа в четыре. Я ощущал приятное возбуждение от беседы с Мэгги, которая протекала в неожиданно весьма любезной атмосфере, и сокровища музейного подвала меня уже почти не волновали.

Только я разделся и лег спать, как зазвонил телефон. Проклинаю кретина, додумавшегося звонить в такое время, я снял трубку и услышал приглушенный голос Мейнингера:

— Элен уже спит, и я готов идти в музей. Я кое-что покажу тебе. Встречаемся у музея через сорок минут.

Лишь минута потребовалась мне для того, чтобы привести себя в порядок, и я едва ли не кубарем скатился по лестнице на улицу. Когда я появился у входа в музей, Адам уже стоял там и ежился от холода и, как мне показалось, какого-то беспокойства. Обмениваясь короткими фразами, мы миновали охранников и спустились вниз. Мейнингер открыл служебную комнату, которую мы использовали для складирования новых экспонатов, и включил свет. Затем он уселся на стул и в своей традиционной, стененной манере принялся рассказывать, что же произошло во время раскопок, а также демонстрировал фотографии и рисунки, сопровождая их подробными комментариями:

— Руководствуясь расшифрованным Ширханом Лоди свитком, мы довольно быстро отыскали в ливийской пустыне очень загадочное место. Внешне оно выглядело непримечательно — кусок скалы, торчащий из песка в окайм-

ленин россыпи мелких камней. Если бы не пояснение Лодди, вряд ли кто-то когда-нибудь заинтересовался этой глыбой. Но перс уделил ей столько внимания, что я просто не смог пройти мимо. Мои коллеги — немские археологи — смотрели на меня как на безумца. Но после того как мы углубились на пятьдесят футов, что было вообще-то немалым достижением, учитывая леность арабов и тяжелые погодные условия, никто бы не осмелился назвать меня сумасшедшим. Ибо к этому моменту стало ясно, что на поверхности находилась всего лишь вершина — вершина сооружения грандиозного и фантазмагорического.

Бог весть каким словом обозначали это строение те, кто возвел его посреди Сахары. Я буду использовать привычный термин «дольмен», хотя очень сомневаюсь, что он уместен в данном случае. На глубине примерно шестидесяти футов скала заканчивалась, а ее подножие было вымощено огромными базальтовыми блоками, в одном из которых виднелось отверстие. От него вниз вели широкие выщербленные ступени. С максимальной предосторожностью я и еще двое немцев проникли внутрь и долго брели по сложешному из гигантских плит коридору высотой футов двадцать, который полого шел вниз.

Длина коридора составляла не меньше ста ярдов, а обрывался он большим залом с несколькими толстыми колоннами. Весь пол был усеян обломками костей. Честно признаюсь, стунать по этому полу было мучительно. Я не представляю, сколько их там находилось — тысячи... Кости пребывали в странном беспорядке, большинство из них были измельчены, порою буквально растерты в порошок. Очень многие несли на себе следы огня, попадались и такие, которые как будто бы подверглись воздействию кислоты или какой-то другой, исключительно агрессивной субстанции. На некоторых были отметины зубов — человеческих и... других, чью принадлежность я не смог определить. Мы обнаружили также кремниевые наконечники и другие примитивные орудия. Результатом какого события, какого ритуала или культа могла стать эта кошмарная картина?

Но главным в таинственном зале ужаса были вот эти вещи. — Адам указал мне на скромно притаившиеся в тем-

ном углу предметы, тщательно укрытые плотной материей. Он подошел к ним и лишенным театральности жестом сдернул покровы. — В самом центре зала, на вырезанном из гранита троне, находились саркофаг с мумией и расположенная в ее изголовье статуя странного вида, — сказал Мейнингер. — Что ты о них думаешь?

Мумия на первый взгляд была достаточно типичным продуктом древнеегипетских умельцев, но в ней подсознательно ощущалось что-то ненормальное. Лицо было почти полностью закутано бинтами, оставалась только узкая щель, в которой виднелись два черных пятна. Я долго пытался сосредоточиться, чтобы уловить причину того, почему мумия производила впечатление необычной. Но, кроме большого роста и несколько нетипичных для современного человека пропорций рук, ног и туловища, ничто не привлекало к себе внимания.

— Будет лучше, если ты снимешь с лица мумии повязки, — заметил мой друг.

Я последовал совету, аккуратно отогнул льняную ткань и застыл, не в силах вымолвить ни слова. Адам старался не смотреть мне в глаза. В его взоре блуждало выражение страха.

Сознанию было невероятно сложно смириться с тем, что лежащее перед нами тело — вполне материальный осязаемый объект, который можно было потрогать, — принадлежало не человеку. Точнее, не тому, кого наука называет *homo sapiens*, человек разумный. И даже не тому, кто был нашим предком, — кроманьонцу. Это существо, очевидно, было неандерталцем, которые исчезли несколько десятков тысяч лет назад. Но мы созерцали мумию, созданную по всем классическим правилам античных мастеров. Я был практически на сто процентов уверен в способе, которым была изготовлена мумия. Но как эту операцию смогли осуществить с телом неандерталца, от которого к существованию Древнего Египта вообще ничего не должно было остаться, кроме горстки праха? А если бы даже и осталось, то с чего бы древним египтянам оказывать ему такие почести?

— У меня нет собственных соображений, и полагаю, тебе тоже нечего сказать, — заговорил Мейнингер. — Поэтому

придется изложить кое-что из текста Лоди. Согласно персу, это вполне реальный исторический персонаж. Впрочем, слова «реальный исторический» надо понимать по-особому — для Ширхана реальными были не признаваемые нашими учеными мужами Атлантида, а также ее предшественница — так называемая Капсийская империя.

— Цивилизация негроидов, захватившая в мезолите огромный ареал: почти всю Европу, Центральную Азию, Ближний Восток и Северную Африку? Кажется, это плод фантазии оккультистов, — отозвался я.

— Гм... раньше я тоже был в этом убежден. Но сейчас уверенности поубавилось. Интересно, что у капсийцев была очень могущественная магия — один из источников их силы. Можно предположить, что они переняли ее у неведомой нам неандертальской цивилизации, которая была более развитой, чем современная человеческая. Кстати, как ты знаешь, объем мозга у неандертальцев был больше, нежели у кроманьонцев.

— У китов он тоже больше, — пожав плечами, возразил я. — Ну и что это доказывает?

— Ничего, кроме того, что наши представления о разумности живых существ весьма ограничены. Впрочем, сейчас это не важно.

Как у капсийцев именовали это существо, пришедшее из тьмы древности, Ширхан не говорил. Зато перс был абсолютно уверен, что тот, кого мы сейчас называем неандертальцем, родился пятьсот веков назад, побывал в Лемурии, Гиперборее, Му и Капсийской стране, где стал первым марабу — колдуном, распространившим отвратительные мистические церемонии среди темнокожих племен, отголоски которых сегодня проявляются в культах типа вуду и других, менее известных, но гораздо более ужасных.

Мало того, именно он был то ли жрецом, то ли земной материализацией Мененхеба — чудовища, которому поклоняются зависшие между жизнью и смертью сущности. Пересекший пёвобразимое число эпох монстр — земное воплощение духа демона Мененхеба — дожил до фараонов Египта и пользовался мрачной славой до времен тринадцатой династии. Египтяне нарекли его Наафранх, что значит «ожив-

ший мертвец», — своеобразное имя, не правда ли? Возможно, именно Наафранх научил людей (не только египтян, но и представителей многих других этносов) искусству мумификации как одному из способов сохранить тело покойника до оживления.

Видимо, не всем жителям Древнего Египта пришлось по вкусу демонические церемонии Наафранха и его последователей. По приказу фараона Хенджера его казнили, однако труп Наафранха был похищен его разноязычными рабами (часть которых составляли реанимированные твари, причем не только человекообразные), мумифицирован и уложен в изготовленный в незапамятные времена саркофаг, спрятанный в древнем пустынном дольмене.

Египтяне, однако, спустя некоторое время отыскивали дольмен, и между ожившими мертвцами и воинами фараона состоялась жестокая битва, в которой гнусные отродья потерпели поражение, причем их тела были буквально искромсаны и раздавлены победителями, опасавшимися новых оживлений. Самые мудрые маги Египта, чтобы воспрепятствовать повторному возрождению Наафранха, составили специальные заклинания, которые высечены на стенках саркофага в виде таинственных пиктограмм.

— Любопытная легенда, — произнес я. — Я предвкушаю фурор, который произведет выставка этой мумии в музее. Кстати, а куда вложили извлеченные внутренности Наафранха? Обычно египтяне помещали их в четыре специальные вазы, но я не вижу их среди твоих находок.

— Не берусь утверждать однозначно, но есть версия, что големы-мертвецы спрятали их вот в эту статую, стоящую внутри захоронения Наафранха. Кстати, это и есть его изображение. — С этими словами Адам указал мне на второй предмет своего набора.

Назвать статуей его можно было с большой долей условности. Он напоминал человеческую фигуру, хотя с заметно нарушенными очертаниями, но судить о том, что этот предмет изображал в действительности, было невозможно. Вещество, из которого была выполнена статуя, напоминало тектит — стекловидный камень, расплавившийся при огромной температуре. Такие камни обычно связаны со следами

падения метеоритов, и даже существует мнение, что тектиты формируются в далеком космосе, сотни тысяч лет носятся в составе кометных ядер в межзвездном пространстве и иногда изливаются на Землю ливнем стеклянных тел и обломков. Проблема в том, что тектитов такого размера еще никогда не находили. Что же это была за комета, принесшая столь огромный кусок? И откуда она прилетела?

Весь рельеф поверхности скульптуры был стерт и nivelирован. В статус отсутствовали даже намеки на полости или отверстия, в которые можно было положить хоть какую-то вещь.

— Ты шутишь, — с недоверием сказал я. — Разве туда что-нибудь влезет?

— Я бы не стал, подобно тебе, так безапелляционно называть историю о Наафранхе легендой. И вот почему. В прессе ты наверняка встречал сообщения о сильном шуме и загадочной молнии в зоне работ моей экспедиции. Дело в том, что я один из немногих людей, кто способен рассказать правду об этих явлениях. Кто знает, как выглядела эта статуя в первоизданном виде? На каких планетах ее сотворили? Как она попала на комету, занесшую ее к нам? Сейчас ее голова представляет собой на первый взгляд монолитный шар. Между тем, когда мы спустились в склеп, у этой фигуры была разинута пасть, причем она смотрелась столь угрожающе и мерзко, что у меня не возникло желания изучить скульптуру повнимательнее. — (При этих словах Мейшингера я с досадой покачал головой.) — Когда мы решили вскрыть саркофаг и немного сдвинули его крышку, на мгновение в помещении установилась непроницаемая тьма, а затем ее разорвал лиловый луч поразительной яркости, который с оглушительным грохотом ударил из гробницы вверх и, едва коснувшись, заплывил рот статуи (я полагаю, специально для того, чтобы скрыть от нас ее содержимое). Затем он пробил потолок и, достигнув бог знает какой высоты, исчез в небес.

Откровенно говоря, сначала у нас возникло желание закрыть саркофаг и навсегда бросить его в склепе. — (Услышав эти слова Адама, я судорожно дернулся.) — Но спустя некоторое время наш страх понемногу рассеялся, мы выта-

щили мумию и статую Наафранха наружу, и я увез их в Америку. Скоро я понял, что совершил непростительную ошибку.

— Почему же, черт возьми? Это же потрясающая ценность! Великое открытие!

— Это открытие не приведет к добру. Что будет, если Наафранх вновь оживет? Я не сомневаюсь в том, что этого момента неустанно ждут в течение тысячелетий его верные слуги. Когда мы плыли назад, я заметил, что за мной следят... Не знаю, кто конкретно, но уже почти три недели я постоянно ощущаю на себе чьи-то пристальные коварные взгляды.

— Боже, Адам, у тебя паранойя! — простонал я. — Ты просто переутомился, вот и мерещится всякая ерунда, и твое воображение слишком распалено красивыми сказками. За время рождественских каникул ты отдохнешь, и все станет на свои места. А я пока займусь нашим новым другом.

— Прекрати болтать эти гадости! — внезапно разозлился Мейнингер. — Ты не понимаешь, насколько это серьезно.

Обычно кроткий и доброжелательный, Адам, к моему неописуемому удивлению, принялся яростно отстаивать свою правоту, не чураясь недостойных оскорблений в мой адрес. Вскоре мне надоели его сентиментальные бредни, основанные на жалкой геософии, и я ушел домой спать, оставив Мейнингера в одиночестве.

На следующий день я позвонил ему домой, намереваясь помириться, но Элен сообщила, что Адам тяжело заболел и почти постоянно находится в бессознательном состоянии. Мне пришлось заниматься подготовкой мумии Наафранха к презентации в одиночку. Позже, когда Мейнингер пришел в себя, я стал навещать его, но он по большей части отмалчивался, твердо избегая разговоров о Наафранхе. Мое решение выставить 10 января мумию нсандертальца в демонстрационном зале он воспринял со странным безразличием.

Новый экспонат, как я и предполагал, сразу привлек к себе всеобщее внимание, причем среди не только специа-

листов, но и широкой публики. Вопреки ожиданиям Мейнингера, никаких существенных неприятных эксцессов, связанных с мумией, не происходило, и он был вынужден согласиться, что его страхи были лишены всякой реальной основы. Иногда меня немного смущало, что некоторые посетители жаловались на плохое самочувствие во время созерцания Наафранха. Говорили, что от саркофага, накрытого сверху стеклянным колпаком, якобы исходят какие-то флюиды, вызывающие приступы слабости и боли. Эти приступы медленно проходили, только когда люди покидали здание музея. Что касается меня, то я не чувствовал ничего дурного, скорее наоборот, наблюдение за трупом, сопровождающееся аномальным смакованием уродливых деталей мумии, бодрило меня. И жалобы посетителей музея откровенно смешили — то ли своей вздорностью, то ли самим фактом недомогания людей.

В течение зимы не было отбоя от желающих взглянуть на доисторическое чудовище, поскольку многим хотелось пощекотать первы яркими ощущениями. Наафранха с любопытством пожирали глазами солидные бизнесмены, почтенные дамы, представители артистической богемы, клерки, рабочие, студенты, школьники и люди иных социальных категорий. Но Адам, признав себя побежденным в нашем споре, тем не менее всячески препятствовал визитам в музей своей жены и Мэгги Вейсман, хотя им и самим претила идея взглянуть на коллекцию монструозностей. Отсутствие Мэгги было довольно огорчительным, но меня уже полностью поглотила подготовка к намеченной экспедиции в Палестину, перед которой ставилась цель отыскать следы загадочного существа Йилг-Кагута — «дарующего боль», как его называли халдеи-поклонники Ваала.

Однако ближе к весне я, по-видимому, остался единственным, кто мог спокойно находиться возле саркофага. Участившиеся случаи инфарктов, эпилептических припадков, истерик, внезапных проявлений психопатии оттолкнули основную массу посетителей от этого зала.

По мере того как шумиха вокруг музея и его новой выдающейся ценности утихала, в апреле 1911 года я стал замечать в почти пустом зале Наафранха каких-то подозри-

тельных личностей, которые обращали на себя внимание, будучи всецело поглощенными экстатическим разглядыванием неандертальца. Большинство из них не были американцами (во всяком случае настоящими, под коими я понимаю исключительно потомков англосаксов) и вообще не относились к нордической расе. Кажется, тут побывали представители самых разных экзотических народов со всех концов Земли. Я пытался завязать с ними общение, но они неизменно отклоняли любой намек на контакт. Мейнишгер при встречах с этими типами очень пугался и однажды сделал мне следующее признание:

— Чужестранцы... они здесь не зря... Думаешь, их интересует научный аспект наших выставок? Как бы не так... Держу пари, это члены какого-то тайного общества, которые молятся на Наафранха и ожидают прихода Мененхеба. Недавно я стал свидетелем сцены, как один из них примеривался к стенкам саркофага, явно собираясь соскоблить скрывающие Наафранха знаки.

— Ты уверен? — спросил я.

Меня и самого очень тревожила угроза не имеющему ценности артефакту со стороны людей, очевидно теряющих самообладание во время псевдомистического транса у мумии Наафранха.

— Раньше они следили за мной, а теперь я стараюсь не спускать с них глаз. Боюсь, что рано или поздно они смогут тайно пробраться в музей ночью и разрушить преграду для демона. Кстати, как ты помнишь, сегодня Вальпургиева ночь, время буйства сил зла. Мы должны помешать им.

— Что ты предлагаешь?

Подробности нашего плана мы обсудили в баре «Золотой мяч», построенном на месте одноименного полуразрушенного постоянного двора, в котором бывал сам Вашингтон. Первоначально мы решили ограничиться квартой пива, но обсуждение затянулось, и до музея мы не без труда добрались только к одиннадцати часам вечера.

Охранники с усмешкой проводили нас взглядами, когда мы, поддерживая друг друга, продефилировали в свой служебный кабинет. Там уже были заготовлены фонари, а в

моем столе лежали два пистолета на случай явления непрошенных гостей.

Однако наш боевой пыл, подогретый обильными возлияниями, с унылым течением однообразного времени постепенно остужался. К счастью, мой богатый интересными вещами стол оказался щедр на нужную находку — в самом нижнем ящике была глубоко запрятана бутылка виски, которую мы быстро использовали по назначению, сопровождая это увлекательное дело игрой в покер и неприличными, низкоинтеллектуальными разговорами. Несколько раз мы выходили в зал к Наафранху, но там неизменно царили тишина и умиротворение, и часам к трем ночи дежурство стало утомлять нас. В нашей беседе стал преобладать мотив несерьезного отношения к этой необычной вахте. Еще через полчаса речь Адама полностью утратила стройность и смысл, и в моей голове наступил долгожданный покой.

Служебная комната, в которой мы находились во время своего неудачного ночного бдения, была лишена окон, поэтому рассвет не мог оборвать наш тяжелый сон. Очнувшись, я обнаружил, что часовая стрелка уже давно перевалила за полдень. Я лежал в какой-то немыслимой позе на трех стульях, и изогнутое тело невыносимо болело. Голова жутко гудела, подобно какому-то зловещему колоколу. Я кое-как поводит рукой по шевелюре, чтобы немного привести ее в порядок, и со вздохом потрогал отросшую щетину, которую было нечем побрить. Громкий стон и произносимые по-немецки ругательства дали мне понять, что Адам тоже вернулся к суровой реальности. Главной задачей теперь было незаметно выскользнуть из музея, дабы не попасться на глаза Вейсману, неожиданно собравшемуся прийти сегодня в музей со своими дочерями.

Чертыхаясь и награждая друг друга самыми нелицеприятными эпитетами, мы потащились через наш зал к главному коридору. В холле находилось несколько человек, недоуменно воззрившихся на нас. И в этот момент Мейнинггер издал дикий вопль. Трясущейся рукой он указал мне на саркофаг Наафранха. Стекланный колпак был разбит, крышка саркофага открыта, а его поверхность со всех сторон отполирована до блеска.

Мы стремглав кинулись к охранникам и застали в коридоре сцену яростной борьбы сотрудников музея с грун-ной иностранцев, судя по виду и одежде, тибетцев. Одному из них удалось вырваться, и он бросился к Наафранху. Не успели мы с Адамом пошевелиться, как он выхватил из складок своего балахона лезвие и резко полоснул себя по горлу. Пресвятые угодники!.. Пока в моем мозгу рождалась мысль: «Что же теперь будет с репутацией музея?!» — нашим взорам предстала картина, которая не могла бы привидеться и в самом страшном сне.

Лужа густой крови залила мумию, пропитала бинты и стала, очевидно, просачиваться внутрь. Один из товарищей умирающего безумца радостно выкрикнул что-то вроде: «Со! Со! Де т'хамше гвало! Хла п'хам!»¹.

И тогда мумия медленно поднялась со своего ложа, спустилась на пол и шатающейся походкой направилась к выходу. Две черные точки, занимающие место глаз, быстро увеличивались в размере. Пальцы рук Наафранха конвульсивно сжимались и разжимались, а из утробы вырывались какие-то глухие звуки, напоминающие урчание.

Кажется, в этой ситуации только мне (не считая тибетцев, посвященных в смысл происходящего) удалось удержаться на ногах и сохранить хотя бы признаки рассудка. Все остальные попадали наземь, лишившись чувств. Адам осел на пол по стене. Его глаза были широко раскрыты, но в них не было ни намека на мысль. Я, впрочем, не собираюсь хвастаться своим мужеством, — думаю, мое относительное спокойствие объяснялось только исключительной затуманенностью сознания. Хмель, однако, быстро рассенвался, особенно после того, как Наафранх стал приближаться ко мне.

Сделав несколько шагов, непрерывно глядя на меня, Наафранх визгливо процедил: «Шерензи мисраим линг тсади хукулту кванг хиш риншеп дай Менепахеб». Уверен, что это был ни тибетский, ни какой иной из известных современным людям язык.

¹ На одном из тибетских наречий означает «Хей! Хей! Демоны побеждают! Боги побеждены!».

Говорящая мумия?! Не сошел ли я с ума? Может, это пьяный лихорадочный бред?

В этот момент услышал испуганный возглас совершенно не вовремя появившейся здесь Мэгги. Я едва успел подхватить на руки ее обмякшее тело и окончательно застыл перед ликом очнувшегося мертвеца. А затем из глаз Наафранха брызнула тьма (словосочетание «брызнула тьма» кажется странным, но другого я просто не в состоянии употребить для описания этого процесса). Через мгновение меня окутала непроницаемая черная пелена, которая не пропускала не только свет, но, по-видимому, и звуки. Я не слышал даже своего дыхания, не говоря уже о более далеких шумах. Если бы не внутреннее ощущение колотящегося сердца и пульсирующей в висках крови, а также слабого подергивания Мэгги, я, честное слово, подумал бы, что умер.

Стоя в этом чудовищном омуте и бережно сжимая девушку, я полностью утратил контроль времени. Позже из показаний находившихся на улице людей, видевших со стороны загадочный феномен, выяснилось, что состояние абсолютной темноты и звукоизоляции продолжалось всего минут пять, причем именно на такой срок отстали часы всех, кто находился внутри.

Тьма исчезла так же резко, как и возникла, и вновь я узрел Наафранха, но это был последний взгляд на живую тварь. За какие-то доли секунды мумия, рухнув на пол, рассыпалась на части. Ветер, ворвавшийся в здание через неизвестно кем разбитое оконное стекло, развеял кучу бинтов, обнажив под ними труху и пыль. Увы, мумия обратилась в прах, и это обстоятельство едва не вызвало у меня слезы отчаяния и досады.

Затем, переведя взор на статую Мененхеба, я был поражен — в голове оказавшейся полой скульптуры зияла большая дыра. Края зазубрин дыры торчали наружу, значит, нечто вырвалось из недр статуи. Что это было?.. Куда оно делось?.. Боже, как я устал от этих загадок...

В состоянии прострации я наблюдал за происходящим вокруг. Мистер Вейсман, как оказалось, пришел в музей в сопровождении нового фаворита — молодого археолога Уилсона. Чуть ли не силком вырвав у меня плачущую Мэгги,

он доверил ее заботам Уилсона и принялся рассматривать последствия кошмарного инцидента. Элен хлопотала возле мужа, который всхлипывал и непрерывно повторял одну фразу: «Господи, смилуйся над нами!» – и я обратил внимание, что у него, как и у всех присутствовавших при буйстве мумии, из носа и рта текла кровь. Почему-то лишь я избежал этой неприятности.

К людям постепенно возвращалось сознание, и они задавались вопросом, что же тут случилось. Невозмутимые тибетцы мирно сдались полиции и словно бы отрешились от окружающей обстановки. Где-то уже суетились репортеры, бравшие интервью у свидетелей.

С олимпийским спокойствием я выслушал требование Вейсмана явиться к нему в кабинет в пятнадцать часов и дать исчерпывающие объяснения по поводу этого события. Наивный лепет Уилсона о каких-то биохимических реакциях, способствовавших высвобождению скрытой энергии и заставивших мумию механически двигаться, я пропустил мимо ушей. Сообщение охранников, что они застали днем в одном из служебных помещений прятавшихся тибетцев, которым, очевидно, удалось ночью проникнуть в музей и нанести вред саркофагу, меня почти не заинтересовало. Вейсман еще продолжал что-то возмущенно выговаривать мне, когда я молча надел плащ и шляпу и, не попрощавшись, вышел на улицу. На трамвае я доехал домой и сразу лег спать.

Часов в шесть вечера мне позвонил заведующий кафедрой. После упрёка в том, что я не выполнил его последнее распоряжение, на меня обрушился град обвинений, начиная от участия в скандальных историях на кладбище и в склепе Натингейлов и заканчивая глупыми фокусами в музее. Вейсман говорил о каких-то судах, которыми грозили посетители музея за причиненный моральный и физический ущерб. «И что я скажу страховой компании? – с отчаянием вопрошал он. – Да и полиция тоже желает знать, в чем дело». Далее покатались напоминания о моем халатном отношении к работе в университете, безразличии к педагогическим обязанностям, систематических опозданиях, частых прогулах, приходе в нетрезвом состоянии и распи-

тии спиртного на рабочем месте, недостойном поведении по отношению к некоторым студенткам и сотрудницам университета и еще великом множестве мнимых и действительных прегрешений. Гневная филиппика закончилась угрозой уволить меня. «Сэр, вы не допустите меня к экспедиции в Палестину?» — спокойно спросил я. «Об этом не может идти и речи». — «Тогда всего хорошего». И я повесил трубку.

Позже позвонила Мэгги. До сегодняшнего дня этот беспрецедентно неожиданный факт вызвал бы у меня волнение и, пожалуй, даже радость. Но теперь у меня не было особого желания беседовать с ней. Мисс Вейсман принялась уговаривать меня срочно связаться с ее отцом и постараться уладить конфликт, пока не поздно. Ранее часто очаровывавшая меня тональность ее голоса теперь утомляла своей ничемной настойчивостью и какой-то странной сердечностью. Я спокойно выслушал все обещания помочь мне и вежливо ответил, что весьма признателен за участие. Однако со своей стороны я не вижу в этом существенного смысла.

— Как вы можете так безразлично относиться к себе? — всхлипнув, спросила Мэгги.

— В общем-то, я отношусь к себе так же, как к вам, — невозмутимо промолвил я. — Ровно отношусь.

— Господи, да что же это значит?

— Ну, то есть как к элементу объективной реальности, — каким-то чужим голосом ответил я и прервал связь.

Я еще долго лежал на кровати, глядя в потолок. В голове не было ни одной мысли, кроме заполонившего все сознание ощущения, что жизнь завершена. Когда за окном уже перестали греметь трамваи и слышаться человеческие голоса, я покинул свою квартиру и медленно двинулся по мокрой от дождя улице. По дороге я купил в ночной лавке бутылку джина и последовал дальше по неведомому маршруту, которым меня вела какая-то космическая тоска.

На душе было мрачно и пусто. Я не очень удивился, когда в какой-то момент, пытаясь извлечь из опустевшей бутылки еще хотя бы каплю, сообразил, что нахожусь у Северного кладбища, расположенного довольно близко от

моего жилища. Ворота были распахнуты, сторож и собаки отсутствовали, и я вошел внутрь.

Долгая прогулка между рядами могил утомила, и я решил немного посидеть. Вокруг не было ни одного фонаря, и только большая луна иллюминировала своим призрачным зеленоватым сиянием унылый, залитый мутной дымкой тумана пейзаж, расстилающийся во все стороны на много ярдов. Меня окутала тишина, которую можно было с полным основанием назвать мертвой. Лишь безразличный ветер играл листвою деревьев и шелестел покрывающей надгробные холмики травой. Обхватив голову руками и закрыв глаза, я опустил в глубокую меланхолию. Моим желанием было сидеть так часами... или годами... все время, что мне осталось провести в этом мире.

Но вдруг, к моему несказанному удивлению, в мозгу словно завибрировал чей-то голос. Физически я не слышал его — нет, слова как будто сами проникали в сознание.

«Я ждал тебя и не сомневался, что ты явишься именно сюда», — пророкотало в моем разуме.

Я осмотрелся вокруг. Мененхеб... да, он был здесь, хотя увидеть его было непросто. Может быть, я не видел физически, а воспринимал его образ ментально. Так или иначе, описание внешности Мененхеба можно свести всего к трем словам — черный провал в пространстве. Не было никакого ужасного монстра, никакого демонического перформанса — только абсолютно черное пятно, почти сливающееся с окружающей темнотой ночи. Я ощущал в этом пятне жуткий холод — то ли холод могилы, то ли холод пустого космоса. Пожалуй, его по праву можно было определить как могильно-космический.

Повинуясь странному желанию, я протянул руку и частично погрузил ее в черное пятно. Мне показалось, что кисть словно исчезла из моего организма, я полностью утратил связь с ней. Так я и стоял — с вытянутой, повисшей в загадочный плен рукой.

— Почему ты ждал меня именно здесь? -- спросил я у существа. — Неужели тебе известно ВСЕ?

«Не важно. Куда еще мог прийти в такой момент человек, рожденный с дырой в голове?»

— С какой еще дырой? — воскликнул я, непроизвольно ощупывая голову свободной рукой.

«Назовем ее метафизической, хотя любые термины не имеют значения, — ответил Мененхейб. — В голове у тебя дыра, и через нее в тебя с самого рождения вливался Хаос. Потому ты не таков, как большинство людей, — неужели ты этого до сих пор не понял?»

— А Адам Мейнингер? У него тоже... дыра в голове? — спросил я.

«О нет. В стволе его жизненного дерева увлечение моим миром есть лишь небольшой кратковременный изгиб. Скоро это должно было бы пройти, и его окончательно поглотило бы нормальное существование, которого ты так боялся и избегал. Он произвел бы на свет несколько новых „бюргеров“ и навсегда позабыл непередаваемое очарование ужаса, изначально бывшее для него чуждым. В конце концов, он был лишь инструментом в твоих руках. Только из-за тебя он преодолел отчаянный страх, сдвинув крышку моей гробницы и сделав, таким образом, первый шаг на пути к моему освобождению. И тогда я подал сигнал своему миру.

Но твой друг Мейнингер мог бы стать помехой следующему шагу. Поэтому моя энергия поразила его, позже развившись в тяжелую болезнь, из-за которой он на время практически лишился способности думать.

Скрывая темное желание под лживой маской научного интереса, ты беспрепятственно выставил в музее тело моего земного воплощения, которого в вашем мире называли Наафранхом. Я насыщался силой страхов и тревог многочисленных посетителей, которых ты так успешно завлекал ко мне. Из-за твоей нарочитой беспечности в музей проникли послушные мне рабы, и ты позволил им уничтожить знаки тех, чьей воле я был временно принужден покоряться. Ведь втайне ты хотел встретиться со мной. И хотя твои глаза устремились, в душе ты возрадовался, когда Наафранх пробудился от мертвого сна, глупо и незаслуженно считаемого вами вечным. Сердце и мозг Наафранха, кото-

рые были спрятаны в статуе, созданной в бесконечно далекой, неведомой вам вселенной, заключали в себе мой дух. И как только Наафранх произнес нужные слова, мой дух освободился и вырвался наружу.

Мне не стоило большого труда догадаться, где я смогу встретить тебя. Горе, переполнившее тебя, так созвучно царящей здесь печали. Кажется, для людей нет ничего страшнее и тоскливее, чем смерть и мысли о ней. Великое заблуждение! На самом деле смерть — это прекрасное начало, дверь к жизни несравнимо более увлекательной и драгоценной. Надо лишь знать ключ к этой двери, за которой человека ждет настоящее счастье. Он находится у меня. Посмотри вокруг!»

Я взглянул направо и налево и увидел обступивших нас экспонатов моей коллекции — оживших трупов и даже их частей. Я содрогнулся от жадно разевающих рты мерзких голов, существующих отдельно от давно истлевших тел. А потом поразился манящей улыбке Софии Натингейл, которая призывно смотрела на меня. Она жива!

«Всем им я вернул жизнь, — продолжал демон, — и если они будут настойчивы в борьбе за горячую кровь, то смогут даже восстановить свои недостающие органы».

— Но их души?

«Души... к чему они? У заново рожденных будет нечто другое, новое и, уверяю тебя, гораздо лучшее».

Беренгарий фон Лутц в «Летописях черных солнц» и Ширхан Лоди в «Свитке Наафранха» писали, что Мененхейб сумеет дать големам-мертвецам ужасные пародии на души. Зовом этих псевдодуш, по словам фон Лутца и Лоди, является неукротимая жажда насилия, которая органично дополнит голод плоти — чревоугодие и мерзкую похоть. Мне сразу вспомнилось предание о культе Великого Ктулху и Старейшинах — гнусных порождениях Безумного Хаоса. Им, как никому другому, известно учение о том, что Мененхейб назвал «настоящим счастьем», — грязных, порочных развлечений.

«Тот путь, о котором я сейчас говорил, может удовлетворить почти всех людей, но есть незначительное число тех, кто достоин большего, — вновь обратился ко мне Ме-

менсхеб. — Я предлагаю тебе стать одним из нас — Знающим. Ты ведь всегда стремился к *особым знаниям*, но не имел к ним доступа, ибо не понимал главного — самого себя».

— Но кто поможет мне понять себя?

«Ты узнаешь того, кто *позволит* тебе понять себя. Для этого от тебя почти ничего не требуется: если ты желаешь, пужно только принять меня — принять смерть из моих рук и принять новую жизнь из моих рук».

За спиной Мененхеба я узрел глубокую яму, и он пояснил, что это моя символическая могила, заранее приготовленная им. Увиденное лишило меня способности к рациональному мышлению, и я шагнул вперед, оказавшись полностью поглощенным черным пятном. Теперь я не осознавал того, что говорит мне Менсхеб. Он что-то монотонно шептал, и в этом шепоте слышался страстный призыв разрушительной ненависти легиона искаженных духов. Они внушали мне тайны, слишком ужасные и недоступные для простого смертного, но такие привлекательные...

И, не в силах больше противостоять этому бующему потоку чужих мыслей, мое сознание взорвалось мириадами пылающих частиц, которые были немедленно захвачены жадно жующими пастями инфернальной Вселенной и затянуты в спрятанную в ее безднах черную пещеру, откуда до меня донесся тонкий заунывный свист чьих-то испорченных флсйт. Он зачаровывал и манил, наполняя клочья разума турбулентными туманными вихрями знаний о Времени и Пространстве и о том, что находится вне их.

По приказу Мененхеба ухмыляющаяся София Натингейл швырнула мое ставшее никчемным тело в яму, полную червей и насекомых странного вида, рожденных явно не на нашей планете. Своими циклопическими челюстями они молниеносно обглодали жалкий труп, превратив его в мелкую пыль. Холодные звездные ураганы подхватили пыль и пронесли сквозь Врата черных солнц, доставив в самый центр Темного Хаоса. Наконец я узрел тех гигантских слепых уродов, что кривляются в нелепом танце под отвратительный грохот своих барабанов. Их властитель, Великий Идиот Азатот, располагался в окружении безум-

ных смерчей и сумасшедших сияющих лучей. Он тупо грешил об эфемерных вещах, смысл которых никогда не доходил до него, и бормотание Азатота придавало им в вечности новые непонятные законы.

Представ перед ним, мои ничтожные останки оказались на мгновение объектом его сумрачных раздумий и приняли новую форму, которая затем воссоединилась с моим беспорядочным сознанием.

Я вернулся на Землю и обнаружил толпы кощунственных, неумолимо разлагающихся созданий, которые неистово плясали и корчились в богохульном веселье на огромных пустырях, покрывших некогда занятые городами пространства. В колоссальных полуночных храмах, освещаемых злобой лунной, под складывающиеся в ужасный ритм бой гонгов и гудение труб они приносили в жертву последних несчастных людей и упивались их теплой кровью, чувствуя своих зловещих торжествующих идолов. Спустя немного времени эти жертвы сами на равных правах вступали в круг монстров, наслаждались и убивали. А те, кто не нашел новых источников жизни, отправлялись в ужасное небытие, и их останки утаскивали в подземные склепы загадочные существа неопишуемой внешности — будущие хозяева этой планеты, которые завладеют ею после смерти всех големов-вампиров.

Глядя на эту картину, я поднял свое тело на тысячах длинных извилистых щупальцев и подполз к алтарю одного из проклятых храмов. Он был покрыт свежей кровью, но никто из мертвецов не осмелился помешать мне слизать с камня этот ароматный нектар. А потом, вытянув вверх хоботообразную голову, из которой непрерывно сочилась ядовитая гнойная слизь, я дико и ликующе завыл на познанные мною бледные звезды, безмолвно мерцающие среди хороводов мертвых миров.

Борис Лисицын

НАДТРЕСНУТЫЙ КОЛОКОЛ

Недавно в Милфорде, городе, где последние десять лет я занимал пост шерифа полиции, было основано Общество защиты и восстановления архитектурного наследия. Первый замысел этого благородного учреждения заключался в намерении отреставрировать построенную еще в колониальную эпоху колокольню, чьи развалины расположены на Вересковом холме, к северу от Милфорда. Этот проект вызвал у меня сильнейшую тревогу и решение твердо противодействовать инициативе любителей старого зодчества, которую я считаю крайне опасной. Но их настойчивость и упрямство оказались более убедительными для мэрии и спонсоров, нежели мои туманные предостережения, которые никак не могут служить основательными доводами в дискуссии с членами общества. Со дня на день должны начаться строительные работы. Накануне этого события, которое может повлечь за собой самые роковые последствия для города и его округа, у меня не остается иного выбора, кроме как нарушить клятву, данную моему, ныне покойному, другу и коллеге Джозефу О'Грэйди (мир его праху), и рассказать о том ужасном инциденте, память о котором не дает мне смириться с порывом нашего молодого поколения.

Энтузиасты архитектурного общества часто упрекают меня в том, что поскольку я не уроженец Милфорда, то, дескать, не питаю уважения к его достопримечательностям и историческим памятникам. Вторая часть этого утверждения совершенно не соответствует истине, но родился и вырос я действительно не в Массачусетсе. Обстоятельства, при которых я очутился в Милфорде, заслуживают особого внимания.

В 1916 году я обучался на последнем курсе естественно-научного отделения университета Атланты, специализируясь на геологии и палеонтологии. Опираясь на результаты своего, весьма своеобразного, исследования, я сделал

вывод о возможности посещения в далеком прошлом нашей планеты чужими существами. По моему мнению, они оставили после себя ряд материальных свидетельств, которые до сих пор не получили вразумительного объяснения.

Эти исследования начались с тщательного изучения данных Сент-Луисской конференции Американского археологического общества 1908 года, где была продемонстрирована загадочная статуэтка, изображающая неведомое создание с признаками человека, осьминога и летучей мыши. Камень, из которого она была выполнена, — пористый черно-зеленый монолит с золотистыми и радужными пятнами и полосами — никогда и нигде на Земле не встречался. Знакомство с этим таинственным артефактом, состоявшееся благодаря моим частным связям, натолкнуло меня на проведение собственных изысканий, основанных на, скажем так, нетрадиционных источниках. По совету моего приятеля, участника нескольких геологических съемок в Скалистых горах, я обратился к пылившемуся в библиотеке одного из небольших университетов юга копиям зловещих книг, среди которых особо выделялся труд мрачного тамплиера Беренгария фон Лутца «Летописи черных солнц». Именно из «Летописей» я узнал о чудовищном культе пауков-припсельцев, имевшем, в частности, хождение среди некоторых индейских племен северо-востока нынешних Соединенных Штатов. По словам фон Лутца, существовали жившие «по ту сторону великого моря, где заходит солнце» народы, у которых предметом поклонения были идолы в форме то ли пауков, то ли кого-то в этом роде, причем косвенные намеки указывали на то, что под словом «идолы» тамплиер подразумевал не только каменных истуканов, но и нечто более жизненное. Немец опасно замечал, что в незапамятные времена, когда на Земле еще не было никакой жизни (собственной, как многозначительно уточнял рыцарь-чернокнижник), припсельцев занесло на нашу планету стремительно упавшей с неба скалой из черной порфириобразной породы, испускающей в темноте оранжевый фосфоресцентный блеск. Эта скала некогда оторвалась от какой-то планеты в Иной Вселенной и, проделав бесконечный путь сквозь Внешний космос, через Врата черных звезд ворвалась в наше пространство. К сожалению, ко-

пия «Летонисей» оказалась неполной — и в ней отсутствовало описание инопланетных пауков и их судьбы в новом пристанище.

Первые итоги моих работ давали повод для весьма смелых гипотез, подтверждение которых требовало дополнительного финансирования. Сведения о культе чужеродных пауков были встречены в отчетах экспедиций в бразильскую сельву, сиамские джунгли и влажные леса побережья Гвинейского залива, а также угадывались в эхе зловещих эфиопских и уйгурских преданий седой древности. Однако мой изобиловавший экстравагантными гипотезами и предположениями доклад был принят руководством университета Атланты довольно прохладно, а когда я вскользь упомянул об использовании полуполюгендарных источников вроде книги Беренгария фон Лутца или каменных писем Нгахасара, отношение ко мне стало открыто враждебным. Вскоре декан факультета в прозрачной форме дал понять, что мое присутствие в университете нежелательно, и я был вынужден подать заявление об уходе.

Затем последовал период нескончаемых попыток устроиться на работу и скорых увольнений, пока наконец в начале 1918 года я не записался добровольцем в армию. Военная служба, сравнительно недолгая, оказала существенное воздействие на мой, до того довольно мягкий, характер, а также обогатила меня многими новыми умениями.

В августе того же года наш батальон морской пехоты расквартировался в русском морском порту Архангельск. Под Рождество мой взвод попал в засаду красных, и уйти удалось немногим. Мне, истекающему кровью, с трудом удалось вытащить из-под огня тяжело раненного сержанта Джозефа О'Грэйди, который с тех пор стал моим близким другом.

В июне 1919 года американская армия покинула север России, а я, в свою очередь, прервал не прельстившую меня военную карьеру. Правда, перспективы человека, не имеющего диплома и толком обучившегося к двадцати пяти годам лишь маршировать и стрелять, выглядели почти безнадежными. Но на помощь мне пришел новый друг, О'Грэйди, до мобилизации служивший шерифом полиции крохотного городка Милфорд на севере Массачусетса. Он собирался

возвратиться домой и вернуться к прежним обязанностям, в связи с чем предложил мне переехать к нему и посулил должность помощника, заверив, что быть полицейским в местечке, населенном преимущественно незлобивыми фермерами и ремесленниками, совсем несложно и неопасно. Подкрепив уговоры сомнительными, на мой взгляд, и неотразимыми, с его точки зрения, аргументами типа описания достоинств местных девушек и пива, добродушный ирландец не мог допустить мысли, что я откажусь от такого заманчивого предложения. Впрочем, альтернативы все равно не было, и я решился на это резкое изменение в жизни, надеясь, что оно будет к лучшему.

Переселение в Милфорд произошло в начале сентября 1919 года. Некоторое время я адаптировался к местным условиям, внимательно изучая природу окрестностей и особенности характера тамошних жителей. Часами я блуждал в лабиринтах огромного девственного леса, окружающего Милфорд, медленно бродил по тенистым и прохладным аллеям из подлеска и отдыхал под большими сумрачными вязами. Иногда мне попадались небольшие поляны, где ветер разносил слабый приятный аромат диких роз, сливающийся с тяжелым, похожим на испарение ладана, запахом бузины. Порой я подолгу останавливался на опушках, чтобы полюбоваться на великолепные парады фиолетовых ломоносов, возвышающихся среди напоротника, и сияющих красным блеском в ярком солнечном свете пионов. За ними виднелись глубокие чащи, где ручьи бурлят и проносятся по камням, питая сырую и мрачную осоку.

Как-то раз я набрел на старую дорогу, проходившую по гребню лесной возвышенности к северу от Милфорда. Большие плоские камни заросли толстой подстилкой зеленого дерна, а влажные понижения занимал густой мох. Некоторое время я шел, иногда взглядываясь в просветы среди ветвей огораживающих путь буков. По одну сторону дороги я видел лесные просторы, уходящие далеко вправо и влево и переходящие внизу в широкую равнину, а за ней — желтые клочки пшеничных посевов. С другой стороны были речная долина Мискуоша и следующие цепочкой один за другим, как волна за волной, высокие, поросшие кустарниками хол-

мы, а также лес, луга и сверкающие бслые крыши домиков какой-то мелкой деревушки. Мне стало любопытно узнать, куда ведет таинственный путь, которым, вероятно, уже очень много лет почему-то избегали пользоваться местные жители.

В тот раз мне так и не удалось найти ответ на этот вопрос, поскольку примерно через час на небе стали сгущаться тучи и вскоре начал моросить мелкий и весьма неприятный колючий дождик. Пришлось отложить исполнение плана на следующий день и спешно возвращаться домой. Вечером я поинтересовался у шерифа, досконально знавшего всю историю края, куда была проложена эта дорога. К моему удивлению, при упоминании о таинственной лесной дороге с лица О'Грэйди сползла обычная доброжелательная улыбка, и он довольно неохотно сказал, что этот путь в очень давние времена соединял Милфорд и располагавшийся на Вересковом холме городок Хиллсбери, которого уже много лет не существует. «Зачем тебе ходить в это место? — сказал мой шеф. — Там нет ничего, кроме ветхих домов, гнилых обломков нескольких ферм да полуразрушившейся колокольни. Что за блажь смотреть на унылые развалины, до которых никому нет дела?» Он сурово пресек мои дальнейшие попытки узнать о мертвом поселке какие-нибудь дополнительные сведения, которые, как я подозревал, могли содержать немало любопытных вещей. Поругав мой вздорный интерес к далекому прошлому, шериф едва ли не за шиворот потащил меня в милфордскую таверну, где, по его мнению, мы могли бы провести вечер с большей пользой.

Мало-помалу мои потрепанные профессиональными неурядицами и жестокой войной нервы стали приходить в порядок в здоровом климате Северного Массачусетса, чья очаровательная природа в то время была почти не тронута и щедро дарила тамошним обитателям свои блага. Служба не была обременительной, поскольку мирные края Милфорда не знали тех гнусностей, что обыкновенны в больших городах, и заниматься нам приходилось в основном разбирательством мелких потасовок подвыпивших фермеров, редких пожаров да пронаж домашнего скота. И я больше ни разу не ходил по заброшенному лесному тракту. Во-

обще моя склонность к загадочным явлениям существенно ослабла, не находя себе пищи в излучающем размеренный покой Милфорде. Конечно, завеса таинственного молчания на тему колокольни и бывшего города Хиллсбери не могла не вызывать у меня законного недоумения, но постепенно я привык к осторожному отношению новых соседей ко всему, что было связано с Вересковым холмом. Я стал воспринимать это опасение как некую дань традиционной для жителей Новой Англии почтительности ко всяким страшилкам.

Безмятежно протекали осень, потом зима и весна 1920 года. Я прекрасно освоился в роли авторитетного и всеми уважаемого хранителя порядка, познакомился с местными семьями и был доволен тем, что моя служба приносит этой общине зримую пользу. Однако внезапно поднявшаяся волна страха, которая начала распространяться в конце июня того года от находившихся вблизи Верескового холма деревень до Милфорда и дальних поселений, была мне непонятна. Кажется, причиной волнения служили необычайная жара, которой старожилы не припоминали за последние лет сорок, а также частые грозовые бури, сопровождаемые сильными ветрами. Конечно, у меня, наблюдавшего несколько чудовищных торнадо в родных краях, такая причина не могла не вызвать смеха. Но я не раз видел сцены, когда самые крепкие мужчины, в чьих жилах текла кровь гордых покорителей диких земель, во время мощных порывов ветра боязливо крестились, отворачиваясь от стороны Верескового холма. Я также отмечал, что в течение нескольких дней после каждой пиквальной грозы люди стараются не отходить далеко от дому, особенно в одиночку. Мои попытки выяснить, в чем дело, успеха не возымели, и лишь один из наиболее пожилых милфордцев, восьмидесятилетний старец, тревожно озираясь, прошамкал мне что-то вроде: «В самый сильный зной... во время бури, когда ураган сотрясает старую колокольню, будь она неладна... ее надтреснутый колокол бешено раскачивается... страшные грохочущие перезвоны... Он будит их... и тогда ужас выбирается на свет в поисках добычи... Они любят, когда жарко и сыро... запомните, сэр, — когда жарко и сыро... Так случилось сорок лет назад...

Тогда была такая же погода... исчезли люди... Это все проклятая колокольня и ее треснувший колокол...»

Его путанный рассказ глубоко поразил меня, но чего только не болтают старики, чьи интеллектуальные способности к такому возрасту зачастую оставляют желать много лучшего. Но я тем не менее взял это на заметку и решил тщательно разобраться в туманной истории. Если пропадали люди, значит, это должны были зафиксировать какие-то официальные отчеты. Мысль о зловещей роли ветхой колокольни не давала покоя, и я уже собрался поехать в Управление полиции графства Нортфилд, как 7 июля произошла первая трагедия, знаменовавшая начало самых жутких и драматических событий, которые только имели место в моей жизни.

Случилось это на второй день после очередной яростной грозы, когда ветер достигал невообразимой силы и оставил множество отметин в лесу. Около полудня в нашу контору вбежал запыхавшийся, взволнованный мужчина и сообщил о том, что его дочь, Рэчел Пирсон, вчера днем ушла гулять и до сих пор не вернулась. Джон Пирсон, владелец небольшой фермы, уединенно стоящей на окраине дремучего леса к северо-востоку от Милфорда, находился в полнейшем расстройстве и был едва в состоянии отвечать на вопросы.

Джо долго думал, курая свою знаменитую трубку, бывшую предметом вожделения всех местных хулиганов, а потом осведомился, сколько лет исполнилось Рэчел. Узнав, что ей было девятнадцать, он покачал головой, и я понял ход его мыслей: должно быть, девица загуляла с каким-нибудь своим кавалером и позабыла про волнение родителей. Однако я заметил также, что близость фермы Пирсонов к Вересковому холму и древней мостовой заставляла шерифа беспокоиться. По его лицу было видно, что перспектива отправляться на поиски девушки не вызывала у него никакого энтузиазма, хотя обычно Джо с большой охотой помогал попавшим в беду людям. Что же это за чертовщина, пугающая даже такого жизнелюбивого добряка? Я тоже начал ощущать смутный прилив необъяснимого страха — страха перед неведомым. Однако, здраво рассудив, что как бы там ни было, а откликнуться на вызов — наш служебный долг, я предложил свой план поисков.

Поднимать по этому поводу весь штатный состав (составляющий шесть человек) милфордской полиции Джо не хотелось, поэтому мы решили пока ограничиться своими персонами и моим сеттером Рэем, чей нюх мог бы оказать-ся весьма полезен. Я захватил подаренный приятелем-канадцем, с которым познакомился во время боев в России, россковский пятизарядный карабин, а О'Грэйди, с минуту ожесточенно подымив, решился взять полицейский кольт.

Стараясь не привлекать внимания местных жителей, мы окольными путями вышли из города и по грунтовой дороге, пребывающей после грозы в совершенно ужасном состоянии, отправились в сторону деревни Пойнт-Арка, поблизости от которой находилась ферма Пирсонов. Очень скоро нам пришлось снять с себя чуть ли не большую часть одсжды, поскольку, во-первых, стояла невыносимая жара (кажется, за последние две недели столбик термометра не опускался ниже ста градусов¹), а во-вторых, несколько падений в грязь привели нашу униформу в плачевный вид. Часа через два мы добрались до Пойнт-Арка, порядком выдохшись. Джо, чье солидное брюшко не располагало к большой подвижности, в качестве отдыха приступил к расспросам селян. Никаких конкретных сведений он не добился, а я в очередной раз был озадачен тем трепетом, с которым фермсы вли речь о районе Верескового холма.

Около пяти часов вечера мы собрались с силами и, полнив отряд двумя старшими братьями Рэчел и внушительной группой ее поклонников из Пойнт-Арка, пошли в сторону большого леса туда, где у его обочины примости-лась ферма Пирсонов. Не успев пройти и четверти мили, мы встретили нескольких мужчин из поселка лесорубов Рок-Сайд, принесших новую дурную весть. Выяснилось, что также со вчерашнего дня отсутствовал двадцатилетний Питер Мак-Тай, родители которого понятия не имели, где его искать. Теперь о мотивах прогулки двух молодых людей можно было не гадать, а вот куда они могли деться в лесном пространстве, лежащем между двумя деревнями, предстояло

¹ По шкале Цельсия — около 38 градусов (здесь и далее температура указана по шкале Фаренгейта).

выяснить. Особое волнение у О'Грэйди вызывало то, что, двигаясь в сторону Рок-Сайда, нам придется пересечь древнюю мощеную дорогу и пройти очень близко от Верескового холма. Разумеется, все остальные участники нашего похода, кроме меня, полностью разделяли эту озабоченность. Я, со своей стороны, упорно сопротивлялся влиянию местного предрассудка на мое, к сожалению, весьма восприимчивое сознание.

Растянувшись цепью, мы двинулись в лес, причем ведущим выступал я, а точнее, Рэй, который до этого внимательно обнюхал вещи Рэчел и взял след. Некоторое время мы уверенно преодолевали ветровалы и, судя по поведению Рэя, находились на правильном пути, поднимаясь по склону длинной возвышенности. Лес здесь производил унылое впечатление: высокие деревья почти закрывали небо, отчего внизу царили сумрак и вечная сырость. Из-за очень неровного рельефа идти было довольно тяжело, мы то и дело были вынуждены обходить косогоры, глубокие впадины, гигантские гранитные валуны или буреломные завалы. На протяжении нескольких миль нам удавалось придерживаться маршрута молодой пары, пока, не дойдя совсем немного до мощной дороги, мы не натолкнулись на странное явление. Подбежав к упавшему стволу черного орехового дерева, Рэй вдруг жалобно заскулил и в страхе отскочил от ямы, образовавшейся в земле на месте вывороченных корней. Ожидая увидеть человеческие тела или какие-то их признаки, я медленно подошел, но не нашел ничего особенного. Почва была сильно взрыхлена, что, в общем-то, было неудивительно, и лишь какие-то темные пятна и непонятные вмятины заставляли обратить на это место пристальное внимание. Мы принялись обходить район старого ореха в радиусе нескольких десятков футов, и наконец один из фермеров, громко вскрикнув, заставил нас собраться возле него и с содроганием рассмотреть зловещую находку. Это был обрывок голубого платя Рэчел.

Не стану приводить здесь тех слов, что вырвались из глоток нескольких разгневанных мужчин по адресу Питера Мак-Тая. Но, несмотря на всеобщее возбуждение, Джо О'Грэйди и я продолжали помнить о презумпции невинно-

ности и пресекли лишние разговоры. Необходимо было продолжать поиски, к чему бы они ни привели. Однако Рэй упрямо отказывался держать след и все время испуганно терся у моих ног. Я внимательно осмотрелся и понял, что необходимости в собаке нет, — направление дальнейшего расследования было хорошо видно. Нечто оставило после себя заметную широкую дорожку из переломанных кустов и смятой травы. Что это могло быть? Медведь? Размеры тропы позволяли сделать такое предположение, но полное отсутствие характерных следов лап обескураживало опытных лесорубов. Я, правда, обнаружил какие-то круглые вмятины с острым углублением в центре, которые особенно явно отпечатались во мхе и покрывающем камни лишайнике, но объяснить их происхождение было пока невозможно.

Мы пошли по проломанной в чаще тропе (какая сила, должно быть, у того, кто это сделал), попутно отыскивая новые кусочки голубой одежды, а пару раз нашли длинные белокурые волосы. Роптание по поводу юноши усиливалось, но у самого выхода к дороге я нашел мужской ботинок, опознанный роксайдцами как принадлежавший Мак-Таю. Самое ужасное заключалось в том, что подкладка ботинка была покрыта большими пятнами засохшей крови, увидев которые суровые обитатели двух деревень совершенно растерялись и приумолкли. Теперь они с благоговением взирали на покоящийся в моей руке карабин, несомненно рассматривая его как основной гарант безопасности перед таинственной угрозой.

Загадочные круглые следы шли по травяной и моховой настилке мощеной дороги, и в течение полумили мы уверенно придерживались их. На достаточно гладкой и ровной поверхности мостовой было хорошо видно, что какое-то существо (или несколько существ) тащило два человеческих тела, оставлявших капли крови и нитки из одежды. Меня очень раздражало, что на мои плечи легла необходимость чуть ли не силой вести за собой десяток здоровых лесорубов и фермеров, да и нашего шерифа в придачу. Их страх перед приближающимся Вересковым холмом возрастал с каждым пройденным ярдом.

Уже начало смеркаться, когда мы увидели покрытую темным лесом громаду зловещего холма. По словам Джо, руины города Хиллсбери находились у подножия другого склона, и я был преисполнен решимости добраться туда до наступления ночи. Однако моим планам и в этот раз не было суждено сбыться. Спустившись с возвышенности, мы обнаружили, что ее отделяет от Верескового холма глубокая расщелина, прорубленная текущим в сторону реки потоком. Через ущелье был переброшен подвесной мост, состояние которого не внушало никакого доверия. Спустя минуту я подтвердил наши опасения, провалившись по пояс сквозь треснувшие гнилые доски и едва не унав с высоты семидесяти футов.

Вытаскивая меня, мои спутники обнаружили два важных обстоятельства. Во-первых, по замеченным ими следам стало ясно, что злодеи, кем бы они ни были, умудрились ловко спуститься по почти отвесному склону и, по всей вероятности, переплыли горный поток. Во-вторых, О'Грэйди увидел внизу что-то вроде светлого мешка, немного выступающего из воды в том месте, где берег ручья порос густыми ивами. Мы кое-как спустились на дно расщелины, и Джон Пирсон со своими сыновьями вошел в воду, дабы выяснить, что за предмет мы заметили в зарослях. К всеобщему ужасу, они нашли тело несчастной Рэчел.

Поскольку переход на сторону Верескового холма был невозможен (с его стороны склон был почти отвесный), мы с Джо поручили роксайдцам как можно скорее построить новый надежный мост, а сами вместе с родственниками девушки доставили ее тело в Милфорд, окончательно свергнув наш город во власть великого страха. Вернувшись домой, я, совершенно обессиленный, рухнул в постель, однако еще очень долго не мог уснуть, размышляя о подаренных сегодняшним днем жутких и не объяснимых бытовой логикой загадках.

Утром 8 июля из Нортфилда приехали вызванные по телефонной связи коронер и пожилой врач-патологоанатом. Последний очень долго возился с телом покойной, и, находясь неподалеку, я неоднократно слышал его удивленные возгласы. Наконец, завершив свою малоприятную процедуру и воспользовавшись отсутствием шерифа и короне-

ра, которые ушли на допрос членов семьи Мак-Таев, врач подошел ко мне и поведал поразительные вещи.

— Все это в высшей степени удивительно, — промолвил он. — Боюсь, современная медицина не сможет удовлетворительно объяснить данный случай.

— А что такое? Вы не можете понять причины смерти?

— Отчасти, да. Можно предположить, что юная мисс захлебнулась, по крайней мере ее легкие полны воды.

— Похоже, что преступники по каким-то причинам решили избавиться от нее и бросили в реку.

— Возможно, возможно... Эти преступники... странные существа...

— Существа? — Я недоуменно пожал плечами. — Вы думаете, что это не люди?

— Вы, кажется, обучались в университете Атланты? — вместо ответа неожиданно спросил врач. Я кивнул, испытывая недоумение и досаду от неприятных воспоминаний. — Я как-то по делам был там года три назад, и до меня дошли слухи о необычном предмете вашего исследования. Так вот, я тоже кое-что знаю о культе инопланетных пауков и должен сообщить вам, что Милфорд и Вересковый холм имеют к нему самое прямое отношение.

Голос его понизился до шепота, но в моих ушах каждое слово доктора отдавалось сильнейшим громом. Я немало слышал о космических пауках и их проклятых приспешниках среди индейцев. Милфорд...

— Видите ли... Начну с того, что на теле покойной довольно много травм, но все они достаточно незначительные: ушибы, ссадины, порезы — одним словом, те повреждения, что возникают, если долго тащить тело по земле, особенно в лесу. Но есть несколько ран, нанесенных, очевидно, зубами... только вряд ли хоть один зоолог на Земле сумеет определить, какому животному они принадлежат. Большая их часть находится на ногах, есть они и на руках, но это, можно сказать, смазанные следы, как будто некто хватал девушку за ноги и руки, а она вырывалась. Главный укус, по-видимому, был нанесен в шею, в область вены. Он самый глубокий и яркий; я полагаю, после него жертва уже больше не сопротивлялась. Посмотрите сами. — С эти-

ми словами доктор отбросил с покойной простыню и указал мне на горло. — Видите эту маленькую ранку? Слово от укуса жалом, и одному дьяволу известно, кто бы мог это сделать. По состоянию тканей можно предположить, что девушку парализовало, она потеряла способность двигаться...

— Но инопланетяне, откуда они здесь?..

— Эту историю мне рассказал, когда я был еще студентом, практиковавший здесь в течение сорока лет доктор Уильямс. Вам знакомо это имя?

Я кивнул. Доктор Уильямс неоднократно упоминался в «Милфорд обсервер» в связи с его таинственным исчезновением, обстоятельства которого, впрочем, излагались чересчур скупно. Теперь я надеялся, что мой собеседник прольет свет на тайну доктора.

— Он считал, что таинственные существа появились на нашей планете откуда-то из глубин космоса, о чем говорят многочисленные обломки аэролитов, служивших важными предметами почитания среди дикарей. Начало паучьего культа уходит далеко в прошлое, и постепенно он получил достаточно широкое распространение в Северной Америке, да и во всем мире. Сперва Уильямс обнаружил признаки тайного поклонения космическим наукам среди утишароков, населяющих почти изолированные области Скалистых гор неподалеку от верховий Миссури. Затем поиск привел его к точке зарождения зловещего культа. Он очень серьезно изучал гнусные обряды пеннакуков из Северного Массачусетса и узнал множество страшных тайн. Вам, как сравнительно недавно переселившемуся в Массачусетс, вероятно, не известны некоторые мрачные аспекты истории Милфорда, например отношения горожан с жителями индейского поселка Манкатук, что находился в середине семнадцатого века к северу от города. Уильямс выдвинул идею, что индейцы основали Манкатукское капище на месте падения принесшего внеземную жизнь метеорита, и говорил в связи с этим о некоторых характерных признаках древней астроблемы, замеченных им в разделяющей Вересковый холм и его северного соседа впадине круглой формы. Поскольку рельеф впадины к настоящему времени уже почти выровнялся, особен-

по под воздействием ледниковых процессов, можно предположить, что космический камень залетел на первобытную Землю невообразимо давно — возможно, миллионы лет назад.

— Эта впадина расположена в той стороне, куда ведет старая мощеная дорога и где находятся развалины Хиллсбери?

— Город Хиллсбери был основан как раз на месте этого индейского поселения вскоре после того, как, если я не ошибаюсь, в тысяча шестьсот пятьдесят восьмом году произошло вооруженное столкновение колонистов с туземцами.

— Что послужило его причиной?

— Длинная череда исчезновений белых людей из милфордской округи, особенно молодежи. Горожане справедливо связывали эти происшествия со злыми кознями пеннакуков, а наиболее смелые пионеры и трапперы сообщали о каких-то загадочных индейских ритуалах самого подозрительного характера. Пленные краснокожие что-то невнятно бормотали об ужасных паукообразных существах, которые занимались похищением милфордцев, а индейцы им в этом способствовали. Уже тогда наблюдательные колонисты заметили, что трагедии имели обыкновение происходить в течение нескольких дней после сильных летних ливней, чередующихся с периодами изнурительной жары. Доктор Уильямс полагал, что жаркая влажная погода обуславливает жизненную активность этих существ.

— Мне говорили о том, что инциденты сопряжены также с жестокими бурями, и еще в разговорах упоминается какая-то старая церковь в Хиллсбери...

— Гм... вы совершенно правы, такая связь в самом деле существует. Доктор Уильямс обращал внимание на одно очень любопытное обстоятельство: после каждого дождя индейцы начинали издавать невероятный грохот, колотя в барабаны и какие-то полые металлические полусферы вроде больших котлов. Первым похищенным человеком был кузнец Паркер, однако он оказался единственным, чья судьба известна, -- примерно десять лет Паркер прожил в неволе у пеннакуков и ковал эти самые котлы из железа, которое индейцы выменивали или отбирали у белых поселенцев. В конце концов милфордским колонистам надоели эти без-

образия, из Бостона был вызван отряд королевских солдат, который с помощью местных ополченцев уничтожил Манкатук, перебил тамошних шаманов и воинов и разрушил капище, завалив камнями какие-то таинственные выходы из-под земли. К сожалению, не удалось найти никого, кроме кузнеца Паркера. Наступили долгие годы спокойствия, нарушенные в самом конце семнадцатого века присездом из Салема группы людей, выдававших себя за беженцев.

— Из Салема? Города ведьм? Как раз в то время там проходили знаменитые антиколдовские процессы под предводительством неистового Коттона Мэзера!

— Да, наша округа получила тогда печальную известность, дав приют весьма сомнительным личностям. Среди них особенно выделялся некий преспоподобный Каспер Стоктон, англиканский священник, которого подозревали в тайной приверженности баптизму, но доктор Уильямс был убежден в том, что он и его приспешники являлись адептами куда более зловещей веры, вероятно так или иначе связанной с паучьим культом. Салемцы поселились в построенном вместо Манкатука городе Хиллсбери и возвели там колокольню, вскоре ставшую объектом всеобщего страха и ненависти. Чего стоит хотя бы тот факт, что церковь была построена на обломках индейских идолов, покрывавших, как считал Уильямс, черную космическую скалу. Особую известность приобрел хиллсберийский колокол — огромное сооружение весом в добрых пятьсот фунтов, отлитое из индейских железных барабанов. Во время подъема в тысяча семьсот первом году он сорвался и упал, при этом от него отбился кусок величиной в две ладони. Горожане сочли это дурным предзнаменованием, и не напрасно, — вскорости дребезжащий звук дефектного колокола, разносимый во время ураганов на всю округу, стал символом новых несчастий. Недоброй славой пользовалась и мостовая, проложенная из Милфорда в Хиллсбери на средства салемских выходцев. Уильямс высказал предположение, что эта дорога служила удобным путем для зловредных тварей, раз в несколько лет совершавших свои ужасные вылазки. Что касается надтреснутого колокола и индейских барабанов, то по этому поводу у него была теория,

согласно которой их звон порождал специфический звук, длина волны которого, вероятно, соответствовала слуху внеземных пауков. Он еще говорил о каких-то резонансных эффектах, инфразвуковых частотах и прочих вещах из области акустики, но, по-моему, сам был в них не уверен, так что я их помню весьма смутно.

Занимаясь долгими исследованиями, доктор Уильямс пришел к выводу, что пришельцы живут в построенных рабами-индейцами подземных катакомбах, опасаясь яркого солнечного света. При этом старик выдвинул предположение о губительном для них воздействии какого-то участка спектра светового излучения. В то же время они предпочитают жаркие, душные ночи, когда температура поднимается выше девяноста градусов¹. Колокольный звон, особенно сильный во время бурь, пробуждает их от обычного состояния спячки, после чего они выходят на поверхность в поисках добычи. Уильямсу удалось установить, что у пришельцев есть специальное приспособление, с помощью которого они впрыскивают людям какое-то вещество и вызывают паралич, а затем утаскивают в свои берлоги.

Мой собеседник сделал паузу, сопроводив красноречивое молчание тяжелым вздохом. Я тоже молчал, не в состоянии произнести ни слова, настолько ошарашил меня рассказ ученика мудрого доктора. Изложенные им сведения казались абсолютно персальными, но по мере повествования я вспоминал факты, известные мною во время собственных исследований, и их полное соответствие истории патологоанатома буквально насильно заставляло меня допустить ее правдоподобие, от которого по спине поползли мурашки. Несмотря на то что я и сам был сторонником концепции, предполагающей посещение Земли представителями Иных миров, осознание опасности чужеродных членистоногих существ обладало меня липкой волной смутного ужаса, в которой мой рассудок рисковал захлебнуться. Кошмар двухсотлетней давности теперь чудовищным образом проецировался на мою жизнь и настойчиво требовал участия.

¹ По шкале Цельсия — около 32 градусов.

- Жуткие происшествя более или менее регулярно повторялись вплоть до войны с англичанами, когда Хиллсбери полностью выгорел, и вот уже полтора столетия его развалины покрыты травой и зарослями кустарника. Однако угрюмая колокольня по-прежнему высится на северном склоне Верескового холма, хотя некоторыми смельчаками, похоже кое о чем догадывавшимися, предпринимались попытки уничтожить ее. Но какая-то сила хранит зловещее строение, по крайней мере большинство из тех, кто отправился к колокольне, было найдено в чудовищно обезображенном виде, а некоторые и вовсе исчезли. И нет-нет да и происходят еще страшные события, подобные тому, что случилось здесь на днях. Последний раз нападение пауков (Уильямс настаивал на этой версии, хотя официальные власти отнеслись к нему с недоверием) было совершено в первых числах августа тысяча восемьсот восемьдесят первого года, когда мне было двадцать лет, а Уильямсу перевалило за пятьдесят. Мой наставник требовал от властей решительных мер, но, признаюсь, я поддержал точку зрения полиции, согласно которой космические пауки являлись плодом нездорового воображения спятившего пожилого доктора. На самом деле я верил ему, но меня удерживал от поддержки Уильямса дикий страх перед неведомым потусторонним злом...

— К чему же привели его изыскания?

— Мне больно говорить об этом... в этом также кроется моя вина. Уильямс однажды обмолвился, что, согласно последним находкам, пришельцы изначально вовсе не были пауками... Да, да, этот образ они выбрали здесь, на Земле, причем доктора Уильямса более всего тревожило, что их местное, то есть земное, обличье паучьим можно было назвать лишь условно.

— Что вы имеете в виду?

— Я хорошо помню, сколь потрясенным и испуганным он выглядел пятого августа тысяча восемьсот восемьдесят первого года, вернувшись из поездки в Бостон. По словам Уильямса, ему удалось обнаружить в одной из тамошних библиотек копии некоторых частей «Летописи черных солнц», принадлежащей руке мрачного рыцаря-храмовника Бернгария фон Лутца. Они так взбудоражили доктора, что

многие фрагменты его рассказа были практически бессвязными и непонятными для меня. В памяти сохранились только какие-то обрывочные фразы вроде: «Бесструктурные порождения Безумного Хаоса... То, что не является ничем и в то же время может быть всем... Слуги ужасных богов Внешних сфер... Чудовищные подражания паукам и другим земным тварям... Они обращают людей... крадут наши разумы...» — причем смысл этих высказываний по-прежнему остается далеко за пределами моего понимания. Уильямс уверял, что пришельцы имитировали отдельные части паучьей анатомии, когда миллионы лет назад выползли на поверхность астроблемы и встретились с бродившими по Земле различными формами здешней жизни, и остается только гадать, чем им приглянулись наши пауки. Уильямс подозревал, что некоторые другие части организма они позаимствовали у других земных обитателей, и в этой связи доктора очень взволновал вопрос, как же они выглядят на самом деле и что представляют собой сейчас? В «Летописях» Уильямс впервые увидел изображения псевдопауков. Рискнув репутацией, он тайно вырвал эти страницы, но вскоре, никому не показывая, уничтожил.

Это случилось за два дня до его исчезновения. Доктор Уильямс отправился к старой колокольне на Версском холме, намереваясь развеять ситуацию на предмет запланированной им операции по уничтожению церкви и ее подземелий. Он считал, что активность тварей длится неделю-полторы, после чего они прячутся под землей, и шансов обнаружить и убить их очень мало. Я не знаю ни одного случая, когда людям удалось захватить космических пауков, более того, почти никто из тех, кто видел их, не выжил. Даже мрачный тамплиер Беренгарий фон Лутц, по словам Уильямса, в своей книге приводит лишь весьма схематичный и бледный рисунок чудовищ. Мой учитель очень хотел собственными глазами увидеть их, но у меня такого желания не возникло. Постыдная трусость помешала мне сопровождать Уильямса в походе к развалинам Хиллсбери, ведь еще продолжался опасный период после сильной бури, а поиски пропавших за несколько дней до этого не увенчались успехом. Повторяю: никого из тех, кто исчез в районе Верско-

ного холма, не нашли, и я боюсь, что их печальную участь разделил несчастный Питер Мак-Тай, упаси Господь его душу! — И с этими словами заметно утомленный тяжелой работой, а еще более своей историей патологоанатом оставил меня.

Голова была полна тягостных мыслей. Теперь я уже насколько не сомневался в реальности существования зловещих пришельцев, и чем больше думал о них, тем более противоречивые эмоции испытывал. С одной стороны, время для борьбы с пауками, определенное отважным доктором Уильямсом в семь—десять дней, еще не вышло, и моя честь мужчины и полицейского взывала к отмщению за юношу и девушку, ставших жертвами проклятых уродов. Но как же мне было страшно оттого, что в скором времени предстоит неизбежная встреча с космическим злом! Силы небесные, откуда же набраться неземного мужества, чтобы взглянуть в чужие холодные глаза, в которых светится рок ненасытного безумия, рожденного там, где нет ни времени, ни пространства, ни формы, ни смысла...

От нарастающей депрессии меня спасло появление О'Грэйди, который сообщил новые дурные вести. Минувшая ночь ознаменовалась вторжением незнакомцев на ферму Сета Энглтона, расположенную неподалеку от Рок-Сайда. К счастью, обошлось без человеческих жертв, но, как сказал шериф, «такого страха, какого натерпелись за эту ночь бедный Сет и его жена, нам с тобой и не снилось в русской тайге даже посреди сотни красных чертей». Мне в ярких красках описали нападение неведомых существ величиной, кажется, с теленка на хозяйственные постройки Энглтона, во время которого некоторые из них, особенно хлев, были сильно повреждены. Погибли две коровы, которые были ужасным образом распотрошены, а также бесследно исчезла вся мелкая живность. Злодеи, имея, очевидно, неблагоприятные намерения относительно хозяев, попытались проникнуть и в дом, но крепкие двери, дополнительно заложённые большим количеством тяжелых предметов, спасли чету фермеров. Сет даже набрался незаурядной для здешних жителей смелости и через щель в забаррикадированном окне выпалил из охотничьей двустволки в сторону

нападавших. Правда, стрелял он наугад, но вскоре атака завершилась и пришельцы исчезли в лесу.

Около десяти вечера, когда начало смеркаться, Джо собрал весь штат полиции и устроил оперативное совещание. После того как каждым из моих не слишком воздержанных коллег было выпито не менее чем по десятку пинт¹ пива, шериф принял несвойственное ему отважное решение послать на Вересковый холм нескольких полицейских. Состав группы определился очень просто, а именно по принципу брачного положения. Неженатыми оказались патрульные Миллер и Брукс, а возглавить их выпало мне.

Выступление было назначено на раннее утро, незадолго перед рассветом: во-первых, в это время температура достигает своего минимума, а во-вторых, для долгой и, возможно, опасной работы у нас будет целый световой день.

Оставшиеся несколько часов я посвятил написанию писем родственникам на Юге, а потом долго проверял оружие и патроны. Наконец часовая стрелка достигла цифры «3», и, бросив взгляд на термометр (кажется, было 78 градусов²), я вышел на улицу. После жаркого и душного дня в воздухе ощущалась приятная свежесть, хотя, конечно, ни о какой прохладе не могло идти речи. На темном небе рассыпались гроздья звезд, и я долго всматривался в их сочетания. В детстве я очень любил разглядывать усеянный далекими снегами небосвод, но сейчас это занятие не доставило мне ни малейшего удовольствия, и я с радостью опустил взгляд вниз, привлеченный возгласами моих спутников.

Не обремененные лишним грузом (я взял свое канадское ружье, а остальные члены группы вооружились традиционными винчестерами), мы, в сопровождении моего четвероногого друга, очень быстро двигались по мощеной дороге и спустя немногим более часа миновали починенный мост через расщелину, а вскоре достигли Верескового холма. Все время дул довольно сильный ветер, и еще задолго до приближения к Хилдсбери мы слышали заунывные звуки, источником которых служила, очевидно, тамошняя колоколь-

¹ 10 американских пинт — около 4,7 литра.

² По шкале Цельсия — около 25 градусов.

ня. На холме дремучий лес приобрел совсем злоеший вид из-за огромных, криво растущих вязов, лип и густого темного подлеска, а старые кряжистые дубы с потрескавшейся корой, чьи густые, неимоверно разросшиеся кроны были сильно изуродованы молниями, делали эту чащу в высшей степени подозрительной. Деревья и высокие кусты там и тут вторгались на дорогу, разрывая ее каменное полотно своими корнями, так что во многих местах нам приходилось чуть ли не прорубаться сквозь плотную стену растений. Из-за образуемого сплетающимися ветвями деревьев полога нас окружала почти крошечная тьма, которую приходилось рассекать лучами фонарей, и признаки наступающей зари мы заметили, только выйдя на северный склон холма.

Здесь на протяжении всего пяти-шести сотен ярдов мрачный лес быстро разрежался и у подножия переходил в большую низменную пустынь, отделяющую холм от ближайшей северной возвышенности. Круглая впадина диаметром десять миль была изрезана оврагами и поросла довольно высоким кустарником, в котором преобладали вереск и терновник. Повсюду валялись обломки каменных, в основном гранитных или мергельных, глыб, которые были в изобилии покрыты осклизлым лишайником и камнеломкой. Я вновь заметил на них странные круглые следы, а также полосчатые отпечатки, словно от прикосновения какого-то массивного тела. Они очень пугали Рэя, и мне стоило немалых усилий успокоить его.

Ориентируясь по расколотым перезвонам церкви, мы в течение часа продирались сквозь колючие заросли, пока наконец не вышли к окраинам Хиллсбери. От самого городка почти ничего не осталось — лишь несколько дюжин осыпавшихся каменных остовов да островки высоченной крапивы на месте бывших скотных дворов. Зато прямо перед нами на фоне светлеющего, но еще сумеречного неба взметнулся вверх пилль окутанной сомнительными легендами церкви, которая немедленно приковала наше внимание. И признаюсь, что чем больше я разглядывал ее, тем больше терял уверенность, что какая-нибудь из известных мне легальных конгрегаций северных и южных штатов смогла бы заявить свои права на это весьма загадочное сооружение.

Вдоль церкви шла ржавая перекрученная ограда высотой два фута и семь-восемь дюймов, калитка которой была заперта на замок внушительного размера. Добротное изделие мастеров двухвековой давности невольно вызывало уважение, и мы не стали сбивать его, о чем я впоследствии сильно пожалел.

Стофутровая церковь находилась в плачевном состоянии, почти все каменные подпорки на арочных сводах фасада обвалились, а в больших трехчастных окнах, среди которых среднее имело вид розы, не сохранилось ни единого целого стеклышка. Поначалу не было видно ни одного из маленьких вимпергов¹, обыкновенно расположенных у основания крыши главной башни готических храмов. Позже мы в большом количестве обнаружили их обломки среди растущих у подножия церкви пожухлой травы, крапивы и лопухов.

Преодолев минутный трепет перед заброшенным зданием, где уже полтора века не ступала нога человека, мы перелезли через забор и подошли к двери. Несмотря на уговоры, Рэй наотрез отказался последовать за нами и лишь с упрямством и страхом смотрел на меня своими умными глазами, так что пришлось оставить его снаружи. Он проводил нас, жалобно скуля и повизгивая, а потом куда-то исчез.

С трудом открыв высокую внешнюю дверь, которая издавала жуткий скрип, мы прошли через два других портала, образующих вдающуюся внутрь храма паперть, и проникли в церковь. Даже при многочисленных признаках разрушения интерьер колокольни производил величественное впечатление. Огромное пустынное пространство, в котором гулко отдавались наши осторожные шаги и робкие голоса, только усугубляло жуткую атмосферу, царившую в этой юдоли унылого забвения и затаившегося ужаса. Полностью подавленные чудовищным психологическим прессом заброшен-

¹ *Вимперг* — высокий остроконечный декоративный фронто́н, завершающий порталы и оконные проемы готических зданий. Поле вимперга обычно украшалось ажурной или рельефной резьбой, по краям он обрамлялся каменными деталями в виде причудливо изогнутых листьев, на вершине помещался крест в форме распускающегося цветка.

ной церкви, мы прекратили разговоры и встали как вкопанные, пожирая глазами окружающую обстановку.

Центральный неф¹, от которого к боковым стенам вели узкие трансепты², был до крайности грязен. Пол покрывали кучи пыли и каменной крошки толщиной в ладонь, на которых не было видно ни единого следа. Вдоль стен шли высокие аркадные галереи, ниши были заставлены скульптурами весьма своеобразной паружности, отталкивающее впечатление от которых усугублялось странными символическими горельефами. Честно говоря, среди имеющихся здесь человеческих изображений я не встретил ни одного знакомого мне святого, да и виды других представленных фигур были навешены, пожалуй, не библейскими сюжетами. Очевидно, ваявший их скульптор отличался необычным художественным взглядом на религию и обладал, мягко говоря, странным воображением. В узорчатых орнаментах капителей, венчающих подпирающие потолочные арки легкие высокие пилястры, не угадывались традиционные рисунки — здесь не было виноградных, дубовых или ореховых листьев, а источником вдохновения создателю этих необыкновенных лепнин, как мне показалось, послужили неземные мотивы.

Спустя некоторое время оцепенение прошло, и мы приняли продиктованное успокаивающим отсутствием следов решение: разделившись, изучить скрытые помещения церкви. Брукс вызвался осмотреть ризницу, Миллер направился в залу левого корабля³, где виднелся черный вход в подвал, а мне достался второй ярус колокольни. Я прошел в залу правого корабля, отметив, что воздвигнутые у оконных простенков могучие контрфорсы и перекинутые от них к стенкам среднего корабля косые аркбутаны⁴ были практически разрушены. Похоже, покидая Хиллсбери, люди пыта-

¹ *Неф* — продолговатая часть романских и готических соборов и церквей стиля Возрождения, имеющая форму католического креста, простирающаяся от главного входа до хоров и покрытая сводами.

² *Трансепт* — поперечный неф.

³ *Корабль* — то же, что неф. Французское слово «неф» (nef) произошло от латинского *navis* (корабль).

⁴ *Аркбутаны* — подставки, наружные упорные арки готических соборов.

лись низвергнуть вызывающее у них страх здание, но не довели свое отчаянное предприятие до конца. Бросив еще раз взгляд на расходящихся в разные стороны коллег, я вновь испытал острую тревогу, но ее пересилило любопытство, разжигаемое желанием посмотреть на ставший притчей во языцех надтреснутый колокол.

Испещренная трещинами каменная винтовая лестница вывела в открытую башенную залу, обвитую красивой ажурной балюстрадой. Заглянув наверх, я нашел начало водосточной трубы, аранжированной большой горгульей, которая, по-моему, была выполнена чересчур живо и выразительно. Но вот наконец передо мной появился пресловутый колокол, в чьем боку зияла портящая его выбоина. Он беспрестанно раскачивался и гудел, а во время более сильных порывов ветра издавал до боли неприятный грохот. Осмотрев потемневшую от времени поверхность, я обнаружил отлитые на ней подозрительные значки. Они весьма напоминали те пиктограммы, что мне доводилось встречать в отрывочных копиях ужасных «Летописей черных солнц», таблиц Офоиса, а также таинственного манускрипта «*Rapno negro*»¹, чье авторство приписывают людям из различных стран и эпох, объединенных одним — зловещей репутацией, основанной на увлечении самыми темными культами. Я хотел было перерисовать эти символы себе в блокнот для последующего более тщательного изучения, но потом передумал.

Открывающийся с высоты восьмидесяти футов пейзаж поражал тоскливостью. С юга на север шла цепочка покрытых сумрачными лесами холмов, на склонах которых петляли сырые балки и овраги, а по их руслам ручьи стремили свои воды в заболоченные озерца, прячущиеся в замкнутых понижениях большой впадины. На западе змеилась зеленая пойма Мискуоша с темно-синей лентой реки посередине, покрытая клубами утреннего тумана, принимающими причудливые, часто пугающие формы. Что было за пей, я почти не видел, и лишь поверх белесой мглы едва угадывались вершины Адлеганских гор. На восток уходила пологая, постепенно возвышающаяся лесистая равнина, вдали сменяющая-

¹ В переводе с варварской латыни «Черный паук».

ся обыкновенными для здешнего ландшафта круглыми и конусообразными холмами. Нигде во всей округе, насколько хватало глаза, не было заметно никаких признаков современной человеческой жизнедеятельности — ни домов, ни пашен, ни пасущихся на богатых окрестных лугах стад. Лишь ветер печально шевелил пыль и листья в каменных обломках мертвого города Хиллсбери, да к югу вела почти заросшая мостовая дорога. И еще я знал, что за ближайшими холмами огородились от зловещего дыхания обитателей Верескового холма несколько мелких ферм и поселков лесопромышленных артелей. Сейчас передо мной простирался дикий ностронутый край, чье, по нынешним временам, противоестественное целомудрие хранила неведомая сила явно неместного происхождения — сила, очевидно, враждебная человеку. Ни разу мой слух не порадовала песня какой-либо птицы, не было слышно даже обычной трескотни насекомых.

Мои меланхолические размышления о тайнах хиллсберийской церкви были внезапно прерваны ужасными криками и звуками выстрелов, после которых за оградой появился мой пес. Он громко залаял и принялся носиться вдоль забора, не решаясь, однако, проникнуть внутрь. Я крикнул ему что-то ободряющее и, по военной привычке проверив винтовку и боеприпасы, принялся быстро спускаться на помощь попавшим в беду товарищам.

Вновь оказавшись на первом этаже, я заметил, что из ризницы через подножие кафедры в сторону левого нефа шли длинные смазанные полосы, говорившие о том, что Брукс поспешил на выручку к Миллеру, дав мне указание, в какую сторону двигаться. Я быстро нырнул в ведущее в полуподвал отверстие и очутился в темном коридоре, обитом изъеденными жуками деревянными панелями. Короткий, всего несколько ярдов в длину, он расширялся к противоположному концу, выходящему в сводчатое подземное помещение, чей потолок перекрывали две или три вышербленные каменные арки. На полу лежал толстый ковер пыли и обломков всякой рухляди, нарушенный пятнами всевозможных форм, среди которых, как мне показалось, были не только человеческие следы. Из большого полукруглого окна струился свет. Бросалось в глаза, что окно было кем-то

намеренно, хотя и не очень умело, расширено, — в каменной кладке его краев не хватало множества кирпичей, чьи обломки в изобилии покрывали пол. В виднеющихся через проем зарослях крапивы и чертополоха имелась широкая тропа, происхождение которой меня сильно озадачило.

Я принялся лихорадочно осматривать подвал в поисках пропавших полицейских. Наконец среди остатков каких-то бочек в дальнем углу помещения я обнаружил уходящий в недра земли ход, из отверзшегося зева которого в лицо мне дохнул вызывающий нестерпимый озноб ужас сырой могилы. Мою дрожь усугубляло то обстоятельство, что кромка входа в дыру была заляпана каплями красной жидкости, которую я без труда опознал как кровь, а также таинственной оранжевой фосфоресцирующей слизи. Оставалось только гадать, что бы это могло быть.

Стоя на краю ямы, я и не подозревал, что лишь несколько секунд и футов глубины отделяют меня от прошлой жизни, которую теперь, при всех ее трудностях и бурных перипетиях, я не могу не считать счастливой. Совершив решительный спуск по ходу, идущему под углом около сорока градусов, я четко установил рубеж в своем жизненном пути: до и после... До и после самого кошмарного события в жизни человека, пребывавшего в блаженном неведении. С этого момента мое сердце наполнено неизбывным страхом, коему не может найтись лекарств и никогда, до самой смерти, не настанет спасительного смирения.

После того как я очутился на дне ямы глубиной полдюжины футов, мой взгляд, направляемый лучом фонарика, дюйм за дюймом обшарил окружающее пространство и выхватил в обступившей меня тьме несколько предметов. Первыми из них оказались обломки двух полицейских винчестеров и россыпи гильз. А затем я не удержался от испуганного вскрика, когда увидел чудовищно истерзанное тело Брукса, у которого были разорваны голова, горло, грудь и живот. Вокруг все было забрызгано кровью, валялись опметки человеческих внутренностей, а мстами на земле светились отвратительные оранжевые пятна.

Некоторое время я сидел, прислонившись к стене. Поначалу мысли целиком определялись ужасным зрелищем

убитого коллеги. Несмотря на отчаянные усилия, взгляд невольно падал на его труп, и возникающие при этом чувства толкали меня вернуться в Милфорд и собрать подмогу.

Но затем я подумал о Миллере, о том, что, может быть, еще есть шанс спасти его. Мало-помалу я осознал, что негоже бросать друга на произвол судьбы, а вернее, на произвол гнусных тварей. Мне вспомнились назидательные рассказы бабушки про деда, служившего капитаном артиллерии в армии Ли и совершившего немало славных дел до того, как в апреле 1865 года он погиб при обороне Ричмонда. По словам бабушки, он очень презрительно отзывался о тех, кто предпочитал сбегать с поля боя — якобы за подкреплением, а в действительности ради сохранения своей жизни, в то время как в опасности оставались раненые солдаты.

Оправившись после первоначального шока, я хладнокровно перезарядил ружье, вставил в фонарь новые батарейки и приготовился идти дальше по мрачному логову космического зла. Спустя некоторое время, когда я прошел около трех сотен ярдов, стали встречаться разветвления, которые уводили в боковые коридоры. Приходилось гадать, какое из них выбрать в качестве дальнейшего маршрута, и я подолгу стоял возле каждого входа, прислушиваясь в надежде, что до меня донесутся хоть какие-то звуки.

Я попеременно обращал свет фонаря в разные стороны и внимательно вглядывался в суглинистые стены подземных ходов. Каков же был мой ужас, когда в одном из ответвлений я увидел подозрительную темную массу, которая стремительно приближалась.

Спустя несколько мгновений мои подозрения обрели реальное подтверждение — на меня надвигалась внушительная толпа космических пауков, видимо привлеченных грохотом недавней стрельбы. С удивительным спокойствием я послал в сторону наступающих уродов несколько пуль, каждая из которых нашла цель, на что указывали болезненные вскрикивания. Вкупе с бьющим по их чувствительным органам зрения электрическим светом эта мера имела неплохой для меня результат — обескураженные припелыцы ос-

тановились где-то ярдах в двадцати. Пока что я не мог толком разглядеть их, и это обстоятельство скорее радовало меня. Почему-то мне показалось, что большинство этих существ испытывает некую боязнь перед электрическим фонарем.

Я воспользовался замешательством пауков и, на ходу повторно заряжая ружье, юркнул в другой коридор, где стояла обнадеживающая тишина. Не помню, сколько ярдов я успел пробежать, прежде чем луч фонаря, верно служивший проводником в мире вечной тьмы, начал описывать сложнейшие кривые. Виною тому стали конвульсивные движения левой руки, до сих пор крепко сжимавшей фонарик. А затем плотный, гнетущий воздух подземелья разорвался от окончательно сокрушившего мои нервы звука. Я даже не пытаюсь точно описывать его, поскольку никогда ранее мне не приходилось слышать ничего подобного. По моим барабанным перепонкам больно ударила волна чудовищной какофонии, невообразимой смеси воющих, визжащих, реющих, стенающих, хрипящих звуков, имеющих один источник.

Думаю, мой рассудок просто не выдержал открывшейся глазам сцены, и заработавшее вместо него подсознание наконец послало левой руке сигнал выключить свет, а правой — непрерывно нажимать на спусковой крючок карабина. Но и при вспышках во время выстрелов я с расстояния пяти—шести футов наблюдал самое кошмарное зрелище, которое когда-либо оскверняло лик Земли.

На меня яростно пялилось едва поддающееся описанию существо, идентифицировать которое как паука можно было весьма условно. Непомерно раздувшееся человеческое туловище, приобретшее вид покрытого мерзкими волосками эллипсоида пяти футов длиной и трех шириной и высотой, по бокам имело по четыре пары странненьких, двучленных конечностей — то ли человеческих рук, то ли ног, но без кистей и ступней — и вдобавок неестественно вывернутых и растянутых. Места сочленений в суставах были покрыты омерзительными чешуйчатыми складками, а кончики лап уроды, как я заметил на поднятой передней конечности, были чрезвычайно острыми и обладали какими-то приспособ-

лениями, похожими на присоски. Мощная грудь с выступающими выгнутыми ребрами раздувалась и сокращалась с равномерностью кузнечных мехов, гулко втягивая и выбрасывая воздух. Но самым поразительным у этой твари была голова. Посаженная на длинной и очень гибкой тонкой шее, она удивительно, я бы даже сказал, кощунственно точно подражала человеческой, только совершенно лишенной волосяного покрова и с извращенной нижней челюстью, в которой проглядывали кошмарные клыки.

Увы, пять ранений, которые я нанес чудовищу, не только не уничтожили его, но, кажется, даже возбудили. К тому же это существо, как ни странно, вовсе не выказывало признаков страха перед моим фонарем, как его соплеменники. Скорее, свет лишь раздражал его. Издав трубный возглас, монстр с невероятной легкостью кинулся на меня. Но секундой ранее ноги сами понесли меня из этого ада, где на моих глазах совершалось в высшей степени греховное действие. В голове молотом стучала даже не мысль — импульс: как можно скорее выбраться из проклятого прибежища инопланетных монстров.

Выротив оказавшийся фактически бесполезным карабин, я стремительно помчался по коридору, шаг за шагом оставляя позади врагов рода человеческого, и непрестанно вспоминал молитвы, которым меня учили родители (со стыдом признаюсь, что в юности я без особого рвения относился к этим урокам). Помню, я не очень связно бормотал что-то вроде: «Царь Небесный, Утешитель Дух истины, везде находящийся и все наполняющий, источник всякого блага и Податель жизни, приди и поселись во мне, и очисти меня от всякого греха и спаси, Благий, душу мою». Не знаю, к месту ли были эти слова, но, когда впереди забрезжил свет, сулящий выход из проклятого подземелья, я чуть не расплакался от радости. Из груди вырвались восторженные крики, спасение казалось все ближе и ближе... Еще немного, считанные шаги...

Только чудом я не потерял сознание, когда буквально в ярде за спиной у меня раздалось омерзительное карканье, едва напоминающее человеческий смех. Ах, это извечное губительное желание всех беглецов — обернуться и посмот-

реть, где находится преследователь. Это желание подвело и меня. Я резко оглянулся и увидел ненавистную рожу чело-векопаука, искривленную в подражающей улыбке гримасе. Моего мимолетного промедления хватило монстру, чтобы сбить меня с ног всей своей тяжелой тушей. Попутно он очень сильно ударил меня ладью по боку, нанеся глубокий, обильно кровоточащий порез. От дикой боли я на мгновение замешкался, а злобная тварь продолжала яростно атаковать и вырвалась мне в левое запястье. К счастью, его разбитые пулями зубы соскользнули, оставив лишь большую царапину, но из-за сильного рывка моя кисть оказалась вывихнутой. Почти парализованный нестерпимой болью, я все-таки собрался с силами и предпринял последнюю попытку сопротивления. За поясом у меня находился охотничий нож, который я правой рукой всадил пауку в горло, а когда его шея нес естественно выпнулась и клацающая пасть отвернулась от моего лица, всунул ему в рот фонарь. Продолжая непроизвольно щелкать пастью, пришелец раздавил его и поперхнулся металлическими обломками.

Эта короткая пауза дала мне возможность выползти из подземелья в подвал, где моим союзником был солнечный свет, уже ярко заливавший через окошко почти все помещение. К моему большому сожалению, в подвале не было ни одного предмета, который можно было бы использовать в качестве защиты, и я с досады лишь запустил в копошащегося внизу паука увесистыми обломками кирпичей. На него это не произвело впечатления, зато я с тревогой заметил, что он уже избавился от пожара и лезет к выходу. Свет его, безусловно, раздражал, но не в такой степени, в какой мне бы хотелось. Я в отчаянии бросился по лестнице наверх, на первый этаж церкви (слово «бросился», впрочем, вряд ли было применимо ко мне — слава богу, лестница была не отвесной, а довольно пологой, иначе, вероятно, я бы не смог проползти). Чудовище хоть и не так резво, как в подземелье, но все же очень упорно преследовало меня, правда, уже заметно припадало на одну раненую лапу. Оставляя после себя две полосы — одна красного, другая оранжевого цвета, — мы тащились по грязному полу, и расстояние между нами мало-помалу сокращалось.

Добравшись до двери, я с ужасом убедился, что оставшихся у меня скудных сил не хватает, чтобы повернуть ее на проржавевших петлях. Я несколько секунд безуспешно толкал ее, пока наконец меня не потряс страшный удар в бедро нетронутой ноги. Паук проткнул меня своей остроконечной лапой, однако вызванный новой болью стресс породил в организме удвоенный порыв усилий, который позволил мне открыть дверь. С губ моих сорвались слова еще одной всплывшей в памяти короткой молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, по молитвам Пречистая Твоя Матери и всех святых, помилуй меня!» И тут через открывшийся проем в здание с лаем и рычанием ворвался Рэй. Благородное животное бесстрашно кинулось на выручку своему хозяину и вцепилось в горло монстра, из которого непрерывной струей потекла оранжевая слюна. Я кое-как оторвался от паука, занятого битвой с собакой, и полез к ограждающему колокольню забору. Конечно, мне было очень жаль оставлять четвероногого друга один на один с разъяренным чудовищем, но я надеялся, что ему удастся благодаря своей верткости избежать тяжелых ранений и оторваться от врага.

Доползая до ограды, я только тогда вспомнил, что мы оставили на ней замок, а значит, придется перелезть через забор. В нормальном состоянии я без малейших стараний перепрыгнул бы через него, но теперь невысокая ограда казалась неприступной крепостной стеной. В отчаянии я уткнулся в нее головой и дрожащими пальцами сжал металлические прутья.

Вдруг я услышал, как рычание Рэя сменилось жалобным визгом и стоном, который резко оборвался торжествующим ревом космического паука. Мое сердце сжалось от скорби, а душа преисполнилась ненависти к проклятому выродку. Я оглянулся и увидел, что паук, теперь хромя уже на четыре лапы, движется за мной. Его сильно шатало, а по многочисленным пятнам оранжевой крови я понял, что в битве с Рэем ему пришлось несладко. Паук непрестанно ежился и морщился, вероятно от солнечного света, но преследование не прекращал. Страх придавал мне немного сил, и я, ожесточенно двигая руками и плохо повиновущимися ногами, попытался вскарабкаться на забор.

Уже через минуту я совершенно выдохся, не достигнув особых успехов в преодолении этой высоты, а мой враг между тем подползал все ближе и ближе. Похоже что каждое движение стоило ему больших усилий, а длинные тонкие конечности то и дело подгибались, увязая в сыпучей песчаной земле.

Тот период времени, что я находился возле ограды, стал самым напряженным испытанием. Я уже плохо соображал, что происходит, в глазах двоилось и мутилось, что усугублялось быстрой сменой яркого света и тени из-за несущихся по небу туч. Дистанции до любых объектов в моем восприятии постоянно искажались, так что вершина забора представлялась мне вознесенной выше крон деревьев, а шпиль колокольни я видел на расстоянии вытянутой руки, причем он ходил из стороны в сторону и извивался. Бешено раскачивающийся из-за сильного ветра колокол издавал сводящий с ума звон, аккомпанементом которому служил вой прищельца. Видя, как неумолимо продвигается в мою сторону чудовище, я своим голосом тоже вносил долю во всеобщую звуковую вакханалию.

Наконец паук снова настиг меня и ударил по голове, рассекши мне лоб и щеку. Это столкновение на несколько секунд привело меня в чувство, и я сунул руку в карман и отыскал там предмет, которому было суждено стать моим последним спасительным средством. Это был обыкновенный коробок спичек, но сейчас цена его в моих глазах была неизмеримой. Судорожно сжав его в почти онемевшей левой руке, правой я вытащил одну спичку, зажег ее и подпалил коробок. Испугавшийся паук попытался укрыть морду, но я храбро запихнул пылающую коробку прямо в его, уже изрядно пострадавшую, пасть.

Раздавшийся визг заглушил колокольные раскаты. А затем гнусная тварь, конвульсивно дергаясь и хрипя, рухнула на землю. Не знаю, сколько времени я сидел, смеялся и плакал, наблюдая, как прищелец в муках издыхает. Его дикие вопли казались мне сладостной мелодией, а блеск разлетающихся орапжевых капель заставлял меня жмуриться от удовольствия.

Вскоре, однако, меня захватило любопытство. Не обращая внимания на собственные кровотокающие раны и совер-

шенно позабыв об осторожности, я подполз к агопизирующему монстру и тщательно осмотрел его. В задней части монстра обнаружились бородавки, в которых у пауков размещаются выделяющие паутину железы, однако у этого создания, как мне показалось, эти органы были либо атрофированы, либо являлись ложными из-за неправильного подражания настоящим паукам. Взглянув на его голову, я увидел, что из разверстой от боли пасти чудовища высовывается вторая четыреххвостчатая челюсть с чрезвычайно острыми и прочными зубами, в которой, в свою очередь, виднелся извивающийся щупальцеобразный отросток с шипом на конце. Я сразу подумал, что именно это служит монстру для выпрыскивания парализующего яда. Вспомнив о погибших молодых людях и моем товарище, чью смерть я приписывал корчащемуся сейчас у моих ног монстру или его сородичам, я испытал неукротимый гнев и, не удержавшись, несколько раз ударил его подвернувшимся под руку камнем по голове, из которой брызнуло что-то вроде человеческого мозга.

Мало-помалу моим сознанием завладела мысль, поначалу показавшаяся бредовой. Но по мере того как я вглядывался в верхнюю часть морды... или лица?... эта мысль становилась все устойчивее, определеннее. А окончательно я уверился в своей идее в тот момент, когда существо в последнее мгновение своей жизни еще раз пристально, со странным выражением посмотрело на меня. Эти два глаза... как же они мне знакомы!.. Боже, ведь я знаю эти голубые глаза, нос... я знаю это лицо... лицо Питера Мак-Тая, хорошо знакомое мне благодаря фотографии. А сейчас... сейчас я созерцал его нечестивую имитацию, гнусную пародию на человеческий облик, которую не создал бы ни один земной организм.

Не желая ни секунды оставаться рядом с этим кошмаром, я каким-то фантастическим усилием моментально достиг верха забора и, больно натываясь на торчащие фигурные завитушки, перекатился на другую сторону. Истерично всхлипывая, я потащился прочь. А затем наступили долгая темнота и беспамятство.

Больше недели, почти не подавая признаков жизни, я пролежал в палате милфордской городской больницы. Со-

знание вернулось только 18 июля. По словам врача, иногда, в лихорадочном припадке, я произносил различные загадочные фразы, которые казались окружающим людям полным вздором. Наиболее частым среди них было странное выражение «Они обращают людей!», вызывавшее у меня самое бурное волнение.

Понемногу восстанавливая душевные силы, я начал узнавать дополнительные подробности того рокового дня, когда едва не погиб. Шериф сообщил, что вечером 9 июля, встревожившись из-за долгого отсутствия посланной в Хиллсбери группы, он организовал новый отряд, который на двух повозках двинулся по дороге к Вересковому холму. Уже начало темнеть, когда пошел дождь, быстро перешедший в ливень, и вскоре колеса телег стали проваливаться в почву по самую ось. Большинство добровольцев-спасателей порядком перепугались и выразили желание перенести экспедицию на завтрашний день, и О'Грэйди пришлось пустить в ход все свое недюжинное, по местным понятиям, красноречие.

У самой границы дремучего леса и хиллсберийской пустоши они обнаружили вызвавшее некоторую панику человекообразное существо, которое то на четвереньках, то ползком пробиралось по размокшей земле. Его тело было покрыто забрызганными грязью, кровью и какой-то отвратительной оранжевой жидкостью лохмотьями, отдаленно напоминающими форму полицейского. При встрече с милфордцами в безумных глазах существа промелькнули туманные признаки мысли и оно разразилось потоком нестройных речей. Больше всего Джо был удивлен тем, что в этот момент я (мне было не очень приятно слушать, как меня сравнивали с самым жалким имбецилом, но, по-видимому, в той ситуации я вполне заслуживал такой аналогии) принялся вслух декламировать по памяти целые псалмы. Честно говоря, не припоминая, чтобы за последние пятнадцать лет я хоть раз заглядывал в псалтырь, и лишь иногда в голове бродили тени воспоминаний, как мать в детстве читала мне эту книгу.

С максимальной осторожностью меня отвезли в Милфорд, где поместили в клинику под самым внимательным надзором лучших докторов. К большому сожалению, остатки

моей одежды были отправлены незадачливыми спасателями в костер, и мы лишились возможности исследовать сохранившуюся на ней кровь пришельцев. Впрочем, твердо решив держать все события 9 июля в тайне, я не стал упрекать их за этот поступок из опасения привлечь нежелательное внимание к важным уликам, о которых лучше никому не знать.

Даже при наилучшем уходе, особенно заботливом со стороны молодых медсестер, я смог поправиться только к середине осени. К счастью, температура воздуха со второй половины лета стала снижаться, и в августе-сентябре почти не превышала 65—70 градусов¹, результатом чего явилось отсутствие новых трагедий.

13 октября, не имея на то разрешения главного врача, я покинул палату и вечером того же дня с заговорщическим видом явился в дом Джо О'Грэйди. Затаившись от любопытных взоров его жены и детей, мы долго сидели на чердаке, обсуждая планы предстоящей акции в отношении церкви в Хиллсбери. Я, правда, не стал посвящать его во все подробности увиденных там явлений, ограничившись версией о том, что преступления совершали мутировавшие до гигантских размеров пауки. По-моему, друг не вполне поверил мне, но такое объяснение, казалось, успокаивало шерифа, и он всеми силами старался заставить себя безоговорочно принять его.

Утром следующего дня мы открыли свой план третьему человеку — мистеру Дж. К. Чэпмену, который служил сапсом в армии и многократно практиковал взрывное дело на европейских полях сражений Великой войны. Раздобыв несколько фунтов динамита, что оказалось возможным благодаря обширным связям шерифа, мы тайком от всех пришли к развалинам Хиллсбери, дабы привести свой план в исполнение и тем самым избавить милфордскую округу от долгое время грозившей ей смертельной опасности.

Внимательно осмотрев окрестности колокольни по периметру, мы обнаружили то, что осталось вне моего с Бруксом и Миллером внимания, — в металлической ограде напротив подвального окна зияло большое отверстие, причем у нас создалось впечатление, что железная конструкция была бук-

¹ По шкале Цельсия 18—21 градус.

важно прогрызена, о чем позволяли судить рваные зазубрины по краям дыры. Очевидно, именно тут чудовища выходили на свою ужасную охоту. При мысли о том, какой опасности я мог бы подвергнуться, вздумай кто-то из оставшихся в недрах церковных подземелий чужаков вылезти наружу и, пользуясь этим ходом, настигнуть меня, сердце заколотилось от дикого ужаса. Никаких следов паука, с которым я столь долго сражался, мы не нашли. Может, он все-таки остался жив и уполз обратно в свою нору. Или его труп забрали собратья. Но больше всего меня огорчило то, что мы не нашли тела Рэя, ставшего, по-видимому, добычей мерзких существ.

Пока я отдыхал, О'Грэйди и Чэпмен заложили взрывчатку возле колокола. В результате взрыва второй ярус завалился набок и, падая, пробил крышу левого корпуса церкви. Каменная масса весом в несколько тонн рухнула, хороня под собой подвал с входом в проклятые подземные лабиринты космических тварей. Осколки разбившегося колокола мы аккуратно собрали и впоследствии расплавили в кузнице Пойнт-Арка. Хиллсберийский ужас, как мы надеемся, оказался навеки погребен под огромным тяжелым завалом, и сокрытые в своем логове инопланетные чудовища вряд ли располагают силами самостоятельно выбраться из этого склепа. Должно быть, они впали в летаргию, пока что-нибудь не разбудит их и не позовет на совершение новых злодеяний. А пока в районе Врескового холма воцарился покой, который, хотелось бы верить, сохранится здесь, пока живо человечество.

Жители Милфорда и соседних деревень постепенно забывают о страшных событиях лета 1920 года. Лишь один человек обречен мучиться до конца своих дней от частых кошмарных снов, сюжетом которых служит одна и та же сцена. Побывав в гнусном подземелье, я понял, что же имел в виду мрачный тамплиер Беренгарий фон Лутц, обронивший в «Летописях черных солнц» слова «Они обращают людей», которые я раньше считал своеобразной метафорой. Я своими глазами наблюдал, как они обращают людей.

Тот момент, когда я встретился со своим врагом в темном коридоре... Чудовище было не одно. Оно триумфально возвышалось над лежащим на полу Миллером, который

был еще жив и с мольбой смотрел на меня. А рядом с ним распластался медленно выползающий из разверзшейся пасти жуткой твари ужасающий студенистый ком какой-то протоплазмы, явно ворвавшейся на нашу планету из таких глубин космоса, которых нельзя вообразить. Этот ком чем-то напоминал фалангу, но в сравнении с ним членистоногий обитатель Земли выглядел шедсвором, эталоном красоты и миролюбия. Непрестанно меняющее форму тело паукообразного создания стояло на хилых, подгибающихся лапках, а из его многочисленных голов с двумя пастьями, усеявших туловище, протянулись вереницы сосудистых щупалец, через которые в Миллера впитывалась оранжевая жидкость.

В течение двух-трех десятков секунд человек претерпел чудовищные изменения, сопровождающиеся выламыванием рук и ног, отращиванием новых конечностей, раздутием тела, которое покрыли жесткие волоски, в то время как его собственный волосаной покров отваливался. В его открытом рту была видна образующаяся внутренняя челюсть, из которой выглядывало мерзкое колючее щупальце и раздавался ужасный крик.

А потом тот, кто некогда был человеком, носившим имя Миллер и служившим в полиции города Милфорд, посмотрел на меня. И я не мог не задаться вопросом, какая кощунственная трансформация сознания вызвала неопишемую ненависть и злобу в его осмысленном взгляде?

И по сей день я со страхом думаю о том, что встреченные мною пауки когда-то были и, что самое страшное, частично оставались людьми. Бесформенные монстры не только использовали для построения своих отродий тела похищенных людей. Эти нечестивые гибриды обладали еще и разумами несчастных жертв.

Вот почему паук с головой Питера Мак-Тая, в отличие от своих сородичей, не боялся электрического света. Ведь другие существа были порождены из людей старой эпохи, не знавших, что такое электрический фонарь. А Питер Мак-Тай — наш современник — знал. Как знал это и поглотивший его сознание пришелец.

Борис Лисицын ЛИЛОВАЯ МГЛА

Труп, сгнивший труп
Ожил и ходит! Ужас! Ужас!

У. Б. Йитс¹. Чистилище

I

Знакомые часто удивляются моему предубеждению относительно научно-технического прогресса. На их глазах мое отрицательное мнение касательно всяческой новизны непрестанно усугублялось все более дерзким вторжением человечества в древние пласты первозданных тайн Земли. Вопросы о причинах такого скепсиса стали с недавних пор невыносимо назойливыми, и мне ничего не остается, кроме как поведать о тех страшных и трагических событиях, что так резко повлияли на меня.

Откровенно говоря, я и сам в молодости был горячим поклонником всякого рода новинок. Я твердо верил, что бурное развитие цивилизации приведет к эпохе процветания и благоденствия. И я был далеко не одинок в своей слепой, ни на чем не основанной, кроме собственных иллюзий, вере.

Одним из наиболее ревностных адептов прогресса, которых мне доводилось знать, был мистер Мозес Барт — управляющий Массачусетским отделением фирмы, в которой я некоторое время работал. Наша компания занималась всевозможной строительной и горнодобывающей деятельностью и до того злосчастного инцидента, о котором я собираюсь рассказать, играла важную роль на Северо-востоке. И именно благодаря заслугам Барта, падкого на раз-

¹ Уильям Батлер Йитс (1865–1939) — ирландский поэт и драматург, вдохновитель культурного движения 1890-х годов «Ирландское возрождение».

ного рода успешные технологические инновации и вдобавок поразительно удачливого в коммерческих делах.

Руководство фирмы планировало начать изыскания в районе мелкого городка Милфорд, на севере Массачусетса, где было обнаружено крупное месторождение ценных видов глин, поэтому меня пригласили в Бостон. Там я и познакомился с мистером Бартом, а также с организатором геологической разведки — профессором Массачусетского технологического института доктором Джастином Ленноксом. Чуть позже меня представили еще одному примечательному персонажу этой истории — молодому инженеру Иштвану Ферьянци, с которым меня вскоре связали весьма близкие отношения.

Сам по себе Ферьянци был не очень выдающейся личностью, и поначалу он даже немного раздражал меня. Причиной тому служили его непомерный снобизм и кичливость — продукты иммигрантских комплексов. Ферьянци приехал с родителями в Америку в уже достаточно зрелом возрасте (кажется, лет пятнадцати) и по-прежнему далеко не блестяще изъяснялся по-английски, а в письмах часто допускал орфографические ошибки. Зато его лексикон изобиловал сомнительными жаргонными словечками, которые, по его мнению, придавали ему статус истинного американца. Ферьянци отказывался говорить на родном языке с соотечественниками, которых ему приходилось иногда встречать, и даже требовал называть его исключительно Стивеном.

Впрочем, все эти его чудачества меня не слишком troubled. В конце концов, оба мы были профессионалами и главной для нас была работа. Хотя сложно сказать, чтобы нас особенно интересовало то, чем мы занимались. Да и район приложения труда не впечатлял. Что интересного может быть в Новой Англии и тем более в каком-то захолустном Милфорде, который я заведомо считал обителью всего самого заурядного и скучного в окружающем мире?

Но бизнес есть бизнес, и 10 мая мы в обществе Барга и Леннокса покинули Бостон вслед за оборудованием и рабочими, пересекли половицу Массачусетса и к вечеру следующего дня добрались до конечной точки маршрута.

Вопреки моему пессимистическому настрою, Милфорд и округа произвели самое благоприятное впечатление. Этот маленький городок раскинулся на обоих берегах неторопливого Мискуоша, текущего на юг и отрезающего от Зелёных гор небольшой отрог, к которому примыкает городская территория. В извилинах уютной живописной долины расположились невысокие зелёные холмы с закруглёнными вершинами, суровые густые леса, почти не знавшие топора и пилы, мелкие озёра и болота, плодородные заливные луга и заботливо возделанные пивы. Они сплетались в очаровательную мозаику, чью прелесть не смог бы оценить по достоинству только самый черствый и невежественный человек. Наш приезд пришелся на чудную пору, когда все деревья и кустарники оделись пышной сочной листвой, почва покрылась изумрудной травой, а разнообразные цветы сверкали восхитительными красками. Воздух был насыщен душистыми ароматами, и казалось, что каждый квадратный дюйм этой благодатной земли излучал добро и умиротворение.

Кое-где в долине были разбросаны крохотные деревушки и отдельные фермы, органично вписывающиеся в почти девственный ландшафт. И все здешние дорожки и тропы, как говорится, вели в местный Рим, то есть в Милфорд. Этот город своей застройкой чем-то напомнил мне Провиденс, где я несколько раз бывал по служебным делам. Самая старая часть находилась у реки и занимала наиболее низкое место, от которого растущий город медленно карабкался вверх по склонам окружающих холмов.

Проезжая по Милфорду, мы разглядывали Новый город, с его довольно молодыми зданиями с остроконечными кровлями. Тут ровными рядами стояли respectable кирпичные особняки и солидные деревянные дома с узкими, обрамленными двойными колоннами портиками изящных фасадов. Каждый дом был окружен обширными ухоженными палисадниками и клумбами, обнесёнными витиеватыми железными оградами. Местами на глаза попадались маленькие белые фермы двухвековой давности, теперь поглощённые городом.

Нижний — Старый — город, в свою очередь, отличался строениями, огороженными каменными заборами, с входами,

в колониальном обычае затененными навесами. Мы с Иштваном с восторгом разглядывали прекрасное наследие дореволюционной эпохи — окруженные пилястрами деревянные дома с двумя входами, а также еще более древние постройки с двускатными крышами и остатками скотных дворов — ровесники зарождения Милфорда. Сердцевину города образывало столпотворение представительных домов с величественными куполами и шпилями — ратуша и ряд прочих административных зданий, колледж, школа, госпиталь Святой Варвары и несколько принадлежащих разным конгрегациям церквей. Неподалеку находился довольно тихий городской рынок, спускающийся к кварталу стоящих на высоких сваях строений, что занимали периодически заливаемые участки речной поймы. Несколько высоких трехпролетных каменных мостов с затейливыми балюстрадами соединяло жилую, западную часть Милфорда с восточной, где преобладали всякие хозяйственные постройки — мастерские ремесленников-кустарей, кузницы, пилорамы, пара старых покосившихся водяных мельниц, торговые лавки, склады и амбары. Между узкими пирсами и причалами небольшой пристани, где, казалось, время задремало и застыло с георгианской эпохи, покоились миниатюрные яхты и лодки, в большинстве своем ветхие и давно вышедшие из употребления.

Мирная атмосфера Милфорда вдохнула в нас с Ферьянци необыкновенное лирическое настроение. Мой друг написал дюжину романтических стихов, любопытных по содержанию, но довольно плохих (по моему, не высказанному Иштвану мнению) по форме. Я, в свою очередь, испортил пару холстов, безуспешно пытаясь нанести на них пленившие меня пейзажи.

В это время мистер Барт со свойственной ему энергией произвел инспекцию местной экономики и обнаружил, что самым крупным предприятием Милфорда является построенная лет сто с лишком назад пивоварня, на которой было занято едва ли четыре десятка человек. Мы нашли вкус ее продукции превосходным, но тем не менее Барт остался недоволен низким уровнем развития города. В патетической речи, произнесенной на устроенном мэром в нашу честь ужине, он заявил, что освоение месторождения глины должно

совершить переворот в жизни Милфорда. Он вещал о будущих крупных фабриках и магистральных дорогах, всереницах телеграфных столбов, притоке населения и бурной трансформации всего здешнего уклада.

И мы всеми силами взялись за установление новой жизни. Ранним утром 15 мая, когда Милфорд еще мирно почивал под лучами восходящего солнца, мощенные улицы взорвались от шума, издаваемого моторами нескольких грузовых автомобилей и колесами длинного каравана телег. Под крики нетухов и (пока еще воображаемый) шум фанфар мы двинулись в сторону лежащей в восьми милях к северу от Милфорда деревни Феншер. Наш транспорт был нагружен всем необходимым снаряжением, провизией и прочими важными запасами, которых должно было хватить на время предварительных работ. Отдельно ехали представители квалифицированного персонала, а также нанятые в крупных городах северо-востока рабочие.

Недалеко от русла Мискуоша была расположена старица, дно которой покрыто ледниковыми отложениями. Когда-то река сильно изгибалась, один из берегов подмыло и превратило в высокий крутой обрыв. Именно здесь были обнаружены образцы различных полезных видов глины. Миля пространства во все стороны занимали лесные угодья и поля, а до ближайшего населенного пункта — деревни Феннер — было полторы мили. Мы надеялись, что не столкнемся с неудобствами и трудностями, возникающими при разработке полезных ископаемых на уже давно обжитой территории. Однако не тут-то было.

Вскоре после начала работ прибыла внушительная делегация представителей Феннера, включающая его наиболее авторитетных жителей. Переговоры с Бартом вел тамошний священник, чье имя я, к сожалению, не запомнил. Нам с Иштваном не пришлось принимать участия в этом разговоре, так что подробности беседы, которая, как я мельком слышал, велась на повышенных тонах (по крайней мере со стороны Барта), мне почти не известны. Кажется, то место, где фирма собиралась производить раскопки, считалось у здешних обитателей проклятой, запретной — пристанищем демонов, прячущихся под землей и ждущих удобного случая,

чтобы вырваться и посеять смерть и ужас. Мистер Барт был до крайности разозлен этими вздорными суевериями, а профессор Леннокс только снисходительно посмеивался. «Вот видите, к чему приводит отсутствие у людей должного образования», — заметил он по этому поводу.

Ферьянци укладкой обменялся несколькими словами с фернерскими крестьянами и узнал, что совсем близко от месторождения глины расположены остатки очень старого колониального поселения Сент-Майкл. Оно просуществовало меньше полувека и полностью обезлюдело. Дюжина или больше колонистов погибла при вызывающих тревожное недоумение обстоятельствах. Остальные поселенцы в панике бежали, а эпидемия психических расстройств среди них надолго оттолкнула желающих освоить этот, получивший мрачную репутацию, край. С тех пор из поколения в поколение в Фернере и соседних деревнях передается страх перед зловещим районом — тем самым, на который мы положили глаз.

У нас с Иштваном не было веских оснований пугаться странных басен, и уж тем более мы не собирались уговаривать Барта свернуть работы, сулящие неплохую прибыль. Однако вечером того же дня мы втайне от всех отправились к развалинам Сент-Майкла. Вернее, мы полагали, что увидим какие-то развалины, а на самом деле не обнаружили практически ничего. Территория в несколько акров представляла собой жуткую пустошь — ни дерева, ни куста, ни единого следа человеческого быта. Только чахлые полевые травы да еще загадочные белесые пятна. Из любопытства мы разгребли кучи известковой крошки (это они образовывали белые пятна) и обнаружили под ними пепелища. Мало-помалу до нас стало доходить, что перед уходом жители сожгли все строения, деревья, посевы, траву и кустарники, а потом засыпали угли толстым слоем извести. Но зачем им это понадобилось?

Углубившись в примыкающий к пустоши лес, мы нашли в нем старое кладбище весьма необычного вида. Оно было огорожено очень высоким забором, составленным из вырубленных блоков известняка, в котором время уже проделало небольшие дыры. Почти каждое захоронение было накрыто

толстой плитой все той же породы. У пары могил таковое покрытие отсутствовало, и мы с удивлением обнаружили, что эти захоронения были разрыты, а их печальное содержимое, похоже, сожжено и присыпано известкой. Мы некоторое время с жаром обсуждали загадочный характер всего увиденного, но не смогли прийти к конкретным выводам. В конце концов это бесплодное занятие нам надоело, и мы принялись разглядывать надписи на постаментах. Меня особенно насмешила эпитафия: «Он возлегает в самом великолепном дубовом гробу и ублажает самых взыскательных гурманов», а также фраза на могиле какого-то долгожителя: «Он всегда был пьян и настолько страшен в этом состоянии, что даже Смерть боялась встретиться с ним». Похоже, наши предки обладали, несмотря на все жизненные проблемы, завидным спокойствием и чувством юмора. Вдоволь посмеявшись, мы в хорошем настроении вернулись в лагерь и вскоре забыли о загадочном сент-майклском кладбище.

II

Шло время, и приближался момент бурения в контрольных точках. В первых числах июня была завершена установка оборудования. С помощью новейших землечерпалок рабочие сняли верхний покров дернины и почвы.

Наконец 13 июня мистер Мозес Барт, разбив о корпус бурильной машины бутылку шампанского, возвестил начало освоения феннерских запасов глины.

Местные фермеры с опаской наблюдали за работой бурильных установок и боязливо крестились при каждой новой выбрасываемой с глубины порции земли. Сначала шел слой сланцеватой глины, идеально подходившей для клинкеров¹, и Барт уже потирал руки, планируя строительство в Милфорде кирпичной фабрики. Затем пошел пласт мергеля. Профессор Леннокс с помощниками деловито вел описание попадающихся пород, а Барт производил какие-то сложные калькуляции предстоящих коммерческих проектов. Меж тем

¹ Клинкер — сорт огнеупорного кирпича.

бур добрался до пласта превосходной белой глины, почти свободной от всяческих примесей.

На глубине около ста двадцати футов все чаще стали попадаться крупные обломки гранита. Было решено дойти до двухсот футов, однако, как сейчас помню, на ста девяноста двух бур уперся в какую-то чрезвычайно твердую преграду, оказавшуюся непосильной для стальной головки. Ферьянци распорядились заменить ее алмазной, и как же мы были поражены, когда, даже работая алмазом, бур еле-еле мог продвигаться вниз.

Прошло бог знает сколько времени, прежде чем бур быстро пошел вниз, а спустя несколько минут установка выбросила на поверхность вместе со шлаком камень шарообразной формы из какой-то черной, весьма тяжелой породы, с цветными переливами в сине-зеленых тонах. Мы бросились к нему и обступили плотным кольцом. Никто не имел ни малейшего представления, что это за камень, и только Леннокс что-то с сомнением пробурчал.

Шар, похоже, был поврежден буром. Двое рабочих, которые убрали его в специальный пакет для геологических образцов, управлялись очень неловко, камень упал на землю и по трещинам распался на куски.

Ничто в мире не поможет мне забыть последующие события, хотя именно этого я больше всего желаю и буду желать до самой смерти. Каждую ночь мне снится эта сцена, ставшая началом самого чудовищного кошмара, свидетелем и участником которого я когда-либо становился. Из-под осколков разбившегося шара, оказавшегося полым, медленно поднялось призрачное облачко то ли фиолетового, то ли лилового газа. Его было немного, но вид лилового облака словно заморозил нас. Потрясал не странный цвет газа. Как зачарованные, мы смотрели надвигающийся туман —двигающийся, несмотря на полное отсутствие и намек на ветер! Траектория его перемещений была сложной, прихотливой и заставляла предполагать в ней проявление какой-то целенаправленной воли. Но нет, в это было невозможно поверить, это казалось верхом абсурда...

Пропорхнув над нашими головами (при этом находившиеся ближе всего к загадочному облаку люди в испуге

парахнулись), туман прижался к земле, а затем скользнул под днище повозки. Все попытки обнаружить его оказались безуспешными, профессор Леннокс был в отчаянии. Он полагал, что мы безвозвратно упустили уникальное явление, имеющее колоссальное значение для мировой науки и, надо думать, для его дальнейшей карьеры. Увы, отчасти он оказался не прав.

III

Остаток рабочего дня прошел спокойно, и к вечеру лиловое облако перестало быть основной темой разговоров, продолжая будоражить только Леннокса и его институтских коллег. Я также отказался от попыток как-то объяснить этот феномен, понимая их бесполезность, да и Иштвану по этому поводу не приходило в голову ничего путного. Наступили сумерки, и я со своим венгерским другом присоединился к обществу любителей провести время за игрой в бридж. Но едва мы взяли в руки карты, как в палатку ворвался запыхавшийся деревенский мальчишка и заплетающимся от усталости языком принялся излагать совершенно непонятные вещи. С трудом мы сумели разобрать что-то вроде: «Дом сошел с ума... с ним творится ужасное... ради бога, помогите!..» Я предположил, что паренек имеет в виду внезапное безумие какой-то семьи, а один из техников грубовато заметил, что у самого мальчишка, должно быть, не в порядке с головой.

Тем не менее мы с Иштваном быстро оделись и в сопровождении ребенка отправились по широкой колее. По пути нам попались мистер Барт с доктором Ленноксом и его помощниками, которые неохотно согласились посетить Феннер. «Что ж, по крайней мере, мы совершим неплохой вечерний моцион», — сказал я, и не слишком торопливо, как нас ни подгонял деревенский мальчик, мы зашагали навстречу ожидаемому забавному приключению.

Часов около десяти мы достигли деревни и уже на окраине столкнулись с толпой вооруженных чем попало фермеров. Благодаря большому количеству охотничьих ружей,

топоров и вил они выглядели достаточно грозно, но при ближайшем рассмотрении оказались панически напуганными и вряд ли могли бы дать отпор хоть одному решительно настроенному преступнику. Однако обычное, уверенное настроение Мозеса Барта и его решительные расспросы несколько успокоили людей. Феннерцы осторожно отвели нас на противоположную сторону деревни, где находился страшный дом. Вперед выдвинулся фермер по имени Асаф Хартли, хозяин строения. По его словам, это был большой сарай, где по ночам стояла та самая повозка, на которую обратил свое внимание (если можно так выразиться) лиловый туман. Чем ближе мы подходили, тем отчетливее был слышен жалобный стон какого-то большого животного. Асаф нес недостойную даже такого мужлана околесицу, и нам пришлось отложить все выводы до собственного знакомства со «взбесившимся» сараем. Еще несколько десятков ярдов... вот показалось нечто напоминающее хозяйственную постройку... Пресвятая Дева Мария!..

В первую секунду, увидев напугавший феннерцев сарай, мне показалось, что здесь имеет место какая-то мистификация, розыгрыш или, в конце концов, недоразумение. Но более пристальный взгляд полностью разрушил это объяснение. Какая сила оказалась способна сотворить это с обыкновенным сараем?

Постройка была сложена из толстых вызовых бревен, срубленных, вероятно, еще дедом Асафа, а то и раньше. Стволам могучих кряжистых деревьев по всем законам природы уже давно положено было высохнуть и обратиться в куски мертвой массы без всякого права на рост и воспроизводство. Но они... — рассудок отказывался воспринять это... это страшное святотатство, абсолютное надругательство над естеством... они были покрыты ветками с омерзительно сочными листьями странного, сине-зеленого цвета. Осторожно подобравшись ближе, мы заметили на новоявленных побегах пухлые почки, в которых светилось какое-то лиловое сияние. Из бревен спускались корневые отростки, многие из которых уже успели достичь земли и углубиться в почву.

Но не это было самым поразительным. Более всего потрясало то, что свежие ростки быстро двигались, демон-

стрируя удивительную гибкость и, как это ни странно звучит, целеустремленность. Они плотно обвили стволы и ветки растущих поблизости деревьев и кустарников, а стелющиеся по земле побеги буквально облепили молодую траву. И все растения, что попали в смертельные объятия, уже пожухли и зачахли. А ужасные ожившие трупы вязов все более наполнялись новой силой, продолжая разрастаться в стороны и вверх к еще нетронутым хранилищам жизненной энергии.

Молча мы созерцали это гнусное чудо, будучи не в состоянии ни пошевелиться, ни открыть рот, ни закрыть глаза, чтобы хоть на мгновение отрешиться от свершающегося перед нами кошмара. Кажется, прошла целая вечность, прежде чем я смог громким возгласом привести в чувство спутников. Посоветовавшись, мы разделились на две группы: одной предстояло осмотреть сарай и хлев по внешнему периметру, а другая (под моим началом) должна была попытаться войти в здание.

Не менее десяти минут я стоял перед позеленевшей дверью, собираясь с духом. В сарае царила темнота, и мне пришлось взять поданную кем-то из фермеров лампу. Сзади с неведомо откуда взявшимся топором стоял Ферьянци, а чуть поодаль раздавалось взволнованное дыхание группы крестьян. Мы медленно скользили взорами по пространству сарая и не переставали ужасаться отвратительному виду оживших деревянных предметов. Центральное место занимала полностью покрывшаяся зеленью повозка, а вокруг торчали колосья проросшей соломы. При появлении людей вялые существа заметно активизировались и стали судорожно продвигаться в нашу сторону.

В этот момент мы услышали слабые звуки, доносившиеся из смежного с сараем хлева. Тщательно обходя дьявольские создания, я прокрался к проему в стене и взглянул на источник тихого звука. Боже, я никогда не забуду умоляющее выражение в глазах лежащей на полу измученной коровы, обвитой стеблями дотоле служившего ей пищей сена! При довольно тусклом свете я не мог толком понять, что именно делают со своей жертвой эти псевдорастения. Присоединившиеся ко мне Иншван и фермеры с жалостью смот-

рели на несчастное животное, которому, очевидно, уже ничего не смогло бы помочь. Дюжий крестьянин по имени Том одним ударом топора оборвал его страдания, но агрессивные существа тут же проявили к нам опасный интерес. Один из колосьев стремительно потянулся в мою сторону, я услышал крик: «Берегитесь, сэр!» — после чего сильный удар по затылку сбил меня прямо в гущу жутких тварей (позже выяснилось, что один из фермеров с помощью большой дубины хотел спасти меня от нападения растений-монстров и несколько переусердствовал в этом деле). Кажется, я даже не почувствовал особой боли, поскольку меня в этой ситуации гораздо больше занимали жадные прикосновения хищных побегов, касавшихся лица, шеи, рук и пытавшихся проникнуть под одежду. Они так густо оплели меня, что, если бы Ферьянци не вытащил меня за ноги из губительных лап чудовищ, живым бы я оттуда уже не выбрался.

Покинув хлев и сарай, мы встретились со второй группой, сообщившей, что деревья и трава на расстоянии пяти ярдов полностью поражены странным явлением. Вызванные на помощь жители деревни в спешном порядке вырвали все растения вокруг проклятого здания, и у нас появилась надежда, что зараза дальше не распространится. Фермеры были преисполнены решимости сжечь рассадник таинственной угрозы, но профессор Леннокс воспротивился, заявив, что не позволит уничтожить важное научное открытие. В итоге Барт выкупил у Асафа Хартли зловещую постройку за две сотни долларов (как вы понимаете, для здешних мест это целое состояние) и выставил возле нее часовых из рабочих. Что до меня, то я никак не мог оправиться от шока, полученного в хлеву.

IV

Возвратившись в лагерь, я немедленно повалился на койку, однако очень долго не мог уснуть из-за сильных головных болей. Обслуживавший нашу базу врач дал мне какие-то лекарства, и я наконец погрузился в тупое забытие. Оно периодически сменялось ужасными сновидения-

ми, в которых обязательно фигурировал жуткий лиловый газ. Такой сон не приносил особого успокоения, и я был даже рад, когда кто-то энергично дернул меня за руку. Затем я услышал голос Ферьянци, почти кричавшего: «Ради всего святого, просыпайся! Ну же, вставай, черт тебя побери!» И с этими словами он принялся вытаскивать меня из-под одеяла.

— Что случилось, Иштван? — пробормотал я, глядя на часы и пытаясь собраться с мыслями.

— Выходи, сам увидишь. Никто в лагере ничего не понимает, но можно быть абсолютно уверенным только в одном: пора срочно покидать это место!

Оказавшись на улице, я обнаружил, что лагерь почти опустел и оставшиеся люди, которых можно было пересчитать по пальцам рук, явно намеревались последовать примеру более шустрых коллег. Пока мы обходили палатки в поисках кого-либо из руководства, Иштван изложил мне всю известную информацию. Ранним утром из Феннера прибыл гонец, который имел конфиденциальную беседу с Бартом и профессором Ленноксом. Содержание беседы оставалось неизвестным, но было очевидно, что случилось нечто экстраординарное. Барт пребывал в явной растерянности, а Леннокс и вовсе в полнейшем смятении. Около семи часов профессор уехал в Милфорд, чтобы отправить телеграмму в Бостон, а наш начальник в сопровождении нескольких человек из своей охраны отправился в Феннер.

Поскольку Леннокс до сих пор не вернулся, по лагерю ходили слухи, что он попросту сбежал; впрочем, никто его не осуждал. Напротив, пример профессора оказался заразительным, и большинство техников, рабочих и прочих сотрудников фирмы спешно, используя все доступные транспортные средства или пешком, убыло в город. «Похоже, в Феннере случилось что-то из ряда вон выходящее», — сказал мне один работник и указал в сторону деревни, где виднелись два или три столба дыма и какое-то синеватое зарево.

Передо мной и Иштваном лежало два пути: уходить в Милфорд и тем самым сохранить жизни или направиться в Феннер, чтобы узнать, каково там положение. Мы пони-

мали, что второй вариант связан со значительной опасностью, однако необъяснимое чувство толкало пойти за Бартом и его спутниками. К сожалению, нам не удалось найти никакого оружия, поэтому мы были вынуждены отправиться в Феннер с пустыми руками, надеясь, что сможем обзавестись какой-то защитой в деревне.

По мере приближения к поселению, пристально всматриваясь во все более различимые клубы дыма, я заметил загадочную, отдающую лиловым блеском мглу. Вскоре мы увидели языки пламени, пожирающие жилые и хозяйственные постройки Феннера. Спустя несколько минут мы вплотную подошли к некогда живой, а теперь превратившейся в пепел и золу изгороди. Местные жители пока не попадались нам на глаза. Повсюду в воздухе присутствовали следы лилового газа, а там, где располагался сарай Хартли, из-за лилового тумана уже почти ничего не было видно.

Лиловая мгла... Деревня Феннер пала жертвой лилового тумана — деревня в смысле не ее обитателей, а построек. Каждое изделие из дерева, солома — все, когда-то мертвое, — ныне ожило и тянуло свои ужасные отростки к тем несчастным созданиям, в которых еще теплилась жизнь. Но таковых уже оставалось очень мало. И убитые монстрами существа через какое-то время тоже оживали и превращались в гнусных вампиров. В основном, конечно, жертвами становились растения и предметы быта, лишь изредка мне казалось, что я вижу в сплетениях стеблей тела мышей и всякой мелкой домашней живности. Возле одного пещелища на нас набросился потрепанный мертвый гусь, и мне пришлось палкой перебить ему шею. Правда, это его не слишком смутило, и он продолжал яростные попытки напасть.

Какова бы ни была та лиловая тварь, что принесла с собой столько вреда, ее требовалось хорошенько изучить и уничтожить. Мы внимательно осматривали встречающиеся на пути уродливые сущности и через некоторое время столкнулись с удивительным явлением. На растущей во дворе одного из домов яблоне (точнее, на том, что *когда-то* было яблоней) мы заметили набухшие почки, вот-вот готовые распуснуться. Ферьянци осторожно тронул одну, ее оболоч-

ка лопнула, и в воздух взмыли многоцветные искры — зеленые, желтые, огненно-алые, лазурные, а в основном — все те же лиловые. Они принялись носиться вверх и вниз, туда и сюда. То замедляя, то ускоряя полет, каждая из них следовала своей собственной прихоти. В сияние беспорядочных, хаотических, буйных круговоротов блуждающих огоньков вплетались отблески многочисленных костров, в которых умирали новоявленные существа, и эта картина путала ирреальностью, нелепостью, так дисгармонирующей со спокойным нормальным миром.

Помельтешив вокруг наших с Ферьянци голов, искры вдруг выбросили за собой шлейфы лилового газа. До крайности напуганные, мы стремглав кинулись прочь, почти не разбирая дороги. Случай вывел нас прямо к сараю Хартли. Взглянув на него, я окончательно понял, что законы Земли, Солнечной системы, всей Вселенной больше не абсолютны, что они не касаются Неименоваемого, пришедшего из Иного континуума, что Его власть лежит за гранью разумности и порядка нашего мира. И еще я понял, что, впустив Его сюда, я совершил самый страшный грех, коему нет и не может быть прощения...

— *Mi ez?!¹* — истерически выкрикнул Иштван.

Новос потрясение на секунду заставило его вернуться к истокам — к родному языку, на котором он не говорил уже добрый десяток лет.

До сих пор не могу понять, результатом чего стало увиденное нами на месте сарая Хартли явление. То ли импульс новой жизни, то есть псевдожизни, заданный пришельцем, был слишком силен, то ли он еще не научился правильным образом воссоздавать ожившие формы, — так или иначе, сарай превратился в немыслимую монструозность, описать которую весьма затруднительно. Над крышей на высоту футов сто поднялся ствол неимоверно уродливого дерева, кажется отдаленно напоминающего вяз или бук и при этом совмещающего в себе черты всех окрестных деревьев, кустарников и трав. Их ветви, стебли, листья и соцветия усеяли поверхность ствола без всякой системы.

¹ Что это?! (венг.)

Кривые сучья, подобные когтям ужасного демона, простирались во все стороны на расстояние в два десятка ярдов, сросшись с прочими ожившими в округе растениями. Еще более отвратительным было то, что на некоторых ветках, словно приклеенные, торчали тушки каких-то птиц, которых уже было практически невозможно идентифицировать.

А верхушку сатанинского дерева венчала голова коро-вы, соединенная с... — Господи Иисусе, даже по прошествии стольких лет меня мутит от этого воспоминания... — с верхней частью человеческого тела, в свою очередь скрепленного тысячами ростков со стволом дерева. Чье это было тело, я, к счастью, точно не знаю.

Со своей огромной высоты голова чудовища устояла на нас, а затем из ее пасти вырвался вопль, от которого мы, не раздумывая, со всех ног бросились бежать куда глаза глядят. Глухой и низкий, он как будто бы исходил из очень глубокого колодца и явно не мог принадлежать ни одному земному существу. Боже милосердный, избавь меня от каждодневного отголоска этого вопля, что по сей день звучит в мозгу, раздирая его, словно раскаленными клещами.

Из-за застилающего все вокруг дыма и лилового тумана мы почти не видели, куда бежим, и тем неожиданнее стал сильный удар, пришедшийся по уже пострадавшей части моей головы. От второго такого насилия я моментально лишился чувств.

V

Голова еще продолжала раскалываться от невыносимой боли, но я уже начал потихоньку приходить в себя, и первым побуждением было удостовериться, что я нахожусь на безопасном расстоянии от любых оживших существ. Обнаружив, что чьими-то заботами мы с Ферьянци перенесены в центр большой выжженной пустоши, я немного успокоился, но с удивлением отметил, что руки и ноги крепко связаны. В таком же состоянии пребывал и венгр. Он тоже очнулся и теперь с бранью яростно дергался, тщетно пыта-

ясь освободиться от уз. И тут в грудь мне уперся ствол ружья.

— Кто вы такие и что вы себе позволяете? — воскликнул я. — Мы граждане Соединенных Штатов и не нарушали никаких законов, вы не имеете права так обращаться с нами!

Мои слова были адресованы группе людей, судя по всему местных жителей, вооруженных охотничьими винтовками и при этом разглядывающих нас с самым суровым выражением лиц. Я рассмотрел широкоплечего гиганта ростом больше шести футов; составляющего ему полную противоположность по комплекции низкорослого субтильного человека интеллигентного вида (кажется, здешнего ветеринара); средних лет мужчину, чей нездоровый вид и торчащее из кармана горлышко бутылки полностью выдавали в нем приверженца Бахуса; а также юношу, еще почти мальчика, который, несмотря на показную строгость, взирал на нас скорее с любопытством, нежели с неприязнью. Все они были очень странно одеты. Занятное сообщество! Что они делают тут и на каком, черт возьми, основании они присвоили себе право держать нас, словно пленников? Эту мысль Феррарици выразил вслух в еще более грубой форме.

— Вы из добывающей компании? — спросил мужчину с бутылкой, и мы согласно кивнули. — И у вас еще хватает наглости предъявлять какие-то претензии?! — внезапно сорвался он на крик, и я снова почувствовал страх перед этим субъектом, очевидно порядком разгоряченным алкоголем.

— Успокойся, Эйб, — вмешался в разговор ветеринар. — Мы должны разобраться с ними по справедливости.

— О какой справедливости ты говоришь, Николас? Разве того, что происходит вокруг, не достаточно для того, чтобы немедленно пристрелить их?

— Послушайте, — собравшись с духом, твердо начал я, — эти таинственные, пока необъяснимые происшествия не связаны с действиями нашей компании. Это лишь случайность, к которой мы напрямую не причастны...

— Случайность? Ах, ты... — Эйб в бешенстве бросился на меня с кулаками, и я уже было приготовился к худшему, но трое других фермерцев все-таки удержали его.

— Мне следовало бы извиниться перед вами и снять веревки, — заговорил ветеринар, чье имя — мистер Николас Марлоу — я только что вспомнил, — но дело в том, что я не питаю к вам ни малейшего доверия. Дело даже не в этом странном липовом газе, что вы выпустили наружу. Я понимаю, что у вас не было злого умысла, когда вы пробурили скважину, освободили его, так пусть это деяние останется на вашей совести, вам за него отвечать перед высшим Судией. Я хочу рассказать о другом.

Когда прошедшей ночью ужасные существа стали распространяться, в деревне началась паника. Жители принялись срочно покидать дома, спасаясь от этого безумного кошмара. Все происходило так быстро, что большинство фермерцев не успело собрать даже самый нехитрый скарб, а многие уходили буквально в том, в чем спали. В домах остались деньги, ценности (хотя какие уж там великие ценности могут быть у фермеров), фамильные реликвии.

И тогда пришли ваши люди. Точно не знаю, сколько их было — возможно, две-три дюжины. Я не буду описывать, чем они занимались, вы не маленькие дети и сами прекрасно понимаете, какие именно человеческие пороки вырвались наружу под покровом неведомого зла. Потом появился ваш начальник с охранниками. Мародеры убили их и кинули в сарай Хартли. Это было отвратительно. — Марлоу сделал небольшую паузу. — Мартин, — он указал на мрачного великана, — пакануне уехал в Милфорд, чтобы купить лекарств для своей захворавшей жены. Во время торопливой эвакуации ей помогали ближайшие соседи — Эвансы. Видимо, они несколько замешкались и не успели скрыться до прихода мародеров. Вернувшись в Феннер, Мартин нашел их... короче говоря, мародеры искалечили беднягу Джошуа Эванса и надругались над женщинами, а затем...

Эта непонятная гадость уже начала захватывать их тела. Поймете ли вы чувства человека, сжигающего жену и друзей? И как нам доверять тем, кто работал с гнусными подопками бок о бок? Зачем вы приехали сюда?

Ферьянци молча посмотрел на меня, и я понял, о чем он думает, — Барг однажды похвастался ничтожно малень-

кой суммой, за которую напят в мегаполисах Восточного побережья толпу чернорабочих-иммигрантов. Погнался за дешевизной...

— А вы зачем находитесь здесь? — внезапно спросил мой друг.

— Мы должны остановить *это*, — ответил Марлоу. В его голосе не было и тени патетического аффекта или страстных героических интонаций.

Раздумывая, что еще можно сделать для нашего спасения, мы с Иштваном были вынуждены лишь молча сидеть, в то время как феннерцы обсуждали наши перспективы. Неожиданно налетел легкий порыв ветра, первый за сегодняшний день. Хотя в нем оказались частицы лилового морока, мы не придали этому особого значения. Мы молча глазели, как газ мягко обволакивает нас, стелется по нам и словно прощупывает. Вдруг Ферьянци громко вскрикнул и принялся кататься по земле, поочередно требуя и умоляя развязать его или хотя бы снять одежду. Точно тем же занимался и я, причем, откровенно говоря, был не очень сдержан в выражениях — слишком яркое впечатление произвели холодные прикосновения хищных отростков новых оживших трупов. Боже правый! Наша одежда — она сделана из хлопка, шерсти или льна, а наша обувь изготовлена из кожи! Вся наша одежда, включая нижнее белье, а также ботинки, отчаянно шведилась и уже заметно поменяла свой внешний вид. Казалось, еще минута, и мое сердце просто не выдержит.

К счастью, феннерцы, видимо, уже сталкивались с такой угрозой. Они быстро раздели нас и незамедлительно отправили в огонь отвратительную массу кишащих и извивающихся, как черви, волокон тканей и кусков кожи.

Мы с Ферьянци оказались в незавидном положении, однако моего друга это не смутило. Едва освободившись, мадьяр схватил опрометчиво положенный Мартином на землю железный прут. Ферьянци в совершенстве владел искусством фехтования, и спустя несколько секунд в наших руках уже оказались выбитые у опешивших феннерцев ружья.

Два ружейных ствола почти упирались нам в грудь, а мы в свою очередь твердо держали на прицеле своих про-

тивников. Сколько времени мы так простояли, я не берусь судить, — вероятно, не очень много. Наконец мистер Марлоу подошел к державшим винтовки Мартину и Эйбу и мягко отвел их стволы в сторону.

— Нам следует сотрудничать, — сказал он. — Пока мы ссоримся, эта штука продолжает реализовывать свои планы.

— Вы думаете, у нее есть какие-то планы? — откликнулся я, осторожно опуская ружье.

— Да. Я убежден, что она действует вполне целенаправленно и мотивированно. Нет ли у вас карты этого района?

Картографическое обеспечение горнодобывающих и строительных работ входило в мою компетенцию, и, хотя сейчас карты у меня не было, я смог без особого труда по памяти начертить схему района на покрытой золой почве. Мистер Марлоу некоторое время внимательно изучал рисунок, а Эйб великодушно подарил нам более или менее подходящие одеяния — брезентовые плащи и резиновые сапоги. Это был не лучший выход, учитывая, что брезент производится из льняной парусины, а резина является продуктом переработки каучука. Но мы надеялись, что у существа не окажется достаточно сил, чтобы быстро захватить эти вещества, подвергшиеся мощной переработке. Ведь и наши одежды стали его «жертвами» только спустя довольно большой отрезок времени. И та порция газа, что принес ветер, была лишь последней каплей в череде атак чудовища на волокна наших костюмов.

— Пока мы боролись с чудовищами, я обращал внимание на характер их передвижений, — заговорил Марлоу. — Я нанесу на схему основные площади, в которых оно проявлялось. Эта тварь -- лиловый газ — проникает в вещи и делает их живыми. И они сами начинают нападать на все, что рядом. На каждом таком ожившем есть комочки, похожие на почки, из которых появляются странные огоньки. Именно они превращаются в новый лиловый туман. Так оно размножается. Но если вокруг нечего захватить, тварь просто погибает. Так что если нам удастся полностью изолировать зараженный участок, возможно, это отродье само собой содохнет. Но против него действительны только две меры. Одна из них — огонь. Другим средством, как ни странно,

является известь. Пару часов назад мой племянник Саймон (это был еще не представленный нам юноша) указал на любопытную вещь — стволы деревьев, что были недавно побелены известкой для защиты от грызунов, оказались целы! Понимаю, звучит чепехо, — признался Марлоу, — но это в самом деле так

Излагая эти сведения весьма деловитым тоном, что раскрывало в мистере Марлоу незаурядную личность с очень проницательным умом, он изобразил на схеме область распространения прищельца, и вскоре мы уже получили возможность анализировать полученную картину. И чем больше мы разглядывали рисунок, тем больше у меня появлялось ощущение, что распространение существа имеет какую-то систему. Это ощущение особенно усилилось после того, как Ферьянци кружком обвел источник этого кошмара — сарай Хартли. Еще один внимательный взгляд — и мне все стало ясно.

— Посмотрите, господа! — воскликнул я. — Область, охваченная странной чумой, напоминает большую стрелку, направленную от сарая Хартли к... к чему?

Марлоу еще некоторое время сосредоточенно взирал на схему, а потом сдавленным голосом ответил:

— К кладбищу.

VI

К кладбищу! Не найдя достаточного количества жертв в Феннере, монстр двинулся на поиски ближайших мертвецов. Только сейчас я понял, почему жители Сснт-Майкла заваливали могилы покойных толстыми доломитовыми и известняковыми плитами. Уж не знаю, как они догадались, что прищелец боится извести. Вряд ли они могли знать, что камменные глобулы, в которых пряталось существо, были покрыты мощным слоем мергеля. А теперь оно свободно и рвется к незащищенным могилам феннерского кладбища.

Хотя мы и не имели ясного представления, зачем существу нужны именно трупы людей, если вокруг находилось

столько других видов добычи, анализ этого интересного вопроса было уместно оставить на более подходящий момент. Наша группа, за исключением Саймона, поспешно направилась к кладбищу, взяв лопаты и как можно больше горючих материалов. А самого младшего члена группы мы отправили в Милфорд — вызвать полицию, пожарных и всех, кто мог бы помочь в борьбе с таинственной заразой. Мистер Марлоу тепло попрощался с племянником, и по его глазам я понял, что он не очень рассчитывает на удачу.

Феннерское кладбище располагалось сравнительно недалеко от самой деревни. К нему вела неширокая дорога. Близился вечер, но в безоблачном небе по-прежнему ярко светило солнце, воздух был тих и недвижим, а мы молча шагали, погруженные в собственные думы. Я уже не помню, о чем тогда размышлял. Сомневаюсь, что в тот момент меня посещали какие-то важные идеи. Я не старался осмыслить пройденный жизненный путь, постигнуть цель существования, осмыслить свое «я». Тому, что ждало нас впереди, не было до этого никакого дела. И я вдруг ощутил, как на меня с ледяной ненавистью взглянули вращающиеся в чужих сферах звезды, на которых жили Те, неведомые... Как часто, особенно в романтические мгновения, мы полагаем, что эти звезды сияют для нас и наших близких. Но кто знает, для кого в действительности предназначены их призрачный свет?..

Примерно через пятнадцать минут мы достигли кладбищенской ограды и принялись настороженно рассматривать унылый пейзаж. Каменные кресты, надгробные плиты с выбитыми именами, памятники, венки, цветы... И пока никаких следов пришельца. Наученные горьким опытом, мы не расслаблялись, чтобы не подвергнуться внезапному нападению. Прошло еще какое-то время, прежде чем мы доверились успокаивающей тишине. Покрывающая могилы трава, местами растущие кустарники и деревья — все растения были в полном порядке. Мы зашли на территорию кладбища и, еще раз обговорив подробности запланированной акции, взялись за дело.

К сожалению, у меня вряд ли получится пощадить чистельские нервы. Я понимаю, что наши планы со стороны

могут показаться кощунственными и безобразными. Но если бы читающие эти строки люди видели, во что *это* превращает мертвые организмы, то многие переменили бы свое категорическое мнение. Да, говоря без обиняков, мы собирались выкопать всех мертвецов и предать их огню, чтобы они уже никогда не возродились в новой, кошмарной форме.

Свежих могил было немного — за последний год в деревне умерло всего трое. Все они находились в баптистском секторе кладбища, который по жребию достался Марлоу, Эйбу и Мартину. Мы с Иштваном получили епископальный участок, где самое позднее захоронение произошло четыре года назад. Это была могила женщины, судя по датам жизни и смерти, довольно молодой. Взяв в руки лопаты, мы принялись за работу.

Это оказалось гораздо тяжелее, чем мы полагали, гроб был покрыт очень толстым слоем мокрой глины. Грунтовые воды подходили довольно близко к поверхности, и показавшиеся на глубине около семи футов гнилые остатки деревянного ящика буквально плавали в жидкой грязи. Сняв обломки развалившейся крышки, мы ахнули от изумления.

Прошло четыре года, а она лежала, совершенно не тронутая тленом! Казалось, тело женщины словно вылеплено из воска сероватого или серовато-зеленого цвета.

Вначале мы с Ферьянци чуть не отдали Богу душу, столкнувшись с таким чудом, но по здравом размышлении я сообразил, что в данном случае имеет место не столь уж редкое явление — своеобразная трансформация трупа, жировоск. Так бывает, если тело зарыто в очень влажной плотной почве.

Мой друг вылез из ямы, чтобы взять керосин, а я ждал его внизу. Честно говоря, мне было жаль эту женщину, умершую в столь молодом возрасте. Если бы не малопривлекательный цвет кожи, она выглядела бы даже симпатичной. Отчего она умерла? Что ж, скоро от нее ничего не останется, и на этот вопрос уже невозможно будет дать ответ. Пока я думал об этом, вернулся Иштван и протянул мне канистру. Я потянулся за ней, и в этот момент что-то схватило меня за ногу и рывком опрокинуло навзничь.

Едва ли я мог бы предположить, что мои голосовые связки способны издать столь пронзительный визг, когда, лежа в грязи, увидел приближающееся лицо... нет, не лицо — морду с пустыми глазницами. Только теперь я заметил, что нижняя часть гробовых досок активно прорастает свежими побегами, а мертвая женщина поднимается и класает ужасными челюстями... Эту пасть я не забуду никогда.

Уже в который раз Иштван вовремя пришел мне на выручку. Диким воплем он привлек внимание остальных членов нашей группы. Зубы покойницы уже почти касались моего горла (я был парализован страхом и не мог сопротивляться), когда Мартин ударом лопаты разрубил страшилищу голову. Одновременно Ферьянци выстрелил куда-то в сторону. Верхняя половина мерзкой головы упала к моим ногам, и по содержимому черепной коробки я понял, что послужило причиной смерти несчастной леди. Законсервированные остатки мозга являли собой ужасную картину — основную его часть занимала злокачественная опухоль. Лишь небольшая доля мозговой ткани не была поражена...

То, что разыгрывалось на наших глазах в эти минуты, наконец позволило установить, зачем пришелец так упорно стремился к человеческим телам. Здоровые участки мозга женщины быстро увеличивались, и немного времени спустя мы взирали на практически полноценный мозг, который медленно влезал (именно влезал, причем совершенно самостоятельно) в уже отросший череп уродливой твари.

Когда друзья выгнали меня из могилы, Иштван указал мне на узкое отверстие в земле на уровне гроба, возле которого валялись постепенно оживающие ошметки трупа крота, разбросанные понавшей в него пулей. Он, видимо, оживал уже во второй раз. Именно он, судя по всему, разился еще в деревне, проник сюда по подземному пути и оживил мертвую женщину. Эйб мощным движением отправил целое ведро извести в этот лаз, чтобы маленький выродок не мог сбежать. Мартин с Иштваном облили могилу керосином и маслом, и тут возникла заминка с огнем.

Оказалось, все спички остались в тех одеждах, что мы так торопливо сожгли на берегу Мискуоша. Пока мы соображали, что делать, уже почти сформировавшееся свою структуру человекообразное существо повернуло в нашу сторону морду и низким голосом, от которого в жилах застыла кровь, протянуло что-то вроде:

Иииййооооггхххеэээ.... Сссоттоотттгхххеэээ!..¹

Мы восприняли эти звуки как полную абракадабру, не имеющую никакого смысла, хотя в глубине души я храню смутное подозрение, что это не так. Ферьянци выстрелил в растекшиеся по дну могилы лужи горячего, и вспыхнувшее пламя поглотило шевелящихся в яме тварей. По поверхности женского трупа быстро потекли сначала капли, а потом струи воска, что сопровождалось распространением в воздухе невыносимого зловония, от которого мы едва не задохнулись. Затем мертвец издал новый душераздирающий вопль, после чего уже лишь треск огня нарушал воцарившуюся гнетущую тишину.

Итак, многое в доселе непонятных мотивах пришельца стало ясно. Ему нужны человеческие разумы — бездушные, тупые, однородные, — и он с успехом создает их из попадающихся частиц мертвых мозгов, сколь бы малый размер они ни имели. Как он их оживляет — это другой вопрос. Так или иначе, нам следовало с еще большей энергией направить усилия на кремацию всех остальных трупов или того, что от них осталось за много лет. Доверять разрушительной работе времени мы уже не могли — существо с успехом показало, что способно обманывать нашу природу. И как бы мы ни устали, без единого слова мы вновь взялись за лопаты и вонзили их в землю, скрывающую, быть может, еще что-то очень ужасное.

Не имеет особого смысла подробно пересказывать дальнейшее. Нам еще довелось столкнуться с оживающими мертвецами, но они в большинстве своем настолько разложились, что у пришельца не хватило времени сотворить из них что-

¹ Возможно, речь идет о Йог-Сототе — проявлении Безумного Хаоса — «изначальном» существе, которое распыляется по скрытым целям мнж всех пространств, времен и измерений.

то существенное. Мы откапывали и сжигали, сжигали и засыпали известью, потом откапывали новые тела, и так много раз...

К утру мы завершили чудовищную работу и в изнеможении рухнули на землю. Я так устал, что даже почти не испытал никаких чувств, когда в отдалении послышались чьи-то голоса. Кажется, все эмоции были исчерпаны, и я не испытал никакой особенной радости, когда увидел, что это были полицейские и вооруженные люди из гражданского населения Милфорда. С ними был также ревизор, посланный из бостонского офиса нашей компании, чтобы разобраться в ситуации. Забравшись в повозку, в которой нас должны были отвезти в город, я моментально погрузился в спасительный сон.

С трудом проснувшись уже на следующий день, я обнаружил, что нахожусь в чем-то уютном доме, как потом выяснилось, принадлежавшем сестре мистера Марлоу. Иштван был уже на ногах и, едва заведя меня, стал рассказывать последние новости. Полицейские и ополченцы, что встретили нас на кладбище, задержались потому, что потратили немало времени на арест мародерствовавших рабочих. Наше сообщение о лиловом газе — чужеродной живой субстанции — оказалось для них откровением, поскольку к моменту их прихода в Феннер газа там уже не осталось. Пожар и саморазложение уничтожили растений-монстров, и теперь деревню покрывали горы золы, пепла и оставшихся после распада оживших трупов странных минеральных веществ. А лиловый морок исчез, сделав это, по своему обыкновению, в весьма таинственной манере, словно его никогда и не существовало.

Позже, вернувшись на место бурения, мы предприняли кое-какие меры предосторожности. Под нашим руководством присланные из Бостона рабочие и милфордские добровольцы залили образовавшуюся в грунте полость двумя дюжинами стогаллонных бочек цемента, а сверху добавили жидкого асфальта. Невольно сыгравший зловещую роль бур и поныне валяется там как знак опасности.

И никому не известно, хранятся ли еще в феннерских глинах другие таящие непостижимый ужас шары.

VII

Что это было — мы с Ферьянци провели множество часов в обсуждениях и спорах. Возможно, в Феннер загадочные глобулы принес ледник, пришедший с далекого севера. Но откуда они взялись изначально? Иштван считал, что когда-то, миллиарды лет назад, эти шары выкинуло во время извержения вулкана на поверхность из недр, еще хранивших тесную родственную связь с непознанным Космосом. Может, их забросило каким-то путешествующим по межзвездным пустыням телом на нашу планету в те седые древние времена, когда у Земли еще не было защитного покрова атмосферы. А эти хранящие чудовище полые камни вообще сформировались в другом мире.

Новое представление о случившемся родилось позже. Я стал часто бывать в гостях у Иштвана, беседовать с его пожилыми родителями — типичными мадьярами, неспешными, добродушными, рассудительными. Они никогда не теряли ментальной связи с родиной, и их стараниями в жилище Ферьянци всегда присутствовали элементы своеобразного колорита славной дунайской страны. Однако особенно сильно меня заинтриговали не оригинальные предметы венгерской национальной культуры, а привезенное семьей Ферьянци наследие прадеда Иштвана по материнской линии — трансильванского барона Тамаша Бадаи. В гостиной комнате висел огромный, высотой во всю стену, портрет барона, с которого сурово взирал пышноусый мадьярский аристократ. Стоит ли говорить, что биография предка Иштвана была полна загадочными и подозрительными фактами и слухами.

Однажды Ферьянци привел меня на чердак и продемонстрировал внушительную стопку запыленных фолиантов, некоторые из которых были сильно проедены жуками, а другие и вовсе почти рассыпались от ветхости. Как оказалось, главным увлечением барона Бадаи было собирание всевозможных зловещих книг, большинство из которых находилось под строжайшим запретом всех церквей. И вот тогда-то я впервые взял в руки ужасные «Летописи черных солнц», вышедшие из-под пера имеющего мрачную славу тамплиера Беренгария фон Лутца. Там же посреди всякой

рухляди валялся латинский перевод не менее кощунственного «Свитка Наафранха», написанного распознавшим задолго до европейских ученых тайну древнеегипетской письменности персом Ширханом Лоди. И еще много других хранилищ знаний, которые обычные современные люди ни во что не ценят, хотя стоимость их для *понимающих* — весь мир.

Вооружившись объемистыми словарями и основательно перетряхнув собственную память, в глубине которой завалялись остатки школьных и университетских уроков латыни, мы долгими вечерами корпели над трудом фон Лутца. Должно заметить, что его книгу отличает странное смешение двух стилей — местами храмовник словно бы упивался какой-то злобной радостью, рассказывая о предметах в высшей степени непонятных и отталкивающих, и тогда казалось, что сам дьявол водил его рукой, — от красочных описаний веяло нечестивым талантом, даровать который мог только обитатель Коцита¹. Другие страницы несли печать богобоязненности и страха перед их содержанием; при этом фон Лутц мастерски использовал досаждавшую нам манеру говорить намеками и недомолвками.

Более всего нас поразила глава «De rebus praeterveteris et phenomena monstruosus tenebrarum», что значит «О давнем прошлом и ужасных явлениях мрака». В ней повествовалось о разных уродливых тварях, возникших и живших в различных мирах, в том числе на Земле, в пёвообразимо древние времена. И, дойдя почти до конца этой главы «Летописей», мы наткнулись на раздел, заставивший нас буквально впиться глазами в текст. Речь шла об одном из самых загадочных феноменов, о котором сам тамплиер, похоже, то ли почти ничего не знал, то ли тщательно скрывал свое знание под покровом пространных рассуждений. Характеризуя это явление, он употреблял слово «туман», причем в страшном, на взгляд непосвященных, сочетании с эпитетом «лиловый». Но нам не пришлось ломать голову над

¹ Согласно «Божественной комедии» Данте, в центре ледяного озера Коиг — последнего круга ада — находится вмерзший по грудь Люцифер.

тем, что он имеет в виду, рассказывая о рождении лиловым туманом неких *ignes fatui*¹.

Неужели скрывающие чудовищный газ глобулы оставили владевшие в незапамятные эпохи Землей твари из чужих Вселенных? До конца жизни в наши сознания впечатался тот страх, что исходил от тех страниц «Летописей».

«Никому не ведомо, где и когда Оно зародилось, и даже самые выдающиеся мудрецы были способны сказать о Нем не более того, что Оно могло появиться только оттуда, где все не так, как в нашем мире. Бесплотное, аморфное, чужое — думает ли Оно? Чувствует ли Оно? Никто не в силах понять Его, ибо Оно находится по ту сторону безумия и разума, страданий и наслаждений, греха и праведности.

Чего хочет посланец из сферы Немыслимого? Быть может, той величайшей, дарованной нам Господом Богом ценности, которой Оно — нечестивая тварь из царства Безумного Хаоса — лишено?

Да убойтся тот, чьим злым роком станет созерцание Его ужасных отродий — лиловой мглы и бестиарных мутных огней! Ибо они отнимают жизненную силу у тех, кто есть и бодрствует, и дают тем, кто распался и ушел в сон небытия. Подобное питается подобным; мертвец восстанет из своей могилы и взалкает своего живого брата; трупные пятна расползутся повсюду и охватят все, что растет и дышит. Из части Оно воссоздаст целое, и из тлена поднимутся Его преданные слуги. Кто остановит ненасытную цепь зла, кому дано развеять лиловый морок и погасить нечестивые искры?..»

Каждый день я вспоминаю те слова, которыми мрачный тамплиер Беренгарий фон Лутц закончил эту главу своих чудовищных «Летописей черных солнц»: «Когда умрет нечто сущее, то будет ли оно опять жить?»

2000

¹ Блуждающие огоньки (лат.).

Шимун Врочек ВЫСОКИЙ ПРЫЖОК

Охренеть можно, думает старшина второй статьи Григорьев, глядя на гранату, которая только что (пряма, блин, щас!) выкатилась к его лицу. Граненая шишка, металлический шар в геометрически правильной фасовке каналов, лежит на расстоянии вытянутой руки — в принципе, можно дотянуться и прижать рычаг — только толку, увы, никакого. Насколько помнит старшина — а помнит он обшарпанный стенд с плакатом: граната ручная Ф-1, вскрытая по оси симметрии; кольцо, пороховой заряд, рычаг выдернуть и прижать, радиус поражения 200 метров, надпись химическим карандашом «Костя-дегенерат» и стрелка к запалу, похожему на зеленый член в разрезе, — у него осталось секунд три. Потом долбанет так, что мало не покажется.

Два, считает старшина. В ту же секунду пол вздрагивает и слышен потусторонний жуткий скрежет. Это еще не граната. Это означает, что железная коробка, по недоразумению именуемая подводной лодкой К-3, опять задела край полынью легким корпусом.

Правее Григорьева в ожидании кровавой бани лежит «гарищ адмирал флота». Лицо у него белое, как простыня на просушке. Он выдыхает пар и смотрит. Видно, что перспектива превратиться в тонкий слой рубленого мяса, равномерно размазанный по отсеку, прельщает его не больше, чем простых матросов.

Судя по комплекции товарища адмирала — фарш будет с салцом.

Григорьев еще немного думает, потом подтягивает свои семьдесят килограммов на руках и укладывает животом на гранату. Еще один способ почувствовать себя полным идиотом. Граната упирается в желудок, холодит брюшные мышцы — это действует как слабительное. Старшина сжимает задницу, чтобы не обделаться. Страшно до чертиков. Почему-то, как назло, ничего героического в голову не приходит,

а из хорошего вспоминается только белый лифчик, обшитый гипюром. Дальше лифчика воображение не заглядывает, хотя явно есть куда. Обидно.

Один, считает старшина.

237 дней до

— Страшно, товарищ адмирал. У них лица живые.

До Васильева не сразу доходит.

— Что?

В трюме подлодки пляшут лучи фонарей. Маслянисто-черная жижа хлупает под ногами — воды не так много, видимо, экипаж успел задраить поврежденные отсеки и умирал уже от удушья. Семь лет. Васильев идет за лейтенантом, который говорил про лица. Пропавшая без вести С-18. Лодка в открытом море получила отрицательную плавучесть и легла на дно — если бы не это, у моряков оставался бы шанс. Всплыть они не смогли, хотя насосы главных цистерн еще работали и электроэнергия была. Проклятое дно держало, как присоска.

— Товарищ адмирал!

Луч фонаря выхватывает из темноты надпись на столе. Царапины на мягком алюминии сделаны отверткой — она лежит рядом.

«Будь прокляты те, кто научил нас пользоваться ИДА».

Рядом сидит, прислонившись к койке, человек в черной робс. На нем аппарат искусственного дыхания. Теперь адмирал понимает, что означает надпись. Лодку нашли спустя семь лет после гибели, а неизвестный матрос до последнего ждал спасения. Они стучали в персборки, чтобы подать сигнал спасателям. Они пытались выйти через торпедные аппараты. Глубина почти триста метров — шансов никаких. Но они продолжали надеяться — и продлевали агонию.

Если бы тогда, в пятьдесят втором, лодку удалось найти, — думает Васильев. Черт.

Ничего. Не было тогда технических средств для спасения экипажа С-18. Ес и сейчас-то удалось поднять с огромным трудом, чуть ли не весь Северный флот подключили...

Под ногами плещется вода с дизтопливом и нечистотами. Адмирал прижимает платок к носу.

«Будь прокляты те...»

Лейтенант резко останавливается — Васильев едва не втыкается ему в спину.

— Что?

Лейтенант присаживается на корточки и переворачивает очередное тело. Светит фонарем. Потом лейтенант смотрит вверх, на Васильева, и говорит:

— Видите, товарищ адмирал?

Васильев смотрит и невольно отшатывается.

Молодой безусый матрос — из какой-то русской глубинки. Русые волосы в мазуте. Адмирал чувствует дурноту: матрос уже семь лет как мертв, но у него розовое лицо с легким румянцем и никаких следов тления.

Он выглядит спящим.

148 дней до

Подводникам положены жратва от пуза и кино пять раз в неделю. А еще им положено отвечать на идиотские вопросы начальства.

— Объясните мне, мать вашу, как можно погнуть перископ?!

— Легко, — отвечает командир.

Григорьев, наделенный сверхчеловеческим чутьем, делает шаг назад и оказывается за колонной. Это перископ в походном положении. Отсюда старшина все видит и слышит — или ничего не видит и не слышит, в зависимости от того, как повернется ситуация. Судя по напряженным спинам акустика и радиста, они пришли к такому же решению.

— Так, — говорит Васильев и смотрит на капитана Меркулова.

Старшину он не замечает.

— Я понимаю, — ядовито продолжает адмирал, — что вам перископ погнуть — не фиг делать, товарищ капитан. Но мне все же хотелось бы знать, как вы это провернули?

— Очень просто, — говорит Меркулов невозмутимо.

Потом объясняет товарищу адмиралу, что наши конструкторы, как обычно, перестарались. Заложенные два реактора (вместо одного, как у американцев на «Наутилусе») дают избыточную мощность, и лодка вместо расчетных 25 узлов подводного хода, на мощности реактора 80%, выжимает все 32.

— Разве это плохо? — говорит Васильев.

— У вас есть автомобиль, товарищ адмирал?

Васильев выражает вежливое недоумение: почему у представителя штаба флота, заслуженного подводника, члена партии с 1939 года, не должно быть автомобиля?

— Представьте, товарищ адмирал флота, — говорит Меркулов, — стоите вы на переезде и тут слева приближается гул, который переходит в рев, свист и грохот, а потом мимо вас на скорости шестьдесят километров в час проносится черная «дура» длиной в стадион и массой под четыре тыщи тонн.

Старшина Григорьев стремительно опупевает, но изображает невидимку. Этот спектакль покруче любого кино, и ему не хотелось бы лишиться места в первых рядах.

— Представили, товарищ адмирал? — сглаголивает каперанг Меркулов.

Васильев молчит, видимо, у него не такое живое воображение. «Ночевала тучка золотая, — некстати вспоминает старшина, — на груди утеса-великана».

На чело утеса-великана наплывает что-то явно тяжелее тучки. Такой грозовой фронт, что адмирал выглядит черным, как угнетенные жители колониальной Африки.

— Имее в виду вашу лодку? — говорит адмирал наконец.

Он уже произвел в уме нехитрые подсчеты, и все складывается: скорость 30 узлов, длина больше 100 метров и соответствующее водоизмещение. Не надо быть Эйнштейном, чтобы угадать в черной «дуре» лодку проекта 627.

— Имею в виду товарный поезд, товарищ адмирал флота. А теперь представьте, что ваша «победа» высунула мор-

ду на рельсы... Вот поэтому перископ и погнули, — заканчивает Меркулов.

Даже школьного образования Григорьева достаточно, чтобы понять: какой-то логической сцепки тут не хватает. И тем более понимает это адмирал Васильев, у которого за плечами Военно-морская академия. И вообще, этот каперанг его достал.

— Не понял, — говорит адмирал сухо.

— Вода, — объясняет Меркулов. — Поверхность. Я приказал поднять перископ, чтобы не идти вслепую. А удар на скорости оказался очень сильным, его и согнуло... Потом еле выпрямили, чтобы погрузиться. Эх, надо было делать запасной, как у американцев.

Каперанг говорит про «Наутилус» — первую подводную лодку с атомным реактором. Американцы успели раньше, еще в пятьдесят пятом. В том же году вышло постановление правительства о создании советской субмарины с ядерным двигателем. Но только сейчас, спустя четыре года, К-3 вышла на ходовые испытания. Первый советский атомоход.

Кстати, у «Наутилуса» действительно два перископа.

Зато можно сказать, что у Меркулова единственный профессиональный экипаж на весь Союз. Несколько лет подготовки — сначала на берегу, при Обнинской атомной станции, потом на макете лодки, а дальше на живой К-3, на стапелях и в море. И никаких сменных призывов. Впервые на флоте весь экипаж набран по контракту — одни сверхсрочники и опытные матросы. Меркулов костыми лег, но выбил.

Проблем, конечно, все равно выше крыши.

Например, этот Васильев, больше известный как Дикий Адмирал. Приехал смотреть результаты ходовых испытаний.

Ну что ж, каперанг Меркулов может результаты представить.

На скорости выше пятнадцати узлов гидролокатор бесполезен.

На скоростях выше двадцати узлов от вибрации болят зубы и выкручиваются болты.

На скорости тридцать узлов появляется турбулентность, про которую раньше на подлодках и не слышали. Зато американские противолодочные корабли теперь К-3 не догонят — силенок не хватит. Зато нас слышно на весь мировой океан.

— И вот тут мы погнули перископ, — говорит Меркулов.

— Еще «бочки» эти дурацкие текут постоянно, — продолжает каперанг. Слушай, Дикий Адмирал, слушай. — На них уже живого места нет.

«Бочки» — это парогенераторы. Система трубопроводов первого и второго контура реактора. Под высоким давлением «бочки» дают течь, уровень радиации резко идет вверх. Появляется аварийная команда и заваривает трубы. И так до следующего раза.

— «Грязная» лодка, — говорит Меркулов.

— А потом мы открываем переборки реакторного отсека, чтобы снизить в нем уровень радиации.

— Черт! — говорит адмирал. У него в глазах потрескивают миллирентгены. Васильев нервничает. — И получаете одинаковое загрязнение по всей лодке?

— Совершенно верно, — спокойно отвечает командир К-3. — Ну, на то мы и советские моряки.

43 дня до

В кают-компании тепло и пахнет хорошим коньяком. Стены обшиты красным деревом, иллюминаторы в латунной окантовке. Мягкий свет плафонов ложится на стол, покрытый белой скатертью, и на мощный красивый лоб главнокомандующего ВМФ.

Главнокомандующий хмурится и говорит:

— Я сам командовал кораблем и прекрасно знаю, что ни один командир не доложит об истинном положении вещей. Если ему ставят задачу, он будет выполнять ее любыми правдами и неправдами. Поэтому ты, Меркулов, молчи! О готовности лодки послушаем твоих офицеров.

А что их слушать, думает командир К-3 каперанг Меркулов. Мы тоже не дураки. На полюс идти надо, так что

пойдем. Лодка к походу готова. А говорить о неисправностях — только лишний раз подставляться... Выйдешь в море на нервах, да еще и ни черта не сделаю.

Меркулов выслушивает доклады своих офицеров — на диво оптимистичные. Лодка готова, готова, готова.

Главнокомандующий расцветает на глазах. Как розовый куст в свежем навозе.

15 дней до

В надводном положении лодка напоминает серого кита: шкура пятнистая от инея, морда уродливая, характер скверный. Чтобы волнением не болтало, лодка принайтována тросами. Вокруг лодки — суровая северная весна: лед, ветер и черная гладь воды.

На китовой шкуре суетятся мелкие паразиты. Один из паразитов, тот, что повыше, вдруг открывает рот и поет, выпуская клубы пара:

До встречи с тобою под сенью заката
Был парепь я просто ого-онь.
Ты только одна-а, одна виновата,
Что вдруг загрузила гармо-онь.

У паразита сильный наполненный баритон. С видимым удовольствием он повторяет припев:

Ты только одна-а, одна виновата,
Что вдруг загрузила гармонь.

— Кто это? — спрашивает Меркулов.

Они со старпомом стоят на пирсе, наблюдают за погрузкой и курят. Бледный дым, неотличимый от пара, улетает в серое небо.

— Не знаю, — говорит кап-два Осташко. — Эй, Григорьев! — (Старшина оборачивается). — Кто это поет, не знаешь?

Григорьев знает, но отвечать сразу — отдавать по дешевке. Младший командный состав должен знать себе цену. Поэтому старшина прикладывает руку к глазам, долго

смотрит (но не так долго, чтобы командир устал ждать), потом изрекает:

— А, понятно. Это каплей Забирка, из прикомандированных. Он вообще худущий, соплей перешибить можно, но голоса — во! Ну, вы сами слышали, товарищ капитан...

И продолжают слышать, кстати.

Весенние ветры умчались куда-то,
Но ты не спени, подожди,
Ты только одна...

— Спасибо, старшина. Можете идти.

— Есть.

Они выпускают дым, снова затягиваются.

— Что-то «пассажиров» мало, — говорит командир задумчиво. — Всего один остался. Куда остальные делись, интересно?

— Саша, так тебя это радовать должно! — не выдерживает старпом.

Он знает, как Меркулов относится к штабным бездельникам, которые идут в поход за орденами и званиями. Обычно таких бывает до десятка. Они первые у котла, у «козла» и у трапа на выход при всплытии. Остальное время «пассажиры» дохнут со скуки и режутся в карты.

— Должно, а не радуется, — говорит Меркулов. — Пассажиры, Паш, они как крысы, у них чутье звериное. Значит, в опасное дело идем. Или какая-то херня в море случится. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно. Так что, Папа, будь другом — проверь все сам до последнего винтика. Что-то у меня на душе неспокойно.

— Сделаем, командир.

Еще одна затяжка.

— Товарищ капитан, смотрите! — вдруг кричит Григорьев издалека и на что-то показывает.

Командир со старпомом поворачиваются. Сперва ничего не понимают. Потом видят, как по дорожке к пирсу, торопясь и оскальзываясь, спускается офицер в черной флотской шинели. В свете дня его обшлага отсвечивают тусклым золотом. Что-то в офицере есть очень знакомое — и не очень приятное.

— Это Дикий Адмирал, — узнает старпом наконец.
Пауза.

— Накаркали, — говорит Меркулов с досадой и сплевывает.

14 дней до

Дикому Адмиралу никто особо не рад. Он это чувствует и начинает злиться. А когда начальство злится, оно ищет повод придрасться, наорать, наказать и тем самым утвердить собственное эго.

— Что это было? — спрашивает Васильев мягко и злое.

Но в общем-то, не на того нарвался. Командир электро-механической боевой части капитан-инженер второго ранга Волынцев Борис Подымович. Заменить его нечем, поэтому механик откровенно наглеет:

— Внеплановая дифферентовка, товарищ адмирал.

Врет в глаза, сукин кот, думает Меркулов, но молчит. Сзади раздаются смсшки, которые тут же стихают. Вообще-то механик на самом деле дал маху, но адмиралу об этом знать не обязательно. Подумаешь, задрали корму и накренили лодку вправо. Внеплановая дифферентовка, и пошел ты на фиг.

Васильев молчит. Этот раунд он проиграл.

Адмирал ищет, на ком бы еще сорвать злость. На глаза ему попадается вахтенный журнал, Васильев листает его в раздражении.

— Почему в вахтенном журнале бардак?! — спрашивает он наконец. — Старший помощник, это что, боевой корабль или богадельня?!

Офицеры лодки переглядываются.

— Бордель, товарищ адмирал! — отвечает старпом.

Старпому нельзя терять лицо перед экипажем. Поэтому он начинает дерзить.

— Так! — говорит Васильев злое.

К несчастью, кап-два Осташко забыл, что незаменимых старпомов не бывает. Сместить механика адмирал не мо-

жет, потому что некому будет управлять механизмами и погружением, старпом же — другое дело.

Следует мгновенная и жестокая расправа.

— Записать в вахтенный журнал! — командует адмирал. — Приказываю отстранить старшего помощника Остапко от исполнения служебных обязанностей. — Адмирал очень хочет добавить «отстранить на хрен», но такое обычно не заносят в официальные документы. — Принимаю его пост на себя. Руководитель похода адмирал флота Васильев... Дай подпишу.

Неуязвимый механик хмыкает. Васильев смотрит на него в упор, но ничего не говорит. Сейчас адмирал напоминает хищника моря, огромную белую акулу с кровью на челюстях.

С хрустом перекушенный, старпом бьется в судорогах, потом, бледный, как наволочка, уползает в угол и садится. Руки у него дрожат. Это, скорее всего, конвульсии умирающего. А ведь был хороший моряк, думает Меркулов с сожалением.

Потом открывает рот — неожиданно для себя:

— Товарищ адмирал, разрешите вопрос. Зачем нам ядерные торпеды?

13 дней до

Считается, что спиртное — лучшая защита от радиации. Поэтому лодка несет громадный запас красного сухого вина. К алиготе прилагаются апельсины, ярко-оранжевые, как Новый год в детском саду. На человска в день положено сто граммов — это немного. Поэтому офицеры скидываются и организуют «черную» кассу — и на эти деньги забивают холодильник в офицерской кают-компании. Чтобы водка была, и была холодная.

Меркулов смотрит на «Саранск» долгим взглядом. Потом пересиливает себя и идет в центральный. Там его уже ожидает радист.

— Получена радиограмма, товарищ командир. От главного энергетика проекта Шаталова.

— И что? — говорит Меркулов.

— «Ознакомившись с техническим состоянием К-три, категорически требую запретить выход лодки в море». Подпись, дата.

Меркулов усмехается:

— Поздно. Уже вышли. — Поворачивается к старпому, понижает голос: — Вот оно, высокое искусство прикрывать задницу, — учишь, Паша.

Через полчаса радист опять докладывает:

— Радиограмма из штаба флота. Товарищ командир, «Наутилус» вышел в море. По данным разведки: американцы готовились в дальний поход. Возможно, целью является...

«Твою мать!» — думает Меркулов.

— Полюс? Они вроде там уже были?

— Так точно, полюс, — говорит радист. — Нам приказано идти в боевой готовности, на провокации не поддаваться. В случае контакта с американцами действовать по обстановке. Подпись: главком ВМФ, дата: сегодня.

Меркулов поворачивается и смотрит на Васильева. Тот нисколько не удивлен.

По обстановке, значит, думает Меркулов. Что-то ты уж больно спокоен, адмирал. С нашими-то тремя торпедами.

Две обычные Т-5 с атомными зарядами.

И одна Т-15, чудовищная штука в 27 метров длиной, с водородной бомбой в четыреста кило тонн. Эта штука проходит через три отсека и упирается в центральный пост. По замыслу конструкторов, такой торпедой можно поразить крупный военно-морской порт противника.

По данным разведки флота, таких портов во всем мире — два. Два! И ни один не имеет стратегического значения.

Тем не менее сейчас подлодка идет к полюсу с полным ядерным боезапасом. И туда же идет штатовский «Наутилус».

Забавно, думает каперанг.

5 дней до

За бортом белое крошево, черная вода, в которой плавают куски пенопласта. Это паковый лед. Полынья напо-

минает суповую тарелку с широкими выщербленными краями. Григорьев ежится — ему даже смотреть на это зябко. Старшину перевели в экипаж с Черноморского флота, поэтому на севере он банально мерзнет. Хотя и родом с Урала.

Морозный воздух обжигает легкие.

Рядом стоит капитан-лейтенант Забирка — фамилия смешная, да и сам тоже, но парень хороший. И совсем не похож на «пассажира». Ребятам Забирка нравится.

Открыли люки, чтобы проветрить внутренние отсеки. Теплый радиоактивный воздух поднимается вверх; вокруг лодки клубится белый туман.

Из дверей рубки, в облаке пара, возникает Дикий Адмирал. Васильев нарочито медлит, хотя старшина видит, как в его глазах щелкают миллирентгены. Старшина вспоминает шутку времен начала службы. «А свинцовые трусы ты себе уже купил?» Некоторые ломались. Интересно, Васильев бы сломался? Адмирал отчаянно боится радиации, но пока держится и даже пьет не больше других.

Забирка сдвигается; адмирал встает к ограждению, резко вдыхает, жадно оглядывается, словно пытается надышаться чистым, без альфа и бета-частиц, воздухом на год вперед. Ну по крайней мере до следующей полыньи.

Налетает ветер и сносит туман в сторону. К-3 покачивается под порывами.

Васильев рефлекторно вцепляется в леер.

Волнение слабое, но лодку бултыхает в полынье как дерьмо в проруби.

— И якоря у нас тоже нет, — говорит Меркулов за спиной адмирала и исчезает в люке, прежде чем тот успевает ответить.

Васильев скрипит зубами и беззвучно матерится. За последние дни отношения между проверяющим из штаба и командиром К-3 испортились окончательно. Старшина делает вид, что ничего не заметил.

Из-за туч выныривает солнце и освещает все, как прожектором.

3 дня до

— Акустик, пассивный режим.

— Есть пассивный режим.

Командир часами лежит на полу, смотрит в перископ. Прибор выдвинут едва-едва, чтобы не задеть ледовый пласт, поэтому окуляр находится у самого пола. Меркулов ищет просвет для всплытия. Потом его сменяет старпом, каперанг выпрямляется, хрустит суставами, идет курить. Адмирал появляется в центральном посту все реже. Отсиживается в кормовом отсеке. Кто-то сказал Васильеву, что там радиация полегче. В принципе, это правда — кормовой отсек дальше всего от реакторного.

— Ну что?

— Ничего, товарищ капитан.

Море безмолвствует. Конечно, море полно звуков — это любой акустик скажет, — но нет звука чужих винтов. А это самое главное. Старпом перебрасывается фразами с заместителем.

— Теоретически им нас не догнать, — говорит заместитель об американцах.

— А практически?

— А практически мы их не услышим.

— Шумы, — говорит акустик. — Слышу...

— Что? — выпрямляется старпом. — Что слышишь?

Лицо акустика в напряжении. На лбу выступает капля пота, бежит вниз.

— Блин! — говорит вдруг акустик. — Простите, товарищ капитан. Будто дышит кто.

— Что еще? — Старпом отбирает наушники, вслушивается в море.

Сперва ничего не разбирает, кроме гула и отдаленного шума винтов — это собственный шум К-3. Потом слышит далекий смех. Потом глубокий мужской голос на фоне гула океана.

Весенние ветры умчались куда-то,

Но ты не спиши, подожди-и,

Ты только одна-а, одна виновата,

Что так неспокойно в груди-и.

— Блин, — говорит старпом. Потом командует: — Отставить песню! Дайте мне радио.

— Не надо.

Старпом оборачивается и видит Меркулова, который уже покурил, поел, выспался и успел побриться. Подбородок каперанга сияет чистотой. Старпом мимоходом завидует свежести командира, потом смотрит вопросительно.

— Хорошая песня, — поясняет Меркулов. — Хорошо поет. Акустик, активный режим.

— Есть активный. — Акустик включает гидролокатор. Слышен тонкий импульс сигнала.

Меркулов открывает люк в переборке, то же самое делают в остальных отсеках. Теперь голос слышен без всяких наушников:

Ты только одна-а, одна виновата,
Что так беспокойно в груди-и.

2 дня до

На краю суповой тарелки лежит замороженная в лед огромная атлантическая селедка, густо посыпанная крупной белой солью.

— Блин! — говорит старпом. Похоже, словечко привязалось.

Характерная форма рубки и леерных ограждений. До боли знакомые обводы легкого корпуса. Такие очень... очень американские.

— «Наутилус», — говорит Меркулов, сам себе не веря. — Что б меня, это же «Наутилус»!

Прибегает мичман-дозиметрист и докладывает:

— Фопит, тарипс командир. Почти как в активной зоне. Может, у них реактор вразнос пошел? Они, наверное, всплыли по-быстрому, их как пробку выбросило — и на лед!

Глаза у мичмана покрасневшие и гноятся. От радиации у половины экипажа конъюнктивит и экзема. Несколько человек на грани слепоты. Грязная лодка, очень грязная, ду-

маст каперанг. Хотя у американцев дела не лучше. У них дела, если честно, совсем плохи.

— Как лодка называется? Опознали?

— Нет, товарищ командир. Там только бортовой номер: пять-семь-один.

Номер «Наутилуса». Значит, я не ошибся, думает каперанг. Но что, черт возьми, тогда с ними случилось?

— Сменить одежду, — приказывает Меркулов. — В лодку не заходить, вам сюда принесут — ничего, не замерзнете. Потом отогреетесь. Личные дозиметры — на проверку. Молодцы, ребята. И получить двойную порцию водки. Все, бегом.

— Есть!

Появляется Васильев. С минуту смотрит на тушу американской лодки, потом протирает глаза. У него зрение тоже садится — или адмирал очень удивлен.

Или всё разом.

— Блин! — говорит Дикий Адмирал. В этом Меркулов с ним солидарен. — Нашли кого-нибудь?

— Еще нет. Пока не искали. Старпом!

Осташко о чем-то беседует с комиссаром лодки. В этот раз К-З поставили вплотную к кромке льда и опустили носовые рули глубины — как трапы. Несколько матросов выглядят на белом фоне словно вороны на снегу.

— Старпом! — повышает голос Меркулов. Осташко оборачивается. — Паша, возьми людей, возьми автоматы из оружейки. Осмотритесь здесь вокруг. К «Наутилусу» не лезть. Давай, может, кого найдете. Только дозу не забудь измерить. Ну, с Богом.

— Понял, — отвечает старпом.

Меркулов поворачивается к Васильеву.

— На твоём месте, — говорит адмирал тихо, — я бы приказал стрелять в любого, кого они обнаружат.

Каперанг надменно вскидывает подбородок. Взгляд его становится тяжелым, свинцовым. Слова чеканятся, как зубилом по металлу:

— Вы что-то знаете?

Адмирал поводит головой, словно воротник кителя натер ему шею.

— Дело твое, — говорит Васильев наконец. В его глазах непрерывный треск сотен счетчиков Гейгера. — Твое, каперанг. Только не пожалей потом, ладно?

Меркулов молчит.

Ты только одна-а, одна виновата...

1 день до

— Ктулху, — говорит американец.

Он уже должен был загнуться от лучевой болезни, но почему-то не погибает. Только глаза жутко слезятся; огромные язвы — лицо Рокуэлла выглядит пятнистым, как у леопарда. Еще у него выпадают волосы, но при той дозе, что схватил американец, это вообще мелочи.

— Простите? — говорит Меркулов.

Он плохо знает английский, но в составе экипажа есть Константин Забирка, который английский знает хорошо. Так что, в общем-то, все друг друга понимают. Кроме моментов, когда американец заводит разговор о Ктулху.

— Говард Лавкрафт, — продолжает американец. — Умер в тридцать седьмом. А мы ему не верили.

Ему самому тридцать два. Его зовут Сэм Рокуэлл. Он лейтенант военно-морского флота США. Еще он совершенно лысый и слепой от радиации.

Близко подойти к «Наутилусу» Меркулов не разрешил. Дорого бы он дал за вахтенный журнал американцев, но... Но. Рассмотрели лодку со всех сторон из биноклей. На правом борту, рядом с рубкой, обнаружились странные повреждения, словно кто-то вырвал кусок легкого корпуса и повредил прочный. Пробоина. Видимо, столкновение? Или удар?

— Да, да, — говорит американец. — Мы закрыли отсек. Потом полный ход. Искали, где подняться вверх. Да, да.

— У вас есть на борту ядерное оружие? — спрашивает Меркулов. — Переведи ему.

Забирка переводит — странно слышать чужие слова, когда их произносит этот глубокий красивый голос.

Американец молчит, смотрит на каперанга. Через желтоватую кожу лица просвечивает кость.

— Дайте ему водки. И повторите вопрос.

— Да, — говорит Рокуэлл, лейтенант военно-морского флота США. — Мы собирались убить Ктулху. Вы слышали про операцию «Высокий прыжок»? Сорок седьмой год, адмирал Ричард Берд. С этого все началось...

12 часов до

Ростом с гору. Так написал Лавкрафт. Еще он описывает, как люди с повышенной чувствительностью — люди искусства, художники, поэты — видели во снах некое чудовище и сходили с ума. От таких снов можно чокнуться, мысленно соглашается Меркулов, вспоминая огромный, затянутый туманом город, от которого словно веяло потаенным ужасом. Невероятные, циклопические сооружения, сочащиеся зеленой слизью. И тени, бродящие где-то там, за туманом, — угадываются их нечеловеческая природа и гигантские размеры. Ростом Ктулху «многие мили». Капитан автоматически пересчитывает морскую милю в километры и думает: очень высокий. Охрененно высокий.

Долбанутые американцы. Не было печали.

Меркулов с облегчением выглатывает водку и зажевывает апельсином. Желудок обжигает — водка ледяная. Потом каперанг убирает бутылку в холодильник, идет бриться и чистить зубы. Командир на лодке должен быть богом, не меньше, а от богов не пахнет перегаром.

— Слышу «трещотку», — говорит акустик. — Какой-то странный рисунок, товарищ командир.

Меркулов прикладывает наушники, слушает. На фоне непрерывного скрежета, треска и гула — далекий гипнотический ритм: тум-ту-ту-тум, ту-ду. И снова: тум-ту-ту-тум, ту-ду. Мало похоже на звуковой маяк, который выставляют полярники для подводных лодок. К тому же, насколько помнит каперанг, в этом районе никаких советских станций нет.

— Это не наши.

— Это мои, — говорит Васильев хриплым надсаженным голосом. Дикий Адмирал уже второй день пьет по-черному, поэтому выглядит как дерьмо. — То есть наши.

Но дерьмо, которое зачем-то выбрилось до синевы, отутюжилось и тщательно, волосок к волоску, причесалось. От Васильева волнами распространяется холодноватый запах хорошего одеколona. Интересно, на кой черт ему это нужно? — думает командир К-3 про попытку адмирала выглядеть в форме.

— Что это значит? — Меркулов смотрит на адмирала.

— Это значит: дошли, каперанг. «Трещотка» обозначает нашу цель.

Цель? У командира К-3 от бешенства сводит скулы.

— У меня приказ дойти до полюса. — Голос звучит будто со стороны.

Адмирал улыбается. Эта слащавая похмельная улыбка — Меркулову хочется врезать по ней, чтобы превратить улыбку в щербатый окровавленный оскал. В этот момент он ненавидит адмирала так, как никогда до этого.

Это мой экипаж, думает Меркулов. *Моя* лодка.

— На хрен полюс, — говорит Васильев добродушно. — У тебя, каперанг, другая задача.

8 часов до

Подводный ядерный взрыв, прикидывает Меркулов.

Надо уйти от гидроудара. Сложность в том, что у К-3 только носовые торпедные аппараты. После выстрела мы получим аварийный дифферент, то есть, попросту говоря, масса воды в несколько тонн хлынет внутрь лодки, заполняя место, которое раньше занимала торпеда-гигант. Лодка встанет на попá. Придется срочно продувать носовые балластные цистерны, чтобы выровнять ее. Если чуть ошибемся, К-3 может выскочить на поверхность, как поллавок. А там лед. Вот будет весело. Даже если все пройдет благополучно и мы выровняем лодку вовремя, то еще нужно набрать ход, развернуться и уходить на полной скорости от ударной волны.

А там четыреста килотонн, думает Меркулов. Охрененная глубинная бомба.

— Акустик, слышишь «трещотку»? Дай точный пеленг.

Акустик дает пеленг. Мичман-расчетчик вносит данные в «Торий». Это новейший вычислитель. Прибор гудит и щелкает, старательно переваривая цифры. Лодка в это время меняет курс, чтобы дать новые пеленги на цели, — их тоже внесут в «Торий». Координаты цели, координаты лодки и так далее. Подводная война — это прежде всего тригонометрия.

Цель неподвижна, поэтому штурман быстрее справляется с помощью логарифмической линейки.

— Готово, командир.

Меркулов глазами показывает: молодец.

Полная тишина. Лодка набирает скорость и выходит на позицию для стрельбы. Расчетная глубина сто метров.

Вдруг динамик оживает. Оттуда докладывают — голос старшины Григорьева:

— Товарищ командир, греется подшипник электродвигателя главного циркуляционного насоса!

Блин, думает Меркулов. Вот и конец. Мы же подо льдом. Нам на одной турбине переться черт знает сколько. А еще этот Ктулху, Штурху... хер его знает кто.

4 часа до

— Разрешите, товарищ капитан?

Григорьев проходит в кают-компанию, садится на корточки и достает из-под дивана нечто завернутое в промасленную тряпку. Осторожно разворачивает, словно там чешская хрустальная ваза.

На некоторое время у кап-два Осташко пропадает дар речи. Потому что это гораздо лучше любого, даже венецианского, стекла. Все золото мира не взял бы сейчас старпом вместо этого простого куска железа.

— Вот, товарищ капитан, он самый.

На ладонях у Григорьева лежит подшипник, который заменили на заводе. Запасливый старшина прибрал старую деталь и спрятал на всякий пожарный. Интересно, думает старпом, если я загляну под диван, сколько ползного там найду?

— Молодец, Григорьев! — говорит Осташко с чувством.
— Служу Советскому Союзу! — отчеканивает старшина. Затем тоном ниже: — Разве что, товарищ капитан, одна закавыка...

— Что еще? — выпрямляется старпом.

— Мы на этом подшилнике все ходовые отмотали.

— И?..

Старшина думает немного и говорит:

— А если он вылетит на хрен?

Короткая пауза.

— Тогда на хрен и будем решать, — говорит Осташко. — Все, работай.

1 час 13 минут до

— Товарищ командир, — слышится из динамика спокойный голос главного механика, — работы закончены. Разрешите опробовать?

— Пробуй, Подымыч, — говорит командир.

Не зря его экипаж дневал и ночевал на лодке все время строительства. Сложнейший ремонт выполнен в открытом море и в подводном положении. Только бы получилось! Только бы. Меркулов скрещивает пальцы.

— Нормально, командир, — докладывает динамик. — Работает как зверь.

Командир объявляет новость по всем отсекам. Слышится тихое «ура». Всё, теперь ищем полынью, решает Меркулов.

22 минуты до

— Операция «Высокий прыжок» — в сорок седьмом году экспедиция адмирала Берда отправилась в Антарктиду. Целая флотилия, четырнадцать кораблей, даже авианосец был. На хера столько — вот что интересно. С кем они воевать собирались? А еще интереснее, кто их там встретил, так что они фактически сбегали сломя голову. А адмирал попал в сумасшедший дом... А теперь смотри, каперанг, — говорит

Васильев и пробивает апельсин отверткой насквозь. Брызжет желтый сок. Остро пахнет новым годом. — Все очень просто, — продолжает адмирал. — Вот Южный полюс, о который обломал зубы адмирал Берд, вот Северный, рядом с которым пропадают наши и американские лодки. Короче, на этой спице, протыкающей земной шар, как кусок сыра, кто-то устроился, словно у себя дома. Нечто чудовищное.

Образ земного шара, проткнутого отверткой, отнюдь не внушает Меркулову оптимизма.

— За последние шесть лет пропало без вести восемь наших лодок, одна норвежская и три американские, — говорит адмирал. Он успел навестить холодильник, поэтому дикция у него смазанная. — Все в районе севернее семидесятой широты. Полярные воды. — Васильев замолкает, потом натужно откашливается. От него несет перегаром и чем-то застарело кислым. — Недавно мы нашли и подняли со дна С-восемнадцать, исчезнувшую пять лет назад. Там... тебе интересно, каперанг?

— Да, — говорит Меркулов.

Васильев, преодолевая алкоголь в крови, рассказывает каперангу, что было там. Его слушает весь центральный пост. Тишина мертвая.

Лодка сейчас на поверхности — они вернулись в ту же полынью, в которой всплывали днем раньше. Последняя проверка перед боем.

— У них лица живые, — заканчивает рассказ адмирал.

Командир К-3 молчит и думает. С-18 получила повреждения, когда была на ходу в подводном положении. «Наutilus», по словам американца, заходил в атаку. Потом... что было потом?

Меркулов поворачивается к старпому:

— Ну-ка, Паша, тащи сюда американца.

17 минут до

— Уэл, — говорит американец тихо. Он сильно ослабел за последние часы.

— Хорошо, — переводит Забирка сильным красивым баритоном.

— Что ж, спасибо, лейтенант Рокуэлл. Спасибо. Все по местам! — Меркулов встает и поправляет обшлага на рукавах. В бой положено идти при параде. — Посмотрим, выдержит ли их империалистический Ктулху попадание советской ядерной торпеды.

Старпом и штурман дружно усмеваются.

— Нет, — говорит вдруг каплей Забирка. — Ничего не получится.

Сначала Меркулов думает, что это сказал американец, а Забирка просто перевел своим звучным голосом. Поэтому капсранг смотрит на Рокуэлла, но губы американца неподвижны, лицо выражает удивление. Потом командир К-3 видит, как Забирка делает шаг к матросу-охраннику и, глядя тому в глаза, берется за ствол «калана». Рывок. Ничего не понимающий матрос тянет автомат на себя — и получает мгновенный удар в горло. Х-харх! Матрос падает.

Забирка поворачивается, оскалив зубы.

Худой, страшный. На левом глазу — белая пленка катаракты.

В жилистых руках, торчащих из черных рукавов, автомат кажется нелепым. Дурацкий розыгрыш, думает Меркулов. Как подводник, он настолько отвык от вида ручного оружия, что даже не верит, что эта штука может убивать.

Забирка улыбается. В этой улыбке есть что-то неправильное — капсранг не может понять, что имею, но ему становится не по себе. Двигается Забирка очень мягко, по-звериному.

Кап-два Осташко кидается ему наперерез.

Судя по звуку, кто-то с размаху вбивает в железную бочку несколько гвоздей подряд. Оглушенный, ослепленный вспышками, Меркулов щурится.

Старпом медленно, как во сне, заваливается на бок.

Все сдвигается. Кто-то куда-то бежит. Топот. Ругань. Крики. Выстрелы. Один гвоздь вбили, второй.

— Папа! — Меркулов опускается на колени перед другом. — Что же ты, Папа...

Лицо у кап-два Осташко спокойное и немного удивленное. В груди — аккуратные дырочки. На черной форме кровь не видна, только кажется, что ткань немного промокла.

— Водолазов ко мне! — приказывает Меркулов резко. Потом вспоминает: — Стоп, отставить.

Водолазы бесполезны. В обычной лодке их бы выпустили наверх через торпедные аппараты, но здесь, в К-3, аппараты заряжены уже на базе. Конечно, можно было бы выстрелить одну торпеду в никуда. Но не с ядерной же боеголовкой!

Гром выстрела.

Пуля с визгом рикошетит по узкой трубе, ведущей в рубку. Все, кто в центральном посту, невольно пригибаются. Затем грохот, словно по жестяному водостоку спустили металлическую гайку.

Матрос ссыпается вниз, держа автомат одной рукой. На левой щеке у него длинная кровавая царапина.

— Засел в рубке, сука! — докладывает матрос. — И в упор, гад, садит. Не пройти, тарих командир. С этой дурой там не развренешься, — показывает на «калаш». Потом матрос просит: — Дайте мне пистолет, тарих комиссар, а? Я попробую его снять.

Комиссар лодки делает шаг вперед, расстегивая кобуру.

— У меня граната! — слышится голос сверху. Сильный и такой глубокий, что проходит через отсеки почти без искажений, только набирая по пути темную грохочущую мощь.

— Отставить! — приказывает Меркулов. Обводит взглядом всех, кто сейчас в центральном.

Ситуация аховая. Сумасшедший Забирка (сумасшедший ли? диверсант?) держит под прицелом рубочный люк. Кто сунется, получит пулю в лоб.

Скомандовать погружение, и пускай этот псих плавает в ледяной воде, думает командир К-3. Эх, было бы здорово. Но нельзя, вот в чем проблема.

Не заdraив люк, погрузиться невозможно, потому что затопит центральный пост. В итоге, понимает Меркулов, мы имеем следующее: один безумец держит в заложниках атомную лодку, гордость советского Военно-морского флота, и сто человек отборного экипажа. А еще у него есть

«калаш», два рожка патронов и граната, которую он может в любой момент спустить в центральный отсек. Особенно забавно это смотрится на фоне надвигающегося из подводной темноты американского Ктулху.

— Гребаный Ктулху, — произносит Меркулов вслух.

— Аварийный люк, товарищ командир! — вскакивает матрос с автоматом. Громким шелотом: — Разрешите!

Секунду капитан медлит.

— Молодец, матрос, — говорит Меркулов. — За мной!

4 минуты до

Восьмой отсек — жилой. Здесь как раз лежит на койке старшина Григорьев, когда раздаются выстрелы. Теперь матросы и старшины, собиравшиеся отдохнуть, с тревогой ждут, что будет дальше. Руки у старшины замотаны тряпками — раскаленные трубы парогенератора находились очень близко, ремонтники постоянно обжигались.

Но ничего. Лишь бы разобраться с выстрелами.

Появляется командир лодки с пятью матросами. Все с автоматами, у Меркулова в руке пистолет. За ними в отсек вваливается адмирал Васильев — с запахом перегара наперевес, мощным, как ручной гранатомет.

— Раздраивай! — приказывает Меркулов.

Аварийный люк не поддается. Несмотря на ожоги, Григорьев лезет вперед и помогает. Механизмы старпину любят, поэтому люк вздыхает, скрежещет и наконец сдается. В затхлый кондиционированный воздух отсека врывается холодная струя.

Один из матросов отстраняет Григорьева, лезет наружу, держа автомат наготове. Тут же ныряет обратно, выдыхает пар. Звучит короткая очередь — пули взвизгивают о металл корпуса.

Матросы ссыпаются вниз с руганью и грохотом.

Григорьев падает. Поворачивает голову и видит адмирала флота Васильева. У того лицо белое, как простыня.

— Я же предупреждал! — раздается знакомый голос. Звяк!

В следующее мгновение граненая металлическая шишка выпадывает из люка сверху. Стучается об пол, отскакивает со звоном, катится, подпрыгивая и виляя, и останавливается перед Григорьевым прямо на расстоянии вытянутой руки.

Еще через мгновение старшина ложится на гранату животом.

Момент 0

Один, считает старшина.

В следующее мгновение боль ломиком расхреначивает ему ребра — почему-то с левой стороны. Еще через мгновение Григорьев понимает, что его пинают подкованным флотским ботинком.

— Слезь с гранаты, придурок! — орут сверху.

Еще через мгновение семьдесят килограммов старшины оказываются в воздухе и врезаются в стену. Каждый сантиметр занят краниками и трубами, поэтому Григорьеву больно. Старшина падает вниз и кричит.

Пол снова вздрагивает. Только уже гораздо сильнее. Старшина открывает глаза — над ним склонился капитан Меркулов с гранатой в руке. Кольцо в гранате, думает Григорьев, ах я, дурак.

Через открытый аварийный люк восьмого отсека льется дневной свет. Становится холодно.

— Ктулху фхтагн, — слышит старшина сверху. И не верит своим ушам.

Ему невероятно знаком этот сильный красивый баритон — глубокий, как дно океана. Только в этом голосе сейчас звучит нечто звериное, темное. Этот голос пугает, словно говорит сама глубина.

— Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'льех вгах'пагл фхтагн. Но однажды он проснется...

Автоматная очередь. Крики.

— Ктулху зовет, — изрывает капитан-лейтенант Забирка.

Его не видно, но голос разносится по всем отсекам. У Забирки автомат и гранаты, но он забыл, что нужно выдернуть

кольцо. Капитан-лейтенант стремительно превращается в первобытное существо.

Адмирал Васильев встает на ноги и говорит Меркулову:

— Теперь ты понял, для чего нам ядерные торпеды?

Каперанг кивает. Потом выдергивает чеку, размахивается и кидает гранату через люк вверх, как камешек в небо.

— Ложись! — говорит командир К-3. — Три. — Меркулов падает, закрывая голову руками.

Два, считает старшина. В ту же секунду пол вздрагивает и слышен потусторонний жуткий скрежет.

Один, думает старшина.

Пять секунд после

По лодке словно долбанули погрузочным краном. От взрыва гранаты лодку прибивает к краю полыньи — скрежет становится невыносимым. Матросы зажимают уши. Каперанг вскакивает, делая знак матросам — вперед, наверх! Если этот псих еще жив — его нужно добить. Поднимает pistol. «Черт, что тут нужно было отщелкнуть?! А, предохранитель...»

Вдруг динамик оживает:

— Товарищ командир, рубочный люк задраен!

Сперва Меркулов не понимает. Потом думает, что это хитрость. Забирка каким-то образом пробрался в центральный и захватил лодку.

— Кто говорит?

— Говорит капитан-инженер Волынцев. Повторяю: рубочный люк задраен.

— Очень хорошо, центральный. — Каперанг приходит в себя. — Всем по местам! — командует Меркулов. — Срочное погружение!

Пробегает в центральный пост. Там лежат два тела в черной форме: сердце колет ледяной иглой, Паша, что же ты... А кто второй?

Посреди поста стоит механик Волынцев с рукой на перевязи. Лицо у него странное, на лбу огромный синяк.

Вторым лежит Рокуэлл, лейтенант военно-морского флота США, с лицом, похожим на шкуру пятнистого леопарда. Глаза закрыты. На черной робе кровь не видна, только кажется, что ткань немного промокла.

— Вот ведь американец, — рассказывает механик. — Забрался наверх и люк закрыл. Я ему кричу: слазь, гад, куда?! Думал, убежать штаговец хочет. А он меня ногой по морде. И лезет вверх. — Волынцев замолкает, потом говорит: — Люк закрывать полез, как оказалось. Герой, мать вашу.

Топот ног, шум циркуляционных насосов. Лодка погружается без рулей — только на балластных цистернах.

— Осмотреться в отсеках!

— И ведь закрыл, — заканчивает Волынцев тихо, словно не веря.

— Слышу, — говорит акустик. Лицо у него побелевшее, но сосредоточенное. — Цель движется. Даю пеленг...

— Боевая тревога, — приказывает Меркулов спокойно. — Приготовиться к торпедной атаке. Второй торпедный аппарат — к бою!

Ладно, посмотрим, кто кого, думает каперанг. «Многие мили» ростом? Что же, на то мы и советские моряки...

В колхозном поселке, в большом и богатом,
Есть много хороших девча-ат,
Ты только одна-а, одна виновата,
Что я до сих пор не жена-ат.

Ты только одна-а-а, одна виновата,
Что я до сих пор не жена-ат.

Вадим Калашов
ТАЙНЫЕ ОХОТНИКИ

Хоуп считал меня сумасшедшим.

Не он первый. Еще бы: рассказываю чушь, лишу министру, ненавижу зеркала. Впрочем, я не люблю собственную внешность еще с Вест-Пойнта, а вот полоумным меня стали считать недавно — четыре года, два месяца и двадцать четыре дня назад, если быть точным. За этот срок я рассказывал свою историю триста шестнадцать раз. И тем не менее ради Хоупа мне пришлось рассказать ее снова.

— ...после этого эпизода, как вы знаете, я был сначала уволен из полиции, потом вынужден пройти курс принудительного лечения в клинике Святого Франциска в Провиденсе. Выйдя оттуда, я продолжил бороться за свое честное имя. Меня хотели упрятать в больницу во второй раз, но тогда, как вы помните, в дело вмешались газетчики, которые устроили мне независимую психиатрическую экспертизу в Европе. Потом был суд и такая же бесполезная апелляция. А сейчас я — настоящий профессионал с клеймом сумасшедшего — не могу найти работу не то что в захудалом детективном агентстве, а даже грузчиком на рыбном складе. У меня нет ни поддержки, ни денег на адвоката. Я вынужден был беспокоить министра только потому, что не вижу другой возможности доказать свою правоту...

— Мистер Джоули, после того суда вам предлагали неплохую пенсию, — перебил меня Хоуп.

Это очень скверная привычка: перебивать. В достойном обществе такое не приветствуется. Но Хоуп работает в министерстве...

— Мне не нужны дармовые деньги, сэр. Не скрою, я долгое время не работаю и мое финансовое положение далеко от стабильного. Но никаких средств от министерства я не приму. По закону Соединенных Штатов Америки я не заслужил почетную пенсию и потому не имею на нее никаких прав. Я лишь требую вернуть мне работу, репутацию

правдивого и умственно здорового человека и честное имя. Мне не нужна денежная компенсация за моральный ущерб от лиц, решивших, что они имеют право выставять офицера то сумасшедшим, то лжецом, жаждущим дешевой славы. Я просто настаиваю на официальном публичном извинении. Именно поэтому...

— Именно поэтому вы написали министру сорок писем, — опять перебил меня Хоуп.

— Тридцать семь, сэр, если быть точным, — сказал я тем же тоном, что и раньше, — сдержанно, но жестко.

— Вы производите впечатление человека, у которого есть цель, — кивнул Хоуп.

Глупая фраза. Разумеется, у меня есть цель, иначе я бы не повторял триста семнадцать раз одни и те же слова и не писал все эти письма на один и тот же адрес.

— Да, сэр, и я не делаю из этого тайны. Восстановление чести рода Джоули. Мой отец погиб, сражаясь в рядах нашей армии, а я, как вы знаете, не только охранял граждан от преступников, но и бился за них в Нормандии. Я всю жизнь гордился отцом, которого никогда не видел, и хочу, чтобы мой будущий сын тоже не стыдился своей фамилии.

Теперь настал черед Хоупа говорить. Я знал, что он скажет, но не персбивал.

— Хм... Джоули, ваши заслуги перед страной неоспоримы, но поймите: официальное извинение... Признать, что офицер полиции, задерживая обычных сатанистов, убил демона или... — как его там? — оборотня, или рыбчеловека?.. Это ведь нелегко. Вы беспокоитесь о чести своей семьи, но не осознаете, что подобные признания из уст официальных лиц затрагивают честь государства. Вы же патриот, Джоули, вы должны понимать такие вещи.

— Сэр, я не утверждал, что тот, кого я убил, был демоном или оборотнем. Я не специалист по бесам, сэр. Я всего лишь, как честный человек, описал то, что происходило. Он поднялся, получив шесть пуль из «магнума» сорок пятого калибра, и остановил его только серебряный крест, вонзенный в глаз или то, что заменяло орган зрения. Признаюсь, когда я увидел его, сразу вспомнил легенды о вервольфах, потому и схватился за крестик. Но при осмотре тела обна-

ружилось, что то, что я принял в темноте за вздыбленную шерсть, оказалось наростами, напоминающими иглы морского ежа. Вставая на четвереньки, это существо походило на волка, но термин «морской волк» имеет в английском языке другое значение. А так как, стоя на двух ногах, он был похож на человека, то я и использовал термин «рыбо-человек»...

— И чем же дышала на суше эта рыба, напоминающая волка и человека одновременно? — снова перебил меня Хоуп.

Он начинал испытывать мое терпение.

— Не знаю, сэр, я не ихтиолог, на тот момент я был всего лишь отставной морской пехотинец, обычный офицер полиции.

— Хм... ну, если бы сохранилось тело.

— Сэр! Я должен был охранять гниющий труп или все-таки доставить женщину с ритуального стола в больницу?!

Хоуп поднял вверх руки и сказал примиряющим тоном:

— Простите меня, Джоули. В тот момент вы действовали как настоящий офицер и как честный человек. Да, и она, и родившийся ребенок все равно умерли, но в этом не было вашей вины. Вы сделали все возможное. И... Джоули, скажу вам не как официальное лицо, а как отец: вы правильно сделали, что прострелили этим трем сектантам головы, а не арестовали.

Я только сейчас заметил у Хоупа обручальное кольцо.

— Я еще раз взываю к вашему благоразумию. Ночь, беременная женщина на ритуальном столе, высоко занесенный жертвенный нож... шоковое состояние... даже у человека с железными нервами мог бы случиться...

Он стеснялся сказать слово «припадок».

— Сэр, — я решил открыть карты, — когда я и еще один молодой капитан морской пехоты оказались в японском плену, мы оба видели вещи и пострашнее. А когда в Нормандии немец в мгновение ока вспорол брюхо рядовому Джонсу и тот упал, роняя кишки на землю, я не сомел с ума и не подставил свой живот, а снес фашисту голову прикладом. А потом я сумел отличить моего друга Хоупа от кучи трупов, несмотря на то что губы его были уже синие!.. Я не спутал его с мертвецом, хотя у меня было не

просто шоковое состояние, а полная задница на душе! Хоуп!.. Сволочь! Я знал, что здесь меня опять попросят смириться, взять деньги и заткнуться, но не думал, что это будешь ты, Джон!

— Заткнись, Гарри! — крикнул Хоуп и стукнул кулаком по столу. — Думаешь, я тебя не узнал?! — От официального тона не осталось и следа. — Ты сам виноват, что я стесняюсь обнаружить наше знакомство! Сам! Ты хоть читал собственный отчет?! Рыбы, мертвецы, оборотни... Чушь! Сказки!.. И ты хочешь, чтобы я в это поверил?!

— Джонни, — я глядел ему прямо в глаза, — клянусь Богом, мне самому жутко было писать такие вещи. Но так было, и я сказал правду!

— Да кому она нужна, твоя правда?!

Хоуп вскочил и принялся нервно рассказывать по комнате. Он сломал восемь спичек, прежде чем удалось закурить. Мой собеседник был взволнован, хотя заговорил уже спокойным тоном:

— Гарри, ну предположим, что так оно и было, что сектанты хранили какого-то зверя, мутанта или кого-то там еще, в конце концов наука развивается столь быстро, что это в принципе возможно. Но ты же прекрасно знаешь, что бороться за правду бессмысленно. Сейчас газеты забыли про тебя, ты им наскучил; эта шумиха достала здесь многих до печенок. Честное имя — это очень важно, но неплохо оставить потомкам и кое-какие сбережения. Тебе дадут много, очень много денег, Гарри. Хватит на тысячу честных имен. — Выкурив сигарету, он опустил в кресло. — Гарри, все твои проблемы в жизни оттого, что ты слишком правильный. Когда в Вест-Пойнте ты заступался за молокососов, это было благородно. Но когда ты написал рапорт на тех четверых в Нормандии, тебя возненавидел даже я. Пес с этим генеральским сынком, но ведь пострадал не он, а другие трое. Простые солдаты, которые всего лишь истосковались по женской ласке. Четное слово, Гарри, если бы ты, как персонаж комиксов, набил им морду, я бы тебя уважал. Но ты сдал их, сдал, потому что ты — правильный. И что?.. Генеральский щенок отмазался и тебя из армии выжить умудрился, а парни тюремный срок получили. Нельзя так жить, такие люди нигде

не задерживаются. В полиции, я знаю, тебя тоже не любили. Ты... ты любишь Барбару Стрейзанд?..

Этого вопроса я никак не ожидал. Хоуп сам ответил на него:

— Это молодая актриса. Не красавица, но безумно популярна. А знаешь почему?.. Потому что время идеальных девочек нашей молодости прошло. Правильных не любят. Всем надо, чтобы как в жизни. Экранные девчонки должны иметь хоть какой-то недостаток! А вестерны? Наш любимый Джон Уэйн! Хороший парень, который никогда не стреляет в спину и не бьет лежащего. Сейчас хорошие парни в вестернах ведут себя как плохие. Клинт Иствуд и бьет, и стреляет, и людям это нравится. Такие правильные, как ты, никому не нужны. И мне... мне плевать, что ты там видел, хоть ты и спас мне жизнь. И министру плевать. И всем остальным. Я знаю, что ты никогда не смиришься. У тебя нечеловеческое упорство, потому что ты сам не человек. Живые люди не могут тренироваться, как тренировался ты, не считают так скрупулезно всё на свете, как считаешь ты, и живые люди, Джоули, не стучат начальству на себя. Ты во всем добиваешься совершенства. Почему и ненавидел зеркала еще с Вест-Пойнта. Собственное лицо — единственное, что ты не мог усовершенствовать.

Он закурил новую сигарету. Закурил с первой попытки. И его сигареты стоили, как мой гардероб выходного дня.

— Ступай в свой правильный мир и оставь наш живым людям.

Я молча встал, развернулся к двери и пошел.

— И спасибо, что спас меня в Нормандии! — донеслось из-за спины.

* * *

— Подонок! — сказал незнакомец в адрес Хоупа и выключил изображение.

Он спрятал в карман миниатюрный телевизор, тонкий, как блокнот.

— Теперь вы видите, что, хотя мы и не состоим при Пентагоне, организация у нас серьезная. Вы пройдете со мной и выслушаете все, что я хочу вам сказать. — Он кив-

нул на серое неприметное здание напротив захудалой кафешки на окраине города, ставшей местом нашего странного знакомства.

Предложение исходило от человека, наблюдавшего за кабинетами министра и его заместителей. Разумеется, я согласился.

* * *

— ...Ктулху. Такова основная тень его имени.

— Имя?..

— Нет. Тень, тень имени. Имя мы не можем даже произнести или записать. Твари, которых вы видели в музее, всего лишь земные тени настоящих демонов его мира. А различные имена, под которыми Поведитель Вселенского Зла известен в религиях Добра, — это всего лишь тени имени настоящего, которое несет в своих звуках разрушительную энергию. Даже самый преданный служитель культа не может произнести и трех слогов настоящего имени своего жестокого бога — его немедленно разорвет на части. Вы, конечно, знаете про разрушительное воздействие ультразвука на человека? — (Я кивнул). — Так вот, с настоящим именем Ктулху ситуация обстоит примерно так же. Ученые не могут объяснить этот феномен. В лабораториях созданы передовые образцы оружия и техники, но многие загадки цивилизаций, основавших культ Зла, для нас до сих пор темный лес. И это несмотря на то, что привлечено такое оборудование и такие люди.

Мы покинули лабораторию и направились через уже знакомый мне музей к арсеналу. Со всех сторон на меня смотрели чучела монстров размерами от белки до слона. Возле одного я задержался. Сейчас он напоминал просто зеленого человека, покрытого чешуей, но я знал, что из-под чешуи могут в мгновение ока вырастать острые иглы, а морда может удлиняться до размеров волчьей.

— Морской волк, как вы его не осмелились назвать, — засмеялся незнакомец. — А вот мы называем его именно так. Жуткий зверь. Это основной вид демонов-мигрантов. Демоны-мигранты — это...

— Сэр, вы имете дело с бывшим офицером. Мне не нужно повторять все по нескольку раз. Демоны-мигранты —

это те, кому удалось поселиться в пределах нашего мира благодаря черному колдовству служителей Ктулху. Их главная задача: сеять смерть и ужас, увеличивая общий отрицательный фон Земли. Фон, благоприятствующий приходу их бога. Но эти твари не могут разговаривать, потому что, собственно говоря, это даже не демоны, а их осязаемые тени. Они вступают в браки со смертными служителями Зла, чтобы вывести породу тех, кто обладает силой демона, но может произносить вслух высокие тени имени Ктулху. Чем выше имя, которое произнес служитель в момент колдовства, тем длиннее будет то невидимое щупальце, что протянет гнусный бог в наш мир. Когда родится тот, кто способен произвести до конца не только все тени, но и само имя, тогда вслед за щупальцами подтянутся и голова, и мерзкое тело Повелителя Вселенского Зла. Вы, тайные охотники, по мере сил истребляете служителей Ктулху и его монстров, чтобы предотвратить непоправимое. И вы предлагаете мне стать одним из вас.

Незнакомец удивленно поднял брови:

— У вас прекрасная память. И кстати, вы согласны?

Я не ответил. Незнакомец схватил меня за рукав и с жаром заговорил. Чувствовалось, что я ему пришелся по нраву и что в армии тайных бойцов явная нехватка кадров.

— Вы должны быть с нами. Мы знаем вашу судьбу. Всю. От сурового детства до широко освещавшегося в газетах приключения на необитаемом острове. Вы выжили один из сорока, и не только выжили, но сумели продержаться до прибытия спасателей целый месяц на рыбе и дождевой воде. Вы доказали, что жажда жизни способна даже подростка толкнуть на поступки, недоступные порой и взрослому. У вас есть совесть, Джоули. Мы знаем, вы до сих пор вините себя за то, что не смогли спасти школьных товарищей. Говорят, с тех пор вы стыдитесь смотреть в зеркало...

Да, зеркала я не любил. И вовсе не по той причине, которая пришла в голову Хоупу.

— ...вы не раз доказывали, что порядок для вас превыше всего. Такие люди нам нужны, чтобы не дать миру погрузиться в хаос. Кроме вышперечисленных качеств вы хоро-

шо стреляете и бросаете ножи, плаваете и бегаете. Но главное: вы не боитесь поверить своим глазам, даже если против этого восстает здравый смысл. Более четырех лет вы терпели унижения, потому что верили в свою правоту. И теперь вы получили подтверждение, что ваше приключение не было галлюцинацией! Джоули! Хоуп прав! Таким, как вы, не место в обычном мире. Вступайте в наши ряды, ряды настоящей полиции мира! Тех, кто на самом деле охраняет людей от Зла! Поймите, нас так мало, потому что нам, с одной стороны, нужны специалисты высокого профиля, но с другой — не нужны фомы неверующие!

Я посмотрел за окно, где юности и девушки отрабатывали приемы владения холодным оружием.

— А пистолеты вы используете?

Незнакомец обрадовался. Он понял, что одним охотником стало больше.

— Конечно же. Пойдемте, я покажу.

Мы продолжили путь к арсеналу.

— Ученые наших лабораторий до сих пор не могут понять: почему серебро действует разрушительно на всех демонов, от вервольфов до морских волков? Мы просто принимаем этот факт. Констатируем — как сказали бы вы в вашем отчете. — Он засмеялся. — И, отвлекаясь от темы, скажу, что вы сделали правильный выбор. Поверьте охотнику с двадцатилетним стажем: скоро вы забудете прежнюю жизнь. Мы станем вашими единственными друзьями и настоящей семьей.

Пока незнакомец вел меня к арсеналу, я успел узнать историю организации, последние достижения и особенности тайного существования такой структуры. Незнакомца охватил приступ гнева, когда мы проходили мимо портретной галереи самых знаменитых охотников прошлого.

— У-у, негодяй! — погрозил он кулаком портрету тощего, бледного человека, похожего лицом на летучую мышь. — Из-за этого информатора сведения о культе Ктулху просочились наружу. Он, как и другие информаторы, собирал и обрабатывал сведения, нужные организации, роаясь в архивах. Если бы мы знали о его увлечении писательством, то трижды бы подумали, прежде чем дать согласие. У него

хватило стыда не писать про саму организацию и хватило совести не относить рассказы в печать. Но после его смерти нашлись ушлые людишки, опубликовавшие кое-что из его записей. К счастью, большую часть мы успели уничтожить.

Тут загудела сирена, и незнакомец вздрогнул. Через секунду он прижимал к уху трубку телефона, спрятанного в неприметной нише среди портретов.

— Появление морских волков в районе Старого порта, — сказал он через минуту. — Оставайтесь здесь, а я иду с другими охотниками.

Лицо мое скривилось от обиды при его словах.

— Сэр! Мне кажется, вы дали понять, что я уже пять минут как тайный охотник. Стрелять я умею не хуже любого из ваших молодцов, так что не вижу причин отказать мне в участии в первой охоте. Тем более что от одного монстра я уже избавил наш мир.

Никто и никогда, ни в прошлой, ни в будущей жизни, не смотрел на меня с таким уважением. Хромированный пистолет, заряженный пулями с серебряным покрытием, перекочевал ко мне в руку.

— Джоули, я знал, что не ошибся в вас.

* * *

Бой был недолгим, но я успел расстрелять четыре обоймы и получить десяток ранений. Одиннадцать, если быть точным.

Через полчаса я уже был возле телефонной будки и отчитывался о проделанной работе.

Хлестал дождь, и на улице не было ни души. Мне это было только на руку.

Я рассказывал очень долго. Он не торопил меня. Он никогда никуда не торопится.

— Почему ты не взорвал их? Зачем было рисковать всем и играть в ковбоев?

Действительно, зачем?

— Из-за Нахула, — догадался он.

Он всегда обо всем догадывается.

— Не плачь, мальчик, я знаю, что тебе было нелегко его убить четыре года назад, но так было надо. Он сам вызвался.

Я думал, что шум дождя заглушит постыдные звуки, но он все слышал. Он всегда все слышит.

— Не рыдай, будь мужчиной. Тебе уже двести лет, а ты по-прежнему сентиментален, как кисейная барышня.

Он успокаивал меня. Обычно его голос всегда заворачивал, помогал забыть обиды и тяготы. Но не сегодня.

— Я встретил там его чучело... его... они сделали из Нагуфа чучело!

Нахул был моим лучшим другом, а Нагуф родным братом.

— Кгулху позаботится о нем.

Обычно я не осмеливался его перебивать, но сегодня был особенный день.

— Я знаю! Знаю! Но я его не увижу, может быть, тысячу лет! Сколько еще ждать, учитель?! Сколько еще ждать?!

В пистолете еще оставались патроны. Он это почувствовал. Он всегда все чувствует.

— Мальчик мой! Не вздумай! Если сделаешь это не по Его велению, ты никогда не попадешь в мир Старожилов! Мне стыдно за тебя! В тебе еще слишком много земной крови!.. Ну, вспомни, сколько твоих близких убили люди?.. Двоих! А скольких за это казнил ты?!

Двенадцать охотников, девять ученых и еще пару человек неизвестной мне специальности.

— Два десятка. Двадцать три человека, если быть точным.

Он редко смеялся. Но сегодня ему очень хотелось подбодрить меня.

— Ха! Молодец! Узнаю своего прежнего делового мальчика. Тебя что-то беспокоит?..

— Да, другие охотники. Многие были на заданиях.

— Они ничего не стоят без руководства.

— А информаторы?.. Мы не можем никого вычислить, пока они не опубликуют свои литературные опусы!

— Все нормально. Информаторы — ничто. Поверь мне. И пусть тебя не беспокоит их творчество: этим рассказам все равно никто не поверит.

— А другие организации?.. Другис!

— Серьезный вопрос. Обсудим это завтра. Ты ведь ра-
нен?..

Я улыбнулся:

— Пустяки. Одиннадцать царапин, регенерируюсь так же быстро, как это делал отец. — Вспомнив о нем, я не мог не спросить: — И мое лицо.... Когда вы вернете мое лицо? Я ненавижу эти человеческие черты, доставшиеся от матери, ненавижу труды хирургов, сделавших меня совершенно неотличимым от настоящего человека.

— Не время, мальчик мой, не время, — ответил он.

Я сжал кулаки и постарался успокоиться. Я подожду.

— До свидания, и скажите дяде Огаруфу из Старого порта, что он мне должен.

Я повесил трубку и вышел из телефонной будки. Я жаждал воды.

Ливень хлынул еще сильнее и закрыл непропицаемой стеной и ненавистные людские дома, и машины, и главное — витрины магазинов, в которых отражалось не мое настоящее лицо, а лик смертного. Образ человека, которого до семнадцати лет звали «Гарри Джоули», а потом называли «Жертва Ктулху».

Я шел по улице, глотая влагу, и вспоминал устья пресных рек, где было особенно весело играть с Нахулом. Кровь смешивалась с водой и стекала на губы, и ее соленый вкус заставлял вспомнить море, давшее жизнь мне и брату. Скоро, скоро наш повелитель придет в этот мир, а вместе с ним придете и вы, так безвременно покинувшие меня.

Вест-Пойнт научил меня тому, что главное в жизни — тренировка. Я видел, как обычные подростки на глазах превращались в атлетов. Но сейчас мне нужно не это. Мне нужно ускорить приход нашего бога, и без тренировок не обойтись. В непромокаемом пакете со мной всегда бумага с одним лишь словом из шестидесяти шести букв. Я каждый день укрепляю душу, как некогда тренировал тело. Двадцать лет назад я не мог прочитать и трех букв, как меня тут же распирала изнутри невидимая сила, грозящая разорвать тело в клочья. А сейчас я в состоянии без ущерба для здоровья прочитать уже половину тени имени. Когда-нибудь я доберусь до последних букв и...

И берегитесь, смертные!

Василий Владимировский

ВТОРОЙ ШАНС

Мое инвалидное кресло стоит в дальнем уголке аркхэмского парка. Слева — темный пруд, справа — аккуратная клумба с гвоздиками. Легкий ветерок полощет листья деревьев, в голубом небе ни облачка, где-то раздается детский смех...

Как же я все это ненавижу!

— Привет, старина! Ничего себе погодка, а?

Ну вот, ушел в себя и не заметил, как он появился. Мой давний товарищ неплохо сохранился для своих лет: грузный, абсолютно лысый, но в остальном — такой же живчик, как и в молодости. А вот меня время не пощадило: пергаментные щеки, руки тонкие, как палки, сеть старых шрамов на лбу и подбородке... Я давно не питаю иллюзий относительно собственной внешности.

— Сколько мы не виделись — три года? Пять лет? И сегодня ты явился пожелать мне здоровья?

Он вздыхает и опускается на скамейку:

— Я провел время не напрасно, поверь. Знаю, тебе самому не дает покоя вопрос, почему же тогда, тридцать лет назад, наш Господин не явился на зов. Я спускался в бездны и поднимался к вершинам гор, я разговаривал с духами мертвых, чертил гороскопы, ходил в экспедицию к Хребтам Безумия и до дыр зачитал «Некрономикон». И мне удалось кое-чего добиться...

— Никакой ошибки не было, — перебиваю я. — Мы принесли необходимые жертвы, собрали артефакты, произнесли нужные слова на Древнем языке... Все должно было получиться. Если Господин не захотел пробудиться — на то была лишь Его воля. Видно, не хотел прерывать свой сон в Океане Вечности...

Мой гость довольно улыбается:

— А вот и нет! Когда-то я и сам так думал. Долго искал ошибку в расчетах, копался в дневниках... Но потом меня

осенило! Жертвы и артефакты — далеко не главное в процедуре вызова. Куда важнее восторг, который захлестывает одновременно тысячи душ при звуке имени Господина. А что у нас тогда было? Полторы сотни книжечек, искренне верующих в Его пришествие... Не так надо было все делать, не так! И я нашел способ...

— И какой же, позволь полюбопытствовать? Как два старика могут совершить то, что оказалось не по силам лучшим некромантам мира?

— Я все продумал, будь уверен! — Он вскакивает и начинает ходить по лужайке. — Странствуя по миру, я успел скопить приличное состояние. Если к этому добавить твои связи и влияние в деловых кругах, мы сможем попытаться снова — и пробудить Его наконец!

— Втягиваешь в очередную авантюру?

— Да нет же! Подумай сам, что зажигает сердца людей так, как не зажигает ни любовь, ни война? Когда в едином порыве и с искренним чувством тысячи скандируют одно и то же слово? Я знаю, ты всегда был неравнодушен к спорту...

Кажется, я начинаю понимать его:

— Так ты предлагаешь?..

— Именно! Я уже начал наводить мосты... Конечно, на первом этапе придется нелегко, но тайные знания помогут нам быстро потеснить конкурентов. Если мы возьмемся за дело с размахом, то уже через три-четыре года сможем осуществить свою мечту!

Великие Древние, неужели все так просто?! Неужели через столько лет у нас действительно появился второй шанс? Я чувствую непрошеные слезы на лице. Губы невольно шепчут слова, которые мне давно уже не доводилось произносить:

— Ктулху фхтагн...

Мой товарищ ободряюще улыбается:

— Не так, дружище, не так! Отныне это будет звучать чуть-чуть иначе... — Он распрямляет плечи и произносит во весь голос: — Ктулху — чемпион!

Виталий Слюсарь

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ РОБЕРТА ХЭММИТА

Только теперь, когда прошло достаточно много времени, я начинаю эти записки, не предназначенные для посторонних глаз, начинаю, исключительно желая приоткрыть хотя бы для самого себя завесу, которая покрывает исчезновение Роберта Хэммита. Именно попытаться, ибо эта тайна (в чем у меня нет ни малейших сомнений) связана с силами и сущностями, находящимися за пределами нашего привычного мира и потому непостижимыми для ограниченного человеческого разума.

Роберт сумел заглянуть за грань, отделяющую наш заурядный мир от мира ужасного и неименуемого, — и заплатил за это жизнью. Возможно, его участь была много страшнее милосердной смерти. Кто я такой, чтобы гадать о том, что выше моего понимания? Мне остается лишь молиться, чтобы участью моего друга там, где он пребывает ныне, оказалась именно смерть как наименьшее из возможных зол...

Однако обо всем по порядку.

Мы с Робертом были знакомы с детства, поскольку жили по соседству на восточной окраине Провиденса, штат Род-Айленд. Учились в одной школе, играли в одни и те же игры. Уже с ранних лет между нами была заметна разница в характере, в темпераменте и наклонностях. Роберт был тихим, замкнутым мальчиком, предпочитавшим шумным компаниям сверстников уединение с книгой. Читал он много. Коскто из взрослых (в том числе родители самого Роберта) считал, что даже слишком много. Причем, в то время как наши ровесники если что и читали, так разве что книги о Гарри Поттере, Роберт отдавал предпочтение совсем не детской литературе — начиная с Эдгара По и Лавкрафта (который, как не раз с особым удовольствием повторял Роберт, тоже жил в Провиденсе) и заканчивая «ужасниками» Стивена Кинга. Взрослые говорили, что такой круг чтения влияет на не

сформировавшуюся детскую психику не самым благоприятным образом. Возможно, они были правы, потому что Роберт, сколько я помню, всегда выглядел болезненно худощавым, без тени загара на нервном лице. У него была какая-то редкая форма аллергии, из-за которой врачи запрещали ему долго находиться на солнце, и от контраста с черными волосами кожа его казалась еще бледнее. Темные глаза за стеклами очков скрывали лихорадочный блеск. В общем, типичный облик отличника. Роберт действительно хорошо учился. У него были лучшие оценки в нашей школе, и учителя в один голос пророчили ему большое будущее.

Что касается меня, то я в те годы едва ли являл собой образец успеваемости и примерного поведения.

И тем не менее, как ни странно это выглядело со стороны, мы с Робертом были друзьями. Настоящими друзьями. И наши родители утверждали, что мы положительно влияем друг на друга. Отчим Роберта (его отец погиб в автомобильной катастрофе) не раз повторял, что Роберту стоит поучиться у меня, что значит быть нормальным двенадцатилетним мальчишкой, а не сухарем-вундеркиндом. Мой же старик твердил, вытирая промасленной тряпичей мозолистые руки: «Ну, коли водишься с таким умным парнем, может, и у тебя немного ума появится в тыкве, которая у тебя вместо головы...»

Да, мы были друзьями. Сначала лазали в наше «секретное убежище» — дом, который мой отец соорудил на ветвях старого дерева на заднем дворе нашего дома. Потом, когда немного подросли, стали кататься на велосипедах на пустырь за заброшенными складами мистера Догерти. Роберт делился со мной тем, что прочел в книгах, — о древних египтянах, о мрачных культах ацтеков и прочих зловещих тайнах, которые притягивали его. Я слушал его вполуха. Мне в те годы куда интереснее было прокатиться на скейтборде или поиграть на компьютере... Я был не самым лучшим слушателем для Роберта, но других приятелей, которые бы не высмеяли его, у него попросту не было.

Мы росли, и с каждым годом росло различие между нами, становясь все более заметным. Но мы по-прежнему оставались друзьями.

Школу Роберт закончил на «отлично», с лучшими оценками во всем графстве. Такие отметки позволяли ему самому выбирать колледж для дальнейшего образования — его с радостью принял бы Гарвард или Оксфорд. А Роберт неожиданно для всех выбрал мало кому известный Мискато-никский университет в Аркхэме.

Так наши жизненные пути разошлись на несколько лет. Роберт уехал, а мне пришлось оставить планы относительно дальнейшего образования. Отец тяжело заболел, и я был вынужден взять на себя его бизнес — гараж и авторемонтную мастерскую. Не скрою, это было нелегко для восемнадцатилетнего парня, но кто-то же должен был поддержать семью, в которой, кроме меня, были еще две младшие сестры?.. Приходилось крутиться как белка в колесе, набивая шишки и приобретая опыт, однако не прошло и года, как я с немалым удивлением обнаружил, что мастерская не только держится на плаву, но и приносит стабильный, хотя и небольшой доход. Год спустя я сделал предложение Дженифер Дженнингс, с которой мы встречались еще со школьных времен, мы поженились, а еще через год у нас родился первенец, Джек-младший...

Впрочем, я ушел в сторону. Этот рассказ не обо мне, а о Роберте Хэммите. С ним все эти годы мы практически не виделись. Разумеется, я слышал от общих знакомых, что он успешно окончил университет, поступил в аспирантуру и теперь занимается научной деятельностью или чем-то вроде этого. Мы встречались три или четыре раза, когда Роберт приезжал в Провиденс навестить родителей, но все наше общение сводилось к посиделкам за стаканчиком виски в баре «У поворота» да обмену воспоминаниями типа: «А помнишь, как...»

Потом мать Роберта и отчим вышли на пенсию и переехали во Флориду, и Роберт перестал появляться в наших краях.

Что ж, время безжалостно ко всему, в том числе и к дружбе.

Тем больше я был удивлен, когда две недели назад в каморку, которую принято называть моим кабинетом, заглянул Фрэнк Гордон — один из работающих у меня ме-

хаников. Я как раз пытался свести концы с концами в финансовой отчетности и с трудом оторвал взгляд от компьютерного монитора и вороха бумаг на столе.

— В чем дело, Фрэнк?

— Там это... — Механик неопределенно ткнул большим пальцем себе за спину. — Там приехал один тип, спрашивает тебя.

— Что еще за тип?

— Говорит, он твой друг. Роберт Хэммит.

— Роберт?!

Мгновенно забыв о бумагах и налогах, от которых пухла голова, я поспешил к приятелю.

Да, это действительно был Роберт. Правда, заметно изменившийся за годы, что мы не виделись. Он завел короткую профессорскую бородку, которая делала его заметно старше. В бороде, как и на висках, серебрилась первая седина. Хороший костюм, хорошая машина, которую я профессионально оценил краем глаза... но сам Роберт выглядел неважно. Еще бледнее, чем я помнил, худой и осунувшийся, будто после продолжительного недуга. Глаза за стеклами очков ввалились и казались еще темнее.

Мы обменялись крепким рукопожатием.

— Ну, привет, старина! Каким ветром тебя занесло в наши края?

Роберт бледно, вымученно улыбнулся и искоса бросил взгляд на механиков, которые глазели на нас из глубины мастерской.

— Слушай, Джек, давай выберемся в какое-нибудь тихое местечко, где мы сможем спокойно поговорить?..

Я, несколько сбитый с толку таким началом разговора, пожал плечами:

— Ладно. Давай.

Мы заехали в ближайшее кафе, взяли по чашке кофе, и тогда я сказал:

— О'кей, старик, так в чем дело?

Несколько секунд Роберт смотрел на меня сквозь стекла очков, как будто делал окончательный выбор. Наконец чаша незримых весов склонилась в мою пользу.

— Мне нужна твоя помощь, Джек.

Признаться, чего-то подобного я и ожидал.

— Помощь? Какого рода?

Роберт ответил не сразу. Достал сигареты, закурил и, только сделав пару нервных затяжек (от моего внимания не ускользнуло, как при этом дрожали его пальцы), заговорил, глядя не мне в лицо, а чуть в сторону.

Многое из того, что он рассказывал мне тогда глуховатым, нарочито бесстрастным голосом, я уже знал раньше. Что Роберт заканчивал аспирантуру под руководством знаменитого профессора Алана Джарвиса. Что там же, на кафедре антропологии Мискатоникского университета, занимался исследованием пограничных состояний человеческой психики. И, разумеется, Роберт не был бы Робертом, если бы не связал эти эксперименты со своими потусторонними увлечениями.

Когда он рассказывал мне об этом, голос его ожил, зазвенел энтузиазмом истинно увлеченного человека.

— Видишь ли, Джек, — вещал он, иллюстрируя слова бурной жестикуляцией, — человеческое сознание находится в плену окружающего нас обыденного мира, словно мошка в окаменевшем кусочке янтаря. Мир держит нас всех в плену при помощи наших же органов чувств, заставляя каждую секунду жизни видеть, слышать и осязать то, что окружает нас, — мир грубой материи. Наши органы чувств подобны путам, сковывающим разум, не дающим ему раскрепоститься, отрешиться от непрерывных потоков информации, увидеть то, что лежит за пределами материального мира... А ведь там скрывается другой мир — мир непознанного и неименоваемого!.. Ты спросишь, почему я так в этом уверен? Я много лет пытался понять, представить, что находится *там*, за пределами. По крупницам собирал свидетельства, разбросанные по различным древним книгам. В древние времена, когда человеческая цивилизация была молода, незримые стены, отделяющие нас от Мира Неименоваемого, еще не представляли собой непреодолимую преграду, разум подготовленного человека мог проникнуть за них — с помощью длительных медитаций или наркотического транса. И в разбросанных по миру манускриптах и

тайных книгах сохранились свидетельства об этом. В Мискатоникском университете прекрасная библиотека, хранящая множество редчайших экземпляров. Именно там я нашел рукописные отрывки из «Некрономикона» Аль-Хазреда, повествующие о временах невообразимой давности, о Древних Богах и демонах, об ужасных войнах за власть над Землей и Вселенной... И эта книга подтолкнула меня провести новую серию экспериментов...

Насколько я, человек далекий как от биологии, так и от науки вообще, понял, новая серия экспериментов Роберта Хэммита заключалась в том, чтобы заблокировать органы человеческих чувств, оградить их от потока поступающей извне информации, и тогда разум сможет уловить отголоски иного мира, лежащего за пределами ведомой нам реальности. Подобные эксперименты неоднократно проводились в прошлом и НАСА, и русскими во время подготовки к первым полетам в космос. Тогда ученые пытались понять, что ждет людей в безбрежном океане черной пустоты за пределами земной атмосферы. Испытателей помещали в сурдокамеры, поглощавшие малейшие звуки, погружали в ванны с температурой воды, равной температуре человеческого тела, в полном безмолвии и темноте. Человек в такой ванне терял ощущение верха и низа, ощущение хода времени и даже своего тела. Через некоторое время начинались галлюцинации — как зрительные, так и слуховые. Испытатели якобы видели некие пейзажи, необычные настолько, что никак не могли принадлежать Земле, слышали как бы отдаленные, смутно различимые звуки, складывающиеся в неземную же музыку...

Методология таких экспериментов была достаточно проработана, и никто не предвидел каких-либо осложнений. Тем не менее Роберта постигла неудача. Впрочем, это еще мягко сказано.

Один из студентов-добровольцев, участвовавших в эксперименте, впал в кататонию, другой... (Роберт на секунду запнулся, будто ему трудно было подобрать нужные слова) другой сошел с ума. Его поместили в клинику, где он неделю спустя покончил с собой, перерезав вены осколком стекла от собственных очков.

Разумеется, было проведено расследование. Ни полиция, ни специально приглашенные эксперты не обнаружили в экспериментах Роберта каких-нибудь преступных промахов, однако руководство Мискатоникского университета решило перестраховаться. На всякий случай. В конце концов, ученые живут по тем же законам, что и все остальные люди, и среди них всегда найдутся желающие подсадить и утопить менее удачливого коллегу...

— Короче, меня выгнали из университета. — Роберт посмотрел на зажатую в пальцах забытую сигарету, успевшую истлеть почти до фильтра, потом с силой раздавил ее в пепельнице, словно ставя последнюю точку в рассказе.

Повисла тяжелая пауза.

— Мне очень жаль, Роберт, — сказал я, чувствуя всю фальшь своих слов, но других у меня все равно не было. — Действительно жаль. Но чем я могу помочь в сложившейся ситуации?

Он снова смотрел на меня оценивающим взглядом, явно взвешивая в уме про и contra.

— Я должен довести эксперимент до конца, Джек, — произнес он, приняв решение. — Должен. Я чувствую... Нет, черт побери, я уверен, что подошел совсем близко! Я как тот монах со старинной гравюры, который вышел к краю света. Осталось лишь пробить дыру в небесном своде и выглянуть наружу, чтобы увидеть то, что лежит там, ввне...

Разумеется, он все продумал до мельчайших деталей, все просчитал. Наследство, полученное после смерти родителей, плюс некоторые собственные сбережения позволили Роберту закупить все необходимое оборудование и приборы.

— Трейлер с оборудованием должен прибыть завтра. — Роберт раскурил новую сигарету. — Я уже арендовал один из складов мистера Догерти.

— Ты хочешь, чтобы я...

— Совсем не то, что ты подумал. Я вовсе не предлагаю тебе стать подопытным кроликом. Мне всего лишь нужен человек, который присматривал бы за оборудованием.

— Но ведь я ни фига не понимаю в этих ваших ученых приборах!

Он ответил раньше, чем я успел договорить:

— Во-первых, в этом оборудовании нет ничего сложного. Ты справишься, Джек. А во-вторых, мне нужен человек, которому я мог бы доверять целиком и полностью. Потому что в саркофаг на этот раз лягу я сам.

Трейлер прибыл на следующий день. Еще пару дней заняли монтаж и настройка, но к концу недели все было готово. Техники, монтировавшие оборудование, уехали, и мы с Робертом остались вдвоем при куче электроники ценной в несколько десятков тысяч долларов.

Роберт арендовал одну из секций склада мистера Догерти, гулкое мрачноватое помещение, напоминавшее пещеру. Саркофаг, контрольные приборы, компьютеры и все прочее было установлено в центре склада, но даже это немалое нагромождение приборных стоек, кабелей и ящиков как-то терялось в темном пространстве. Последние отсветы заката погасли в пыльных окнах под самым потолком, верхние лампы не горели. Свет давали лишь люминесцентные трубки двух переносных фонарей да мерцающие компьютерные мониторы.

Круг света казался таким маленьким в окружении сгущающихся сумерек.

Роберт повесил куртку на спинку вращающегося стула на колесиках, начал расстегивать рубашку.

— Ты все запомнил, Джек?

Я кивнул, стараясь задавить нервное напряжение, от которого никак не мог избавиться.

— Конечно, приятель, но... может, ну ее на фиг, эту затею?.. Признаться, мне этот эксперимент нравится все меньше и меньше.

Уверенности в глазах Роберта мои слова не поколебали ни на йоту.

— Нет, Джек. Если уж идти, то идти до конца.

Когда он разделся, кожа, никогда не знавшая загара, при резком ртутном свете казалась мертвенно-бледной. Я помогал Роберту укреплять на коже с помощью пластыря медицинские датчики, контролирующие частоту пульса, температуру, давление и еще кучу различных параметров. Это

было похоже на подготовку астронавтов к полету, про которых любит смотреть по каналу «Дискавери» мой сынишка...

Последним мы закрепили на шее Роберта ларингофон — единственную ниточку, которая во время эксперимента будет связывать его с внешним миром.

Он начал подниматься по приставной дюралевой лесенке к саркофагу.

Это громоздкое сооружение, вокруг которого группировалось все прочее оборудование, саркофагом назвал сам Роберт. Оно и впрямь здорово смахивало на саркофаги из древних захоронений. Высотой почти в человеческий рост, с толстенными стенками, не пропускающими ни звука, ни света, с трубками, по которым должна закачиваться вода.

Я поднимался следом за Робертом, следя, чтобы не запутались провода, которые шлейфом тянулись за ним к стойкам с приборами.

Роберт перелез через край саркофага, повернулся ко мне, чтобы взять дыхательную маску.

— Не передумал? — Я снова попытался отговорить друга от этой затеи.

Он лишь отрицательно мотнул головой, надел маску и погрузился в ванну. Вода сомкнулась над его лицом.

— Порядок? — спросил я.

Роберт поднял руку и показал мне большой и указательный пальцы, сомкнутые в колечко: все о'кей.

Мне оставалось только уложить провода и шланги в специальные углубления, задвинуть массивную крышку и закрутить фиксирующие зажимы.

Сделав это, я поспешил к своему месту за панелью управления. Торопливо натянул наушники, поправил гибкий микрофон у угла рта.

— Хьюстон вызывает «Аполлон». Проверка связи. Прием.

— Все в порядке, Хьюстон. Слышу тебя отлично, Джек. Запускай стартовую программу.

Голос Роберта был искажен маской и ларингофоном, но в нем явственно слышалась усмешка. Видимо, моя неказистая шуточка помогла ему немного расслабиться... как и мне самому.

Я положил руки на клавиатуру, застучал по кнопкам, запуская программу «Погружение». На мониторе передо мной одно за другим открылось несколько окон, по-комариному заняли сервомоторы, приглушенно загудели насосы. Программа пошла. Теперь она автоматически уравнивает температуру воды в саркофаге с температурой кожи Роберта, возьмет на себя слежение за десятками параметров, обеспечивающих полную изоляцию от внешнего мира. С этой минуты подопытный не услышит даже моего голоса — связь в ходе эксперимента будет работать в одностороннем режиме.

Я попытался представить его сейчас там — в полной темноте, в безмолвии, плавающим в стальном гробу, — и ощутил что-то вроде приступа клаустрофобии. По коже пробежали мурашки.

Мне оставалось лишь отстраненно наблюдать за ходом эксперимента. Все брала на себя разработанная Робертом программа. Только в самом крайнем случае, если датчики покажут угрозу жизни, я должен вмешаться, но не раньше.

Время тянулось медленно. За пределами неверного круга света стусился непроглядный мрак глубокой ночи, и мне начинало казаться, будто этот мрак растворил в себе не только пустое пространство склада, но и лежащий за его стенами город, и вообще весь мир... Меня окружала гулкая тишина, нарушаемая лишь тихим гудением сервоприводов, мерным писком датчиков, регистрировавших пульс Роберта, да его искаженным электроникой почти до неузнаваемости голосом, что время от времени шелестел в наушниках.

Будто загипнотизированный, сидел я перед пультом, не отрывая взгляда от компьютерного монитора, по которому ползли зеленые зубчатые линии, и вслушивался в странно обесцвеченный ларингофоном голос, ронявший короткие фразы.

— Странное ощущение... Кажется, будто меня подвесили в пустоте. Не могу даже сообразить, где верх, где низ...

Еще почти через час:

— Такое впечатление, словно тело растворилось. Если бы не стук сердца, я бы решил, что его больше нет...

Зеленые зубцы на мониторе становились выше и острее, но пока не выходили за критические значения, что не да-

вало мне повода для вмешательства. С Робертом явно что-то происходило. Мои глаза слезились и слипались от напряжения, приходилось часто моргать и тереть их тыльной стороной руки. Исподволь меня охватывала апатия — реакция на нервное напряжение этой бесконечной ночи.

На какую-то секунду я, наверное, даже уснул, потому что голос Роберта, раздавшийся в наушниках, заставил меня очнуться и резко вскинуть голову.

Голос звучал на удивление четко и внятно:

— Огни... Я вижу мерцающие огни!.. Они фиолетового и зеленого цветов и выглядят так, словно просвечивают сквозь толщу тумана...

Пульс Роберта подскочил до ста пятидесяти ударов в минуту, кровяное давление тоже поднялось, но все же не достигло того уровня, когда я мог прекратить ход эксперимента. Скосив глаза в правый нижний угол монитора, я машинально отметил время. 3:41 ночи. Самое темное время суток...

Роберт тем временем продолжал торопливо пересказывать то, что видел там, в темном чреве саркофага:

— Огни приближаются... Они становятся ярче и танцуют вокруг меня, подобно светлячкам... Мне кажется, они... они зовут меня с собой... Мне кажется, я уже совсем близко...

Мой взгляд метался по индикаторам и датчикам. Какие еще, к дьяволу, мерцающие огни? Куда они могут звать Роберта в герметично закрытом саркофаге?! Что это — галлюцинации?! Или... или он добился того, ради чего затеял этот эксперимент, — нашел путь за пределы нашего мира?..

Пальцы, лежащие на клавиатуре, готовые в любой момент оборвать программу «Погружение», слегка подрагивали. От сонной одури не осталось и следа, сердце мое стучало, как отбойный молоток, адреналин в крови явно зашкаливал.

— Эти огни... они ведут меня за собой. Я плыву... нет, лечу вверх, поднимаюсь в каком-то колодце. Вижу впереди свет... Он желто-зеленого странного оттенка, как будто солнце просвечивает сквозь воду, и разгорается все ярче...

Эйфория, звучавшая в голосе Роберта, видимо, каким-то образом передалась и мне. На миг я испытал что-то

вроде головокружения. Кровь стучала в висках. Мне даже показалось, что тьма склада озарилась тусклым, еле уловимым зеленоватым светом — будто далекое зарево за пыльными стеклами. Я встряхнул головой, прогоняя наваждение.

— Голоса! — воскликнул Роберт. — Я слышу голоса... Они... поют... зовут меня. О, эта неземная музыка становится громче...

Теперь и я слышал... вернее, мне казалось, что слышал. Это было похоже на отдаленный рокот прибоя, почти неслышимый, набегающий на берег в ритме волн, но с каждой волной становящийся все отчетливее и громче. Идущие из ниоткуда и отовсюду голоса, в которых не было ничего человеческого, пели нескончаемую литанию на неведомом языке. Хорал, невыразимо прекрасный, завораживающий, равно как и ужасный, заставляющий озноб пробегать по коже, звучал все отчетливее в пустом пространстве склада. Теперь я даже мог различать слова, составившие эту литанию, хотя по-прежнему не понимал их смысла.

*Фх'нглуи мгло'нафх Ктулху Р'Лайх вгах'нагл фхтагн!
Фхтагн! Фхтагн!! Йа, йа, Ктулху Р'Лайх!*

Что-то происходило вокруг меня. Пространство становилось зыбким, склад озарял смутный, призрачный пульсирующий свет оттенка сепии, льющийся ниоткуда.

— Он ждет меня!! — Голос Роберта, напряженный, как натянутая до предела струна, готовая лопнуть, хлестнул по нервам. — Он ждет меня в конце туннеля, Сам Владыка Неименованного и Великих Древних! О Великий Ктулху! О-о-о-о!..

Приборы на панели будто взбесились, запищав тревожными сигналами. Я протянул руки к клавиатуре, намереваясь немедленно прекратить этот безумный эксперимент... но опоздал на какую-то неуловимую долю секунды.

Хорал нечеловеческих голосов взвыл в оглушительном крещендо, желто-зеленый *неземной* свет вспышкой молнии залил склад, и пространство над саркофагом разодрала неведомая сила, с той же легкостью, с какой руки силача разрывают тонкую ткань. На краткое мгновение моему потрясенному взгляду предстало громадное существо, похо-

жее одновременно и на богомола, и на осьминога. Облик его внушал безотчетный ужас, но вместе с тем от него невозможно было и отвести взгляд. Оно нависало надо мной, как гора нависает над муравьем.

Бесчисленные черные щупальца, усеянные жадно пульсирующими присосками, извивались в воздухе, словно змеи. Они разорвали металлическую скорлупу саркофага, как бумагу, и выхватили обнаженного Роберта, опутанного проводами. Схваченное толстыми щупальцами, тело моего друга взлетело под потолок безвольной тряпичной куклой; до меня долетели только капли крови и крик, исполненный за-предельного ужаса.

Чудовище издало kloкочущий звук, подобный гулу землетрясения, и в следующую секунду дыра в пространстве схлопнулась, свет погас, нечеловеческий хорал смолк, и я остался один в темноте — маленький человечек, парализованный пережитым, валяющийся на бетонном полу среди разгромленного научного оборудования...

Дальнейшее отложилось в моей памяти смутно. Вскоре на место происшествия прибыла полиция, ее вызвали жители домов, расположенных поблизости от складов мистера Догерти, встревоженные странными звуками и вспышками зеленого света. Полицейские повидали на своем веку немало, но и они были потрясены, увидев разгром и меня, буквально с ног до головы залитого кровью Роберта Хэммита...

Потом это дело перешло в руки ФБР. Меня много раз допрашивали, проверяли на детекторе лжи и подвергали гипнозу, но вряд ли поверили тому, что я рассказывал. В конце концов это дело отправили в разряд таких же таинственных случаев, которые невозможно раскрыть, а меня отпустили — скорее всего просто потому, что не могли придумать, каким образом я мог расправиться с другом.

Ну не принимать же в расчет бред о Древних Богах из-за незримых пределов нашего мира!

С тех пор прошло несколько лет. Я живу тихой-мирной жизнью, бизнес идет неплохо, а вскоре я смогу передать его своему сыну. Что еще нужно человеку, лицезревшему Самого Великого Ктулху и при этом оставшемуся в живых?.. Думаю, я остался в живых только потому, что он

попросту не заметил меня. Разве мы замечаем копошащихся под ногами муравьев?

Роберту повезло меньше. Он все-таки проник за грань Неименованного, туда, где в сокровенном городе Р'Лайх спит Ктулху, видя сны, чем и навлек на себя гнев Великого Повелителя. Впрочем, не думаю, что Ктулху по-настоящему проявил Свой гнев. Мне кажется, он просто отмахнулся, как человек, не просыпаясь, отмахивается от надоедливой мухи.

Те страшные события не то чтобы потускнели в моей памяти, но подернулись пеллом прошедшего времени. Воспоминания возвращаются лишь по ночам, когда я лежу без сна, и кажется, будто я слышу едва уловимые, как далекий прибой, голоса, сплетающиеся в неземном хорале:

Фх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'Лайх...

г. Запорожье,
13 августа 2005

Павел Молитвин ЯВЛЕНИЕ КТУЛУХУ

Жизнь — страшная штука, а по отдельным дьявольским намекам, доходящим до нас из пучины неведомого, мы можем догадываться, что на самом деле все обстоит в тысячи раз хуже.

Г. Ф. Лавкрафт. Артур Джермин

ЧАСТЬ 1 Фотография, фотографистка, фотографесса

Вывернув на Петергофское шоссе и ощутив простор, желтый «матис» побежал шустрее, и я порадовался, что господин Мамелюкин пригласил нас посетить свой особняк в будний день. Во время уик-энда движение тут, как на Невском, — кто по грибы едет, кто на фазенду, кто петергофскими фонтанами любоваться. Никому золотой осенью дома не сидится.

— Ты обещал рассказать, что такое гальванопластика, — напомнила Лика, не отрывая взгляда от дороги и явно намереваясь обогнать финский туристический автобус.

Я хотел сказать, чтобы не гнала сломя голову: не часто нам удастся выбраться за город, самое время расслабиться и поглазеть по сторонам. Полюбоваться накатывавшими на дорогу желто-рыжими валами вязов и лип, сверкающих, как добела раскаленный металл, в лучах щедрого осеннего солнца.

Но она, поджав губы, уже пошла на обгон.

Настроена нынче Анжелика Арсентьевна была серьезно: делу время — потехе час. И коль скоро предстоит фотографировать скульптуры, созданные методом гальванопластики, то о ней я и должен рассказать все, что успел разузнать, готовясь к поездке в Белую Падь.

— Термин «гальванотехника» происходит от фамилии известного итальянского физика Гальвани, одного из осно-

вателей учения об электричестве, — сказал я, сознавая, что, в общем-го, Лика права.

Если бы ей надо было сфоткать только медных химер, воссозданных по архивным материалам для украшения фасада бывшего особняка князя Утгарова, она бы лишних вопросов не задавала. Но фишка заказанного нам альбома «Возрождение Петрополя» заключалась в том, чтобы дать представление о работе реставраторов и показать разнообразные техники восстановления фресок, мозаичных панно, инкрустаций и прочих произведений искусства.

— В начале девятнадцатого века гальванотехникой стали называть новую область применения электричества: электролитическое осаждение металлов из растворов солей на поверхность изделий. Причем применяли гальванотехнику еще до открытия законов электролиза. В тысяча восемьсот тридцать третьем году английский физик Фарадей, активно занимавшийся проблемами электролиза, ввел термин «ионы», но теория электролитической диссоциации была сформулирована шведским ученым Сванте Аррениусом лишь в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году. А русский инженер и ученый Якоби еще в тысяча восемьсот тридцать восьмом году применил гальванотехнику для получения тонких металлических копий с предметов сложной формы. Способ этот был назван гальванопластикой...

— Про ученых, инженеров, предшественников и последователей — не надо. Об этом ты в своей статье напишешь, — прервала меня Лика. — Ты мне суть метода изложи.

— Суть в том, что электролиты — растворы солей некоторых металлов — при растворении в воде распадаются — диссоциируют на ионы, положительные и отрицательные. «Ион» — в переводе с греческого означает «странствующий». В растворе ионы беспорядочно бегают в различных направлениях, а под воздействием электрического тока приобретают направленное движение. Положительно заряженные устремляются к катоду и называются катионами, отрицательно заряженные — к аноду и называются анионами. Это ты из школьной программы должна помнить.

— Должна, но не помню, — сухо сказала Лика, и я понял, что имеет место рецидив болезни «в гробу я вас всех видала».

А я, как это ни странно, хорошо помнил опыт, воспроизводивший процесс гальванопластики. Тамара Петровна, пожилая учительница, любившая обращаться к классу со словами: «Ну, рыбоньки мои, а теперь проверим, не обманывают ли вас авторы учебника и я вместе с ними» — взяла прямоугольную пластинку подогретого парафина и вдавила в нее пряжку от солдатского ремня, в котором щеголял Петька Перегудов. На пластинке появился отпечаток звезды с серпом и молотом посредине. Потом она попросила кого-то из нас растолочь в ступке грифель простого карандаша и кисточкой покрыла порошком пластинку. По краям прижала две тонкие медные проволоочки без изоляции — токоотводы — и соединила их между собой. Потом подвесила парафиновую пластинку в банке, наполнив ее электролитом для меднения, состоящим из воды, медного купороса и серной кислоты. По обеим сторонам от парафина с отпечатком звезды подвесила на проволочках две медные пластинки, соединив их между собой, а потом — с положительным полюсом трансформатора. Токоотводы от графита она присоединила к отрицательному полюсу, после чего пощелкала реостатом, регулируя силу тока. И тут урок закончился. А на следующий день Тамара Петровна показала нам маленькое чудо: вынула парафиновую пластинку, сунула в горячую воду, и, когда парафин растаял, в руках у учительницы остался тонкий медный листок, повторяющий солдатскую пряжку со звездой.

Мы знали что такое хромирование, серебрение, позолота, осуществляемые методом гальванопластики. И все же Тамаре Петровне удалось удивить нас рассказом о том, что метод электролитической диссоциации используется не только для серебрения ложек и цинкования жести, но и при производстве грампластинок, в полиграфии и, главное, для получения металлов из руды. Не помню, правда, на уроке физики или химии это было. Химичка наша, забыл, как ее звали, часто болела, и, как правило, ее заменяла Тамара Петровна, обладавшая прямо-таки энциклопедическим запасом знаний...

— Не помнишь, и не надо, — миролюбиво сказал я. — Собирать информацию и писать тексты — мое дело. И вот

что я надывбал. Среди разнообразных произведений искусств, украшающих интерьер Исаакиевского собора, имеются двенадцать медных, исполненных методом гальванопластики ангелов. Они поддерживают консоли, на которые опираются пилястры башни и созданы русским скульптором Витали.

— Никогда о таком не слышала, — сказала Лика таким тоном, будто существование неизвестного ей скульптора считает личным оскорблением. Иногда с ней трудно ладить, и главное в таких случаях — не поддаваться на провокации.

— Ничего удивительного, ведь ты не искусствоведка...

— На что это ты намекаешь, Сашхен? — Лика рискованно обошла бензовоз, и я подумал, что у нее крайне агрессивный стиль вождения. С такими ухватками моей крошечной леди «хаммер» надо водить, а не «матис».

— Я не намекаю, а открытым текстом говорю, что знаток и ценитель искусств из тебя аховый. Назови-ка скульптора, создавшего ангела для Александровской колонны?

Ответом мне послужило молчание.

— А кто автор памятников Кутузову и Барклаю-де-Толли, которые перед Казанским стоят?

— А ты-то сам знаешь?

Она знала, что я знаю, но игру надо было довести до конца, и я ответил:

— Орловский Борис Иванович, настоящая фамилия — Смирнов. Он и ангела сделал, и полководцев. Однако вернемся к Витали.

Я покосился на Лику. Она была хороша собой — миниатюрная, но весьма фигуристая, жгучая, коротко стриженная брюнетка с ярко окрашенными губами, вызывающе подведенными бровями и неестественно длинными ресницами. Мне неприятно было на нее наезжать, но время от времени приходилось — мягкость она принимала за слабость, терпимость и нежелание отдавливать чужие мозоли — за трусость. А на ком, как не на трусливом слабаке, можно отыгаться, сорвать плохое настроение, досаду на то, что мир не таков, каким мы хотим его видеть?

— Иван Петрович Витали был отличным скульптором. Особенно его ценили как портретиста. Знатокам хорошо

известен, например, его бюст Пушкина, выполненный в тысяча восемьсот тридцать седьмом году. А для Исаакия Витали отлил в бронзе два горельефа: поклонение волхвов и встречу императора Феодосия святым Исаакием, составляющих одно из лучших украшений храма. На вершине фронтонов размещены статуи евангелистов и апостолов работы того же Витали. Кроме этих изваяний, по углам стен, на аттике поставлено по две фигуры ангелов со светильниками, тоже созданных Витали, а под ними с каждой стороны угла еще по ангелу. Витали также выполнил рельефы над большими дверями, ведущими в собор, в общем, потрудился на славу, и все содеянное им мне просто не вспомнить. Да это и не имеет отношения к гальванопластике. В этой технике Витали сделаны бронзовые многофигурные барельефы, которыми украшены три дубовые двустворчатые двери, каждая размером пятнадцать на девять метров.

— Ух ты! — сказала Лика, и я порадовался, что хоть размеры дверей она оценила по достоинству.

— Применения гальванопластики позволило копировать редкие скульптуры, барельефы и предметы быта древних народов. Большие коллекции их находятся в музеях Лондона, Парижа, Вены и других столиц. С использованием гальванопластики выполнено декоративное убранство дверей церкви Святого Августина и фасад Новой Оперы в Париже.

— А ты у-у-умненький, — протянула Лика с плотоядной улыбкой, живо напомнившей мне те времена, когда она еще не была подвержена приступам депрессии, а среди сотрудников «Северной Венеции» ходили слухи, будто она охмурила представителя какой-то шведской фирмы и в ближайшее время переберется жить в Стокгольм.

Анжелика Арсентьевна Стебелихина мнила себя дамой в высшей степени опытной, эмансипированной и лишь чуть-чуть не дотягивавшей до образца женщины-вамп — покорительницы мужчин. На самом деле она была очень недурным фотографом, который как-то вдруг вылутился, словно бабочка из кокона, из посредственного дизайнера по костюмам. И, надо признать, деловая хватка у нее была что надо. Матья Керосин — директор фотоателье «Северная Венеция» Матвей Семенович Кирбсин — называл ее Медвежьим Капканом.

ном. И был абсолютно прав — с медведеподобными, мужиковатыми, мужлановообразными господами предпринимателями наша миниатюрная дама управлялась как умелый рыбак с попавшейся на крючок рыбиной. То отпустит лесу, то выберет, и, глядишь, бьется уже охмуренный ею самец в подсачнике, подписывает контракт на какой-нибудь альбом фотографий с юбилейного застолья или портфолио, которое нужно ему, как козе баян.

Папахен у Лики был полковником, и на нем-то она, пока вдрызг с ним не разругалась и не ушла из дома, оттачивала свои коготки, отрабатывала хватку. И хватка ей пригодилась — она выскочила замуж, а через три года развелась, став обладательницей однокомнатной квартиры в центре Питера и комплекта фотоаппаратуры, о которой коллеги ее только мечтать могли. Но что-то при этом в железном характере госпожи Стебелихиной то ли сломалось, то ли погнулось. Охватывать ее стала временами беспричинная хандра, и задаваться она стала вредными для состояния духа и тела вопросами: для чего живем мы на этом свете, к чему стремимся, и стоят ли «все наши подлости и мелкие злодеяния» того, чтобы их совершать.

Потому что всякие подлости и мелкие злодеяния удобно совершать, оправдываясь перед собой тем, что, мол, «не корысти ради, а токмо волею пославшей мя жены, лежащей на смертном одре». Или ради папы с мамой, деток, ну мужа на худой конец, что ли. А если только ради себя любимого, так стоит ли их совершать? Там ли мы себя любим? И, приглядевшись к себе, поняла Лика, что не стоит и не так уж она себя любит. Или время пришло — стукнуло тридцать, и осознала она, что не хочется ей в компании не слишком-то приятного мужчины кушать лягушачьи лапки со стеблями бамбука в «Золотом драконе», печень или сердце змеи в гранд-кафе «Дорадо», лангуста, окруженного трепангами, креветками и прочими дарами моря в «Китайском дворе». И на модные выставки в Мраморный дворец, Союз художников или Манеж ее тоже не слишком тянет. И даже в БДТ или Александринку хочется пойти с человеком достойным, душевным, а не очередным плейбоем, которому «далеко за...».

Но такого как-то не случалось. И не могло случиться по той причине, что упакована госпожа Стебелихина была по-прежнему как вамп и вела себя соответственно. И клевали на нее, естественно, по одежке и манерам. А те, кто подошел бы Золушке, которой королевские одежды до смерти надоели, не клевали. Потому что разбираться, что к чему, и заглядывать человеку в душу — дураков нет. Ужастиков всяких и по телику хватает, в жизни они ни даром, ни даже с доплатой не нужны.

Таким образом, Лика обречена была все чаще впадать в депрессию, и бог весть чем дело бы кончилось, если бы Матя Керосин не счел, что «английский сплин, иль русская хандра», госпожи Стебелихиной мешают ателье получать с ее помощью необходимые заказы и заслуженные доходы. Ибо фирма была маленькой, и с тех пор как Медвежий Капкан засбоил, дела наши перестали идти в гору. То есть начали ухудшаться. Инфляция-то ведь только по официальным сводкам сходит на нет, а фотография — дело дорогостоящее. Не говоря уже про рост арендной платы за помещение, в котором «Северная Венеция» располагалась.

Матя лез из кожи вон, уговаривая Лику взять себя в руки, убеждая, что все образуется, жизнь — штука полосатая, вроде зебры, и все такое прочее. Лика соглашалась, обещала, что все будет тип-топ, и упускала очередного жирного караса, почти согласившегося заказать у нас большеформатный календарь, на двенадцати листах которого должны были рекламироваться продаваемые его компанией металлопластиковые трубы. А ежели заключала контракт, то вместо коллажей, заставлявших мужчин покупать трубы именно этой компании, приносила нечто донельзя печальное на тему: «Дохлые трубы и снулые девушки». Клиент, разумеется, отказывался от продвижения своей продукции подобным образом, Матя шипел и плевался, как озлобленная кобра, а госпожа Стебелихина скорбно заламывала бровь и недоуменно разводила руками: мол, трудилась не за страх, а за совесть, но что-то, по-видимому, пошло не так.

Матя был хорошим человеком. Он долго притворялся шлангом, который вовсе не жаждет проглотить живого теплого кролика или нежнотелого барашка. Однако питон хо-

тя бы раз в полгода должен кушать, чтобы не помереть с голоду. И, когда терпение его иссякло, а уговоры не дали желаемых результатов, он, дождавшись подходящего момента, отвел меня в дальний угол мастерской, где нас никто не мог слышать, и сказал:

— Саня, я сделал все, что мог. Большого от проклятого кровососа-капиталиста требовать нельзя. Нашей фирме придется расстаться с Ликой.

— Понимаю, — сказал я, недоумевая, почему он сообщает об этом мне, а не ей.

— Нет, не понимаешь, — продолжал он, шаря по моей куртке взглядом в поисках пуговицы, которую можно было покрутить, — верное свидетельство того, что Матя прибывает в расстроенных чувствах. — Я знаю Лику почти шесть лет. Для такого суетного, нервного и непредсказуемого бизнеса, как наш, — это большой срок.

— Знаю, — сказал я.

Матя был действительно мировым парнем. Средним фотографом, никаким сочинителем и тем еще бизнесменом. Но мужиком — что надо. Иначе в «Северной Венеции» давно не осталось бы ни одного сотрудника.

— Из-за Лики я вынужден отказывать ребятам, способным справиться с заказами, которые она провалила. Просрала, — уточнил органически не выносивший грубости Матя.

— Что ты от меня хочешь? — спросил я, стараясь не смотреть в Матины глаза, напоминавшие скорбные песьи очи. Было в его крупном, легко красневшем лице что-то бульдожье. Этакий Пьер Безухов, с фигурой атлета и без очков. — Если тебе нужно от меня отпущение грехов — отпускаю. Лика и впрямь потеряла креативность мышления. Потеряла вкус к работе. Это бывает. Я читал, что Селенджер...

— Саня, мне не до твоих побасенок! — оборвал он меня. — Я обратился к тебе, потому что мне нужна помощь. То есть Лике. Охмури ее. Соврати. Заставь вновь ощутить вкус к жизни. Понимаю, это звучит глупо, но иного выхода я не вижу.

— Совратить не трудно, — самоуверенно сказал я. — А что потом?

— Нужна вспышка эмоций. Прилив адреналина, тестостерона, гипоталамуса и эндокринов, — сказал Матя, любивший к случаю напомнить, что сам он «пскобской», «скобарь», «академиев не кончал» и является «самородком земли русской». — Чем пламенный роман завершится — не важно. Любовью до гроба, попыткой суицида, убийством изменщика серебряной вилкой из бабушкиного наследства — это второстепенно. Главное — сдвинуть состав с места, а там уж он сам покатится. Твое дело — разбудить спящую принцессу. А какой она принцу женой станет — о том в сказке не говорится.

— Спасибо тебе, алмаз ты наш негранный! — с чувством сказал я. — Особенно за удар вилкой. Но не проще ли устроить ей встряску, угнав автомобиль?..

— Еще проще ударить по голове вот этим, например, штативом. — Матя кивнул на массивную деревянную треногу, которую давно уже следовало выкинуть, да ни у кого рука не поднималась на раритетную, хотя и бесполезную в нашем хозяйстве вещь. — Однако простое решение не всегда оказывается верным. Ей нужна вспышка положительных эмоций, а не абы каких...

Итак, Матя назначил меня Ликиным помощником и дал месяц сроку, после чего она должна возродиться, как «человек и паролод», то есть фотограф, либо покинуть «Северную Венецию». Причину моего нового назначения Матя изложил Лике так: «Креативщик Саня поможет тебе справиться с делами, которые идут у тебя из рук вон плохо». Далее следовало много всякого бла-бла-бла, чтобы позолотить пилюлю, но рейтинг мой оно в Ликиных глазах не повысило, хотя прежде мы были в приятельских, если не сказать дружеских отношениях.

По роду занятий мне приходится работать почти со всеми сотрудниками «Северной Венеции». Я пишу тексты проспектов и буклетов для выставок, сочиняю поздравления и стихотворные пожелания для открыток и адресов, вручаемых юбилярам, статьи для альбомов и газет, словом, занимаюсь литературной поденщиной. без которой нашей фирме не обойтись. Матя придумал моей должности забойное название — текстовик-креативщик. Кроме того, в свободное от сочинения текстов время я охмураю клиентов, точнее, клиен-

ток, выступая в качестве менеджера, а также помогаю нашим фотографам таскать аппаратуру, развешивать фотографии и картины на выставках. В общем, я — мастер-на-все-руки.

Первое время после того, как Лиля Ляlicheва привела меня в «Северную Венецию», где подрабатывала фотомodelью, полезность и даже незаменимость мою сознавал только Матя. Фотографы и дизайнеры поглядывали на меня недоумевающе, если не сказать косо, принимая за халывщика и дармоеда. Однако, заглянув в буклет, заказанный питерским филиалом финской деревообрабатывающей компании, Венька Карачуба зычным голосом вострубил, что «в нашем полку появился ку-десник». После того как я, рукой мастера, прошелся по предложенному заказчиком тексту, который должен был сопровождать Венины фотографии... Обычно редактурой текста занимался Матя и делейтить лишнее он насобачился: ломать не строить. Но когда надо было придумать связки между предложениями и абзацами, а тем паче дописать что-то, о чем заказчик вспомнил за день до сдачи буклета в типографию, начинались проблемы. И чем больший кусок текста требовалось написать или переработать, тем труднее они решались. А иногда не решались вовсе.

С моим приходом Матя задышал полной грудью. Вслед за ним и остальные «венецианцы» уяснили: если провести маленькую чистку текста, заменяя, например, «коричневый» на «бежевый» или «шоколадный», а «серый» — на «серебристый», восприятие его меняется к лучшему. А ежели избавиться от канцеляризмов и словосочетаний-паразитов типа: «в настоящий момент», «согласно требованиям времени», «известно, что» — если известно, то зачем об этом писать? — убрать повторения, сократить длинноты и вообще понажидать текст как следует, старый заказчик не только не сбежит, но и новых двух приведет. При условии, что иллюстративный материал будет на должном уровне.

Этим-то Матя и занялся, расширив после моего появления ассортимент предлагаемых фирмой услуг за счет таких пунктов, как: редакция, литературная обработка текстов заказчика, написание рекламных модулей и статей и т. д., и т. п. В лексиконе Мати появилось слово «креатив» со всеми от него производными. За последние два года Керосин добился

того, что фирма приобрела некоторую известность. Наши орлы и орлицы все реже выезжали фоткать детские сады и школы, хотя по инерции продолжали подхалтуривать, делая альбомы выпускников для учебных заведений всех уровней. И тут одна из лучших фотографий — Анжелика Арсентьевна Стебелихина — начала сбывать, а потом и вовсе «стухла»...

Выполняя Матин наказ, я честно старался помочь ей, надеясь, что моей интеллектуальной и физической поддержки окажется достаточно и мне не придется вступать с Ликой в интимные отношения. Не то чтобы она мне не нравилась, просто опыт подсказывал: вступить в них, как в драку, легко, трудно выступить без морального и физического ущерба.

Возможно, рассуждал я, ей вовсе не нужен любовник, а достаточно иметь рядом чуткого товарища, с которым можно поделиться своими печалью и горестями. Для того чтобы помочь человеку бороться с захлестывающими волнами никчемности и одиночества, не обязательно залезать в его постель. Или заманивать его в свою.

Должен признать, идея очутиться с Ликой в одной постели вскоре перестала казаться мне сомнительной. Напротив, за две с половиной недели тесного сотрудничества я лучше узнал ее и проникся искренним сочувствием. Теперь уже я готов был очертя голову вступить в драку, то есть в интимные отношения, а там — будь что будет. Не готова была она. Задача оказалась труднее, чем представлялось поначалу.

Днем мы ездили по конторам и производствам, где собирали материал для буклетов и проспектов самых разных предприятий — от домостроительного комбината до заготовителей садовых улиток, экспортируемых в европейские рестораны. Вечером Лика обрабатывала фото, а я занимался текстовками, так что времени для проведения совместных мероприятий оставалось мало. Конец лета — страдная пора. Фирмачи, стремясь возместить недополученные за время отпусков доходы, готовятся к осенней лавине конференций, симпозиумов, выставок и прочих профессиональных тусовок. Тем не менее при каждой возможности я предпринимал попытки разбить стену отчуждения, которую Лика медленно, исподволь, возможно, даже бессознательно вырастила между собой и нашей командой. Между собой и окружаю-

щим, внешним, не имевшим к ней отношения миром, частью которого был и продолжал оставаться я.

Совместные поездки на Ликином «матисе», вечерние кофепития, поедание фастфудов и поход в кино, на «Сумасшедшую Вселенную» — свежий взвизг моды, о котором, выйдя из зала, мы обменивались мнениями чуть меньше пяти минут, до известной степени сблизили нас. Однако прорыва не наступало и не предвиделось.

Служебный роман развивался бы, безусловно, иначе, если бы мы не проработали вместе три с лишним года. Пришел, увидел, победил... или наследил — тут уж как карты лягут — дело обычное. Новинка всегда в цене. А вот превращение хорошего парня Сани, Сашки, Сашхена в любовника — миссия почти невыполнимая. Особенно в любовника Снежной королевы. Королевы, которой на все и на всех начхать. Креативность которой фиг целых фиг десятых, а температура взгляда, несмотря на все мои усилия, редко превышает абсолютный ноль и никогда не дотягивает до того ноля, при котором лед превращается в воду. И клиенты это чувствуют. О себе я уже не говорю.

На исходе третьей недели я сдался. Представил, как буду себя чувствовать, ежели вдруг произойдет чудо и я окажусь в постели этой ледышки, и понял — ничем хорошим дело не кончится.

— Брось, — сказал Матя, лаская взором орленую пуговицу на моей вельветовой куртке. — Не надо мне байки про снежных баб втюхивать. Я вижу, лед уже тронулся. Еще напор — и крепость падет.

Он поплотнее задернул тяжелую черную портьеру, отгораживающую его каморку от комнаты, в которой дизайнеры доводили наши материалы до товарного состояния, и с пафосом продекламировал то небольшое, что сумели вдолбить в него преподаватели литературы:

— Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

— Если ты о потомках, то они уже написали: «Что за мудаки это сделали?»

— Саня, ты становишься грубым. А ведь я заметил в Ликиных глазах блеск. Поверь, со стороны виднее, дела идут на лад.

— У нас КПД двадцать пять, — сказал я, нежно отводя его руку от обреченной пуговицы. — Мне за комнату платить нечем, хозяева, того гляди, на улицу выгонят. Ослобони от службы невыполнимой, боярин. Я же теперь работаю вдвое больше обычного, халтурами заниматься некогда. А получаю...

— Не ной, я тебе на полгода кредит выдам. Беспроцентный. Если доведешь дело до победного конца.

— А я тебе самолет подарю. Когда рак на горе свистнет, — пообещал я. — Почему бы тебе, кстати, самому не стать Ликиным спасителем? Раз уж ты такой человеколюбец?

— Знаешь ведь, что я женат, — укоризненно, словно я помянул какой-то его природный порок, сказал Матя. — Ксана, заподозрив неладное, без лопаты меня уроет.

Это было истинной правдой. Оксана, выполнявшая в фирме роль бухгалтера, менеджера, завхоза и блюстителя нравственности, была невысокой темноволосой женщиной с неопределимыми под брючным костюмом формами. Лицо у нее неприметное, голос — тихий, но все это лишь до тех пор, пока Матя или кто-нибудь из сотрудников не позволял себе какой-нибудь дурацкой выходки или двусмысленной шутки. И вот тогда в Оксане просыпалась дремлющая до времени Ксантиппа.

Как-то я рассказал Мате про жену Сократа, имя которой стало нарицательным, и про то, что некоторые историки-женоненавистники объясняли его отказ бежать из тюрьмы опасением, что она последует за ним на чужбину, чтобы продолжать пилить всю оставшуюся жизнь. «И он из-за этого выпил чашу с цикутой? — усомнился Матя. — Не верю! Философа оклеветали». Как бы то ни было, после этого он время от времени называл Ксану Ксантиппой, многозначительно поглядывая на меня и только что ладони от удовольствия не потирая. Вот, мол, я какой, не боюсь ей фигу в кармане показать!

Вопрос, почему Матя с ней не разведется, мучил меня давно, но как-то все случая не выходило его задать...

— И не стыдно тебе творить добро чужими руками?

— Саня, ну придумай что-нибудь! Ты же креативщик, а не манная каша! Мы же человека теряем, Саня! — воззвал Матя и вновь потянулся к моей пуговице.

Серебряные пуговицы с двуглавыми орлами достались мне по наследству, от прапрапрадеда. Они делали мою куртку эксклюзивной, и, чтобы спасти их, я вынужден был бежать с поля боя, напуганный победительным призывом человеколюбивого Керосина:

— Мужество и креатив! Креатив и мужество! Держись, Саня, и помни о кредите!

Стремясь оправдать Матины надежды — а что еще мне оставалось делать? — я явил миру образец креативного мышления, сказав Лике:

— Если ты взберешься мне на плечи, то сможешь привязать веревку к штанге.

— Сдурел, что ли? — спросила Лика, на что я с безразличным видом пожал плечами. Мое дело — выдать креативное предложение, а уж примет она его или нет, зависит от нее.

Ситуация и впрямь сложилась скверная. Матя добился разрешения устроить выставку фотокартин наших сотрудников, на которых были запечатлены виды Питера, и в частности Московского района, в бывшем ДК им. Ильича, переименованном в Культурно-досуговый центр «Московский». Сюда со всего района должны были съехаться на совещание чиновники, которые, по Матиному замыслу, увидев такую красоту, немедленно восхотят сделать нас своими придворными фотохудожниками.

Идея была не слишком свежей, и, главное, для претворения ее в жизнь у нас почти не оставалось времени. Мобилизовав всех дееспособных сотрудников, мы окантовали, привезли и развесили по стенам фойе и огромного холла отобранные для выставки работы. Развеску закончили вечером, накануне совещания, а утром администраторша культурно-досугового центра позвонила Мате и сообщила, что самую большую фотокартину — «Цветомузыкальная фе-

ерия», на которой были запечатлены фонтаны на Московской площади, — чудовищно перекосило. Матя, естественно, посоветовал найти какого-нибудь мужика с руками и привязать отвязавшуюся веревку. В ответ на что администраторша заявила, что искать мужиков — не ее работа, ей нет дела до нашей выставки и она лично была против нее... В общем, такие загогулины случаются не так уж редко, и, чтобы не тратить слов попусту, Керосин послал нас с Ликой в бывший ДК восстановить статус-кво. Меня — чтобы корячился на лестнице, а Лику — чтобы подвезла на своем «матисе» (времени-то в обрез!) и откорректировала снизу правильность подвески.

Делов-то, казалось бы, есть о чем говорить! Оказалось — есть, поскольку лестница, с которой мы развешивали фотокартины, была заперта в кладовке, а ключ от нее находился у местного умельца, успешно совмещавшего в этом заведении должности столяра, маляра, сантехника и стекольщика. Человек, отвечавший за все, был, по-видимому, сродни тому самому мужику, который семерых генералов прокормил, но имел, как легко догадаться, один недостаток. Он-то и погнал нашего умельца с утра пораньше опохмеляться, вместо того чтобы идти на работу.

Добраться до лестницы можно было бы, взломав замок каморки. Но, во-первых, для этого у нас не было инструментов, во-вторых, замок был врезной, что еще больше осложняло задачу. В-третьих, за каждым нашим шагом следила бдительная администраторша, похожая на состарившуюся и обрюзгшую Екатерину II.

Глядя на укрепленные под самым потолком медные штанги, к которым были подвешены картины, Лика признала, что не видит способа справиться с порученным делом. Она не птица, летать не умеет. А чиновников, которые должны появиться тут с минуты на минуту, она в гробу видала. И вообще, если я такой уж креативщик, то мне и выпутываться из положения.

Тогда-то я и явил миру образец креативного мышления.

Лика обругала меня дурнем и начала звонить Керосину. Как будто он мог телепортировать ей складную алюминис-

вую стремянку чстырехметровой высоты, которой в нашей конторе отродясь не было.

Сначала Матя отвечал на сетования Лики тихо и вежливо, а потом из медленно раскалявшейся трубки до меня донесся его разъяренный рык: «Ты ему хоть на голову встань, но картину повесь!..»

Переговоры с начальством закончились именно так, как и следовало ожидать.

Ли́ка была в шелковой ярко-желтой блузке, заправленной в широкую черную юбку, перетянутую серебряным поясом, — не лучший костюм для предстоящей операции, но что ж тут поделаешь...

Я залез на принесенный из фойе стол и два венчавших его стула. Ли́ка забралась на третий стул, после чего я присел и помог ей угнестись на своих плечах. Потом я выпрямился, сидящая на моей шее Ли́ка вытянулась в струнку и начала привязывать к медной штанге отвязавшуюся веревку.

Картинка получилась сказочная — сюда бы кого-нибудь из наших орлов, сфоткать, в каких условиях приходится работать коллегам. Однако рукоплещущих зрителей поблизости не было, и, возможно, именно это подвигло меня на маленький гражданский подвиг.

Руки мои, придерживавшие Ликины ноги, чтобы не сыграла лихая наездница с немаленькой высоты, скользнули по ее икрам и поползли выше, под юбку.

— Ой! — сказала она, дернулась и выпустила из рук хвостик злополучной веревки.

— Не дергайся, а то навернемся и костей не соберем, — посоветовал я.

— Что ты делаешь? — спросила Ли́ка сдавленным голосом, потому что пальцы мои уже ласкали ее бедра. — Что ты делаешь, черт бы тебя побрал?! — гневно повторила она, вцепившись, чтобы не упасть, одной рукой в мою шевелюру, а другую уперев в стену.

Будучи человеком правдивым, я ответил, что хочу обратить на себя ее внимание.

— Уже обратил, дурак чертов! Убери лапы! Пионерская зорька в жопе взыграла? Или жареный петух клюнул? —

прошипела Лика, непроизвольно стискивая мою шею ногами.

— О, эти ноги на моих плечах! — тихонько пропел я и переместил ладони поближе, насколько это было возможно, к полушариям сидящей на мне женщины.

— Саня, ты совсем сдурел?! Отпусти меня немедленно! Сюда же люди идут! — яростно зашептала Лика, дергая меня за волосы так, словно собиралась содрать скальп.

Я покосился в сторону трех приближавшихся теток, одна из которых была той самой администраторшей, не сумевшей найти ключ от кладовой.

— Пусть видят, до чего нас довели. В альпинистов превратили.

— Саня, отпусти! Мы же упадем!

— Ты бы где предпочла оказаться, снизу или сверху?

Руки мои продолжали скользить по всей длине Ликиных ног, но я полагал, что под прикрывавшей их юбкой это не слишком заметно. К тому же мне было плевать, что подумают эти тетки. Прикосновение к Ликиной коже изрядно возбудило меня, и если бы я мог...

— Ой, дурак... — неожиданно печально и даже горестно сказала Лика. — Ну зачем ты так?..

— Прости, не смог удержаться, — пробормотал я, внезапно почувствовав, что колени у меня начинают подрагивать. Что там ни говори, а весила Лика изрядно, несмотря на всю свою миниатюрность.

Словно почувствовав мою внутреннюю дрожь, она отпустила мои волосы и подхватила свесившийся конец веревки. Я продолжал гладить ее ноги, сначала покрывшиеся гусиной кожей, а потом ставшие вдруг очень горячими. Лика, вытянувшись во весь рост и высоко подняв руки, завязывала веревку на штанге. Три дородные тетки, не дойдя до нашей пирамиды метров десять, величественно развернулись, словно по команде «все вдруг», и двинулись в сторону фойе. Крейсера, броненосцы, дредноуты!..

— Саня, все готово, — прошептала откуда-то сверху Лика. — Можно слезать.

— А нужно ли?

— Саня... — совсем тихо сказала она. — Ну если тебе так уж невтерпеж... Можно ведь и внизу этим заняться...

Когда мы, словно дети, целовались и тискались в темных и пустых коридорах бывшего ДК, я понял, что невтерпеж было ей. Мысль эта мелькнула у меня, когда, ссаживая Лику с шеи, я ощутил влажный мазок и она сквозь стиснутые зубы процедила:

— Экстремал чертов! Не можешь, как все люди? Или так уж выпендриться охота?..

Экстремалом в нашей паре была, безусловно, она, и, если бы я понял это раньше, развязка наступила бы значительно скорее. Но, как справедливо заметил Оскар Уайльд: «Женщины созданы для того, чтобы их любить, а не для того, чтобы понимать». Хотя все, в общем-то, и так получилось неплохо. Прогнозируемый Матей эмоциональный взрыв имел место быть. Лица действительно ожила, проколов с заказами стало меньше, и к тому же, перебравшись в ее однокомнатную квартиру, я избавился от необходимости платить за комнату, которая явно не стоила тех денег, которые требовала за нее скаредная хозяйка...

— Саня, ты, часом, не спишь? Сейчас на место прибудем, как раз к назначенному сроку.

— Так твой клиент что, прямо при нас одну из скульптур будет методом гальванопластики изготавливать? — спросил я, догадываясь, что мы приближаемся к бывшему особняку князя Утгарова, потому что дорога, после того как «матис» съехал с Петергофского шоссе, становилась с каждой минутой все хуже и хуже.

— Клиента нашего, прошу запомнить, зовут Игорь Евгеньевич Мамелюкин. И с господином этим я прошу тебя быть стопроцентно вежливым и предупредительным, — сказала Лица, не отрывая взгляда от дороги, наводившей на мысль о недавней бомбежке.

— Ты уже говорила, что он твой давний знакомый и потому требует к себе особого отношения. Хотя клиентам я, в отличие от некоторых, отродясь не хамил.

— Игорь Евгеньевич отец моей школьной подруги, но обращаться с ним предельно трепетно я прошу тебя вовсе

не поэтому. Дело в том, что лет пять назад его машину взорвали и он с тех пор немного не в себе.

— Взорвали?

— Заложили взрывчатку мощностью два килограмма в тротиловом эквиваленте, и она рванула так, что машину и всех, кто в ней находился, разнесло в клочья. Хоронить было нечего, — сказала Лика, подъезжая к глухим воротам в каменной стене, декорированной молодыми березками с ослепительно-желтой листвой.

Створки ворот разошлись, и к машине двинулся вышедший из будки парень в камуфляже.

Лика протянула через открытое окно визитку, на которой было написано несколько слов от руки. Парень поднес ее к глазам и махнул в сторону старинного здания, стоящего в глубине дубовой аллеи. Судя по толщине деревьев, имение это возникло как минимум пару столетий назад, а желто-белый особняк напоминал небольшой дворец, спроектированный в стиле классицизма: колонны, портик, парадная лестница по центру фасада...

— Не похоже, чтобы на таком здании стояли химеры, — сказал я, но Лика, поглощенная своими мыслями, пропустила мои слова мимо ушей.

— Покушались, скорее всего, на самого Игоря Евгеньевича. Он к тому времени стал не только преуспевающим бизнесменом, но и в политику сунулся. А вместо него грохнули всю семью: Милу, ее дочь, мать, тещу Игоря Евгеньевича и шофера. Так что человек он травмированный и со странностями.

— Ладно, не учи ученого, — буркнул я, подавляя желание напомнить Лике, что заносило порой ее, а не меня. Я-то отлично лажу с клиентами, особенно с теми, которым мы на фиг не нужны и которые нам жизненно необходимы.

Лика загнала «матис» на парковку, где уже стояло шесть или семь автомобилей. Мы выбрались из машины и двинулись к парадной лестнице, по которой спускался навстречу нам благообразный секретарь-референт Игоря Евгеньевича. Юношу в сером костюме звали Лешей, и, будучи самой любовью, он предложил Лике понести ту часть ее фотопленок, которые она не доверила тащить мне.

На Ликином лице расцвела ошеломляющая улыбка, нельзя бесившая меня в тех случаях, когда адресовалась не мне. Она нагроутила Лешу своей фирменной аппаратурой и прощелкала что-то комплиментарное по поводу особняка и дубовой аллеи, после чего я взял инициативу в свои руки.

— Не могли бы вы показать, где первоначально стояли бронзовые химеры, которые хочет воссоздать господин Мамелюкин? — спросил я, пояснив, что именно мне предстоит писать текст для Ликиных фотографий.

— Полагаю, Игорь Евгеньевич захочет сам ознакомить вас со своими планами и провести по отреставрированной части особняка, — чинно сообщил Леша, приглаживая свободной рукой и без того идеально уложенные волосы. При этом он не сводил глаз с Лики, и мне это совершенно не нравилось. Хотя, должен признать, так все и было задумано. В брючном костюме темно-зеленого цвета, с пышно-пенным жабо, она выглядела сногшибательно, и моя изрядно потертая джинсия была призвана оттенять ее великолепие.

— А разве они были установлены не на фасаде?

— Ну что вы! Скульптуры, созданные методом гальванопластики, — в основном, разумеется, копии, устанавливали исключительно во внутренних помещениях. Иначе осадки разрушили бы их за нескольких лет. Ведь слой меди...

— Да-да, знаю, — остановил я его, устыдившись собственной тупости.

Надо же так опростоволоситься! А еще Лике пытался что-то умное втюхать!.. Ведь знал же, что не ставят такие скульптуры на открытом воздухе, но вот не замкнуло что-то в мозгах!

Особенно непростительна эта промашка была потому, что на прошлой неделе мы напросились в реставрационную мастерскую, где занимались текущим ремонтом скульптур с крыши Зимнего дворца.

Я знал, что они сделаны из бронзы, но мне почему-то не приходило в голову, что, если бы скульптуры были литыми, вес крыши стал бы фантастическим. Естественно, они оказались полыми, из листов толщиной пять—семь миллиметров. Фрагменты скульптур соединялись болтами, на карка-

се, что позволяло заменять вышедшие из строя по мере надобности...

Пока я предавался самоуничижению, Лика с Лешей шептались о князе Утгарове, реставрационных работах и планах Игоря Евгеньевича по преобразованию примыкающей к особняку территории. Мы переходили из одного коридора в другой, и мне уже начало казаться, что Леша морочит нам головы, кружа по одним и тем же переходам, когда он остановился наконец перед высокими лакированными дверями темного дерева и торжественно возвестил:

— Вот мы и пришли. Здесь находится мастерская гальванотехника, выпisanного Игорем Евгеньевичем из Ирака. Там сейчас не до гальванопластики, сами понимаете.

Он распахнул одну из створок двери, и мы вошли в высокое просторное помещение. Я бы даже назвал его залом, по периметру которого шла колоннада, поддерживавшая неширокий балкон, а в центре располагался прямоугольный подиум, возвышавшийся на полметра от пола.

— Не слишком-то похоже на мастерскую, — пробормотала Лика.

— Импортное оборудование, высокотехнологичный метод проведения работ, — с гордостью сообщил Леша. — Вся машинерия располагается под полом. Лаборатория, а не мастерская. Чисто как в аптеке. Экономично, эргономично, зрелищно. Вот эта платформа и есть, так сказать, станок, на котором возникают скульптуры.

— А где же модели? И емкость для раствора... и эти... катионы с анионами? — спросил я, чувствуя в Лешиних словах подвох. Из ничего, как известно, ничего и не возникает, а в этом пустом и гулком зале не было решительно ничего необходимого для работы гальванопластика.

— Я же говорю — высокотехнологичное производство. В настоящее время это любимая игрушка Игоря Евгеньевича, а на любимые игрушки состоятельные люди денег не жалеют. Да-с, господин Мамслюкин может себе это позволить. Поднимитесь на платформу, оцените ее размеры, а я установку включу, чтобы вы представляли, как она работает. Можете пока вещи свои у платформы сложить или на стулья. — Леша махнул рукой в сторону галереи.

Я опустил баул со штативом и прочими фотоприбаблами на пол, Лика нехотя поставила рядом кофр, и мы начали подниматься по ступеням на металлический подиум, а оставшийся внизу Леша продолжал вещать:

— Не подумайте только, что Игорь Евгеньевич деньги на ветер бросает. Осуществив свои замыслы, он ведь может и подряды на изготовление скульптур брать. Или копий. Есть люди с достатком, которые с удовольствием поставят в своих летних или зимних резиденциях копии невских львов или сфинксов... Не исключено, что со временем мы наладим выпуск мелкой пластики: сувениров, дверной и оконной арматуры...

— По-моему, он какую-то пургу гонит, — тихо сказала Лика.

— Дурит народ, пока хозяин не подошел. Зубы заговаривает? — предположил я, осматривая рифленый пол платформы, по краю которой шла глубокая пятисантиметровая щель, окаймленная толстой черной резиной. В центре платформы находился люк, а по дальним сторонам в пол из нержавеющей стали были врезаны сияющие медные круги.

— Разойдитесь в разные стороны, подальше друг от друга, встаньте на медные круги, и я покажу, как эта установка работает, — предложил Леша, подходя к подобию лекционной кафедры, расположенной в нескольких шагах от подиума.

— Как-то я все это себе иначе представляла, — сказала Лика и, недовольно дернув плечом, отправилась на другой конец подиума.

— Ну вот, замечательно! Теперь смотрите, в чем тут фокус. — Леша коснулся невидимой нам приборной панели, находившейся, судя по всему, в крышке кафедры.

Послышалось мерное гудение, потом громкий шорох, и я с изумлением увидел, как вокруг нас из пола платформы вырастают стеклянные стены. То есть не из пола, конечно, а из той самой окруженной резиной щели.

Скрепленные по углам широкими металлическими полосами, выроставшие на глазах стеклянные стены эти живо напомнили мне гигантский аквариум. Но мы-то с Ликой совсем не были похожи на рыб.

— А вот и наш гальванотехник! — радостно провозгласил Леша, указывая на человека, появившегося из-за скрытой колоннадой двери.

«Черт возьми! Похоже, мы влипли в какую-то скверную историю! — подумал я, глядя на закутанную в черную мантию фигуру. — Уж не к сектантам ли каким нелегкая занесла?»

Высокий человек в черном балахоне воздел руки к потолку, я повернулся к Лике и замер с широко открытым ртом, так и не успев крикнуть ей, что надобно нам отсюда по-быстрому сваливать.

Я самым натуральным образом оцепенел, окаменел, превратился в статую! Лица выглядела не лучше. Полуобернувшись ко мне, она застыла в неудобной позе, живо напомнившей мне детскую игру, сопровождавшуюся считалкой:

Море волнуется раз,
Море волнуется два,
Море волнуется три,
Морская фигура на месте замри!

О море мне напомнило и громкое журчание. Черт возьми! Что эти ребята задумали? Зачем они пустили в наш аквариум воду?..

Но это была не вода. Из открывшегося в центре платформы люка толчками поступал желто-зеленый, резко пахнущий аммиаком раствор. В считанные мгновения он залил пол и стал подниматься все выше и выше.

Я попытался крикнуть, пошевелить пальцами, скосить глаза в сторону кафедры, Леси и человека в черном — не тут-то было! Я видел только застывшую в четырех метрах от меня Лику, слышал плеск воды и приходящий откуда-то извне, цепенящий душу звук: «Текели-ли, текели, текели-ли, текели, текели-ли...»

Потом на эти скребущие, царапающие, омерзительные звуки наложилось некое подобие человеческой речи:

— Йяа! Йяа! Хастур! Угф! Угф! Йяа Хастур кф'ай-як'вултмм, вугтлагли вултмм! Айи! Шуб-Ниггурат!.. — причитал и призывал резкий, пронзительный голос.

Фигура Лики начала расплываться перед моими глазами, я уже не видел ни стен гигантского аквариума, в который

мы угодили, ни стремительно наполнявшего его раствора. Перед моим взором стали возникать странные, но вполне реалистичные картины: изумрудно-зеленая лагуна, из недвижных вод которой вставали руины мертвого города, возведенного из огромных базальтовых блоков... Поселок, состоящий из круглых каменных хижин с коническими крышами, прилепившийся к подножию покрытой снежным покровом скалы... Бескрайнее плоскогорье, над которым ураганной силы вестер нес тонны песка, сметая габуны лошадей и юрты кочевников... Я парил над нагромождениями торосов, летел над закованными во льды горами, неся над пустынями, где из желтого песка вздымались черные башни, похожие на пальцы обгоревшего исполина... Я бродил по серебристым мостам, соединявшим дикийвинные, похожие на мраморные кружева постройки, вознесшиеся над непроходимыми джунглями, презрев законы тяготения. Охваченный изумлением, зачарованный их красотой, я с трепетом разглядывал покрывавшие стены резные орнаменты и многофигурные барельефы, замысловатые капители колонн и стоящие на изящных, невесомых кронштейнах скульптуры, изображавшие крылатых людей и коней, грифонов и прочих сказочных существ... Я видел громадные города на дне океана, населенные ихтиандрами, сновавшими, словно стаи прекрасных разноцветных рыб, среди замшелых башен, многоярусных минаретов и граненых куолов...

— Саня! Саня, очнись! Саня, открой глаза!

От Ликиного вопля у меня заложил уши, и я, с трудом вынырнув из мира грез, разлепил не желавшие разлепляться веки. Преодолев сковавшее ее оцепенение, Лика рванулась ко мне, вспенивая вонючий желто-зеленый раствор, доходивший нам уже до груди.

В уши мне ударил гудящий, зудящий голос, выводившей на одной ноте:

— Ллллллл-нглуи, ннннн-лагл, фхтаги-нгах, айи Йог-Сотот! Йгнайиих! Й'бтик. Ииии-йя-йя-йя-ах-ах-ах-ах-ах-ах-ах-ах-ах!..

— Саня, смотри на меня! Саня, не спи!

Лика вцепилась в мою куртку и начала трясти так энергично, что если бы на мне росли яблоки, они наверняка

посыпались бы на пол платформы. Вернее, в желто-зеленый раствор, уровень которого, как мне показалось, перестал повышаться...

— Очнись, Саня! Не поддавайся черному колдуну! — вопила Лика во весь голос, хотя я прекрасно ее слышал, поскольку зловещей речитатив оборвался.

Я прижал Лику к себе и повернул голову в сторону гальванотехника в черном балахоне.

Он опустил руки и, приблизившись почти вплотную к стеклянной стене, склонив голову набок, рассматривал нас, как энтомолог — неведомое науке насекомое. Потом, обернувшись к невысокому, но чрезвычайно широкому мужчине в горчичного цвета костюме, сказал несколько слов на непонятном, каркающем языке. Тот, в свою очередь, повернулся к замершему за кафедрой Леше и махнул рукой.

Раздалось громкое бульканье, и уровень раствора начал медленно понижаться.

— Ага, не получилось нас утопить! Не обломилось угробить! — радостно прошептала Лика, вцепившаяся в меня, как обезьяныш в карабкающуюся на вершину пальмы мамашу. — Хотела бы я знать, что эти уроды задумали. И почему выбрали нас для своего мерзкого опыта.

Мысль о том, что мы стали жертвами какого-то эксперимента, возникла и у меня. Утопить или каким-то иным способом уморить нас можно было не прибегая к исполинскому аквариуму и вонючему раствору, уровень которого понижался с каждой минутой. А когда последние струйки его стекли в люк, расположенный в центре платформы, окружавшие нас стеклянные стены начали уплывать в пол.

— Какого черта вы все это затеяли? — гневно спросила Лика, отстраняясь от меня и делая шаг к краю платформы. — Игорь Евгеньевич, вы же пригласили нас...

Договорить она не успела, потому что на платформу с немыслимой быстротой взлетели четверо здоровенных парней в камуфляжной форме, в мгновение ока скрутили нам руки и заткнули рты резиновыми грушами.

— Привяжите их к стульям и тащите сюда грибников, — распорядился крепыш в горчичного цвета костюме, кото-

рый, как я понял из Ликиного вопля, и был нашим клиентом — Мамелюкиным Игорем Евгеньевичем.

— Маэстро, почему не произошло метаморфозы? — обратился Леша к горбоносому чародею со смуглым ножеобразным лицом.

— Девица так испугалась за своего парня, что сбила ментальную настройку, — недовольно прокаркал чародей.

— Жаль, эта пара украсила бы наш зодиакальный круг, — буркнул Игорь Евгеньевич.

Ребята в камуфляже примотали нас к стульям, стоящим у стены, опоясывающей зал галереи, и скрылись из виду. Лица начала извиваться и дергаться, сиюсь освободиться от веревок, а я медузой растекся по стулу. Все происходящее было мне абсолютно по барабану. В пустой голове плавали, подобно облакам, какие-то бестелесные обрывки нечетливых мыслей, тело ощущалось бескостным, слабым и невесомым. Если бы не веревки, которыми меня принайтовали к стулу, я, безусловно, воспарил бы к потолку зала, как наполненный гелием воздушный шар.

Состояние было на удивление приятным, чем-то напоминавшим опьянение, и все же не похожим на него. Вот только Ликина возня мешала мне насладиться им в полной мере, а тут еще господин Мамелюкин, переговорив о чем-то с чародеем-гальванопластиком, направился к нам. Подошел и уставился на Лику с таким видом, словно живого динозавра увидел.

Под тяжелым взглядом его тусклых серо-зеленых глаз она перестала наконец извиваться и, в свою очередь, вперила в него пылающие яростью глаза, ставшие от гнева из карих почти черными.

— Стало быть, истинная любовь встречается не так редко, как мне казалось, — отрешенным, бесцветным голосом произнес Игорь Евгеньевич. — Любопытно было бы знать, что ты нашла в этом голнике?

Теперь он уставился на меня, и мне стало зябко под его неподвижным, холодным взглядом. В общем-то, плевать мне на него с высокой колокольни, но вопрос он задал интересный. Мне тоже непонятно, почему Лица до сих пор не послала меня куда подальше. Переспихнуться в охотку и разбе-

жаться — это понятно, встречаться раз-два в неделю, чтобы удовлетворить физиологические потребности, пока поиски более достойного партнера не увенчались успехом, — тоже было бы вполне в стиле госпожи Стебелихиной. Но пригласить к себе жить...

Я ведь бабочка-однодневка — всю жизнь лечу от любви до любви, как электричка метро от станции до станции. В этих делах я не отличаюсь разборчивостью — миг, и уже загорелся: ах, какие глазки, волосы или там сиськи и бедра. А в следующий миг — погас и в кусты. Как говорил Оскар Фингал О'Флайерти Уиллс Уайльд: «Предмет страсти меняется, а страсть остается единственной и неповторимой». И это, наверно, на лбу у меня написано, потому что иначе как временного партнера по койке женщины меня не воспринимают.

Признаться, во мне действительно нет ничего, заслуживающего долгой и верной любви. Особыми сексуальными способностями я не отличаюсь, литературными — тоже. На окололитературной работе кормится масса народу, и я — один из многих. Трудиться в поте лица в солидной газете или журнале мне в лом, поскольку обо мне, как об Онегине, можно сказать: «Но труд упорный ему был тошен». Крапать детективно-фэнтезийную поденщину или, взяв женский псевдоним, строгать дамские романы — тем паче. Да и необходимой для этого усидчивости у меня кот наплакал. Раздолбай, в общем, косящий под богему, и Лика этого не могла не разглядеть. Объяснить слабость, которую она ко мне питает, можно лишь народной мудростью, гласящей, что любовь зла...

Вероятно, Лика и сама чувствует, что запала не на того. Порой на нее вдруг накатывает — придирается, язвит, чего раньше за ней не водилось. На работе сорваться немудрено — среди заказчиков порой такие уроды попадаются, что и у ангела рога прорежутся, но дома-то при моей покладистости, а вернее, пофигизме вроде не с чего. Может, она так наказывает меня за те чувства, которые я в ней пробуждаю? Или себя таким образом наказывает?..

— Кто бы мог подумать, что пылешняя молодежь еще способна на какие-то чувства? — продолжал между тем гос-

подин Мамелюкин, вновь сосредоточивая свое внимание на Лике. — Я думал, ты такая же бездушная пустышка и дегенератка, как большинство представителей подрастающего поколения... Стало быть, не зря Мила с тобой дружила.

Господин Мамелюкин протянул руку и резким движением вырвал кляп из Ликиного рта.

— Сам дегенерат! — выпалила Лика, обретя способность двигать онемевшими губами.

— Ничуть, — криво усмехнувшись, ответил господин Мамелюкин. — Я делаю то, что давно пора было сделать. Очищаю землю от скверны.

— Какой скверны? Что ты несешь?! — выкрикнула Лика, суживая глаза и скалясь, как разъяренная кошка. — Для чего заманил нас сюда? Что за кретинизм ты затеял?..

— Будешь орать, снова пасть заткну, — холодно прервал ее Игорь Евгеньевич, и у Лики хватило ума придержать ядовитый язычок.

— Что вы затеяли? Зачем? — спросила она значительно тише и спокойнее, хотя я видел, что далось это ей нелегко. Шея напряглась, от носа ко рту пролегли глубокие морщины, словно она разом постарела на пяток лет.

— Кто-то должен ответить за гибель моей семьи... — пробормотал Игорь Евгеньевич, и я похолодел, увидев, как в глазах его вскипает серая муть. — Кто-то должен... И если я не могу найти и покарать виновных... Если никто не желает найти их и покарать... Если никому здесь нет дела до гибели моих... — Он запнулся, лицо исказила гримаса боли и страдания, и, словно в трансе, закончил: — Пусть месть осуществят Великие Старые Боги...

— Игорь Евгеньевич, вы не в себе! Вы нездоровы!

— Кто-то должен ответить за гибель моей семьи... — повторил он, явно не услышав Лиду, и, отвернувшись от нас, продолжал бормотать, уже ни к кому не обращаясь: — И раз никто отвечать не желает, ответить придется всем... Четыре тысячи лет назад на месте Питера было море. Год за годом оно стремится вернуть себе потерянное... Год за годом. Наводнения случаются одно за другим, год за годом... Но тщетно, тщетно... Так пусть же Ктулху поможет морю. Пусть утопит убийц и всех тех, кто не смог, не пожелал им отомстить.

Кто остался равнодушен... А вместе с ними и весь город... Но если Великие Старые выберут иной путь отмщения... Что ж... Им виднее, как очистить эту землю от скверны...

Увидев, что парни в камуфляже втаскивают на платформу средних лет мужчину и женщину, он прервал свое болботание и двинулся к кафедре.

— Не делайте этого! Не совершайте непоправимого! Вы убиваете невинных! — крикнула ему вслед Лика.

Мамелюкин на мгновение остановился и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Виновны все!

Мы с Ликой переглянулись, и она невнятно, словно губы ее онемели, а язык не слушается, пробормотала:

— Он сумасшедший... Псих при деньгах. При больших деньгах, одержимый идеей фикс. Скверное сочетание. Чует мое сердце — быть беде!

Я хотел спросить ее, какого же тогда черта она с ним связалась, но распиравший мой рот кляп не позволил издать ни звука. Может, оно и к лучшему, потому что если бы Лика догадалась, с кем нам придется иметь дело, то, разумеется, не стала бы напрашиваться в гости к господину Мамелюкину. Угроздило же ее встретить его на очередной выставке строительных товаров в Ленэкспо, где мы имели обыкновение отыскивать потенциальных клиентов...

Мне было холодно и тошнотно. От мокрой одежды исходил удущающий смрад, резиновая груша рвала рот, а тут еще шея отчаянно зачесалась. И связанные за спиной руки затекли так, что я перестал их чувствовать.

— Надо сматываться, — сказала Лика и начала слезить на стуле, медленно сдвигая его в мою сторону.

Сбежать от психа было бы неплохо, но я мог только шевелить ногами — от чего было мало пользы — и пялиться на происходящее в центре зала. Пока, впрочем, там повторялась уже знакомая нам процедура. Мужчину и женщину растащили в разные стороны платформы, после чего стоявший к нам спиной гальванотехник, он же маг и, по-видимому, гипнотизер, простер к ним руки. Очередные жертвы сумасшедшего владельца особняка замерли на медных кругах, после чего охранники отпустили их и соскочили с платформы.

Стоявший за кафедрой Леша склонился над приборной панелью, произвел необходимые манипуляции, и из пола платформы начали вырастать стеклянные стены гигантского аквариума. Затем он стал наполняться тем самым вонючим раствором, от которого у меня до сих пор свербело в носу и щипало глаза...

— Не собираешься мне помочь? — прошипела Лика, успевшая подобраться ко мне вплотную.

Интересно, как она это себе представляет?

Сообразив, что ответа ей от меня не дожидаться, Лика начала перемещаться за мою спину.

— Йяа! Йяа! Хастур! Угф! Угф! Йяа Хастур кф'ай-як'вултмм, вуттлагли вултмм! Айи! Шуб-Нигтурат!.. — разнеслись по залу заклинания воздевшего руки к потолку мага.

Вот гад! И, что удивительно, остальные мерзавцы смотрят на утопление так, будто подобные зрелища им давно приелись. А может, и впрямь приелись? Может, они не первый раз этот аттракцион устраивают?..

Раствор в аквариуме достиг груди несчастных. Лица их я видел неотчетливо, но судя по тому, что фигуры оставались недвижимыми, им не удалось преодолеть испеняющие чары. А уровень раствора все поднимался и поднимался...

Пыхтя и фыркая, Лика дергала зубами веревку, привязывающую меня к стулу. Мысленно, я уверен, она проклинала меня за бездействие, поскольку в запале часто бывала несправедлива. Но сейчас я не двинулся бы с места, даже если бы имел возможность.

Я не мог оторвать взгляда от поднимавшегося в аквариуме раствора, уровень которого все повышался и повышался. Вот он поднялся выше груди оцепеневших людей. Добрался до подбородка... Ну теперь-то они должны очнуться! Не могут же они утонуть, не сделав даже попытки спастись! Гипноз гипнозом, однако инстинкт самосохранения должен сработать. На уровне подкормки, чего угодно, но должен...

— Лдллллл-нглуи, ннннн-лагл, фхтаги-нгах, айи Йог-Сотот! Йгнайиих! Й'бтик. Ктулху-ня-йя-йя-йя-ах-ах-ах-ах-ах-ах-ах!.. — гудел и зудел маг, выводя порой резким своим, пронзительным голосом вовсе невообразимые и невоспроизводимые рулады.

Глядя, как раствор поднимается все выше и выше, я ждал, что вот сейчас, сейчас зачарованные фигуры оживут... Этого не произошло. Желто-зеленый раствор скрыл приносимых в жертву с головой, после чего уровень его перестал повышаться. Застывшие фигуры оставались недвижимы.

Маг опустил вздетые к высокому потолку руки. Потряс ими, сбрасывая напряжение, и тихо сказал что-то господину Мамелюкину. Тот сделал знак Леше, и все трое двинулись к выходу из зала. За ними последовали парни в камуфляже.

Ага! Сказочный Людоед пошел точить нож. Потом он, утомившись, ляжет спать, и тут-то Элли и сбежит из его замка...

— Еще чуть-чуть... — просипела за моей спиной Лика.

Все складывалось слишком хорошо, и это настораживало.

Все складывалось хорошо, если не считать двух утопленных в вонючем растворе людей.

Господин Мамелюкин назвал их «грибниками». Но что искать грибникам в его особняке? Скорее всего, парни в камуфляже схватили их в соседнем лесу и доставили сюда насильно. Но зачем?.. Какой смысл в это безмолвном, бездвижном утоплении?.. Что за бред Мамелюкин нес про каких-то Великих Старых Богов?..

И еще... Что-то в этом утоплении было неестественное. Я, конечно, по утопленщикам не специалист, но должны же они хотя бы пузыри пускать? Или я чего-то не понимаю, и грибники эти все же не утонули?..

— Ну все, узел я развязала, — тяжело дыша, промолвила Лика. — Теперь дергайся изо всех сил, чтобы выпутаться из веревок.

Я начал дергаться, но веревка, которой меня приторочили к стулу, не ослабевала.

— Крутись тогда, — велела Лика, — а я конец веревки в зубы возьму.

Толстая белая веревка обвивала меня шестью или семью витками, поэтому крутиться мне пришлось долго, и дело это оказалось нелегким. Однако в конце концов я все же освободился, и Лика скомандовала:

— Встань спиной, чтобы я могла на руках узлы развязать.

О том, что именно в такой последовательности мы и будем освобождаться, я уже успел догадаться.

Когда я встал спиной к Лике, аквариум с утопленниками вновь оказался перед моими глазами. И вновь у меня возникла мысль, что погруженные в ядовитый раствор люди не вполне мертвы.

Желто-зеленая жидкость в исполинском аквариуме пребывала в несянном, едва уловимом движении. В глубине ее вспыхивали и гасли тусклые золотистые искорки, она медленно завихрялась вокруг мужчины и женщины, становясь с каждой минутой чуточку светлее. Золотые искорки оседали на них, как снег. Наверно, это напоминало процесс гальванопластики. Если, разумеется, допустить, что оба человека выступали в качестве катодов, притягивавших электронейтральные атомы золотистого металла, которые я, ко всему прочему, мог видеть. Однако, будучи в здравом уме и доброй памяти, допустить этого я не мог.

И все же... все же...

В заклинаниях мага я уловил имя Ктулху, и мозг — самый совершенный компьютер в мире — услужливо выцелкнул из хранилищ информации фразу: «В своем доме в Р'лаи мертвый Ктулху ждет, видя сны». Пожалуй, о фигурах в аквариуме тоже можно было сказать: мертвыс, но живые, подобно спящему Ктулху...

Я не в восторге от творчества Говарда Лавкрафта, большинство произведений которого развивают одну и ту же тему. С глаз героев его рассказов по тем или иным причинам спадает спасительная пелена иллюзий, и, прозрев, оглушенные воем космических вихрей, они видят отвратительных монстров, повелевающих временем и пространством, материей и энергией, судьбами отдельных людей, стран и народов. Что и говорить, тема впечатляет. Но писать всю жизнь об одном и том же может либо законченный зануда, либо человек, пораженный и, возможно, напуганный чем-то до такой степени, что куда бы он ни направлял свои мысли, они невольно сворачивают в знакомую колею. И настолько глубокую, что выбраться из нее нет ни малейшей возможности...

В этот момент мысли мои были прерваны появлением в зале Алексея и черного мага. Я дернулся, пытаюсь дать об этом знать Лике.

— Что ты рыпаешься... — начала она, но я уже опустился на стул, и Лика, сообразив, в чем дело, тоже замерла.

Едва взглянув на стоящие в аквариуме фигуры, маг, не посмотрев в нашу сторону, вышел из зала, похоже, он спешил. Леша двинулся к кафедре, ему тоже было не до нас, и, пощелкав какими-то переключателями на приборной панели, последовал за магом.

Значительно посветлевший, ставший бледно-желтым раствор устремился в открывшийся посреди платформы люк. Уровень жидкости быстро понижался, обнажая человеческие фигуры: женщину, поднесшую руки к лицу, и мужчину, сделавшему шаг к ней навстречу. Увы, теперь они не были людьми! Большие всего они напоминали статуи, сделанные из белого золота — сплава золота с серебром, названным греками электроном.

— Черт возьми! Ты не говорил, что гальванопластика позволяет превращать людей в скульптуры! — прошептала Лика, потрясенная, судя по ее голосу, не меньше, чем я. — Так вот что они хотели с нами сделать!

Я поднялся со стула и повернулся к ней спиной, чтобы она могла наконец закончить развязывать узел на стягивавших мои руки веревках.

Превратить людей в золотые статуи методом гальванопластики было невозможно. Атомы металла, образуя равномерную кристаллическую пленку, прочно сцепляются с поверхностью катода, покрывая его тонкой медной, цинковой или золотой пленкой. Но человеческое тело, не будучи металлическим, не может быть катодом!

Остатки раствора с бульканьем вытекли из аквариума, и стеклянные стены его начали медленно опускаться в углубления пола...

Технар из меня никакой, и мне не понять, как здешним умельцам удалось позолотить тела несчастных грибников. Однако мне очень хотелось бы знать, для чего они это сделали?

Господин Мамелюкин бормотал что-то про Великих Старых Богов... Согласно космической мифологии Лавкрафта, существует два вида сверхъестественных порождений Вечности: Старшие Боги космического добра и Великие Старые Боги, или Великие Старцы, олицетворяющие собой различные ипостаси зла. Они носят множество имен и ассоциируются с основными элементами, столь любезными сердцу средневековых алхимиков.

Лавкрафт придумал Великим Старцам чудные имена: Азатот, Йог-Сотот, земноводный Ктулху. Если мне не изменяет память, Хастур Неизрекаемый похож на летучую мышь. Итаква — путешественник по ветрам. К существам земли относятся Ньярлатотеп и Шуб-Ниггурат. И, помнится, он упоминал еще Ллойгора и Жхара...

Но были ли они в действительности порождением травмированной каким-то ужасным событием психики, или Лавкрафту в самом деле открылись или были открыты неведомые нам тайны мироздания? Черный маг не был похож на шарлатана и...

— Свободен! — со вздохом облегчения сообщила Лика, и я почувствовал, как она зубами сдергивает веревочные кольца с моих запястий.

Рук я почти не чувствовал и едва начал неуклюже распрямлять их, как Лика скомандовала:

— Замри!

Я замер. И сделал это очень своевременно, потому что входившие в зал камуфляжные парни успели бросить в нашу сторону несколько настороженных взглядов. Им, к счастью, тоже было некогда, и ни один не подошел к нам проверить, не сумели ли мы избавиться от пут.

Взобравшись на платформу, они подхватили превращенных в золотые статуи людей и потащили к выходу. Фигуры оказались тяжелыми — каждую, с заметным усилием, тащили три человека, — но все же не золотыми. Этого следовало ожидать, но поразило меня другое. Теперь я отчетливо видел, что фигуры покрыты прочной пленкой золотистого металла, изобилующей золотыми наростами, родинками и бородавками. Так и должно быть — гладкая поверхность получилось на той стороне, где пленка прикасалась к телу, но

здоровое рассуждение это ничуть не утешало — бородавчатые фигуры производили жуткое впечатление. К тому же я был уверен, что это только начало. Статуи эти нужны господину Мамелюкину, чтобы призвать Великих Старцев и побудить их отомстить за гибель его родных...

— Саня, хватит щелкать клювом! — прошипела Лика, как только несшие статуи охранники скрылись за высокими дверями. — Быстренько развяжи меня, а то руки совсем отвалятся!

У меня самого руки одеревснели и тело под подсыхающей, поблескивающей золотистой пылью одеждой невыносимо чесалось. Но прежде чем начать растирать онемевшие запястья, я вырвал изо рта проклятую, мокрую от слюны грушу, испытав при этом величайшее облегчение. Челюсти болели, изо рта сочились окрашенные кровью слюны — что-то эти гады мне своим кляпом ободрали. От омерзительного вкуса резины подташнивало, но я все же заставил себя взяться за веревки, привязывавшие Лику к стулу.

Пальцы были непослушными, их покалывала тысяча невидимых иголочек, и с первым узлом я возился непозволительно долго. Однако, как говорится, терпение и труд все перетрут. Я справился с ним и взялся за веревки, которыми были связаны Ликины руки.

— Долго ты еще валандаться будешь? — поинтересовалась она свистящим шепотом и, не дождавшись ответа, сменила тему: — Почему грибки умерли, даже не дернувшись? Почему не пускали пузырей и не бились в агонии? Так ведь не бывает, правда?

— Полагаю, они в некотором роде не умерли. Они, как Ктулху, который, будучи мертв, продолжает видеть сны, — пропыхтел я, делая последнее усилие распутить тугой узел.

— Что за бред? Кто такой Кулху? Или Хулху?

— Ктулху, — поправил я, сделав из Ликиных оговорок вывод, что Лавкрафта она не читала. Естественно, она вообще не большая любительница читать, особенно подобного рода заумь. — Готово. Растирай руки, чеши сколько вздумается нос и все остальные части тела.

— Предпочла бы бежать отсюда сломя голову, — сиплым от боли голосом сказала Лика, принимаясь тем не менее массировать запястья.

А я начал самозабвенно чесаться. О, какое наслаждение почесать там, где чешется! Только сломав ногу, человек начинает чувствовать, как здорово ходить на двух, а сломав руку — понимает, какого великолепного инструмента лишился...

— Ну хорошо, — сказала Лика, после того как мы размяли затекшие члены, — участи грибников мы избежали. Теперь самое время подумать, как отсюда улизнуть. Ты у нас креативщик, тебе и карты в руки.

— С такими картами только шулер играть способен, — проворчал я. — Мы находимся на первом этаже, значит, надо открыть в коридоре выходящее на улицу окно и прыгать.

— А охранник у ворот?

— Я не волшебник. И проблемы предпочитаю решать по мере их возникновения. Пошли, ничего хорошего мы здесь все равно не высидим.

— погоди, я только фотик возьму. Да и остальное бросать жалко...

— Хочешь попасться, можешь все аксессуары на себя навьючить, — подавляя нахлынувшее раздражение, сказал я. — Но меня от таскания твоего барахла уволь. Не тот случай, чтобы за цапки цепляться.

— Для тебя это, может, и цапки, а для меня — инструменты, которыми я на жизнь зарабатываю! — вызывающе заявила Лика. И все же, прихватив свой драгоценный, супернаворочный «Хассельблад», она оставила баул со складными штативами, лампы и остальное оборудование у подножия платформы, справедливо рассудив, что были бы кости, а мясо нарастет.

Коридор, в который мы вышли, не имел окон, и мы не могли сориентироваться, в какой части особняка находимся. Единственное, что я мог вспомнить, — когда мы шли сюда, двери зала были справа. Следовательно, нам надо идти налево.

Пройдя коридор, мы еще раз свернули налево и уткнулись в лестницу. Пошли направо и, пройдя мимо несколь-

ких тупиковых отствлений, заканчивавшихся дверями, выбрались наконец в коридор с окнами. Вот только выходили они не на улицу, а в замкнутый внутренний двор особняка.

— Слушай, Саня. А ведь окна, выходящие на улицу, были забраны решетками, — вспомнила Лика.

Решеток я, честно говоря, не вспомнил, даже когда она о них сказала. Но если Лика говорит, что решетки были, значит, так оно и есть, — зрительная память у нее идеальная, в этом я не раз убеждался. Спросишь, кто в какой костюм был на такой-то выставке одет — закроет глаза и ответит. Я специально проверял по фотографиям — попадала она процентов на восемьдесят. А меня лучше убейте, но не спрашивайте, зря только мучиться буду.

— Значит, надо искать двери на улицу. Не один же тут парадный вход-выход.

У меня создалось ощущение, что блуждали мы по коридорам минут пятнадцать, хотя с виду особняк производил куда более скромное впечатление. А потом до нас донесли какие-то странные звуки, и Лика, прислушавшись, сказала:

— Это орган. Похоже, господин Мамелюкин затеял что-то грандиозное.

— Хотел бы я посмотреть, как он поступит с людьми, превращенными в позолоченные статуи. И каким образом эта шайка психов собирается призвать на подмогу Великих Старцев? Интересно, зачем...

— А мне вот совершенно неинтересно! — прервала меня Лика и решительно повернулась в сторону, противоположную той, откуда доносились звуки органа.

— Мы только что оттуда пришли. А если пойдем вперед, туда, где играют на органе, у нас будет хоть какой-то ориентир, — сказал я вкрадчиво, разрываясь между прямо противоположными желаниями.

С одной стороны, я понимал, что нам надо выбираться отсюда как можно скорее, пока обитатели особняка заняты своими черными неотложными делами. С другой стороны, сбежать, не узнав, что за пакость они задумали, было как-то неспортивно. Как-то не по-мужски и не по-человечески. Уйти с фильма на самом интересном месте, бросить книгу,

когда действие достигло кульминации... Нет, поступать так было совершенно противоестественно.

— Саня, я знаю, что ты креативщик и экстремал, — Лика повернула ко мне осунувшееся лицо и, для вящей убедительности, ухватила за рукав куртки, — но, подумай сам, стоит ли ради удовлетворения праздного любопытства рисковать жизнью? Пойдем искать дверь в другой стороне здания. Зачем нарываться на неприятности?

— Я и не предлагаю лезть в лапы этим сумасшедшим. Но взглянуть, что за каверзу они затеяли, мы просто обязаны. Сдается мне, шалости их могут иметь самые серьезные последствия...

— Ну и пусть! Почему мы должны рисковать жизнями и лезть в дело, которое нас совсем не касается?

— Касается, да еще как. — Я бережно отцепил Ликины пальцы от своей куртки и двинулся по коридору в направлении приглушенных звуков органа.

Ради чего стоит рисковать жизнью? Где граница, за которой дела, вроде бы нас не касающиеся, становятся жизненно важными? И если не удовлетворять свое любопытство, то для чего вообще жить? Ведь любопытство, желание заглянуть в завтра, послезавтра и еще дальше, возможно, и есть основной стимул человеческого существования...

— Ты ненормальный. Такой же псих, как обитатели этого особняка, — грустно сказала Лика, поворачивая следом за мной в очередной коридор.

— Любознательность — отнюдь не диагноз. Знаешь, что сказал по этому поводу Оскар Уайльд?

— Не знаю и знать не хочу. Это дурость, а не любознательность!

— Он сказал: «Знаете ли вы, как велико женское любопытство? Оно почти не уступает мужскому».

— Я догадывалась, что ты шизик, но не предполагала, что в такой степени!

— Вот и поговорили... — пробормотал я, осторожно заглядывая в следующий коридор, — звуки органа крепи и парастали, мы, без сомнения, двигались в правильном направлении.

Коридор привел нас к лестнице, и, поколебавшись, я решил, что нам лучше подняться на второй этаж, чем плутать дальше по бесконечным переходам. Лика попыталась возражать, но я, не желая тратить время на препирательства, начал подниматься по ступенькам.

Звуки органа становились все громче, безошибочно указывая нужное направление. Мы прошли еще один коридор и оказались на неширокой, похожей на балкон галерее, опоясывавшей просторный, центральный, по-видимому, зал особняка.

— Мы сами себя загнали в ловушку, из которой не выбраться... — скорбно сказала Лика.

Я не ответил, ослепленный ярко-лимонным светом, оглушенный зловещим болботанием, усиленным и искаженным высоким полукруглым сводом зала.

— Уип-пур-вилл... Уип-пур-вилл. Уип-пур-вил, Шуб-Нигтурат! Нгхок-нгхор-нгар-лар, Ньярлатотеп! Ийи-ийя фхтаги-нгах, айи Йог-Сотот! Йгнай-иих! Йяа Хастур кф'ай-як'вулгтмм, вугтлаглн вулгтмм! Цаототуа, мгрибхи мбаг!.. — шептал, шипел и гресмел, повышаясь временами до оглушительного рева, голос черного мага.

— Саня, пойдем отсюда! — Лика потянула меня за руку, но я вырвался и шагнул к ограждению галереи, мельком отметив, что оно набрано совсем недавно из балясин заводского изготовления.

Заглянув в зал, я прежде всего увидел начерченнос алой краской кольцо. Оно располагалось в центре квадратного зала и было поделено алыми радиусами на равные части. В основании каждого радиуса стояла золотая скульптура. Их было двенадцать, и в двух из них я узнал несчастных грибников, стоящих напротив друг друга. В середине кольца, на пересечении алых линий, возвышался треножник с чапшей, из которой поднималась белесая струйка дыма.

В дальнем конце зала, посреди малого, нарисованного голубой краской кольца стоял черный маг, державший в руках хрустальную сферу, мерцавшую всеми оттенками желтого, оранжевого и красного. Слева от него, в зеленом кольце, стоял господин Мамелюкии, лицо которого напоминало гипсовую маску. Всю противоположную стену зала занимал ор-

ган, подле которого толпились парни в камуфляже, скрывавшие фигуру музыканта.

— Какое-то ритуальное действо... — пробормотала Лика, выглядывая за балконное ограждение.

— По-моему, это больше похоже на постановку любительского театра, — возразил я. — Причем хорошим вкусом художник-постановщик не отличается.

Золотые фигуры, цветные кольца, намалеванные на ип-крустированном паркете, звуки органа, завывания черного жреца и его маскарадный балахон — все отдавало китчем, дешევкой, самодеятельностью, шарлатанством. И все же было в этом аляповатом смешении локальных красок и нарочитой торжественности что-то зловещее. То ли шут примеряет на себя маску злодея, то ли злодей вырядился шутом...

Звуки органа, достигнув крещендо одновременно с воплями мага, стали стихать. А когда они окончательно утасли, маг двинулся в центр красного кольца и положил хрустальный шар в венчавшую треножник дымящуюся чашу. После этого он подошел к одной из золотых фигур — женщине в спортивном костюме, в ужасе отшатнувшейся от чего-то мерзкого и прикрывшей рот рукой, — вытащил из складок черного балахона аэрозольный баллончик и прыснул в лицо статуи. Затем проследовал к другой фигуре, третьей...

В наступившей тишине я услышал резкий щелчок, обернулся и увидел, что Лика, забыв все свои страхи, увлеченно фоткает то, что было задумано как ритуальное действо, а выглядело бездарным балаганом.

Мне показалось, что щелчки «хасселя» разносятся по всему залу, и я уже открыл рот, чтобы остановить ее, но вовремя сдержался. Раз уж мы рискнули взглянуть на затеянный Мамелюкиным спектакль, так почему бы его не оцифровать? Так или иначе, сумасшествие Игоря Евгеньевича стоило жизни по крайней мере дюжине человек, и ему придется за это ответить. А фотографии послужат уликами или хотя бы поводом начать расследование...

Из всего, что я видел, меньше всего мне нравилось то, что золотых фигур было двенадцать. Не могу объяснить почему, но число это навевало тревогу и вызывало ряд не имевших, казалось бы, отношения к происходящему ассо-

циаций. Двенадцать апостолов, двенадцать знаков зодиака, двенадцать подвигов Геракла, «Двенадцатая ночь» Шекспира, «Двенадцать» Блока, допотопный фильм «Двенадцать разгневанных мужчин», ляпа на эту же тему Михалкова... Двенадцать месяцев, двенадцать могил Насреддина, «В двенадцать часов по ночам из гроба встает барабанщик» и там же, в тот же час, у Василия Андреевича Жуковского «встает полководец»...

Словно отвечая моим мыслям, где-то за пределами зала зазвенел гонг. Раз, два... точно двенадцать ударов. Но ведь до полуночи еще несколько часов!

Лежащий в чаше хрустальный шар взорвался тысячами ослепительных разноцветных лучей, заставивших меня зажмуриться.

— Смотри, они открыли глаза! — ахнула Лика, тыча пальцем вниз.

Удивительно, но я сразу понял, что она говорит о скульптурах!

Глаза золотых статуй действительно открылись, и между стоящими напротив друг друга фигурами протянулись светящиеся бледно-голубые жгуты. Оказавшийся на их пересечении треножник с чашей и хрустальным шаром истаял, а из пола ударил полуметровый столб света, впитавший и поглотивший породившие его энергетические жгуты.

Вместе со столбом света где-то под полом, а может, и под землей зародился низкий тяжелый гул.

Глаза статуй погасли и закрылись, а вслед за тем начали видоизменяться золотые тела. Сначала медленно, почти незаметно, потом быстрее и быстрее... Золотистый металл будто перетекал из одной формы в другую, фигуры теряли очертания человеческих тел, превращаясь в золотые слитки, которые продолжали трансформироваться в нечто несообразное.

Между тем подземный гул рос, и под воздействием неведомых сил световой столб, обретя плотность, начал медленно вращаться вокруг своей оси. Невольно я поднял взгляд к высокому куполообразному своду и ахнул — в том месте, где его коснулся набирающий силу вихрь, потолок исчез, и сквозь образовавшееся отверстие было отчетливо видно фиолетово-черное, усеянное крапинками звезд небо.

Почти бессознательно я вытащил из нагрудного кармана мобильник, чтобы взглянуть, который час, но он не работал. По моим прикидкам, вряд ли могло быть больше шести.

Днем ночное небо можно видеть только из глубокого колодца. Желая проверить этот факт, я, проводя летние каникулы у тетки в деревне, забрался как-то раз в заброшенный, давным-давно высохший колодец и действительно увидел звезды, мерцавшие на черном бархате неба...

— Саня, они превратились в химер! — прошептала Лика, ни на мгновение не отрывавшаяся от видеоискателя своего суперного «хасселя».

Происходившие с золотыми фигурами метаморфозы завершились. Теперь на основаниях радиусов алого кольца стояло двенадцать золотых химер. Двенадцать клювастых, крылатых горгулий. Ну что ж, господин Мамелюкин не соврал. Методом, отдаленно напоминавшим гальванопластику, в его особняке в самом деле изготовили двенадцать химер. Но, сдается мне, созданы они были вовсе не для украшения интерьеров особняка...

— Внимайте мне, твари с измененными телами и душами! Повинуйтесь мне, посланцы в иную реальность! — неожиданно громко и грозно пророкотал господин Мамелюкин, перекрывая прорезавшимся могучим голосом нараставший с каждым мгновением подземный гул. — Готовьтесь уйти в инобытие и передать мой призыв Великим Старым Богам.

Двенадцать жертв приношу я Великим Старцам, чтобы услышали они мой зов! — продолжал грохотать господин Мамелюкин, не выходя из зеленого кольца, веселенький цвет которого так же не соответствовал его мрачным словам, как аэрозольный баллончик в руках мага — традиционным колдовским атрибутам. Однако было в этих несоответствиях нечто зловещее, заставившее меня поверить в серьезность происходящего...

— Двенадцать вестников посылаю я вам, двенадцать тварей, которые передадут мой зов. Двенадцать ключей, чтобы открыть Врата между мирами. Двенадцать ложей, чтобы вспороть ткань мироздания. Исполните древнее пророчество: «Петербургу быть пусту»! Пусть гибель его по-

служит примером всем градам и весям Земли! Пусть участь его устрасит злых и равнодушных, напомнив о том, что есть Высший суд и все мы будем судимы тем судом, коим судим сами. Пусть стынут души и коченеют тела обитателей Петербурга. Пусть пробудится древний хаос, шевелящийся и ворочающийся под улицами, каналами и площадями самого отвлеченного и умышленного города на Земле. Пришло ему время воспрянуть. Именами и кровью всех тех, кто мучился и умер здесь, заклинаю вас! Да сольются их голоса с моим и будут услышаны!..

Подземный гул нарастал, но призывы господина Мамелюкина были отчетливо слышны. А потом произошло все несуразное — покончив с дурацкими, нелепыми призываниями, Игорь Евгеньевич начал выкрикивать какие-то рифмованные заклинания:

Твой остов прям, твой облик жесток,
Шершаво-пыльный сер гранит,
И каждый зыбкий перекресток
Тупым предательством дрожит.
Твое холодное кишенье
Страшней бездвижности пустынь.
Твое дыханье — смерть и тленье,
А воды — горькая полынь...

Я не сразу понял, что он читает не заклинания, а декламирует стихи. На мой вкус, совсем неплохие, но совершенно неуместные на этой безумной церемонии.

Как прежде вьется змй твой медный,
Над змеем стынет медный конь...
И не сожрет тебя победный
Всеочищающий огонь.
Нет, ты утонешь в тине черной,
Проклятый город, Божий враг.
И червь болотный, червь упорный
Извест твой каменный костяк...¹

При последних словах Мамелюкина свет в зале мигнул, подземный гул сделался тише и перешел в ровное гудение.

¹ Зинаида Гиппиус.

Как будто некоего подземного владыку и впрямь заинтересовала декламация Игоря Евгеньевича, и он убавил звук своих адских громовых машин. Световой столб прекратил вращение и замер, затуманился, помутнел, уподобившись колонне из уплотнившегося, сизого дыма.

В темных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.
Уж на что он был грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал:
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.
Ни цветов, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни грез, ни улыбки!
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки...¹

Упоминание об ошибке вывело меня из оцепенения, словно включило счетчик, повернуло какой-то рубильник.

— Лика, пора сматываться! Пока почтенная публика балдеет от стихов, самое время покинуть этот балаган.

— Погоди, я хочу досмотреть, чем дело кончится.

— Ну уж нет! Хорошенького понемножку!

Теперь уже я ухватил ее за руку и поволок по галерее туда, где, по моим расчетам, должен был находиться выход на парадную лестницу, всдущую к главному входу.

Лика последовала за мной неохотно, похоже, вопли господина Мамелюкина ввели ее в ступор, но постепенно к ней стала возвращаться ясность мысли, и она прибавила шаг.

Мы бесшумно неслись по длинной галерее, а над нами гремело и грохотало:

Кличу я: «Мне страшно, дева,
В этом мороке победном
Медноскачущего гнева!»
А Сивилла: «Чу, как тупо
Ударяет медь о плиты...
То о трупы, трупы, трупы
Спотыкаются копыта...»²

¹ Иннокентий Анненский.

² Вячеслав Иванов.

Черной жутью повеяло на меня от этих стихов, и я подумал, что не случайно, ох не случайно господин Мамелюкин занялся мелодскламацией! И вспомнились мне строки, написанные, кажется, Георгием Ивановым:

Это черная музыка Блока
На сияющий падает снег...

Именно «черная музыка» была в декламируемых господином Мамелюкиным стихах, выбранных из великого множества других с толком, чувством, расстановкой. И могли они, похоже, и впрямь заменить заклинания, поскольку при всем своем неверии во всякую магию-шмагию я все же ощутил некие вибрации, пронизывающие пространство зала. Они становились все отчетливее, нарастали, словно невидимые волны леденящей энергии прокатывались по нему, вызывая чувство безысходности и мурашки на теле...

А господин Мамелюкин все не унимался:

...И день настал, и истощилось
Долготерпение судьбы,
И море с шумом ополчилось
На миг решительной борьбы...¹

Мы добежали до конца галереи, свернули налево и увидели распахнутые двери, ведущие на центральную лестницу.

— Ну, слава богу! — пробормотал я. — Надеюсь, охранников тоже пригласили на представление и нам удастся уйти отсюда по-английски.

Надеждам моим не суждено было сбыться.

Едва мы ссыпались по лестнице, как от входа в зал к нам устремились два охранника в камуфляже:

— А вот и наши голубки!

После недолгого и бесславного сопротивления — увы, я не владею никакими видами борьбы, а дрался в последний раз, помнится, в девятом классе, но это, право же, не в счет, — нас с Ликой сковали наручниками. После чего приволокли в зал, и мы успели услышать:

¹ Приписывают Лермонтову.

...глубина,
Гранитом темным сжатая.
Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая...¹

Нас притиснули к стене, чтобы мы не мешали церемонии, и я подумал, что, может статься, это и к лучшему. Жаль было бы пропустить завершение чудовищного представления, которое явно близилось к концу.

...И вот разорваны трех измерений узы,
И открываются всемирные моря...² —

произнес господин Мамелюкин, и где-то в глубинах особняка вновь зазвенел гонг.

И, словно пробудившись ото сна, ровное подземное гудение вновь перешло в грозно парастающий гул. Дымный столб пришел в движение и завертелся, превращаясь в перевернутое торнадо, — верхний конец его оставался узким, а нижний стал расширяться, подобно жерлу воронки.

Все еще стоявший в центре зеленого кольца господин Мамелюкин смахнул с лица пот и, перскрывая могучим голосом, явно не соответствовавшим его габаритам и природным данным, усиливающийся гул, закричал:

— Вы, живущие в незримых, потаенных чертогах, недоступных человеческому взору и пониманию, услышьте мой зов! Вас призываю в час скорби и гнева! Явитесь, возьмите принадлежащие вам по праву души! Вам, не знающим сострадания, открываю я путь в проклинаемый мною, чуждый милосердию мир! Придите и разрушьте то, что должно быть разрушено! Сотрите с лица земли то, что должно быть стерто! Взыщите долги с должников. Явитесь, явитесь, явитесь!

Он вскинул руки в патетическом жесте, и тяжкий гул перешел в вибрирующий, разрывающий уши вой.

У меня мелькнула мысль, что от этого кошмарного звука у всех нас либо барабанные перепонки полопаются, либо рухнет купол зала. Но ни того, ни другого не произошло.

¹ Александр Блок.

² Осип Мандельштам.

Жуткий вой не вызвал катастрофических разрушений и не искалечил собравшихся на безумную церемонию. Он всего лишь оживил двенадцать золотых химер. Глаза их вспыхнули мертвенным сине-зеленым светом, они расправили мощные крылья и, взмахнув ими, устремились в дымный вихрь. Он закружил их, завертел и стал вместе с ними втягиваться в круглое отверстие, зиявшее в потолке зала.

Достигший апогея вой пошел на убыль и стих, когда дымный вихрь вместе с истаявшими в нем химерами исчез в звездном провале. А мгновением позже бесследно исчезла, словно ее и не было, здоровенная круглая дыра в потолке. Заплыла, заросла, затянулась. Я попытался протереть глаза, забыв, что моя правая рука прикована к левой руке Лика.

Умиротворяюще заиграл орган, звуки которого показались мне прямо-таки божественными после омерзительного, надрывающего душу воя. Маг вышел из голубого кольца и направился к господину Мамелюкину, который, выбравшись из зеленого кольца, вытирал лицо большим красным белым платком.

— А когда случится явление Великих Старцев народу? — поинтересовалась Лика у стоявшего возле нее охранника.

— Через год, — ответил он без тени сомнения.

— Но ведь тогда, если ваш фокус удался, не поздоровится всем. И вам в том числе, — продолжала Лика.

— А нас здесь через неделю не будет. Господин Мамелюкин уже продал особняк и не собирается задерживаться в Питере, — сообщил белобрысый камуфляжник, явно не видя причин что-либо от нас скрывать.

Мне не понравилась его откровенность. Он что же, считает, что мы отсюда не выберемся и потому утечки информации не произойдет? Я начал оглядываться по сторонам, примериваясь, как нам все-таки исхитриться дать деру. И обнаружил, что второй охранник, дождавшись завершения церемонии, поспешил к Мамелюкину с докладом.

— Ради чего ты согласился помогать Мамелюкину, если знал, что он обратится к злобным богам? — продолжала допрашивать Лика белокурого охранника.

Я ожидал, что он скажет: ради денег — такой ответ был бы совершенно естествен, и был удивлен, когда недалекий на вид парень, пожав широченными плечами, промолвил:

— Добрые и злые боги — это условность в нашем бесконечно относительном мире. То, что вчера было добром, сегодня объявлено злом, а завтра, быть может, вновь...

— Но этот ваш Джон-мну-за-всех призывал Старых Богов уничтожить Питер! Город с пятиmillionным населением! — выпалил я, изумляясь тому, как парень, не будучи полным кретином, мог помогать Мамелюкину в его безумной затее.

— Мало ли к чему он призывал, — все так же невозмутимо ответил охранник. — Великие Старые Боги сделают то, что сочтут нужным. Они используют открытие Врат между мирами в своих целях, никто не может указывать им, что делать. Неужели вы думаете, что Великие Цатотгуа, Йог-Сотот, Ньярлатотеп, Азатот, Йюггот, Алдонес, Тале и приходящий с ветром Итаква будут прислуживать Мамелюкину, как халдеи в кабаке?

— Но ведь он... — Лица умолкла, увидев приближавшегося к нам Игоря Евгеньевича.

— Отберите у нее фотоаппарат, — сипло проговорил он, и белобрысый протянул руку к оттягивавшему Ликино плечо «хасселю».

— Тогда уж сразу расстреляйте! — взвилась она. — Мне без него разве что на панель идти — с голоду сдохну!

— Можно и расстрелять, — бесцветным голосом согласился Мамелюкин, и я поразился тому, как осунулось и побледнело его лицо, сгорбилась фигура, обвисли плечи. — Но мелочиться — не в моем стиле. Без меня сгинешь. К тому же ты была Милиной подружкой... — По лицу его прошла судорога, и он, кривя рот, спросил у охранников: — Может кто-нибудь стереть все, что она тут нащелкала?

— Я могу попробовать, — вызвался второй охранник — медведеподобный мужик лет тридцати — тридцати пяти.

— Ради бога, только поосторожнее! Там всего-то и надо нажать вот на эту кнопку и...

— Разберусь, — прервал Лику мужик с квадратной челюстью, широким лбом и щеткой ржаво-седых усов, при-

нимая у нее «Хассельблад», стоимость которого равнялась четырем «матисам».

— Вы верите, что вызванные вами Великие Старцы действительно явятся в наш мир? — спросил я, все еще не в силах уяснить, псих передо мной или человеконенавистник, отыскивший способ расчесть с людьми за нанесенные ему реальные и мнимые обиды.

Господин Мамелюкин уставился на меня пустыми, гусковыми, как истертая монета, глазами и, отвечая скорее собственным мыслям, чем на мой вопрос, пробормотал:

— Лучше было бы вызывать Великих Старцев на арене какого-нибудь древнего колизея, пропитанного кровью. Но, если вдуматься, это место тоже имеет свои плюсы. На расположенном неподалеку Ораниенбаумском пятачке во время Второй мировой были убиты более двадцати тысяч солдат. Так что почва хорошо подготовлена и аура, по словам, Хасаара, соответствует...

— Готово, — доложил медведособразный охранник, протягивая Лике се бесценный «хассель».

Господин Мамелюкин помолчал, словно вспоминая, о чем идет речь, и, глядя куда-то мимо нас, приказал:

— Проводите их за ограду. Пусть убираются прочь.

— Игорь Евгеньевич!.. — начала Лика, но Мамелюкин уже отвернулся от нас и двинулся в дальний конец зала, к стоявшему возле органиста черному магу.

— Пошли. — Медведособразный тронул меня за плечо, и мы двинулись прочь.

На улице было еще светло. Вечернее солнце вызолотило двор и стоящие на парковке машины, уподобив желто-алые клены гигантским языкам пламени. На нас пахло скошенной травой, влажной землей и бензином. Бодрящий ветерок освежил лица, а воздух, по-осеннему праздничный и прозрачный, заставил дышать полной грудью.

Охранники подвели нас к «матису». Белобрысый растегнул скрывавшие нас наручники и протянул мне вместе с ключом:

— На память. Весьма разнообразят любовные игры. — И, обращаясь к Лике, добавил: — Уезжайте отсюда. Через год здесь будет нехорошо. Очень нехорошо.

Створки ворот разъехались в стороны, и Лика пообещала:
— Уедем.

«Ну, это мы еще поглядим», — подумал я, но вслух ничего говорить не стал. Поговорить мы еще успеем, когда «матис» отъедет подальше от этого чертова особняка.

ЧАСТЬ 2

Ветер новых миров

Когда лица расслабились, голоса зазвучали громче и гости Михаила утратили четкость дикции, я выбрался из-за стола и отправился в туалет. После чего, вместо того чтобы вернуться на кухню, прошел в просторную комнату, которую Михаил высокопарно называл «главной мастерской». В огромной полуподвальной квартире имелись еще две «малых мастерских», спальня и кухня-столовая, где покончившие с закусками гости приступили к плову. Они-то уже были у Миши не раз и насмотрелись на его картины, я же, попав сюда впервые, был сразу проведен к праздничному столу и познакомиться с творчеством хозяина дома не успел. Что и неудивительно, поскольку мы оба ухаживали за Катей и быть мне здесь, по логике вещей, не полагалось.

Не полагалось в качестве соперника. Зато в качестве фотографа, который мог за приемлемую цену создать каталог Мишиных работ, я был желанным гостем. Так что Мишин интерес ко мне был понятен. Мой к Мише — тоже. Успешно работающие художники в наши дни редкость, мне, во всяком случае, попадались одни неудачники, с которых, понятное дело, взятки гладки. Был свой интерес и у Кати — сравнить двух ухажеров и выбрать лучшего. Она имела право выбирать, поскольку была хорошенькой и в меру умненькой — чудесное сочетание для девушки двадцати двух лет.

— Можешь звать меня Лориэль, — разрешила она мне при знакомстве.

— А ты меня — Мерлином, — не без ехидства предложил я.

— Это рыба такая? — с простодушной улыбкой поинтересовалась Катя.

— Рыба — мерлан. И еще — марлин. А Мерлин — маг, сподвижник короля Артура, — сообщил я.

Со временем все стало на свои места. Я звал ее Катей, Катериной, Китти и просто Кэт. Она меня — Сережей, Сергеем, Сержем, Серым, Серым волком, а когда гнсвалась — Волчарой позорным. Хотя ничего особо позорного я отродясь не совершал. А уж если и было что во дни золотого детства, то Кэт об этом точно не знала.

Она преподавала рисунок в младших классах и временно, в связи с нехваткой учителей, — физкультуру. Помимо этого Катя была еще классным руководителем, благодаря чему мы и познакомились. Приехав в ее школу в качестве фотографа, я сразу положил глаз на симпатичную классную даму, щеголявшую в узких джинсах, алом шарфике и белой кофточке, не слишком скрывавших очень и очень убедительные формы. Особую пикантность ее внешности придавала затейливая прическа, подчеркивавшая высокую шею и делавшая Катину лицо каким-то призывно-обнаженным. Катин имидж был ее собственным, очень недурным изобретением, и я не удивился, когда на третьем или четвертом свидании она сказала, что намеревается, доработав год, уйти из школы и устроиться парикмахером в модном салоне. А потом... О планах на будущее она ни в тот раз, ни в следующие не распространялась, но дала понять, что они есть и со временем непременно будут претворены в жизнь. И это понятно — работа учителя ни в одну лузу не катит — об него нынче разве что ленивый ноги не вытирает. А с ее данными в школе только мазохист прозябать станет. Да и то не всякий...

Естественно, Катина внешность должна была привлечь Михаила, и, увидев среди висящих на стенах холстов и картонов ее портрет, я вынужден был признать, что рисует он здорово. Портрет был сделан «а-ля Кустодиев». Катя в тоике заменила пышнотелую купчиху, фон был отредактирован соответствующим образом, и только кот остался прежним — умильным кустодиевским Васькой.

Две стены занимали полутораметровые картоны, составлявшие серию «Знаки зодиака». Написанные яркими акриловыми красками, они предназначались, по-видимому, для

какого-то кабака, но не были приняты заказчиком. Или Михаил не успел сдать выполненную работу и пьянка по этому поводу еще предстоит. Сегодня он созвал гостей, чтобы обмыть сдачу заказа владельцу «Гамбурга» — «ресторационного зала при гостинице с одноименным названием». «Гамбург», по словам Михаила, был поганым заказом, и праздновали мы вовсе не завершение цикла гениальных картин, а избавление хозяина дома от «проклятого гамбургского ита» — необходимости писать пейзажи славного немецкого города, в котором он никогда не был, по фотографиям.

Пару эскизов для «Гамбурга» я увидел среди картонов, поставленных у стен «большой мастерской», и они не произвели на меня особого впечатления. Зато гут же были весьма любопытные эскизы, иллюстрирующие легенды Древней Греции. Сам бы я об этом не догадался, но Катя упоминала, что Михаил хочет получить заказ на панно для ресторана то ли «Аргонавты», то ли «Золотое руно» — название в памяти отложилось как-то неотчетливо. На одном картоне был летящий под надутым прямоугольным парусом корабль, стремящийся проскользнуть между двумя утесами — Симилегадами, надо думать, — сдвигающимися скалами. На другом — герой в античных доспехах, подкрадывавшийся к спящему возле дерева дракону, а на третьем... На нем была изображена прикованная к скале Андромеда, к которой подбирается вылезшее из моря крокодилообразное чудище.

По-моему, спасший Андромеду Персей не имел к аргонавтам никакого отношения, но не это было главным. И не то что Андромеда была соблазнительно голой — Рубенс тоже полагал, что если уж скармливать чудищу девку, то без одежды — зачем добро переводить? Главным для меня было то, что голая Андромеда была вылитой Катей. То есть голой я ее не видел, но когда мы ездили в Солнечное, купальник на ней был такой крохотный, что дофантазировать оставалось совсем немного. И очень бы мне хотелось думать, что Михаил, так же как и я, дофантазировал то, чего не было явлено его взору. Однако сдается мне...

Некоторое время я во все глаза пялился на грациозную, высокогрудую Андромеду, голову которой украшала грива светло-золотых волос. Удлиненный овал лица, круглый под-

бородачок с ямочкой, широко расставленные серо-голубые глаза и полные, жаждущие поцелуев губы. Она, черт возьми, Катка!

И вовсе она не боится выползающего из моря чудища. Она ждет его. Как любовника. Горят ярко-красные ягоды сосков на тугих, похожих на перевернутые чаши грудях, блестят влажные приоткрытые губы, мерцают мелкие бриллианты любовного сока на мехе, густо покрывающем венерин холм...

Я отвернулся от злополучного картона и с силой потер лицо ладонями. Ай-ай-ай!.. Сдается мне, чужой я на этом празднике жизни и лезу с суконным рылом в калашный ряд. Примеряла корова седло, потешала честной народ...

Я аккуратно вытащил зажатую между картонами пачку листов толстой светло-серой бумаги и с одного взгляда понял, что предчувствия меня не обманули. Это были наброски с Кэт, причем позировала она художнику совершенно голой. Обнаженной, как деликатно напишут когда-нибудь искусствоведы, исследующие творчество Михаила Клязина. Вот блин и еще раз блин!

Мне отчаянно захотелось курить. Однако сигареты я оставил на столе в кухне, откуда доносился ровный гул голосов. Идти туда решительно не хотелось, и я присел на допотопный табурет. Тупо перебирая наброски, я думал о том, что же мне теперь делать. Я не питекантроп какой-нибудь и не питал иллюзий, что, встречаясь на протяжении года, они только и говорят о проблемах искусства и преподавания. Все мы люди, все человеки и ведем себя, как природой предписано. И все же...

— Ого! Это еще что за одинокая гармонь? — прервал мои размышления пронзительный, как сигнал к атаке, голос подвыпившей девицы, выросшей передо мной, будто из-под земли. — Ты чего из коллектива сбежал? Все сидят, как умные, водку пьют, речи говорят, а ты...

— У тебя сигареты есть? — спросил я, с досадой разглядывая коренастую, сильно накрашенную девку в короткой до безобразия юбке и полупрозрачной блузке, из которой выпирали арбузные полушария грудей.

— Нет. Ты чего тут сидишь, на голых баб нялишься? Онанируешь?

— А тебя в детском саду вежливости не учили? В школу-то, видно, из-за слабоумия не взяли, — буркнул я, складывая листки с профессионально сделанными набросками голой Катьки. Красивой, сексапильной Катьки, которая могла позировать в таких позах только человеку, которому очень и очень доверяла. Не будем употреблять затертое и тусклое слово «любила». Доверяла, уважала, считала достойным себя, поскольку не было ей нужды подрабатывать натурщицей. На хлеб она зарабатывала, а на масло ей папа с мамой давали, в порядке гуманитарной помощи...

— Ты чё, Серый, наезжаешь? Это ж я так, любя! — Девушка отпрянула, а потом, что-то сообразив, с жалостливыми нотками в голосе сказала: — Пошли, найду я тебе курицу. В «малой мастерской» есть. Если к столу идти не желаешь.

Она пошла в соседнюю комнату, я машинально последовал за ней, пытаюсь понять, действительно ли Михаил не придавал значения тому, что я увижу его эскиз Андромеды с Катькой в главной роли, или, наоборот, для того и позвал, чтобы показать — моя, мол, Катька, с потрохами, а ты ступай себе с Богом. Или еще что-то хотел этим сказать, да мне, дураку, невдомек?..

В общем, стало мне на редкость погано, и сердце противно так зануло вдруг, и жить расхотелось. Хотя, если вдуматься, кто мне Катька? Чего в ней особенного? Я себе сотню таких найду, а надо будет — тысячу...

— Вот тебе сигареты. — Девушка протянула мне початую пачку «Winston», я щелкнул зажигалкой.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга сквозь клубы дыма, и я, глядя на вульгарную до невозможности девушку, глаз которой было почти не видно из-под крашеной красно-рыжей челки, вспомнил, что ее зовут Лиза. Представил Михаил в числе прочих гостей, вот только я запомнил.

— Спасибо, Лиза, — сказал я, чтобы не молчать, как чурбан.

— Нет проблем. — Девушка надвинулась на меня, как липкор на шлюпку потерпевших кораблекрушение. — Для хоро-

шего человека не то что чужого курева, себя, любимую, не пожалею.

— Вот только не надо жертв!

Я отшатнулся от ее малиново-помадных губ и гигантского торса, которым могла она при желании размазать меня по стене, как комара. И дело не в том, что была она не в моем вкусе — под стакан и корова согдится, особенно после Мишиных этюдов к «Андромеде». Исходилили от Лизы волны заданности, запрограммированности, которые уловил бы даже напрочь лишенный всякой чувствительности человек. Я же, к худу ли, к добру ли, чувствительностью обладал повышенной. Я ведь лабораторная крыса, «заряженная на восприятие», и эмоциональный настрой человека улавливаю если не за версту, то уж за десяток метров — наверняка.

Фишка в том, что полтора года назад лаборатории, где я подрабатывал, понадобился подопытный кролик. Точнее, несколько. Набрать их было не так-то просто, и здоровый парень, выполнявший работу «бери больше, кидай дальше», подходил для этой цели как нельзя лучше. Опыт удался, я действительно превратился в «эмпатиметр» и начал улавливать ощущения, которые испытывают окружающие. Жить от этого, понятное дело, легче не стало. Жить стало труднее.

Если приятель, например, одалживая полтыщи рублей, думает, что ты зажавшаяся сволочь, это не радует и не способствует праздничному восприятию жизни. Деньги-то я ему, так или иначе, дам — у всех накладки случаются, но, когда он так думает, хочется дать тысячу и никогда больше не видеть.

Мне говорили, что, если опыт получится, я буду видеть людей насквозь. Сомнительная, доложу вам, радость. И без того паскудства всякого хватает, которое невооруженным глазом разглядеть можно. Ну вижу я, трое в парадняке топчутся, так и без эмпатии ясно — либо денег им надо, либо кулаки чешутся. С другой стороны, при всей эмпатии своей не ощущаю я исходящего от Михаила зла. Догадываюсь, зайвится сюда сейчас с Катей проведать, куда это я пропал, чтобы застать меня с Лизой в «интересном поло-

жении». Но зла при этом в нем нет. Просто нужен я ему в качестве соперника, как рыбе зонтик. Не вообще — вообще-то он мне работу поручить хочет, — а именно в качестве конкурента...

— Ну чё, так и будешь столбом стоять? — спросила Лиза и снова надвинулась на меня, призывно встряхивая огромными дойцами.

— Не обожгись, — попросил я, опуская сигарету так, что тлеющий кончик ее почти уперся в вызывающе проступивший сквозь тонкую блузку сосок.

Лиза отпрянула, а я огляделся по сторонам — мрачно-ватными картинами была заполнена эта «малая мастерская».

Намалеванные на картоне этюды стояли в два ряда на приколоченных к стенам деревянных направляющих, и, судя по исходящему от них запаху, сотворил их Михаил недавно. В разных ракурсах на них были изображены громадные города на дне океана, где среди исполинских зданий, башен и каменных глыб, отдаленно похожих на купола храмов и крепостные башни, плавали странные человекоподобные рыбы.

— Серый, ну ты чё, совсем меня за женщину не держишь? — жалобно спросила Лиза.

Теперь она придвинулась ко мне сзади, уперев мне в спину свои могучие титьки, словно пупечные стволы.

— Отскечь, а то прыгну невзначай, — предупредил я, с трепетом разглядывая сновавших среди человекоподобных существ.

Не слабо у Миши фантазия разыгралась! И, сдается мне, неспроста...

— Вот вы где, пропащие души! — воскликнул Михаил, появляясь вместе с Катей на пороге «малой мастерской». — А мы вас заждались, водка в горло без дорогих гостей не лезет!

— Это у него не лезет, а я ее, проклятую, на дух не выношу, — заявила Катя, ловко вывертываясь из-под руки высоченного, коротко стриженного, похожего на тяжелоатлета Михаила. — Пошли, настало время кофе и торта.

Молодец, мысленно похвалил я ее, так его, сверхталантливого. По ушам его, по клешням, по зенкам развратным.

Отобью Катку, пусть себе другую Музу ищет, хорошего понемножку.

И тут же пришла мне в голову мысль, что не так все просто получится, и чего-то я недопонимаю. Знала ведь Кэт, что я Андромеду увижу. А увидев, догадаюсь, кто Михаилу позировал. Да еще наброски эти словно нарочно на виду оставлены. То есть нарочно они, конечно же, и оставлены. Из чего вывод напрашивается очевидный: раз Катка моему приходу не воспротивилась, значит, хотела, чтобы я понял: место в ее койке занято, а во мне она видит хорошего парня, и не более. Приятелями были, такими нам и впредь оставаться надобно. Грустная картинка проявляется. Век бы ее не видел.

— Впечатляет подводное царство? — спросил Михаил, по-своему поняв мое молчание.

А как еще он мог расценить то, что я пялюсь на стену с его эскизами и ни бэ-э-э, ни мэ-э-э, ни ку-ка-ре-ку?

— Забавно. Тоже заказ какой-то?

— Понимаешь, какая штука смешная... Снятся мне в последнее время подводные сны. Ни с того ни с сего, прямо-таки спасу от них нет. Думал, нарисую их — полегчает. Говорят, если навязчивый сон расскажешь, он преследовать перестает. Как бы не так, держи карман шире!

— О снах вы успеете поговорить, а кофе остынет, — напомнила Катя.

— Остынет, подогреем, — небрежно бросил Михаил, облаченный по случаю приема гостей в белую рубашку с малахитовыми запонками.

Был он высок ростом, ладно скроен и крепко шит, ему бы в менеджеры идти, а не в художники. И составляли они с Катей, на сторонний взгляд, замечательную пару, если бы не едва уловимый оттенок пренебрежения, звучащий в его голосе, когда он говорил о ней: «моя учителька».

— Стоило ли тогда его варить? Можно было и растворимый заботяжить, — нахмурилась задетая его тоном Катя.

А я подумал, что ни одного Михаила мучат в последнее время повторяющиеся из ночи в ночь «подводные» сны. Но обсуждать с ним эту тему не хотел. И кофе с тортом тоже не хотел. Я хотел выбраться из Мишиной квартиры и долго-долго, а лучше никогда не видеть ни его, ни Катю.

— Действительно, почему бы нам о снах на кухне не побазарить? — поинтересовалась Лиза. — Хоть под кофе, хоть под водку. Если она еще осталась.

— Осталась, Лизунчик, осталась, — успокоил ее Михаил. — Всего у нас вдоволь, на всех хватит. Каждому по потребностям — почти как при коммунизме.

Это была чистая правда. Папа у Михаила был, по словам Кати, очень богатенький, очень влиятельный Буратино. И единственного сынка обеспечивал всем необходимым. И ладно бы деньгами — не в них счастье. Но что важнее — он обеспечивал его заказами. Знал я ребят талантливых, да только на фиг никому не нужных. Сам был из таких. Не художник, правда, фотограф. Но кому нужен толковый фотограф без связей? Даже архиталантливый? В том-то и фишка. Потому я и заделался лабораторной крысой. Крысой, отчетливо вдруг ощутившей, что Михаил за мой счет еще нынче поразвлекется, а вот Катя... Ничего, кроме сумятицы, царившей сейчас в ее голове, уловить я, как ни старался, не мог...

Эмпатиметр, он ведь не мысли, а чувство улавливает, настроение, состояние. У Кати сегодня состояние близкое к истерике, но причин для этого может быть тысяча. Вот только теперь это меня волновать не должно...

— Пошли спасать остывающий кофе, — сказал я и вслед за Лизой, спешившей накатить стакан и позабыть о проваленном задании, двинулся из «малой мастерской».

— Ну, что ты о моих работах скажешь? — спросил Михаил, придерживая меня за локоть посредине «главной мастерской». — Я тут над новой серией картонов тружусь — для дегустационного винного зала. Как тебе моя Андромеда нравится? Хороша?

— Хороша, — признал я и, покосившись на Катю, добавил: — Отличная машинка для закатывания губ.

Катя покраснела от корней волос до краев выреза блузки и юркнула на кухню.

— А какое отношение Андромеда к аргонавтам имеет? — поинтересовался я, чтобы избавить Михаила от необходимости реагировать на «машинку». Не для него сказано, не ему и ответ держать.

— Никакого. Андромеда сама по себе, они сами по себе. Сюжеты разные, но в тему «Золотая Эллада» вписываются.

— Эллада — это классно, — признал я, потому что с детства люблю греческие мифы. — Однако мир Ктулху у тебя лучше получился. Убедительней. Таинственней и страшней, чем эта ползущая из воды каракатица.

— Какого Ктулху? — спросил Михаил, и я понял, что Лавкрафта он не читал. И шумиха, поднявшаяся ни с того ни с сего вокруг пророческих видений, снов и предсказаний по поводу грядущего пробуждения Ктулху, прошла мимо него. Чего и следовало ожидать, если он день-деньской над своими картами работает. По-всякому его творения можно оценивать, но трудолюбия ему точно не занимать.

Тем более любопытно, как до человека, модной истерией не захваченного, из мастерской на свет Божий не вылезающего, могли эманации этой мифической твари достигнуть?..

— Что за Ктулху? — требовательно повторил Миша, когда мы входили в кухню-гостиную, созданную путем устранения изрядного куска стены, соединявшей комнату с закутком, который и кухней-то называть было неудобно.

— Кто тут про Ктулху заговорил? — громко спросил успевший изрядно подзаправиться невзрачный тощий мужик с клочковатой бородой, поднимаясь из-за круглого старинного стола, застеленного вместо скатерти пестрой простыней. — И куда женщины уволокли водяру? Михась, скажи им, чтобы отдали, у меня от кофея изжога и похмелье!

— Садись, Вальдемар, вернут тебе водку, — распорядился Михаил. — Скажи только, ты-то откуда про Ктулху знаешь?

— Говорят, книжки о нем всякие написаны. Но я вранье не читаю, ты знаешь. Да и к чему мне, когда Повелитель вод сам ко мне является и картины своего царства показывает? — Вальдемар ткнул в мою сторону кривым пальцем. — А ты, если хочешь взглянуть, какое оно на самом деле, как застолье отгремит, айда ко мне. Я тут рядышком подвальничаю. И моя-то мазня покруче Михасиной будет. Ему заказы выполнять надо, деньгу заколачивать. А за изнанку мира заглянуть некогда. Некогда, да и незачем...

Я сказал, что с удовольствием взгляну на картины Вальдемара, хотя у меня создалось впечатление, что к концу посиделок он будет уже никаким и заснет тут же, в одной из мастерских Михаила. Однако я недооценил стаж пожилого деятеля искусств. Когда гости начали расходиться, он был загружен не больше прежнего, несмотря на то что исправно угощался водочкой, в то время как мы чинно попили кофе, заедая его тортом с лихим названием «Графские развалины».

Тем не менее именно он напомнил мне, что пора завершать гостевание, полночь близится, надобно и честь знать. Надобно, согласился я и отправился разыскивать скрывшегося в недрах крупногабаритной квартиры-мастерской Михаила, чтобы договориться с ним о деловой встрече. О фотографировании его картин мы за весь вечер так и не успели переговорить, хотя ради этого-то я сюда и пришел. Ну и из любопытства, конечно. Трепа его я за время организованных Катей походов по театрам и картинным галереям вдоволь наслушался, а вот картин до сих пор не видел.

Для начала я заглянул в мастерскую, где были развешены подводные картины. И поспешно ретировался — любвиобильная Лиза нашла-таки себе партнера — бородастого Антона, причем парочка настолько увлелась, что не заметила моего появления и на скрип двери не отреагировала. Могли бы хоть запереться, олухи царя небесного!

Голос Кати, исчезнувшей из кухни-гостиной вслед за Михаилом, донесся до меня из второй «малой мастерской», в которой я еще не был. И побывать мне там нынче не суждено, понял я, услышав, как Катя требовательно спросила:

— Зачем ты это сделал?

Из-за закрытой двери донеслось невнятное бормотание Михаила, и снова Катин голос:

— Я не твоя собственность и никогда ей не буду! Как ты мог без моего разрешения выставлять напоказ то, что предназначалось...

Дальше я слушать не стал. Присутствовать при скандале в благородном семействе — боже упаси! О делах мы с Мишей перетрем по мобильнику, время терпит. А может,

и не перетрем, уж если с Катей завязывать, так и с ним тоже. Проживу я без его копеек, а он без моих фотографий.

— Ну, Серега, идешь или как? Сколько тебя ждать можно? — окликнул меня из прихожей Вальдемар, и мы вывалились из прокуренного полуподвала на свежий воздух.

Нырнули в синие сумерки, как в сказочный подводный мир, прошли пару кварталов по Мытницкой улице и свернули во двор. Из него, мимо бачков с мусором и кучи строительного мусора, просочились в следующий двор, юркнули в подворотню, и в ней Вальдемар остановился перед металлической дверью без номера.

— Вот и моя берлога. — Он распахнул дверь, протиснулся мимо меня в крохотный коридорчик, щелкнул выключателем, и под высоким потолком загорелась тусклая мертво-голубая лампа.

Мы спустились по скрипучей деревянной лестнице со стертой половой краской на полтора метра под землю и оказались в прихожей, заставленной ведрами, метлами, скребками и прочим дворницким скарбом.

— Я в тутошних дворах еще учась в академии дворничать начал. И выслужил, видишь, квартирку. При нынешней власти мне бы хрен что обломилось, но я успел усовестить. Копают, правда, бизнесмены траханые, выселить хотят, чтобы лабаз тут устроить. Но хрен этим деятелям на рыло. Пацаны им местные так и сказали: Дуремара тронете, пожжем, на фиг, ваши лавки. И пожгут, они такие.

Не снимая ботинок, Вальдемар прошел на кухню, сдернул с плеча черную, выдавшую виды сумку, поставил на застеленный истертой клеенкой стол и вытащил из нее початую бутылку водки.

— Спер у Михася, — пояснил он, споласкивая две чашки, выуженные из заставленной грязными тарелками раковины. — От него не убудет, а мне по подвалам шляться в лом. Там по ночам исключительно паленкой торгуют. Травят мужиков почем зря.

Я попытался отказать от протянутой Вальдемаром чашки, но не тут-то было.

— Пей, без этого ничего не покажу. Мои картины обязательно под градусом смотреть нужно. В них въехать на-

до, сечешь поляну? Врубиться. Это тебе не цветочки-листочки, пейзажи-массажи с голыми тетками на заедку. Это, блин, взгляд за тот самый холст, который Буратино носом своим длинным проткнул. Помнишь сказку? Ну то-то же. Не зря говорят — все мы родом из детства.

Усомнившись в том, надо ли мне было принимать приглашение Вальдемара, я проглотил водку.

— Передо мной, значица, еще один гений? — пробормотал я, с тоской глядя, как Вальдемар вновь наполняет чашки. И вспомнил разглагольствования Михаила о трех его великих тезках, с коими станет он в один ряд, как д'Артаньян с тремя прославленными мушкетерами.

Миша полагал, что в России тремя великими Михаилами были: Михаил Юрьевич Лермонтов, Михаил Александрович Врубель и Михаил Афанасьевич Булгаков. На вопрос, почему в список не попали Ломоносов, Шолохов и другие достойные Михаилы, он лишь сделал ручкой, отмахиваясь от меня, дурака непросвещенного, как от надоедливой мухи.

Для чего Катя устраивала эти культпоходы на троих — ума не приложу. Сравнивала нас, что ли? Отдавали эти мероприятия давно и старательно забытой школой, и тяготили они в равной степени как меня, так и Михаила. Но теперь, разумеется, всему этому конец. Зрелище Катьки-Андромеды подействовало на меня, как ушат холодной воды. Хватит с ума сходить и дурью маяться, самое время переключить внимание на какой-нибудь более достойный внимания объект. Тем паче есть у меня такой на примете...

— Ну, вмазали, и вперед — на танки! — протрубил Вальдемар.

Выпил, закурил и выжидающе уставился на меня.

Я последовал его примеру, мысленно проклиная себя за наивность и покладистость. Ведь мог сообразить, что дело с заправским алкоголиком имею и ничем-то он меня не удивит, не порадует.

— Вперед! — бодро сказал я, с досадой подумав, что теперь, чтобы добраться до дому, мне придется ловить тачку — ритуал, сделавшийся почти неизбежным после того, как моего Красавчика разобрали на части.

Вальдемар толкнул узкую облупленную дверь, принявшую мной за встроенный шкаф, и перед нами открылся проход в комнату.

— Пришлось самому лаз прорубить, чтобы по коридору не таскаться, — пояснил он, заметив мое удивление. Сделал приглашающий жест и щелкнул черным допотопным выключателем. Просторную комнату с двумя крохотными узкими окошками под потолком залил призрачный голубовато-зеленоватый свет, я вздрогнул и почувствовал, как по спине у меня побежали мурашки.

Вот так штуку удрал затейник Вальдемар!

Я словно попал в батискаф, опущенный в Маракотову бездну, населенную невозможными морскими гадами, лезущими из таинственного мрака, чтобы пожрать меня. Из переплетений водорослей и нагромождений скал, напоминавших постройки сумасшедшего зодчего, выбирались, почуяв добычу, лупоглазые осьминоги, зубастые змеерыбы с томными женскими глазами, крабы с человеческими, на редкость мерзкими рожами, акулы, неведомо, с какой целью оснащенные крохотными детскими ручками, крылатые мокрицы и прочая дрянь и мерзость, порожденная отравленным алкоголем мозгом художника. Жуткое, отвратительное зрелище... И все же было в нем что-то завораживающее... Пугающе притягательное...

Мне померещилось, будто краб на ближайшем ко мне холсте шевельнул шипастой фиолетово-зеленой клешней, и я невольно попятился.

— Пробирает, а? — поинтересовался Вальдемар, щурясь от попавшего в глаз дыма и сминая сигаретный фильтр крупными желтыми зубами.

— Изрядно, — признал я. — Тебя после создания таких шедевров кошмары не мучат?

— Мучат. Потому я все это и написал. То, что сны навесили. Раз уж позволено мне было заглянуть в иную реальность, не мог я не поделиться увиденным.

Неожиданно он заговорил нормальным языком. Языком человека, окончившего факультет живописи Академии художеств. Специально или бессознательно отбросив дворовый сленг и перестав косить под мужичка-простака-

ка, у которого вся радость в жизни — нажрагся до отрубца.

— Я назвал этот цикл работ «Зов глубин», — продолжал Вальдемар, явно наслаждаясь моим изумлением. — Некоторые картины продал. Лет двадцать меня за полоумного держали: коллеги, покупатели, владельцы всяких арт-галерей и прочие посредники. А потом пробило. Продай и продай. Нарисуй им то, напиши это. Восчувствовали. А я побаиваться начал...

Вальдемар стиснул челюсти и прижал левую руку к щеке, начавший вдруг часто-часто подергиваться.

— Тик, блин, замучил. Мало мне всех этих кошмаров, так теперь еще и лицо перекашивать стало. И болит, словно током дергает! И в ухо стреляет.

— А при чем тут Ктулху? — поинтересовался я, немного оправившись.

Миша не раз высказывал мысль, что все художники — в той или иной степени — сумасшедшие или, во всяком случае, люди не от мира сего. Гоген бросил должность, жену, детей и уехал на Таити. Ван Гог страдал припадками, во время одного из которых отрезал себе ухо и пытался подарить его то ли Гогену, то ли своей любовнице. И умер в приюте умалишенных, так же, кстати, как и Врубель. Роден намеревался установить посреди Парижа скульптуры голых Гюго и Бальзака, что явно свидетельствует о его неадекватном восприятии мира.

Сам Михаил, на мой взгляд, при всем своем выпендреже, был абсолютно нормален. Насколько вообще может быть нормален человек, к тому же с детства избалованный и, безусловно, талантливый. А вот душевное здоровье Вальдемара вызывало у меня серьезные опасения. От него прямо-таки веяло бедой, отчаянием и мукой. Бог весть какие бури бушевали в его душе и чем они были вызваны, но картины, развешанные по стенам «подводной» комнаты, полностью соответствовали эмоциональным эманациям, испускаемым мозгом Вальдемара. Эманациям, которые я, сам того не желая, улавливал, да так отчетливо, что по спине бегали табуны мурашек.

— При чем Ктулху? — повторил Вальдемар и вновь прижал ладонь к левой щеке, силясь прекратить возобно-

вившийся тик. — Лицо у меня, конечно, не из-за него дергается.

Он помолчал, а затем, неожиданно решившись, выпалил:

— Фх' нглуи мглв'нафх Ктулху Р'лаи вгах'нагл фхтагн! Это значит: «В своем доме в Р'лаи мертвый Ктулху ждет и видит сны». И не только сам видит то, что происходит в бесконечно удаленных от нас мирах, но и навевает эти сны другим.

— Так ты что, беседуешь с Ктулху?

Похоже, наш клиент. Самое место ему в нашей лаборатории, где помимо опытов с участием шимпанзе, собак, кроликов и крыс проводят обследования людей с психическими отклонениями.

— Зачем мне беседовать с ним? Он навевает своим почитателям сны и сулит бессмертие, но не говорит с ними. Их сотни, тысячи, быть может, миллионы и даже миллиарды, если считать существ, живущих в иных мирах. Разве может он говорить со всеми? Да и что новое или интересное он услышит от нас? Всех нас интересует, в общем-то, одно и то же, и ответы на свои вопросы мы получаем прежде, чем успеваем их задать.

— Какие же тайны открыл тебе Ктулху? — спросил я не без сарказма. Уж больно все это пахло мистификацией. Чего не сделает жаждущий славы художник, уловив веяние моды? А Ктулху, как ни странно, стал моден...

— Тебе вряд ли понравится то, что я скажу, но раз просил — получай. Наш город пережил девятьсот дней блокады по воле Ктулху. Он подпитывался страданиями ленинградцев, используя Питер как гигантский аккумулятор психической энергии. Именно поэтому он не позволил фашистам захватить его.

— Чушь собачья! — искренне возмутился я. — Что за нелепое поветрие усматривать в каждом событии Божественный Промысел, происки инопланетян или путешественников во времени? А кстати, Ктулху, по-твоему, только эманациями страдания, боли и ненависти подпитывается? Радость или веселье ему не по вкусу?

— Да нет, я так понимаю, что, какую именно психическую энергию излучают люди — положительную или отри-

цательную, — ему без разницы. Просто обрадовать человека неизмеримо труднее, чем огорчить. И люди, в массе своей, озабочены тем, как друг другу напакостить, обойти и обнести ближнего и дальнего, а вовсе не обрадовать и осчастливить.

Я не мог скрыть недоверчивую ухмылку, при виде которой Вальдемар нахмурился и с угрозой в голосе сказал:

— Ты только за психа меня не держи. Я нормальнее многих, но, в отличие от них, не слеп. Пойдем-ка, глянем на другие мои картины. Следующий цикл работ я назвал «Зло грядет». Вот только почувствовать, что оно грядет, может далеко не каждый.

Вальдемар был прав. Я тоже чувствовал, что зло грядет. Точнее, знал, ведь я как-никак стал эмпатиметром. И не особенно удивился тому, что приближение его ощущает, а может, и видит Вальдемар. Художники, алкоголики и наркоманы в состоянии экзальтации видят порой то, чего не в силах разглядеть нормальные люди. Мне доводилось читать статьи о некоем фильтре, существующем в голове каждого здравомыслящего человека, который автоматически отсеивает все не укладывающееся в привычные представления.

Что же касается названия нового цикла работ Вальдемара, то и оно показалось мне знакомым. Да-да, так назывался один из романов Рея Брэдбери, хотя Вальдемар об этом, возможно, и не знал. А может, и знал. Очень может статься, что и Лавкрафта он читал, и выдает себя за провидца и визионера для создания имиджа, способствующего привлечению покупателей...

Вальдемар распахнул дверь в следующую комнату и сделал приглашающий жест, пропуская меня вперед.

Похоже, обитатель этой берлоги баловался не только водкой, но и наркотой. Здоровый человек не способен создавать такие жуткие картины. Я словно с головой погрузился в мир метаморфоз, где чудовищные змеи и гигантские ящерицы превращались в людей, люди трансформировались в ужасающего вида насекомых, под треснувшим хитиновым панцирем которых зарождалось нечто уже во все невообразимое. Нечто невозможное в мире живой жиз-

ни и возникавшее, подобно злокачественной опухоли, лишь в деформированном воображении параноика.

На громоздящихся друг на друге полотнах без рам орды умопомрачительных тварей извивались, переливаясь металлическим блеском чешуи, сверкали горящими глазами и игластыми панцирями, жрали друг друга, спаривались, умирали и рожали еще худших уродов. Люди, превращающиеся в змей и мутирующие в осьминогов, крабов и мокриц; грифоны, химеры, мантикоры, кентавры, сфинксы, козлоногие и вовсе уже ни с чем не сообразные уродливые создания заполняли яростные, неистовые холсты, порожденные воспаленным, изувеченным какими-то адскими снадобьями сознанием. И несмотря на всю свою кошмарность, картины Вальдемара завораживали, заставляли смотреть на них не отрываясь, улавливая все новые и новые поразительные детали, словно они были не написаны раз и навсегда, а являлись окнами в иные миры, живущие по каким-то противоестественным, парадоксальным законам...

Смрадные болота, пустыни с алым песком, из которого вырастали черные башни; земли, поросшие белесыми тошнотворно пахнущими грибами, порождавшими бабочек со змеиными телами; скопления кривостенных строений, среди которых дрались, совокуплялись, убивали или пожирали друг друга живьем сгорбленные фигуры на полусогнутых лапах-ногах — злобные пародии на людей, — крысолаки с длинными лицемордами, когтистыми лапами и полными острых зубов пастьями...

Но ужаснее всего было даже не ощущение достоверности окон-картин, а чувство, что из глубины их за мной наблюдают сотни едва различимых глаз: алых, ядовито-зеленых, пронзительно-желтых, кроваво-оранжевых... Обитатели картин заметили мой приход, учуяли запах, уловили излучения мозга и застыли, замерли, затаились, готовые рвануться из своих реальностей, чтобы схватить, пожрать или, еще того хуже, затащить в свой мир сумасшедшей, шизофренически перетекающей из формы в форму материи, круговерть которой не знала начала и конца...

С некоторых пор меня и без того стало преследовать ощущение устремленного в спину недоброго, изучающего

и выжидающего чего-то взгляда. Ни дать ни взять Всевидающее Око Владыки Мордора бдительно следило за тем, как я чищу зубы, хожу по малой и большой нужде. Смех смехом, однако мурашки порой начинали бегать по спине, и подмывало то ли перекреститься, то ли прочитать «Отче наш». Причем любопытно, что стоило мне отъехать от Питера на полсотни километров, и чувство это исчезало. Довелось мне давеча побывать по фотографическим делам в Тихвине — так будто чистым воздухом надышался, сбросил с плеч непосильную ношу, скинул годков десять, хотя мне всего-то тридцатник и жаловаться на груз лет вроде бы не к лицу...

— Откуда же явится к нам зло, которое ты столь старательно живописал? — спросил я Вальдемара, сгряхивая овладевшее мною оцепенение. — Из неведомых бездн космоса или из океанских глубин?

— Оно просочится сквозь прорехи в ткани мироздания, притянутое злом, царящим в наших душах, — сказал он многозначительно и непонятно, в лучших традициях прорицателей.

— Большому царству суждена гибель, — процитировал я, естественно не точно, ответ Дельфийского, если не ошибаюсь, оракула, данный Александру Македонскому на вопрос, чем закончится его война с персами.

— Знал бы прикуп — жил бы в Сочи, — лаконично ответил Вальдемар, выразительно пожимая плечами. — Я художник, а не предсказатель. Мое дело — прокукарекать вовремя, а уж расцветет или нет — от меня не зависит. И не мне судить, почему запаздывает рассвет.

— Свет... — эхом повторил я, чувствуя, что меня угнетает и обессиливает мертвенный свет люминесцентных ламп, которым Вальдемар явно отдавал предпочтение. Как могут наши художники работать в мастерских, если в них никогда не заглядывает солнце, не попадает дневной свет?..

— Ладно, пора глотнуть живой воды и перейти к более приятным темам. — Вальдемар с хрустом потянулся и заговорщицки подмигнул мне. — Ктулху ведь не только порождает ужас и сеет гибель. Верующим и служащим ему он дарует вечную жизнь. У любой медали есть обратная

сторона. Загляни в эту комнату, и ты поймешь, что я имею в виду. А я принесу водку, чтобы отметить твоё посвящение. Эту серию работ я назвал «Сияющие глубины».

Он распахнул ещё одну дверь, а сам направился на кухню.

Глубины, запечатленные Вальдемаром на холстах, которыми была заставлена третья комната, впечатляли и были и впрямь сияющими. В прозрачных водах, пронизанных зеленым и голубым светом, над дивными городами, среди садов и парков из разнообразных водорослей парили странные существа, размытые силуэты которых напоминали одновременно рыб, птиц и людей. Одни из них были похожи на мант или скатов, другие — на легендарных русалок. Сравнения эти, однако, были грубыми и приблизительными, поскольку картины запечатлевали некие призрачные миры, в которых формы живых существ не являлись постоянными и преобразовались в соответствии с их желаниями. Более того, менялись даже очертания выраставших из утесов башен, возносящихся к поверхности вод, пропитанных теплым солнечным светом. Рассеивались, расплывались ажурные, словно сотканые из серебристых пузырьков конструкции неведомого назначения, среди которых скользили разноцветные вуалехвосты и стайки пестрых крылатых, как бабочки, рыб. И вновь складывались в нечто еще более причудливое и непонятное, похожее на исполинскую диадему, образованную мириадами ослепительно сиявших снежинок...

Но самым странным было то, что волшебным мерцавшим картинам, помимо ощущения движения, порождали еще и музыку, источали покой и умиротворение. Благодаря приобретенной в лаборатории способности мне удавалось порой улавливать исходящую от картин ауру. По просьбе Кости Митрофанова я даже зачастил в Русский музей и Эрмитаж, чтобы составить таблицу полотен, аура которых варьировалась в широком диапазоне: от агрессивно отрицательной до бодрящей и нормализующей эмоциональное состояние зрителя. Свойство картин оказывать на человека определенное воздействие было замечено еще в древности, а не так давно его стали использовать в ряде медицинских центров. Подвести под подобную практику убедительное теоретическое

обоснование пока что, насколько мне известно, не удалось, но ведь и природа геопатогенных зон была понята, да и то не до конца, лишь в прошлом веке...

— Сергей! Сергеев! Где ты запропастился? Оглох, что ли?

Вопли Вальдемара вывели меня из транса, и я поспешил на кухню.

— Что, водка без собеседника в глотку не лезет?

— Разуй глаза! У нас гостя!

Из-за спины Вальдемара выглянула Катя, и мысли о странных полотнах, которыми была набита его мастерская, вылетели у меня из головы.

— О, блин! Видала такую рожу?! Картина Репова — «Не ждали»! За это дело — по стакану, и в школу не пойдем! — заливался Вальдемар, а мы с Катей шли навстречу друг другу и никак не могли пересечь крохотную грязную кухню и взяться за руки.

Но колокола в моих ушах звенели отчетливо. Звонили, гудели, грохотали. Гремели тяжким тревожным набатом. Как сердце в груди после забега на длинную дистанцию...

* * *

Сняв с меня датчики, Владимир Семенович удалился в аппаратную, велел подождать, и я присел к свободному компьютеру. Вышел в Сеть и набрал имя «Ктулху». Картины Вальдемара произвели на меня изрядное впечатление, а сны, увиденные в его мастерской, где он оставил нас с Катей ночевать в связи с поздним временем, странным образом дополняли то, что было изображено на окружавших нас холстах.

Казалось бы, после бурной любовной баталии, начавшейся на продавленном старом диване, скрипевшем так, что за квартал было слышно, все мои мысли должны были быть поглощены Катей. Наконец-то я держал ее в объятиях, целовал сухие, опаленные внутренним жаром губы, плечи, груди. Наконец-то вломился, ворвался в нее, и она, жалобно всхлипнув, выгнулась мне навстречу, обвинила ногами... Завершив первую часть любовного танца на диване, мы, ввиду торчащих из него пружин, перебрались на пол,

и, цепко ухватив стоящую на четвереньках девуцу за бедра, я снова и снова пронзал и буравил отданное мне на растерзание меховое лоно. Долбил и долбил его, даже когда, изломанная конвульсиями, она безвольно распласталась на спине, широко раскинув руки и ноги. А потом ее сильное, исходящее сладким потом тело стало студнем растекаться подо мной, и мы оба, превратившись в человекорыб, изображенных на Вальдемаровых холстах, устремились в синее-зеленое царство Ктулху...

Считается, что любой изображаемый объект служит художнику всего лишь ломовой лошадкой, которая вывозит на рынок его идеи и мысли. Если это действительно так, что, интересно, хотел вывезти на рынок Вальдемар, рисуя свои странные композиции?..

— Ты измучил меня, — сказала Катя, когда мы проснулись, выплыв из морских глубин, где не было времени, а глаза, освоившись с мраком, упивались сиянием и переливами неведомых на земле красок.

Она поцеловала меня влажными распухшими губами, и я снова погрузился в ее мех. Покрытые густыми водорослями створки раковины раскрылись, обнажая розовую мякоть моллюска...

— Хватит! — взмолилась она. — Ты меня всю изорвал. Истерзал, измочалил...

Локти ее разъехались, влажные бедра выскользнули из моих рук, и она ничком легла на дощатый, истоптанный нашими же ногами пол, покрытый облупившейся красно-коричневой краской.

Выбравшись из мастерской беспробудно спавшего Вальдемара, мы договорились созвониться в течение дня и разбежались по своим делам.

Я чувствовал себя так, словно, вчистую выложившись во время забега, узнал на финише, что мои противники сошли с дистанции. Типа полить пивка. Потому что перед внутренним взором моим стояла не таявшая в моих руках Катя, а ее двойник — Андромеда, распятая на скале тонкими золотыми цепями. Андромеда, кусавшая себе губы и истекавшая любовными соками в ожидании чудовища...

Чудовищем был, разумеется, Михаил. А я — новоявленным Персеем, который появился слишком поздно. Наигравшееся Андромедой чудище без боя уступило ее герою. Он по инерции заключил красавицу в объятия. Однако вид отдающей чудищу девы изрядно ошеломил его, и теперь он не знает, что ему делать со своей возлюбленной...

Матя Керосин сказал как-то, в момент упадка сил, что достойные мечты если и воплощаются в жизнь, то либо слишком поздно, либо в таком виде, что лучше бы вообще не воплощались. Значительно чаще сбываются дурацкие мечты, исполнение которых приносит больше проблем, чем радости. Тогда я отнесся к Матиным словам без внимания, зато потом не единожды вспоминал их.

С тех пор как я по приглашению школьного приятеля побывал в Амстердаме, меня одолевала навязчивая идея купить велосипед и передвигаться по Питеру исключительно на нем. В Амстердаме меня потрясло не столько обилие велосипедистов, сколько велосипедов, пристегнутых к оградам мостов через каналы или к металлическим дужкам на специальных велосипедных стоянках. Причем некоторые, напроочь заржавевшие велики стоят там, по-моему, со времен Второй мировой войны, и никому не приходит в голову красть их или разбирать на запчасти.

Велосипед, в каком-то ослеплении утверждал я, — это решение всех проблем. Дешево, полезно для здоровья, быстро — для велосипедиста не существует проблемы пробок. Матя был одним из тех, кто, не стесняясь называть вещи своими именами, определил мое желание завести велик как «мечту идиота».

Естественно, она сбылась. Этой весной я купил Красавчика -- блистающее хромом, никелем, золотом и лазурью складное суперчудо. Затем меня осенила следующая гениальная идея. Я отправился к знакомому автомеханику, и тот поставил длинную цепочку на наручники, найденные мной в шкафу покинувшей нашу фирму Лики Стебелихиной. По-моему, велосипед, пристегнутый наручниками к бульварной решетке или ограде, — это прикольно.

С Красавчика порой скручивали разные части, но случалось это не часто, поскольку я, предпочитая не оставлять

его на улице, поднимал в лифте на нужный этаж. Беда в том, что не во всех домах есть лифты и не всегда они работают. И неделю назад, выйдя от Веньки Карачубы, у которого лифт как раз не работал, я обнаружил, что к батарее парного отопления прицеплена лишь велосипедная рама, а все остальное кто-то скрутил. Кто-то из обитателей подъезда, закрытого на кодовый замок.

Я по инерции отстегнул наручники, кинул в одно из боковых отделений кофра, где они всегда лежали, и только тут понял — возиться с рамой и ангрейживать ее до нормального велосипеда будет дороже, чем купить новый. Оставил раму на месте и двинулся к автобусной остановке. Таким образом, я пожал плоды исполнившейся мечты идиота и стал безлошадным, а точнее, бесколесным фотографом.

И вот сбылась еще одна мечта — обаять Катю. Я был бы счастлив, если бы это произошло до того, как на глаза мне попала картина с распятой Андромедой. А теперь... Теперь у меня возникло чувство, что произошло это слишком поздно и мне еще придется пожалеть о случившемся. Хотя, возможно, запоздалое исполнение мечты свидетельствовало о том, что она относилась к числу достойных? И можно надеяться, что со временем образ алчущей чудища Андромеды изгладится из моей памяти и его займет образ теплой, трепещущей Кэт?..

Мысли о проведенной с Катей ночи занимали меня недолго — до тех пор, пока, добираясь до остановки маршрутки, я не увидел красочную рекламу, извещавшую горожан, что в аквапарке «Нептун» открылся новый аттракцион — «Мир Ктулху».

— Что ж они с этим Ктулху, совсем с ума посходили? — обратился ко мне мужчина в желтой нейлоновой куртке, с жевальным лицом, тыча пальцем в изображение фиолетовой спрутообразной твари. — В прошлую субботу демонстрацию какую-то проводили, с дурацкими лозунгами: «Ктулху — фхтагн!», «Ждем Ктулху!», «Ктулху forever!».

— Где проводили? — спросил я, подумав, что психов в городе становится с каждым днем больше и больше.

— По Садовой шли. Хорошо, хоть на Невский уродов не пустили, — просветил меня мужчина.

Подъехавшая маршрутка прервала начавшийся было разговор, заставивший меня в очередной раз вспомнить бредни Лики Стебелихиной и Саши Веснина, от которых я впервые услышал о Лавкрафте и Великих Старцах, населявших его шизофренические повести и рассказы.

Наших Ромео и Джульетту что-то сильно напугало во время поездки на объект. Напугало настолько, что они развили не свойственную им бурную деятельность. Бегали по редакциям газет, на Чапыгина, записывались на прием к депутатам Городской думы и даже писали какие-то бумаги в милицию, прокуратуру и ФСБ. О маге, призывавшем на Питер все кары небесные, грядущем наводнении, золотых монстрах и страшной мести некоего господина Мамерукина. Или Мамелюкина. Естественно, им посоветовали обратиться к врачу, причем столь настоятельно, что они сбежали из города.

Об исчезновении Лики и Саши поговорили и перестали, решив, что рано или поздно Медвежий Капкан женит нашего креативного текстовика на себе. Хотя бы для того, чтобы сменить фамилию на более благозвучную — Анжелика Веснина звучит не в пример лучше, чем Анжелика Стебелихина. Однако именно после их бегства из города у нашей фирмы начались проблемы, а на страницах бумажных и электронных изданий замелькали имена Ктулху, Хастура, Азатота, Йог-Сотота, Ньярлатотепа, Шуб-Нигтурата и прочей нечисти, порожденной больным воображением Лавкрафта.

Появление у нас проблем объяснялось просто — Лика была отличным фотографом, Саня писал тексты, которые нравились заказчикам, и уход их явился ощутимой потерей для такой небольшой фирмы, как «Северная Венеция». Труднее было объяснить возрождение культа Великих Старцев, который, по правде говоря, и культом-то никогда не был.

Родившийся в 1890 году и умерший в 1937-м, Говард Филипп Лавкрафт, которого переводчики представляли и как Хауэрда Филиппса, и как Ховарда Филипса Лафкафта, при жизни не снискал любви читателей, а стало быть, и издателей. Некоторые его рассказы печатались в журналах, некоторые — в фэнзинах, но большая часть произведений

осталась неопубликованной. После смерти популярность его начала расти, сборники повестей и рассказов выходили один за другим, появилось множество последователей и подражателей. По мотивам его произведений стали снимать фильмы, и сам он был удостоен титула «отца современной „черной“ литературы». Его творчество оказало влияние едва ли не на всех авторов, работавших в жанре литературы ужасов, и «уши» его торчат едва ли не из каждого их рассказа, повести и романа. Случается изредка, что потомки начинают проявлять интерес к недооцененным при жизни авторам, но внимание к творчеству Лавкрафта выходило, на мой взгляд, за разумные пределы.

Взять, к примеру, количество сайтов, в которых присутствует имя одного только Ктулху. Длинный список их высветился на мониторе после моего запроса: «Ктулху», «Ктулху forever», «Дети Ктулху», «Питер-Ктулху», «Ктулху фхтагн!», «Поборники Ктулху», «Гвардия Ктулху», «Зов Ктулху», «Ктулху-сан», «Ктулху time», «Ктулху team», «Вестник Ктулху», «Братство Ктулху». Дальше следовал длиннющий список всякого рода фирм, сообществ и организаций, так или иначе связанных с Ктулху: школа дайвинга «Ктулху ждет», секта «Благая весть Ктулху» и т. д., и т. п. Причем все они, насколько я понимаю, возникли в течение последнего года...

Чья-то рука легла на мое плечо. Я вздрогнул и, обернувшись, увидел Юльку Игнатова — эмэнэса, с которым мы время от времени пропускаем по бутылочке пива.

— Ага, тебя тоже проняло! — Он ткнул пальцем в экран. — Ктулху фхтагн!

— И у тебя, Брут, крыша поехала? — проворчал я, выходя из инета. Терпеть не могу, когда мне заглядывают через плечо.

— Если мир сошел с ума, а ты остался нормален, то тебя-то первого и упрячут в психушку! — торжественно возгласил Юлька.

Его неистребимая жизнерадостность порой наводила на меня тоску, но сейчас была как нельзя кстати. Полезно иногда пообщаться с толстокожим весельчаком, патологически не способным ощутить, что тучи сгущаются и в воздухе пахнет грозой. Грозой, цунами, наводнением и прочи-

ми бедами, о которых вещали прошлой осенью Саня с Ликой. Они предсказали, что катастрофа произойдет через год. По моим подсчетам время «Ч» миновало, и можно было уже позволить себе иронизировать и смеяться над горе-пророками, если бы не гнетущее чувство близкой беды, о котором я, к слову сказать, уже не раз предупреждал Владимира Семеновича. Я чуял, что зло грядет, и дорого бы дал, чтобы еще раз поговорить о нем с Саней и Ликой.

В книжечке афоризмов Оскара Уайльда, подаренной мне Саней перед отъездом из Питера, есть такой вот пассаж: «Ни одна из ошибок не обходится нам так дешево, как пророчество». Не знаю, не знаю. Троянцы, вероятно, не согласились бы с этим утверждением. Те, что сумели выбраться из гибнущей Трои...

— Все, от мала до велика, пытаются разгадать феномен Лавкрафта, но преуспеть в этом суждено лишь Сергею Петрову! — не унимался Юлька.

— А ты не пытаешься? С какой стати читатели вдруг возлюбили его ужастики? Только не ссылайся на Булгакова — не тот случай.

— Я и не собирался. — Юлька присел на соседний стул, с ловкостью фокусника извлек из воздуха сигарету. Покрутил в пальцах, но, памятуя, что в лаборатории курить нельзя, сунул ее за ухо. — Лавкрафт писал во время Великой депрессии и в своих произведениях отразил мировосприятие современников, усугубленное собственным параноидальным видением окружающей действительности. Тебе известно, что отец, а затем и мать Лавкрафта сошли с ума? И если бы он не умер так рано...

— Разве сумасшествие или признаки душевной болезни, которые приписывали Гофману, Гойе, Достоевскому и Даниилу Андрееву, что-нибудь объясняют?

— До известной степени они объясняют причину оригинального и потому привлекательного видения мира. Ведь художник или писатель только тогда и интересен, когда ему удастся увидеть и показать то, что не видят другие.

— Не факт, — пробормотал я, вспомнив читанную в каком-то литературном журнале статью о самоценности текста как такового.

— Про психов, впрочем, разговор особый. А что касается Лавкрафта, то ужасики его во время кризиса никого не привлекали — в годину бедствий люди предпочитают комедии, юмористические или, по крайней мере, жизнеутверждающие произведения. Зато они стали востребованы в дни благополучия, когда надобно поднять в крови уровень адреналинчика.

— Понятно. Но я говорю о другом феномене. Не почему читают Лавкрафта, а почему в последний год в нашем городе возник и процветает культ Ктулху?

— Владимир Семенович сравнивает его с поветрием, охватившим страну после показа фильмов о Фантомасе. Тогда, по его словам, на заборах, стенах домов, на тротуарах и проезжей части все кому не лень писали слово «Фантомас» или рисовали букву «F».

— А после «Зорро» писали «Z». Но я не о том. Культ Ктулху возник как будто на пустом месте. У нас в прокате и фильмов-то, кажется, про него не было. А по телику хотя и гоняют испанский «Дагон» Стюарта Гордона, этого явно недостаточно.

Я уже понял, что зря затеял этот разговор, но отступать было некуда. Феномен популярности Ктулху, естественно, был замечен не только мной и достаточно широко обсуждался. Наиболее распространенным было мнение, что подобного следовало ожидать. После того как коммунистические идеалы были объявлены чудовищным заблуждением, масса народу вернулась к православию, кто-то стал кришнаитом, суннитом, шиитом; кто-то подался к сатанистам, а кто-то уверовал в Ктулху, чтобы заполнить образовавшийся вакуум. Идеологический, духовный или душевный. Какие только шизоидные идеи не овладевают людьми, которых не удовлетворяет обычная жизнь с ее непритязательными радостями. Отыскивая достойную цель, они увлекаются миражами, и приобщение к культу Ктулху, служение ему — один из них. Свято место пусто не бывает.

На первый взгляд вроде убедительно, но почему Ктулху? При чем тут Ктулху, о котором большинство нынешних почитателей год назад еще слыхом не слыхивали? И никто,

насколько мне известно, не прикладывал особых усилий, чтобы услышали. Однако ж вот...

— Трудно смириться с мыслью, что смерть является абсолютным концом каждого из нас. Что нет после нее ни ада, ни рая, — сказал Юлька, доставая сигарету из-за уха и вертя перед носом. — Трудно смириться с тем, что душа любого из нас, отягощенная страхами, сомнениями, разочарованиями, несбывшимися надеждами и мучительными воспоминаниями, не нужна ни Богу, ни дьяволу. Но как только это стало ясно и умер миф о бессмертии, пришло время атеистов. Кто-то воспринял смерть как зло, которое помешает доделать задуманное или получить желанные удовольствия, а кто-то — как величайший дар — освобождение от долгов и забот. Те же, кого не устраивают ни прежние верования, ни атеизм, стали поклоняться Ктулху. Лавкрафтовский Повелитель вод тоже ведь предлагает своим адептам бессмертие. Став рыбообразными существами, они вечно будут плавать в глубинах Мирового океана, утратив прежние мечты и стремления, но обрета доселе неведомые чувства, новые, более совершенные органы зрения, осязания, обоняния...

— Стать безмозглыми тварями — незавидная участь!

— Так ведь и люди мозговитостью не блещут. В этом легко убедиться, проанализировав историю человечества, какого-либо народа или жизненный путь любого человека.

— А ты, оказывается, мыслитель! — ядовито заметил я, на что Юлька мотнул головой, и роскошные черные до плеч волосы его разлетелись, как у творящей заклинание колдуньи.

За внешностью своей Юлька тщательно следил и походил скорее на поэта или художника, чем на скромного эмзэса без ярко выраженных талантов. В отличие от Михаила, который напоминал то ли брата при исполнении, то ли приодевшегося по случаю праздника грузчика. По сравнению с ними я был серой заурядной мышкой и, глядя на свое отражение в створке раскрытого окна, — долговязый художочный шатен, с невзрачным лицом и прической «парикмахер в отпуске», — мог только дивиться Катиному выбору.

— На том стоим. Пошли покурим, и попутно я тебе парочку цитат зачту, чтобы ты Ктулху слишком близко к сердцу не держал.

Мы вышли из лаборатории на пожарную лестницу, закурили, и Юлий принялся листать захваченный с собой томик Лавкрафта — покетбук с засаленной обложкой.

— Ну вот, слушай, — сказал Юлька, найдя нужную страницу. — «Моряки включили моторы и какое-то время метались по палубе, регулируя давление и следя за первыми струйками пара. Наконец яхта пришла в движение. Она тронулась в путь, взбивая пену летейских вод.

Великий Ктулху взгромоздился на каменный монолит, разинул пасть, плюнул вслед яхте и разразился громкими проклятиями, совсем как Полифем, упустивший корабль Одиссея. Однако, не в пример легендарному циклопу, он тут же с размаху прыгнул в воду и поплыл вдогонку „Алерту“. От взмаха его крыльев к небу взметнулись высокие волны, заряженные космической энергией. Брайден оглянулся, и эта роковая ошибка свела его с ума».

— Не очень-то впечатляет, — с улыбкой признал я, любуясь морем ребристых крыш, за которыми вздымались в небо ажурные конструкции портовых кранов. — На Великого такой Ктулху не тянет. Откуда это?

— Лавкрафт, «Зов Ктулху», перевод Е. Любимова. Глава называется «Безумис исходит из морских глубин».

— Может, перевод подкачал?

— Да уж, перевод, прямо скажем... — Юлька перевернул пару страниц и прочел: — «„Эмма“... столкнулась с яхтой „Алерт“, которой управляли какие-то странные и злоеющие метисы из Канакаса. Они потребовали, чтобы „Эмма“ немедленно вернулась назад. Капитан Коллинз отказался, и метисы без предупреждения открыли огонь по шхуне. Они яростно обстреливали ее из тяжелых орудий». Тяжелые орудия на яхте — неприглядная картина. И тем не менее из этого рассказа становится ясно, что не так страшен и велик Ктулху, как его малюют.

— Так-то оно так, но ведь дыма без огня не бывает, — не согласился я и рассказал Юлию о картинах, виденных мною в мастерских Михаила и Вальдемара.

— Это ничего не доказывает, — легкомысленно сказал, выслушав меня, Юлька. — Господа художники спекулирую-

ют на модной теме — только-то и всего. Хитрожопят, чтобы набить себе цену.

Я стал убеждать его, что Вальдемар начал писать свои подводные картины задолго до возникновения моды на Ктулху, но мои слова не произвели на Юльку впечатления.

— Ну и что с того? Почему бы художнику, вдохновленному творчеством Лавкрафта, не создать цикл картин, посвященных Ктулху, Хастуру и прочей нечисти?..

Разговор этот был бесполезен, как и все разговоры подобного рода, которые я затевал с самыми разными людьми. Собственно говоря, я и сам не знал, для чего завожу их, зачем пытаюсь передать свои тревогу и беспокойство, вызванные возникновением культа Ктулху. Между тем тревога была обоснованной, поскольку еще весной в Мраморном дворце выставлялись коллажи некоего Потемкина, объединенные общим названием «Стылые воды». И эти весьма мрачные картины, выполненные в смешанной технике, явно имели отношение к фантазиям Лавкрафта. А месяц назад в Малеже была устроена выставка «По следам Ктулху», в которой приняли участие две с половиной дюжины петербургских художников и скульпторов.

Из представленных там картин особенно мне запомнились холсты Петра Митрохина, побывавшего в местах, фигурирующих в рассказах и повестях Лавкрафта. Например, на Понапе — атолле в группе Каролинских островов в Микронезии, — посреди лагуны которого сохранились развалины Нан-Мадола — мертвого города, возведенного из огромных базальтовых блоков на девяноста двух искусственных островках. В пояснениях, которыми художник снабдил свои картины, сообщалось, что происхождение строителей этого города, так же как и назначение некоторых сооружений, до сих пор остается загадкой для ученых. А после вскрытия гробницы Сауделеров — древних правителей Нан-Мадола — выяснилось, что они по своему антропологическому типу отличались от микронезийского населения архипелага.

Разумеется, часть попавших на выставку работ не имела прямого отношения ни к Лавкрафту, ни к культу Ктулху. На некоторых были изображены подводные пейзажи, кото-

рыми могли любоваться художники, увлекавшиеся дайвингом. Города осьминогов, заросли гигантских анемои, колонии морских ежей, всевозможные морские звезды, крабы и рыба; фукусные леса, состоящие из многометровых водорослей, поражали воображение. Но больше всего посетителей привлекали картины со странными подводными сооружениями, башнями и скальными городами, на одной из которых, к примеру, была изображена аллея мраморных сфинксов, ведущая к храму, образованному полусотней разновеликих арок...

Кое-что, вероятно, было нарисовано художниками с натуры, но многое, безусловно, являлось плодом их воображения. Причем едва ли кто-то из них создавал свои картины специально для выставки. А если учесть, что картины с подводной тематикой никогда особым спросом не пользовались, оставалось предположить, что все участники этой живописно-скульптурно-графической шатии-братии являются, как и я, своеобразными эмпатиметрами. К слову сказать, после завершения первой серии экспериментов я стал воспринимать окружающий мир иначе — глубже, ярче, эмоциональнее, в чем легко убедиться, взглянув на мои последние фотографии.

Так вот, являясь эмпатиметрами, художники ощущали некое воздействие. Некое давление извне, заставлявшее предположить, что Ктулху не просто беспочвенная фантазия, а в том или ином виде действительно существует и призван был в наш мир, если верить Сане с Ликой, из каких-то иных измерений и реальностей.

Увы, больше я ничего не мог сказать и уж тем более неспособен был доказать справедливость моих предположений. Мои новые способности, которые я не рискнул бы назвать даром, очень ограничены. Это всего лишь росток некоего качества, которое может развиться во что-то нужное, а может остаться в зачаточном состоянии, оказаться таким не оправдавшим надежд пустоцветом. Во всяком случае, мне пока непонятно, как эту способность можно использовать, применить в жизни, извлечь из нее какую-то пользу.

Я догадывался о цели экспериментов, проводимых над группой добровольцев Владимиром Семеновичем и его кол-

легами. В результате своих исследований они рассчитывали пробудить в нас какое-то новое, дремлющее до поры до времени чувство. Возможно, то самое, о котором Гумилев писал:

Так, век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Кое-что у них уже начало получаться, и до сих пор я радовался этому. Однако теперь у меня возникли сомнения в разумности затеянного ими дела. Что толку от моих предчувствий? От тех предвидений, которые исторгают из себя художники, поэты и писатели? Это глас вопиющего в пустыне.

Я чую приближение Ктулху.

Катастрофа, предсказанная Саней и Ликой, грядет. Она произойдет в ближайшее время. Со дня на день. Но что я могу сделать, чтобы предотвратить ее?

Я чувствую себя, как допотопная тварь, описанная Гумилевым в том же стихотворении:

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья.

Они, несомненно, режутся. Это доставляет беспокойство и неудобство. И заставляет вспомнить Веньку Карачубу, отказавшегося подрабатывать в лаборатории Владимира Семеновича, сказав, что, если эксперимент удастся, он окажется в незавидном положении Ньютона, очутившегося среди неандертальцев. Тогда мне казалось, Венька просто капризничает, но теперь я готов признать, что в словах его было зерно истины...

— Погода портится, — сказал Юлька, глядя на лиловые тучи, медленно наползавшие на город со стороны залива.

Докурив вторую сигарету, я кинул окурочек в заменявшую пепельницу лабораторную колбу и предложил:

— Пойдем-ка в зверятник, покажу тебе кое-что интес-
ресное.

— В зверятнике — интересное? — усомнился Юлька, но все же последовал за мной.

Вход в зверятник, где содержались шимпанзе, крысы, собаки, кролики и мыши, располагался на этой же лестничной площадке и был не заперт.

Раскладывая на компьютере пасьянс Эмма оторвала взгляд от монитора и поинтересовалась, зачем мы пришли.

Я сказал, что хочу показать кое-что Юльке, он скорчил ужасную рожу — избавиться от специфических ароматов здесь не удавалось, несмотря на автономную систему вытяжки, — и Эмма, хихикнув, разрешила нам навестить своих питомцев.

— Я тоже хочу посмотреть фокус-покус, — сказала она с томной улыбкой, от которой на полных щеках ее нарисовались очаровательные ямки.

Круглолицая, круглоглазая, плотно сбитая Эмма состояла, кажется, из одних соблазнительных полушарий, и если бы не Катька...

Она не только кормила обитателей зверятника, но и убирала за ними, лечила их, в случае необходимости закупала корм и все то, в чем они нуждались. По-моему, впрочем, больше всего они нуждались в ласке, а этого добра у Эммы было хоть отбавляй, и она щедро делилась им со своими питомцами. Они в ней тоже души не чаяли, и, как только мы приблизились к отсеку, в котором находились расположенные в три этажа клетки с кроликами, они тотчас принялись тыкаться розовыми носами в металлическую сетку.

— Ну, ушастые братцы, как дела? — спросила Эмма и сама же ответила за своих подопечных: — Неважнецки. Нервничает последние дни ушастая братва. То ли давление, то ли влажность, то ли все сразу...

— Внимание, — сказал я. И, подождав, пока Эмма с Юлькой прочувствуют важность момента, загробным голосом произнес: — Ктулху! Ктулху фхтагн! Ктулху идет сюда!

Ушастая братва беззвучно рванула в глубину клеток.

— Вот черт! — с чувством сказал Юлька. — Впечатляет!

— Как ты это делаешь? — ревниво спросила Эмма. — Ты сюда что, без моего ведома заглядывал?

Мне не хотелось ее огорчать и нарываться на неприятности.

— Ничего особенного я не делаю и по ночам в твой зверятник не лазаю. Сказал магическое слово, только и всего. Можешь на крысах сама попробовать.

— Врешь! — выпалила Эмма и юркнула в мышьино-крысиный отсек.

Обитатели его отнеслись к ее появлению более сдержанно, чем ушастая братва, но, в общем, тоже подались навстречу кормилице.

— Как дела, голохвостая команда? — спросил Юлий с Эммиными интонациями в голосе, а она выпалила:

— Ктулху фхтагн! Ктулху идет к вам в гости!

Это надо было видеть! Голохвостая команда исчезла из поля зрения еще быстрее, чем кролики!

— Серж, это мистика! Почему так? Как это у меня получилось?

Эммины глаза округлились еще больше, и я испугался, как бы они вообще не выпали из глазниц.

— Чуют Ктулху. Боятся. Пускаются в бегство при одном упоминании о нем, — сказал Юлька, и непонятно было, в шутку он говорит или всерьез.

— Шутишь? — спросила его Эмма и повернулась ко мне, ожидая объяснений.

— Случайно заметил, — сказал я. — Болтали с приятелем, а как Ктулху упомянули, пес его в соседнюю комнату ломанул. От греха подальше.

— Но почему?

— Чуют, что Ктулху грядет. Я потом и на кошках проверял.

Разумеется, сказанное мной было похоже на бред. Но как писал высокочтимый Саней Весниным Оскар Уайльд: «Мысль, которую нельзя назвать опасной, вообще не заслуживает названия мысли». Опасной, бредовой, оригинальной — понятия, в чем-то сходные. И потом, Юлька сделал из увиденного тот же вывод, что и я, стало быть, не так уж он и парадоксален.

— Пошли к шимпанзе, — решительно сказал Юлька. — Мой черед мохнатый народ пугать.

— Серж, объясни, в чем дело! — взмолилась Эмма. — Ведь это фокус, правда? Ведь дело тут вовсе не в Ктулху?

— Сходите к обезьянам без меня. А потом к собакам. Проверьте, — предложил я.

Они устремились в дальний отсек, а я пожалел, что все это затеял. Убедившись в магическом действии имени Ктулху, которое я заметил недели полторы назад, они рванут к Владимиру Семеновичу. И будет много болтологии, которая завершится чесанием затылков и глубокомысленным бормотанием: «Н-да-а-а-а... Тут есть над чем подумать и поломать голову...»

Однако, сдается мне, времени на раздумья уже не осталось.

Ктулху фхтагн.

И Ктулху грядет.

* * *

— Таким образом, прежде всего нас интересует Английский парк, — завершил вступительную часть своей речи Валерий Валентинович Ветчинко и еще раз ткнул пухлым пальцем в разложенный на столе план парков Петергофа.

Склонный к полноте, лысоватый господин, являвшийся представителем фирмы-заказчика, отрекомендовался как Вётчинко, хотя, на мой взгляд, был натуральным Ветчѣнко. Круглые розовые щеки, пальцы-сосиски, сладкая, жирная, кремовая какая-то улыбка. Впечатление кремовости не портили даже серый с голубой искрой костюм и такого же цвета, только более темный плащ.

— Желаете, чтобы мы сделали сначала фотографии Английского парка, а потом уже всех остальных? — уточнил Матя Керосин, медведем нависая над принесенным господином Ветчинко плапом и вглядываясь в нарисованные синими чернилами стрелки, указывавшие, какие именно виды парка надобно будет запечатлеть.

— К сожалению, время не терпит, и я попрошу вас сделать фотографии отмеченных видов во всех шести парках, примыкающих к основному. Трудно прогнозировать, как будут проходить согласования, и надобно предусмотреть все варианты развития событий. Чиновники из Комитета

по охране памятников — существа непредсказуемые. Они запросто могут, например, запретить строительство в Английском парке и пустить нас в Бельведерский, мотивируя такое решение самыми смехотворными доводами. — Валерий Валентинович сложил выцветшие бровки домиком и придал лицу скорбное выражение.

Ни дать ни взять — кот посхимился, подумал я и покопился на Катю. Но она, кажется, уже устала нас слушать. Отставила тарелку и, потягивая мартини, смотрела на серо-стальной залив и несущиеся над ним устрашающе темные, низкие тучи. Похоже, она уже раскаялась в том, что настояла на этой поездке: погода поганая, публика нудная, фонтаны не работают...

Когда Матя позвонил вчера вечером и попросил отвезти его на встречу с Ветчинко, я попробовал увильнуть, ссылаясь на срочное, неотложное, крайне важное дело. Естественно, не став объяснять, что намерен провести всю субботу в постели с Катей. У нас с Матей разные представления о том, какие дела следует считать важными, а какие — не очень.

Отбодрившись от Мати, я сообщил о своих планах Кэт, надеясь на полное понимание и безусловное одобрение, но не тут-то было. Вместо того чтобы порадоваться и чмокнуть меня в щечку, она насупилась и учинила первый за время нашего знакомства скандал.

— Почему бы тебе не спросить, как я отношусь к твоей далеко не гениальной идее? Почему ты решаешь за меня, что мы будем делать в субботу? — спросила она, гадко прищуриваясь и буравя меня ставшими вдруг маленькими и злобными глазками. — Тебе не приходило в голову, что у меня могут быть более интересные замыслы, чем провести с тобой в постели весь день? Все вы, мужики, одинаковы! У всех одно на уме. Всем вам только одно нужно. Что Мишке, что тебе, что сопликам, у которых я физику веду. Видел бы ты, как эти щенки на меня пялятся и слюни пускают!..

— Так это же здорово! — прервал я ее и постарался убедить, что восхищенные взоры преюющих от вожделения шалопаев следует воспринимать как комплимент, однако Катя не собиралась меня слушать.

— Вам всем нужно только мое тело! А до моих желаний, до души никому дела нет! Они вам до фени! Плевать на них с Александрийского столпа! Ему — рисовать, тебе — фотографировать, и обоим трахать. А если я хочу, чтобы меня вывезли за город подышать свежим воздухом — так нет! Времени нет, денег нет, а главное — желания!..

Кэт несла какую-то околесицу, и не надо было обладать качествами эмпатиметра, чтобы понять: пребывает она на взводе и искренне ненавидит в этот миг и меня, и Михаила, и все мужское население Земли в целом. С чего она завелась — не знаю, хотя у меня создалось впечатление, что не только на нее, но и на всех питерцев нашло какое-то помрачение рассудка. Народ лается в транспорте, в магазине, на службе, причем по таким пустячным поводам, что, отлаявшись, люди испытывают неловкость, прячут глаза и разбегаются, как застигнутые светом тараканы.

Собачиться с Катей мне не хотелось. К тому же я не мог сколько-нибудь аргументированно объяснить ей мое нежелание везти Матю в Петергоф. Чувство, что в субботу случится какое-то несчастье, было столь же иррациональным, как и ощущение того, что над городом нависла беда. Я ощутил ее леденящее дыхание точно так же, как мечущиеся в зверятнике крысы, кролики, собаки и шимпанзе, но стоило мне заикнуться об этом, и Катя окрестила бы меня параноиком и шизофреником.

Между тем Мате действительно была нужна моя помощь. После того как из «Северной Венеции» ушли Саня с Ликой, количество заказов у нас уменьшилось, а тут еще на фирму наехали рэкетиры. И, в довершение всех бед, у Мати забрали права за езду в нетрезвом состоянии. Он, естественно, утверждает, что был трезв, как язвенник, и к нему придрались, чему я склонен верить. Как бы то ни было, за руль ему садиться нельзя, а заказчик пожелал встретиться с ним в «Этажерке», построенной недавно у подножия земляного вала, так называемой горы Парнас, отделявшей разбитый еще при Петре Первом севернее Марли фруктовый сад Венеры от Финского залива.

В общем, не выдержав Катиного напора и угрызений совести, я сдался. Позвонил Мате и сказал, что отвезу его

в Петергоф, рассчитывая, что, пока он будет утрясать дела с заказчиком, мы с Катей погуляем по парку, полюбуемся фонтанами и, может статься, я сфотокаю ее в подходящем антураже. Мечтать, как говорится, не вредно. Вредно видеть, как мечты рушатся.

Увидев Катю — в красных туфлях на высоких каблуках, узких кожаных брюках, стильной кожаной куртке, из-под которой выглядывал алый свитер, с прической, напоминавшей отлитую из золота Вавилонскую башню, и серьгах-вишюльках с похожими на капельки крови камешками, — Матя остолбенел. А придя в себя, заявил, что нам непременно надобно принять участие в беседе с заказчиком. Мне, как фотографу, полезно будет получить задание из первых рук, а Катя украсит наше общество и послужит визитной карточкой фирмы. Увидев ее, заказчик почувствует, что «Северная Венеция» — серьезная, преуспевающая компания, услуги которой должны быть соответствующим образом оплачены.

Когда надо, Матя умеет быть неотразимым. И прежде чем я успел сказать, что у нас совершенно другие планы, Катя, растаяв от комплиментов, согласилась заглянуть в «Этажерку». Матя просиял и победительно подмигнул мне, всем своим видом говоря: «Вот такие мы, псковские! Умеем найти подход к женщинам!» Блин и еще раз блин-дональд!

Садясь за баранку Матиной «пятнашки», я чувствовал, что еще пожалею о своей сговорчивости, и так оно, разумеется, и вышло.

Начать с того, что Петергофское шоссе было запружено машинами. Питерцы словно с ума посходили — всем вдруг занудилось ехать на залив — в Стрельну, Петергоф, Ораниенбаум. Машины шли сплошным потоком — такого я даже на Невском в час пик не видел! В результате вместо часа мы добирались до Петергофа почти два часа, и о том, чтобы до посещения «Этажерки» пройти по парку, не могло быть и речи. Кстати, если верить «Дорожному радио», питерцы ломанули не только на южное побережье залива, но и на северное — в район Лисьего Носа, Комарова, Солнечного и Зеленогорска. И это в конце октября,

когда ни купаться, ни загорать нельзя, тучи обложили небо, а ветер, сорвав с деревьев последние листья, принялся ломать ветки и сдирать одежду с людей! Форменное сумасшествие, черт-те что и с боку бантик!

Помимо пробок на дороге, скверной погоды и перспективы беседовать в выходной день с заказчиком, не нравилось мне и то, что, выбравшись из города, я не ощутил привычного облегчения. Похоже, давящее на психику облако, зависшее с некоторых пор над Питером, увеличилось и накрыло его окрестности. Причем то, что большинство горожан не замечали этого, ничуть не облегчало их участь. По тому же «Дорожному радио» передавали, что число ДТП за истекшую неделю превысило среднестатистический показатель в три раза, а по телику давеча сетовали, что в городе и области резко возросло количество самоубийств и противоправных действий. Не зря, ох не зря не хотел я вылезать из теплой постели, а теперь вот и Катя почувствовала, что напросилась сюда на свою голову...

Справедливости ради должен признать, что заказчиком Валерий Валентинович Ветчинко оказался серьезным. По его словам выходило, что компания, представителем которой он являлся, заканчивает оформление документов по приватизации изрядной территории, примыкавшей к Верхнему саду и Нижнему парку Петергофа. А это, ни много ни мало, шесть парковых зон: Английский парк, расположенный юго-западнее дворца, Колонистский, Озерковый и Бельведерский парки, вытянувшиеся цепочкой в южном направлении, парк Александрия на востоке и Пролетарский, бывший Александрийский, на юго-востоке. Территория этих ландшафтных парков как минимум в десять раз превышает площадь Нижнего парка и Верхнего сада, которыми, как мне до сих пор думалось, и исчерпывается понятие парков Петергофа, обсиженных туристами из самых разных уголков мира.

Заброшенные и запущенные со времен революции, шесть приватизируемых компанией «Piterland» парков представляют собой, судя по принесенной Ветчинко карте, лакомый кусочек. В каждом из них есть по меньшей мере по одному озеру или пруду, которые снабжают водой петергофскую фонтанную систему. В некоторых сохранились павильоны и

старинные постройки, но главным достоянием этих территорий являются, разумеется, зеленые массивы парков, служивших местом отдыха русских царей, их родичей и приближенных.

По словам Ветчинко выходило, что к приватизации этих земель его компания готовилась давно, но осуществить ее стало возможно лишь после принятия Госдумой закона о порядке передачи в частную собственность зданий и сооружений, представляющих историческую и архитектурную ценность. Закон этот, помнится, весьма бурно обсуждался в СМИ. Сторонники принятия его указывали на то, что у государства недостаточно денег на реконструкцию и реставрацию исторического наследия: дворцов, особняков, соборов и общественных зданий, которые без надлежащего ухода превращаются в руины. Противники, как водится, твердили, что руины ни один частник приватизировать не будет, а вот Петропавловскую крепость, например, при содействии лояльно настроенных чиновников по сходной цене прикупит, чтобы открыть в ней «диснейленд» или превратить в «культурно-развлекательный центр» с кабаками, казино и борделями.

Как бы то ни было. Дума закон приняла, документы о приватизации шести петергофских парков были подписаны, и дело было за немногим — представить проект их использования городским властям Санкт-Петербурга...

— Мы приведем эти парки в порядок, построим здесь отели и базы отдыха. Мы превратим эти территории в райские уголки, туристы будут стекаться сюда со всего мира, — вдохновенно вещал Валерий Валентинович, опрокинув в себя рюмку коньяку и заев ее ломтиком ананаса. — Проекты зданий разрабатываются, но для утверждения их на градостроительном совете и согласования в мэрии необходимо сделать убедительный коллаж. Показать, как запроектированные нами сооружения и павильоны будут вписываться в существующий пейзаж. Поэтому нам надо, чтобы вы сделали фотографии и развертки указанных стрелками мест. Мы смонтируем в них проектные предложения и получим разрешение ГИОПа приступить к строительству. Фотодокументы всегда производят хорошее впечатление и убеждают больше, чем самые красивые рисунки...

Задача в целом была ясна, и меня лично смущало только то, что лучшая пора для пейзажных съемок уже миновала. Снимки парков надо было делать в канун золотой осени, а сейчас, голые и омертвелые, они представляли печальное зрелище. О чем я и сказал господину Ветчинко.

— Нам надо, чтобы вы сфотографировали указанные места парков не только сейчас, но и зимой. А потом летом и, само собой разумеется, золотой осенью, — ошарашил нас с Матей Валерий Валентинович. — Это, если так можно выразиться, долгоиграющая программа. Нам ведь, как вы понимаете, не отдадут сразу все шесть парков. Во всяком случае, не позволят начать строительство всех объектов одновременно. Придется отрезать хвост у кота по кусочкам. Оно и болезненней, и дороже, но таковы реалии жизни. Возможно, некоторые проектные предложения потребуют доработок, так что это не разовый заказ. И если вы готовы обсудить детали...

Не дожидаясь Матиного сигнала, я допил апельсиновый сок, поднялся из-за стола, подхватил кофр с фотобарахлом и сказал господину Ветчинко, что мы с Катей выйдем на свежий воздух и немножко пройдемся по парку. Валерий Валентинович с понимающим видом кивнул. Матя, пообещав связаться с нами по мобильнику, водрузил на колени кейс с бланками договоров-заказов и прочими необходимыми бумагами, а мы с Катей направились к выходу из зала, предоставив начальству решать финансовые вопросы тет-а-тет.

«Этажерка», построенная между земляным валом и заливом, представляла собой трехэтажный стеклянный куб, окруженный по периметру балконом, выйдя на который, мы тотчас застегнули куртки и подняли воротники. Ветер, дувший с Балтики, был пронзительным, как зубная боль, на волнах вскипали белые барашки, а неистовый полет низких туч создавал впечатление, что здание плывет им навстречу по бурному морю. В солнечную погоду отсюда можно разглядеть силуэт Кронштадта, но сегодня серое небо и серые воды залива сливались, так что не видна была даже линия горизонта.

Свет, пробивавшийся сквозь разрывы туч, тоже был каким-то пепельным, мертвенным. Он будто скрадывал крас-

ки, обесцвечивал пристань и припвартовавшуюся к ней «Ракету», стоящие на берегу дерева и почтенную публику, прогуливавшуюся у кромки воды. На редкость унылый и безрадостный день, не лишенный, впрочем, своеобразной прелести, так что, пройдясь по парку, я, наверное, смогу сделать пару-тройку любопытных кадров...

— Значит, «Этажерку» тоже компания вашего Ветчинкина построила? — спросила Катя, одной рукой ухватившись за мой локоть, а другой — за металлический поручень балконного ограждения.

— Ветчинко, — поправил я ее, поскольку если бы она оговорила так в присутствии Валерия Валентиновича, это подпортило бы безоблачные пока отношения с заказчиком. — Да, их рук дело. Причем строительство этой стекляшки не обошлось без скандала. Были мнения, что она испортит ландшафт, хотя, по-моему, портить тут особенно нечего. Со стороны дворца она не видна, а со стороны залива...

— По мне так, с какой стороны ни глянь, — гадость первостатейная. И Ветчинкин этот — гадость. И то, что его компания шесть парков прихватизировать собралась, — тоже гадость, — решительно прервала меня Катя.

— Напрасно горячиться. Я до сегодняшнего дня об остальных шести парках слыхом не слыхивал, и кто в них будет гулять, мне как-то без разницы, — попытался я урезонить ее.

— Мы-то с тобой уж точно не будем. Обнесут заборами и... — Катя внезапно смолкла, и я почувствовал, что вокруг что-то изменилось.

Жгучий, порывистый ветер стих, и, словно по мановению волшебной палочки, улеглись волны. Залив лежал перед нами плоский и неживой, как старое потускневшее зеркало. Окоченевший, угрюмый, и серое низкое небо, измаранное темными тучами, окаменело над ним, массивное, торжественное и давящее, как низкий соборный свод.

Представший теперь нашим глазам ландшафт напоминал фотографию или монохромную акварель. Ничто в нем не двигалось, не шевелилось, мир умер, обескровел, будто высохший между оконными стеклами мушиный трупик. Это были мгновения затишья перед бурей, приближение которой

я давно уже ощущал и которая должна была разразиться с минуты на минуту. И мнилось мне, что грядущая буря — не просто стихийное бедствие, а порождение безвидного, шевелящегося под площадями, улицами, реками и каналами Петербурга древнего хаоса, который веками пребывал в полудреме и вот наконец-то дождался подходящего момента, чтобы воспрянуть ото сна и пожрать город вместе со всеми, кто имел несчастье жить в нем...

— Объективно говоря, компании типа «Piterland» обкрадывают нас, а такие дураки, как твой Матя, помогают им, — завершила-таки свою мысль Катя.

— «Действительно беспристрастное мнение мы высказываем лишь о том, что не представляет для нас никакого интереса, и поэтому оно, в свою очередь, не представляет решительно никакой ценности», — изрек я один из перлов Оскара Уайльда, всеми фибрами ощущая, что время болтовни кончилось и нам надо бежать со всех ног, спасти свою шкуру, ибо дракон уже проснулся и занес над нами когтистую лапу.

Какой дракон? Какую лапу? Куда бежать?..

Мне казалось, что воздух вокруг уплотняется, тревога, страх и напряженное ожидание грядущего зла стали почти нестерпимыми, и тут над заливом пронесся вздох, и воды его устремились прочь от берега.

— Цунами! — заорал кто-то из стоящих на балконе, но я даже не обернулся.

Вода убегала от берега, словно где-то в центре Финского залива открыли затычку, и она хлынула в исполинскую подземную полость, и все же я чувствовал, знал: это не цунами. Дно залива стремительно обнажалось. Потoki убегавшей воды шевелили космы водорослей, серебристые струйки скатывались с круглых камней, тут и там вылезали на свет уродливые обломки бетонных блоков...

-- Смотри, «Ракету» уносит! — вскрикнула Катя, указывая на рванувшийся от причала празднично-белый кораблик.

— Цунами! Спасайтесь! Бегите!.. — недружно завопили несколько человек, но на балконе никто не двинулся с места.

Стоящие на берегу тоже замерли, не в силах отвести взор от убегающей воды.

А потом... Я так и не понял, что же произошло потом. Поверхность отхлынувших от берега вод замерла, и они словно оледенели. Или остекленели. Они сгустились, подобно тому, как бульон превращается в холодец, сделались неподвижными и начали посверкивать противоестественным, жирным каким-то, ртутным блеском. И только тут до меня дошло, что сегодня я не видел над заливом ни одной чайки. Какую опасность ощутили чуткие птицы, пронеслось у меня в голове, что за мерзкий студень вспух на месте воды?..

И вновь над заливом пронесся то ли вздох великана, то ли хлопок — будто лопнул исполинский воздушный шар.

Студенистая масса снова стала водой, которая понеслась на берег. Но не было никакой угрожавшей людям волны, напротив, мне померещилось, что небо просветлело и прибывавшие воды приобрели сине-зеленый оттенок, свойственный южным морям. И меня неудержимо потянуло к вернувшимся водам, мне захотелось погрузить в них руки, омыть лицо и — чем черт не шутит! — если они окажутся достаточно теплыми, даже искупаться...

— Пошли в воду! — позвала меня Катя, на лице которой расцвела отсутствующая, бессмысленная улыбка.

Эта-то улыбка и вернула мне разум, живо напомнив о тревоге последних дней, предчувствии катастрофы, беспокойстве и страхе животных в зверятнике. О заявлениях пророков, предсказателей, экстрасенсов и прочей не заслуживавшей особого доверия братии, предрекавшей приближение некоего катаклизма. А также о более серьезных статьях врачей и социологов, отмечавших ненормально возбужденное состояние обитателей Скворцова-Степанова, Пряжки, Кашенко и других дурдомов. И когда с берега до меня донеслись восторженные вопли: «Ктул-ху! Ктул-ху! Ктул-ху!» — я, осененный блестящей идеей, присел перед кофром и вытащил из бокового кармана наручники, которые, по счастью, так и не удосужился выбросить после потери Красавчика. Защелкнул стальной браслет на Катином запястье, захлестнул цепь вокруг металлического поручня и замкнул на своем запястье второй браслет.

— Ты что, дурак?! — завопила Кэт, и голос ее слился с сотнями, а может, и тысячами голосов людей, устре-

мившихся к сверкавшим и манящим водам Финского залива.

На меня накатила волна необъяснимой радости, веселья и счастья. Мир наш не был светел и чист, справедлив и благожелателен. Но ведь помимо суши существовало еще море, аккумулировавшее в себе все лучшее, что есть на свете. И путь к нему был открыт. Оно призывало меня в свое лоно, неудержимо манило войти в волны, погрузиться в глубину, где царят тишина и покой, где в сонном безмолвии плавно парят над сказочными подводными городами прекрасные человекоподобные существа...

Я рванулся с балкона, стремясь присоединиться к счастливым, вошедшим уже по колено, а кто и по грудь в зеркальные воды залива, но боль от врезавшегося в запястье браслета удержала меня.

— Дай ключ, идиот! — рявкнула Катя, тоже ринувшаяся вслед за людьми, устремившимися с балкона на берег, и остановленная неумолимым браслетом наручника.

Я сунул руку в карман, вытащил ключ и неожиданно услышал тревожный звон колокольчика, отчаянно заливавшегося где-то на периферии сознания. И неожиданно вспомнил Людоеда из «Волшебника Изумрудного города», прибывшего перед своим замком табличку: «За поворотом исполняются все ваши желания». Или что-то вроде этого. Море звало и манило, испуская эманации запредельного счастья, и все же в них чудилось что-то фальшивое, некий недобрый умысел...

«Дурак тот, кто принимает усмешку за улыбку», — сказал как-то Матя Керосин, одним из первых выскочивший из дверей «Этажерки» и уже входивший в воду. Море ласково улыбалось, звало и манило, но улыбка его была похожа на кривую усмешку...

До крови закусив губу, я размахнулся и швырнул ключ от наручников в дальний конец балкона.

— Кретин! Мудак! Полудурок!.. — вопила Катя, дергаясь, словно цепной кобель, завидевший недруга.

Она была права, мне не следовало это делать. Войти в воды залива — значило приобщиться к сокровенной тайне, получить толику счастья, о которой все мы мечтаем с дет-

ства, обрести спокойствие и познать смысл и цель нашего существования. Такая удача выпадает раз в жизни, да и то не всем, потому-то толпы людей и рванули со всего парка на мелководье.

Теперь мне стало понятно, почему загодя услышавшие зов люди катили кто на чем в Ораниенбаум и Приморский парк, в Солнечное и Комарово! А те, кто не смог по каким-то причинам выбраться из города, ринулись на набережные Мойки, Фонтанки, Невы, Обводного канала и канала Грибоедова...

— Грядет Ктулху! Дар! Дар! Счастья всем! Всем без исключения! Пусть никто не уйдет обиженным! Ктулху фхтагн! — вопили и ревели мужчины и женщины, дети и старики, входя по щиколотку, потом по колено в воды залива.

Я дергался и рвался на проклятой цепи, стремясь присоединиться к ним и встретиться с тем, кто принесет нам счастье и свободу, поможет решить все наши проблемы, ибо знает людские чаяния, мечты и стремления. Ктулху знает и Ктулху поможет. Нам надо лишь войти в эти дивные крещенские воды, и он уведет нас из этого гнусного мира в мир иной. Из этого загаженного, отравленного, засоренного нами моря мы поплывем в иной океан, необъятный, занимающий всю территорию планеты, над поверхностью которого лишь кое-где возвышаются голые утесы, силуэты которых напоминают сторожевые башни...

— Сделай же что-нибудь! — молила меня Катя, устав орать и ругаться. — Время уходит! Двери закроются, и мы навсегда останемся здесь!..

«Двери наших мозгов посрывало с петель», — вспомнились мне слова Высоцкого, и снова где-то на периферии сознания тревожно звякнул колокольчик. Звякнул и затих, словно кто-то стиснул его звонкий язык в грязном кулаке. Сжал, не давая звенеть, заткнул рот кляпом...

Меня, как иголку магнитом, все еще тянуло к заливу, но я вдруг осознал, что волей моей завладела некая внешняя сила. И это настолько мне не понравилось, что я перестал дергаться и, вспомнив про слушавшего сирен Одиссея, крикнул Кате:

— Заткни уши! Не поддавайся!

— Отпусти, отстегни меня! — взмолилась Кэт, с такой силой дергая прикованной к поручню рукой, что я испугался, как бы она не сломала ограждение балкона.

А море продолжало звать и манить. Я заткнул уши пальцами и обнаружил, что снова изо всех сил пытаюсь высвободить руку из стального браслета. Это было сильнее меня. Меня словно разрывало надвое, я чувствовал себя как паровой котел, в котором давление достигло предела. Я не хотел поддаваться неведомым чарам и все же продолжал держаться и извиваться, тщетно сясь выдернуть кисть из наручника, не обращая внимания на содранную кожу и выступившую на запястье кровь...

Мне казалось, что эта бесплодная борьба длится уже несколько часов и конца ей не будет, когда со стороны мелководья донеслись изумленные и испуганные крики. Я замер, вглядываясь в толпу, бредущую прочь от берега, и глазам своим не поверил. Тут и там среди людей замелькали блестящие черные тела с серповидными плавниками. Акулы! Откуда они здесь взялись? Как это могло случиться?..

— Они превращаются! — в ужасе взвизгнула Катя в тот самый миг, когда и до меня наконец дошло, что это люди, вошедшие в воду, становятся акулами.

Я видел, как мужчины и женщины судорожно стаскивали с себя одежду и, часто не успев от нее избавиться, изменялись, словно пластилин или глина в руках невидимого скульптора. Кожа их на глазах темнела, руки и ноги сливались с телом, головы втягивались в плечи... Некоторые особи изменялись так быстро, что одежда трескалась и разлезалась по швам по мере того, как человеческое тело уподоблялось черной маслянисто сверкавшей торпедой с тупой мордой и огромной, набитой зубами пастью.

Доносившиеся с залива крики усилились. Звучавшее в них прежде удивление сменилось ужасом и отчаянием — новоявленные акулы, разевая чудовищные пасти, кинулись на не подвергшихся метаморфозе людей. Разбрасывая в стороны алые брызги крови, они терзали свои жертвы, откусывая руки и ноги, вырывая огромные куски мяса. Одна из акул впилась в бедро отчаянно визжащей блондинки, а когда та поскользнулась, вторая тварь откусила ей голову.

Черная бестия, выпрыгнув из воды, сбила с ног мужчину, несшего на шее малыша, и оба тотчас же были растерзаны кровожадными тварями. Воды залива в течение нескольких минут покраснели от крови, причем самым страшным мне показалось то, что дело происходило на мелководье и бойня была отчетливо видна. А скопление людей и акул было столь велико, что каждая из ужасных хищниц мгновенно настигала жертву, калечила или убивала ее...

— Боже мой!.. Боже мой, что же это делается!.. — в беспомощном бормотании Катя, будучи не в силах смотреть на кровавую трапезу и не в состоянии оторвать от нее глаз. — Боже правый, Боже милосердный, помилуй нас... Боже правый, Боже всемогущий, помилуй нас...

Вцепившись в поручень ограждения балкона, я тоже во все глаза смотрел на страшную бойню, испытывая ужас, отвращение и странное, патологическое любопытство. Превращения продолжались, причем теперь я отчетливо видел, что некоторые люди, быть может даже большинство, превращались не в акул, а в крупных серебристых рыб. Столь же беспомощные, как и люди, они тщетно стремились прорваться на глубину — хищницы со злоедами серповидными плавниками набрасывались на них и рвали, рвали, рвали на части... Если же поблизости ни людей, ни рыб не случалось, они кидались друг на друга, одержимые жаждой убивать все живое. И кусали, и жрали, жрали, жрали соперниц в кровавых волнах, поднятых ударами мощных хвостов...

— Смотри, они все идут и идут... — прошептала Катя, опускаясь на бетонный пол балкона и стискивая лицо руками.

Люди, спешащие на зов Ктулху с окраин парка, действительно безбоязненно выходили на каменистый пляж, vstupали в воду и брели в глубину, которая начиналась метрах в пятистах от берега. Некоторые из них успевали превратиться в акул или беспомощных рыб, но большинство становились жертвами зубастых тварей в своем прежнем, еще не измененном облике. Они словно не видели залитого кровью залива, злоедемых серповидных плавников и жутких черных существ, несущихся к ним, вздымая хвостами алый дождь брызг. Они шли, шли и шли, и я не сразу понял, что, вцепившись во влажный поручень, во всю глотку ору им:

— Стойте! Стойте, смотрите: там смерть! Акулы! Стойте! Там смерть, смерть, смерти!..

Но никто не слышал моих воплей, заглушаемых недружным ревом:

— Дар! Дар! Счастья всем! Пусть никто не уйдет обиженным! Ктулху фхтагн!

Не слыша меня, они шли, как сомнамбулы, и, только ощутив впивавшиеся в их тела страшные зубы, начинали истошно вопить и вырываться из пастей акул, утаскивавших несчастных в густую от крови воду...

И воздух, которого мне уже не хватало для крика, казалось, тоже стал густым от крови, желчи, мочи и испражнений...

Я кричал и рвался из капкана наручника, чтобы остановить, удержать, спасти хотя бы этих, припозднившихся бедолаг, но стальной браслет держал крепко. А потом, когда я охрип от бесполезных призывов, милосердная тьма внезапно сомкнулась надо мной, и я стал падать в бездонное черное небо, на дне которого водили мерцающие хорюды бесконечно далекие звезды...

— Черт бы тебя побрал, — сказала Катя, сидя на корточках перед раскрытым кофром. — Неужели нельзя было запастись какой-нибудь проволочкой или шпилькой? Придется нам тут всю ночь куковать. А ключик-то — вон он, рядышком!

Прежде всего я посмотрел в сторону залива. Кровавая вакханалия завершилась. Я видел только серые воды, на поверхности которых пестрели кое-где обрывки одежд, и серое небо над ними, с которого начал моросить мелкий противный дождь. Ни акул, ни людей.

— Это все мне, часом, не привиделось? — чуть слышно спросил я сорванным голосом, прекрасно зная, что услышу в ответ.

— Хотела бы я, чтобы все это оказалось сном. — Катя провела ладонями по мокрому, осунувшемуся лицу. Прислушалась к чему-то и вопросительно взглянула на меня: — Слышишь?

— Ничего не слышу.

Некоторое время я пытался уловить привлечший Катиню внимание звук и в конце концов услышал низкое гуде-

ние. Оно быстро нарастало, превращаясь в грозный, тяжелый рев, и вскоре мы увидели цепочку самолетов, появившуюся из-за крыши «Этажерки». Они летели вглубь залива со стороны суши, и я удивился — с чего бы им здесь взяться? Но тут с неба посыпались черные, похожие на горох точки, взвились мощные фонтаны воды, «Этажерка» вздрогнула от первых взрывов, вслед за которыми на залив и парк обрушился непрекращающийся грохот, заставивший меня втянуть голову в плечи и что есть силы прижать ладони к ушам. Легче от этого не стало, но, к счастью, грохот начал отдаляться — эскадрилья бомбардировщиков продолжала сеять свой смертоносный груз все дальше и дальше от берега...

— Надеюсь, они перебьют всех этих тварей... — прошептала Катя, провожая глазами исчезающие в серой хмари бомбардировщики.

— После драки кольтами не машут, — просипел я, морщась от просыпающейся в левой руке боли.

Хватаясь правой рукой за поручень, я с трудом поднялся на ноги. Зад замерз и промок, ноги подкашивались, левое запястье болело все сильнее, и я машинально вытащил из кармана куртки блистер с анальгином. Выломал таблетку и кинул в рот, мысленно похвалив себя за предусмотрительность. Кто-то носит с собой валидол и нитроглицерин, но мне пока и анальгина хватает.

Я протянул блистер Кате.

— Я без воды не могу, — жалобно сказала она, поднимаясь вслед за мной на ноги.

— А ты вприглядку. Глотай таблетку и смотри на залив.

— Вот уж на что мне совсем смотреть не хочется, так это на залив. Век бы его не видела...

Мне тоже не хотелось видеть залив, но больше смотреть было не на что.

Самолеты скрылись, поднятые взрывами волны улеглись. Кое-где на поверхности стыллой серой воды плавали мелкая дохлая рыбешка, какие-то щепки, обрывки не потонувшей почему-то одежды. Их было на удивление мало, особенно если учесть, сколько людей вошли нынче в воды залива и не вышли из них.

Все было кончено. Оставалось ждать, когда здесь появится кто-нибудь из уцелевших после бойни и достанет нам ключ от наручников, лежащий в пяти-шести метрах от нас. До тех пор делать нам было решительно нечего, и я, чувствуя слабость в ногах, вновь опустился на балконный пол. Прижался спиной к металлическим стержням ограждения и полез за сигаретами. Предложил сигарету Кате, и мы дружно задымили. Со стороны на нас было, наверно, любо-дорого посмотреть — у меня левая рука поднята, у Кати — правая...

Впрочем, нам обоим было отнюдь не до смеха, и мы вовсе не чувствовали себя счастливыми, уцелевшими во время страшной катастрофы. Во всяком случае я. Перед внутренним взором моим вставали картины страшной бойни, заживо пожираемых людей, залитого кровью залива, и мне стоило большого труда отогнать их и думать о чем-то другом.

Итак, мы пережили день, который впоследствии какой-нибудь журналюга наверняка назовет Днем гнева — столь же высокопарно и неверно, как День независимости, над которым не потешается только вусмерть пьяный россиянин, да и то лишь в силу полной своей недееспособности. Мы стали свидетелями явления Ктулху, частицы которого просочились сквозь пропускные сооружения дамбы вместе с водой и рыбой и слились затем в единый организм. Не удивлюсь, узнав, что автоматические датчики, установленные на дамбе, зафиксировали изменение химического состава воды. Распавшийся на подобные планктону частицы монстр превратился в тот самый студень на поверхности воды, появление которого и вызвало весь этот ужас. Ктулху принял форму, которая была необходима ему для осуществления задуманного. Но зачем, хотел бы я знать, он тут объявился?..

Поднялся из глубин, чтобы подзарядиться эмоциональной энергией собранных им на берегу залива людей? А заодно и пошутить? На свой лад, естественно. Продемонстрировав людям их внутреннюю сущность, превратив в тех, кем мы по сути своей и являемся: в жрущих и пожираемых. Устроив в мелких водах Маркизовой лужи большой жор, он всего лишь позволил нам заниматься тем, чем

мы мечтали заниматься всю жизнь. И в той или иной форме занимались...

— Почему ты не фотографировал? — неожиданно спросила Катя. — Ты должен был заснять весь этот ужас!

— Я не военный фотокорреспондент! Я фотохудожник. И мне было не до фотографий, — огрызнулся я, сознавая, что отговорку эту никак нельзя считать убедительной.

Обалдел, ошалел, растерялся — будет точнее. Дал слабину.

Сдается мне, впрочем, фотографии этого мерзкого зрелища были все же сделаны. Если большой жор шел по всему берегу Финского залива — а я не сомневался, что именно так оно и было, — то кроме нас кто-нибудь наверняка уцелел. И среди уцелевших нашелся человек с крепкими нервами, который зафиксировал эту бойню на фотик...

— Покричи, может, кто-нибудь услышит, — попросила Катя. Как будто не поняла еще, что я в состоянии только сипеть и шипеть. Да и то не громко.

— Покричи сама, у тебя голос звонкий. К тому же на женские крики скорее спасатели прибегут.

Катя заорала что есть сил, и у меня вновь отчаянно заболела рука. И заныли зубы. Мне даже показалось, что обложившие небо хмурые темно-серые тучи, из которых сыпал мерзкий мелкий дождь, чуть-чуть разошлись, и в просветы начал просачиваться мертвенный люминесцентный свет. Такой же, каким были освещены картины в мастерской Вальдемара.

Когда-то боги жили на земле, среди людей. Однако соседство со склочными, кровожадными существами скоро им надоело, и они перебрались на вершины гор. Оттуда — с Олимпа, Гималаев, Анд и Кордильер — им пришлось бежать на небеса. А когда в небо взвились ракеты, им и там стало некомфортно, и они скрылись от несносных, вездесущих человеков в иных измерениях. Им нет места ни на Земле, ни под Землей, ни в небесах. Но кое-кто, по-видимому, задержался в подводном мире. Вот только человекообразную, антропоморфную внешность и душу свою Посейдон сменил на лик ужасного Ктулху. С уютного сине-зеленого шельфа водные боги ушли на глубину и изме-

нились соответственным образом. Да и время изменилось, и в существование Ктулху Непостижимого и Ужасного поверить стало легче, нежели в старца Нептуна или Нерей, отца прекраснотелых нерейд...

Почему многорук Шива?

Почему прекрасны и почти неотличимы от людей греческие боги?

Почему египетские боги обладали головами зверей, птиц и рептилий?

Неужели каждый народ действительно придумывает или заимствует у соседей таких богов, которые отвечают его внутренним потребностям, пресловутому менталитету и требованиям времени?.. Как же дошли мы до жизни такой? До сатанизма и веры в шутника Ктулху?

Хотелось бы верить, что, появившись вместо Ктулху доброе божество, оно сумело бы разбудить в людях дремлющие до времени светлые чувства и стремления. Но верилось в это с трудом. Ведь вызывали они не кого-нибудь, а именно Ктулху, его имя скандировали, входя в стылые воды Финского залива. Ведь не возник, не разросся пышным цветом культ Всепрощающего Созидателя, хотя самое время ему посетить наш не слишком-то складный и совершенный мир. Впрочем, так, наверное, думали во все времена...

— Серж, проснись!

Я открыл глаза, и Катя перестала трясти меня за плечо. Виновато улыбнулась и пояснила:

— Ты так жалобно стонал... У тебя сигареты остались? Было ужасно мокро и холодно.

— Может быть, Ктулху активизировался из-за строительства Северо-Европейского газопровода? — спросила Катя, зябко ежась. — Не понравилось ему, что по дну Балтийского моря трубы кладут, вот он и вылез на свет Божий?

— Скорее уж, решил подпитаться энергией Питера — самого большого источника ментальных эманаций на берегах Балтики, — просипел я.

Мне не хотелось рассказывать ей про Саню и Лику, против воли участвовавших в призывании Великих Старцев. Во-первых, тяжело было говорить, а во-вторых, вряд ли ритуал господина Мамелюкина и выписанного из Ирака

мага-гальванопластика явился причиной происшедшего. Поводом — возможно. Но повод при желании всегда можно сыскать...

— Опять! Слышишь, они опять летят! — Катя вскинула голову, вглядываясь в быстро темнеющее небо.

Я прислушался к донесшемуся откуда-то со стороны дворца могучему шмелиному гудению.

— Это вертолеты.

— Опять будут бомбить залив?

Рокот множества винтов начал распадаться на составляющие — похоже, мощные машины разошлись веером, чтобы осмотреть как можно большую часть побережья. Сквозь мелкую сетку дождя я видел, как один пятнистый вертолет, пузатый, словно пребывавший на девятом месяце беременности, устремился вдоль залива в сторону Стрельны, а второй — в направлении Ораниенбаума. Затем рядом, скорее всего у подножия «Самсона», приземлился третий вертолет — нам с Катей было отчетливо слышно, как со свистом рубят воздух его громадные лопасти.

— Десантный, — просипел я. — Когда кончит перемалывать воздух, можешь начинать звать на помощь.

И снова передо мной замелькали кровавые картины ужасающей бойни. Я стиснул зубы и, вперясь взглядом в стоящие на краю залива деревья, попытался заставить себя думать о чем-то другом.

Так что же такое Ктулху? Исполинская амеба, состоящая из множества мельчайших частиц, на которые она может распадаться в случае необходимости, образуя затем существа, строение и форма которых зависят от задачи, которую им предстоит решить? Что за сны видит эта тварь в своих подводных чертогах в Р'лаи? Действительно ли частицы его разума блуждают в разных измерениях, и он одновременно видит множество снов? Неужели его ментальная энергия столь велика, что он может вселяться в существ, обитающих в иных мирах, и проживать их жизни? Раньше я не верил во все эти бредни, но теперь...

— Если для того, чтобы никогда больше не увидеть Ктулху, достаточно жить вдали от моря, то ноги моей больше ни в одном прибрежном городе не будет, — сказала Ка-

тя, с трудом поднимаясь с залитого водой балкона. — Завтра же сбегу из Питера, только меня здесь и видели!

— Бежать некуда, потому что существуют еще и другие Великие Старцы: Хастур, Шуб-Нигтурат, Йог-Сотот и прочие. Они могут явить себя где угодно, в любой момент, так же как это сделал Ктулху, — сказал я. — Подозреваю, они предпочитают появляться там, где чуют аромат зла, смрадный дух упадка и разложения. Они, как микробы, накидываются на ослабленный организм, как шакалы нападают на раненое животное...

— С чего ты это взял?

— Ты видела, как Ктулху проявил ночные стороны человеческих душ. Он не просто превратил людей в акул и неповоротливых рыб, а реализовал то, что в них было заложено. То, что было их сутью.

— По-моему, ты бредишь, — сказала Катя.

— Дай бог, если это действительно так.

Не удостоив меня ответа, Катя приложила левую руку ко рту и, повернувшись в сторону дворца, закричала:

— Эй, кто-нибудь! Спасите! Помогите!..

Ей было страшно, и я ее понимал. Кому хочется жить в мире, где действуют непознанные космические силы и немислимые монстры охотятся за людьми, которые сами на поверку оказываются мерзкими чудищами? Тварями, живущими без цели и смысла, потому что стремление жрать и размножаться едва ли можно считать целью жизни существ, наделенных разумом.

Но зачем все-таки появлялся самоликвидировавшийся Ктулху, вернувшийся, надобно думать, в Маракотову бездну, чтобы продолжать спать и видеть сны об иных мирах? Зачем явился он нам и устроил кровавую суббогу мирным обывателям? Хотел всего лишь подпитаться нашей энергисй или еще и показать что-то? Сумеем ли мы сделать выводы из встречи с ним? Или забудем, как дурной сон, как забыли многие события прошлого, которые стоило бы помнить?..

— Эй, кто тут зовет на помощь? — Появившийся на балконе парень в каске и камуфляжном костюме сжимал в руках черный автомат и выглядел весьма воинственно.

При виде Кати он закинул автомат за спину и улыбнулся.

— Мы чудом уцелели, но сами же себя поймали в ловушку, — сказала Кэт, ставшая похожей на мокрую, измученную кошку и все же сумевшая произвести на десантника благоприятное впечатление. — Дайте нам, пожалуйста, ключ от наручников. Вон он лежит. Если бы не они, эти твари непременно бы нас сожрали. Мы сами бросились бы им в пасть...

— Расскажите хоть толком, что здесь произошло?

Следуя Катиным указаниям, парень нашел ключ и подал его мне. Кажется, он был рад, что может сделать хоть что-то полезное.

— Вы не поверите. А мы будем не в состоянии ничего объяснить, — просипел я, расстегивая стальные браслеты на наших окровавленных запястьях. Что касается моего, то оно распухло, покраснело и отчаянно болело. Особенно когда я пытался шевелить пальцами.

— Я чувствую, что заболеваю, — жалобно сказала Катя и громко чихнула.

— Ладно, сушитесь, лечитесь, обогревайтесь, — разрешил тронутый нашим никудышным видом солдат. — Странно, что больше я тут никого не видел. А вы? Куда делись люди? Обычно-то в парке полно народу...

— Они ушли, — просипел я, ничуть не покривив душой. Сунул наручники в кофр, закинул его на плечо и повлек Катю к выходу с балкона.

Спустившись по металлической лестнице на землю, мы юркнули в ближайшую аллею, и я искренне порадовался сумеркам, скрывшим нас от взоров обшаривавших парк и окрестности дворца десантников. Очень уж не хотелось мне, чтобы нас, как свидетелей происшедшей трагедии, хватали и тащили к начальству, которое, разумеется, не поверит ни единому нашему слову. Главным моим желанием было как можно быстрее и дальше убраться от залива. Катя испытывала те же чувства, поэтому мы, прихрамывая и цепляясь друг за друга, достигли Матиной «пятнашки» за рекордно короткое время.

Я отыскал аптечку и перевязал Катину запястье. Свое я трогать ей не позволил, уж слишком сильно оно болело. Да и милиция могла придрататься — нечего, мол, с порченной рукой за баранку садиться. Хотя сейчас, сдается мне, блюстителям порядка было не до нас.

Мы выхлебали бутылку минеральной — за все это время на парковке не появилось ни одного человека, и я с ужасом представил, сколько людей потеряла нынче Северная столица.

Парковка была забита машинами, которые никогда уже не понадобятся их хозяевам, и мне пришлось помучиться, чтобы вывести «пятнашку» на проезжую часть. Бедный Матя! Бедный господин Ветчинко! Боже, как ужасно сознавать, что они превратились в этих мерзких черных тварей со скользкими, словно отполированными и смазанными маслом телами... Или были сожраны ими...

— Прикури мне сигарету, — попросил я, выбираясь на шоссе.

Дождь полил сильнее, темнота стусилась, и фонари казались лимонными кляксами на грязно-фиолетовом фоне. Рулить одной рукой было не то чтобы трудно, но неловко. Сигарету приходилось перекачивать из одного угла рта в другой, чтобы избавиться от едкого глаза дыма, — левая рука отказывалась держать даже ее и болела все сильнее. В общем-то, это было неплохо, потому что отвлекало от мыслей о каннибальской трапезе, происходившей, вероятно, по всему побережью Финского залива...

— Прежде всего нам надо заехать в травмпункт, — сказала Катя, протерев мокрое лицо найденной в бардачке салфеткой. — Смотри, какая тушь — совсем не течет! А в домах почти нет света. Одно-два окошка горят, обратил внимание?

— Нет, — просипел я, с трудом выравнивая «пятнашку». Ее уже пару раз заносило на мокрой дороге. Дождь хлынул как из ведра, и «дворники» едва справлялись с потоками воды, заливавшей лобовое стекло.

— Не гони, — посоветовала Катя и всхлинула.

— Не реви, — сказал я. — И без того сыро и мутно.

Мы ехали по неправдоподобно пустому шоссе. Нам не попала навстречу ни одна машина. Сзади тоже никого не было. Левая рука болела все сильнее, и вести Матину «пятнашку» было страшно неудобно. Вкус сигареты был невыносимо горек, под стать мыслям...

— Ты знаешь, они ведь не все превратились в акул. И этих, беспомощных, неповоротливых карасей-персост-

ков, — внезапно сказала Катя. — Два или три человека, войдя в воду, стали ихтиандрами. Вроде тех, что Вальдемар рисовал. Заметил?

Я отрицательно мотнул головой, подумав, что у Кэт от пережитого слегка скособоило крышу.

— Ты в это время орал, чтобы люди не лезли в воду. Потому и не видел. Или внимания не обратил. Мужчины вообще многого не замечают... — Она помолчала и, видя, что я не собираюсь отвечать, добавила: — Я поняла, почему Ктулху пощадил Питер. Ему назначем разрушать город, который рано или поздно станет частью его подводного мира. Понимаешь? Мне еще тогда, в мастерской Вальдемара, показалось, будто я узнаю подводный город на одной из картин. Сны Вальдемара — это не подсмотренные куски жизни какого-то иномирья. Он заглянул в будущее. В то время, когда нашу планету покроет вода и над поверхностью ее останутся торчать лишь верхушки скал, похожих на сторожевые башни...

Теперь она замолчала надолго, и я решил, что нет, с крышей у нее все в порядке. Просто она увидела эту бойню по-своему, иначе, чем я. Наверное, каждый уцелевший свидетель явления Ктулху увидел и понял его по-своему...

— Завтра пойду в Никольский собор, поставлю свечку Божьей Матери, — сказала Катя и начала вытирать салфеткой глаза.

— Блажен, кто верует, — пробормотал я.

Катя громко высморкалась и отвернулась от меня, чтобы я не видел текущих по ее щекам слез.

Вдали замерцали редкие огоньки, мы подъезжали к Стрельне. Стало быть, не все жители ее нашли свою смерть в волнах Финского залива, подумал я, но ни облегчения, ни радости эта мысль мне почему-то не принесла. Ктулху показал нам, чего мы стоим. Вопрос в том, сумеем ли мы стать другими? Захотим ли?

А что, господа хорошие, до явления Ктулху никто из нас, глядя в зеркало, не догадывался, кто он есть на самом деле? Правда, Оскар Уайльд говорил, что «зеркала отражают одни лишь маски». Но он же утверждал, что «маска говорит нам больше, чем лицо»...

СОХРАНЯЯ ДУХ

Мария Галина

ДАГОР

Говарду Ф. Лавкрафту и Роберту Говарду посвящается

— Отец Игнасио! Отец Игнасио!

Вытаращенные глаза чернокожего мальчишки блестели в темноте. Пляшущий свет факелов отражался в них.

— Там белый господин, отец Игнасио. Больной белый господин!

Пламя факелов металось над бледным пятном на черной земле.

— Очень больной! — подтвердил черный санитар, сидя на корточках на изрядном расстоянии от распростертого на земле тела и печально качая головой.

— Переложите его на носилки и отнесите в больницу, — велел отец Игнасио.

Санитар подскочил, словно попрыгунчик. Теперь он возвышался над отцом Игнасио чуть ли не на голову; все они были тут высокие...

— Нет, нельзя! Его нельзя трогать! Плохо для всех! Нельзя!

— Тебе нечего бояться, Джереми, — терпеливо сказал отец Игнасио, — я сделал тебе чудодейственные уколы. Ты не заболеешь желтой лихорадкой.

— Это не лихорадка, господин! Это другое... страшное...

— С Божьей помощью, — твердо сказал отец Игнасио, — мы справимся. Положите носилки рядом с ним и отойдите, — велел он санитару. — Сестра Мэри!

Она уже стояла за его спиной, свет факелов играл на белой косынке, окрашивал розовым чуть впалые щеки. Дитя приюта, сирота, для которой служба вот в такой миссии на краю света — предел возможностей.

Отец Игнасио перевернул прищельца, поскольку тот упал, как шел, лицом вперед. Пальцы скребли жирную землю, словно он все еще пытался ползти. Несмотря на то что

на лице подсыхала бурая грязь, пришелец был, несомненно, белый.

— Раз, два, взяли!

Сестра Мэри ловко подхватила пришельца за ноги, и они перекатали его на носилки.

— Теперь-то можете подойти, Джереми?

Но тот продолжал отчаянно трясти головой:

— Нет, нет, сэр... Нельзя!

— Кто-нибудь!

Он огляделся. Туземцы стояли кучкой, возбужденно переговариваясь. Пламя факелов в их руках прыгало, чертя в смоляном воздухе огненные дуги.

— Сестра Мэри!

Больной застонал, глазные яблоки двигались под сомкнутыми веками.

Госпиталь располагался рядом с часовней и был просто бревенчатым баракком с крышей, крытой пальмовыми листьями.

Острый запах антисептика ударил в ноздри.

— Сюда.

Черный санитар с фонарем шествовал за ними, держась на изрядном расстоянии.

Суконная куртка незнакомца была наглухо застегнута. Отец Игнасио наклонился и расстегнул медную пуговицу у ворота.

— Нет, господин!

— Хватит, Джереми. Стой спокойно.

Фонарь плясал в руках у санитара, и оттого казалось, что ткань на груди у незнакомца шевелится.

— Дагор, господин! Это дагор!

— Перестань, — с укором сказал отец Игнасио, — это всего лишь легенда.

Пуговицы никак не хотели расстегиваться, и он взял ножницы с цинкового подноса на тумбочке. Отец Игнасио подхватил ткань у ворота и решительно щелкнул ножницами.

Мэри отчаянно завизжала.

* * *

Во дворе, стоя у дощатого стола, отец Игнасио слил кипяток и разложил инструменты на лотке. Луч солнца

отскочил от скальпеля и прыгнул ему в глаза. Священник зажмурился.

Мэри привычно скатывала бинты. Лишь на краткий миг ее тонкие пальцы с коротко остриженными ногтями дрогнули.

— Это не опасно? — робко спросила она.

— Не знаю, — сказал отец Игнасио. — Это демон, без сомнения. Но, похоже, святой водой тут не обойтись.

Он вздохнул.

— Потом... это вредит пациенту, сестра Мэри. Вы только поглядите, как он истощен.

Он решительно подхватил лоток, шагнул в палату — и резко остановился.

Не считая ночного пришельца да старика-туземца на койке у окна, который пришел сюда умирать в покое и относительной сытости, госпиталь был пуст.

Ни старухи с лейшманиозом, ни охотника, чье предплечье порвал леопард, ни крестьянина со сломанной ногой, ни мальчишки с острым приступом малярии...

Они ушли тайно — те, кто еще мог ходить, унесли остальных.

А ведь сколько времени он потратил, чтобы убедить их лечиться здесь, а не у своих шаманов! И когда они наконец-то поверили...

— Джереми. — Он высунул голову за малярный полог.

Молчание.

Теперь только он осознал, что непривычная тишина царит по всей миссии.

Слуги ушли. Все. Даже мальчишка-повар.

Пришелец по-прежнему лежал на койке, укрытый до подбородка простыней, поверх которой вытянуты исхудалые руки. Простыня слегка топорщилась на груди.

Глаза были закрыты.

— Ладно, — сквозь зубы сказал отец Игнасио, — что ж поделаешь.

Надо выполнять свой долг, подумал он, надо во что бы то ни стало выполнять свой долг.

* * *

— Мэри? — спросил он, не оборачиваясь.

— Я здесь, отец Игнасио, — шепотом ответила она за спиной.

Он подошел к больному, поставил лоток на тумбочку и решительно отдернул простыню.

Маленькая сморщенная головка приподнялась с груди пациента. Ее поддерживала пара хилых рудиментарных ручек. Глаза-щелки разомкнулись и уставились на отца Игнасио. Они были желтыми, с узкими змеиными зрачками.

Сам же пациент не шевелился, лишь глазные яблоки все ходили под сомкнутыми веками.

— Я думал, это легенда, — устало сказал отец Игнасио, — выдумки. Туземцы часто выдумывают. Ведь они язычники.

Он привычно разжег спиртовку и теперь прокалял скальпель, водя его над синеватым язычком пламени туда-сюда.

Желтые глаза неотрывно следили за лицом отца Игнасио. Сомкнутая щель рта приоткрылась.

— Не делай этого, белый человек!

Голос был высокий и пронзительный, у отца Игнасио заломило виски. Больной не проснулся.

— Ты — исчадие ада, — сухо сказал отец Игнасио, — и должен быть истреблен. У этой земли много демонов. Ты — один из них.

— Тогда полей меня своей волшебной водой, — визгливо предложило существо, — я знаю, ваши демоны ее не выносят.

— Оно... разговаривает? — изумленно прошептала Мэри. — Оно знает о святой воде?

— Оно знает все, что знает его хозяин, — пояснил отец Игнасио, и скальпель не дрожал в его руке. — По крайней мере, так гласит легенда.

Жабье личико мучительно искривилось в усмешке.

— Если ты коснешься меня своим железом, пришелец, — проскрипел он, — я убью его.

Больной на подушках заметался беспокойней, дыхание его стало хриплым, лицо посинело.

Мэри за спиной у отца Игнасио тихо охнула.

— Ты и сам умрешь, — возразил отец Игнасио.

— Какая разница? Ведь ты и так собираешься меня убить!

Больной открыл глаза. Они были ярко-синие.

— Нет, — выдохнул он, — нет!

И поднял слабую руку, пытаясь оттолкнуть скальпель отца Игнасио.

— Убери свой ножик, старик, — пискнуло существо.

Тело лежащего выгнулось дугой. Глаза закатились.

— Он умрет, — лихорадочно шептала Мэри за спиной отца Игнасио. — Нет, нет, нет...

Отец Игнасио опустил руку.

* * *

— Откуда он пришел, отец Игнасио, как вы думаете?

— Из преисподней.

— Нет, я говорю о... человеке...

— Не знаю, сестра Мэри. Вы же видели, до чего он истощен. Он мог прийти издалека. Говорят, дагор ведет своего хозяина, когда тот уже не может идти сам. Просто... ну... двигает за него руками и ногами. Нет, мне интересно другое.

— Да? — Пальцы девушки убрали выбившуюся из-под косынки русую прядь.

— Где он подцепил эту пакость. В городе? В лесу? Где? Она заразна? Я не верил всяким рассказам, а теперь — кто мне скажет правду? И как я узнаю, что это — правда?

Старик сидел на пороге больничного барака. В худых узловатых черных пальцах зажата пустая жестяная миска.

— Никого нет, — скрипуче пожаловался он, — еды для Мкеле нет.

— Ах да, — вспомнил Игнасио, — они же ушли.

— Позаботьтесь о пропитании, сестра... — велел он. И, уже обернувшись к старику: — Как, ты сказал, тебя зовут?

— Мкеле, господин.

— Я крестил тебя именем Господа, и ты получил другое имя, — сурово напомнил отец Игнасио. — Мигель зовут тебя ныне.

— Это было раньше, — спокойно возразил старик, — когда здесь был ваш Бог. А теперь его нет. Он ушел. Разве белый человек не чувствует — теперь здесь пусто.

— Господь всегда здесь.

— Теперь здесь дагор. Ваш Бог оставил это место. Оно проклято. Оно погибнет.

— А если я изгоню дагора?

— Ты не сможешь изгнать дагора, белый человек...

— Посмотрим, — сказал отец Игнасио.

* * *

Adiutorium nostrum in nomine Domini, qui fecit caelum et terram... In nómine Jesu Christi Dei et Dómini nostri, intercedénte immaculáta Vírgine... Exorcizámus te, omnis inmúnde spíritus, omnis satánica potéstas, omnis incúrsio infernális adversárii...

Капли святой воды упали на грудь больного, на прикившее к этой груди сморщенное тельце. Личико обернулось к священнику. Желтые глаза открылись.

— Перестань брызгать на меня водой, старик!

Отец Игнасио опустил на табурет у постели больного. Голова кружилась.

Больной лежал, закрыв глаза; грудь его мерно вздымалась, и вздымалось вместе с ней крохотное тельце; вернее, верхняя его половина. Остальное, что бы это ни было, вросло в плоть человека, и лишь воспаленный валик мышц указывал, где начинается одно и кончается другое.

Сам же пришелец выглядел лучше, чем в момент их первой встречи, лицо было спокойным и мирным, впалые щеки чуть порозовели.

— Вам надо отдохнуть, отец мой, — тихо, но твердо сказала Мэри.

Она стояла рядом, в руках ее дымилась миска с супом.

Отец Игнасио тяжело встал.

— Быть может, — сказал он неожиданно для себя, — лучше дать ему умереть.

— Вы же, — Мэри укоризненно качнула головой, — дали клятву.

— Я давал клятву исцелять людей, а не демонов, — сказал он и побрел наружу. Краем глаза он видел, что Мэри склонилась над постелью.

Старик сидел у входа в часовню, словно надеялся, что место, где раньше обитал Бог больших белых людей, и по-сейчас способно защитить от зла.

— Твой Бог не помог тебе? — скорбно заметил он.

Отец Игнасио скорбно покачал головой и в свою очередь присел на пороге рядом с черным. От старика пахло, против всех ожиданий, сухим деревом.

— Я не боюсь, — сказал старик, — мне скоро уходить в другие края. А вот тебе и белой женщине надо бежать отсюда.

— Я служу Богу, — сказал отец Игнасио, — а Он поручил мне быть здесь.

— Тогда ты погибнешь, — философски сказал старик, — и ты, и она. Ты тоже старик, но она молода. Белая. Молодая. Красивая. Жалко.

— Она готова к испытаниям. Она тоже служит Богу.

— Невеста вашего Бога, да? Она мне так сказала — невеста. Но Бог ушел. Бросил ее. Если она больше не невеста Бога, то кто ее возьмет, а, мой бессильный друг?

Это не он говорит, в ужасе подумал отец Игнасио, это я, я сам, он всего лишь туземец, он не знает таких слов, таких речей.

— Изыди, — пробормотал он.

Старик молча глядел на него, обнажив в ухмылке розовые десны.

* * *

Он молился, упав на колени, на жестком полу часовни, а когда встал, то ощутил странную опустошенность. На непривычно легких ногах он дошел до госпиталя, откинул москитный полог и заглянул внутрь. Больной спал. Одна рука его лежала на груди, будто защищая что-то. Другой он сжимал руку Мэри. Увидев отца Игнасио, она слабо улыбнулась, прижала палец к губам и осторожно высвободилась. Он смотрел, как она идет меж пустыми койками — бледная, коренастая, не знавшая любви.

— Он приходил в сознание, — сказала она, выйдя за порог. — И назвал себя. Его зовут Глан.

— Глан? Наверняка нет. Что ж, если хочет скрывать имя, его дело. А он не сказал, где подцепил эту тварь?

Она торопливо перекрестилась.

— Его невеста ехала к нему. Они любили друг друга. И собирались пожениться. А на корабле она встретила другого.

— Вот как...

— И он чувствовал себя очень несчастным. Он не хотел жить. И там, в порту, один человек сказал ему... Сказал, что есть средство забыть обо всем. До конца дней.

— И передал ему дагора? Прямо в порту? В городе — эту тварь? Какой ужас, сестра Мэри...

— Он говорит, — подтвердила она, — это невыносимый ужас и большой соблазн. Но это тайна, которая открывается только для тех, кто готов принять ее. Он говорит, тот, кто носит в себе дагора, больше не одинок. Бедняга. Как же надо страдать, чтобы согласиться на такое.

— Сестра Мэри, — сказал он тихонько, — Господь посылает нам искушения, а дьявол не дремлет. Ступайте помолитесь хорошенько...

— Конечно, отец Игнасио, я... я помолюсь о спасении его души.

* * *

Он принялся за те обязанности, которые обычно выполняли черные слуги миссии. Немного послушания не повредит, думал он, быть может, Господь сжалятся и пошлет знак — иначе что ему, отцу Игнасио, делать?

— Послушай, белый человек. — Старик Мкеле, сидя на корточках, наблюдал за ним. — Ты с девушкой уходишь, я остаюсь. Ухаживаю за тем. Он встает на ноги, тоже уходит. Я опять остаюсь. Умираю здесь.

— Это дом Господень, — возразил отец Игнасио, — и он не должен пустовать. И я не уйду, не оставлю его на разтерзание демону. Потом... я же крестил тебя. Кто тебя исповедует? Кто отпустит тебя с миром, как не я? Кто тебя отпост? Кто похоронит?

— Скоро начнутся дожди, — сказал старик невпопад.

Отец Игнасио поднял голову и поглядел в небо. Запла-
ты, просвечивающие сквозь густую листву, ярко синели.

— Откуда ты знаешь?

— Муравьи...

Огромный муравейник под слоновым деревом, обычно
покрытый тысячами шевелящихся насекомых, точно жи-
вым покрывалом, сейчас был почти пуст. Если приглядеть-
ся, можно было различить, как муравьи суетливо изнутри
затыкали глиной ведущие наружу ходы.

— Они чуют большую воду, — пояснил старик. — Ты же
не можешь уйти в свою нору и закрыться там, белый че-
ловек?

— У нас есть припасы. Зерно в кувшинах. Масло. Что
еще нужно?

— В большой дождь, — сказал старик, — в этих лесах
оживает зло. Дагор позовет его, и оно придет сюда.

— С Божьей помощью, — отец Игнасио сжал в руке чет-
ки, — мы устоим.

Он читал записи здешних миссионеров, запертых непо-
годой среди гниющих стен миссии, когда зеленая мохнатая
плесень пожирает все — от постельного белья до требника.
Ничего, говорил он себе, это просто дождь, всего-навсего
дождь.

* * *

Он услышал его ранним утром — тысячи крохотных но-
жек, шорох по тростниковой крыше, стук по пальмовым
листьям. И, несмотря на этот стук, вокруг царил странная
тишина. Сначала он даже не понял, в чем дело, потом со-
образил — смолкли пилы и молотки мириадом насекомых,
из ночи в ночь сверлившие ему череп...

Он проглотил свой кофе (маленькая слабость, от кото-
рой так трудно отказаться) и взялся за лопату. Нужно от-
вести воду от часовни, подумал он. И от хижин. И от гос-
питаля. Проклятые язычники, дезертировали и бросили его
один на один с демоном...

Нет, все-таки осталась одна птица. До чего же странно
она кричит. Будто плачет. Или нет?

Он осторожно вертел головой, пытаясь определить, откуда исходит голос. Потом распрямил ноющую спину и шагнул в часовню.

Она распласталась по полу и впрямь как большая птица или летучая мышь. Черное одеяние по подолу заляпано красной глиной, плечи трясутся.

— Мэри, — сказал он тихонько, — Мэри, дитя мое!

Она вскочила, обратив к нему бледное заплаканное лицо. Пальцы перебирают четки.

— Отец мой... — она всхлипнула, — я хочу исповедаться.

— Я к твоим услугам, дочь моя. — Он вздохнул. — Но может, ты просто... по-человечески... Так в чем дело?

Внезапно она бросилась ему на шею, охватив ее руками, и вновь отчаянно зарыдала.

— Он даже не смотрит на меня!

Если она больше не невеста Бога, то кто возьмет ее теперь? — вспомнил он. А вслух сказал:

— Молодой Глан?

— Да. Он все время рассказывает мне, как она красива, эта его Элейна, какого она хорошего воспитания, швейцарский пансион и все такое, и умеет держаться, и...

Сестра Мэри, подумал он, нехороша собой, да и чему тут удивляться — подкидыш, должно быть, прачка или служанка из господского дома принесла ее под двери приюта, бедное заблудшее создание... Похоже, в ней проснулась кровь заблудшей матери, и как не вовремя! Впрочем, это всегда бывает не вовремя!

— Я уже говорил тебе, он, конечно, никакой не Глан, — медленно и неторопливо сказал отец Игнасио. — Насколько я помню, так звали героя романа — модного, — его бросила возлюбленная, и он разочаровался в людях и удалился от мира...

— Ну и что? — пылко сказала Мэри. — Какая разница!

— Когда человек называет себя другим именем, это должно что-то означать. В данном случае это означает, что он отрекся от своей прежней жизни и теперь посвятил себя страданию, так?

— Ну да... — Она прижала руки к груди.

— Нет. Он просто больше не способен любить женщину. Дагор убивает мужское начало. Остальное — ложь. Та или иная.

— А что же правда?

— Не знаю. — Отец Игнасио покачал головой. — Возможно, он просто хочет, чтобы его оставили в покое. Страсти внешнего мира не доходят до него.

— Тогда, — Мэри отчаянно вцепилась в его рукав, — я не верю, что не может быть способа... должен быть...

— Ну так молись, чтобы Господь указал его, — сурово сказал отец Игнасио, — и не забивай себе голову дурными страстями.

Она виновато потупилась.

— Это все дождь, — сказала она наконец, — от него трудно дышать...

— Да, — согласился он, — это все дождь.

* * *

— Он уже может ходить, белый господин.

Старик черным пальцем указал на молодого Глана, который деловито забивал в липкую землю покосившиеся колья ограды.

— Я пытался расспросить его, зачем он шел сюда, — задумчиво проговорил отец Игнасио, — но он не говорит.

— Возможно, дагор не хочет... Они теперь — одно. Он больше не человек, этот белый. Дай ему уйти.

Мэри, подумал отец Игнасио. И черный тут же сказал:

— И для девушки так будет лучше. Ты чужой тут. Ты не знаешь эти места. Там, дальше, болота. Знаешь, кто там живет?

— Крокодилы, — пожал плечами отец Игнасио, — что с того... Я видел крокодилов.

— Иногда, — очень тихо сказал старик, — оттуда, с болот, дует желтый ветер. И тогда люди в деревнях начинают болеть лихорадкой...

— Ну да... — согласился он.

— И однажды желтый ветер касается их разума. Мягко, нежно... Тогда они встают со своих циновок и уходят. Они идут и бросаются в болото. Тонут там. Но потом, несколько

дней спустя, они восстают из воды. С тех пор они уже не люди.

— Никогда про такое не слышал.

— У них белые глаза, — веско припечатал старик.

Магия смерти, подумал он. Магия падали.

— Их можно вызвать. Наши нгомбо это умеют.

— Ваши нгомбо — язычники. И поклоняются демонам.

— Да, — легко согласился старик, — и очень страшным демонам. Очень могущественным. Только...

— Да?..

— Никто из них никогда не будет поклоняться дагору. Если человек с дагором приходит в деревню, наши нгомбо его не изгоняют. Они велят людям покинуть деревню. И уходят сами.

— А что потом бывает с теми, кто носит дагора?

— Рано или поздно, — сказал старик, — они тоже уходят. Дагор уводит их. Он знает одно такое место.

— Какое?

— Никто не знает. Только дагор. Этот, ваш белый, тоже шел туда. Запретное место.

— Их гнездо? — спросил отец Игнасио. — Их дом?

— Никто не знает. Только дагор.

— Откуда они вообще берутся? Как человек принимает в себя дагора?

— А ты не знаешь, белый человек?

— Нет, — покачал головой отец Игнасио.

— И я не знаю. Только тот, кто готов. Тот знает.

Мэри бежала к ним, подобрав полы своего монашеского одеяния.

— Отец Игнасио, — задыхаясь, пролепетала она, — там...

* * *

— Наша трапеза скудна, — сказал отец Игнасио, — но мы рады разделить ее с вами.

— Мы можем прибавить к ней кое-что, святой отец, — сказал новоприбывший. — Томпсон — великолепный охотник.

У него были холодные серые глаза и седые виски. Великолепный экземпляр белой расы, платье и душа застегнуты на все пуговицы, что бы ни случилось.

— Сейчас пост, — сухо сказал отец Игнасио, — впрочем, для странствующих возможны и послабления. А вы ведь странствуете...

— Да, — улынулась женщина, — и довольно долго.

Прекрасная женщина, прекрасная пара этому лорду Аттертону, спутница знаменитого путешественника, с виду хрупкая, на деле крепкая и сильная. Отец Игнасио покоился на сестру Мэри. Эта, напротив, вышвела, сжалась и побледнела, точно моллюск в раковине монашеских одежд. Я и забыл, до чего же бедняжка нехороша собой, ведь мне не с кем было ее сравнивать.

Словно отвечая его мыслям, сестра Мэри торопливо поднялась:

— Я отнесу еду туда, в госпиталь?

Он рассеянно кивнул. С тех пор как пришли новые люди, молодой Глан так и не вышел из-за больничных стен. Что ж, его можно понять.

Шея женщины была как стебель цветка над распахнутым воротом рубахи. Отец Игнасио отвел глаза.

Я уже стар, торопливо подумал он, словно мысль о старости могла принести успокоение.

— Мы с Мэри довольствуемся лепешками, — сказал он, — и плодами.

— Здешние фрукты годятся только для черных, — авторитетно сказал Томпсон, — желудок белого человека их не выносит.

Он энергично орудовал ножом и вилкой. У Томпсона были загорелое лицо и ярко-голубые маленькие глаза. Он, должно быть, промышлял слоновой костью, прежде чем податься в проводники, ни с того ни с сего подумал отец Игнасио. Такие всегда блюдут свою выгоду. Должно быть, этот лорд ему очень хорошо заплатил.

А вслух сказал:

— Это всего лишь дело привычки.

— Лечить этих дикарей, — дружелюбно поговорил лорд Аттертон, — благородное дело.

— Это белый. Он забрел сюда, истощенный...

— Но поправляется?

— Да, — сухо сказал отец Игнасио, — поправляется.

— Наша экспедиция с радостью примет его. У нас каждая пара рук на счету.

— Полагаю, для этого он еще недостаточно поправился...

Отец Игнасио вздохнул. Это было бы лучшим выходом, но подсунуть этим беднякам человека с дагором... И кстати, что за экспедиция? Возможно, они ищут гигантских обезьян? По словам черных, эти обезьяны в джунглях так и кишат, но ни одному белому не удалось увидеть их еще ни разу, вот странно...

— Сначала они целыми днями идут, не ведая усталости, — лорд Аттертон покачал головой, — и распевают свои песни, а потом ни с того ни с сего пугаются каких-то следов... Мне едва удалось их успокоить, но идти дальше они отказались наотрез. Просто бросили пожитки на землю и стали столбом.

— Все потому, что вы с ними обращались слишком мягко, сударь, — заметил Томсон.

— В результате пришлось почти все бросить... Только то, что мы могли унести на себе, только самое необходимое.

Отец Игнасио поглядел в окно. На противомоскитной сетке набухали дождевые капли. Двери в госпиталь были распахнуты...

— Наверное, с моей стороны это будет проявлением излишнего любопытства, — сказал он, — если я спрошу, что привело вас сюда?

Лорд Аттертон какое-то время колебался, с вилкой, занесенной над очередным куском, потом сказал:

— Мы ищем затерянный город. Вы ничего не слышали о затерянном городе, святой отец?

— Они тут даже слова такого не знают, — покачал головой отец Игнасио.

— Быть может, вы просто не спрашивали. А среди туземцев ходят рассказы о том, что за болотами, в самом сердце леса, лежат какие-то развалины...

— Туземцы, — сказал отец Игнасио, — расскажут о чем угодно. Особенно если вы пообещаете им вознаграждение.

— Туземцы всегда врут, — заметил Томпсон.

— Нет, — отец Игнасио покачал головой, — тут сложнее... Они — как дети. Они и сами верят тому, о чем говорят.

— Невероятные вещи рассказывают об этих лесах, это верно, — сказал лорд Аттертон, — и среди них наверняка много выдумки. Но ведь что-то может оказаться правдой?

— Что-то — да. К сожалению. — Он вздохнул.

— Город в сердце леса, — говорил тем временем лорд Аттертон, — руины бывшего великолепия. Чудесный город...

Этот человек идет ради славы, подумал отец Игнасио. А его жена — ради любви, а вот Томпсон — ради денег. Такие всегда идут ради денег. И конечно, они ничего не боятся. Они твердо знают, что может быть, а чего не может быть никогда.

Он поднялся.

— Пойдемте, сударыня, — сказал он, — сестра Мэри устроит вас.

Она тоже встала, обратив к нему чистые серые глаза.

От миссии к госпиталю теперь был проброшен тростниковый настил — грязь хлюпала и проступала сквозь стебли, но, по крайней мере, можно было пройти.

Он остановился на пороге госпиталя, пропустив женщину вперед, и тихо позвал:

— Сестра Мэри!

Сестра Мэри, сидевшая у постели больного, обернулась. Обернулся и больной — он, приподнявшись, смотрел на них, и то ли стон, то ли возглас удивления сорвался с его губ.

— Арчи, — сказала леди Аттертон, — боже мой, Арчи!

— Так, значит, ты теперь леди Аттертон. — Молодой человек издал нервный смешок. — Как удачно все сложилось, не правда ли?

— Ричард был очень добр со мной. Как ты мог, Арчи? Как ты мог меня оставить? Одну, в чужой стране? Среди чужих людей! Как ты мог?

— Что ты такое говоришь, Элейна? Зачем? После того как ты... как ты разбила мне сердце, после того как...

Мэри смотрела на них, приоткрыв рот, на скулах ее пылали два ярких пятна.

— Мэри, — сказал отец Игнасио, — проводи леди Аттертон. И помоги ей устроиться.

Он коснулся плеча белокурой женщины:

- Пойдемте, сударыня.
- Да, — сказала она, — да.
- В глазах ее стояли слезы.

* * *

— Я устроила ее, отец Игнасио, — сказала Мэри. — Она плачет.

Мэри прижала ладони к груди.

— Я... не понимаю. Она говорит... это он оставил ее. Одну, без помощи и поддержки. Они были обручены еще там, дома, и она приехала к нему сюда, в колонию, и день свадьбы был уже назначен, но он даже не встретил ее в порту. Даже не пришел ее встречать. Как такое может быть?

— Не знаю.

— Он говорил совсем другое. Я поверила ему, отец Игнасио, он... он тоже плакал, когда рассказывал о ней!

— Ты хочешь спросить меня, — вздохнул отец Игнасио, — кто из них лжет?

— Ну да.

— Быть может, она. Лорд Аттертон — выгодная партия, не чета мелкому колониальному чиновнику.

— Дурная женщина? — с затаенной надеждой в голосе спросила сестра Мэри.

— Дагор, — скрипуче сказал старик. Отец Игнасио совсем забыл о нем, сидевшем на крыльце под пальмовым навесом, рассеянно подставив ладонь под стекающую с листьев струйку воды.

— Что?

— Рядом с дагором никто не знает правды.

— Да, — сказал отец Игнасио, — верно. Демоны, — он торопливо перекрестился, — могут заставить одержимого видеть и помнить то, чего не было.

— Зачем?

— Не знаю. Кто может постичь намерения демона?

Лучше бы он умер, подумал отец Игнасио, наш молодой Глан, лучше бы он умер в лесах... хотя нет, что я говорю. Тогда бы душа его погибла безвозвратно, а пока он жив, его еще можно спасти. Но как?

— Почему я? — шептал он, и Распятый глядел на него из полумрака часовни. — Святая Мария, почему именно я?..

* * *

Они уйдут, повторял он про себя по дороге к госпиталю, дождь кончится, и они уйдут. Слава богу!

Почему мне так тревожно — достойные люди, белые люди, а я так долго не видел белых людей.

Он уже протянул руку, чтобы откинуть полог, закрывающий дверь в госпиталь, но замер. Из полутьмы донолся тихий шепот.

Он кашлянул, шепот стих.

Он вошел.

Леди Аттертон и молодой Арчи сидели друг против друга; он — на кровати, она — на табуретке, в своих исхудалых руках он сжимал ее руку.

— Я подумала, — сказала Элейна, словно оправдываясь, — нам надо позабыть обиды. Арчи был на пороге смерти. Неужели я...

— Мне уже легче, — торопливо сказал молодой человек. — Не тревожься, не терзай себя.

Отец Игнасио обернулся. Из сумрака на него сверкнули расширенные блестящие глаза.

— Сестра Мэри, — удивленно сказал он, — что вы тут делаете, дитя мое?

— А она?.. — сдавленным голосом спросила девушка. — Что она здесь делает?

— Дорогая моя, я просто пришла проведать... — снисходительно начала женщина, но не успела договорить.

Сестра Мэри уже стояла у изголовья постели. Отец Игнасио протянул руку, пытаясь задержать ее, но не успел. Два красных пятна по-прежнему пылали на ее щеках.

— Как благородно с вашей стороны — проведать больного! А вдруг он заразен? Вы не боитесь заразиться, а, прекрасная леди?

Она рассмеялась сухим истерическим смехом.

— Но Арчи сказал мне....

— Чем он болен, да? Ты сказал ей, Арчи?

Тот молчал, опустив голову, и не успел воспротивиться, когда руки, привыкшие к тяжелой работе, обвили его шею и с силой рванули ворот полотняной рубахи. Полотно, треснув, разошлось.

— Гляди, женщина!

— Мэри! — воскликнул молодой человек с мукой в горле. Он пытался то оттолкнуть ее, то заслониться руками.

— Боже мой, — прошептала леди Аттертон. Она непроизвольно положила руку на горло и застыла так, лишь бледные губы чуть шевелились.

В наступившей тишине Мэри продолжала смеяться — громко, торжествующе.

* * *

— Лихорадка — паршивая штука, — сказал Томпсон. — В бреду чего только не померещится. Я как-то подцепил такую. Мне казалось, что у меня две головы, представляете?

— Но ему не кажется, — сухо сказал лорд Аттертон, — у него действительно две головы. Боже мой, я никогда... Вы слышали раньше о чем-то подобном, отец Игнасио?

— Краем уха. В домах призрения, в больницах... даже городских, иногда рассказывают странные вещи.

— И что это, как вы думаете? Какой-нибудь неизвестный науке паразит?

— Скорее демон, — вздохнул отец Игнасио.

— Бросьте, это антинаучно.

— А я и не ученый. Я священник.

— Какое-то высокоорганизованное существо, — продолжал рассуждать лорд Аттертон, — возможно, даже разновидность обезьян...

— Или людей, — спокойно подсказал Томпсон.

— Ну... нет, скорее низших обезьян. Зачем подвергать себя опасности, строить гнезда, разыскивать пищу, когда можно получить все сразу. Они начали как-то... привлекать к себе людей, приваживать...

— Как может такая мерзость кого-то привлечь?

— Возможно, играя на чувстве сострадания. Симпатии. Возможно, особый запах, вызывающий у человека привыкание. Привязанность. Желание никогда не расставаться.

Постепенно контакт все ближе. Все теснее. Пока наконец носитель и паразит не срачиваются в единое целое. Этот бедняга, должно быть, подцепил своего наездника случайно, поскольку это сугубо местный паразит. Где-то в сердце леса могут быть целые поселения, пораженные...

— Обезьяны, сударь мой, не разговаривают, — возразил отец Игнасио, — а я сам слышал, эта мерзость владеет человеческой речью. И не туземным наречием, нет...

— Ну, — снисходительно пояснил лорд Аттертон, — это вполне понятно. У них общая нервная система. Они, в сущности, одно целое. И если даже этот юноша ничего не знает, быть может, его спутник...

Идиоты, думал отец Игнасио, и кровь пульсировала в охваченном лихорадкой мозгу, несчастные дураки. Они не способны узнать демона, даже когда наступят на него. Ах, хоть бы этот Аттертон убедился, что от больного нет никакого проку, — убедился и ушел искать свой затерянный город!

— Так вы говорите, он куда-то шел, ваш пациент? — В глазах Аттертона двумя сверкающими точками отражалось пламя лампы. — Куда?

— Он был болен, — сухо сказал отец Игнасио, — не в себе.

Сам он ощущал озноб и жар одновременно. Сырость проникла в кости, суставы распухли и ныли, в ушах стоял непрерывный звон.

Опять, подумал он, опять начинается. Иисус, Святая Дева, только не это, только не сейчас.

— Послушайте, сударь мой, — он помотал головой, чтобы отогнать дурноту, но от этого стало только хуже, — здесь лишь хижины; жалкие хижины на сваях, чтобы уберечься от змей и ядовитых насекомых, да еще ограды из кольев, с которых скалятся черепа. Считается, они отпугивают злых духов, понимаете?

— Остались легенды, — возразил Ричард Аттертон, — легенды, которые передают шепотом, из уст в уста... О могучем народе, повелевавшем некогда этой землей. Даже дикими зверями, даже насекомыми... Их правители насылали на непокорные племена отряды красных муравьев... Когда та-

кое войско шло по лесу, от него бежали все, даже леопарды. Говорят, эти люди сами могли оборачиваться леопардами.

— Они и сейчас могут. — Отец Игнасио прикрыл воспаленные глаза. — Люди-леопарды, так они говорят. Люди-леопарды, которые приходят по ночам и крадут детей. Крест и молитва, друг мой, крест и молитва. Эта земля населена демонами. Послушайте, сударь, — он оттянул пальцем жесткий воротничок, — у вас есть все. Репутация. Состояние. Молодая жена. Эта земля беспощадна к чужакам. Да что там, она ко всем беспощадна. В конце концов, вы пользуетесь тут моим гостеприимством. И я вправе отказать вам в некоторых... экспериментах.

— В самом деле? — мягко сказал лорд Аттертон, глядя на него холодными серыми глазами. — Жаль. Я думал, дух познания вам не чужд. Ведь чудеса этого мира тоже посвоему славят Бога, не так ли? Кстати, вы мне напомнили одну старую фотографию. Одного человека, про него писали в газетах. Давно. Ну, вы должны помнить, если в то время были в Европе. Врача. Он...

— Я не стану препятствовать вам, — устало сказал отец Игнасио, — но и помогать не стану. Да и чем тут можно помочь? Только, прошу вас, избавьте от этого зрелища женщин.

— Ну, разумеется. — кивнул лорд Аттертон, — разумеется.

* * *

Напитанный влагой полог словно оброс ворсом — прежде чем отец Игнасио успел коснуться полотна, он понял, что оно сплошь покрыто бледными ночными бабочками; насекомые карабкались друг на друга, топорщили крылышки, срывались и вновь ползли вверх. Ему показалось, он слышит тихий, но неумолчный шорох, чуть слышное потрескивание, шуршание хитина о хитин.

— Наверное, дождь загнал их сюда, — сказал лорд Аттертон, — я несколько раз был свидетелем подобного явления. Буквально вся палатка была облеплена ими, буквально вся палатка...

— Простите, — отец Игнасио виновато усмехнулся, — не могу... с детства не люблю насекомых.

Он глотнул, подавляя непроизвольные спазмы.

— В тропиках много насекомых. — Его спутник мягко отдернул полог. Насекомые зашевелились сильнее, пытаясь удержаться на ткани, крылья мелко затрепетали в сыром воздухе. — Вам бы следовало привыкнуть. Попадают очень любопытные экземпляры, знаете... Один мой коллега, сотрудник Британского музея, так он рассказывал...

Он говорит слишком много, подумал отец Игнасио, должно быть, ему не по себе, как бы он ни пытался это скрыть.

Молодой человек сидел на табурете под окном, откуда падал бледный серый свет, и выстругивал ножом ложку. В комнате остро пахло сырой древесиной и карболкой.

Увидев вошедших, он поднял глаза, но так и остался сидеть. Плечи его были обернуты простыней. Должно быть, решил отец Игнасио, Мэри забрала рубашку, чтобы зашить.

— Лорд Аттертон хотел поговорить с вами, друг мой.

— Разумеется. — Он кивнул. Глаза его были прозрачны и безмятежны.

— Это касается затерянного города. Экспедиция забрела сюда в поисках... — Отец Игнасио пожал плечами и отступил, предоставив лорду Аттертону инициативу.

Арчи удивленно приподнял брови.

— В любой конторе на побережье уверены, что здесь, в лесах, полно сокровищ и затерянных городов. Но это просто сказки, которые клерки рассказывают друг другу. Красивые сказки.

— Но вы же куда-то шли!

Молодой человек нахмурился, опустил глаза и стал вертеть в руках ложку. Он пробормотал:

— Я шел не куда, а откуда.

— Понимаю, — настаивал лорд Аттертон, — но...

И смолк. Отец Игнасио в ужасе смотрел, как под простыней, укрывающей плечи и грудь юноши, что-то забилося, точно пойманная птица.

— Город есть, белый человек...

Голос был пронзительный и высокий, и путешественник непроизвольно отшатнулся.

— Много хижин, больших хижин... вы ведь это называете городом? Мертвых хижин! Там, где озеро, и арки над водой, и скалы, и подземные гроты, и громадные каменные люди... Все застыло, все ждет... мертвое. Пустое.

— Да, — кивал лорд Аттертон, — да.

— Ты лжешь, отродье нечистого, — сказал отец Игнасио.

— Хочешь увидеть его, пришелец? Пойдем. Пойдем туда, и я покажу тебе...

— Нет! — Молодой человек встал, стягивая руками простыню на груди. — Нет! Я никуда не пойду. Я еще слаб! Видишь? Видишь?

Он, продолжая одной рукой стягивать у горла простыню, вытянул другую вперед. Рука так и ходила, пальцы тряслись.

Путешественник нерешительно оглянулся на отца Игнасио. Тот молчал.

— Э... — Лорд Аттертон сделал робкий шаг вперед. — Так где?

Молчание.

Юноша вновь опустился на табуретку.

— С ними... с ней... нет, — пробормотал он.

— Пойдемте, друг мой, — вздохнул отец Игнасио. — Ни к чему его больше тревожить.

Молодой человек сидел неподвижно, голова его поникла, казалось, он впал в транс.

Ричард Аттертон топтался у выхода, потом осторожно отодвинул полог — насекомые на нем вновь зашевелились, царапая ткань крохотными лапками. Вокруг стоял удушливый запах гниющих плодов, плесени, сырой земли...

— По крайней мере я теперь знаю, — сказал лорд Аттертон. — Я не ошибся. Город существует.

Несколько белых бабочек, оторвавшись от полога, кружили около его лица.

* * *

Он ворочался на жесткой койке. Постель была сырой, воздух — неподвижным и горячим.

Грех думать так, но лучше бы он согласился уйти с ними, этот несчастный.

Мерзкая тварь их нарочно дразнит! Почему так путается в голове? Это все лихорадка, да еще эта духота... Совершенно нечем дышать...

Нечем дышать?

Его подбросило на койке.

Под потолком лениво вращались белесые клубы дыма.

Он торопливо оделся и выбежал наружу. Часовня пылала, и госпитальный барак — тоже, огненные змейки ползли по бревнам, шипели и рассыпались искрами.

Остальные уже были здесь; они стояли, озираясь. Отец Игнасио сморгнул слезы; три колеблющихся в жарком мареве фигуры...

— Мэри! — крикнул он и закаплялся. — Мэри...

— Она там, — сказала тьма за его спиной.

Старик сидел на корточках под дождем, дождь блестел на его плечах, на коленях...

Госпиталь горел, словно его стены были из соломы. Но ведь дерево так пропиталось водой... Лампа? Кто-то опрокинул лампу? Вспыхнули запасы пальмового масла, которым он заправлял лампы? Спирта, которым он обрабатывал раны?

Из-под крыши вырвался сноп искр, одна из балок переломилась пополам и провалилась внутрь.

— Мэри! — Он воздел кулаки в бессильном отчаянии.

Она бросилась туда, к нему. Спасти? Найти у него зашиту? Умереть вместе с ним?

— Отойдите, святой отец!

Ричард Аттертон решительным движением обмакнул куртку в бочонок с дождевой водой, набросил на голову наподобие накидки и ринулся в пламя.

Белая стройная женщина с развившимися волосами рванулась следом, он удержал ее за локоть.

Она попыталась вырваться с неожиданной силой, потом обмякла и теперь стояла рядом, шепча что-то и кусая костяшки пальцев.

— Он выберется, сударыня. — Томпсон аккуратно сворачивал тук с пожитками, карабин у него за плечами блестел вороненым стволом.

Огненный крест вспыхнул на черном небе над часовней, потом погас.

— Вот они, боже мой, боже мой! — всхлипнула Элейна. Она бежала навстречу, оступаясь и оскальзываясь в грязи.

— Ричард! Господи, я уж подумала...

— Все в порядке, дорогая. — Лорд Аттертон поддерживал молодого человека под руку. — Как вы себя чувствуете, Арчи?

— Я... не беспокойтесь. Я могу идти.

Мэри тоже стояла рядом, жадно хватая ртом воздух; рука Арчи закинута вокруг ее шеи, она, видно, пыталась в дыму дотащить его до выхода, когда на них наткнулся Аттертон. Никто не обратил внимания, когда она отошла и встала, прислонившись к дереву.

Отец Игнасио подошел к девушке и опустил руку ей на плечо. Ее белая косынка была черной.

— Как ты себя чувствуешь, милая?

Она поглядела на него отсутствующим взглядом, потом всхлипнула. На лице ее лежали отсветы пламени. Когда она провела рукой по лицу, стирая пепел, он увидел, что вместе с пеплом с лица ушли брови. Ресницы порыжели и съежились.

— Почему так? — всхлипнула она. — Почему?

— Не знаю. — Он вздохнул. — Возможно, какое-то животное... Возможно, туземцы. Стрелы, обернутые горячей соломой, что-то в этом роде.

И тут же понял — она не об этом. Она из тех, кого не любят, подумал он. Никто. Никогда. Что бы они ни делали, как бы ни старались... Их просто не замечают, а если и замечают,жимают плечами и отворачиваются. Бедняжка... Это не поправишь, это от рождения. Судьба.

— Ты молодец, — сказал он, — ты спасла ему жизнь. Отважная девушка.

Она вновь прерывисто всхлипнула.

Он покачал головой. От миссии почти ничего не осталось. И все же нас не ограбили, подумал он, не убили — бывало и такое. Он крепче сжал плечо девушки.

— Пойдем, моя дорогая, — сказал он, — пойдем, тебе надо умыться.

— Похоже, — сказал Ричард Аттертон, — наши споры разрешились сами собой. Теперь нам ничего не остается, как двигаться вперед.

Они сидели на наскоро постеленном помосте, под навесом собранным навесом из пальмовых листьев. Здесь же громоздились скудные пожитки — все, что удалось спасти в развалинах, где грязь мешалась с пеплом.

— Вперед? — Отец Игнасио покачал головой: — Нет, делайте что хотите, но мы с Мэри возвращаемся.

Он невольно перевел взгляд на обгоревшую часовню, вернее, на то, что от нее осталось, — стена, чернеющая на фоне леса.

— Помилуйте, святой отец! У вас нет ни пищи, ни снаряжения, ни оружия! У меня есть револьвер, с которым я никогда не расстаюсь, а у Томпсона — карабин. Но это мы берем с собой. А если на вас нападет хищник? Зверь или человек? Вы хотите обречь ее, — он кивнул в сторону Мэри, — на гибель? Эту милую девушку?

А ведь он вовсе не считает сестру Мэри милой девушкой, — подумал отец Игнасио, — он считает ее пустым местом. Никем. Но на меня это, конечно, должно подействовать.

— Нам нельзя разделяться, святой отец! Это опасно. Подумайте, вы ведь, — он безжалостно поглядел на отца Игнасио холодными серыми глазами, — старик. Да еще больны лихорадкой, так ведь? Что будет с ней, если вы слегете где-нибудь в лесу — в жару, в бреду? Кстати, а ты как себя чувствуешь, дорогая?

— Все в порядке, Ричард. — Леди Аттертон улыбнулась в ответ бледными губами. — Здесь просто немножко сыро, вот и все.

— Надо развести костер, — сказал Томпсон и встал.

— Я помогу. — Молодой человек, в свою очередь, топорливо поднялся. Он был в рубаше — Мэри зашила ее у ворота грубыми неловкими стежками, — но по-прежнему кутался в побуревшее, в разводах сажи одеяло.

Он встал и направился к пожарищу, где еще дымились и шипели уголья.

— Услужливый молодой человек, — заметил Ричард Аттертон. — Несмотря на... то что прилагается к нему в дополнение, он кажется вполне достойным спутником.

— Он пойдет с нами, — сказал отец Игнасио.

— Нет, друг мой, я просто не могу отпустить вас. Ни его. Ни вас.

— Послушайте, — отец Игнасио наклонился вперед, умоляюще стиснув ладони, — вернемся назад. Помогите нам. Мне, сестре Мэри. Во имя... — Он слотнул и продолжал уже тверже: — Во имя Господа помогите. Кому вы поверили? Демону? Твари? И готовы пойти по ее слову и повести на гибель свою жену? Никакого города нет, иначе я бы слышал о нем.

— Но я уже слышал об этом озере. О нем рассказывал Ловетт. Он добрался до него и вернулся, правда, все думали, что он повредился в уме, он рассказывал такие странные вещи... И знаете, отец Игнасио, это не так уж далеко отсюда. Несколько переходов. Всего несколько переходов. А потом я доставлю вас в город — как хрустальную вазу, со всеми возможными удобствами.

Он лихорадочно потер руки.

— Нас будет шестеро, — сказал он, — шестеро. И мы пойдём медленно и будем помогать друг другу. Разве это не то, что должны делать люди, отец Игнасио?

— В принципе, да, — шепотом сказал священник, — в принципе, да.

* * *

Он рылся на пепелище, пытаясь найти хоть что-то... Но статуя Распятого была деревянной, покров рассыпался в прах, а серебряная чаша оплавилась. В конце концов он нашел требник — сафьяновый переплет сморщился и обгорел по краям, листы по углам изъедены пламенем... Вдобавок он был слипшимся, сырым от дождя.

Старый Мигель сидел поблизости на новенькой циновке — видно, сплел ее только что из травы и листьев. Вода стекала у него по голове и по плечам.

Отец Игнасио подошел и присел рядом на обгоревшую балку. Ноги болели. В спине копошился огненный скорпион.

— Эта тварь все врала, верно ведь, — спросил он, — про город? Никакого города нет?

— Город есть, — сказал старик, — но он не для людей.

— А для кого?

Старик молча пожал плечами.

— Как же быть?

Старик поглядел на него, и отец Игнасио в ужасе увидел, что глаза у него белые с опаловым молочным отливом.

— Завтра за мной придут, — сказал он.

— Кто?

— Те, кому я служу. Я думал, твой бог сильнее. Но он ушел. Хочешь посмотреть на них, глупый раб слабого бога?

— Нет, — сказал отец Игнасио.

— Твоя Мэри все равно умрет. У нее печать смерти на лице.

— Тогда я буду рядом, чтобы причастить ее и отпустить в дальнюю дорогу, — сказал отец Игнасио, — в чудесную дальнюю дорогу, где только свет, и золото, и лазурь...

— Она не пойдет туда. Она пойдет другой дорогой, а там мрак... огонь и мрак...

— Нет! У каждой души есть надежда на спасение, старик! До последнего мига, до последнего дыхания.

— Ты хороший человек, чужак. Ты ее жалеешь. Ты добрый. Но почему дагор пришел сюда?

— Что?

— Что ты такого сотворил, слуга чужого бога, что дагор прошел через болота, через гнилые леса, прошел, чтобы найти тебя?

Старик глядел на него полупрозрачными бельмами.

Отец Игнасио сидел, прижимая к груди пахнущий плесенью тростник, и ладони его были черны от сажи.

* * *

Не так-то просто срезать себе посох в лесу, где все криво, где деревья, переплетаясь, душат друг друга так, что и не разберешь, где чья ветка. Он раздвигал гибкие плети, свисающие с ветвей густой зеленой бахромой, и цветы, которыми они были увенчаны, касались его лица полуоткрытыми влажными ртами, мясистыми губами — алыми, жел-

тыми, розовыми. Мэри шла рядом, опустив глаза, на ко-
сынке грязные разводы, нехитрые пожитки за спиной.
Юноша поддерживал ее под локоть. Идти и впрямь было
трудно, почва напиталась водой, которая проступала при
каждом шаге, башнями и пагодами прорастали причудли-
вые грибы. Бледный мох распадался на легкие хлопья от
прикосновения посоха.

Лучше бы этот Арчи держался подальше от девушки,
но она едва стоит на ногах. Аттертону и так тяжело —
щадя остальных, он нагрузил на себя ббольшую часть по-
житков. Получился весьма внушительный тюк — этот че-
ловек воистину двужильный. У Томпсона груз был мень-
ше, наверное, так и было задумано. Ведь он, рыскавший
по сторонам с карабином наперевес, — единственная их
защита.

Большие кошки, думал отец Игнасио, большие кошки
прыгают сверху, они бьют лапой сюда, в шейные позвон-
ки, — они по-своему милосердны, это быстрая смерть. И кто
разглядит пятнистую шкуру в этой игре теней и света? Или
змею, обвившую ветку?

Он горько усмехнулся — змеи, леопарды! Простые, бес-
хитростные души, божьи твари, выполняющие божью во-
лю. Он, отец Игнасио, вполне готов был, уподобив-
шись святому Франциску, сказать: «Брат мой волк!» И с
каким тихим удовлетворением встретил бы он сестру свою
смерть. Но мог бы он сейчас сказать о человеке «брат
мой»?

Томпсон обернулся и крикнул что-то. Шум бьющей в
листья воды заглушил его слова.

— Что? — переспросил отец Игнасио.

Охотник замедлил шаг и, когда отец Игнасио поравнял-
ся с ним, сказал:

— Дождь скоро закончится.

— Да? — с сомнением переспросила Мэри.

— Попугаи. Я видел попугаев.

Он указал рукой куда-то в чащу, где яркие вспышки
мелькали среди темных деревьев.

— Да, — согласился отец Игнасио, — это хорошо.

И дождь закончился. И вместе с ним окончился лес.

Они видели деревья, сплошь затянутые паутиной, точно полупрозрачным шатром, в котором шевелились смутные черные пятна. Они прошли мимо огромных, выше человеческого роста муравейников. Мимо раздутых, точно изуродованных слоновой болезнью стволов. И наконец они увидели болото, издали казавшееся зеленым лугом, кое-где торчали пучки деревьев.

Ричард Аттертон указал затянутой в перчатку рукой:

— Тропа!

И верно, тут была тропа; вернее, след, словно оставленный гигантским слизняком. Ноги здесь до коленей проваливались в бурюю слизь, но это был единственный путь — по бокам тропы простиралась трясина. Точно пальцы утопленников, тянулись из нее на поверхность белые и синие кувшинки. Над трясинной стоял неумолчный звон москитов, отец Игнасио ударил себя по руке — на тыльной стороне кисти осталось красное пятно.

— Не нравится мне это место, — негромко произнес Томпсон. — Туземцы верят, что в таких местах живет дьявол.

Отец Игнасио поспешно перекрестился.

— Спаси нас Господь, — пробормотал он.

— Черные оставляют ему еду и бусы... Подарки. Тогда он пропускает их, а если ничего не дать — забирает себе. Так они говорят.

— Я не стану дарить подарки нечисти, — сквозь зубы сказал отец Игнасио. — А если кто из вас попробует — прокляну!

— Но тогда, — прошептала сестра Мэри, — мы все погибнем?

— Сестра Мэри! — изумленно воззрился на нее отец Игнасио.

— Я не верю в водяных дьяволов, — сказал Ричард Аттертон. — Полагаю, это какое-то крупное животное.

— Что не лучше. — Томпсон обшаривал водяную гладь яркими синими глазами.

«Ave María, grátia plena, Dóminus tecum. Benedícta tu in muliéribus et benedíctus fructus ventris tui Jesus. Sancta María,

Mater Dei, ora pro nobis peccatōribus nunc et in hora mortis nostrē».

Отец Игнасио шептал почти беззвучно, ноги его утопали в бурой слизи, руки и лицо изъедены москитами, веки вспухли. В глубине болота колыхалось нечто — то ли пузыри газа, всплывающие со дна, то ли обломок дерева... По бокам тропы зеленели островки травы, но когда он попытался ступить на такой, тот просто ушел в воду под ногой. Перед лицом отца Игнасио на миг возникла собственная тень на поверхности воды, окруженная ореолом из лучей.

— Амен, — заключил он громко и отпрянул.

— Что там? — спросила Мэри.

— Ничего. — Отец Игнасио выпростал ногу из спутанных водяных растений. — Ничего.

Тропа начала забираться вверх, кувшинки исчезли, зато вокруг вспыхнули огоньки тигровых лилий. Интересно, кто ее проложил, думал отец Игнасио, и, главное, зачем. Здесь ведь поблизости нет никаких поселений.

Теперь, на возвышении, стало видно — то, что он принимал за синий клочок неба с редкими облаками, оказалось водной гладью, простиравшейся до самого горизонта. Облака на самом деле были островками с купами темных деревьев.

— Вот оно! — Ричард Аттертон стоял, полной грудью вдыхая влажный воздух. — Озеро! Огромное озеро, сердце этой земли!

Берег уходил в обе стороны гигантским полукружием.

— Мы можем устроить здесь стоянку, — предложил Томпсон.

— Нет, — сказал Ричард Аттертон, — нет. Мы пойдем... Где этот город, Арчи? Где скалы? В какой стороне?

Арчи вздрогнул как от удара.

— Не знаю, — проговорил он, — это не я... это он... Я никогда здесь не был. Он знает.

— Тогда пусть скажет. — Аттертон повелительно поглядел на Арчи, даже не на Арчи, на его грудь, трепещущую под грубой тканью.

Молчание.

Аттертон извлек из своего тюка со снаряжением бинокль и оглядел побережье.

— Там! — сказал он наконец.

Отец Игнасио уставился дальнозорким старческим взглядом, но увидел лишь что-то белое, уходящее в синеву озера.

— Скалы, — пояснил Томпсон, которому не нужен был бинокль, — белые скалы. Там наверняка пещеры, вымытые водой, и все такое.

Скалы возвышались над водой и отражались в ней, вода вымыла в них причудливые проемы, ветер вырезал в скалах рельефы, драконы и горгульи проступали и тут же расплывались, теряясь в мешанине выступов и впадин.

— Мы можем бродить по берегу хоть год, — Томпсон пожал плечами, — разве только... эта тварь знает, где это место, верно?

— Если его спросить, — задумчиво проговорил Аттертон, — заставить заговорить. Спросите его, Арчи.

— Он говорит, только когда хочет, — виновато сказал молодой человек. — Очень редко.

— Где? — Аттертон повысил голос, повелительно глядя на скрытую под тканью выпуклость на груди юноши. — Где?

Они замолчали. Ветер свистел в песке, крохотные волны с шорохом набегали на берег, лениво перекатывая пучки гнилой травы.

Аттертон стиснул челюсти так, что под кожей проступили очертания черепа. Взгляд его резал как нож.

— Надо спросить его напрямую, — сказал он тихо. — Напрямую.

Он сделал шаг по направлению к юноше и вновь застыл в задумчивости.

— Не делайте этого, — сказал отец Игнасио.

Аттертон поглядел на него холодным бешеным взглядом.

— Даже не пробуй помешать мне, старик, — сказал он. Раскрытой ладонью он толкнул священника в плечо, и тот с размаху сел на песок, беспомощно ловя воздух ртом.

— Томпсон!

Томпсон с готовностью обернулся.

— Помоги мне отвести его в заросли.

— Нет! — жалобно вскрикнул юноша, — нет! Не надо!

— Ричард, — тревожно сказала леди Аттертон.

— Не вмешивайся, дорогая. — Ричард Аттертон сурово покачал головой. — Сейчас не вмешивайся.

Он неуклонно подталкивал молодого человека к зеленому частоколу ветвей. Тот, обернувшись, крикнул:

— Нет, Элейна! Не ходи сюда! Не смотри.

Томпсон следовал за ним с карабином наперевес.

* * *

— Боже мой, — шептала леди Аттертон, закрыв лицо руками, — боже мой!

Из зарослей донесся пронзительный, режущий, нечеловеческий визг.

— Что они там делают?

— Отец Игнасио! — Мэри вцепилась ему в рукав, и он, крихтя, поднялся. — Отец Игнасио, умоляю вас! Во имя Господа! Прекратите это. Не давайте им...

— Испытывать этого демона?

— Но они не испытывают демона. Они мучат человека. Отец Игнасио...

«Двое сильных мужчин, — думал отец Игнасио, направляясь к зарослям, — а я уже старик. И потом... разве эта тварь не заслужила?»

Томпсон держал молодого человека за руки, прижимая его к стволу гигантского дерева, а Ричард Аттертон стоял, наклонившись над ним; отцу Игнасио была видна лишь его согнутая спина.

Он кашлянул, и Аттертон обернулся.

— Идите отсюда, святой отец, — сказал он, дернув головой, ибо руки у него были заняты, — это зрелище не для вас.

— Я видел и не такое, — сказал отец Игнасио. — Но это не важно. Прекратите мучить человека.

— Но мы не трогаем человека.

— Все, что чувствует дагор, чувствует и человек.

— Откуда вы знаете? Вы тоже этим занимались?

— Отец Игнасио! — слабо позвал юноша.

— Я не пытал дагора. Я хотел его уничтожить. Хватит, Аттертон. А то я подумаю...

— Да? — холодно спросил тот.

— Что вами движут... личные чувства.

— Что за чушь? — В голосе Аттертона слышалось возмущение. Слишком явное.

— Элейна, — сказал священник. — Я не слепой. И еще. Что скажет ваша жена, если узнает, отчего на *самом деле* сгорела миссия?

— Что?

— Вы подожгли миссию, Аттертон. Чтобы не оставить нам возможности выбора. Там сгорело все, буквально все, а на вашем снаряжении нет даже следов сажи. Вы вынесли его заранее.

— Это правда, Аттертон? — с интересом спросил Томпсон.

— Нет, конечно, — холодно ответил Аттертон. — Старик свихнулся.

Тем не менее он выпрямился и раздраженно отер руки пучком листьев.

Отец Игнасио негромко сказал:

— Вставай, Арчи. Томпсон, отпустите его.

Тот вопросительно взглянул на Аттертона, который резко кивнул в ответ. Арчи поднялся, стягивая на груди одеяло, на котором сейчас проступали бурые пятна.

Сестра Мэри бросилась к нему, кинув через плечо презрительный взгляд на вторую женщину, которая стояла, стиснув тонкие пальцы.

— Арчи! Они тебя... тебе очень больно?

— Мне — нет. — Молодой человек покачал головой. — Все в порядке, Мэри. И, странная вещь, да... Вон там. Идемте, я покажу вам.

* * *

— Город, — шептал молодой человек, — дивный город! Значит, он и вправду существует.

— Это? — Ричард Аттертон хватал воздух ртом. — Этих скал никогда не касалась рука человека. Ветер и вода, вот и все! Здесь нет ничего, кроме ветра и воды.

— Но я же вижу! Боже мой, арки и величественные колонны, и радуга на водной завесе... И храм, дивный храм, стрельчатая арка и сияние изнутри...

Он говорил, точно в бреду.

Аттертон, потеряв самообладание, схватил юношу за плечи и встряхнул. Одеяло на миг сползло с плеч Арчи, и тот судорожно стал натягивать его обратно. Больше, казалось, его ничто не интересовало.

— Это дагор, — сказал отец Игнасио.

— Что? — Ричард Аттертон растерянно обернулся к нему.

— Вы спросили дагора, и он показал город. Но только ему одному. Не вам.

Он обернулся к белым скалам, нависшим над озером. На миг отцу Игнасио показалось, что там, в воде, отражение было немного иным... совсем иным: башни, шпили и прекрасные, спокойные лица белокаменных статуй.

— Эта тварь издевается надо мной? — Голос Аттертона звучал прерывисто; гнев сдавил ему горло.

— Аттертон, — предупредил отец Игнасио, — хватит.

Арчи обернулся и поглядел на путешественника в упор. Глаза его были светлые и ясные, как у ребенка.

— Я пойду туда, — сказал он спокойно. — Вы не видите, а я вижу... Что ж, мраморные ступени поднимаются над водой, и свет играет на волнах, свет из храма...

— Друг мой, — устало сказал отец Игнасио, — это иллюзия. Обман.

— Быть может, — возразил молодой человек, — это я вижу истину. А вы — иллюзию.

Он медленно побрел к воде и погрузился в озеро по пояс. Концы одеяла плыли за ним, распластавшись по воде.

— Там, в озере, наверняка кто-то прячется, — жалобно сказала Мэри, — кто-то страшный.

— Не думаю, что хоть одно чудовище осмелится напасть на человека с дагором, — покачал головой отец Игнасио.

Аттертон следил, напрягшись, вытянув шею, на которой проступили жилы. Леди Аттертон стояла рядом, закусив губу, не глядя на мужа. Одержимы, подумал отец Игнасио, все они одержимы...

Молодой человек дошел до белых скал и, оказавшись напротив черневшей в камне трещины, начал поднимать-

ся, словно под водой и впрямь скрывались пологие ступени.

Это и есть ворота в его дивный храм? Эта трещина? По крайней мере он идет туда так, словно...

Золото, и лазурь, и радуга витража на беломраморных плитах, и высокие голоса на хорах, и...

Он затряс головой, отгоняя наваждение, и, сморгнув, увидел исчезающую в черном разломе бледную фигуру.

— Спаси его Господь, — мелко крестясь, шептала сестра Мэри, — спаси его Господь...

Там, в пещерах, должно быть, все источено водой, провалы, бездонные пропасти...

И если эти пропасти поглотят юного Арчи с его страшной ношей, это еще не худший выход...

Он сел на песок — ладонь тут же начали обгрызать песчаные блохи. Перед глазами яблоками пульсировали пурпурные круги.

— Похоже, — заметил Томпсон, — ждать придется долго.

— Нет! Нет. — Сестра Мэри вытянула бледную руку. — Вот он!

Бледная фигура вновь возникла на фоне черной трещины. Юноша неторопливо вошел в воду, спускаясь по невидимым ступеням... Одной рукой он стягивал одеяло на груди, в другой что-то держал...

Подойдя к берегу и стоя по колено в воде, он протянул нечто Элейне, но Аттертон выбросил вперед длинную руку.

— Господь всемогущий, — пробормотал он, разглядывая добычу, — это же...

Через его плечо отец Игнасио видел статуэтку, выточенную из цельного зеленого камня; лучи заходящего солнца пронзали ее насквозь, бросая на песок чистые травяные тона.

— Изумруд, — сказал Томпсон.

— Необязательно. — Аттертон так и сяк поворачивал статуэтку в руке. — Хризопраз. Или хризоберилл. Я встречал такие, но из терракоты. Видите, какая у нее голова?

— Жабы, — сказал отец Игнасио, — или змеи. Как бы то ни было, это не человек. Это дьяволица. Мерзость. Где ты ее нашел, Арчи?

— Там. — Молодой человек махнул рукой в направлении скал. — Там есть что-то вроде алтаря. Зал с колоннами, и вверху ряд отверстий, сквозь которые проникает свет. На стенах рисунки. И в перекрестье лучей на каменном троне сидит такая, но огромная. Эту она держала на коленях.

— Сао, — прошептал Аттертон, — мы нашли затерянный город сао! Легендарный, могучий народ, гиганты, прибывшие неизвестно откуда. Это, да, это их статуэтка. То, что попадалось до сих пор, — жалкие копии, подражание, подделка.

— Их статуэтка, да? — Томпсон покачал головой. — В таком случае они не были людьми.

— Вовсе нет, — возразил Аттертон, — это зверомаска. Ритуальная. В такие обряжались танцовщики. Господи, кто бы мог подумать, кто бы мог предвидеть... город сао... Его искали на юге, а он здесь, в сердце континента...

Зверомаска, умал отец Игнасио, о нет, вряд ли. Ведь что бы ни говорили о черных, они буквалисты. Они педанты. Они воспроизводят только то, что видят. Вот тело, вот голова. Уплощенная голова с выпирающими глазными яблоками и вертикальными прорезями зрачков. Вот ноздри короткого носа. Вот плоский жабий рот. Вот высокая шея. И никаких границ меж головой и прекрасным юным гладким женским телом... «Есть легенды, которые передают шепотом, из уст в уста... О могучем народе, повелевавшем этой землей, — вспомнил он. — Говорят, даже дикие звери подчинялись ему, даже насекомые...»

Они повелевали нелюдьми и сами были нелюди, и бедные жалкие дикари покорялись, им и трепегали перед ними, и подражали им... и вот они-то надевали маски, чтобы походить на своих хозяев, и делали из глины статуэтки, которые те вырезали из цельных камней... И передавали из уст в уста страшные легенды о великом городе, о власти, о холодном нечеловеческом разуме, чье ядовитое дыхание отравило целый континент.

Аттертон дурак, одержимый глупец, он не видит дальше своего носа, ему уже мерещатся витрина в Британском музее и табличка со своим именем, тогда как демоны этой земли уже простерли над ним свои крыла.

— Там еще что-то есть? — спросил Ричард Аттертон, ноздри его нервно раздувались. — Что-то такое, что можно...

— Поглядите сами. — Молодой человек пожал плечами. — Там были еще двери... и коридоры... Я взял только то, что лежало на виду.

— Факел! — сказал Ричард Аттертон, обращаясь к Томпсону.

— Зачем? — удивился юноша. — Там же светло. Ряд окон наверху устроен так, что солнце проникает сквозь них.

— Но скоро стемнеет. — Лорд Аттертон озабоченно кинул взгляд на пылающий диск, который погружался в воды озера, а огненная дорожка вспухала ему навстречу. — Остановимся лагерем здесь. Надо разжечь костер. Займитесь этим, Томпсон. А я пока... да, только взгляну.

Он решительно вошел в воду, и жидкое золото расплескалось вокруг его сапог. Его жена не взглянула в его сторону. Она сидела на камне, опустив глаза и сцепив пальцы тонких рук...

Вход в расселину чернел, как обгорелая прореха на светлой ткани.

Теперь фигура Аттертона была видна по пояс — черная подпрыгивающая коряга на поверхности цвета смятого сусального золота. Он шел, раздвигая воду руками, словно она и впрямь была плотной.

Предположим, отрешенно подумал отец Игнасио, в этом озере и впрямь живет какое-то чудовище... Рыба ведь хорошо клюет именно на закате. А он — без дагора.

Но черная фигура, барахтаясь в алом расплаве, уже добралась до скалы. Теперь она карабкалась вверх, но так, словно невидимые ступени, по которым прежде поднимался Арчи, были из сахара и растворились в воде. Человек у скалы оскальзывался, хватался за выступы камня и расплескивал воду руками.

Это все закат, подумал отец Игнасио, на закате все выглядит таким... безнадежным...

Человек в воде наконец вскарабкался на выступ скалы и протиснулся в чернеющую трещину. Отец Игнасио ждал, зажав четки в опухшей, изъеденной москитами руке.

Человек появился вновь. Он растерянно озибался и не столько вошел, сколько спрыгнул в воду, подняв фонтаны брызг. Рассекая руками воду, он шел к ним, и за его спиной смыкались две маленькие волны.

Он выбрался на песок и двинулся к Арчи. Вода, которую он не озаботился вылить из сапог, хлюпала и выплескивалась при каждом шаге.

Юноша, сидевший на песке, вскочил.

— Ты! — процедил Ричард Аттертон. — Ты, мерзкий лжец! Откуда ты взял эту статуэтку? Признавайся! Нашел где-то по дороге? Купил? Выменял? А потом притворился, что взял ее оттуда, да?

— Но я видел, — возражал юноша, отступая по мере того, как Аттертон наседавал на него, — я сам видел. Рисунки на стенах. Золотые лотосы. И такие странные фигуры. Они будто дышат, живут. И эта статуя — огромная, вся из цельного камня. Солнце играет на ней, в ней!

— Там ничего нет, сэр Ричард? — поинтересовался отец Игнасио спокойно.

— Нет! — фыркнул Аттертон. — Глухая стена. Камни, скользкие камни, вот и все. Этот хитрый мерзавец всех надул!

— Но я видел!

— Он и правда видел, сэр Ричард, — сказал отец Игнасио. — Вернее, видел его демон.

— Верно. Он прошел туда потому, что к нему приросла эта тварь, — негромко сказал Томпсон. — Вот почему.

— Так есть там город или нет? — упорствовал Аттертон.

— Город есть, — сказал вдруг Арчи, и странная усмешка искривила его рот, — город есть. Но он для тех, кто с да-гором.

Отец Игнасио глубоко вдохнул и попробовал овладеть собой.

— Сэр Ричард, — сказал он как можно более убедительно, — это место не для нас. Лучше бы убраться отсюда. И поскорее.

— Хочешь проверить? — напирал Арчи. — Что ж, давай! Утром я пойду туда, куда ты не смог пройти. Куда вы ни-

когда не сможете пройти. И увижу то, что вам никогда не увидеть, жалкий, самодовольный, слепой червяк, крохотный белый человечек со своими белыми слизистыми глазами...

— Ах ты!

— Хватит. — Отец Игнасио встал между ними. — Ради всего святого, хватит.

— Верно. — Аттертон, казалось, овладел собой. — Прости меня, дорогая. Я... немного увлекся.

Его жена безразлично покачала головой. Она сидела на песке, завернувшись в плащ, сжимая его тонкими пальцами на груди, и тем самым странно напоминала Арчи.

— Мы разобьем лагерь здесь. — Аттертон деловито распаковывал тюк с вещами, извлекая котелок, кружки, жестянку со спичками. — А завтра... Завтра решим.

* * *

Древние обитатели этой земли, думал отец Игнасио, они ставили здесь свои города, когда людей еще не было и в помине. Мы думали, они исчезли, но они просто затаились. И действуют исподтишка, потому что не смеют противостоять нам открыто.

— Не делайте этого, — сказал он.

— Что? — Ричард Аттертон не обернулся. Он стоял у кромки воды, спиной к костру, глядя на недостигаемую дверь в невидимый храм.

— Вы знаете, о чем я.

— Там, — сказал Аттертон, указывая рукой на смутно светящиеся в темноте белые скалы, — то, что я искал всю жизнь. Оно здесь, рядом, в нескольких шагах. И по-прежнему недостижимо. Неужели вы думаете, что меня можно остановить?

— Человек, принявший в себя дагора, — сказал отец Игнасио, — больше не человек.

— Арчи слаб, в этом все дело. Он всегда был таким. А я сумею совладать с этой тварью.

— Нет, — сказал отец Игнасио.

— Вы не понимаете, святой отец... Это как...

— Наваждение, — подсказал отец Игнасио, — одержимость.

Аттертон не ответил.

Отец Игнасио повернулся и пошел к костру по холодному песку. За его спиной шипели, набегая на берег, крохотные волны.

* * *

Томпсон проснулся, стоило лишь дотронуться до его плеча. Он всегда так чутко спит?

Он молча открыл глаза. Отец Игнасио прижал палец к губам и попятился.

Лишь отойдя подальше, отец Игнасио оглянулся: люди спали, закутавшись в одеяла, каждый сам по себе... Он присел на песок, и Томпсон сел рядом с ним.

Томпсон молчал. Волны все набегали и набегали на берег, и теперь было видно, что они чуть заметно светятся. Вдалеке черной глухой стеной высился лес.

Отец Игнасио кашлянул, пошевелился и лишь потом негромко проговорил:

— Вам по душе то, что тут происходит, Томпсон?

Охотник повернул голову и внимательно поглядел на него. Глаза его сейчас казались черными.

— Положим, нет, — наконец проговорил он, — что с того? Уж такая у меня работа. Я всякого навидался. Мало что меня способно напугать в этом мире, святой отец.

— А в том?

Охотник промолчал. Какое-то время он сидел, тыча в песок щепочкой, потом сказал:

— Верно. Паршивое место. Черное колдовство, все такое. Не для белого человека. Мы к такому непривычны, вот в чем дело. Какой-нибудь их нгомбо, из самых сильных, может, и одолел бы его, но скорее всего он просто посоветовал бы убираться отсюда — и чем быстрее, тем лучше. И сам смылся первым.

— Томпсон, — сказал отец Игнасио, — пока Аттертону кажется, что он может добраться до города, он не уйдет.

— Похоже на то. Он свихнулся на этом городе, вот что я вам скажу.

— Да, потому что у него остается надежда, пока...

Он запнулся.

— Да? — услужливо подсказал Томпсон.

— Пока жив этот юноша. Арчи.

Вот все и сказано. Отец Игнасио чувствовал облегчение и звенящую пустоту.

Томпсон вновь надолго замолк. Потом сказал:

— Вот, значит, к чему вы клоните. Значит, я должен прикончить его, так? Почему я?

— Я старик.

— Чтобы выстрелить в человека, не нужно быть молодым и сильным.

— Карабин у вас.

— Нет, постойте! Если бы вы решились прикончить парня, вы бы просто взяли у меня карабин, не спрашивая, и сделали свое дело. А вы будите меня, заводите тут разговор.

— Я...

— Теперь дайте мне сказать. Хотите остаться чистеньким? Не губить свою бессмертную душу? Хотите, чтобы я сделал за вас черную работу? Убил человека?

— Он не человек, — сказал отец Игнасио, — больше — нет.

— Можете это доказать?

— Каких доказательств вы требуете? Он сросся с этой тварью. С этим демоном. Понимаете?

— Нет. Пока что малый не сделал ничего плохого. Ни вам, никому другому. Ни мне. Хотите его убить? Валяйте. Дело ваше. Но не впутывайте в это меня.

— По крайней мере не мешайте мне. — Отец Игнасио медленно поднялся. В голове гудело. Видно, вновь будет приступ, подумал он.

— Не могу вам этого обещать. — Томпсон оскалился. — Он по крайней мере не сумасшедший. Если кто здесь и сумасшедший, то не он. Аттертон — вот кто полный псих. Почему бы вам не пристрелить Аттертона, святой отец?

— Изыди, — сказал отец Игнасио и побрел к погасшему костру, слыша, как в спину ему смеется Томпсон.

* * *

Элейна плакала, прижимая к губам тонкую руку. Отец Игнасио видел, как трясутся ее плечи.

Что-то творилось там, за белыми скалами, — точно пущенный по воде плоский камень, странно отчетливо отражаясь от поверхности, до них доносились звуки — тонкий, режущий уши визг, странное липкое чавканье. Потом все стихло. Мэри, ухватив его за рукав, выглядывала из-за спины, ее расширенные глаза, казалось, вбирают в себя блестящую гладь озера.

— Вот он, отец Игнасио, — прошептала она, обдав его ухо горячим дыханием, — вот он...

Солнце отражалось от поверхности воды — сотни и сотни жидких зеркал, и оттого отец Игнасио никак не мог разглядеть, кто идет им навстречу. Лишь когда черная точка превратилась в человека и человек стал выбираться на берег, он узнал Арчи.

Без привычного одеяла на плечах, мокрая рубаша липнет к плоской юношеской груди.

— Элейна! — крикнул он радостно, и его голос звенел в столбе ослепительных радужных брызг. — Элейна!

И остановился, словно наткнувшись на ее слепой взгляд.

— Элейна? — неуверенно произнес он.

— Ненавижу тебя! — Она всхлипнула, отвернулась и бросилась прочь.

Радостная улыбка исчезла с лица юноши, он словно выцвел и сторбился. Мэри нерешительно подошла к нему, заглядывая в глаза, но он словно ее не заметил. Зато, уставившись на неподвижно стоящего рядом отца Игнасио, жалобно спросил:

— Почему так? Он же сам хотел. Я что, не должен был соглашаться? Освободиться?

— Отдав своего демона другому человеку?

— Но он же сам хотел, — механически повторил Арчи. — Он теперь там, куда так мечтал попасть. В затерянном городе. В древнем храме. Послушайте, отец Игнасио, я не хотел этого говорить, раз уж он не мог увидеть своими глазами, но там и впрямь нечто удивительное. Нечто потрясающее. Я видел.

Видел? Он видел то, чего хотел дагор, и Аттертон сейчас увидит то, что покажет ему дагор. И как проверишь,

кто прав, если человеку без дагора путь туда заказан? Странно, однако, что дагор так легко отпустил его. Или ему все равно, на ком сидеть?

— Что он там делает? — спросил отец Игнасио?

— Исследует город, конечно, — сказал юноша. — У него блокнот, и он делает зарисовки и копирует надписи на стенах, и еще... отец Игнасио, я вас умоляю, поговорите с Элейной. Она сердится на меня...

— Это пройдет, — сказал отец Игнасио, — насколько я знаю молодых женщин, это пройдет. Идите, Арчи, помогите Топмисону. Он там, кажется, собрался ловить рыбу...

* * *

Аттертон вернулся, когда начало темнеть и озеро вновь замерцало расплавленным густым золотом. Куртка его была плотно застегнута на груди, полевая сумка тяжело колотила по бедру.

— Элейна! — в свою очередь крикнул он торжествующе. Потом, оглядев пустой берег, сокрушенно сказал: — Она даже не вышла меня встретить.

— Ее можно понять, — сухо сказал отец Игнасио.

— Никто не вышел. — Радость покидала лицо Аттертона, лицо его словно выцветало и темнело по мере того, как меркло пляшущее на воде алое солнце. — Кроме вас.

— Да, — согласился священник. — Они теперь будут сторониться вас... какое-то время.

Пока не привыкнут, со скрытой иронией подумал он, к Арчи-то они привыкли.

— Как прокаженного? — горько спросил Аттертон.

— Да...

— И Элейна?

— Она тем более, я полагаю.

— Но я... — Он запнулся. Потом продолжил: — Это же и ради нее. Ради нас. Это дело всей моей жизни, а она всегда разделяла со мной все. Она — замечательная женщина.

В его голосе слышались не свойственные ему прежде интонации, вызывающие к сочувствию и пониманию, — у Арчи он уже слышал такие. Странно, подумал он, а вслух спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Неплохо, — удивленно сказал Аттертон. — Вы знаете... я не представлял себе... я думал, это будет... омерзительно, ужасно... но я словно... у меня прибавилось сил. Нет, не могу описать! Но что я, вы только взгляните сюда!

Он сбросил с плеча ремень полевой сумки и опрокинул ее на песок. Блокнот, выпавший из нее, затрепетал листьями, точно белая ночная бабочка.

— Все это я нашел там!

Тончайшие, как лепестки, золотые маски с эмалевыми глазами; геммы с вырезанными на гладкой поверхности неизвестными письменами; спирали из слоновой кости, хрупкие, словно спинки насекомых. Отец Игнасио присел на корточки, осторожно коснулся лазурных крылышек золотой стрекозы с рубиновыми фасеточными глазами.

— И это еще не все... там... — Аттертон задохнулся. — Это не поддается описанию!

— Все, что присуще человеку, поддается описанию человеческим языком, — сказал священник.

— Но это... нечто потрясающее, то, что изменит все наши взгляды на... перевернет мир... научный мир, по крайней мере.

— И не будь дагора, — услужливо подсказал священник, — вы бы не сумели увидеть этого.

— Да. Да!

— Вам это не кажется странным?

Лорд Аттертон тоже присел на корточки. В сумерках его лицо неожиданно показалось юным и беззащитным.

— Теперь я думаю, — сказал он, — что именно для этого он и предназначен. Чтобы помочь нам увидеть. Это... послание... весть... прибор. Вроде подозрной трубы или микроскопа — понимаете?

— Отлично понимаю, — сказал отец Игнасио. Он помолчал, потом спросил: — И все же, как вы намерены избавиться от него? И когда?

— Избавиться? — удивился Аттертон. — Но зачем?

Потом, словно спохватившись, сказал:

— Да, конечно. Но я еще не думал над этим. Мне надо... я хотел принести эти вещи, эти сокровища к ногам Элейны. Но я...

— Да?

— Должен вернуться. Понимаете, то, что там, — это нельзя оставить вот так... ждать еще ночь, целую ночь... Я должен...

— Это может быть опасно, — сказал отец Игнасио.

— Что вы! Это совсем... это нечто... благосклонное... прекрасное... Я хочу попытаться...

Он безумен, подумал священник. Что такого он там видел, что свело его с ума? Его надо остановить, не пускать. Но как? Увести его отсюда — силой? И как далеко нам удастся уйти?

— И долго вы намерены там пробыть? — спросил он.

— К утру вернусь, вероятно.

— Возьмите хотя бы факел.

— Зачем? — удивился Аттертон. Он покачал головой, не отводя взгляда от черного провала в скалах. — Там свет. Дивный свет. Больше, чем свет. Он льется наружу, играет на волнах, вон там...

— Аттертон, — сказал отец Игнасио устало, — там ничего нет.

— А это? — спросил Ричард, кивнув на россыпь мерцающих драгоценностей. — Впрочем... возможно, вы правы, а я — нет. И все, что я вижу там, иллюзия. Прекрасная иллюзия. Но если во что-то веришь... чего-то очень желаешь... не становится ли оно реальностью рано или поздно? Интересный вопрос, верно? Обсудим его завтра, святой отец.

Он нетерпеливо махнул рукой и вновь вступил в воду, теперь совсем темную, играющую фосфорическими вспышками.

— Вы забыли сумку, — сказал отец Игнасио, — и блокнот.

— Ах, но мне это больше не нужно, — отмахнулся Аттертон. — И вот это, возьмите это. Это мне тоже не нужно.

— Там могут подстерегать опасности, — напомнил отец Игнасио.

— Нет. Никогда. Нет ничего более мирного. Послушайте, отец Игнасио, я вернусь и расскажу вам все. Завтра...

— Завтра, — эхом откликнулся отец Игнасио, и слово его ушло по темной воде. — Простите меня.

— Но за что?

— Я хотел вам помешать. Но оказался слаб. Не смог. Не смог.

— Я рад, что не смогли, — крикнул над водой Аттертон новым, молодым голосом.

Отец Игнасио спрятал руки в рукава и побрел вдоль кромки воды. За песчаным холмом, в крохотном лагере, белокурая женщина встала ему навстречу.

— Где он? — сказала она сдавленным голосом.

— Ушел. Опять ушел.

— Ночью? Почему?

— Там, в скалах, было нечто, и оно позвало его.

— Он вернется? — тихо спросила она.

— Не знаю...

Она прерывисто вздохнула.

— Если бы я... если бы встретила его на берегу, он бы остался?

— Я думаю, — сказал отец Игнасио, — он все равно ушел бы. Полагая, что делает это ради вас. В вашу честь, ради грядущей славы... Не казните себя, Элейна. Он и впрямь одержим. И он просил передать вам вот это.

Он бросил сумку Аттертона рядом с костром.

Золото и лазурь, казалось, испускали свой собственный свет.

— Ух ты! — медленно сказал Томпсон.

— Ну, — кивнул отец Игнасио, — можно сказать и так...

— И там такого полно, да?

— Возможно. Не знаю. Это надо спросить у него.

Он кивнул в сторону Арчи, который продолжал неподвижно сидеть на песке, сам по себе, человек без дагора...

— И, как бы то ни было, — заключил он, — нам туда не пройти. Кстати, Томпсон... — Он понизил голос до шепота и поманил охотника рукой. — Когда он возвращается, его видно издалека. Если он будет не один, если с ним будет кто-то еще...

— Да? — с интересом спросил Томпсон.

— Кто-то оттуда... ну, вы понимаете, то...

— Да?

— Просто держите карабин наготове. Не знаю, что там обитает в этих скалах, но к человеку это не имеет ни малейшего отношения.

На горизонте, словно темные облака, вставали дальние горы. В тростниках кричала какая-то птица.

— Черт, мы ничего не нашли, — сказал Томпсон. — Бултыхались там, в этой проклятой воде, ни входа, ничего. Ты ж говорил, там ступени и какая-то дверь...

— Я видел ее тогда, — бесцветно проговорил юноша, — теперь не вижу.

— Значит, правда, что туда можно пройти только с этой тварью. Она вроде ключа. Ничего не выходит, святой отец. — Он обернулся к отцу Игнасио, на руках, на лице все еще блестели капли воды. — Аттертон ушел со своим дагором, а остальным туда путь закрыт.

— Как вы думаете, — Элейна сжимала и разжимала пальцы, — что с ним?

— Ну, если честно, мэм... Он мог сломать ногу. Упасть. Провалиться в какую-нибудь ловушку. Я слышал всякие рассказы про заброшенные храмы. Там всегда ловушки, раз-ве нет? От грабителей могил и все такое...

— Вчера он тоже ходил туда, — заметил отец Игнасио, — и благополучно вернулся. Причем в полной темноте.

— Он же взял факел? — с надеждой спросила она.

— Нет. Он сказал, там свет. Такой свет, что не нужен никакой иной.

— Что это значит?

— Не знаю.

— Зато он знает! — Мэри вскочила и, подобрав юбки, побежала по песку к Арчи, сидевшему поодаль с опущенной головой. — Почему он молчит? Что там было? — Она глядела на юношу с какой-то странной, требовательной яростью. — Что это было?

— Не важно, — сказал юноша тихо. Сейчас, под беспощадным солнечным светом он выглядел выгоревшим, почти бесцветным. — Ведь я все-таки вернулся.

Он поглядел на Элейну, и отец Игнасио увидел, как под его взглядом она краснеет — краска залила даже виски.

— Это из-за тебя я вернулся, Элейна. Я думал о тебе. Не он.

— Замолчи, — нервно сказала она. — Мы подождем... Мы ведь подождем? — Она с надеждой смотрела на Томпсона, на отца Игнасио.

— Конечно подождем, мэм, — вежливо ответил Томпсон, — сколько сможем.

* * *

Молоты грохотали у него в голове, и отец Игнасио поднялся на сухом тростнике, служившем ему ложем. Песчаные блохи лениво разбрелись в разные стороны. Это лихорадка, подумал он, если бы она отпустила... на час... на полчаса... если бы голова стала ясной, я бы сказал им... Убедил бы их уйти — здесь больше нечего ждать, не на что надеяться.

Но женское упорство — вещь почти неодолимая, тем более Мэри неожиданно поддержала Элейну. Он, конечно, вернется, сказала она — будет просто нехорошо взять вот так и уйти, когда, быть может, он взывает о помощи, ранен или просто заблудился во тьме пещер. Но время шло, леди Элейна напрасно сидела на берегу, кусая губы, а он, отец Игнасио, трясся от жары и холода одновременно, и молоты в его голове все грохотали.

В голове? Он неверными шагами направился к костру, где Томпсон деловито паковал заплечный мешок. Он затянул ремни и устался на священника снизу вверх.

— А, вы тоже их слышите? Похоже на барабаны, — сказал он наконец. — Странно только, они идут вроде как из-под воды.

— Как вы думаете, — отец Игнасио покрутил затекшей шеей, — кто это?

— Ну... кто-то же проложил тропу сюда, верно? О местных племенах ходят дурные слухи. И я бы...

— Да?

— Не думаете же вы, что Аттертон еще жив? Пора кончать этот цирк. Впрочем, если они будут медлить, уйду один. Я отработал свое.

Бу-бум... бу-бум...

Невидимые барабаны во тьме выбивали причудливый ритм, от которого можно сойти с ума...

— Сударыня, — выговорил он, морщась от боли и пытаясь разглядеть лицо Элейны в клочковатой тьме. — Послушайте... эти сокровища, их хватит, чтобы организовать спасательную экспедицию... вернуться сюда с солдатами... Но сейчас надо уходить.

Интересно, земля трясется или это ему только кажется из-за лихорадки?

Эта черная Африка с ее мертвечиной, с ее мерзкими болезнями, с ее уродливыми тварями и злобными духами — эта Африка проклята Господом.

* * *

Томпсон шел впереди, насторожив карабин, тогда как остальные, поддерживая друг друга, спешили за ним; сначала по песку и по вывороченным корням прибрежного кустарника, потом — оскальзываясь в подсохшей грязи. Лилии исчезли; болото стянуло бурой коркой, сквозь которую кое-где торчали редкие пучки тростника и осоки. Ярко-синие стрекозы метались над ней, точно стайка обезумевших серафимов. Сухая слизь на тропе блестела, словно спекшееся стекло.

«Бум-м-м», — глухо звучало позади.

По корке подсохшей грязи побежали темные трещины. Мэри взвизгнула:

— Это там, внизу. Они просыпаются.

— Кто?

— Они. Те, кто спит там... спал... Мы разбудили их.

— Черт! — Томпсон водил стволом карабина из стороны в сторону. — Да откуда кто-то лезет. Водяной дьявол! Точно! Мы не подарили ему ничего по дороге сюда, вот он и разозлился.

— Это языческая чушь, — прошипел отец Игнасио, едва ворочая пересохшим языком.

— Нет! — настаивал Томпсон. — Говорю вам, я слышал такие истории. Бросьте же ему что-нибудь, пока он не потопил всех нас...

— Нет!

Плоская поверхность начала вспучиваться, в трещины заливалась мутная зеленая вода.

— Отец Игнасио!

Мэри в ужасе вцепилась в него, и он не мог оттолкнуть ее, чтобы защититься крестным знамением.

— Бросьте! — кричал Томпсон. — Мэм, эти ваши цацки! Отдайте ему...

Вода вновь всосалась в болото с чавкающим звуком.

— Нет! — Элейна Аттертон судорожно прижимала к себе сумку. — Не это! Ричард ради них... Нет!

— Хотя что-нибудь!

Что-то пронеслось в воздухе, сверкая, точно золотая муха, и пулей ушло в липкую грязь, прежде чем отец Игнасио успел сказать хотя бы слово. Опять этот чавкающий звук, поверхность болота вздрогнула и застыла. Разлетевшиеся в испуге стрекозы вновь зависли над острями осоки.

Леди Аттертон обернула к нему бледное лицо.

— Теперь вы проклянете меня, отец Ингасио? — спросила она с нервным смехом.

— Нет, — сказал он угрюмо, — что сделано, то сделано.

— Да, пожалуй. — Она вздохнула. — Помоги мне, Арчи.

Юноша протянул ей руку, помогая перебраться через рывтину... Мэри осторожно, мелкими шагами, тоже двинулась вперед. Томпсон пропустил идущих, все еще настороже, карабин неподвижно лежал в его руках.

— Ну вот, — сказал он отцу Игнасио с короткой усмешкой, — как хорошо все уладилось, верно? Аттертона больше нет, и будь я проклят, если его вообще удастся найти.

— Всегда есть надежда. Элейна надеется.

— Уже нет. Видели, что она кинула туда, этой твари, чем бы та ни была?

Отец Игнасио молча покачал головой.

— Свое обручальное кольцо, — фыркнул Томпсон, — свое обручальное кольцо.

* * *

Деревья, сплошь затянутые паутиной, вновь остались позади. Вот странное дело, думал отец Игнасио, мы не любим пауков, не любим и боимся. За то, что они раскидывают сети, за то, что эти сети — липкие, за то, что мухи, попадая в них, невыносимо зудят и бьются... За то, что они высасывают свои жертвы, оставляя лишь спеленутые сухие шкурки. За

то, что у них восемь ног и полным-полно глаз по всему телу. А ведь они истребляют тех, кто несет нам лишь страдание, — мух, moskitov, ядовитых насекомых. Значит, нам противен именно внешний облик, повадка, *способ* убийства. Выходит, есть древние механизмы любви и ненависти — неуправляемые. И если бы у человечества вдруг появились благодетели, создания, раскрывающие перед нами некие новые, неведомые прежде двери, но чьи привычки и черты, чей *способ* жизни показался бы нам отвратителен... Как знать, не стали бы мы истреблять этих благодетелей, брезговать ими, сторониться их... стыдиться...

Он вздрогнул и прервал свои раздумья, словно в них было нечто неприличное.

— Отец Игнасио, — окликнул его юноша, шедший следом, бледный и напряженный.

Он обернулся:

— Да?

— Я хотел сказать вам... давно собирался... я восхищаюсь вами, отец Игнасио. Нет, правда. Вашим терпением, вашим пониманием. Как, должно быть, прекрасно прожить такую жизнь — в которой нечего стыдиться.

Он что, подумал отец Игнасио, нарочно? Не может быть... Но в глазах Арчи была лишь трогательная доверчивость, открытость — юные, широко распахнутые, искренние глаза.

— А я... я еще не построил свою жизнь, а уже... о стольком сожалею. Это я виноват в том, что Аттертон... Я знал, что он не вернется, не сможет... И я не отказал, когда он просил, и...

— Где он сейчас, Арчи?

— Я не могу рассказать.

— Не хотите?

— Нет, просто не могу. Как можно рассказать о том, чему у нас нет понятий? Это все равно что... рассказывать глухому о симфонии. Что здесь рояль, а здесь вступают скрипки, а контрапункт...

— Бетховен был глухим, — напомнил отец Игнасио. — А вы, когда вышли оттуда, говорили совершенно понятные вещи. Про сидевшую на троне женщину с головой рептилии. Про...

Где же он врет, мучительно гадал он, как узнать? Что-то показал ему дагор, это наверняка, что-то он видел сам... Как отличить одно от другого? Наверняка реальные только принесенные оттуда предметы. Вещи. Изделия. Их можно описать словами, их можно потрогать... Нет смысла гадать, я устал, надо бы устроить привал, пока мы не зашли глубоко в лес, и тогда...

— Томпсон, — раздался удивленный, звонкий голос Элейны, — что вы делаете, Томпсон?

* * *

— Я вовсе не хочу вас убивать. — Охотник стоял, чуть согнув ноги, поводя стволом карабина.

— Вы забрали все снаряжение, — спокойно заметил отец Игнасио, — это и значит убить.

— Выберетесь — такое наше счастье, — сказал Томпсон, — а теперь, — обернулся он к Арчи, — давай-ка сюда сумку. Положи ее вон туда и отойди.

— Не бойтесь, Томпсон? — Отец Игнасио ощущал на плече мелко дрожащую руку Мэри.

— Чего?

— Бога.

— Здесь нет Бога, — мягко возразил Томпсон, — это место не для него. Думаете, ему есть до вас дело? До этого мира, до этого места, провонявшего мертвечиной? Поглядите на себя. Вы все помешанные, каждый по-своему. Все съедены изнутри.

— А вы? Полагаю, будет излишне напоминать, что алчность — это смертный грех.

— Алчность, — Томпсон пожал плечами, — грех, что да, то да. Но человеческий грех. Ладно, Арчи, бросай сумку, а то и правда пристрелю.

— Но это... — жалобно проговорила Элейна, — ради этого Ричард...

Юноша вопросительно поглядел на священника, словно искал у него поддержки.

— Отдайте, Арчи, — сказал отец Игнасио, — он зашел слишком далеко и теперь не отступится. Ему некуда отступать.

Томпсон растянул губы в улыбке.

— Верно. — Он, не выпуская карабина, медленно нагнулся за сумкой. — Я тут дольше вас всех, за исключением вот его. — Он кивнул в сторону отца Игнасио. — Я-то знаю, людские законы здесь не действуют. Потому что тут нет людей. Одни живые мертвецы. Уж такая это земля, она всех перекраивает на свой лад.

Он ухватил сумку за ремень и резко выпрямился. Потом затряс рукой, словно пытался сбросить что-то. И только потом закричал.

От его руки отделилось что-то небольшое и бурое, как червячок, — отделилось, пролетело по воздуху, упало и рухнуло в кусты.

Томпсон упал на колени, отбросив карабин, и, выхватив висящий на поясе нож, полоснул по руке. Алая кровь брызнула вверх фонтаном, заливая листья низко нависшей ветки.

— Что это? — Мэри все еще держалась за локоть отца Игнасио, но теперь ее рука и вовсе ходила ходуном.

— Земляная змейка. Видимо, он ухватился за нее вместе с ремнем сумки.

Надо бы подойти к нему, отрешенно подумал отец Игнасио, я ведь врач. Это моя обязанность. Впрочем, чем тут поможешь? Он либо истечет кровью, либо погибнет от яда, укус земляной змейки смертелен.

Покачивая головой, он извлек из тюка, валявшегося на земле, кусок полотна и подошел к охотнику.

— Протяните руку, Томпсон, — сказал он, — я наложу жгут.

Одновременно ногой он поддел карабин и отшвырнул его в сторону.

Но Томпсон только тряс головой и пытался отползти в сторону. Скорее всего, он видел только смутные силуэты — яд земляной змейки в первую очередь поражает зрение. Нож он по-прежнему держал, выставив перед собой.

— Не подходите ко мне! — Он выталкивал слова из пересохшего горла. — Не дотрагивайтесь до меня, нелюди! Это вы можете — натравить на человека змею! Будьте вы прокляты!

Отец Игнасио полез за пазуху за крестом, но Томпсон завизжал и забился еще сильнее.

— Нет! — вопил он, дергая стремительно чернеющим лицом. — Убери это! убери!

— Но последнее причастие...

Томпсон продолжал вопить и делать неверные движения окровавленными синими руками, точно отталкивая что-то от себя. Ноги его скребли по земле, загребая палые листья.

Потом он затих.

Только тогда священник сумел приблизиться к нему. Он наклонился над лежащим и приподнял веко. Потом перекрестил тело и обернулся к остальным.

— Умер, — сказал он. — Я полагаю, надо все же похоронить его по-христиански. Земля здесь мягкая. Вы справитесь, Арчи?

Молодой человек оторвал напряженный взгляд от лица умершего.

— Да, — сказал он, — да, конечно. Господи, до чего же жутко он выглядит!

— Это земляная змейка, — машинально ответил отец Игнасио. — Когда она кусает, всегда так...

— Да, — молодой человек нервно хихикнул, — до чего своевременно это случилось, верно?

— Не говорите так, — строго сказал отец Игнасио. — Хотя, впрочем... да, конечно. Интересно, можно ли это рассматривать как Божью кару?

Мэри отчаянно плакала. Отец Игнасио неуверенно потрепал ее по плечу:

— Все уже позади.

— Почему он сказал... — всхлипнула она.

— Что?

— Нелюди. Про то, что мы... Отец Игнасио, мне страшно. Он на миг задумался.

— Мне тоже, моя дорогая. Мне тоже.

* * *

«Fidélium Deus ómnium Cónditor et Redémpтор, animábus famulórum famularúmque tuárum remissiónem cunctórum tribue peccatórum: ut indulgéntiam, quam semper optavérunt, piis supplicatió nibus consequéntur...

Per omnia saecula saeculorum».

Сырой холмик, укрытым дерном, шаткий крест...

— Амен, — проговорил он, поднимаясь с коленей.

Влажная ветка скользнула по его лицу — точно женские пальцы, и он вздрогнул от этого прикосновения.

— Отец Игнасио. — Мэри подняла к нему опухшее от слез, все в красных пятнах лицо.

До чего же она все-таки, бедняжка, некрасива, неожиданно для себя подумал он.

— Да, дорогая?

— Я хочу... покаяться.

— Да, дорогая...

Он оглянулся на Арчи и Элейну, они стояли, взявшись за руки, растерянные и неподвижные, точно дети, и сказал:

— Отойдем, дочь моя.

За огромным деревом, к которому он прислонился спиной, она горячо прошептала:

— Это ведь Божья кара его постигла, да? Я тоже виновата. У меня были дурные мысли... плотские...

— Молись, — сказал он сурово.

Она глядела на него сухими отчаянными глазами.

— Как вы думаете, если бы ее здесь не было, он бы... посмотрел в мою сторону?

— Нет, — сказал он. — Ты не ровня ему, Мэри. И ты — невеста Бога.

И нехороша собой вдобавок. Этого он говорить не стал.

— Да. Да. И я хочу вернуться в монастырь.

— Человек слаб, — напомнил священник, — и лишь Господь дает ему силу. Ты права. В мире тебе нет места. Я напишу матери настоятельнице. А сейчас иди с миром, дочь моя.

— Спасибо, отец Игнасио. — Она вытерла слезы и улыбнулась. — Мне сразу стало так легко... Я вела себя как дурочка, да?

— Обстоятельства, — сказал он, — сложились так, что искушение оказалось слишком сильным. И тебе надо быть сильной. Увы, нас ждут трудности. Без Томпсона нам будет нелегко.

— Он был скверным? — спросила она с надеждой.

Так ей легче, подумал он. Томпсон был скверным человеком, и Бог покарал его, все правильно, все на своих местах.

— Худшее возобладало в нем, — сказал он, — полагаю, в других обстоятельствах он вел бы себя достойно до самого конца.

Он тихонько вздохнул. По крайней мере Томпсон был хотя и плохой человек, но человек.

— Выходит, — жалобно спросила она, — каждый человек прячет в себе зло? Даже я? Даже вы?

— Я не святой, — сухо сказал он. — Пойдем, девочка, здесь оставаться нельзя. Надо уйти отсюда до темноты. Запах крови может привлечь хищников.

* * *

Арчи, с карабином через плечо, пробивал путь через заросли. Нож в его руках почему-то казался непомерно тяжелым. «Томпсон, — подумал отец Игнасио, — делал это гораздо ловчее».

Теперь он шел позади всех, позади женщин, оскальзываясь и перебираясь через поросшие разноцветными грибами упавшие стволы.

Над головой смыкались темные листья. Если кто-нибудь, какая-нибудь тварь, прыгнет сверху на голову... У него было ощущение неотступного взгляда, от которого ломило затылок.

Шорох...

Мэри резко остановилась и обернулась к отцу Игнасио. Ее лицо выделялось на фоне сочной зелени, словно бледный древесный гриб.

— Кто-то идет, за нами, не слышите? — Она ухватила его за руку. Пальцы были сильные и горячие.

— Это наверху, — сказал он, — в ветвях...

— Нет! — Она дрожала. — Это обезьяны. Гигантские обезьяны! Я знаю, я слышала, они крадут женщин!

Отец Игнасио обернулся. Листва смыкалась за их спиной, пятна света и тьмы, от которых рябит в глазах, качающиеся тени, ничего...

— Ерунда, — сказал он. — Охотники любят рассказывать всякие ужасы, чтобы набить себе цену. А туземцы этих обезьян не боятся. Их даже увидеть и то трудно.

Огромные стволы деревьев обступали крохотную поляну, а кустарник вокруг был таким густым, что ни одна тварь не проломилась бы сквозь него бесшумно.

— Остановимся здесь. — Он скинул с плеч пожитки. — Скоро стемнеет. А здесь можно разжечь костер. Звери боятся огня.

— А если это люди? — прошептала Мэри.

— Тогда нам не поможет ничто.

Но Мэри продолжала стоять, вздрагивая всем телом и озираясь по сторонам. Она и сама сейчас напоминала испуганное животное.

— Гляди, Мэри, гляди!

Гигантская бабочка кружилась над ладонью Арчи, потом села, складывая и вновь расправляя тусклые надкрылья.

— Она тебе подмигивает.

На нижних крыльях насекомого, ярко-алых, то проступали, то исчезали два ярких синих глаза.

— Ох! — восхищенно произнесла Мэри.

— Это совка, — проговорил отец Игнасио, борясь с подступающей к горлу тошнотой. — Мом, гм... *agrippa gigas*, гигантская совка...

— Она вам не нравится, отец Игнасио? — с удивлением спросила Мэри. — Такая красивая...

— Не люблю насекомых. Даже бабочек. Кстати, туземцы ее тоже не любят. Это из-за вот этих пятнышек на верхних крыльях, похожих на черепа, видите? Считается, это душа мертвеца, она следует за теми, кто принял ее последний вздох...

— Томпсон! — в ужасе воскликнула Мэри.

Бабочка спорхнула с руки молодого человека и двумя ленивыми взмахами крыльев пересекла поляну и, ныряя в пятна света и тени, поплыла прочь...

— Это Томпсон, я знаю... Он идет за нами... это он... Мы его похоронили, а он идет за нами! Зачем, Арчи, зачем?..

— Мэри, это же просто бабочка! Я только хотел тебя порадовать!

Мэри плакала, закрыв лицо руками.

Еще час, думал он, ну полтора, и Арчи его сменит, и можно будет наконец поспать. В голове кто-то бил в медный котел. Бум... бум...

Кровь, это кровь шумит в ушах. Вечный шум, приливы и отливы, повинующиеся толчкам аорты. Систола-диастола, систола-диастола... Предсердие, желудочек... предсердие, желудочек...

Кровь, отравленная лихорадкой.

Она несет свой яд к почкам, печени, легким, к сонной артерии — и дальше, дальше, в мозг, в большие полушария, и серое вещество, пропитанное ядом, уступает власть древним как мир структурам, которые только и ждут, чтобы взять верх, плодить чудовищ, населять ими мир, полный тьмы, шорохов, ночных звуков, первобытной торжествующей слизи.

Глаза.

Повсюду, среди ветвей, мерцающие зеленоватые огоньки.

Ночные бабочки, подумал он, у них большие глаза. Большие глаза у маленьких тварей. Это они скопились повсюду, ползают по шершавым стволам, среди листвы, смотрят на него.

Бедные, глупые женщины, они боятся обезьян. Они боятся, что придут большие обезьяны и уташат в лес, в свои гнезда, чтобы там, в гнездах, творить непотребное. Только маленький женский мозг, изъеденный тщеславием, может измыслить такую чушь. Это мертвецы идут за ними следом, распространяя повсюду гниlostный и влажный запах земли, темные мертвецы с белыми глазами. Надо было убить Мгеле, черного старика, это его рук дело, он пробрался в миссию, посланец чужих, враждебных сил, ненавидящих моего Бога, человекоядных сил, идолов, демонов, гнилых божков гнилой земли, он призвал дагора и вызвал из болот черных мертвецов с белыми глазами.

— Отец Игнасио, отец Игнасио! Очнитесь.

Он, всхлипывая, разомкнул слипшиеся веки.

— Вот почему, — пробормотал он, — вот почему Господь оставил нас. Человек обречен. В каждом из нас, в каждом — смерть, ужас... везде, повсюду...

— Отец Игнасио! — Арчи присел рядом с ним на корточки, заглядывая ему в лицо. — Это лихорадка, это просто лихорадка. Вам надо отдохнуть.

— Да, — согласился он, — я, пожалуй, пойду лягу.

Он двинулся к своему ложу из веток, потом остановился.

— Глаза. Вы не видели глаза?

— Нет, — мягко проговорил юноша, — это все лихорадка.

Отец Игнасио потряс головой, вглядываясь в полумрак.

Систола-диастола. Систола-диастола.

— Что вас разбудило, Арчи? — спросил он.

— Не знаю, — молодой человек пожал плечами, — вы вроде как вскрикнули. Или нет, не потому, это уже потом. Просто стало тревожно.

— Вы правы. — Он поглядел туда, где спали женщины. Нет, не спали. Во всяком случае, одна из них. — Элейны нет.

* * *

— Это я виноват, — сокрушенно твердил Арчи, — я. — Лицо его было залито слезами. — Я должен был не спать всю ночь. А вместо этого я позволил вам, в лихорадке, нести вахту.

— Мы оба виноваты, Арчи.

Отец Игнасио охрип. Остаток ночи они кричали, звали, размахивали факелом, развели огромный костер — вон, листва на ближайших деревьях побурела от жара.

— Элейна, — бормотал Арчи, сжимая и разжимая пальцы, — боже мой, Элейна... Ведь она могла просто отойти, ну, по надобности? Заблудиться.

— Она бы вышла к костру. Его видно издалека.

— Упасть, сломать ногу...

— Она звала бы на помощь. Нет, боюсь, увы, это какой-то крупный хищник. Из тех, что прыгают с дерева, сверху, и убивают одним ударом.

Мы не там ищем. Дупла, расщелины, развилки веток — вот куда надо смотреть. Он представил белую окровавлен-

ную руку, свешивающуюся вниз, мертвое лицо, полускрытое листьями, остановившиеся глаза...

— Это они... — вдруг сказала Мэри, — те, кто шел за нами.

— Обезьяны? — недоверчиво переспросил священник.

— Да! — истерически крикнула Мэри. — Обезьяны! Я их видела. Большие, черные. И у них такие страшные белые глаза. Это они забрали Элейну! Я боюсь, боюсь...

Она расплакалась.

— Ну, полно. — Отец Игнасио обнял ее за плечи. — Тебе померещилось.

— Нет, нет! Они шли за нами все время. Я видела их, видела, видела!

— Почему же раньше не сказала?

— Вы все мне не верите. Даже сейчас. Этот страшный Томпсон, он смеялся надо мной. Все вы смеялись!

— Что ты, Мэри, — мягко сказал юноша, — я никогда не смеялся.

— И ты тоже! — Она всхлипывала, бледное лицо пошло красными пятнами. — Ты тоже! Я хочу домой, отец Игнасио, я хочу обратно в монастырь, мне страшно, я не хочу здесь...

— Э, — сказал священник, — да у нее истерика.

Он, кряхтя, наклонился и извлек из груди пожитков флягу.

— На вот, выпей.

Мэри глотнула и закашлялась. По ее щекам текли слезы.

— Не уйду отсюда. — Арчи покачал головой. Его платье было изодрано, руки и лицо исцарапаны ветками. — Она может быть еще жива, ранена, оглушена...

— Может быть, — устало согласился священник.

Таким мы рисуем себе рай. Буйная зелень, пятна света и тени, игры птиц в ветвях, дочеловеческий, пышный, невинный... На самом деле это ад. Он пожирает сам себя, непрерывное, бесконечное пожирание и возрождение из гнили — словно живая материя распадается на червей и насекомых и собирается вновь, чтобы слепить сидящую меж ветвей пантеру.

Мир, где нет постоянства.

— О чем вы думаете, отец Игнасио? — Молодой человек с беспокойством заглянул ему в лицо.

— О муравьях.

— Что?

— Я думаю о муравьях, — тихо сказал священник, указав взглядом на непрерывный ручеек насекомых, скользящих вниз по стволу. — Они знают, где что лежит.

— Вы хотите сказать... — Молодой человек сглотнул.

— Идем, — отец Игнасио поднялся, борясь с головокружением, — идем...

— Нет, — Мэри тоже вскочила, но лишь для того, чтобы отшатнуться и прижаться спиной к ближайшему стволу, — я не хочу.

— Ничего не поделаешь, девочка. Мы должны держаться вместе. Идем.

Ручеек муравьев стекал со ствола в ближайшие кусты, переливался через вывороченные корни и тек дальше. Спинки поблескивали на солнце.

Они прошли не так уж много.

Живой ручей нырнул в зелень и пропал там, словно вода утекла под землю.

— Нет, — с облегчением сказал Арчи, — это не то...

Отец Игнасио сделал еще шаг, ощупывая посохом землю под ногами. Отбросил пышную зеленую ветку.

Посох ушел ниже.

Отец Игнасио присел на корточки и заглянул.

— Яма, — сказал он, — яма. Старая ловушка, окровавленные колья на дне. Присыпано ветками. Не подходите, Арчи. Полагаю, вам не надо туда смотреть.

* * *

— Муравьи. — Арчи стоял на коленях, разбрасывая ветви. — Боже мой, она вся облеплена муравьями. Элейна! Элейна, о господи.

— Фуражиры, да. Послушайте, Арчи, мы похороним ее, и она будет для них недоступна.

Зато доступна для червей. Тут, в лесу, это происходит быстро. В этой земле все происходит быстро.

Мэри истерически расхохоталась.

— Даже не надо копать могилу, — выговорила она сквозь смех и слезы. — Поглядите, отец Игнасио, она уже в яме! Уже в яме!

Он с размаху ударил ее ладонью по щеке. Она замолчала на полуслове. По щеке расплзалось красное пятно.

Молодой человек уже стоял на дне ямы, держал в ладонях голову женщины, прижимая к себе, баюкая.

Он присел на корточки и вытянул руки ладонями вперед.

— Помогите мне, Арчи.

Юноша осторожно протянул ему свою ногу. Отец Игнасио бережно принял ее, уложил на траву и осмотрел тело. Мертвые глаза прикрыты, лишь меж веками виднеется белая полоска. Белокурый висок покрыт темной спекшейся кровью.

Ночью в темноте она вполне могла оступиться и упасть в яму. А там торчащий кол, а височная кость такая хрупкая...

Он перевесился через край ямы, протянул Арчи руку, помогая выбраться. На засохших кольях гнили черные ошметки, вокруг кружились мухи...

— Какая... — Арчи не сводил глаз с бледного запрокинутого лица, — какая ужасная смерть. Элейна, боже мой, Элейна! Страшная, нелепая случайность.

— Да, — согласился отец Игнасио, — страшная, нелепая случайность.

Над головой равнодушно шумели деревья.

Мэри заплакала.

— Теперь моя очередь, отец Игнасио, я знаю. Оно зовет меня, я слышу, я слышу, я же видела, видела, черное, с белыми глазами. Оно идет за нами. И я знаю, знаю, кто это.

— Кто же? — Он многозначительно поглядел на Арчи.

— Томпсон! — выдохнула она.

— Но мы же его похоронили. — Отец Игнасио вздохнул. — Я сам его хоронил.

— Он выбрался и идет за нами!

— О нет. Он был мертв. Тут нельзя ошибиться.

— Отец Игнасио... — Арчи замялся на миг. — Но ведь они умеют оживлять мертвых. Я знаю, я слышал легенды. Да и вы тоже.

— Черных, да. Язычников. А он белый. Христианин.
 — Но он не принял причастия. Я сам видел.
 — Да, — согласился отец Игнасио, — он не принял причастия. Но зачем, во имя всего святого, зачем мертвецу идти за нами?

Молодой человек сложил руки у рта, крикнул:

— Томпсон!

Тихо.

— Я не верю. — Отец Игнасио торопливо перекрестился. — Это языческие выдумки. Давайте похороним ее похристиански, друг мой, и уйдем отсюда.

— Но...

— Она мертва, говорю вам. Оставьте ее.

— Я только срежу прядь волос.

— Да. Бедное дитя. Укройте ей лицо, Арчи.

* * *

Он глядел, как Арчи, стоя на коленях, осторожно выкладывает могильный холмик ветками, кусками коры, камнями...

— А если она выкопается и пойдет за нами... лицо изъедено муравьями... Как вы думаете, он будет ее любить? — прошептала Мэри ему в ухо.

— Господь с тобой, девочка, что ты говоришь?

Глаза блестят сухим нехорошим блеском, искусанные губы распухли. Бедняжка, похоже, подвинулась умом. А ведь ее так рекомендовала настоятельница. Разумная, рассудительная, крепкая девушка, и верой крепкая, и телом, как раз то, что нужно. Вдобавок нехороша собой, а значит, всю себя отдаст благородному делу... Разумная женщина эта настоятельница. Но она ошиблась. Мэри не для мира. Мэри — для монастыря, где нет соблазнов. Слишком сильна в ней кровь ее матери. Гнилая кровь.

* * *

Днем они наткнулись на мертвого оленя.

Животное, размером чуть больше кролика, лежало во мху, раскинув крохотные копытца. Тушка была еще теплой.

— Отчего он умер? — Арчи нагнулся рядом с отцом Игнасио, который посохом перевернул животное.

— От зубов. — Кончик посоха уперся в порванную шею, где шерстка намочла от крови. — Должно быть, мы спугнули какого-то хищника и он предпочел убежать, бросив добычу. Обычно они втаскивают ее на дерево. Очень кстати, должен сказать. Первый раз нам попало что-то крупнее мыши.

— Да. Вы знаете, я раньше думал, такой лес должен кишеть животными, знаете, как в книжках для мальчиков. А он пустой. Мы даже не смогли никого подстрелить — просто потому, что никого нет. Пустой лес, правда, странно?

Это в книжках для мальчиков пишется о рае на земле. Рая для мальчиков, рая, где можно стрелять и бороться с нестрашными опасностями, взрослеть без драм, без вины, превращаясь в сильных мужчин. А это не рай. Это земля для таких, как он, таких, как мы, земля для потерянных душ, для отверженных, для тех, кто умирает без покаяния.

Он пожал плечами:

— Здесь все боятся. Животные боятся человека, боятся друг друга. Вполне естественно. Вот, глядите.

Он пошевелил тунку посохом.

— У него клыки! — изумленно сказал Арчи.

— Да. Он тоже пожирал чью-то плоть. Надо забрать мясо. Здесь разделять его нельзя, зверь может вернуться.

— Какой зверь?

— Скорее всего, крупная кошка. Обычно они очень осторожны, но голод может пересилить. Если мы отойдем подальше, а там разложим костер... у нас наконец-то будет еда. Положите его на шею, Арчи, так будет удобней.

— Но он весь в крови!

— Ну так оботрите его листьями. Идемте, Арчи, это хороший знак. Быть может, нам все-таки удастся выйти к людям.

— Мы просто обязаны, отец Игнасио, — юноша повернул к нему голову, по губам его проскользнула дрожащая улыбка, — ради... ради нее. Она бы хотела, чтобы люди узнали о ней и об Аттертоне. О затерянном городе.

— Да, — механически повторил священник, — о затерянном городе. Осторожней, Арчи, вы пачкаете воротник кровью.

* * *

— Тебе надо подкрепиться, — сказал он.

Жареный оленек пах восхитительно. На золотистом мясе пузырился и шипел розовый сок.

Мэри лишь помотала головой. Зубы ее были так плотно стиснуты, что казалось, верхняя челюсть срослась с нижней.

— Еще немного, и мы выйдем к людям. Здесь где-то неподалеку должна быть бельгийская миссия.

— Мэри, — сказал молодой человек, нагибаясь к ней, — Мэри. Тебе надо лишь немного потерпеть, но для этого требуются силы.

В руке он держал кусок мяса, насаженный на палочку.

Она оттолкнула его, глядя исподлобья лихорадочно блестящими глазами.

Был закат, и стволы деревьев окрасились алым, пламя костра растворялось в нем, языки огня сновали, словно бледные призраки. Вокруг разливалось золотистое жужжание насекомых.

— Этот лес похож на храм, — сказал молодой человек, — деревья — словно колонны, подпирающие небо, бабочки — словно драгоценные камни на алтаре.

— Но он выстроен не для нас, — отец Игнасио прожевал кусок мяса, — это храм ложных богов. Недаром, когда человек приходит сюда, он строит свои храмы. Разве леопард способен смотреть в небо?

— А разве нет? Кто знает?

Одна из бабочек, крупная, темная, отделилась от стаи и скользнула к ним. Присев на ствол, она раскрыла темные надкрылья, распахнув подкладку, с которой смотрели два ярких синих глаза.

Мэри взвизгнула и вскочила.

— Это он, он! — Она билась в руках отца Игнасио, пытавшегося ее удержать, точно пойманная рыбка. — Он следит за нами, все время следит! Он, Томпсон.

— Но, Мэри, это же просто бабочка... Их здесь много. То была одна, сейчас — другая.

— Нет, нет... — она всхлипывала, мотая головой, — это он, он... Он теперь повелитель мертвецов, всех мертвецов этого леса, всех утонувших в болотах, всех, кто ищет себе пару, чтобы лежать вместе в темной-темной яме...

— Может быть, — Арчи неуверенно покачал головой, — все-таки туземцы? Маленькие люди, знаете, такие маленкие люди, люди леса. Они боятся показываться на глаза, прячутся в кустарниках, в зарослях... Говорят, они ужасно уродливы. У них вздутые животы. Они чернят себе зубы.

— И они утащили Элейну и бросили ее в яму? — усомнился отец Игнасио. — Зачем? Зачем им преследовать нас?

— Она чужая. Она красивая. Она белая. Не знаю.

Мэри словно истощила свои силы этой внезапной вспышкой. Она сидела на земле, закрыв лицо руками и тихонько всхлипывая.

— Мне страшно, — шептала она сквозь прижатые к губам ладони, — мне страшно...

Отец Игнасио вздохнул. Все происходящее казалось каким-то нереальным, смерть Элейны — всего лишь одной из возможностей, морозом...

— Рано или поздно, — выдавил он пересохшим горлом, — лес должен кончиться.

— А там... — Арчи поглядел на него своими прозрачными глазами, — хижины и возделанные поля, и города, Господь свидетель, города, огромные, белые, города у моря, там сотни людей... тысячи... и все улыбаются, и все живут так, словно никакого страшного леса нет и в помине, а есть только их земля, их вода, женщины под кружевными зонтиками, цветы в петлицах...

Мэри отняла ладони от лица. Нервное напряжение очертило ей скулы, сейчас она казалась почти красивой.

— Я теперь ненавижу цветы, — она покачала головой, — ненавижу деревья.

— Ты их полюбишь. Они там безобидные. — Арчи повернулся к священнику. — Отдыхайте, отец Игнасио, — сказал он твердо, — на этот раз я не поддамся слабости. Никакой слабости. Я не допущу, чтобы это повторилось.

Священник неуверенно взглянул на него.

— Мы должны пойти. Должны. Но для этого нам надо беречь силы. Отдыхайте.

Быть стариком, думал отец Игнасио, мерзко, унижительно. И еще эта ужасная изматывающая лихорадка. Мне следовало поступить как тот, черный, — отпустить их, а самому остаться здесь. У него хватило мужества, у меня нет. Как тогда, Господи, как тогда — а я-то думал, это больше не повторится.

Проваливаясь в беспамятство, он слышал тихий шепот, словно шелест листвы над головой складывался в слова, словно кровь, пульсирующая у него в сосудах...

— ...и холодная вода в сифонах, и мороженое, и свежеспеченный хлеб, и всякая другая снедь. Булочки, булочки в корзинах, и яблоки, и пушистые персики, и полосатые занавески, хлопающие на ветру...

* * *

Он вскочил, протирая глаза; сквозь листву просачивались золотистые утренние лучи.

Какой чудесный сон ему снился!

Золотистый, как это солнце.

Все были живы, все было прекрасно. Аттертон рассказывал о сокровищах древнего могущественного народа, Элейна смеялась, белая рука у розовых губ. Какая прекрасная женщина! И, что удивительно, Мэри была счастлива тоже. Все счастливы.

Пробуждение было как прыжок в темную воду.

Он в смятении оглядывался по сторонам, нет, ничего не изменилось, Мэри здесь, сидит у прогоревшего костра, руки охватили плечи, словно ей холодно, в такую-то жару. Арчи с деловитым видом выжимает в миску какое-то мясистое растение.

Он поднял глаза на отца Игнасио и улыбнулся:

— У нас будет вода.

— Я... сколько я проспал?

— Двенадцать часов, так примерно.

— Двенадцать часов!

— Мы не хотели вас будить. Вам надо было отдохнуть.

Незачем волноваться, отец Игнасио, все в порядке, вы же видите.

— В порядке? — Он мотал головой, озираясь. Мэри глядела на него мутными сонными глазами, но она была здесь, на месте, с ней ничего не случилось, слава богу, слава богу. — Да, в порядке. И ничего странного? Ничего опасного?

— Ничего. Ну а теперь, когда вы отдохнули, надо подкрепиться и идти дальше, верно ведь? Еще осталось немного мяса.

— Я не хочу есть. — Отец Игнасио и впрямь чувствовал непривычную легкость, словно он был наполнен воздухом и солнечным светом.

— Зря. — Юноша протянул ему насаженный на палочку бок оленька; хрупкий частокол ребер, обтянутый пленкой мяса.

Отцу Игнасио ничего не оставалось, как принять его. Уже откусив первый кусок, он понял, что сделал ошибку; один лишь вид мяса заставил желудок в изобилии выделять пищеварительный сок. Его замутило.

— Вот, — Арчи протянул ему миску — выпейте.

— Вы уверены, что это безопасно? — Он заглянул: в миске плескалась белесая мутноватая жидкость. — Многие растения здесь содержат алкалоиды.

— Я уже пил такое сегодня утром. И я, и Мэри.

Он глотнул. Горьковатый сок освежал и возвращал чудесное ощущение наполненности солнечным светом и воздухом. Он с облегчением перевел дух и улыбнулся Мэри. Она не ответила ему улыбкой. Сидела все так же, разве что руки теперь были сложены на коленях. Некрасивые руки девушки из народа с широковатыми пальцами лопаточкой.

Какая она... твердая, неожиданно подумалось ему.

И, словно отвечая его мыслям, она сказала чужим споконным голосом:

— Арчи, отойди. Я хочу поговорить с отцом Игнасио.

— Мэри? — Молодой человек неуверенно взглянул на нее. — Быть может, лучше я?

— Нет, я должна. Отойди, Арчи.

— Я буду поблизости, Мэри, — сказал молодой человек, — тебе стоит только позвать.

Он сидел съехившись, наблюдая, как Арчи движется в луче света, полотняная рубашка словно отбрасывает сияние на темные стволы.

— Я не вернусь в монастырь, отец Игнасио, — сказала Мэри.

* * *

— Вы говорили про любовь, отец Игнасио. Вы ввали. Вы не знаете, что это такое. Ваша любовь — ложь. Это от слабости, от бессилия. Как я могла поверить вам, поверить им, этим ужасным женщинам, не знавшим любви. Только теперь, отец Игнасио, только теперь... я...

— Ты хочешь сказать, — отец Игнасио рассматривал свои пальцы, — что ты полюбила этого юношу, и он полюбил тебя, и ты познала настоящую любовь, и теперь хочешь уйти в мир и жить с ним как жена с мужем, так?

— Да, — коротко кивнула Мэри.

Он искоса поглядел на нее. Сильная женщина, дочь трущоб, привыкшая к грубой работе...

— Вчера ночью, — напомнил он, — погибла женщина.

— Это лес, — сказала она, — морок. Здесь легко умереть. Мы выйдем отсюда, и все закончится. Он будет вспоминать о ней... иногда. Пусть.

— Смерть нельзя отменить, — сказал он. — Он любил ее, и она погибла. Кто убил ее, Мэри?

— Что?

Боже мой, какие у нее сильные руки! Какие крепкие, широкие плечи.

— Ну, — сказал он медленно, — выглядело все так, будто она упала сама. То есть, поскольку даже леди иногда приходится отлучаться по надобности, а ловушка замаскирована ветками... Но у нее были синяки на шее. Следы чьих-то пальцев. Кто-то швырнул ее туда, Мэри. Со злобой, с силой. Кто?

Она больше не сидела неподвижная, уверенная в себе. Она вскочила. Крепкая, коренастая женщина, способная вытаскивать человека из горящего госпитального барака.

— Вы думаете — я? Нет!

— В самом деле? — кротко спросил он. — Багровые следы, а шея у нее такая белая. А я бредил в лихорадке, а

Арчи спал, так, Мэри? Он не видел, как ты поднялась и пошла за ней.

— Нет! Нет! — Она выталкивала слова сквозь стиснутые зубы. — Я спала! Я ничего не слышала! Это они, они!

— Ну да, — он отвел глаза, потому что смотреть на нее было невыносимо, — маленькие люди, да? Или большие люди с белыми глазами? Покойники с болот? Обезьяны? — Каждый раз он тихо качал головой, словно опровергая собственные слова. — Я не верю в них, Мэри. Злу вовсе не надо принимать чье-то обличье, чтобы ударить исподтишка.

Теперь она дрожала всем телом. Оленек, подумал он, маленькое, хрупкое создание, разве что из пасти торчат клыки, как у хищного зверя. Интересно, чем питаются эти оленьки? Мышами? Водяными крысами? Кем-то еще более беззащитным, более слабым, кем-то, у кого нет клыков или есть, но совсем маленькие.

— Я видела их, видела, отец Игнасио, клянусь, они шли за нами, идут за нами, черные, страшные, это они, они!

— Никто не видел их, кроме тебя, Мэри. Только ты.

— Богом клянусь!

— Не клянись Богом, Мэри. — Он поднялся на ноги. Она была немногим ниже его; он что же, умалился за время странствий по лесу? — А теперь слушай. Ты пойдешь со мной. Вернешься в монастырь. Я напишу письмо настоятельнице. И это все, что я могу для тебя сделать.

— Но я...

— А теперь иди. Позови Арчи. И замкни свои уста, слышишь? Ты просто скажи ему: пора собираться.

Она побежала к деревьям на краю поляны, оглядываясь через плечо. Он покачал головой и, наклонившись, стал разбирать скудные пожитки.

* * *

— Мы скоро выйдем из леса, — сказал молодой человек, — я чувствую.

— Надеюсь. — Отец Игнасио покачал головой. Особых изменений он не видел, впрочем... — Вон там, да.

— Заросшая вырубка. Какое... какое облегчение, отец Игнасио, этот кошмар позади, и мы... — Голос его упал до

шепота. — Отец, что вы сказали Мэри? Она больше не хочет со мной говорить. И мне не нравится, как она смотрит.

— Я сказал ей, что она вернется со мной в монастырь, — сухо сказал отец Игнасио. — И прощу вас больше не говорить об этом. Ни с ней. Ни со мной.

— Но я только...

— Я не желаю это обсуждать, Арчи.

— Но я обязан. Она...

Он обернулся к Мэри, и на его лице, точно в зеркале, отразился чужой ужас.

Мэри открыла рот. Она пыталась крикнуть, но изо рта ее вырывались только бессмысленные кудахчущие звуки; дрожащей рукой она указывала куда-то вперед, туда, где за вырубкой, поросшей желтыми цветами, раскачивались ветви.

— Мэри! — Молодой человек повернулся к ней, схватил за плечи. — Мэри!

Она молчала, оседая в его руках, точно фигурка из воска, зрачки ушли под лоб, видны были лишь закатившиеся белые глаза.

— Мэри, что там? Что ты увидела?

Она тоненько взвизгнула и осела. Отец Игнасио с ужасом увидел, как на юбке ее расплывается мокрое пятно.

— Мэри!

Арчи положил ее, ставшую неожиданно тяжелой, на землю и снял с плеча карабин. Отец Игнасио следил за вороненым стволом — право-лево, право-лево.

Систола-диастола, систола-диастола.

— Вы слышали что-нибудь? — спросил он Арчи шепотом.

Тот покачал головой:

— Ничего. Только бабочки.

— Бабочки...

Он всматривался в переплетение ветвей, пятна, пятна... некоторые двигаются, некоторые нет... мессмерическое движение пятен, от которого кружится голова. Теплый хаос, из которого прорастает безумие.

— Нет. Ничего. Что ты видела, Мэри? Мэри! Что с ней, отец Игнасио, что с ней?

— Она мертва, — медленно сказал отец Игнасио, склонившись над девушкой.

— Мертва? Но как же? Почему?

Отец Игнасио поднял голову и поглядел в лицо молодому человеку выпцетшими глазами в ободках воспаленных век.

— От страха, я полагаю, — сказал он.

* * *

Арчи опустил на корточки и протянул было дрожащие пальцы к бледному лицу, но отец Игнасио оттолкнул его с такой яростью, словно прикосновение этих пальцев несло с собой опасность. Они так и сидели рядом, молча, а солнце все ползло по небу, невидимое сквозь кроны, и лишь свет вокруг менялся с золотистого на розовый, а потом на багряный.

Отец Игнасио поймал себя на том, что гладит высохшей, узловатой рукой лежащую у него на коленях растрепанную голову.

— Бедная, — сказал он тихо, — бедная девочка.

Арчи пошевелился. Заходящее солнце било ему в спину, и светлые волосы, казалось, были обведены огненным ореолом.

— Кого она увидела, как вы думаете? — жалобно спросил он.

— Себя, — сказал отец Игнасио, — тебя. Нас.

— Вы хотите сказать, за нами никто не шел? Никто нас не преследовал?

— Никто. Только мы. Только мы сами.

Он помолчал.

— Дагор, — сказал он наконец, — демон, которого боятся туземцы. Та тварь, которая росла у вас на груди. Кстати, Арчи, вы опять наглухо застегиваете куртку. Почему?

— Отец Игнасио, не думаете же вы...

— Всего лишь придаток. Почка. Ее можно убрать, и она отрастет вновь.

— Я человек, отец Игнасио, — спокойно сказал юноша, — такой же, как вы.

— Такой же, как я? Нет. Вы и есть дагор, Арчи. То самое чудовище, которое сопровождало нас всю дорогу. Зачем вы пришли в миссию, Арчи? Не будь вас, мы были бы чисты. Лечили бы туземцев, несли им слово Божье. А вы кинули нас в топку адских страстей, вы играли на струнах похоти, алчности, гордыни... Вы к каждому подбирали свой ключ. Вы истребляли нас по одному.

— Томпсона укусила змея, — напомнил Арчи.

— Ну да. Вы властны даже над малыми тварями лесными. И еще — кто на самом деле убил Элейну, Арчи? Мэри? Или все-таки вы?

— Я любил ее, — тихо сказал юноша.

— И Мэри тоже? — горько спросил священник. — Вам стоило лишь поманить ее пальцем, и она пошла с вами. Что такого вы показали Аттертону, что заставило его бросить все, бросить молодую жену, славу, доброе имя и уйти навсегда. Откуда у вас такая власть? Дьявольская власть.

— Я дал ему счастье, — сказал Арчи мягко, — я открыл перед ним двери.

— Эти двери ведут в преисподнюю, — сказал священник. — Четыре человека, Арчи, четверо отданных на растерзание демону, умерших без покаяния. А сколько их было до этого? До того, как вы, умирая от истощения, добрались до миссии? Но я положу этому конец, Арчи.

Он осторожно снял голову девушки со своих коленей и встал.

— Не хватайтесь за ваш карабин, Арчи. Он разряжен. Я разрядил его еще там, у костра. А это, — добавил он, извлекая из побуревшей потрепанной рясы блестящий предмет, — это пистолет Аттертона.

— Отец Игнасио, — юноша тоже вскочил, его детские губы дрогнули, — убийство — тоже грех.

— Значит, это — тот грех, который вы приготовили именно для меня. Я возьму его на душу.

Выстрел, ударивший в грудь Арчи, сотряс и его тело, Арчи пошатнулся и упал на колени, алое пятно спереди на рубашке стало расплываться, расплываться...

— Вы... не понимаете, отец Игнасио, — выталкивал он толчками вместе с кровью, — вы... это чудо, вели... чествен-

ное чудо... обладание... покой... золотистый... по... Я не... одинок... никогда... а она... вечный брак... вечный... и нет вины... понимаете?

— Нет, — сказал отец Игнасио.

Белая, залитая кровью и лучами заходящего солнца фигура сложилась пополам, точно карманный нож, и уткнулась головой в траву.

Отец Игнасио постоял над ним, потом взял за руки и, кряхтя, перетащил гуда, где лежала Мэри. Положил их бок о бок, точно двух больших кукол, и выпрямился.

Лес за его спиной вспыхнул алым и золотым — стайка попугаев, щебеча, уселась на ближайшем дереве и наблюдала, как отец Игнасио, взяв иззубренный топорик, отвалил первый пласт лесной подстилки.

* * *

В синих, вымытых добела солнцем, ветром и морем портовых городах есть места темные, липкие, грубые, места, куда не решаются заглядывать люди, которым есть что терять.

Но молодой человек, спустившийся по ступенькам, нагнул голову и шагнул в дверной проем.

— Хозяин сказал, что у вас есть что-то для меня? — спросил он, стараясь не обращать внимания на густой жирный запах, казалось липнувший к его полотняному платью.

Он был младший сын достойного семейства, и его только что услали в колонию из-за нежелательной любви. Он хотел вернуться назад в блеске богатства и славы, а на этой земле и то и другое еще было доступно — впрочем, как и смерть от лихорадки или укуса ядовитого насекомого. Но он был юн, отважен и великодушен. А потому готов терпеть лишения и опасности.

Но здесь он не обнаружил никакой опасности — просто грязный подвал и человек на грязной подстилке, фитиль лампы дергался и коптил, в одно-единственное грязное узкое окошко под потолком билась огромная бабочка.

— Затерянный город? — Молодой человек недоверчиво покачал головой.

Его было не так просто обмануть, он получил хорошее образование и перед тем, как оказаться здесь, читал запис-

ки путешественников и листал подшивки старых газет в местном клубе, у окна, выходящего на залив, где качались белые мачты.

— Записки лорда Аттертона, — сказал тот, что сидел на матрасе, — они у меня. Карта, рисунки, наброски...

— Но экспедиция Аттертона погибла. — Молодой человек недоверчиво покачал головой. — Никто не вернулся.

— Один вернулся. Он принес вот это.

На узловатой ладони лежала статуэтка женщины с жабьей головой. Вставные глаза из желтых камней смотрели в потолок.

— Никогда такого не видел, — сказал молодой человек после долгого молчания.

— Да...

— Значит, затерянный город все-таки существует?

— Затерянный город существует, — подтвердил собеседник. Только теперь молодой человек разглядел, что он очень стар. — Арки над водой, храмы, в которых содержится нечто, недоступное человеку... Прекрасный, величественный город, а там, внутри, в золоте и блеске еще нечто более прекрасное, более величественное... Но туда не пройти одному.

— Нет? — Молодой человек пожал плечами. Он и не собирался идти один, у него был слуга, тихий, спокойный, выносливый человек, и он собирался нанять туземных носильщиков и охотника...

— Вам нужен проводник.

— Но если есть записная книжка... и карта... Сколько вы просите за них?

— Они останутся у меня. Я позволю вам их скопировать, но они останутся у меня. Тем более они вам не помогут. Вам нужен кто-то, кто поведет вас туда.

— Вы? — Молодой человек недоверчиво покачал головой. — Но вы... извините, но...

Он говорил обиняками, испытывая неловкость, свойственную молодым здоровым людям, для которых старость — просто скверная неизлечимая болезнь, вроде проказы.

— Нет, не я. Но я могу вам помочь. Подойдите ко мне. Нет, еще ближе.

Хозяин притона услышал за дверью приглушенный шум, короткий вскрик, звук падения.

Он лишь пожал плечами.

Здесь творилось и не такое — через черный ход притона не раз глубокой ночью двое, сгорбившись, уносили третьего, чтобы кинуть его в воды залива, а этот... Поскольку такое повторялось уже не раз, он знал, что юноша вскоре встанет и выйдет, впрочем, он будет необычно бледен, и выйдет он пошатываясь, со счастливым, пьяным выражением лица и застывшими, расширенными глазами, но уйдет он живым и на своих ногах. В соседнем подвале, подобном этому, располагалась опиумная курильня, оттуда выходили люди именно с таким выражением лица, так что ничего необычного здесь опять же не было.

А потом, со временем, придет другой. Из-за этого нет нужды беспокоиться, тем более что старый постоялец ему неплохо платит.

Эта страна, думал хозяин притона, не надо пытаться ее понять, не надо проникать в ее тайны, они черные и гнилые, они убивают того, кто подошел слишком близко. Лучше сидеть здесь, в портовом переулке, и подсчитывать липкие монеты за стойкой, и видеть, как молодые люди, жаждущие богатства и приключений, приходят и уходят, приходят и уходят...

Как хорошо, думал Отец Игнасио, привалившись к стене и закрыв глаза, как хорошо, какое счастье, золотистый покой... золотистый... ни вины, ни боли... Долго шел я к этому по темным дорогам, и наконец — вот оно, рядом, сверкающее, неизбывное, вечное, то, чем можно делиться, но что невозможно отнять.

Узловатые, но крепкие пальцы пробежались по жесткому сукну, застегивая его на все пуговицы.

Сергей Доброхлеб

ПЫЛЬ ТЫСЯЧИ ДОРОГ

Убедившись, что на улице никого нет, Малёк и Коряга перелезли невысокий покосившийся забор и направились к дому через заросший сорняками двор. Старик жил на отшибе, на окраине города, в одном из небольших райончиков, где громадные коттеджи банкиров и директоров еще не успели захватить частный сектор.

Хоть старика дома и не было, а забор скрывал от глаз случайных путников, парни двигались пригнувшись, поминутно озираясь по сторонам.

— Ну и вонь, — прошипел Коряга.

— Тихо! — шикнул Малёк, и сам натянул на нос свитер.

Действительно, воздух во дворе стоял затхлый, густой, словно и не бывало здесь свежего ветерка, не смывал дождь накопившуюся пыль и грязь.

— Да чего ты, Малёк! — Коряга ткнул друга кулаком в плечо. — Мы тут хоть песни орать можем. Никто не услышит. А как дед возвращаться будет, нам Катафот звякнет.

Малёк не мог объяснить, что его беспокоит, просто ему было не по себе. Не оттого, что они собрались обчистить дом сумасшедшего старика, не впервой уж, просто было здесь как-то беспокойно. Словно ночью на заброшенном кладбище. И понимаешь, что бояться нечего, а все равно шаг волей-неволей ускоряешь.

Они остановились у окна, и Коряга достал из рукава куртки фомку.

— Лучше б пару лохов гопнули... — пробурчал под нос Малёк.

— Ага, будет Кирпич ждать, пока ты на паленых мобилах долг соберешь. Вон Рябой уже догопался. Я не хочу закончить, как он. С Кирпичом шутки плохи. Сказал до конца недели бабки вернуть — значит, лучше поторопиться.

Малёк повернулся к Коряге, чтоб ответить, и осекся, заметив покрывший лицо напарника пот.

— Ты чего вспотел? Зассал?

— Пасть прикрой! — огрызнулся Коряга. — Жарко тут...

Продолжать Малёк не стал. Коряга не любил, когда над ним шутят. Мог и по зубам дать.

— Да ладно тебе. Ломай уже. Забираем барахло — и сваливаем.

О том, что у старика есть антиквариат, они узнали от Кольки Рябого. Нынче покойного. Парень не отдал деньги за наркоту Кирпичу. Решил спрятаться. Через пару дней его нашли мертвым. «Несчастный случай».

Малька начало мутить, как обычно, когда он вспоминал своего друга. Прошел уже месяц, но вряд ли даже через несколько лет он забудет, что осталось от Рябого после падения с восьмого этажа.

Малёк с Колькой Рябым дружили с детства. Вместе учились, вместе гуляли, вместе ввязались в дворовую компанию, вместе подсели на наркоту, вместе мечтали о том, как завяжут и выбьются в люди...

Но наркотические грезы убили сначала мечты Кольки, а потом и его самого. Теперь и Малёк понимал, что ничего ему в будущем не светит. А если не рассчитаются с Кирпичом в срок — будущее может вообще не настать.

Именно Колька им как-то по пьяни и рассказал про своего сумасшедшего деда.

Он утверждал, что на самом деле старик ему не дед, а то ли прадед, то ли еще дальше. И лет ему никак не меньше сотни. Врал, конечно. Старик бодренький, лет семьдесят, пусть и седой, и ходит только с палкой. А вот с башней у него явно был непорядок. То ли старческий маразм, то ли еще что, но Рябой утверждал, что дед считает себя чуть ли не колдуном. Все это Малёк тогда пропустил мимо ушей, а вот про упомянутую коллекцию старых книг и вещей запомнил.

Когда на Рябого наехал Кирпич, Малёк предложил другу спереть пару безделушек, но тот не согласился. Сказал, что слишком хорошо относится к деду. Хотя Мальку показалось, что пацан побаивался старика. Лучше бы он Кирпича побаивался.

Старое дерево разошедшейся рамы затрещало, с него посыпались чешуйки облупившейся коричневой краски, и окно открылось. Парни полезли в дом.

Лучи карманных фонариков замельтешили по комнате. Перекосившаяся кровать с выцветшим покрывалом, потрепанные дорожки на горбатом полу поверх потрескавшегося затертого линолеума, пустой стол, пара стульев да скособоченный шкаф — вот и все убранство комнаты. С потолка свисают грязная лампа и пара липких лент, облепленных черными точками мух. Совсем не похоже, что где-то в этом доме могут храниться антикварные вещи.

— Не густо, — буркнул Коряга.

— Колька говорил, где-то здесь есть подвал.

— Звездец Рябой, — уверенно заявил Коряга. — Если и есть, максимум, что мы там найдем, — закатки да мышинное говно.

— Ну давай хоть поищем, раз уж залезли.

Вход в подвал они нашли в соседней комнате. Под изъеденным молью ковром оказалась крышка люка, скрывающая лестницу.

Спустившись в подвал, они застыли. Здесь обстановка была другая.

Стеллажи вдоль стен уставлены книгами, шкатулками, ящичками, колбами, ретортами. На одной полке расставлены бутылки самой различной формы, внутри которых к крышке крепятся на нитке свинцовые шарики.

— Ни хрена себе закатки, — пробормотал Коряга, разглядывая банку с плавающим в ней зародышем то ли кота, то ли другой зверушки. — А дед-то реально псих.

Малёк тем временем рассматривал корешки книг. Большинство названий звучало довольно странно: «Инакотикские манускрипты», «Текст Р'льех», «Книга Эйбона», «Песни Дола», «Семь сокровенных книг», «Записки Челепо», «Книга Дзиан». Встречались книги на иностранных языках: «De Vermis Mysteriis», «Una-ussprechlichen Kulten», «Cultes des Goules».

Непонятно отчего по его спине пробежали мурашки.

Он наугад взял одну из книг и раскрыл. Рисунок, появившийся ему на развороте, изображал покрытую щупальцами тварь, отрывающую человеку голову.

— Гигер отдыхает, — раздалось над плечом Малька.

От неожиданности тот подпрыгнул и захлопнул книгу.

— Кто отдыхает?

— Тип, который Чужого нарисовал, — ответил Коряга. — Дай погляжу.

Малёк передал книгу Коряге и непроизвольно вытер руки о штаны.

— Ты еще и в художниках разбираешься? — спросил он насмешливо.

— Не всем же, как ты, только в бабах из «Плейбоя» разбираться.

Малёк показал Коряге средний палец, но тот, целиком поглощенный картинками, не обратил внимания.

После увиденного рисунка Мальку хотелось как можно скорее убраться отсюда. Хотя тут и действительно много старых вещей, но вряд ли кто заинтересуется такой мерзостью.

Малёк подошел к захламленному столу и посветил на него фонариком. Снова книги, между ними — колбы, пробирки и реторты, листы бумаги, исписанные каракулями на каком-то иностранном языке, и...

— Коряга! — позвал Малёк, не веря своим глазам.

— Чего тебе? — недовольно спросил Коряга, оторвавшись от книги.

— Гляди!

Коряга подошел к столу и захохотал.

— А дед-то у нас продвинутый! Ты гляди, чем балуется!

На столе между здоровым талмудом и металлической конструкцией непонятного назначения лежало зеркальце размером в ладонь, на котором явно виднелись следы какого-то серебристого, с зеленоватым отливом, порошка. И полдорожки. Рядом с зеркалом — трубочка для нюханья. Коряга потянулся к ней.

— Ты чего? — Малёк схватил его за руку. — Он странный какой-то!

— Не гони. Если его дед нюхачить может, то ничего со мной не станет.

— У тебя не отшибло, чего мы сюда приперлись? Время-то идет!

Коряга недовольно поглядел на Малька, потом кивнул:

— Ладно, давай сумку.

Малёк матюгнулся.

— Я ее наверху оставил, когда подвал открывали.

— А яйца ты свои там не оставил? Давай за сумкой, а я присмотрюсь, чего тут хватать.

Малёк поднялся наверх. Посветил фонариком, нашел сумку. Интересно, сколько прошло времени?

Он полез в карман за мобильником и чертыхнулся, когда нащупал мокрый и липкий корпус. Он достал телефон двумя пальцами. Нижнюю часть корпуса покрывала прозрачная пленка. Похоже, потек аккумулятор. Этого еще не хватало!

— Малёк! — раздался из подвала голос Коряги. — Так дед, по ходу, барыга! Тут в столе несколько пакетов порошка!

— Коряга, глянь, сколько времени! — спросил Малёк.

— А что, на «Спокойной ночи, малыши» опаздываешь?

— Глянь, говорю. У меня мобильник сдох.

Внизу послышались возня, а потом поток матов.

— ...Какого... мобила... накрылась... аккумулятор... — выделит Малёк из двухминутного словесного потока то, что имело смысл.

Малёк выругался. Как же так, чтобы у них обоих одновременно накрылись телефоны! Даже если Катафот звонил, то не смог их предупредить!

Вдали послышался приближающийся лай собак.

Малёк бросился к люку.

— Коряга! Шухер!

Через миг парень взлетел по ступенькам с округлившимися глазами. Похоже, ему тоже совсем не хотелось задерживаться, чтобы повстречать сумасшедшего старика-барыгу.

Под одной рукой у Коряги были книги, в другой несколько пакетов серебристого порошка. Книги он бросил в сумку, пакеты распахнул по карманам и кинулся вслед за Мальком, который уже вылезал в окно.

Коряга перебросил сумку через подоконник, Малёк подхватил ее и бросился через сад к забору.

Собаки лаяли уже совсем близко.

Забросив сумку на плечо, Малёк подпрыгнул, ухватился за верхушку забора и подтянулся. И вдруг его что-то отдернуло назад. Он испуганно оглянулся и увидел, что сумка зацепилась ручкой за ветку. Малёк уселся на забор и принялся дергать сумку. Та застряла намертво. Словно дерево не позволяло унести краденое.

— Ты чего там возишься? — прошипел снизу уже выбравшийся со двора Коряга.

— Сумка! Зацепилась!

— Твою мать! Придурок! Бросай ее!

Малёк дернул еще пару раз, бесполезно. Краем глаза он увидел, как начинает открываться калитка с другой стороны двора, и, отпустив ручку сумки, свалился с забора.

Коряга помог ему подняться, и они побежали со всех ног подальше от дома старика.

Они втроем сидели дома у Коряги. Сигарета плясала в дрожащих пальцах Малька, роняя пепел на многодневную гору окурков, давно уже скрывших под собой пепельницу.

Коряга с упоением рассказывал Катафоту о подвале в доме старика, а Малёк молча курил. Не сказал ничего, даже когда Коряга заявил, что Малёк чуть не обделался со страху.

Спустя полчаса и пять сигарет он немного успокоился. Коряге тем временем надоело бахвалиться, а Катафоту наскучили рассказы о находках в подвале. Тем более он, похоже, не поверил ни одному услышанному слову.

Сейчас они молча смотрели на четыре разложенных на столе небольших пакетика с серебристым порошком.

— Ну че? — спросил Коряга. — Снимем пробу?

— Я первый! — тут же вызвался Катафот, которому было совершенно по фиг что курить, глотать, нюхать или колоть, лишь бы штырило.

Он скрутил купюру в трубочку, карточкой пополнения счета быстренько разбил горку порошка на три дорожки и втянул одну ноздрей.

Откинув голову и закрыв глаза, он передал трубочку Коряге. Тот оприходовал свою дорожку и сунул свернутую банкноту Мальку.

Недолго думая, Малёк пожал плечами и последовал примеру друзей.

По ноздре прокатился леденящий холодок, онемение расплзлось к вискам. Ощущение было такое, словно внутри черепа, прямо в мозгу, кто-то включил морозильную установку.

В глазах сразу же поплыло, комната с ободранными обоями и растрескавшейся штукатуркой на потолке вдруг куда-то исчезла, и Малёк увидел совершенно незнакомый пейзаж.

Он оказался на лужайке, заросшей густой изумрудной травой, а вокруг простирались джунгли. Высоченные деревья, не похожие ни на одно из тех, что Малёк видел в жизни или по телевизору, до того как продал его, чтоб купить наркоты; громадные, пара метров в диаметре, цветы; а в воздухе носились странные птицы без клювов и с крыльями, как у стрекоз...

Такого глюка Малёк еще не ловил. Все абсолютно реально. В глазах не плыло, образ был цельным. Он даже чувствовал запах...

Парень в полном восторге озирался вокруг, рассматривая невиданный пейзаж.

Лишь минут через пять он сообразил, что не стоит на земле, а завис в десятке сантиметров над ней и сквозь его ступни проходят изумрудные травинки. Он был нематериален, бесплотный дух, призрак, намного менее реальный, чем окружающий его мир.

Малёк взмахнул руками, и воздух подхватил его, понес ввысь...

Парень летел по неизведанному прекрасному миру, то возносясь над кронами, то планируя над самой землей. Он несся с безумным восторгом, пролетая сквозь стволы деревьев. Он нырял в протекающую неподалеку реку и плыл в ней, все такой же бесплотный, наблюдая, как рыбки проскальзывают сквозь него.

Он летал за бесклювыми птицами и прислушивался к их гомону, похожему на неведомый человечеству язык...

Он наслаждался окружающим миром, наслаждался полетом, наслаждался свободой...

До тех пор, пока джунгли не начали расплываться — и вместо них снова появились грязные обои в некогда синий

цветочек и прожженный окурками в нескольких местах ковер на полу.

Утром парни устроились на кухне и делились впечатлениями.

Коряга взахлеб рассказывал об островах, на которых жили люди-ящерицы, о гигантском черном монолите, вокруг которого танцевали и пели какие-то уродцы; рассказывал об одиноком доме, стоящем на вершине окутанного туманом утеса.

Катафоту привиделась пустыня. Правда, о ней он практически ничего толком не рассказал, а заикнулся на «ржачной дистрофичной тварючке с рожей как у пьяного коалы, чем-то похожей на одноклассника Толика».

Когда они закончили делиться впечатлениями, Коряга постучал костяшками пальцев по пакету с серебристым порошком.

— Слушайте, что я вам скажу, пацаны. С этим порошком мы не только Кирпичу долг отдадим, а еще и себе безбедную старость обеспечим...

Александр Никифоров, он же Кирпич, развалившись в кресле и попыхивая дорогой кубинской сигарой, в очередной раз пересматривал «Крестного отца». Он видел этот фильм не один десяток раз, помнил его почти наизусть, так же как и два десятка других, собранных в домашней коллекции, картин про гангстеров. Вот то время, в которое он хотел бы жить. Вот то, чего бы он хотел достичь. И он этого достигнет. С каждым годом, да что там говорить, с каждым месяцем его влияние увеличивается. Через три-четыре года это будет его город.

В дверь постучали, вошел Утюг.

— Босс, мы...

Кирпич лишь поднял палец вверх, приказывая замолчать. Лишь когда по экрану поползли титры, Кирпич включил плазму.

— Хороший фильм, — сказал он, поворачиваясь к Утюгу.

— Да, босс, — согласился Утюг.

— Чего ты хотел?

— Мы притащили Малька.

— Кто бы сомневался. Давай его сюда.

Утюг махнул рукой, и Тайсон за шиворот втащил в комнату парня.

— Куда вы прете! — гаркнул Кирпич. — Ковер же там! Замажет!

— Извините, босс, — промямлил Тайсон и перетащил парня в сторону, на мраморный пол.

— Ну что, Малёк, кинули тебя друзья-то твои. Смылись, как только жареным запахло. А тебя оставили, — улыбаясь, произнес Кирпич. — И что ты скажешь теперь в свое оправдание?

Парень наконец поднял голову, его лицо было перемазано кровью, слезами и соплями, нос свернут набок, правый глаз заплыл. Тайсон хорошо потрудился.

— Кирпич! Мы же вернули деньги! — разбитыми губами прошамкал Малёк. — За что, Кирпич?

— Вернули деньги? А где вы их взяли? Молчишь? Ну так я отвечу сам. Вы их заработали, продавая порошок. Продавая на моей территории. Я вам разрешение давал? Не давал. Значит, какой вывод напрашивается?

Малёк молчал. Утюг пнул его ногой под ребра.

— Отвечай, когда спрашивают!

— Это твои деньги, Кирпич.

— Умница! — похвалил Кирпич. — Соображалка работает, а такие глупости делаешь!

Кирпич поднялся из кресла и прошелся по комнате, заложив руки за спину.

— Однако я могу тебя простить. Ты ведь хочешь, чтобы я тебя простил? А, Малёк?

Парень кивнул, потом добавил вслух:

— Очень хочу.

— Тогда ты скажешь мне, где вы взяли такой товар. Ты ведь будешь умницей и не станешь скрывать это от меня? Я правильно понимаю?

Малёк закивал и начал говорить.

— Оч-чень любопытно, — сказал Кирпич, потирая подбородок, когда Малёк закончил рассказ. — Утюг, стоняй-ка к старику. Привези сюда. Хотелось бы с ним пообщаться.

Качок кивнул и вышел из комнаты.

- Утюг! — окликнул помощника Кирпич.
 - Да, босс.
 - И поаккуратней там. Старость нужно уважать.
 - А это куда? — Тайсон кивнул в сторону Малька.
 - А с этим мы посмотрим фильм и подождем Утюга.
- Чтобы убедиться, что малец не соврал.

Утюг привез старика через час.

Дед вошел в зал сам, опираясь на кривую сучковатую палку. Спутанные седые волосы, такая же борода. Одет в костюм явно совковых времен.

На все еще сидящего в углу Малька старик даже не взглянул. Взгляд его светло-карих, почти желтых глаз не отрывался от Кирпича, а губы кривились в легкой улыбке.

Кирпич вдруг понял, что старик ему не нравится. Совсем не нравится. Может, потому, что дед его не боялся? Кирпич привык, что все входящие, будь то «приглашенные на беседу» или его помощники, опасаются его. А старик стоял спокойно и рассматривал его с любопытством. Словно оценивая...

Кирпич тряхнул головой, собираясь с мыслями, и поднялся из кресла.

- Добрый вечер... простите, не знаю, как вас величать.
- Дед Антон я, — все так же улыбаясь, ответил старик.
- А по батюшке?
- Ну, если вас интересует мое полное имя — пожалуйста. Я дон Антонио де ла Пенья.

Кирпич сжал руки в кулаки. Насмехается над ним старик? Или и вправду сумасшедший? Ладно, это сейчас не столь важно.

— А я Александр Николаевич Никифоров. Приятно познакомиться. Вы уж простите, что вас так бесцеремонно привезли сюда, но есть очень важный разговор.

Старик лишь улыбнулся еще шире, показав коричневые пеньки зубов, отчего Кирпича передернуло.

Он подошел к столу и достал из ящика пакет с серебристым порошком.

- Вы знаете, что это, дед Антон?
- Это Пыль Тысячи Дорог, — ответил старик, даже не взглянув на пакет.

— Вас не удивляет, как она оказалась у нас?

— Я *очень* долго живу и *очень* многое повидал. Меня тяжело удивить.

— Хорошо. Пусть так. Откуда она у вас?

— Сам сделал.

Кирпич вскинул бровь:

— И можете сделать еще?

— Конечно могу. Там рецепт не слишком сложный.

— И откуда у вас, позвольте полюбопытствовать, этот рецепт?

— Из одной о-о-очень старой книги. Его придумал Абдула аль-Хазред, в далекой древности, чтобы облегчить себе исследование других миров и времен. Хотя, может, и враки. Говорят, араб и без Пыли мог путешествовать между мирами.

Вот теперь Кирпич убедился, что старик двинутый. Впрочем, он нужен лишь до тех пор, пока не сообщит формулу. А после...

— Только с этим делом главное не переборщить, — продолжал дед Антон. — Можно оказаться там, где не хочешь.

— У всех наркотиков есть такое свойство. Можно оказаться в обезьяннике. А можно и в земле, — безразлично ответил Кирпич. Он выбросил из головы мысли о том, сколько ему принесет эта самая Пыль, и снова обратился к старику: — Ну что же, осталось обсудить детали нашего сотрудничества.

— Не только, — захихикал дед. — Не только детали.

Малька сковывал страх, но парень не мог оторвать взгляда от того, что творилось в комнате.

Старик полез во внутренний карман своего мягкого пиджака, Тайсон и Утюг, не стовариваясь, приблизились к деду. Он достал бутылку, такую же, как те, что Малёк видел в подвале. Со свинцовым шариком на ниточке.

Кирпич смотрел на деда округлившимися глазами. Нет, старик ему точно не правился. Нужно поскорее вывести у него формулу — и в земельку. Давно уже ему пора туда. Кирпич бы приказал Тайсону прямо сейчас и выбить рецепт из деда, да боялся, что тот не выдержит. Окочурится раньше, чем заговорит.

Тем временем старик поднес бутылку к глазам и спросил:

— Ну что, Колька, они?

Маятник внезапно закачался, хотя бутылку старик держал крепко и неподвижно. Дед захихикал, мерзко, скрипуче.

— Эти, значит. А ты говорил, не найду. А видишь как оно, сами пригласили-то.

Старик опустил бутылку и снова полез в карман. Жлобы за его спиной дернулись руками к пистолетам, но, когда старик извлек из кармана пакет, расслабились.

— Да, кстати, — старик оскалился во весь щербатый рот, — мой внук попросил передать вам привет.

В крупном пакете, перевязанном у горловины обычным черным шнурком, был серебристый порошок. Много порошка.

Кирпич улыбнулся. Неплохо. Старик оказался умнее, чем можно было предположить, и сразу принес готовый товар. А он-то боялся, что его придется «уговаривать».

Кирпич потянулся к пакету, но вместо того чтобы отдать ему порошок, дед дернул шнурок и подбросил пакет в воздух.

Зарывчав от ярости, Кирпич замахнулся на старика кулаком и... застыл.

Вопреки законам физики, порошок не опустился на пол, не разлетелся по комнате. Он сбился в облако и завращался, набирая обороты. Все, кроме старика, следили за фокусом раскрыв рты, а дед мерзко хихикал.

Только теперь Кирпич сообразил, что глаза у старика не светло-карие, а чисто желтые.

Тем временем облако вращалось все быстрее, оно приобрело форму воронки и вдруг, разделившись на три части, разлетелось в стороны.

Часть попала прямо в лицо Кирпичу, он отпрянул и судорожно втянул воздух вместе с налетевшей пылью. Тайсон, похоже, даже не сообразил, что происходит, когда его лицо окутало серебристое облако. Лишь Утюг успел отреагировать. Он пригнулся, резко уходя в сторону, и прыгнул на старика. Но предназначавшаяся ему порция порошка сменила направление и догнала качка, когда тот уже почти

схватил деда. «Пыль» окутала лицо Утюга. Боевик без чувств упал на ковер.

В следующий миг лежащие на полу тела вдруг стали терять материальность. Они быстро становились прозрачными, а потом и вовсе исчезли.

Хихикая, старик уселся на пол и полез во внутренний карман. Одну за одной он извлек оттуда три бутылки со свинцовыми грузиками внутри и поставил их напротив той, которую достал пару минут назад. Как они поместились в пиджаке, да еще так, что их было не видно, Малёк понять даже не пытался.

И вдруг старик повернулся к нему. Парень сжался еще больше. Желтые глаза старика впились в него, словно заглядывая внутрь, в самую его сущность, переворачивая душу, вытряхивая наизнанку сознание...

— Максим, да? — спросил старик, ухмыляясь. — Мне про тебя Колька рассказывал. Вчера. Попросил тебя не трогать. Но если ты хочешь, могу и с тобой порошочком поделиться. Ты же тоже вроде как любитель этого дела? Бесплатно. И через заборы прыгать не нужно.

Малёк замотал головой, заскулил; он засучил ногами, пытаясь отползти от старика подальше, уже не соображая, что спиной вжался в стену. Старик захохотал и вернулся к своим бутылкам.

Когда в глазах у Тайсона перестало плыть и рябить, он огляделся по сторонам.

Тайсон знал, что именно сыпанул ему в лицо старик. Утюг делился, когда забрал товар у сопляков.

Чертов старик поплатится за свою выходку. Одно дело — нюхать это по собственному желанию, а другое — вот так вот. Хотя почему бы и нет? Пока он ловит кайф, Утюг выбивает из старика мозги.

Рассудив так, Тайсон решил не заморачиваться.

Он оказался где-то в редком подлеске, окруженный высокими деревьями с черной корой. Впереди, метрах в двухстах, виднелся просвет, и Тайсон направился туда.

В траве мелькнула фиолетовая ящерица, Тайсон попытался наподдать ей ногой, но промахнулся. Впрочем, чего

расстраиваться? Тайсон помнил, как вчера бродил по какой-то равнине, проходя сквозь кусты и камни. Здесь он невидим, неслышим и бесплотен.

Ему было неуютно оттого, что в накрывшей его галлюцинации нет тела, нет мышц и кулаков, на которые он полагался с детства.

Тайсон поднес руки к глазам и сжал. Да! Вот оно, его богатство! Его гордость, защита и заработок. Еще со школьных времен Тайсон знал, что крепкий кулак всегда побеждает любые знания. Да, обидно, что здесь нельзя их использовать.

Так он и шел вперед, даже не замечая, как под ногами хрустят сухие ветки. Как цепляется за штаны покрытая острым ворсом трава.

Подлесок закончился, и Тайсон выбрался на полянку.

Посреди нее на камне сидело существо. Метра два ростом, похожее на помесь птицы и летучей мыши. Коричневая морщинистая кожа обтягивала ребра, за спиной сложные широкие кожистые крылья.

Голова отдаленно напоминала птичью, в основном за счет массивного изогнутого клюва.

— Гы, — сказал Тайсон. — Прикольный глюк.

Недолго думая, он вышел на поляну и направился к существу, чтобы разглядеть.

— Интересно, — бормотал он себе под нос, — если бы этот глюк был реальным, я б его вырубил с одного удара или надо было бы два?

Тайсон подошел ближе, и существо повернулось к нему. Оно склонило голову к плечу, будто с любопытством разглядывая человека.

— Ух, какой уродец, — восторженно заявил парень. — Не был бы ты глюком, как бы я тебе дал по харе!

Тайсон поднял руку, собираясь ткнуть пальцем в лоб чудищу.

Внезапно «глюк» резко дернул головой, шелкнул клюв, и Тайсон недоуменно уставился на два окровавленных огрызка на месте указательного и среднего пальцев.

— Че за?.. — пробормотал Тайсон, а потом пришла боль, и он завыл.

«Глюк» раскинул крылья, мерзко заверещал и бросился на человека. Изогнутый клюв сомкнулся на шее так ничего и не понявшего Тайсона.

Малёк забился в угол, пытаясь слиться со стеной. Стать невидимкой, не издавать ни звука. Сначала он хотел прощмыгнуть к двери и бежать, бежать куда глаза глядят, но не рискнул привлечь внимание старика. Лишь бы он не глядел на Малька снова своими желтыми глазами.

Старик сидел абсолютно неподвижно.

Так, в полной тишине, прошло с полчаса.

И вдруг старик захихикал. От неожиданности Малёк вскрикнул и тут же испуганно зажал рот двумя руками, но, к счастью, дед не обратил на него внимания. Он нагнулся к одной из бутылок и внимательно глядел на свинцовый шарик.

Вдруг что-то затрещало, воздух наполнился запахом озона, и шарик в бутылке завращался как бешеный.

— Один есть, — хихикая, пробормотал старик.

Он подождал, пока грузик успокоится, и заговорил с бутылкой:

— И кто тут у нас? Тайсон? Дурацкое имя. И где же ты был? Интересненько... Ты хотел ударить шантака?

И старик захохотал. Резко, пронзительно. Его смех напомнил Мальку скрип когтей по стеклу. Парень зажал уши, но смех словно вонзался прямо в мозг...

В отличие от Тайсона, Утюг сразу сообразил, что происходит что-то непонятное. Он стоял в луже и чувствовал, насколько холодная в ней вода.

Парень осмотрелся. В каких-нибудь пяти метрах от него плескалось море, а по всему берегу были разбросаны какие-то постройки, испещренные неизвестными письменами обелиски, менгиры, пирамиды. Только вот архитектура какая-то... неправильная. Полная асимметрия, абсолютная дисгармония. Словно город на рисунке ребенка, где линии ломаные, рваные, нереальные...

Все постройки были покрыты водорослями, слизью, пропитаны влагой, словно лишь недавно поднялись со дна морского.

Выбравшись из лужи и вытряхнув воду из туфель, Утюг задумался, что делать дальше. Все его чувства подсказывали, что это не галлюцинация. Особенно донимал запах. Тошнотворный запах сырости и гнили...

Парень решил пройти по берегу, и тут его внимание привлек плеск воды. Реакция последовала сразу же, он нырнул за камень и выхватил ствол.

Осторожно выглянул. Из воды на сушу выбиралась какая-то тварь, покрытая чешуей, с вытянутой мордой. Помесь человека с ящерицей. Это еще что такое?

Утюг снял ствол с предохранителя. Тем временем вслед за первой тварью показались вторая, потом третья. И еще, и еще.

Утюг попятился. Он не знал, что это за существа, откуда они взялись и что им нужно.

Скрываясь за камнями, он постарался как можно дальше убраться от пришельцев. Похоже, они не собирались уходить далеко от берега. И слава богу.

Когда Утюг уже был уверен, что ему удалось скрыться, за спиной раздался визг. Он резко развернулся, вскидывая пистолет. Метрах в пятидесяти не берег выбирался человекоящер, он-то и заметил человека.

Прятаться больше не было смысла. Парень вскочил на ноги и побежал. Ему нужно найти место, где эти твари не смогут его окружить.

Он перепрыгивал с камня на камень, скользя по слякоти и полусгнившим водорослям. Сзади доносились визги ящеров.

Утюг оглянулся, его преследовали полтора десятка монстров. Некоторые бежали на двух ногах, полусогнувшись, другие передвигались прыжками, словно лягушки.

Парень спрыгнул с камня, дальше начиналась более-менее ровная земля, по ней бежать легче.

Человекоящер выскочил наперерез и прыгнул на человека. Утюг выстрелил. Пуля попала твари в голову, перевернув амфибию в воздухе. Но из-за камней уже появлялись новые.

Утюг стрелял на ходу. Расчетливо, аккуратно. Одна цуля — один труп.

Он все дальше уходил от берега. Понемногу твари отставали, им тяжело было передвигаться по суше. Но в то же время все новые появлялись со всех сторон, заставляя Утюга менять направление, петлять.

Следующий человекоящер прыгнул откуда-то сверху и повалил человека на землю. Утюг ударил левой прямо в ощерившуюся пасть. Кулак пронзило болью — костяшки оцарапало острыми клыками, — голова монстра откинулась, и Утюг сунул ствол под чешуйчатую челюсть и спустил курок. Осколки черепа вперемешку с зеленой густой жижей брызнули фонтаном вверх.

Парень сбросил с себя тварь и вскочил. Остальные чешуйчатые приближались. Он застрелил двух ближайших и снова побежал.

Легкие болели; несмотря на ежедневные тренировки, прыгать по скользким камням, грязи и лужам было тяжело. А тварей появлялось все больше и больше.

Утюг проскочил между двумя покосившимися обелисками и выбрался на сравнительно ровное место. Здесь, в окружении каменных изваяний, высился громадный мавзолей. Разверзтой пастью зиял черный провал входа.

Парень оглянулся и вдруг заметил, что человекоящеры его больше не преследуют. Они сбились в цепочку, повалились на колени и принялись что-то бормотать. Утюгу показалось, что он различает какие-то странные незнакомые слова:

— Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн.

Получив передышку, Утюг судорожно принялся перезаряжать обойму и тут почувствовал, как землю тряхнуло. Из мавзолея раздался глухой рокот.

Человек повернулся, вскидывая пистолет, и застыл, скованный ужасом.

Из глубины проема, сопровождаемая гнилостной вонью, показалась гигантская тварь. Обрюзгшее тело, короткие толстые лапы с когтистыми пальцами, соединенными перепонкой. За плечами два небольших, словно недоразвитых, кожистых крыла. Но самое ужасное — голова. Растущая прямо из плеч, чрезмерно огромная, с двумя блеклыми выпученными глазами по бокам и массой колышущихся щупалец, покрывающих нижнюю часть «лица».

Утюг все стоял, подняв пистолет, но на курок так и не нажал. Он вообще не пошевелился, даже когда громадная лапа потянулась к нему...

В воздухе снова затрещало и запахло озоном, следом завращался свинцовый шарик во второй бутылке. Малёк уже с трудом соображал. От безумия его удерживала лишь одна мысль, которую он повторял как мантру: «Выживу — завяжу. Выживу — завяжу. Выживу — завяжу».

Лишь эта мысль позволяла немного отвлечься от хихиканья старика, пока он общался со вторым свинцовым шариком, называя его Утюг.

Главное, это ждать. Кирпич был уверен: когда действие «Пыли» закончится, он снова окажется в своем доме. Если, конечно, будет до тех пор жив. Он надеялся, что Утюг или Тайсон доберутся-таки до старика. Иначе кто знает, что тому взбредет в голову сделать с их одурманенными телами. Может и порешить.

Кирпич знал, когда нужно нападать, а когда стоит и затаиться. У него был на это нюх. Именно благодаря ему он и остался до сих пор жив, да еще и добился своего положения в городе. Сейчас главное — не высовываться.

Он оказался в каком-то громадном здании. Свод потолка терялся в вышине, стены сложены из идеально подогнанных глыб, каждая высотой в два человеческих роста. На стенах висели громадные полки с книгами соответствующего размера.

На полу, вымощенном восьмиугольными плитами, возвышалось несколько огромных постаментов. Что на них — Кирпич разглядеть не мог. Видел лишь верхушки сияющих шаров, служащих, судя по всему, лампами.

Сквозь гигантские полукруглые окна можно было увидеть затянутое тучами небо.

Ситуация напоминала Кирпичу сказки, в которых главный герой попадает в замок великана. Только атмосфера вокруг совершенно не сказочная. И с хозяевами ему встречаться абсолютно не хотелось.

В первую очередь Кирпич огляделся в поисках места, где можно было бы спрятаться. В этом зале такового не нашлось. Тогда Кирпич направился к громадному арочному проходу.

Двигался он вдоль стенки, пытался не шуметь. Добравшись до проема, выглянул. За аркой начинался широченный пустой коридор.

Некоторое время Кирпич не решался выйти из комнаты. А что если в коридоре он кого-то встретит? Но и здесь оставаться нельзя.

Решившись, он выбрался из помещения и быстро зашагал по коридору. Кирпич добрался до следующего проема и заглянул в него, там коридор продолжался, пол шел под углом вниз. Похоже, здесь можно спуститься на нижние этажи.

Отметив про себя этот ход, Кирпич направился к очередному проему и, заглянув, тут же отпрянул. Комната была не пуста. Возле одного из постаментов стояло какое-то существо. Радужные цвета переливались по громадному морщинистому конусу, из верхней части которого росло четыре гибких щупальца. Два из них заканчивались клешнями, одно — четырьмя отростками, отдаленно напоминающими пальцы, а на последнем «красовалось» шарообразное утолщение с тремя темными большими глазами. Но не внешний вид существа заставил Кирпича задрожать, а то, что оно делало. Судя по всему, существо читало книгу. Именно это его действие, такое человеческое, заставило Кирпича усомниться, а не безумен ли он?

Кирпич не решился двигаться по коридору дальше — для этого пришлось бы пройти мимо арки, и находящееся в комнате существо могло его заметить. Поэтому Кирпич вернулся по коридору к спуску вниз и пошел туда.

Кирпич не знал, сколько он здесь бродит. Он двигался мимо пустых помещений, мимо комнат, стены которых были покрыты ящичками, словно в архиве, мимо залов, заполненных непонятными механизмами. Пару раз он видел копусообразных существ, но каждый раз успевал куда-нибудь свернуть, пока его не заметили.

Наконец он добрался до очередного машинного зала. Здесь гигантские устройства не работали, и Кирпич мог спрятаться и переждать, не боясь оглохнуть от грохота.

Он забился в самый дальний угол этого циклопического зала и укрылся за какой-то огромной металлической конструкции.

Ему казалось, что он просидел так уже не один час, когда вдруг по спине прошел холодок. Кирпич завертел головой и увидел неподалеку, на галерее, конусообразное существо. Отросток с глазами изогнулся в сторону Кирпича. Монстр заметил его.

Кирпич вскочил на ноги и побежал, не разбирая дороги.

Он несясь через арки, спускался по наклонным пандусам все ниже и ниже, пока не оказался в огромном сыром помещении без окон. Его стены поросли бурым мхом. И вдруг Кирпича пронзил страх. Нет, ужас. Сковывающий тело, заставляющий дрожать, требующий орать и выть.

Он смотрел на гигантскую круглую крышку, закрывающую колодец посреди зала, и чувствовал, что там, глубоко под землей, что-то есть. Что-то абсолютно чуждое земному. Враждебное любой жизни. Источающее ненависть ко всему сущему...

Кирпич почувствовал прикосновение разума того существа, что было заперто в колодце. Чужеродное сознание проникало в мысли, извращало их, вызывая отвращение к самому себе, омерзение к своей внешности, заставляя взять камень и бить им себя по голове, бить до тех пор, пока не треснет череп, а его осколки не вонзятся в беззащитный мозг.

Кирпич упал на пол и заорал. В глазах поплыло, он решил, что теряет сознание, и лишь чуть позже сообразил, что окружающий его зал теряет свою реальность, становится бесплотным...

Действие «Пыли» заканчивалось...

Малёк уже потерял счет тому времени, что он провел в доме Кирпича. Может, прошел час, может, пять, а может, и день. Его сознание отторгло все происходящее. Серебристый порошок, исчезновение Кирпича и его боевиков, беседующего с бутылками старика...

Он прозевал тот момент, когда воздух начал сгущаться в лежащую на ковре человеческую фигуру.

Дед, хихикая, поднялся на ноги, прихватив с собой «пустую» бутылку.

— Нет, Александр Николаевич Никифоров. Так легко ты не отделаешься, — говорил старик, не переставая хихикать. — Для тебя уготована другая участь.

С этими словами старик со всего размаху грохнул бутылку об пол. Стекло разлетелось, а свинцовый шар вдруг поднялся в воздух и завращался вокруг старика. На миг грузик остановился и резко рванул к столу, где насквозь пробил пакет с порошком и улетел к материализующемуся на полу телу Кирпича. За ним, словно хвост кометы, неслась серебристая пыль.

— Ты не умрешь, Александр Николаевич, пока не пройдешь тысячу дорог, пока не повидаешь тысячу миров и тысячу времен. От старого Данвича до неведомого Кадата. От плато Лян до далеких звезд Хиадеса. Вот тогда мы с тобой встретимся. Вот тогда мы поговорим.

Свинцовый шарик завращался и рухнул вниз, прямо на почти ставшее материальным тело Кирпича. Следом дождем посыпалась Пыль Тысячи Дорог. Она входила в тело, впитывалась в него, растворялась. Кирпич начал биться в конвульсиях, и старик захохотал.

Больше этого Малёк не мог вытерпеть. Его сознание помутилось, он вскочил, вопя от ужаса, и побежал прочь из этого дома, прочь от безумного старика, прочь от его скрипящего смеха, который до самой старости будет слышать в ночных кошмарах Максим Залесский, бывший наркоман, которого друзья называли Малёк...

Когда зрение сфокусировалось, Кирпич огляделся и закричал. Он не был дома. Его окружал пустынный пейзаж. Выжженная земля, чахлые кустарники. Неподалеку виднелась пещера.

Из ее недр вдруг выпорхнула летучая мышь. За ней вторая, третья... Тысячи летучих мышей покидали пещеру, они уже закрыли небо, роились громадной черной тучей над головой. Кирпичу совсем не хотелось встречаться с хозяином пещеры, который спугнул этих тварей.

Он развернулся и побежал прочь. Рванул изо всех сил.

А что ему еще оставалось делать? Только бежать. Бежать целую вечность. Бежать, топча пыль тысячи дорог...

Николай Калининченко

БОЛЬНИЧНЫЙ АИСТ

У них была отличная команда. Напротив Максима, через проход, лежал веселый крановщик Сеня — неистощимый источник анекдотов и смешных историй. Почти все время Сеня балагурил и шутил, но, когда на дежурство заступала Лидочка, становился серьезен, внушителен и велел называть себя «господин профессор». Рядом с крановщиком в самом углу расположился безумный пенсионер Аркадий. Тощий, небритый, с глазами навывкате, он не помнил имен и дат. Раз в несколько часов Аркадий требовал принести шахматы, а когда ему грубо отказывали, сильно кричал, бесился и переворачивал Сенину утку. Ночью, особенно в полнолуние, Аркадий любил бродить по палате, залезал под койки — искал свою обувь. Сначала Максима это сильно раздражало, но потом он привык и только хмурился во сне, когда «шахматист» шумно проползал где-то внизу. Единственный сосед Максима, дядя Леша, мастер на все руки, распространял вокруг себя ауру здорового конструктивизма и неборимого порядка. Каким-то непостижимым образом он умудрялся чинить и налаживать все, к чему прикасался. Дядя Леша никогда не оставался без дела. Сестрички несли ему сломанные сумочки и фены, больные — радиоприемники и плееры, даже сам доктор Земельман как-то раз приносил на реконструкцию разбитые очки. Само собой, тумбочка мастера всегда ломилась от подарков. Время от времени что-нибудь выпадало и закатывалось под койку, чтобы ночью стать добычей неугомонного Аркадия. Но дяде Леше было все равно. Каждый вечер стараниями благодарного персонала он получал «хороший укол» и почивал крепким сном младенца до самых утренних процедур.

На койке у окна, рядом с Сеней, лежал Старик. Он не столько жил, сколько существовал. Бледный, почти прозрачный, до крайности истощенный, Старик пережил два

инсульта и уже не мог говорить. Ему не делали уколов, не ставили кашельниц, почти не кормили — ждали. Раз в три дня Лидочка приходила перевернуть его на другой бок, чтобы не было пролежней, и тогда дед матерился. В его устах знакомые каждому русскому человеку слова звучали словно из-под воды, и в такие моменты Максиму казалось, что Старик — инопланетянин или мутант, который просто тихонько вызревает в человеческой оболочке, ожидая своего срока. Иногда ночью он принимался кашлять. В сущности, это был не кашель, а страшный протяжный хрип, который длился и длился, временами переходя в крик. Сеня смеялся и называл это «серенадой», но Максим слышал, как после очередного полночного концерта крановщик тихонько шепчет, словно молитву: «Сдохни, сдохни, сдохни...»

Именно это жуткое хрипящее соло на сведенной спазмом трахее и разбудило Максима в ту ночь, когда прилетел аист.

В палате было жарко, по стенам двигались бродячие желтые гобелены, порожденные мутным больничным стеклом и светом фар проносащихся внизу авто. Эти неравномерные запыленные вспышки толком ничего не освещали, но скорее подчеркивали темноту. У Максима возникло ощущение, что он угодил в один из американских комиксов в стиле нуар. Вот написанная темной тушью гора-Сеня. Крановщик спит, с головой накрывшись простыней. Вот сочетание темных и светлых пятен — Аркадий. Из-под одеяла (это при такой-то жаре!) выглядывает бледная маковка колена, белой змеей свисает с кровати тонкая безвольная рука. А вот выполненный в оттенках серого профиль дяди Леши. Мастер едва заметно улыбается во сне.

Палату наполнял какой-то странный нездешний и совершенно неуместный в этом окружении запах. Так мог бы пахнуть свежий ночной ветер, но не подхваченным где-то ароматом, а сам по себе, как если бы был живым существом. Максим повернул голову туда, где, как ему показалось, запах был особенно сильным. Рядом с ним на бесхозной приоконной койке, крепко обхватив когтями обнаженный металлический каркас, сидела огромная птица. Несомненно, это был аист: Максим видел множество этих удивительных птиц, когда служил под Калининградом. Аисты любили гнездиться

в развалинах старых католических церквей, не брезгуя, впрочем, и телеграфными столбами. Это были крупные, сильные птицы, но сейчас перед Максимом сидел настоящий гигант.

— Ну, здравствуй, дружище, — сказал аист и наклонил к лежащему человеку голову, чтобы нежно коснуться клювом его макушки.

— Здравствуй. — Максим сел на подушках. Голос птицы действительно казался знакомым.

— Сколько ж лет прошло, а? — Аист осторожно переступил с ноги на ногу, отчего пружины койки протестующе заскрипели. — Ты сильно изменился, да и я... Сколько же ты здесь лежишь?

— Завтра будет двенадцать дней, — ответил Максим. Он не особенно хорошо разбирался в птицах, но аист казался ему очень старым.

— Двенадцать дней! — Аист щелкнул клювом. — Путь был долг.

Максим вспомнил, как его клали в больницу. Встревоженное лицо жены. «Котик, ты очень плохо выглядишь! Я немедленно вызываю „скорую“». И потом, когда его уже определяли в стационар: «Вот и хорошо, отлежишься, поделаешь процедуры, отдохнешь». А потом был жизнерадостный доктор Земельман. «У вас отменный организм, друг мой. Просто отменный! Мы неизбежно, просто фатально поставим вас на ноги денька через четыре». Но потом было еще четыре дня и следом еще четыре. Никакой особой перемены в своем состоянии Максим не ощущал. Он чувствовал себя так же до госпитализации, на работе, дома и даже когда вывозил семью в Крым. Сколько себя помнил, он ни разу не болел насморком, гриппом и ветрянкой, у него не сводило живот, ему не удаляли аппендицит, гланды и аденоиды, а к зубному пришлось идти только раз, в школе, когда подрался с пацанами из параллельного класса. Он не мог понять, зачем его держат здесь, но жена говорила «совершенно необходимо» или «ну же, не капризничай, котик, это только на пользу». И он соглашался. Он вообще не любил спорить.

— Ты столько летел сюда, но зачем? — Максим пытался рассмотреть аиста поподробнее, но в комнате было слишком темно.

— Видишь ли, друг мой, твой контракт истек.

— Мой контракт?..

— Именно так. Понимаю твое недоумение, но это ужасно длинная история. — Аист раздраженно забил крыльями. — С другой стороны, мы с тобой давние знакомые. Думаю, от того, что я расскажу тебе, в чем дело, никакой беды не будет. Итак, — птица заворочалась, устраиваясь поудобнее, — готов ли ты слушать?

— Само собой. — В сознании Максима роились тени. Намеки на воспоминания, неопределимые, но настойчивые.

— Все началось с бегства человеческих первопредков из благословенного края. Эту легенду знают все, и пересказывать ее бессмысленно. Но что же случилось потом? Целый народ, а это, конечно же, был народ — для удобства назовем их адами́тами — оказался в пустынном краю, населенном дикими и опасными существами, овеваемом зимним хладом и палимом летним зноем. Невзгоды, подобно молоту, обрушились на изгнанников из Эдема. Кроме того, как и было предсказано, женщинам адамитов пришлось рожать детей в муках. Первое поколение, рожденное вне благословенных земель, пришло в мир под стоны и крики рожениц. Не готовые к такой боли, многие женщины умирали, разрешившись плодом. За первыми родами пришли вторые и третьи. Родовые муки уравнились любовью к возрастающему потомству. Многие адамитки хотели иметь детей, но боялись боли и последующих необратимых телесных изменений. И тогда самые мудрые и знающие из женщин заключили договор с нашим племенем. А надо тебе сказать, что аисты в то время по-прежнему обитали в райском саду, за стенами смертного мира. Так вот, некоторые их женщины сохранили способность говорить с животными и призывали наших праотцев, чтобы те послужили им. И аисты согласились на предложение адамиток. Тем более что женщины сулили весьма щедрую плату за услуги.

Дело в том, что мы единственные из всех птиц способны пересечь стены скорбной юдоли. Строение нашего тела, — тут аист продемонстрировал Максиму свои длинные мощные крылья, — как нельзя лучше подходит для таких путешествий, а особый феромон, который выделяется при поле-

те, отпугивает Шепчущих Стражей, обитающих в запретных пространствах между райским садом и миром людей.

Итак, заключив договор, аист отправлялся в Эдем. Там, на краю обширных топей, издревле живет племя синих обезьян. Их лапы с тонкими сильными пальцами, почти такими же, как твои, отлично подходят для лепки. Верные клятве, которую в начале времен дали моему народу, обезьяны лепили подобия младенцев из той самой глины, которая стала основой для человеческих первопредков.

Напоенные животворными водами и волшебным воздухом Эдема, глиняные дети оживали. Как только вылепленный ребенок начинал дышать, могущественная сила, все еще пребывающая в тех местах, преображала его «по образу и подобию», устраняя заусенцы и огрехи, неизбежные при такой работе. Так что, когда аист отправлялся в обратный путь, в его когтях, заботливо укутанный листьями болотных лилий, ворочался и кричал самый настоящий ребенок, почти не отличимый от рожденных обычным путем. Адамитки были счастливы, и наш бизнес процветал. Мы поставляли младенцев матерям, когда на землю спускались ангелы, породившие исполинов, мы несли кричащие свертки сквозь бурю гнева Его в проклятые приделы Содомы, и даже к затерянному в бушующем море ковчегу Ноя лежал наш путь над черными хлябями вод. Секрет древнего договора не был утрачен и после того, как Кормчий с сыновьями сошли с горы Арарат на преображенную Землю.

— Постой, постой. Так ты хочешь сказать, что все эти присказки типа «аист принес» или «нашли в капусте» на самом деле правда?

— Первое — да, но не второе. Как тебе могло прийти в голову сравнивать благородное дело моего народа с какой-то капустой?! Капуста! Подумать только! Где здесь логика? А еще дети вылупляются из жабьих яиц и растут в бутонах цветов! — Аист издал возмущенный клекот, и Максиму показалось, что вот сейчас все проснутся и начнется беготня, паника. Но ничего подобного не случилось.

— Прости, я не хотел тебя обидеть, — обратился он к большой птице. — То, что ты рассказываешь, в высшей степени необычно.

— Это уж точно. — Вспышка гнева на неудачную реплику Максима быстро прошла, и аист снова спокойно выжидал перед человеком. — Слушай дальше и постарайся не перебивать. Я подхожу к самому главному.

Вскоре люди размножились, и заказов стало поступать все больше. Каир и Вавилон, Рим и Александрия ждали в гости крылатого посланника. Я уже не говорю про огромную Поднебесную империю и красные города Индостана.

И вот настал момент, когда животворная глина в топях Эдема стала иссякать. Первыми это заметили наши друзья, обезьяны. Они же и предложили выход из сложившегося положения. Обезьяны сказали нам, что не раз видели, как то или иное болотное существо, получившее серьезное увечье, приползало к болотам. Там оно тихо угасало, покрываясь пленкой из отживших водорослей и глины. Но через некоторое время на месте умершего существа возникал невысокий бугорок, из которого в должный час выходил новый зверь! Только совсем юный и полный сил. Это было решение нашей проблемы. Теперь мы стали забирать отживших свой срок глиняных детей и клали на то же самое место, откуда они возникли, чтобы по прошествии времени забрать из болот переродившегося младенца. Нам также пришлось ограничить срок действия контракта, чтобы поддерживать необходимый баланс поставок. Ведь количество людей на Земле все возрастало. Вот почему я здесь, — закончил аист.

— Ты хочешь сказать, что я...

— Совершенно верно!

— И моя мать... Она что — заказала меня? — Обычно Максим старался вспоминать свою мать такой, какой она была в пору его юности. Улыбчивая, грациозная, с темными волосами и миндалевидными карими глазами. Она была маленького роста, но никогда не старалась показаться выше. Гармония во всем — вот что отличало ее от прочих. Но была и другая. Злобная старая ведьма, вечно недовольная, агрессивная, помешанная на порядке. Она жила вместе с ними и постоянно устраивала скандалы из-за любой мелочи. А он... он ненавидел вторую так же, как любил первую. Когда этой зимой произошел несчастный случай,

Максим искренне радовался и очень боялся идти на похороны, чтобы знакомые не увидели улыбки облегчения на его лице. Максим не помнил, в какой момент ангел превратился в монстра. Должно быть, это происходило постепенно. Хотя, с другой стороны... — Ты сказал что-то про щедрое вознаграждение, обещанное вам за услуги. Что это было?

— Я вижу, ты и сам догадался. — Аист нетерпеливо переступил с ноги на ногу. — Конечно, цена велика, но что поделать: в мире смертных ничто не дается просто. Твоя мать дважды продлевала срок. Но теперь время истекло. Ты не мог бы полежать спокойно, пока я подготовлю тебя? — Аист перелетел на кровать Максима и принялся ловко заворачивать и связывать с помощью клюва края простыни.

— Постой, погоди. А как же роддом, фотографии? — Максим из последних сил пытался уцепиться за реальность.

— Фикция, дорогой мой, фикция! Наш бизнес весьма почтенный. Все давно схвачено. — Аист принялся упеленывать ноги человека.

— Но я похож на отца! Наследственность, гены...

— Талант скульптора, великолепная лепка!

— Но как же моя семья?! Жена, сын... — Неприятный холодок впился в спину тонкими морозными иглами. — Нет-нет, не говори мне, что они... — Память, проклятая память, которая работала, как немецкие станки, никогда не подводила Максима. Вот и сейчас она услужливо раскрылась на нужной странице.

Вчера они приходили к нему вдвоем. Нина и маленький Павлуша. Максим еще долго удивлялся, как жена, с большим пиететом относившаяся к образованию, решила забрать ребенка из школы. «Ведь третий класс — такой ответственный!» Было солнечно и как-то удивительно спокойно. Аркаша затих в своем углу, Сеню увезли на процедуры, Старик был повернут лицом к окну, и его застывшее небритое лицо со слезящимися глазами и дорожкой зеленоватой слюны на остром сатирьем подбородке не могло напутать ребенка. А вот дядя Леша оказался как нельзя кстати. Он отвлекал мальчика, в мгновение ока созидавая из подручных

средств солдатиков, пушки и космические корабли. Нина сидела на краешке Максимовой койки, держала мужа за руку и тихонько плакала. Все было как-то очень правильно и пристойно. Каждый находился на своем месте. И лишь Максим не понимал, какая роль отведена ему в этом спектакле. Теперь понял.

— А вот это серьезный вопрос. — Аист оторвался от работы. — Сейчас очень редко случается, чтобы два семейства, посвященных в тайну, соединились. Но вот это произошло.

— Она не хотела, чтобы я касался живота, боялась, что я поврежу младенцу, отказывалась от рентгена, а в больницу ее увезли, когда я был на работе. — Максим смотрел на аиста невидящими глазами.

— Конечно не хотела. Ведь гам ничего не было. Тебе не стоит так расстраиваться. Твой сын вырастет замечательным человеком. Глиняные дети отличаются крепчайшим здоровьем. Они не агрессивны, любознательны, добры и очень внушаемы. Правда, им не суждено иметь потомства, но, пожалуй, это единственный их недостаток.

— Но как она узнала, что ты, то есть я... что это случится сегодня? — Максим понимал, лучше бы этот вопрос так и остался не заданным, но не мог остановиться.

— Решил идти до конца, да? — Казалось, аист усмехнулся. — Ты больше похож на обычных детей, проявляешь упрямство. Что ж, я отвечу и на этот вопрос. Твоя жена получила эту информацию от нас. Ей был предложен выбор. Но она уже заплатила однажды и решила, что разумнее прервать твой контракт.

— Вот как? — Максим лежал совершенно неподвижно. Он физически ощущал, как иллюзия, которая окружала его все эти годы, расползается по швам, словно ветхая ткань под порывом ветра. Он мог бы возмутиться, порвать простыни, которыми все крепче опутывал его аист. Но не делал этого. Ведь глиняные дети добры и внушаемы.

— Да, так. И, кстати, не вздумай ее винить. Цена продолжения еще и твоего контракта непомерна для ее жизненных сил. — Аист наконец закончил работу и наклонил голову, придирчиво осматривая получившийся простынный кокон.

— Пожалуйста, не подумай чего плохого, но мне интересно, что будет, если я закричу?

— Ровным счетом ничего. Твои товарищи получили сегодня двойную дозу «хорошего укола», и персонал в курсе.

— А как же тело?

— Мало ли сейчас тел?

— Я не пролезу в окно.

— Не волнуйся, дружище, я — профессионал.

— А вдруг я ударюсь головой?

— Не ударишься. Но даже если и так — это тебе не повредит, ведь наша продукция только высшего качества.

— А если...

— Ну же, котик, не капризничай, все будет прекрасно. — Аист неожиданно заговорил голосом Нины, и Максим привычно замолчал, соглашаясь. Большая птица медленно опустилась на него. Максим почувствовал тяжесть, а затем слабый рывок. Это мощные крылья, способные рассекать стены земной юдоли, подняли кокон в воздух.

— Смотри, мальчик! — раздался над головой Максима голос аиста. — То, что ты увидишь, не видел никто из рожденных женщиной. Ради такого зрелища и умереть не жаль!

И они полетели. Сначала над городом и его желтыми огнями, затем все выше и выше, сквозь мокрую вату облаков к мерцающим холодным звездам. Там, за бледным крестом созвездия Лебедя, нерушимой преградой вставали стены смертного мира. Мощный клюв аиста пронзил то, что непроницаемо для прочих птиц, и они полетели над мрачными пустошами, где в руинах лежали древние царства, и тени великих битв прокатывались, словно холодные волны, в безмолвном сумрачном ничто. А затем от невидимой земли султанами серой хмари поднялись в воздух Шепчущие Стражи. Их ледяное дыхание опалило лицо Максима, а бледные ядовитые щупальца почти дотянулись до белого оперения на спине аиста. Но запах большой птицы отогнал монстров, и лишь их шепот все еще звучал в сознании человека, насылая липкие, кошмарные видения. Они летели долго: над мертвыми морями, в которых черные блестящие твари, некогда правившие землей, пожирали друг друга под

беззвучный танец ослепительных молний; над престолами ложных богов, иные из которых были выложены из костей, а другие — из красной шевелящейся плоти; над башнями из огня и башнями из льда; над разверстыми черными трещинами, где бился и ревел изначальный хаос; над кораблями, похожими на рыб, и рыбами, напоминавшими острова. Максим не знал, сколько прошло времени, но аист начал уставать. И вот, когда голова птицы уже склонилась вниз, впереди возникло теплое оранжевое сияние. Аист немедленно воспрял духом и выровнял полет, словно далекий свет прибавил ему сил. Прошло еще немало времени, прежде чем они достигли границы Эдема, очерченной стволами исполинских деревьев. В могучих кронах переливались чудные огни, и уже слышалось пение, похожее на сладчайшую музыку. Благословенный край истекал неярким, приятным для глаз светом, но тот, кто стоял, обратив лицо к океану мглы, сиял нестерпимо. Его фигура излучала необоримую мощь. Был ли в руках Великого Стража огненный меч, Максим не заметил, но зато он видел, что у стоп Охранителя растут яркая зеленая трава и тянутся к негасимому свету его венца молодые деревья, в то время как вокруг царствовал холодный камень и тянулся еще долго за спиной Стража, пока не упирался в стволы древесных исполинов.

— Вот мы и дома. Радуйся, мальчик! — пропел аист.

Они пролетели высоко над кронами, а затем принялись спускаться, описывая широкие круги. Спуск оказался долгим, и Максим успел задремать, а когда очнулся, над ним склонялись обезьяны. Их синяя с серебристым отливом шерсть была очень пушистой, а большие зеленые глаза смотрели с мягкой доброжелательностью. Множество крепких рук осторожно опустили Максима в теплую воду. Свет и тепло обтекали его, убаюкивали. Прежде чем окончательно заснуть, он увидел высоко над своей головой крестообразную тень огромной птицы.

* * *

По асфальту весело звенели колеса, дребезжала старая рама. Каталка шла легко, словно человек после смерти ничего не весил. Морг находился в отдельном здании, и сани-

тарам приходилось несколько метров везти каталку под открытым небом. Ну а как не остановиться, не покурить перед входом в темное чрево холодильника. Особенно если на дворе весна. И птички, и пора бы уже в лес, на рыбалку, на дачу, на шашлыки. Эх!.. Они и остановились, и закурили.

— А что, Лидусь? — обратился дюжий санитар к аппетитно наклонившейся над грядками медсестре. — Кажись, это из твоей епархии жмурик?

— Это Максим. — Лидочка поднялась, стыдливо одергивая задравшийся халатик. — Хороший был человек. Жена у него осталась... с ребеночком.

— С ребенком, говоришь, — заулыбался здоровяк. — А может, и нам с тобой какого-нито ребеночка заделать, а-а, Лидк?

— Иди-ка ты, куда шел, — зарделась Лидочка. — Пошлак! — И вновь склонилась над саженцами.

Больничная деланка стараниями любимой медсестры крановщика Сени обещала стать просто-таки образцом для любого огородника. Но особенной заботы Лидочки отчего-то удостоилась грядка, над которой со временем должны были всплыть зеленые шары капустных кочанов.

Юрий Гаврюченков

ПРОВАЛ

Поднявшееся способно опуститься,
а опустившееся подняться.

Г. Ф. Лавкрафт. Зов Ктулху

День был прожит плохо. Не выпив и толком не похрав, Никанор заполз в уютный коммуникационный тоннель под Сенной площадью и угнезвился на лежбище. Он уже настолько привык недоедать, что голода не чувствовал, — просто наваливалась слабость. Однажды так придет смерть, незаметно подвалит *особая* слабость, трепыхнется сердце — и всё. Бомж надеялся, что с ним именно так и случится. Он повидал много смертей, тяжелых и разных. Большинство были насильственными — от ножа, от огня, под колесами, от кипятка, от электрического тока. Гибли пьяницы бездомные — люди его круга, но относительно своей кончины Никанор имел другое мнение. Его смерть будет легкой. Это была единственная оставшаяся у человека иллюзия.

Несмотря на толщу земли, в тоннель проникали звуки вечернего города: гул метро снизу, грохот трамвая сверху. Вокруг бурлила жизнь, но не всем находилось место на этом празднике. Неожиданно в знакомые шумы вплелось такое, отчего бродяга испуганно встрепенулся. Стук осыпающегося камня всколыхнул первобытный ужас, оставшийся с давних времен, когда люди — все, а не отдельные неудачники — жили в пещерах. Обвал! После кошмарного падения бетонного козырька станции метро бомж воспринял рушащийся тоннель как естественное продолжение аварии. Подземка состарилась, пришла в негодность. Но вот погибнуть под обломками свода явно не следовало. Бродяга неуклюже метнулся к кабельному колодцу и уже схватился за скобы, когда шум утих.

Если обвал и случился, то был совсем небольшой. Так или иначе, а взглянуть на него следовало. Вдруг найдется

что полезное. Своевременно проявленный интерес часто приносил немало пользы. Никанор нашарил в кармане зажигалку, вернулся к лежбищу и скрутил из газеты пару факелов. Запалил один, прошел по тоннелю. Мелкая осыпь лежала шагах в двадцати. Рухнул небольшой участок стены. Закрепленные на ней кабели провисли.

* * *

Провал был отмечен на планах XIX века. В советские времена при прокладке канализации его специально обошли стороной, пометив как сточный колодец, хотя воды в нем никогда не было. Клиновидные ступени тесаного камня по спирали шли вниз. В первый и последний раз по ним спустились инженер и группа проходчиков, когда строили станцию «Площадь мира». Назад никто не вернулся. Были приняты меры по спасению, но спелеологи доложили, что лестница конца не имеет, и их отозвали. Начальство решило не рисковать и поступило, как всегда поступало с опасными лазами. Мимо провала пустили коммуникационный тоннель, а вход в колодец надежно зацементировали. Но что-то изнутри постепенно стачивало пробку, пока слой бетона не истончился и не рухнул под тяжестью кабельного шлейфа. Или того, что усилило эту тяжесть.

* * *

Сквозняк оторвал от факела обугленный лоскут и унес к дальнему колодцу, где был открытый люк. Никанор встал на карачки, протиснулся под кабелями. Лаз вывел в комнату. Там бомж смог выпрямиться во весь свой баскетбольный рост. Под ногами человек увидел косые ступени, по кругу уходящие вниз.

«Старый ход, — смекнул он, почесывая бороду, — может быть, еще петровский. А куда ведет?» Бак о складах, где хранятся всевозможные припасы на случай атомной войны, Никанор наслушался предостаточно. Говорили, что схронов этих полно, и даже сами вояки теперь не обо всех помнят. Лестница могла привести к жратве, если по ней пойти. Нога сама шагнула на каменную ступень. Голодного бродягу не смутило, что газетный жгут скоро догорит. Ход

в петровские казематы не мог быть длинным. В том, что тайник строил Петр I, он почему-то не сомневался. Есть же в Москве царские катакомбы. Говорят, их тоже используют для своих целей военные.

Огонь последнего факела обжег пальцы, бродяга отбросил огарок. Он ударился о носок башмака и подпрыгнул, раскидывая оранжевые искры. Последние искры. Никанор проводил их взглядом. Тупо шагая вниз, бомж сообразил, что каким-то непонятным образом продолжает видеть стены и лестницу. Словно в сумерках, но достаточно ясно. «Может, я силю», — подумал он, но так и не нашел ответа.

Спиральная лестница не кончалась. Она вилась вокруг каменного столба все дальше вниз. У Никанора закружилась голова, бомж потерял счет времени и больше не задумывался, спит он или нет. А когда достиг дна, то и вовсе перестал воспринимать окружающее.

Широкая равнина была накрыта низким каменным небом. Гранитные ледниковые валуны живописно окружали кристальное озеро. Вдалеке у горизонта возвышались то ли гигантские строения, то ли колоссальные памятники чужеродного искусства — уж больно они были омерзительны. Бомж зашагал к ним, влекомый нечеловеческой волей. Если бы он взглянул под ноги, то увидел бы старый аккумуляторный фонарь, покрытый слоем праха. Шахтерский фонарь, которым пользовались строители метро.

Неожиданно один из титанических монолитов на горизонте пришел в движение.

* * *

Леша заплакал ночью и этим сразу привлек маму.

— Что случилось, сыночка?

— П-п-п, — корчась, выдавливал Леша, — П-п-п.

— Папа снился, — расстроилась Екатерина Викторовна. — Ну успокойся, роднуля, не плачь.

Она прижала к груди конвульсивно вздрагивающего сына. Он силился что-то произнести, но не мог.

Инженер Свиридов погиб при прокладке новой линии метро. Председатель профкома, лично явившийся утешить близких, выражался туманно. Ему выпала нелегкая задача

объяснить жене и сыну инженера, что хоронить будут пустой гроб, что тело не найдено и как такое вообще могло случиться. Председатель виновато бубнил, чувствуя, что родня и так находится на грани срыва. Он и сам ничего толком не знал о гибели Свиридова и лишь ухудшил обстановку в доме. С тех пор Леша не находил покоя по ночам.

— Ну не волнуйся. Ну все, все, — бормотала Екатерина Викторовна, глядя сына по голове. В другой руке она держала пустой шприц. — Уже все. Все кончилось.

Она привыкла говорить одно и то же, успокаивая сына после укола, а затем вводить снотворное себе. После визите председателя профсоюзного комитета метростроителей это случалось регулярно. Однако сейчас что-то изменилось.

Леша вдруг вывернулся из объятий и крикнул матери в лицо:

— Папа пришел!

— Как пришел?.. — опешила Екатерина Викторовна.

— Он здесь, я его вижу.

— Где?

— Стоит в дверях!

Сын-заика говорил так чисто, что Екатерина Викторовна — опытный врач — не верила своим ушам. Она обернулась к прихожей и увидела мужа в строительной каске, припорошенной серым подземным прахом.

— Катя, — позвал он. — Меня долго не было.

— Мы здесь, — севшим голосом обронила Екатерина Викторовна. — А ты там.

— Катя, Леша. — Инженер их не слышал.

Зато его видели и слышали те, кто поселился в выморощенной квартире много-много лет пазад. После того как обезумевшая от горя врачиха сделала себе и ребенку смертельную инъекцию.

После въезда в этот дом многое в семье Никитиных изменилось. По ночам их тревожили смутные сны, и жизнь из-за этого не заладилась. Единственная дочь развелась и больше не вышла замуж, а ее близняшки выросли хилыми, словно из них пили соки. Они тоже искали счастья, когда подросли, но не нашли и теперь прозябали все вместе в большой затхлой, наполненной потусторонними шорохами

квартире. Они проснулись и закричали при виде странного незнакомца в прихожей, который стоял и звал кого-то, словно вернулся к себе домой.

* * *

Он вылезал из люка ночью, когда город спал. До рассвета он спешил закончить черное дело — превращал подвалы в храмы зла, выцарапывая на стенах нечестивые надписи, сводящие с ума изображения демонов и подробные правила служения им. Однажды он наткнулся на собрание тринадцати молодых в одеждах с глубокими куколями. Они проводили ритуал и были недовольны нарушителем. Невольный свидетель мог оказаться жертвой, но Никанор, шепча слова, древние как мир, обратил их в истинное служение. Он вознес на алтарь статуэтку из пористого черно-зеленого камня. Он принес ее снизу, оставив взамен невесомую неосязаемую ценность. Сатанисты приняли дар, ибо ведали о спящем Ктулху. Зерна упали на благодатную почву и дали всходы. А затем принесли кровавый урожай. Храмы зла больше не пустовали. Наркоманы, падшие люди и дети порока, видя написанное, обращались в иную веру, и рыцари ада умножали свои ряды. Они приносили жертвы. Кровь заливала надписи. Расчлененные трупы закапывались там же, в подвале. Милиция сбилась с ног. Подозревать можно было всех и каждого, но не станешь задерживать человека только за то, что он где-нибудь в вагоне метро бормочет себе под нос: «Пнглуи мглунафх Ктулху Рлайх угахнагл фтаги». А таких становилось немало, и количество их все росло.

На пустынных полях, расположенных под воздвигнутым на костях городом, Никанор не заметил своей смерти. И когда взмошел на поверхность, другие тоже не заметили, что он мертв. Да и кто сумеет отличить дохлого бомжа от живого, если он двигается. Только вши. Паразиты ушли с его тела. Им стало нечем питаться. Днем он бродил по улицам, пугая людей. Высоченный бомж в перепачканной мелом одежде.

* * *

Петьке было пятьдесят восемь лет, а Славику — сорок. Они работали на Сенной и гордились этим. Мусор убрать,

машину разгрузить, за лотком постоять, когда надо. Место было доходным, сытыми и пьяными оставались всякий день. Никанор неожиданно вынырнул из-за ларьков. Сразу его было даже не узнать. Весь в меду, в известке, но дышет какой-то силой, глаза горят. Бродяги аж отпрянули.

— Здорово, — прохрипел бомж, и только тогда его признали.

— Здоров, — буркнул Славик, который с пренебрежением относился к безработному Никанору.

— Где пропадал-то? Не видели тебя уж сколько, — привычно залебезил Петька.

— Я склад нашел, — выпалил Никанор. — Там и жил.

Его круглое опухшее лицо было черно от загара и грязи.

— Скла-ад, — протянул Петька.

— Военный склад под землей, — недвусмысленно ткнул пальцем вниз Никанор.

Моментально, едва в воздухе запахло дармовщиной, появилась Надюха и как клещ вцепилась в рукав Никанора. В отличие от мужиков, она уже была порядком навеселе.

— Ух ты, милый мой, — прошенелявила она. — Где ж ты так раскормился?

— На складе, — сообщил Никанор таким голосом, что невидимыми флюидами проняло всех бомжей на Сенной площади. И хотя среди бродяг было не принято делиться халявой, счастливчику поверили. К нему потянулись голодные и непохмеленные. А тот словно этого ждал и продолжал свою благую весть: — Я нашел военный склад. Там тушенка и спирт в бочках. Пошли со мной. Хватит на всех.

Карина Шанин

БОЛОТО ИССОГ

Я был невиновен, и присяжные с этим согласились. Никто не был виновен, но заголовки в местной газете вопили: «Учитель-убийца оправдан». К середине лета я осознал, что не вернусь в школу, даже если вдруг меня не уволят. Поэтому, когда коллега, между делом участвующий в самых странных благотворительных проектах, предложил работу, я немедленно согласился. Деревня, затерянная в сельве, казалась тем, что нужно для избавления от ночных кошмаров и чувства вины. «Считай это искуплением, Вик, — похлопал он меня по плечу, — жизнь там тяжелая, и самоедством заниматься будет некогда». Он улыбался, но его глаза казались двумя кусками льда. «Я устал изображать сочувствие мудаку, который спит за рулем и сбивает маленьких девочек, и даю тебе шанс убраться» — как-то так.

Не то чтобы идея нести индейцам свет цивилизации казалась мне стоящей: я всегда считал, что милосерднее всего было бы оставить их в покое. Но я и сам искал повод уехать как можно дальше от оскалившегося на меня города, косых взглядов и, главное, гладких шоссе и смертельно быстрых машин. Формально от добровольцев требовалось лишь умение читать и писать, а испанский шел у меня вторым языком в колледже и еще не успел забыться. К тому же я был физически здоров, холост и ни к кому не привязан: Анна стала со мной через неделю после того, как туман, гололед и темнота сложились в мозаику, ставшую фатальной для моей ученицы, — а может быть, и для меня. В общем, я подходил идеально, и в представительстве меня приняли с распростертыми объятиями. Я выбрался оттуда несколько оглушенный, с карманами, набитыми программами, билетами, направлениями на прививки и серебристыми упаковками таблеток для профилактики малярии. Одну капсулу я принял тем же вечером и весь следующий день маялся от тошноты и голо-

вокружения. Тогда я впервые подумал, что идея не так уж хороша, как казалась, но отступить было некуда.

В конце августа я прилетел в Камири и вскоре уже сидел в дряхлом автобусе психоделической расцветки, с надписью «Королева сельвы» на борту. Дорога на Ньякос шла мимо нефтяных месторождений, покров джунглей там был нещадно содран, и буровые вышки казались скелетами ископаемых деревьев. Каждый раз, когда сельва расступалась, открывая вид на новый клочок красной, взрытой земли, сидящий рядом со мной седоусый старик делал вид, что прицеливается из ружья, и ухмылялся беззубым ртом. В конце концов эта пантомима надоела мне; после остановки в поселке нефтяников, аккуратном, как пластиковый макет, я пересел на свободное место и вскоре задремал.

Когда я проснулся, автобус стоял на пыльной площади, окруженной домишками из необожженного кирпича. Пассажиры — индейцы, обремененные мешками и корзинами, — быстро разошлись, и я остался один. «Королева сельвы», громко дребезжа, развернулась и укатила прочь. На Ньякос опустилась влажная, одуряющая тишина, лишь подчеркиваемая отдаленным собачьим лаем и звоном насекомых. Я оглядел рывшуюся в отбросах свинью, рекламу кока-колы над дверью крошечного магазина через дорогу. Прихлопнул москита, впившегося в мою руку, и всерьез задумался, не вернуться ли следующим же автобусом в Камири.

— Виктор! — окликнули меня. Обернувшись, я не поверил своим глазам: на пороге магазина стояла монахиня. — Вы же Виктор, правда? — радостно спросила она, подойдя поближе.

Это была индианка-вага лет двадцати пяти. Несмотря на тяжелый рюкзак на спине, резиновые сапоги и длинную рясу, она двигалась легкой, чуть танцующей походкой.

— Таня. — Она с улыбкой протянула мне руку. — Отец назвал меня в честь девушки из отряда Че, а я стала монашкой. Здесь все так перемешалось.

Отпустив мою руку, она непринужденно задрала подол. Я поспешно отвел глаза, но под рясой монахини оказались потертые джинсы. Таня вытащила из кармана пачку сигарет, зажигалку и с видимым удовольствием закурила.

— Вас должен был встретить отец Хайме, но он приболел. Лодка готова, но, может быть, вы хотите передохнуть? Здесь есть бар.

Я покачал головой. Как бы ни выглядел мой новый дом — добраться до него хотелось как можно скорее.

Таня подхватила рюкзак, и мы спустились к реке. По медленной, рыжевато-мутной Парапети плыли нефтяные пятна и обрывки пакетов. У шаткого причала покачивалось узкое каноэ. Новенький красный мотор на почерневшей от времени корме казался чужеродным наростом. Я уже собирался сесть в лодку, когда Таня схватила меня за рукав:

— Стойте!

Присмотревшись, я увидел красную, в ярких желтых и черных пятнах, змею. Таня подтянула к себе весло, одним сильным ударом размозжила ей голову и подняла за хвост.

— Водяная змея, очень ядовитая. — Она покачала длинным телом перед моим лицом, и я невольно отшатнулся.

Я ожидал, что Таня бросит тварь в воду, но девушка аккуратно свернула змею кольцами и сунула в рюкзак.

— Она съедобна, если отрезать голову, — сказала она, поймав мой удивленный взгляд.

Я пожал плечами и осторожно шагнул в лодку, надеясь, что в каноэ больше не скрывается никакого зверья.

Таня завела мотор, присела на узкую скамейку и снова закурила. Я украдкой рассматривал девушку. Ее лицо казалось высеченным из красного песчаника резкими, но точными движениями. В ней странно сочетались готовность радоваться самым простым вещам и затаенная горечь.

— Вы сами из Арагана? — наконец спросил я. Таня кивнула. — Но наверняка грамотны...

— Я закончила курсы медсестер в Камири, — ответила Таня с гордостью. — Только мне нельзя часто уходить из монастыря. А отец Хайме стар, болен и слишком увлечен... — она неопределенно помахала рукой, — своими исследованиями. К тому же он недолгоживает детей. Нам очень нужен учитель, хорошо, что вы согласились... — Таня подняла на меня глаза. — Вы просто не знаете, как спросить, почему я ушла в монастырь?

— Ну что вы, я...

Лицо Тани стало упрямым, губы поджались.

— Я оступилась, — сухо сказала она и принялась бессмысленно возиться с мотором.

Чем ближе мы подплывали к дельте, тем медленнее становилось течение Парапети. Река распалась на лабиринт рукавов и стариц. Берега скрылись за тростником, и скоро я полностью потерял ориентацию. Из зарослей, потревоженные стуком мотора, вспархивали белые цапли («Похожи на истощенных ангелов, правда?» — бросила Таня через плечо); пару раз я заметил стайки уток и кружащих в небе грифов. Здесь уже чувствовалось горячее влажное дыхание гигантского болота Иссог — запах туманов, несущих лихорадку, и древней, таинственной жизни.

Вскоре мы добрались до Арагана. Стоило лодке причалить, и нас тут же окружила толпа детей. Мои будущие ученики, полуголые и чумазые, смотрели на меня блестящими черными глазами, изредка перекидываясь парой фраз. Взрослые держались в стороне и лишь поглядывали издали, не оставляя своих дел. Таня бросила несколько слов на вага, и кольцо детворы распалось. Монахиня провела меня по деревне: дом для собраний, дом священника — всего лишь лачуги с крышами из пальмовых листьев. Сколоченный из досок крест над дверьми — очевидно, церковь. Две новенькие хижины — кровли не успели даже пожелтеть. Та, что побольше, была школой. Поменьше — моим новым домом.

На пороге Таня оставила меня. Вот моя жизнь на ближайший год, подумал я: зеленые сумерки, воздух, насыщенный влагой, запахи плесени и рыбы и непостижимые люди вокруг.

Вечера я проводил либо в одиночестве, либо в компании отца Хайме, за бутылкой дешевого джина, — судя по сизому носу и оплывшей фигуре священника, он явно злоупотреблял спиртным. Вскоре после моего приезда падре слег с приступом лихорадки, чередующейся с запоем, — священник считал джин не только утешением, но и универсальным лекарством, и мне оставалось лишь перечитывать немногие книги да с особой вьедливостью проверять работы учеников.

В свете керосиновой лампы детские каракули казались фантастическими насекомыми. Случалось и наоборот, когда я принимал за неудачно написанное слово забравшуюся на тетрадь многоножку или москита. Такие мелкие галлюцинации случались все чаще и почти всегда были связаны с воспоминаниями об аварии. Как ни стыдно признать, я постепенно переставал воспринимать гибель девочки как трагедию. Катастрофа начинала казаться мне абстрактным толчком судьбы, зачем-то направившим меня в Араган. Ночные кошмары, полные льда и визга тормозов, отступали. Правда, их сменили головокружения, после которых появлялось чувство смутной угрозы, исходящей из болот, но я списывал эти ощущения на побочное действие лариама, который аккуратно принимал дважды в неделю.

Так прошел месяц. На выходные я собирался съездить в город: отец одного из моих учеников одолжил мне лодку и научил кое-как с ней справляться. Я уже предвкушал кружку пива в единственном баре Ньякоса, пачку свежих журналов, душ в мотеле и прачечную — от всей моей одежды несло плесенью, и я сомневался, что смогу к этому привыкнуть. Поэтому, когда меня попросили разобрать монастырскую библиотеку, первым моим порывом было отказаться под любым благовидным предлогом.

Но любопытство оказалось сильнее. Что делают монахини в бескрайней трясине Иссог, где избегают селиться даже неприхотливые вага? К тому же меня заинтриговали оговорки падре — из них становилось понятно, что монастырь — скорее место ссылки, чем прибежище особо религиозных индианок. Пару раз, насосавшись джина, он называл монахинь «падшими женщинами» и гневно тряс опухшими кулаками, бормоча, что «эти дьявольские отродья» гниют в болоте совершенно заслуженно. Насколько я успел заметить, несмотря на усилия отца Хайме и его предшественников, нравы в Арагане были весьма вольные. Большинство моих учеников вопрос «кто твой отец?» ставил в тупик, но даже самого падре это не слишком смущало. Я плохо представлял, что должна натворить женщина вага, чтобы ее изгнали из деревни.

Иногда в полудреме монастырь приобретал зловещие черты; он казался прибежищем самого мрачного порока, пока я не вспоминал о Тане. Несмотря на то что наше знакомство было совсем коротким, ее странная красота и первобытная сила успели заворочить меня. Надежда повидаться с ней решила дело: как я уже сказал, нравы здесь были свободные, и на фоне беззаботности вага монашество Тани трудно было воспринимать всерьез.

Один из моих учеников, регулярно таскающий в монастырь продукты, согласился стать проводником. Тропы туда не было: все следы мгновенно затягивало тиной. Мальчик вел меня вдоль вешек — яркие лоскуты шерстяной ткани и обрубленные лианы отмечали безопасный путь сквозь заросшую кустарником трясину. Я думал, что за месяц в деревне привык к жизни в заболоченной сельве, но чем дальше мы продвигались вглубь болота, тем хуже мне приходилось; в конце концов Араган начал представляться мне чуть ли не курортным местечком, сухим и прохладным. От жары и усталости начинало казаться, что мы пробираемся по внутренностям гигантского животного с густой и зловонной кровью.

Я ожидал увидеть еще одну деревеньку, маленькую миссию, созданную несколько десятков лет назад каким-то сумасшедшим энтузиастом. Когда после очередного поворота передо мной предстал монастырь, я чуть не решил, что галлюцинирую. В краю, где все гниет и разрушается на глазах, здание, сложенное из красного песчаника, казалось пришельцем из другого мира. Монастырь стоял на холме, выступающем из трясины. Каменные стены выглядели невероятно старыми, словно их построили еще во времена конквистадоров, а может, и раньше, — древний храм, приспособленный под нужды чужаков.

Настоятельница оказалась маленькой пухлой женщиной с ямочками на круглых щеках; несмотря на почтенный возраст монахини, ее глаза остались ясными и веселыми. Она напоила меня кофе и, рассыпаясь в извинениях, проводила в комнату, две стены которой были заставлены стеллажами. Маленький столик со стопкой пустых карточек, несколько ручек. От полок исходил слабый запах креозота. На камен-

ном полу стояло несколько сундуков, обитых толстой резной кожей, очень старых, даже старинных на вид. Видимо, кожа была пропитана каким-то особым составом — ее не разрушили ни плесень, ни насекомые.

Еще раз извинившись, настоятельница оставила меня одного. Я наугад открыл первый сундук, и бумаги, исписанные рукой, больше привычной к мотыге, чем к перу, едва не рассыпались у меня под пальцами. Видимо, это был архив. Пролистав несколько вручную сшитых тетрадей, я убедился, что монастырь действительно был основан очень давно. Но почему в таком неподходящем месте?

— Не стоит копаться в этих старых бумажках.

На пороге комнаты стояла Таня. На этот раз она не улыбалась: вид у девушки был сосредоточенный и слегка встревоженный. Я отложил истертый лист пергамента, который тщетно пытался разобрать, и поднялся ей навстречу.

— Меня прислали помочь, — сказала она. — Архив постоит, там нет ничего ценного... Ничего ценного, — с нажимом повторила она, заметив, что я хочу возразить, и молча захлопнула резную крышку.

В остальных сундуках оказались вполне современные книги. Тома, посвященные истории Южной Америки; несколько неплохих книг по этнографии. Два альбома журнальных вырезок — они в основном касались действий отряда Че в районе Камири; было и несколько полных биографий команданте, «Боливийский дневник», изданный в Гаване, и пара каких-то полуподпольных брошюр, отпечатанных на газетной бумаге.

Из-за подбора материалов создавалось впечатление, что конечной целью Че Гевары было забраться в болото Иссог. Я поделился этим наблюдением с Таней — мне хотелось развеселить ее, но девушка даже не улыбнулась.

— Может быть, — кивнула Таня.

— Зачем? Проповедовать коммунизм кайманам? Что там искать, в этой трясине?!

— Счастье и свободу трудовому народу, — ответила Таня.

Я взгляделся в ее лицо, ища хотя бы след улыбки, но монахиня оставалась серьезной. Пожав плечами, я продол-

жил разбирать книги. Обнаружил большой палеонтологический справочник и десяток безжалостно выданных из каких-то научных журналов статей, пестрящих латынью и зарисовками скелетов. Я начинал думать, что составитель библиотеки был попросту сумасшедшим. В конце концов стараниями Тани весь разбор свелся к тому, что мы аккуратно расставили книги по полкам — составление картотеки я решил отложить на завтра.

— Хочу показать тебе кое-что, — сказала Таня после ужина.

Мы вышли за монастырские ворота и побрели по тропинке, огибающей здание. Склон холма становился все круче и постепенно превратился в обрыв — стену здания и заросший лианами и мхом откос холма разделял лишь узкий уступ. Под нами блестела поверхность заболоченного озера. Стояла тишина, сотканная из гула насекомых и вздохов трясины. Курчавая поверхность джунглей едва угадывалась в тумане испарений. Таня повела рукой:

— Двести, триста километров... Только сельва и болото. Никаких поселков. Никаких людей. Ничего человеческого.

— Здесь вполне мог выжить какой-нибудь допотопный зверь, — пошутил я, вспомнив рисунки из статей.

— Да, но он давным-давно опился кровью и заснул, — небрежно ответила Таня и резко повернулась ко мне: — Говорят, ты убил маленькую девочку...

Как удар под дых. Таня улыбалась, но глаза смотрели внимательно и зло.

— Значит, правда... Ничего, ничего, не думай сейчас...

Вдруг она оказалась очень близко. Ее кожа пахла горькой травой. Казалось, Таня пропитана болотным туманом, завораживающим и ядовитым, а рот был мягким и прохладным. Она обхватила мою голову, ее пальцы нежно пробежали по затылку, по спине, — боже, ну зачем ей джинсы под рясой, — горячая, гладкая, влажная кожа, и волосы пахнут свободным и сильным животным, и вот уже Таня бьется в моих руках, выкрикивая что-то на вага, повернув голову к болоту, и я отвечаю ей, как могу.

Когда я пришел в себя, Таня стояла, прислонившись к стене и опустив глаза. Я подошел и попытался обнять ее,

но она резко отстранилась. Медленно встряхнула джинсы и повесила их на плечо. Ее лицо, злое и разочарованное, стало совсем некрасивым, и я почувствовал раздражение и стыд.

— Ты кричала...

Таня поморщилась.

— Я говорила ему: «Смотри — твоя невеста отдается убийце, а ты все спиши!» — Она плюнула в воду, отвернулась и сердито пожала плечами. За ее спиной медленно колыхалась трясина.

На следующий день я взял чью-то лодку, уплыл в Ньякос и сел в ближайший автобус, идущий прочь из сельвы. В Камири в ожидании самолета я прибил к компании отдыхающих между вахтами рабочих с буровой и два дня хлестал с ними неразбавленное виски. Этих ребят интересовали только деньги, секс и нефть. Я с удовольствием слушал их разговоры, а когда пить стало неведомо — заперся в номере с круглосуточно включенным телевизором. Похмелье обернулось лихорадкой — видимо, я все же подхватил на болотах какую-то дрянь, несмотря на все прививки и таблетки.

Жар сменяется ознобом, и в бреду я то пытаюсь остановить машину на ледяной дороге, то сжимаю в объятиях горячее, ускользающее тело Тани. В минуты просветления меня охватывает тошнотворная слабость и комната будто наполняется болотным туманом. В эти моменты становится понятно, что я — всего лишь игрушка в чьих-то беспечных руках, инструмент судьбы, не справившийся со своей ролью. Мне хочется найти развеселых вахтовиков и предупредить, что кто-то пытается натравить древнего бога на все, что они так любят, — в конце концов, они развлекали меня два дня, и я должен их отблагодарить. Но в следующую секунду я понимаю, что у меня снова начался бред, и то погружаюсь в теплую густую воду, то мерзну на темной заснеженной обочине.

У меня нет сил дойти до врача или хотя бы выбраться из номера, но я надеюсь, что скоро кто-нибудь заглянет в комнату и мои мучения наконец-то закончатся. Туман становится все гуще, он пахнет гнилью и огромным животным. Кажется, кто-то открыл дверь.

Ярослав Веров

НЕМЕЦКАЯ СКАЗКА

Но гораздо более крепкое безумие засело в тех из нас, кто отрицает возможность существования подобных вещей, — они, как я считаю, поражены безумием еще больше, чем даже и представители нашего рода, которые сами занимались гнусными вещами, творили богохульство и даже более того.

Г. Ф. Лавкрафт. Запертая комната

На закате знойного июльского дня 1199 года двое крестьян, что возвращались с поля герцога Шварценбургского, с косьбы, стали очевидцами примечательного явления.

Впереди по дороге брело в деревню стадо коров, по правую руку высились мрачные стены герцогского замка. Замок Аустангштайн — нелепое громаждение тяжелого камня — стоял на круче, и вела к его воротам одна-единственная дорога, высеченная в скале, и такая узкая, что двоим конным на ней было не разминуться.

Из-за самой большой, юго-восточной башни, некогда прозванной башней Марты, потому что с нее высматривала маленькая госпожа Марта своего возлюбленного, отправившегося вместе с другими благочестивыми рыцарями в святой поход на Палестину, и с этой башни ринулась она вниз, и разбилась о камни, и упала в ров, и всплыла, оплетенная вся, словно наряженная для погребения, стеблями лилий и цветущими водорослями, когда верный оруженосец принес черную, как безлунная ночь, весть: ее Деррека захватили неверные и еще с живого содрали кожу, — вот из-за этой самой замшелой и покрытой темным старым плющом башни показались две огромные птицы.

Птицы были весьма большие — два быка в перехвате, не меньше. Имели они перепончатые кожаные крылья, какие бывают у ночных нетопырей, хлопавшие при каждом взмахе, как парус корабля, когда расправляется на сильном ветру. На своих могучих шеях несли эти создания вовсе не птичьи головы, а вместо клювов были пасти диких собак,

оскаленные, будто смеющиеся. Звуки, исторгаемые птицами, напоминали издевательский хохот, не суливший ничего доброго.

— Брат Густав, страшные птицы летят! — воскликнул один из крестьян, когда оба они, словно замороженные колдовской (темной) силой, встали как вкопанные посреди дороги.

Стадо, что доселе в полном спокойствии двигалось дорогой, тоже встало, несчастные животные лишь переминались и жалобно мычали.

— Сохрани нас Святая Дева и все святые! — промолвил второй.

Птицы быстро приближались, и вскоре стало ясно, что их целью были коровы. Одно их мерзких созданий, распространяя зловоние, метнулось к земле и выхватило из самой середины стада молодого теленка. И, мерно ударяя крыльями, поднялось с добычей к своему дьявольскому сотоварищу, который, захохотав особенно злорадно, полетел к лесу, вслед уходящему солнцу.

— Знаешь, брат Карл, как зовут этих тварей? Птицами сатаны их называют. Истинно так, и говорят, что место, где эти твари сядут, поразят все двенадцать язв святого Иова!

— Не приведи Господь такое!

Крестьяне, повернувшись на восток, перекрестились, прочитали «Отче наш», трижды сплюнули под ноги и, дунув через левое плечо, пошли своей дорогой.

I

В следующий раз с древней тайной замка Аустангштайн люди соприкоснулись осенью 1940 года. Уже год как замок распоряжением рейхсфюрера Гимлера был передан в ведение СС.

В тот хмурый ноябрьский день группа польских военнопленных производила ремонтные работы в башне Марты. Надзиравший шарфюрер СС Герман Шульц осоловело следил за монотонной работой хефтлингов. Поляки расчищали древние стены, отчего в сыром воздухе башни висела

белесая пыль. Вдруг обрушился мощный пласт штукатурки. И на древней каменной кладке проступили неведомые знаки.

Старший бригады спрыгнул с козел и, приблизившись к шарфюреру, произнес на ломанном немецком:

— Господин шарфюрер, там какие-то странные буквы.

Герман Шульц поднял скушающий взгляд и приказал посветить, как следует.

— Ну что, мне лезть наверх? — недовольно пробурчал он. — Вот тебе бумага и карандаш. Перепиши все в точности и принеси мне.

По окончании смены Шульц отправился с докладом к штандартенфюреру Лемке, коменданту замка. Аусгангитайн должен был стать «вторым Вевельсбургом» — магическим оплотом силы ордена СС на землях Саксонии. В конце отчета о ходе дневных работ Шульц припомнил эпизод с письменами и долго искал бумажку в карманах плаща.

Одного лишь взгляда штандартенфюреру хватило, чтобы приказать остановить работы в старой башне до особого распоряжения. Выговорив Шульцу за нерасторопность, не красящую унтерфюрера СС, Лемке отпустил подчиненного и схватился за телефон.

— Фройлян, соедините с канцелярией бригаденфюрера Зиммера! — взволнованным голосом потребовал он. — Срочно!

Глава саксонского отделения ордена СС Генрих фон Зиммер с большим вниманием отнесся к известию об обнаруженном руническом тексте. Еще бы! Каждая подобная надпись имеет цену золота, если не выше. Тем более рунический текст в замке, избранном магами СС для создания великого креста «оплотов силы». Бригаденфюрер приказал немедленно доставить копию текста к нему лично, не прибегая к посредству курьеров.

Лемке пришлось проделать изрядный путь до Дрездена. Во дворе особняка стояли два «хорьха» и «мерседес»: здесь сто ждали. Штандартенфюрера провели в обширную залу с камином. Кроме хозяина дома, присутствовали группенфюрер и человек в штатском — сам Вольфганг Краузе, руководитель Центра рунологических исследований при «Ансербс».

Не мешкая, Краузе погрузился в изучение рун. Остальные пили рейнское вино и пребывали в благоговейном молчании.

— Смотрите, господа, — наконец заговорил рунолог. — Перед нами великолепный образец рунетейнна. Это отнюдь не стандартная комбинация символов, это, несомненно, руническое заклятие, составленное человеком весьма сведущим. Видите, здесь всего две строки? Каждая предваряется руной манназ, несколько отстоящей от самой строки. Итак, первая строка озаглавлена прямой руной манназ, что следует понимать как человеческое «Я», или «Я» нации, и принадлежит субъекту всего рунетейнна. Вторая строка принадлежит обратной манназ, что можно истолковать как антипод, вражеское начало, борющееся с руной «Я».

— Или с Рейхом? — негромко переспросил группенфюрер.

— Разумеется. — Краузе кивнул. — Что же. Остается понять сам смысл заклятия. Смотрите, сколь симметрично расположились руны первой строки. И в то же время во второй строке мы видим нарушение симметрии. В ней символы как бы противостоят друг другу: за руной прямого написания следует обратная. И заключает строку хагалаз, что означает «разрушение». Очевидно, первая строка указывает на обстоятельства человека, пострадавшего от врагов.

— Или же не человека, а народа, — утвердительно произнес группенфюрер.

— Прочитаем наконец, — продолжал Краузе. — Сперва обратные руны: вуньо, кано, райдо. Затем в центре симметричная гебо. А за ней прямые руны: райдо, кано и, наконец, вуньо. О! Великая беда превращается здесь в великую радость.

— Победу? — немедленно уточнил группенфюрер.

— Можно сказать и так. Сперва «кризис», большое бедствие, может быть, даже смерть. Затем «скитания помраченной души» во мраке скорбей или небытия. Далее «неожиданность» и «дар» — как бы воскрешение через встречу с другом. И несмеленно — ясный путь жизни или к жизни. Путь «ясный», путь «обновления», я бы сказал, мистическая трансформа, венчаемая «великой радостью».

— Прекрасно, дорогой профессор, — воодушевленно произнес хозяин дома. — Бьюсь об заклад, что вторая строка песет великие бедствия врагу.

— Врагу великого Рейха, — подчеркнул группенфюрер.
— Итак, приступим к дешифровке второй части заклания, — деловым и вместе с тем торжественным тоном предложил Краузе. — Прямая ансуз. Весьма почтенный знак. И весьма благоприятный!

— Не может быть, — удивился фон Зиммер.

— Очевидно, господа, речь идет о сильном торжествующем противнике, — пояснил группенфюрер. И добавил: — Россия или Англия.

— Не может быть, — вскинул брови Лемке. — Разве их силы не ниже мощи Третьего Рейха?

— Не перебивайте, молодой человек, — бросил Краузе. — Я продолжаю. «Получение даров» сменяется обратной турисаз, «слабостью». Так как ансуз располагается точно под вуньо первой строки, значит, бедствия субъекта оборачиваются выгодой для его врагов. Кано первой строки находится над турисаз второй. Значит, омрачение души субъекта в его врагах влечет слабость.

— Понимаю, — веско произнес группенфюрер, кивая. — Враги Рейха, сотворив бедствия, пожали слабость и разочарование.

— Можно сказать и так, — согласился рунолог. — Потом мы видим наутиз прямая. Это «темное время», темное для врагов. За наутиз прямой следует наутиз обратная — «внутреннее зло». Полагаю, господа, это означает, что высшие силы изобличили зло, царящее в сердце или душе врага, сделали его очевидным. Чары, оккультные силы, защищавшие доселе его, устранены. Обращаю ваше внимание, что эта руна находится под гебо верхней строки, которая намекает перелом горестной доли субъекта в лучшую сторону. Что же, за наутиз следует прямая турисаз, «врата». Высшие силы ведут неприятеля мимо его воли через врата гибели. Об этом говорит следующая руна — обратная ансуз, «тщетность». Здесь «тщетность» противостоит первой ансуз данной строки, которая, как мы помним, говорила о получении неприятелем даров и выгоды. Круг замыкается. И венчает его симметричная руна хагалаз — «разрушение», на что я уже указывал ранее.

Профессор Краузе откинулся в кресле и пригубил вино.

— Я бы назвал это заклинанием возмездия, — заключил он.

— Господа, — взял слово группенфюрер, — я вынужден потребовать от вас... Именно не приказать, а как старший товарищ потребовать хранить полное молчание об услышанном и самой находке. Я лично доложу рейхсфюреру. Он решит, как поступить с найденным заклятием. Подозреваю, если наступит година бедствий для Рейха и нации, нам придется прибегнуть к этой грозной силе.

— Будьте осторожны, — заметил Краузе. — Давайте спросим у руи, что несет использование этого рунетейша. Присаживайтесь в круг, господа.

Присутствующие расселись вокруг массивного дубового стола. Краузе достал из саквояжа мешочек с личным набором костей. На каждой был вырезан рунический знак и выкрашен кровью животного, из которого была извлечена кость.

— Сосредоточьтесь на просьбе.

Он встряхнул мешок. Затем достал наугад три кости. Первая извлеченная руна относилась к текущей ситуации. Прямая альгиз — «поворот», «новые перспективы». И вместе с тем защищенность. Значит, само по себе владение новым знанием не несло угрозы. Вторая руна касалась того, что надо делать или не делать. Ею оказалась иса — «лед», «замораживание», остановка.

Группенфюрер кивнул, как будто именно ее он ожидал увидеть.

Наконец, третья руна. Перт обратная — «смерть прошлого» через внутреннее посвящение.

Краузе поморщился.

— Перт предупреждает, что использование рунетейшна чревата неблагоприятным исходом, сравнимым с действием самой этой руны, — психической смертью или даже мистической, глубинной, — произнес негромко он.

II

Старое муниципальное кладбище городка Шпрехнау. Весеннее утро 1999 года, пронзительно вскрикивают сойки, бестолково суестясь в кропах вязов. Древние, корявые, наво-

дающие тоску деревья опоясывают кладбище там, где когда-то высилась старая ограда; от нее давно не осталось и следа, поскольку весь добротный старый камень растащили после войны на восстановление ратуши. По распоряжению бургомистра.

В самой старой части кладбища, которая уже давным-давно никем не расчищалась и потому заросла травой и даже кустами сирени и жимолости, — неприметная среди зарослей могила. Бурая земля, холм, надгробный камень — древний и замшелый. Высеченная на камне надпись была сделана на латыни, но почти не сохранилась. Уцелело лишь слово «верный», будто обрывок девиза знатного рода. Сама могила была невелика, можно подумать, принадлежаларебенку. В ногах, напротив камня, выросла незабудка.

Без видимой причины камень вывернулся из земли и откатился прямо под ствол молодой ольхи. Могильная земля зашевелилась, словно взрыхляемая невидимым грейдером, и раздвинулась на две стороны. Теперь посредине зияла глубокая яма, не менее четырех метров глубиной, словно колодец. По краям валялись щепки гроба, истлевшие, бурые. У могилы возникла медсестра в безукоризненно белом халате, в пакрахмаленной шапочке. Она держала сверкающую хромированную коробочку с инструментом, на боку — сумка. Медсестра опустила коробочку в сумку и прямо через кусты выбиралась на мощенную булыжником дорожку ухоженной части кладбища. В утренней тишине раздалось ровное «цок-цок-цок» ее каблуков.

Кладбищенский сторож Вагнер поклонился даме, хмыкнул и разборчиво, так чтобы она слышала, произнес:

— Неужели покойникам, фройлян, понадобились ваши услуги? Сегодня еще никого из посетителей не было. Кого же вы лечили, фройлян?

Она обернулась и ответила:

— Я еще никого не лечила, герр Вагнер. — И, вздохнув, добавила: — Мне еще предстоит лечить одного маленького мальчика.

— Мальчика? — переспросил Вагнер.

Но медсестра не ответила, она уходила с кладбища прочь...

Во дворе муниципальной клиники стояла дежурная амбулаторная машина. Шофер Мартин дремал, обхватив руками руль и положив на них голову. Громкий стук в боковое стекло заставил его проснуться.

— Мартин, Мартин, — звала его медсестра, вышедшая из могилы, что на старом заброшенном кладбище. — Нам надо ехать, Мартин!

Водитель сдержанно, чтобы не показаться невежливым, зевнул, посмотрел на часы и, опустив стекло, спросил:

— Разве пора? Нам ведь выезжать только через двенадцать минут. А где фрау Анна?

— Фрау Анну вызвал доктор Фриц. У больного внезапное ухудшение.

— Уж не о старом ли господине Зауэре вы говорите, фройлян?

— Все ждали этого ухудшения, но никто не предполагал, что оно окажется настолько серьезным.

— Фрау Анна — опытная медсестра. Поэтому она и понадобилась доктору Фрицу, — рассудил Мартин. — Садитесь, фройлян...

— Фройлян Ирма.

— Всё без изменений? Едем сперва в замок? — тронув машину, уточнил Мартин.

— В замок. У мальчика сегодня последний укол.

— Будем надеяться, пневмония отступила. Не понимаю я, фройлян, этих богачей. За немалые, должно быть, деньги арендуют у государства замок, да еще привезли полуторождовалого малыша. Неудивительно, что ребенок простудился, — в замке, должно быть, сыро и страшные сквозняки.

— Да, Мартин, там всегда были сквозняки, — произнесла она.

— Что вы говорите? — не понял шофер. — Так вот, я и говорю — богачи, а врача своего не держат. Не понимаю я.

— Нам надо выполнять свой долг, а понимать не наша забота.

Машина остановилась на площадке у подъемника, сооруженного для туристов. В настоящее время часть замка арендовала супружеская чета: молодой барон Герман фон Пфердеменгес, внук удачливого банкира, пережившего бла-

гополучно две войны, его жена Хайде и сын Гюнтер, который и болел сейчас пневмонией.

Когда медсестра появилась в покоях четы фон Пфердеменгес, фрау Хайде только было хотела сообщить хорошую новость — у малыша упала температура, — но, увидев новую сестру, заинтересовалась:

— Фрау Анна не смогла прийти? Мы к ней привыкли, и маленький Гюнтер ее почти не боялся.

— Что ж, всем известно, какая легкая рука у фрау Анны. Сожалею, но сегодня она понадобилась в больнице. Меня зовут Ирма, и на мою руку еще никто не жаловался. Поверьте, фрау Хайде, малыш меня ничуть не испугается.

И в самом деле, когда они подошли к колыбельке, ребенок улыбался и даже тянул ручки к фройлян Ирме. А когда она сделала укол, ребенок даже не заплакал.

Пораженная баронесса призналась новой медсестре:

— Право же, фройлян, ваша рука куда легче руки фрау Анны. Все-таки мой малыш громко кричал после ее уколов.

— Я ведь вам говорила, госпожа фон Пфердеменгес.

Странное дело, когда Гюнтер вырос, он вспомнил этот свой последний укол. Собственно, ничего более из столь нежного возраста он не вынес. Но странность заключалась в ином — он помнил вовсе не «легкую руку» новой медсестры, а запах. Запах тяжелой сырой земли, запах могилы, исходивший от странного существа в белом; и тот ужас, когда оно склонилось своим огромным белым, бескровным лицом, в руках его холодно сверкнул металлический ящик, а когда мать перевернула мальчика на живот — ужасная боль пронзила все тело, и он куда-то провалился.

III

Впервые Гюнтер вспомнил визит медсестры, когда ему было лет шестнадцать. Воспоминание явилось во сне. С тех пор видение часто возвращалось, как правило, под утро, когда нельзя определенно сказать — спишь или уже нет. Обычно это случалось весной, в ту пору, когда распуска-

ются почки. И сам запах весеннего пробуждения природы сделался для него отвратителен.

В восемнадцать лет юноша был определен в госпиталь бундесвера, на альтернативную службу, санитаром. Он сам так захотел. Перебарывая себя, выносил горшки и чистил уборные. Ему хотелось проникнуться, пропитаться насквозь вонью человеческих испражнений, гноящихся ран, перекиси водорода, медикаментов и сывороток. Он стремился убежать от запаха пробуждающейся природы, от запаха утренней росы и свежеразрытой могилы. В этом губительном стремлении он дошел до синтетических наркотиков, которые изготавливались в том же самом госпитале. Лабораторию оборудовали такие же, как Гюнтер, альтернативщики — дети небедных родителей, оборудовали на свои средства. Может, они собирались сколотить начальный капитал, может, хотели основать секту и использовать наркотики в обрядах, а может, желали создать революционное движение, подкрепив его солидным аргументом. Гюнтеру до их планов не было никакого дела. Он искал способ избавиться от медсестры и вида нежной молодой лисы.

Однажды он рассказал о навязчивом воспоминании Вальтеру, такому же, как он, оболтусу. Вальтер смотрел неопределенным взглядом в потолок и курил трубку, набитую марихуаной. Его совет был краток:

— Нейролептики и психоделики — вот что тебе нужно, дружище Гюнтер.

Гюнтер решил попробовать псилоцибин, который, как известно, растормаживает воспоминания. Он полагал, что новые образы поглотят медсестру и ее поганый ящик. Но это было роковое решение.

Псилоцибин растормаживал воспоминания настолько сильно, что Гюнтер переживал их словно наяву, даже сильнее, намного сильнее. Он обнаружил, что в каждом миге его прошлой жизни присутствовала она — медсестра. Она молча следовала за ним, ничего не предлагая, не покушаясь на его покой, с нечеловеческой преданностью заглядывая в глаза.

В старом замке они прожили лет пять, не больше. И сейчас Гюнтер вновь проживал ту часть детства. Он решил терпеливо сносить молчаливое присутствие медсестры. Он твер-

до решил добраться до поры, когда ее еще рядом не было, перескочить через роковой укол. Воспоминания вспыхивали, то вынося из ступора эйфории в окно иллюзорной реальности, то забрасывая в лиловые облака и пахнувшие полынью вихри. Память несла его вспять, приближая к тому самому дню.

Гюнтер в своих грезах или бродил по мрачным переходам замка, сопровождаемый старым смотрителем, знавшим все тайные места и проходы, или с няней поднимался на крепостную стену и с детской неосмысленностью созерцал Саксонию. «Смотри, Гюнтер, — показывала няня в даль, — вон дрезденская телебашня. А тот замок на скале, такой же, как наш, но побольше, называется «„Королевский Камень“». «Телебашня», «Королевский» — непонятные слова порождали в детском мозгу смутные образы, Гюнтеру делалось скучно и тоскливо. По замку гулять было гораздо интересней. Ему нравилось, как гремят в связке большие тяжелые ключи, когда смотритель выбирает нужный, чтобы показать маленькому Гюнтеру, что скрывается еще и вот за этой дверью.

Но до эпизода с уколом он так и не добрался. Однажды псилоцибин закинул Гюнтера не в детство, а на школьную попойку, которую приятели устроили по образцу вечеринки доктора Фауста, той самой, когда доктор разъезжал на бочке.

Невозмутимый приятель Вальтер, когда Гюнтер пожаловался на проблемы, с обычной своей определенностью посоветовал переключиться на ЛСД.

ЛСД — хороший наркотик, вызывает всякую шизофрению, раскачивает глюки и, бывает, уносит, куда сам не जाएगा. Благодаря ему Гюнтера посетило новое видение.

Он идет со смотрителем потайным проходом, тот гремит, как обычно, ключами. Но выглядит смотритель совершенно иначе. Он в странной кожаной одежде, на поясе — кинжал в ножнах с серебряными накладками. Смотритель рассказывает:

— Вы поздно вернулись, мой господин, слишком поздно. Всех свело в могилу предательство еще вчера раболепствующих вассалов. Яд. Поверьте, мой господин, я знаю

толк во всевозможных ядах: моя бабушка, как вам, наверное, известно, была колдуньей. А предводителем у них был барон Вилдфанг. Они привезли с собой огромную бочку рейнского вина. В бочке этой, я после доподлинно выведал, имелось два отделения. Из одного продавшиеся барону слуги черпали чистое вино, а из другого — отравленное. Но отравлено вино было особым зельем. От такого яда человек только с виду становился мертвым, с тем чтобы на третий день с первыми петухами проснуться. Моя бабушка таким зельем спасла одного благородного рыцаря, когда за ним гналась немалая свора мерзавцев. Зашли они к ней — где тот рыцарь? Вот он, добрые люди, был он болен страшной болезнью и умер. Смотрят — он и вправду мертвый лежит. С тем и ушли. Наших же герцога с герцогиней, обеими дочерьми и верными слугами — всех похоронили заживо.

— Шлюссель, скажи мне, а что же молодой наследник? Каким коварством погубили его? Он ведь не пил вина, ибо дал обет, собираясь по воззванию Папы Иннокентия в святой поход на Египет.

— Все верно, мой господин, и это самое гнусное предательство. Отравленной булавкой уколола наследника его невеста, когда они двигались в танце. Ведь это было в день святой Селестины. А в этот день полагается пить вино и танцевать, а ночью тайно пойти в церковь. Там по вас читают заупокойную, так, словно вы уже мертвы, и вас отпевают монахи. Так всегда делают. Но на этот раз под своды храма внесли уснувших хозяев замка и их верных слуг. Отпели, будто они уже умерли, и в ту же ночь поспешно предали земле.

— Грустную историю ты рассказал мне, Шлюссель.

— Ваша правда, мой господин. Но есть еще более грустная история, нежели та, что я вам поведал.

— Расскажи мне и ее...

— Это история про вас, мой господин. Ибо вы и есть тот молодой наследник, преданный невестой в день святой Селестины. Грустно, что вы опоздали, мой господин. Никого из негодаев больше нет в живых. Даже кости их истлели и имена забыты. А невеста ваша, Вильгельмина, — она лицемерно оплакивала вас ровно один год. И потом

совершила неслыханное святотатство. Ей показалось мало того, что вы умерли такой страшной смертью, умереть которой никому не пожелаешь. Она велела выкопать из могилы ваш гроб и перенести в замок, сюда, и спрятала его в тайной комнате. Вот эта комната, в ней она велела поставить гроб. Мне открыть дверь, мой господин?

— Открой. Но сейчас я не могу войти. Еще не пришло время. Но когда я вернусь — дверь должна быть не заперта.

Очнулся Гюнтер уже в палате, в которой лежали сплошь одни наркоманы.

С тех пор он решил радикально изменить свои взгляды, словно можно изменить судьбу, просто поменяв гардероб. Он стал коммунистом и даже бросил наркотики. Принялся сочинять статьи на тему сумерек западной цивилизации и грядущего расцвета интернационала во главе с молодыми некоммунистами. В этом новом коммунистическом течении причудливо мешались идеи Каутского и Ницше. Неокоммунисты полагали себя заратустрами, несущими в гибнущий мир зерно новой цивилизации.

Но после череды страшных землетрясений, когда Великобритания ушла на дно океана, Франция уменьшилась на четверть, а Бельгия и Нидерланды прекратили существование совершенно, Гюнтера стали одолевать прежние настроения.

Он все больше думал о замке. Ему страшно хотелось посетить его, удостовериться — правильно ли он все вспомнил и увидел в своих наркотических путешествиях. Время на дворе стояло такое, что многие не желали верить действительности и благоприятным пророчествам, ничему — они боялись дня и доверяли ночи.

Жарким апрельским днем он появился у стен замка.

IV

Замок был уже не тот. Не гордый, одинокий хозяин долины, а благоустроенное заведение для туристов. Невдалеке выросла башня «Хилтона». На фоне гладких, сверкающих полированным стеклом стен отеля скала утратила свое су-

ровое первородство. Вытянувшимися вверх пиявками к ней присосалось несколько прозрачных желобов с кабинами лифтов. Стены замка — старая стена была разобрана еще в пятнадцатом столетии, от нее остался лишь нижний ряд мощных каменных блоков — казались сложенными из кубиков детского конструктора; их отмыли и начистили.

Из лифта Гюнтер шагнул на площадку, опоясывающую замок кольцом зеленой подстриженной травы и розового бетона. Неуместно изящные кованые решетки заменили прежние ворота. Над решеткой висела табличка, готическим шрифтом извещавшая приезжих, что замок Аустангштайн, построенный в десятом веке, принадлежит народу Германии.

Гюнтер присоединился к группе туристов. Судя по диалекту — из Баварии. Да и вообще, по замку бродили преимущественно немцы, впитывая в себя дух бывшего величия Германии. Страна вышла из катаклизма сравнительно благополучно — под водой оказалась лишь земля Шлезвиг-Гольштейн, вместе с Данией. Остальным народам Западной Европы было не до туризма. Испания лежала под радиоактивным леплом французских атомных станций. Ирландия, окруженная радиоактивными водами оксана, изо всех боролась за выживание. Швейцарию парализовал экономический хаос после развала мировой банковской системы, ее города-призраки, неосвещаемые и неотопливаемые, — за эти блага цивилизации нечем стало платить, — постепенно пустели. Италию сотрясал шторм религиозно-гражданской войны: католики мстили атеистам за крах западного мира, атеисты католикам — за то же самое. О народах, чьи территории ушли под воду, и говорить нечего.

Гюнтер рассеянно слушал речь экскурсовода. Тот рассказывал, что замок построен вскоре после Каролингов, что до тринадцатого века упоминаний о хозяевах замка практически не сохранилось, до наших пор дошла лишь красивая легенда, датируемая предположительно временем Второго крестового похода, о маленькой госпоже Марте и ее возлюбленном, погибшем под стенами Эдессы. По счастливому стечению обстоятельств, от архитектуры тех времен сохранилась именно юго-восточная башня, с которой и бросилась несчастная. Прочие строения подвергались неодно-

кратным переделкам. Поэтому мы можем видеть смешение стилей от ранней готики до позднего Ренессанса.

Туристы двигались крытыми галереями, останавливались на смотровых площадках, поднимались по винтовой лестнице в центральную башню.

Гюнтер поднялся на северную смотровую башенку. Здесь, на площадке, была лишь пожилая чета. Они разговаривали по-польски. Этот язык Гюнтер немного знал — польское отделение было вторым по численности в их неокommунистической организации. Поляки говорили о том, что немцы слишком надменны и глупы, что не понятно, как можно гордиться подобным замком, краковская крепость не в пример больше и величественней, а между тем там ни одного немца не встретишь.

Гюнтер не удивился подобным умозаключениям — он привык, что гости из Восточной Европы в последнее время слишком уж задирают нос, но тут ничего не поделаешь.

Он вдруг понял, что все это не имеет никакого смысла. Ему захотелось найти комнату. Ту самую, о которой он в суете дней позабыл. Сейчас, на этой площадке, с которой прекрасно был виден Королевский Камень — Кенингштайн и совсем не была видна башня дрезденского телецентра, он вспомнил о комнате. Ему подумалось, что если спуститься в подземелье, то в стене можно будет отыскать вход в потайную галерею, вход, который показал ему Шлюссель в наркотическом видении, и по ней пройти к той самой комнате.

Гюнтер хотел уже отправляться, но подумал о свете, вспомнил, как плясали в отблесках факела их тени. И он обратился к полякам: «Пшепроше, пан и пани, — запалки...» Поляк усмехнулся и отдал зажигалку. Гюнтер спрятал ее в карман и протянул десять марок — после крушения Европы уцелевшие страны вернулись к национальным валютам. Поляк махнул рукой: «То не тшэба, пан». «Дзенькую бардзо», — поблагодарил Гюнтер. Мужчина лишь снисходительно кивнул.

Винтовая лестница заканчивалась на первом этаже. Где-то здесь был вход в подземелье. Гюнтер выбрал из трех дверей ту, что была с самым большим кольцом, в отличие от других, не продетым в львиную пасть, а просто врезанным в дерево.

Он шагнул в проем, и на него дохнуло холодом и сыростью. Маршевая лестница круто ныряла в темноту. Перил не было — следовало быть осторожным, ведь неизвестно, с какой высоты и на что придется падать. Придерживаясь стены, он миновал три пролета и оказался в подземелье — темном узком коридоре. Слабый свет зажигалки выхватывал то кусок стены, то провал в новое ответвление хода.

Зажигалка определенно мешала. Он не мог вспомнить, куда идти — вдоль главного хода или следует свернуть в ответвление, но если сворачивать, то в какое именно? Гюнтер погасил огонек и остался в полной темноте.

Тихо здесь было. Глухая тишина, такая, что начинаешь отчетливо слышать шум крови в артериях. Словно отраженное эхом от стен, раздавалось «бум-бум-бум» сердца.

Вдруг возник свет — по стенам побежали отблески невидимого факела, и вкрадчивый голос произнес:

— Направо, мой господин.

Гюнтер повернулся на голос — никого не было, однако на стене кроме его, Гюнтера, тени колебалась еще одна. И на этой же стене вдруг отчетливо проступила руна райдо.

Справа не было никакого прохода — сплошная стена. Впрочем, нет. Взгляд упал на тот самый камень, который в видении вдавливал в стену Шлюссель. Гюнтер наклонился и нажал на камень рукой.

— Сильнее, мой господин, — шепнуло над самым ухом.

Гюнтер навалился обеими руками, и камень внезапно ушел из-под рук. Кусок стены стал медленно опрокидываться внутрь.

— Осторожнее, — предупредил голос, — идите точно по плите.

По обеим сторонам была пустота, отблески факела терялись в ней. Плита оказалась мостом. Как только Гюнтер перешел на другую сторону, стена встала на место.

— Теперь идите дальше.

Гюнтер шел долго, несколько раз галерея поворачивала, наконец каменную кладку сменил монолит. Галерея прервалась в туннель, прорубленный в скале. Гюнтер был в двенадцатом веке, в самом сердце старого замка.

В углу, освещаемая слабым лучом из невидимого световода, возникла лестница. Маленькие полукруглые ступени вели вверх, прямо к двери той самой комнаты.

— Как вы того желали, мой господин, дверь я оставил открытой. А теперь, мой господин, позвольте вашему слуге удалиться...

— Ступай, мой верный Шлюссель. — Слова произнеслись сами.

По подземелью пронесся вздох, отблеск факела исчез. Но остался свет, идущий сверху.

Гюнтер толкнул небольшую деревянную дверь, и та, пронзительно вскрикнув, отворилась.

Внутри горело яркое голубое пламя. Источником его был гроб, стоявший на низком каменном столе. Крышка гроба помещалась рядом, прислоненная к стене, и на ней была грубо пацарапана руна кано. Комната была невелика — ниша, выдолбленная в скале. От двери до саркофага — всего три шага.

Гюнтер усмехнулся, приблизился к гробу и заглянул внутрь. Пусто. Гроб казался довольно новым, однако уже побывавшим в земле. Днище расколола трещина — видимо, его швырнули в могилу, как камень в омут. У изголовья на столе лежала стопка одежды. Гюнтер взял нарядный камзол и чулки, вновь усмехнулся и принялся переодеваться. Ему хотелось как можно скорее лечь в гроб. Он был уверен, что маленькая комната — вовсе не конец удивительного путешествия. Юноша чувствовал, что отныне будет двигаться по кромке мира.

Был день, который некогда считался праздником святой Селестины. Но теперь об этом никто не помнил. По замку бродили досужие туристы, обвешанные фотоаппаратами и видеокамерами.

Вдруг неведь откуда явился гроб. Он парил над замком, плыл по воздуху неспешно и торжественно, единственно реальный и настоящий среди непонятного, отживающего и теряющего всякую цену мира.

Гроб этот увидели очень немногие из посетителей замка. Эти избранные, сочтя его восхитительным аттракционом, устроенным для них предприимчивой дирекцией, на-

вели камеры и защелкали затворами фотоаппаратов. Остальные же смотрели на них с недоумением: они не видели никакого летающего гроба.

Небо над замком было безоблачным.

V

Вот уже третий день за круизным судном «Мария Селеста» летели огромные черные птицы с собачьими головами, издававшие тоскливые пронзительные крики. Неделю назад судно вышло из Щецина в направлении Северной Америки, маршрутом Великой катастрофы. Лайнер, оборудованный новейшим противорадиационным экраном, неспешно рассекал мертвые воды Атлантики. Под водой лежали города и страны. Ленивые волны качали пемзу и мусор цивилизации. Кое-где из-под воды торчали ржавые, покосившиеся мачты радио- и телебашен. По ночам радиоактивные воды тускло люминесцировали.

Круиз «Новая Атлантида» пользовался большим успехом. Человека манит зрелище смерти. Человек словно заглядывает в самую пропасть, отделяющую жизнь от небытия. Зрелище это пьянит и долго не отпускает.

О темных сторонах психики любил поговорить Вальтер Перельманн, создатель нового, модного направления в философии — «эсхатологии безысходности». Когда в сумерках пассажиры заполняли смотровую палубу, озаряемую призрачным свечением сонного океана, и всполохами северного сияния, наблюдаемого ныне даже на экваторе, преуспевающий ученый заводил одну и ту же пластинку: про дикое пиришествo смерти — апофеоз всякой цивилизации.

— Только развитая личность способна наслаждаться, я бы даже сказал, смаковать вкус смерти. Потому что великие и губительные разрушения достигаются исключительно усилиями самых могучих сил цивилизации. В своем наивысшем развитии силы цивилизации становятся орудием матери-смерти, Muttertott. Вот тогда-то люди видят воочию, чему поклонялись и что есть главное, что способно одарить человека наслаждением Величайшего! Эти величе-

ственные руины, видимые нам в свете дня, — Вальтер указал курительной трубкой на освинцованное стекло защитного экрана, за которым таилась эта самая смерть, — сообщают нам, что жизнь наша не есть жизнь ничтожных тварей, но жизнь существ космических, раз смерть наша облачается в столь торжественные, планетарные формы!

С профессором философии не спорили, но молча слушали, медленно потягивая пиво или вино. В эти вечерние минуты казалось пассажирам, что корабль наполнен тенями погибших миллионов, поднимающихся в сумерках из морской пучины. Это было очень романтично и поучительно.

Но сегодня кто-то завел разговор о черных птицах с собачьими головами и мерзкими кожистыми крыльями. Принялись рассуждать: мутанты это или неизвестные ранее формы жизни, вырвавшиеся из каких-то темных недр? Как они могут обитать среди этих мертвых вод и зачем преследуют «Марию Селесту»?

— Я знаю, что это за птицы, — вдруг подал голос немолодой мужчина. — Семейное предание баронов Вилдфангов описывает их как птиц сатаны. Всех нас ждет скорая гибель, — столь же неожиданно оборвал он свою речь.

— Вы и вправду верите в древние легенды, барон? И как они могут быть связаны с нами и нашим путешествием? — спросила флегматичная фрау Кох, супруга бранденбургского пивовара Отто Коха.

— Не знаю, фрау, верю я или нет. Только когда эти птицы кричат, мне начинает казаться, будто я совершил страшное преступление и мне нет больше места на Земле.

Некоторые пассажиры тут же поспешили признаться, что крик этих мерзостных тварей будит в них точно такие же чувства. Даже фрау Кох призналась, что, хотя она в жизни не обидела и мухи — разве что один раз ткнула носом свою болонку в лужу, которую та наделала на полу в гостиной, да и то в воспитательных целях, — она, слыша эти истошные крики, чувствует себя жуткой преступницей. «Словно я отравила ядом дюжину человек».

— Что ты такое говоришь, Брунгильда! — возмутился ее супруг Отто. — Господа могут подумать, что я подмешиваю в наше пиво какую-нибудь гадость! Смею заверить вас,

господа, пиво «Отто» самое экологически чистое, самое проверенное живое пиво...

Пронзительный вопль заставил всех вздрогнуть.

— Никогда раньше они не кричали в темноте, — тихо произнес адвокат из Востока.

— А что если они нас слышат? И знают, что мы сейчас говорим *о них*? — предположила фрау Кох.

В наступившей тишине раздался нарочитый смех профессора Вальтера:

— Господа! Прекратите молоть вздор. Если вы наделены хотя бы малой толикой воображения, вы должны увидеть в этих птицах могучих ангелов смерти. Ведь кто иной должен парить над этими мертвыми водами, ставшими могилой для миллиардов жизней, я имею в виду не только человеческих, но и всех тварей земных и морских! Уверен, они нам указывают...

— Дорогу в ад, — тихо произнес барон Вилдфанг.

— Фи, барон, на морском лайнере — и в ад? Право, вы начитались дурных романов, — возмутилась фрау Кох. — На кораблях не плавают в ад!

Поддержать тему ночных птиц больше никто не пожелал, и разговор скомкался. Когда смотровая палуба опустела, к сидевшему у самого экрана барону подошел стюард и, отчего-то волнуясь, сказал:

— Вы произвели удивительное впечатление, господин барон. В который раз плыву «Новой Атлантидой», но этих птиц вижу впервые. Я думаю, господин барон, мы все погибнем. Потому что мы прокляты. Наш лайнер плывет... в ад! — Стюард испугался своих слов и поспешно убежал.

— Знал бы ты, насколько ты прав, стюард по имени Пьер Лармию, — тихо произнес Вилдфанг.

Барон держал на коленях ноутбук, на экран был выведен список пассажиров и команды «Марии Селесты». Как-то так выходило, что все они имели общих предков. Точнее, их предками были всего несколько человек из числа слуг барона Вилдфанга и самого барона, загубивших в 1199 году от Рождества Христова семейство герцога Шварценбургского. Побуждаемый странным, маниакальным интересом к странной родовой легенде, барон много лет собирал сведения обо

всех участниках того страшного преступления и их потомках. Оказалось, что всем им и во все времена чрезвычайно везло. Никто не умер насильственной смертью, не испытал нищеты или тяжелой мучительной болезни. Даже чума тринадцатого века, опустошившая пол-Европы, не тронула потомков предателей. И нынешняя планетарная катастрофа миновала их стороной. Когда барон, сверившись со списком, обнаружил, что все известные ему ныне здравствующие потомки собрались на борту «Марии Селесты», он испытал ощущение, подобное падению в бездну.

В полночь громаду океанского лайнера сотрясли три глухих удара, разбудив пассажиров и команду. Испуганные люди бросились на палубы — им казалось, корабль тонет. Внезапно четвертый, самый сильный удар потряс защитный экран лайнера, глубокая трещина от борта до борта прорезала толстый оцинкованный колпак. Все огни погасли. Лишь окно капитанской рубки источало мертвенно-голубоватое свечение. С десятков пассажиров, что смогли разобраться в сплетении коридоров и тралов, добрались туда вместе с офицерами корабля. Когда же вошли, обнаружили посреди рубки сияющий гроб. И в нем лежал человек в старинном камзоле, а рядом стояла медсестра.

— Что это, что это такое? — ужаснулся старший помощник. — Где капитан?

— Я ваш капитан! — раздалось из гроба.

Человек в старинном камзоле стал медленно подниматься. Подниматься так, будто земное притяжение не властно над ним.

После этих слов все, кто в панике толпился на палубах или обливался ледяным пбтом в каютах, замерли. В невозможной тишине послышалось пение. Женский голос выводил тоскливую, заунывную мелодию, в которой можно было понять лишь немногие слова — язык был старогерманский. Бледная звездочка опустилась на «Марию Селесту», проникла сквозь экран и повисла над палубами.

— А вот и недостающее звено, — еле слышно пробормотал барон Вилдфанг, стоявший в дверях рубки.

Бледная звездочка увеличилась, приняла сперва очертания древней руны наутиз, скошенного креста, — руна пово-

рачивалась вокруг своей оси, так что крест косил то вправо, то влево, — а затем превратилась в женскую фигуру в развевающихся, словно на ветру, одеждах. Человек из гроба указал на нее рукой:

— Вот ваша хозяйка. Вы сделаете то, что она вам прикажет.

Медсестра, стоявшая в изголовье гроба, согласно кивнула.

Барон шептал:

— Вильгельмина, невеста молодого Гюнтера Шварценбургского, оказалась бесплодной и не оставила потомков. Казалось, из всех убийц злой рок настиг только ее. И вот она пришла за нами... пришла за нами...

— Что вы говорите? — расслышал его стоявший рядом Вальтер. — Человек из гроба — мой старый приятель, Гюнтер. Все это восхитительный аттракцион. Гюнтер! — позвал он. — Узнаешь ли своего друга Вальтера? Вспомни нашу службу в госпитале... наши вечерние беседы!

Но Гюнтер лишь покачал головой и ничего не ответил.

В это время раздался всепроникающий голос призрака Вильгельмины, низкий, холодный, как смерть:

— Убийцы, потомки убийц! Проклятые! Мои рабы, следуйте за мной.

Призрак колыхнулся и медленно поплыл прочь. Люди на палубе зашевелились, двинулись следом. Они кричали, они сыпали проклятиями, они цеплялись за поручни, но руки скользили, словно поручни сделались призрачными. Как и всё на корабле, за что можно было бы ухватиться, где можно было бы спрятаться. И, дойдя до стеклянного колпака, на котором треугольным флагом багровела руна турисаз, исчезли бесследно.

— Гюнтер, дружище! — отчаянно взывал Вальтер к старому другу. — Перестань! Не надо! Ты же знаешь, я ни в чем не виноват! Я всего лишь дурак-философ! Ну, пощади же. Я никого не убивал! Даже если я потомок, сам я никого не убивал! Так не должно быть, в этом нет справедливости!

— Прощай, Вальтер, — ответил человек в камзоле. — Ни ты, ни я не в силах ничего изменить. И разве не твой прадед, проведя в далеком военном году магический обряд, пробудил к жизни заклятие возмездия?

— Не знаю никакого прадеда! — кричал Вальтер. — Да, говорят, он был эсэсовцем. Но я, при чем здесь я? Почему я?!

Ноги уже несли Вальтера вниз по трапу, рядом спокойно шагал барон Вилдфанг.

— Не разменивайтесь на истерику, молодой человек, — говорил барон. — Наслаждайтесь мистерией смерти. Кому еще, как не вам, человеку, объяснившему высший смысл цивилизации, должно быть доступно наслаждение собственной смертью!

— Вы издеваетесь, — процедил сквозь зубы Вальтер.

Его сердце обмирало от страха и ужаса, зубы лязгали, тело сотрясала дрожь.

— Простите, если обидел, — успел сказать барон, прежде чем его тело растаяло.

И ветер, ударивший в лицо Вальтеру, когда он каким-то непостижимым образом пересек стеклянный колпак, донес конец фразы:

— Только ждет нас совсем не та смерть...

Гюнтер проводил взглядом последнего участника процедуры и вернулся в гроб. Теперь надобности ложиться не было, он просто сел.

— Мою собаку звали Ирма, — обернулся он к медсестре.

— Это я, мой господин, — ответила фройлян Ирма. — Не хотела бы я даже заглянуть туда, куда отправились твои губители, вослед за безумной Вильгельминой.

В следующий миг она, превратившись в большую рыжую собаку, запрыгнула в гроб. И гроб исчез.

Одинокий тоскливый вопль черной птицы донесся из полыхающего холодным сиянием неба. Огромный покинутый лайнер медленно рассекал океанские воды.

Левонид Смирнов

ВЫСШАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

1

Парфенов довольно улыбался, облокотившись о стол. Сейчас он напоминал кота, приготовившегося съесть банку деревенской сметаны. Рядом сидел сухопарый председатель экспертной комиссии с желчным, вечно недовольным лицом. Перед ними стояли два полупустых стакана с холодным чаем и ломтиками лимона. Большой плоский монитор на столе транслировал изображение с четырех видеокамер, развешанных по углам тюремной камеры. Остальные эксперты прильнули к окошечкам, прорезанным в бетонной стене. Броневое стекло надежно отгораживало их от камеры Наказания.

— Неужели эта смерть может вас радовать? — после долгого молчания осведомился председатель и пристально посмотрел на Парфенова.

Генный инженер Парфенов — «настоящий гений в своей области», как писали газеты, — почесал темечко, не спеша отвечать на вопрос. До начала экзекуции оставалось пять минут.

— Видите ли, Сергей Эдуардович... Я вовсе не склонен радоваться чьим бы то ни было мукам. Меня восхищает лишь одно: наконец-то — впервые за тысячелетнюю историю человечества — появилась возможность реализовать принцип Высшей Справедливости. То есть воздать преступнику строго по его деяниям. Не будет больше ни слишком суровых, ни слишком мягких приговоров, что крайне важно для торжества Закона, к тому же... — Он недоговорил, потому что зазвенел первый звонок.

В доселе темной камере вспыхнул яркий свет. Лысые и волосатые затылки экспертов зашевелились, их шепот уже нельзя было назвать негромким. Председатель комиссии недовольно постукал карандашом по столу.

— Внимание, господа! — Его пронзительный голос падал перепонки. — Напоминаю, что от нашего решения зависит судьба коренной реформы в системе наказаний особо тяжких преступлений.

Разговоры моментально смолкли, и воцарилась тишина, прерванная лишь вторым звонком.

Преступник, приговоренный к смертной казни — за зверское изнасилование малолетней — и добровольно согласившийся заменить расстрел на процедуру «Око за око», медленно вошел в камеру. Обритая голова его была опущена. Конвоир развязал заключенному руки и поспешно захлопнул стальную дверь. Заскрежетали, защелкали многочисленные внешние запоры. Охранник вовсе не жаждал встретиться с Наказателем, который появится здесь ровно через минуту.

В камере не было никакой мебели; серые гладкие стены без единой ниши или выступа и столь же ровный бетонный пол с единственным круглым отверстием посередине — очевидно, для стока воды при уборке.

Это ожидание могло изуровать кого угодно — что уж говорить о самом приговоренном. Смертник прислонился к стене и сполз по ней, в конце концов оказавшись на корточках. Он неотрывно смотрел на вторую дверь. Именно оттуда придет ОНО... Казалось, третий звонок никогда не прозвонит.

Парфенов, как ни старался, не мог сдерживать нетерпения. Он едва не сучил ногами. Губы сами складывались в нервную улыбку, так что на пухлых щеках образовались трогательные ямочки. Председатель, напротив, был сама невозмутимость, он больше не сверлил «гения» взглядом — экономил уничтожающий заряд на потом. Он не верил в действенность Наказателя, выведенного в лаборатории, но имел крепкие нервы и без труда мог дожидаться позорного фиаско эксперимента. Это его предвкушение было не менее сладострастным, чем парфеновское ожидание успеха.

Приговоренный внешне не проявлял страха. Никто во всей тюрьме не мог даже предположить, что он жаждет прихода Наказателя, как любой смертник ждет исполнения своего последнего желания. «Потом меня все равно убьют, — ду-

мал он, — но это потом...» Он был уверен, что напоследок сумеет получить еще одно *удовольствие*, быть может, самое главное в своей жизни. Такое, которого не испытывал еще ни один смертный.

Да, не оскудела еще земля русская талантами — японцы отстают в разработках такого рода по крайней мере на пять лет, а американцы и того больше. Слишком много сомнений, нерешительности — плоды чрезмерной демократии...

Третий звонок грянул как гром среди ясного неба. Прямоугольная стальная плита с тихим лязгом уехала в стену, и внутрь камеры полезли омерзительно причмокивающие рты. Потом выяснилось, что ими заканчивались длинные щупальца. Председатель комиссии похолодел — в первое мгновение ему показалось, что в наш мир появился жуткий кумир его сына, мертвый бог Ктулху.

Ярко-розовые бесконечные ленты языков плотоядно облизывали пупыристые раздутые губы, капала на пол пузырящаяся пахучая слюна. При близком рассмотрении пупырышки на губах оказались присосками.

Кого-то из экспертов начало тошнить, и он опрометью бросился в туалет. Другие зажимали руками рты, изо всех сил пытаясь досмотреть экзекуцию до конца. Третьим же это жуткое представление явно пришлось по душе. Вот только показывать свои эмоции было политически неграмотно.

Смертник весь затрепетал, ведь он мог получать удовольствие от многого, и особенно от боли — как чужой, так и своей. А тем временем этот живой клубок не спешил приниматься за дело. Он полностью втек в камеру и теперь расправлял все свои многочисленные конечности, словно проверял «инструментарий», как хирург, готовящийся к сложной и долгой операции.

И тогда смертник сам пошел ему навстречу. Наказатель тоже предвкушал это «свидание». Одно из щупалец с огромным ртом на конце вдруг стремительно выбросилось вперед, будто желая поцеловать человека. При этом рот раскрылся еще шире, показывая свой истинный размер — сантиметров тридцать или того больше. И тут раздался крик...

Председатель комиссии неподвижно сидел за столом, уронив голову на руки. Он все никак не мог прийти в себя. Остальные эксперты разбрелись кто куда. Видок у них был неважнецкий. А двоих, самых нервных, и вовсе пришлось приводить в чувство нашатырем. Из коридора доносилось бульканье и хлопанье дверцы холодильника — одну за другой доставали и вскрывали бутылки «боржоми».

— Ну как вам показалось? — продолжал теревить его Парфенов.

— Оставьте меня в покое! — наконец рявкнул Сергей Эдуардович и хотел было встать и выйти из-за стола.

Но гениальный инженер не дал — бесцеремонно вцепился в рукав.

— И все-таки вам понравился мой «ребеночек»? — заискивающе смотрел в глаза председателю Парфенов, но хватка его при этом оставалась железной.

— Да! Да! Да!!! — рявкнул тот и, вырвав рукав, бросился к двери, ударил в нее плечом, словно хотел сорвать с петель.

2

Прошел год. Первый эксперимент, несмотря на особое мнение наиболее чувствительных экспертов, был признан успешным. Разгоревшийся было скандал быстро потушили — после вмешательства высоких чинов. Парфенову предоставили карт-бланш, и он получил в свое распоряжение целый институт.

Неожиданную поддержку Парфенов получил из Интернета. Молодежи понравились создаваемые им чудовища — зерна пали на плодородную почву. Миллионы пользователей дружно проголосовали «за», буквально поселившись на форумах и сайтах, где пышно расцвел культ древнего чудовища Ктулху. А сайты эти начали множиться как грибы после августовского дождя.

Страшный бог, лежащий на дне Тихого океана, не только управлял человечеством, непрерывно вторгаясь в людские сны, но и решился наконец на прямую атаку. Для этого ему даже не пришлось шевелить крыльями и щупаль-

цами — Ктулху творил своих безжалостных и неистребимых слуг руками невзрачного московского генетика, поборника Высшей Справедливости.

Парфенов не сразу узнал о своей неожиданной популярности. Глаза ему открыл исполнительный директор, чей сын дни и ночи напролет просиживал в чатах и блогах.

— Вы, Петр Кириллович, для них — ну, будто... — Директор замаялся.

— Сын бога?

Директор скривил губы, превратив рот в подобие куриной гузки.

— Скорее подручный...

— Подручный бога?

— Хм... хм...

Парфенов так и не дождался ответа.

Поначалу он сам не знал: радоваться ему народной любви или печалиться. Но помозговал, взвесил все как следует и наконец подвел черту: когда решается судьба, а чаша весов предательски колеблется, глупо отказываться от любых союзников — даже от великовозрастных младенцев.

Примерно раз в месяц гениальный инженер «выпекал» очередного Наказателя — за нанесение тяжких телесных повреждений, за оскорбление действием, за публичное словесное унижение, за применение изощренных пыток. А потом начиналось и вовсе безынтересное тиражирование опытного образца. Постепенно производство Наказателей превратилось в конвейер.

Общество, оправившись от первого шока, стало привыкать к новой системе наказаний. А преступлений, как показывала статистика МВД, в последние месяцы вроде бы стало немного меньше.

Некоторые экзекуции даже показывали по центральному телевидению — конечно, не возмездие за убийство или изнасилование, а за что-нибудь менее тяжкое. Например, выведенный генетическим путем Наказатель-5 выявил уязвимые места преступника, избличенного в публичном унижении, и мастерски поиздевался над ним на глазах у ста миллионов телезрителей. Это глумление было проведено по истине гениально. Как потом выяснилось, из пяти публично

наказанных таким образом преступников трое вскоре покончили с собой.

Как бы то ни было, эффект оказался поразительный. Президента закидали благодарными письмами, хотя имелись и гневные отповеди. В целом же реакция широкой общественности оказалась скорее положительной, чем отрицательной. В стране все слишком устали от преступности.

Постепенно Парфенов стал терять интерес к Наказателям, ведь он был творец, а не иггмповщик. Нужно было придумать что-то принципиально новое, совершить переворот в пенитенциарной системе в целом. И таким рычагом для изменения мира могло стать создание Абсолютно Справедливого Обнаружителя и Определителя преступников. Он мог бы самостоятельно выявлять правонарушителей, устанавливать меру вины, выносить...

Это освободило бы людей от дорогостоящего, жестокого и опасного процесса судопроизводства, постепенно ликвидировались бы сами понятия угрозыска, следствия, прокуратуры, тюрем, суда, да и вообще таких организаций, как МВД, Мипюст и Генпрокуратура. Само собой, экономились бы огромные средства, в народное хозяйство вернулись бы сотни тысяч работников в самом трудоспособном возрасте и все такое прочее... За подобное достижение вполне можно получить Государственную премию или даже Нобеля.

Со своим проектом Парфенов пошел, естественно, не к министру внутренних дел, а напрямую в исстрадавшееся от безденежья Министерство финансов. Не забыл он при этом заручиться поддержкой и конкурирующих с МВД органов — Службы внешней разведки и ФСБ. К тому времени гениный инженер стал доктором биологических наук (ученое звание ему присвоили без защиты и на «ура»), был стремительно избран членкором РАН, приобрел немалую известность и потому был «вхож». Его идею нашли привлекательной сначала в кулуарах, а затем и в кабинетах.

— Преступник должен быть уверен, что неотвратимо получит справедливое наказание. И все, что он делает с другим, вернется в буквальном смысле, — игнорируя гневный взгляд Познера, вещал Парфенов в программе «Времена». —

Каждая новая подлость, каждое новое зверство — это подлость, это зверство, в конечном счете совершенное против него же самого...

Эта речь имела сильный резонанс, в том числе и за рубежом.

Первая группа «высшей справедливости» полчаса назад вышла из дверей его института и двинулась по улицам Москвы. Она должна была начать работу с обнаружения и наказания самого опасного преступника, самого страшного мерзавца столицы, а быть может, и всей страны.

Парфенов сидел, сжимая в руке мобильник, и ждал отчета группы наблюдения. Новенькая сверкающая игрушка пока молчала самым подлым образом, равно как и гербастый «кремлевский» телефон на столе. Но членкор всегда умел себя успокоить.

«Таким Макаром мне и до академика недалеко... И Андрея Первозванного — на грудь... Народ мне еще спасибо скажет... Я один делаю для страны больше, чем все эти погрязшие в говорильне депутаты и министры вместе взятые...»

Мечты, мечты, в чем ваша сладость?..

— Они прошли по Малой Бронной, — наконец сообщили по телефону наблюдатели. Значит, все свершится где-то неподалеку.

В дверь позвонили. Парфенов не был удивлен — теперь к нему многие пойдут на поклон, он многим станет интересен, включая тех, кто даже здороваться с ним раньше брезговал.

— Кто там? — спросил внушительным голосом.

— Никитин, — ответил знакомый голос. Это, без сомнения, был один из главных противников биолога — начальник городской милиции генерал-лейтенант Федор Иванович Никитин. Выходит, все-таки смирил гордыню!

Довольно потеряв руки, Парфенов снял цепочку и повернул колесики двух замков — ригельного и обычного, распахнул дверь. На пороге стояли.

Это был вовсе никакой не генерал-лейтенант. На лестничной площадке находилась в полном составе группа «высшей справедливости».

— В чем дело?! — гневно спросил Парфенов. Волосы у него встали дыбом. — Что вы тут забыли?!

— Мы *пришли*, — торжественно провозгласил самый речистый из них — Наказатель-5. — Просьба не оказывать сопротивления.

У гениального инженера стиснуло сердце, он хотел захлопнуть дверь, но ноги вдруг подогнулись. И тут в коридор повалили...

Куст клещающих зубами щупалец наклонился над Парфеновым. Позади, почти незаметный среди этих махин, стоял Определитель — хиленькое тельце на тонких ножках, большущая голова с огромными глазами на стебельках, ушамиллокаторами и воронкообразными трубочками ноздрей.

— Не все сразу, ребята! — только и успел пропищать Парфенов.

* * *

Дагонская молитва гласит: «В своем доме в Р'льехе мертвый Ктулху спит, ожидая своего часа». Час этот был близок...

Федор Чешко
РЖАВАЯ СУДЬБА

Олесь еще никогда в жизни ничего так не ждал, как этой ночи. Весь бесконечный августовский день, переполненный одуряющим зноем, пылью и нестерпимо однообразным вымахиваньем косой — весь этот съеденный жатвой день парню мечталось лишь о том, как даст он покой одеревенелым рукам, напьется вволю, а потом заползет куда-нибудь в холодок и будет спать, спать, спать... Долго-долго. Аж до рассвета. Как мертвый.

Наконец вроде бы начали сбываться мечты. Скатилось к горизонту солнце; на почернелом небе налился прозрачным сиянием Чумацкий Шлях; и отец, поглядев на Петра и вконец обессиленного Олесь, махнул ладонью: «Ну, будет с вас. Кидайте, нехай ему...»

Кинули. Добрели до речки, кое-как сполоснулись. Попадали около возов, нетерпеливо зыря на баб: где же вечера? Тут-то и сгинул куда-то Олесев сон — удрал, как тот волчина от внезапного выстрела. Потому что снова пришлось увидеть Оксану — ее задумчивые, словно богомазом писанные глаза, стройную загорелую шею, ловкие движения еще по-детски хрупких рук... Ото было б сразу развалиться где ни попадя (абы подальше от остальных) да и спать себе, чтоб и случайно не глянуть в ее сторону, чтоб не слышать ее смеха, не мучить сердце напрасной тоской. А тебе, вишь, вечерять взбрело! Вот и хлебай теперь, дурень... И кусок в горло не полезет, и сон пропал...

Пытаясь не привлекать к себе внимания, Олесь потихоньку отодвигался все дальше и дальше, пока между ним и прочими не оказался груженный снопами воз.

Вот так.

Наконец-то выпало остаться наедине с тоскливыми своими мыслями, с отчаянием своим.

Так что, парень, легче тебе от того стало? Ой, нет...

Плохой будет вечер, и день был плохой, и начался этот день — хуже некуда. Еще как ехали в поле, их воз нагнали два казака — гонцы какие-то или еще кто, бес их знает. Нагнали и довольно долго ехали рядом — этакие гоноривые красавцы на лихих красавцах-конях, увешанные затейливым турецким оружием. С чего они вдруг решили плестись наравне с полусонными волами — то ясно: копейно же, на Оксану поглазеть хотелось. А чтоб нескромность такая не бросалась в глаза, казаки прицепились к Петру да Олесю: чего, мол, такие крепкие хлопцы до сих пор еще не подались на Сечь? От мамкиного подола отцепиться робеют или так по душе никчемная жизнь граков-гречкосеев? Олесь молчал, лишь поглядывал злобно; Петро отшучивался, но получалось у него плоховато... В конце концов отец не стерпел, выверился:

— А как гречкосеи, то уже и не люди? Не православные? Жрать небось любите, вон какие морды понаедали! А кто ж вас кормить будет, если не мы?

Но казаки только смеялись:

— Э-э, дед, зачем нас кормить? Видишь? — Один из них выхватил саблю, крутанул над головой искристым клинком. — Вишь, какая спасительница-кормилица? Да я ж ею за иной день больше себе намахаю, чем ты своей косой за всю жизнь! Отпусти сынов на Сечь — и можешь хоть до скончанья века с печи не слазить! Прокормят, не бойся!

Вот так погарцевали, повыхвалялись, а потом как прищипорили — только шлях закурился от бешеного галопа. Олесь в сердцах сболтнул такое словцо, что аж волосы дернулись, а отец кулаком потрянул: «Пожди, шеня! Еще раз услышу...»

Не волнуйтесь, батько, услышите, и уж точно не раз. А казаки те все-таки дурни. «Жизнь по душе»... «Мамкин подол»... Да была б возможность, Олесь пешком быстрее любого коня сбежал бы и от той жизни, и от подола, и от слишком уж властной отцовой руки. Просил же, молил, только что сапоги не вылизывал старику: «Посватайте за меня Оксану, иначе жить не буду!» А тот скреб в затылке, скреб да и посватал-таки. Только не за Олесья — за Петра, чтоб ему добра не видать! А Олесю сказал: «Рано тебе.

Доживешь до нынешних Петровых лет — зашлю старост до Чепурненков. Тебе же, дурню, лучше: и хозяйство там побогаче, и девка шустрее...» Да хоть бы они сгорели синим пламенем — то хозяйство с той девкой и со всеми Чепурненками вместе! Называется, лучше... Мало того что любовь Олесеву другому отдали, так еще и каждый божий день перед глазами и она, и Петро... А ему, Петру-то, на все ж плевать, ему же абы только под юбкой все на месте было — сам как-то обмолвился. Тварюка... Не будь он братом, Олесь бы, наверное, уже душегубом стал. Эх, батько, что ж вы натворили?! Нет теперь спасения от злой сосущей тоски, и время ей нипочем — все сосет да сосет проклятая... Так, по капле, жизнь-то и высосет...

А прочие на Олесеву тоску обращают внимания не больше, чем на самого Олеса. Вот сейчас никто даже не заметил его исчезновения: слишком все заняты жеванием да глотанием (вечерей то есть). А потом быстро поукладывались, и брат Петро (вот же чертяка неутомимый, никакая усталость его не берет!) затеял всякую жуть рассказывать — это чтоб бабы ночью даже от жабьего кваканья взвизгивали.

Рассказчик из Петра знатный — даже Олесь против воли заслушался. Про попа, который как-то в полночь на кладбище собственную голову ногами буцал, — байка знакомая, и про серого аиста с зубастым клювом, что по ночам младенцев крадет, — тоже; а вот про железную бабу — это Петро уже что-то новое выдумал.

Мол, бродит степью невысокая коренастая баба со ржавым железным лицом, с железными когтями и в железных сапогах. Где живет — бес ее знает (а таки ж небось знает, ведь без бесовской подмоги этикие страшила на свете не заводятся).

И так она, баба та, к людям приветна да ласкова — очень любит помогать тем, кто в беду попал.

Вот, говорят, когда-то, давно уже, схали какие-то люди степным шляхом — кажется, на ярмарку. И наскочили на них татары. Что делать? Ховаться некуда, обороняться — пустое дело... Одно слово — смерть пришла. Вот путники и давай молиться сразу и Богу, и черту о спасении. Глядь — аж вдруг на шляхе железная баба стоит. Откуда только

взялась — бес ее знает (а наверное ж, знает). Рыкнула на татар так, что небо съежилось, ногами затопала, дыхла горячим дымом, и степняки все враз попадали мертвыми. А баба тут же сгинула, словно и не было ее. Только следы чудные в пыли остались.

К закату того же дня добрались те путники до какой-то зачуханой сельской корчмы и давай там рассказывать, как их сатанинская сила от татар оборонила. Люди их рассказу, конечно, верили слабо, посмеивались, но случился там один святой человек, так он остерег: «От нечистой подмоги добра не жди». Слово за слово — начался спор, а там и ссора, а там чуть ли не драка... Когда же все наконец так-сяк уговорились, вдруг решил напуститься на пришлых корчмарь:

— Нынче, — вроде бы сказал он тем, кого спасла железная баба, — уж ладно, ночуйте, но завтра на заре чтоб духу вашего в моей корчме не осталось. В мою корчму, — вроде как сказал им корчмарь, — приходят люди богобоязненные; приходят пить-есть да ночь перебыть в покое, а не слушать, как выхваляют нечистую силу. В моей корчме, — собрался было он продолжать, но кто-то из спасенных бабою путников ощерился злобно, перебил:

— Вот распелся! «Моя корчма, моя корчма...» Да хай она горит синим пламенем, драгоценная твоя корчма, вместе с тобой и с твоими богобоязненными!.. А хоть бы даже и с нами вместе — лишь бы сгорела!

Так и случилось.

Когда улеглись спать (как вот мы нынче), корчма вдруг полыхнула с четырех углов, да так, что все, кто там был, живьем испеклись. Пламя — невиданное, синеватое, веселое — мигом перекинулось на окрестные хаты и вскорости дымом-копотью пошло все село с мельницей, зелеными садами и Божьею церковью. И почитай что со всеми людьми. Только и спаслось из тамошних сельчан что пятеро или семеро — то по-разному говорят. А утром возле гарища видели странные следы — вроде бы и человек прошел, но такой тяжелый, что на каждом шагу вгрузал в крепкую землю на полвершка.

А еще говорят...

Олесь уже не слушал, что там еще говорят про ту страшнолюдную бабу.

Зачем слушать, если все едино брехня? Откуда, к примеру, известно про всякие разговоры в корчме — кто там на кого напускался да очеривался, если все до единого ночевальщики сторели? Обычная побрехенька. А жаль. Разве ж та железная баба такая уж страшная? Нет. Даже скорее наоборот. Ведь бывает, бывает так, что от кого угодно с радостью примешь помощь — даже зная, что через час после этого спечешься живьем.

Да подари ему, Олесю, хоть ангел Божий, хоть черт, хоть ведьма аж целый час Оксаниной любви, он за такое счастье на какие угодно муки бы согласился, еще бы и руки благодетелю целовал!

Ох, Оксана, Оксана... Видать, с ней тоже без нечистой силы не обошлось — а то б с чего так запала в душу эта дивчина?.. Верней, не дивчина уже, но звать ее бабой, женой — чужой женой! — слишком больно. Ежели спокойно подумать, то и нет в ней ничего особенного. Этакий недомерок бледненький, тоненький (дунь — переломится или по ветру полетит). Вот разве что глаза... Огромные, серые, прозрачные, но на самом дне своем затаили что-то неясное, чаровное, для чего и названия нет.

Но причина, наверное, не в глазах. Наверное, все гораздо проще, и если бы тем памятным вечером Олесь увидел возле пруда не Оксану, а другую, то в другую бы и влюбился.

Солнце тогда еще лишь малый краешек свой не успело спрятать за дальними кручами, в небе полыхал пожар, и мутный унылый пруд оборотился огромной чашей ярого небесного пламени. А на берегу стояла она... Прежде чем Оксана его заметила, хлопец рухнул в густую, мокрую от росы траву и потом бесчисленные столетия подкрадывался, полз, боясь дышать, захлебываясь отчаянием: не успеть, не увидеть ему больше этой красоты...

Он успел. Оксана даже не шевельнулась — так и стояла, подставив теплому ветру свое гибкое упругое тело, по которому плавно скатывались закатные искры. И Олесь долго-долго смотрел на маленькие, какие-то задиристые ее гру-

ди, на твердые округлости бедер — на все то, чего еще никогда в жизни не видел, что лишь представлять себе мог в мальчишечьих жадных мечтах...

Она так и не узнала, чем сделалась для него в тот вечер. А хоть бы и узнала — это бы ничего не изменило. Разве мог ей понравиться невзрачный, еще по-щенячьему неуклюжий хлопец? Вот Петро — то другое дело. По Петру сохнут чуть ли не все девки села, и не только их села, и, между прочим, не только девки, а и замужние бабы. Высокий, плечистый, лицом красив, и выдумщик, и затейник — с таким не соскучишься. Вот и липнут к нему, дурищи, как те мухи к... И Оксана, говорят, когда доморгалась, за кого сватают, аж засветилась от радости. Такая же дуреха, как и все: ей абы только дубина повыше да чуб погуще, а что под тем чубом ума не больше, чем в дырявой кринке, — то без разницы. Ну, ничего. Ничего. Наплачется еще, спохватится, да уже поздно будет. А Олесь и впрямь года через три поженится с Ченурненковою Ганночкой (тоже хорошая девка, конопатая только да малость лопоухая, а так ничего себе) и будет с ней любиться. А Оксана пускай завидует да локти себе грызет, что выпросила у Бога не того из братьев, которого бы стоило выпросить. И пускай. Так ей и надо.

Но пока что Оксана и не думала локти грызть. Она хохотала взахлеб, потому что Петро прекратил уже свои запугивания и что-то весело шептал ей на ухо. От этого хохота Олесю сделалось так обидно, так захотелось плакать, что он и не заметил, как уснул, где сидел — на голой, твердой от многодневного зноя земле, около воза, от которого остро тянуло дегтярной горечью, переспелым житом и сивой колючей пылью.

Приснилась ему какая-то жуть. Да и не сон то был, а тягостный, болезненный бред. Будто душа Олесева вырвалась-таки из-под власти разума и завопила, завывала, как, наверное, могут выть лишь горящие в вечном пекельном пламени. И кто-то слышал этот немой отчаянный вопль. Кто? Не понять, не рассмотреть — странный ползучий морокк надвигается, клубится, топчет в себе плоские мутные тени каких-то блеклых видений... И вдруг...

Нет, не вдруг. Медленно, неспешно мглистые смутные космы сплелись во что-то различимое, каменно-твердое... и живое.

Не человек, не зверь — мара, чудище, ужас во плоти показал Олеся свое лицо. Выкованное из тяжелого серого железа, надбеденное ржой, слепое и безносое, оно кривит в мертвой усмешке трещину рта, а вокруг, будто встрепанные ветром грязные патлы, мотается то ли сумрак, то ли дым, то ли туман... С внезапным визгливым скрежетом распахнулись веки, которые сперва показались выпученными незрячими бельмами, и настоящие глаза страшилища — неожиданно ясные, прозрачные, серые, хлестнули Олеся отражением собственной его невыносимой тоски... И исчезли. И все исчезло. Все, кроме струйчатого текучего мрака да еле слышного полустона-полускрипа: «Помогу тебе... Помогу-у-у-у...»

Парень подхватился с тихим вскриком.

А вокруг наливалась звездным сиянием тихая светлая ночь, роса хрустальной пылью легла на возы, траву, снопы, и от ее чистого ледяного мерцания Олесево сердце угомонилось, прекратило бешеные свои прыжки. Ведь ничего не случилось. Засыпая, маялся тоскливыми мыслями — вот и привиделось черт-те что. А теперь... Куда сон — туда и сонные страхи.

Рядом что-то тихонько зашуршало. Хлопец от неожиданности шарахнулся, крепко ушибившись затылком о колесо. Хотел было оглянуться — не успел. Потому что головы его коснулась теплая ласковая ладонь, и над самым ухом прошепестело чуть слышно:

— Глупенький мой, бедненький... Очень больно?

Олесь молчал. Он просто не мог заставить себя поверить в происходящее. А Оксана, воровато зыркнув по сторонам, опустилась на корточки перед парнем, и он увидел крохотные свои отражения в серых омутах ее глаз.

— Ну, чего побледнел, чего испугался? — Ее смех был прозрачен и чист, будто радостный родничок пробился сквозь камни на божий свет. — Думаешь, я слепая? Думаешь, не замечаю, как ты сохнешь да мучишься, как смотришь на меня? Вижу, все вижу. И тем вечером, когда ты в

осоке прятался, подглядывал — тоже видела. Так надеялась, что решишься, что подойдешь... А ты, дурачок, испугался чего-то. Жаль. Уже б тогда все твоим стало... Ну, ничего, оно к лучшему получилось. Потому что без долгого ожидания — то не интересно...

Олесь с трудом разлепил засохшие губы, спросил хрипло:

— А что же ты за Петра пошла?

— Родители присиловали, — пожала плечами Оксана. — Да и к тебе ближе хотела быть... — Она вдруг перекатилась-перетекла на колени, придвинулась. — Ну, хватит уже, не клякни. Ты ж мечтал — так вот она, твоя мечта. Хочешь, помогу?

Пальцы ее нащарили Олесеви руки, обхватили запястья, властно потянули к себе... Парень ощутил две тугие округлости, так и рвущиеся на волю сквозь тонкое полотно беленой сорочки... Ощутил и удивился, как удобно легли в ладони эти нежные холмики — словно были созданы именно для него. А руки, будто бы решив жить собственной волей, соскользнули, прокрались под Оксанину сорочку, ласкали крепкие горячие бедра, тонкий стан, что уже выгибался в сладких судорогах, клонился к земле...

Все-таки Олесь в наипоследнейший миг опаматовал, отпрянул.

— Ты чего? — Губы Оксаны искривились, как у обиженного ребенка. — Робеешь? Или...

Парень тяжело дышал, смотрел в сторону, до хруста, до боли выворачивая шею, лишь бы вновь не запнуться взглядом о желанное тело, не провалиться опять в чаровную ласковую трясину...

— Не могу. Нехорошо это. Будто крадем. Петро же мне брат!

— Петро? — И опять словно бы зазвенел рядом хрустальный родник. — Дурачок ты мой... Ишь, кого пожалел! Крадем... Да он же сам чуть не полсела обокрал! Или ты боишься его? Не бойся! Вот, глянь! — В ее руке вдруг серебристо взблеснул жниварский серп. — Я знаю, где у человека проходит сонная жила. А утром скажу, будто спал он маятно, крутился все, перекачивался — вот небось и накололся шеей. Поверят!

Олесь сперва не понял, о чем речь, а когда сообразил наконец...

— Так вот ты какая! — Он отшатнулся, натолкнулся на колесо, вдавился в него спиной. — Убирайся, змеюка! Прочь! Все отцу расскажу, все!

Оксана медленно поднялась с земли, приблизила к белому лицу перепуганного хлонца влажный блеск своих как-то по-странному омертвевших глаз. Огромные глаза, серые, блестящие, но где-то в самой их глубине притаились рыжие пятнышки — словно бы чистое железо легонько тронула ржа...

* * *

Утром Олесь никак не могли докликаться к завтраку, и отец бормотал что-то про жалких пащенков, ни к чему не пригодных после первого же дня настоящей хлеборобской работы. А когда Петро, потеряв терпение, сунулся тормозить своего младшего брата, открылось страшное. Верно, парень ночью спал беспокойно, вертелся — и накололся шей на серж, по-дурацки брошенный кем-то неподалеку. Вот же ж судьба проклятая — крохотная такая ранка, почти царапина, а человека не стало...

Жнива, конечно, покинули. Пускай себе высыпается, пускай хоть сторит клятое жито, если за него приходится платить сыновой жизнью. Волю не хотели спешить, и Петро, погоняя, ругался ужасными словами; бабы голосили; отец скрипел зубами и черной от въевшейся земли ладонью смахивал слезы с черных от солнца скул... И, конечно, никто не заметил нелепый след, вскоре пересекавший дорогу. Странный след — будто оставивший его человек на каждом шагу по щиколотку вгрузал в землю, до каменной твердости запеченную августовским безжалостным солнцем. И, конечно же, за скрипом колес и женским плачем никто не расслышал тихого полускрежета-полустона:

— Помогу вашей беде! По-мо-гу-у-у!

СОДЕРЖАНИЕ

Ника Батхен Господа сновидений	5
СОХРАНЯЯ БУКВУ	15
Елена Хаецкая ЦАРИЦА ВОД И ОСЬМИНОВ	17
Алексей Лебедев Из цикла «ЛЕГЕНДЫ АРКХЭМА»	84
Владимир Аренев ВКУС К ЗНАНИЯМ	136
Борис Лисицын СВИТОК НААФРАНХА	148
Борис Лисицын НАДТРЕСНУТЫЙ КОЛОКОЛ	181
Борис Лисицын ЛИЛОВАЯ МГЛА	218
Шимун Врочек ВЫСОКИЙ ПРЫЖОК	247
Вадим Калашов ТАЙНЫЕ ОХОТНИКИ	274
Василий Владимирский ВТОРОЙ ШАНС	285
Виталий Слюсарь ИСЧЕЗНОВЕНИЕ РОБЕРТА ХЭММИТА	287
Павел Молитвин ЯВЛЕНИЕ КТУЛХУ	301

СОХРАНЯЯ ДУХ	409
Мария Галина	
ДАГОР	411
Сергей Доброхлеб	
ПЫЛЬ ТЫСЯЧИ ДОРОГ	488
Николай Калининченко	
БОЛЬНИЧНЫЙ АИСТ	509
Юрий Гаврюченков	
ПРОВАЛ	520
Карина Шаинян	
БОЛОТО ИССОГ	526
Ярослав Веров	
НЕМЕЦКАЯ СКАЗКА	535
Леонид Смирнов	
ВЫСШАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ	558
Федор Чепко	
РЖАВАЯ СУДЬБА	566

Литературно-художественное издание

ВОЗВРАЩЕНИЕ КТУЛХУ

Руководитель проекта Денис Лобанов

Ответственные редакторы Василий Владимирский, Павел Молитвин

Редактор Ольга Пинчук

Художественный редактор Антонин Каллас

Технический редактор Татьяна Раткевич

Корректоры Ирина Киселева, Татьяна Никонова,

Ксения Зобова, Елена Орлова

Верстка Степана Долбнина

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 23.07.2008.

Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Гарнитура «Петербург». Тираж 10 000 экз.

Усл. печ. л. 30,2. Изд. № 91. Заказ № 10555.

Издательский Дом «Азбука-классика».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии StP

в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Вернется ли Ктулху?

Этот вопрос настолько волнует общественность, что на одной из пресс-конференций В. В. Путина спросили, как он относится к Ктулху.

Что произойдет, когда спящий в океанских глубинах исполин проснется и попытается вернуть себе прежний статус Владыки Сущего?

Отечественные авторы предлагают свои версии возвращения в наш мир некогда всесильного, внушающего ужас существа, созданного воображением Говарда Филиппа Лавкрафта почти сто лет назад. Мифологию Лавкрафта успешно использовали в своих произведениях Август Дерлет, Фриц Лейбер, Роберт Шекли и другие известные писатели. По мотивам его произведений снято более двух десятков художественных фильмов: «Дагон», «Холодный воздух», «Шоггот на крыше» и т. д.

«Ктулхиана» растет с каждым годом, и вклад в нее наших авторов, безусловно, порадует как поклонников творчества Лавкрафта, так и тех, кто еще не имел счастья познакомиться с ним.

ИТАК, КТУЛХУ ВЕРНУЛСЯ.

Приятных встреч с подводным монстром!

ISBN 978-5-395-00091-0

9 785395 000910

www.azbooka.ru